

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
DIALOGUE WITH TIME

**Intellectual History
Review**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History
6

**URSS
Moscow, 2001**

Будем же измерять время
мерой духовной!
(Р.Эмерсон)

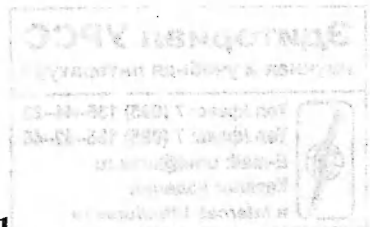
ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

6

УРСС
Москва, 2001

Главный редактор
Л.П.РЕПИНА

Редакционная коллегия:

М.С.БОБКОВА, П.П.ГАЙДЕНКО, И.Н.ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.И.ЗВЕРЕВА,
С.Я.КАРП, М.С.ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е.И.ПИВОВАР,
В.И.УКОЛОВА, С.А.ЭКШТУТ, А.Л.ЯСТРЕБИЦКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук М.П.АЙЗЕНШТАТ
кандидат исторических наук А.Г.СУПРИЯНОВИЧ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории.
Вып. 6. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 400 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. Vol. 6. Moscow:
Editorial URSS, 2001. — 400 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Эдиториал УРСС

научная и учебная литература

Тел./факс: 7 (095) 135-44-23

Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

E-mail: urss@urss.ru

Каталог изданий

в Internet: <http://urss.ru>

ISBN 5-8360-0288-6

- © Коллектив авторов, 2001
- © Институт всеобщей истории РАН,
1999 (год основания), 2001
- © Эдиториал УРСС, 2001

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л.П.Репина

Современная историческая культура и интеллектуальная история

На рубеже веков и тысячелетий происходит обновление не только профессиональной историографии, но шире – исторической культуры. Этот процесс, разумеется, не автономен: он развивается на фоне кризиса новоевропейского рационализма, который проявляется, прежде всего, в отказе от классического детерминизма, от поисков всеобщих закономерностей, от притязаний на объективность и постижение истины.

На протяжении всего XX столетия мир изменялся с невиданной до этого времени стремительностью, и огромную роль в этих радикальных переменах сыграл научный прогресс. Но изменения затронули и статус самой науки: сначала сконцентрировав на ней все надежды человечества и возведя на высокий пьедестал в системе общественных ценностей, а к концу века – поставив под сомнение основополагающие критерии и ориентиры этого вида деятельности. Во всех науках на первый план анализа вместо закономерностей и регулярностей выходит изучение индивидуального, уникального, случайного. В условиях постмодернистского вызова постепенно формируется новая модель мира, в современном социогуманитарном знании идет напряженный интеллектуальный поиск: новая ситуация требует качественно иного концептуального аппарата, способов анализа и генерализации.

Акцентируя роль языка, нарративных структур и эстетическую функцию истории, отождествляя ее с литературой и искусством, указывая на фрагментарность и непознаваемость прошлого, отрицая различия между субъективным и объективным и попытки увязать историческое повествование в стройную единую концепцию, постмодернистское мышление поставило под сомнение само понятие исторической реальности или, по меньшей мере, возможность «прорыва» к ней сквозь толщу языковых и текстовых опосредований. И все же – обостряя накопившиеся проблемы, разрушительная, по своей сути, постмодернистская программа расчищает новые пути исторического познания мира. Может быть, пора вести речь об – условно говоря – пост-постмодернистском проекте? Хотя процесс вы-

работки новой парадигмы истории взамен рухнувшей оказался чрезвычайно сложным и противоречивым, остается несомненным одно: наиболее обнадеживающие перспективы открываются в тех направлениях, которые ставят во главу угла категорию культуры. Это приводит к новому пониманию задач, а следом и к качественным изменениям в предметном поле, концептуальном аппарате и методологической базе исторического исследования, то есть, по всем критериям, идет становление новой науки, *новой культурной истории*. Не удивительно, что процесс трансформации многими воспринимается как затянувшийся кризис.

С культурологическим пафосом всей историографии рубежа веков связан и тот «культурный поворот», который происходит в домене интеллектуальной истории. И это естественно: когда новейшая историография подхватила вызов, брошенный «интерпретативным поворотом» символической антропологии и «лингвистическим поворотом» постструктурализма, анализ опосредований между исследователем и изучаемой им исторической реальностью стал центральным и в культурной, и в интеллектуальной истории. Собственно, признание активной роли языка и дискурсивных стратегий в созидаании и описании исторической реальности стало базовой характеристикой общих теоретических и методологических принципов, разделяемых новой культурной и интеллектуальной историей.

Под объединяющим влиянием культурной антропологии и теоретического литературоведения сфера интересов интеллектуальной истории, изучавшей творческое мышление и новаторские идеи интеллектуалов, распространилась на проблематику, охватывающую аспекты культуры в ее антропологическом понимании, на категории сознания, мифы, символы, языки, в которых люди осмысляют свою жизнь. Проект «новой культурно-интеллектуальной истории» включает в исследовательское поле интеллектуальной истории анализ мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума, всех форм, средств, институтов интеллектуального общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с «внешним» миром культуры.

Современная историографическая ситуация создает огромное новое исследовательское поле для интеллектуальной истории, прежде всего, в направлении, связанном с историей исторической культуры, которая включает в себя весь комплекс представлений о прошлом и способов его репрезентации. Как известно, постмодернистская программа, в значительной степени, сосредоточила внимание на изменчивости представлений о прошлом, на роли исторической концепции, которая интерпретирует исторические тексты, исходя из современных предпосылок и действует как силовое

поле, организующее хаотический фрагментарный материал. Несомненно, постоянный поиск «новых путей» в истории обусловлен столь же постоянным изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому из нашего настоящего. Но в результате крутого поворота в историографии последней трети XX века появилось и новое отношение к документам, в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность. При отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью, мы лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком контексте, в комплексной картине исторического опыта, включающей самые разные его интерпретации. В субъективности источников, которые мы изучаем, отражены взгляды и предпочтения, система ценностей людей – авторов этих свидетельств или исторических памятников.

Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некоей социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который «искажает информацию о действительности», не перестает быть историческим источником даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций.

Как люди воспринимали события (не только их личной или групповой жизни, но и Большой истории), современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, каким образом хранили информацию об этих событиях – все это представляет огромный интерес. Речь идет не о сознательных искажениях (хотя и о них тоже нельзя забывать), а о системе восприятия людьми того, что они наблюдают. Реальность преломляется их сознанием, и ее искаженный, односторонний или расплывчатый образ запечатлевается в их памяти как истинный рассказ о происшествии. И все же, с учетом механизма переработки первичной информации в сознании свидетеля, это не может быть непреодолимым препятствием для работы историка.

Параллельно с указанными процессами происходят существенные изменения в понимании предмета истории идей и духовной жизни общества (поворот от «презентизма» к «антикваризму»). В презентизме, представляющем собой ретроспективный подход в истории идей, речь, по существу, идет об актуализации лишь тех сторон прошлой духовной жизни, которые имеют ценность в сегодняшней действительности. Современное переосмысление обязательно привносит в прошлый текст такое мыслительное содержание, которое прежде отсутствовало, то есть «модернизирует» его. Со-

вершенно иной вариант – анализ духовных явлений с точки зрения их роли в жизни прошлого, то есть собственно *историческое* исследование, с помощью методов, которые позволяют охарактеризовать идеи прошлого во взаимосвязи с конкретными обстоятельствами, их породившими. Именно такие приоритеты характерны для современной парадигмы интеллектуальной, или культурно-интеллектуальной истории, которая исходит из понимания неразрывного единства категорий сознания и категорий мышления в историческом анализе человеческой субъективности.

Более того, новое качество исторической субъективности во многом связывается с подвижками в системе ценностей, в ценностных ориентирах, наиболее яркими выразителями которых становятся, как правило, крупные мыслители. Фактически в современной культурно-интеллектуальной истории реализуется комплексная программа обновленной методологии истории, которую наметил еще в 1991 г. выдающийся французский историк Жак Ле Гофф. Он видел ее в перспективах развития следующих трех направлений: 1) истории интеллектуальной жизни, которая представляет собой изучение навыков мышления; 2) истории ментальностей, т.е. коллективных автоматизмов обыденного сознания; 3) истории ценностных ориентаций. Эта триада *«идей», «стереотипов»* и *«ценностей»* позволяет охватить динамику исторического развития духовной сферы как на макро-, так и на микро-уровне – в историческом анализе творческого наследия того или иного мыслителя.

Научная программа созданного в 1998 г. Центра интеллектуальной истории и издаваемого им альманаха «Диалог со временем» строится на основе того нового понимания предмета и задач современной интеллектуальной истории, о которых уже не раз говорилось. С 1999 г. были подготовлены и вышли в свет пять выпусков нашего издания, посвященного проблемам интеллектуальной истории. Его тематический диапазон охватывает историю идей и идеологий, философской, религиозной, общественной и политической мысли, естественных, социальных и гуманитарных наук, историю историографии и историю литературы и т.д.

Основные направления исследовательского поиска отражены в постоянных и периодических рубриках: «Из истории идей и представлений», «Идея времени», «Идея империи», «Интеллектуальные традиции», «Интеллектуальная история сегодня», «Интеллектуальная культура античности и средневековья», «История религиозности», «Интеллектуалы и общество», «Из истории политической мысли», «История и политика», «История и память», «История и

философия», «Из истории наук о природе и обществе», «Из истории исторической мысли», «Из истории гуманитарного знания», «Проблемы исторического знания», «Историческое знание и историческая наука», «История и биография», «Историки об историках», «История и литература», «Эстетика истории», «Теория и метод в историческом познании», «Поиск альтернатив», «Историография на пороге XXI века», «Перекрестки постмодернизма», «Переводы и публикации» и др.

Исследовательская деятельность Центра интеллектуальной истории определяется его сквозной (от Античности до Новейшего времени) генеральной программой «Традиции и творцы европейской интеллектуальной культуры», целью которой являются междисциплинарные исследования творческой деятельности и интеллектуальных процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания на базе интеграции истории идей, социально-интеллектуальной истории и микроаналитических подходов «новой культурно-интеллектуальной истории». В рамках этой программы ставится также широкий круг проблем истории историографии и исторической культуры, современного состояния исторической науки в целом и, в частности, постмодернистских тенденций в исторической эпистемологии (постоянно действует семинар «Интеллектуальная история и современная историческая наука»).

Ведется работа над коллективными исследовательскими проектами «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь в Западной Европе нового времени», «Социальная память и историческая культура средневековой Европы» и «Интеллектуальная история в гендерном измерении», ориентированными на сравнительно-историческое исследование интеллектуальных процессов в крупнейших странах Западной Европы. Все проекты носят комплексный характер и имеют в своей основе методологию, которая ориентирована на комбинацию микро- и макро-подходов и позволяет рассмотреть изучаемый феномен в трех аспектах: социальном, культурном и индивидуально-психологическом. Особое внимание уделяется взаимодействию интеллектуальных систем и обыденного сознания, а также творческой роли индивидов в формировании новых коллективных стереотипов.

Продолжаются семинарские циклы «Историческая память и историческое сознание» и «Исторический текст и его интерпретация» и работа над подготовкой нового серийного издания «Возвращаясь к источнику: интеллектуальная история в текстах и переводах». Поддерживаются регулярные научные контакты с созданным в 1994 г. Международным обществом по изучению интеллектуальной истории (*International Society for Intellectual History – ISIH*), которое ставит своей целью наладить связь и взаимодействие между историками,

занимающимися интеллектуальной историей, и специалистами из смежных дисциплин, таких как история естественных, социальных и гуманитарных наук, религии, философии, политологии, литературы, искусства, музыки. В настоящее время Общество объединяет ученых из разных стран всех континентов. Центр интеллектуальной истории ИВИ РАН стал его коллективным членом в 2000 г.

20-22 ноября 2000 г. состоялась Вторая ежегодная конференция, организованная Центром интеллектуальной истории: Межрегиональная научная конференция «Преимственность и разрывы в интеллектуальной истории»¹, в которой приняли участие ученые и преподаватели из восемнадцати регионов России. На конференции было принято решение о конституировании Российского общества интеллектуальной истории, на которое возложена задача создать все условия для налаживания научного обмена, укрепления и координации межрегиональных связей, для реализации долгосрочных исследовательских проектов и образовательных программ в области интеллектуальной истории в России.

¹ Подробную информацию см.: Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып.4. М., 2001. С.5-11. Этот специальный тематический выпуск альманаха был целиком посвящен итогам конференции.

ПРОШЛОЕ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

С.А.Экштут

«И в этой минуте должно быть все...»

Картина Н.Н.Ге «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» решительно не повезло. Показанная на открывшейся 21 января 1874 года 3-й Передвижной художественной выставке в Петербурге картина не имела успеха. Ее не поняли и не смогли оценить современники – ни из числа зрителей, ни из числа журналистов: отзывы в прессе были откровенно недоброжелательными и обидно снисходительными. И в наши дни биографы художника о картине упоминают вскользь, считая, что она писалась к «случаю», и полагая ее творческой неудачей мастера. Ситуация осложняется тем, что полотно хранится в фондах, а не в основной экспозиции Государственной Третьяковской галереи, что делает эту картину практически недоступной для исследователей. А она достойна как специальных изысканий, так и внимания зрителей.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что художник при написании «Екатерины II у гроба императрицы Елизаветы» основательно подошел к изучению источников – мемуарных и изобразительных, – круг которых можно восстановить с исчерпывающей полнотой. К ним следует отнести издания Вольной русской типографии Герцена и Огарева в Лондоне: «Записки императрицы Екатерины II», «Записки княгини Е.Р.Дашковой» и памфлет князя М.М.Щербатова «О повреждении нравов в России». До сих пор никто не обратил на это ни малейшего внимания. Кроме этих запрещенных в России книг художник использовал при работе над картиной несколько портретов XVIII столетия. «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» – не просто живописное полотно на историческую тему, это – результат кропотливых изысканий, принятых в то самое время, когда подавляющее большинство выпускников Императорской Академии художеств, даже из числа исторических живописцев, не были знакомы с гимназическим курсом русской истории. Николай Ге ощутимо выделялся среди них исключительно высоким уровнем образования и общей культуры. В историческом живописце чувствовался бывший студент математического отделения философского факультета Киевского и Петербургского университетов, а у его картины есть как своя математическая формула, так и своя философия историй, истоки которых легко обнаружить на первой же странице лондонского издания «Записок Екатерины II»:

«Счастье не так слепо, как обыкновенно думают. Часто оно есть ничто иное, как следствие верных и твердых мер, не замеченных толпою, но, тем не менее, подготовивших известное событие. Еще чаще оно бывает результатом личных качеств, характера и поведения.

Чтобы лучше доказать это, я построю следующий силлогизм:

ПЕРВАЯ ПОСЫЛКА: качества и характер.

ВТОРАЯ ПОСЫЛКА: поведение.

ВЫВОД — счастье или несчастье.

И вот тому два разительных примера:

ПЕТР III — ЕКАТЕРИНА II»¹.

Такова суть историософской концепции Екатерины II. Императрица, сознательно игнорируя моральный аспект проблемы, пыталась логически безупречно обосновать закономерный характер как собственного счастья, так и, одновременно, несчастья бывшего супруга. Понятно, о каком «известном событии» идет речь. Это государственный переворот, совершенный Екатериной и стоивший ее мужу Петру III короны и жизни. В лондонском издании «Записок» о самом перевороте ничего не сказано. По словам издателя,

«мемуары не доведены до конца, ни даже до главной катастрофы. Как будто великая женщина сама поддалась гнусностям, столь живо ею изображаемым; она действительно приняла участие во всех интригах двора, превышая своих противников уже только умом и ловкостью, а не нравственным достоинством»².

Герцен, приняв первую посылку рассуждений императрицы, отказался принять вторую: он высоко оценил личные качества и характер автора «силлогизма», но решительно осудил поведение Екатерины и отказал ей в нравственной правоте. Вывод получился парадоксальный: с одной стороны, «великая женщина», с другой — государыня, которая «сама поддалась гнусностям», великая властительница, лишенная «нравственных достоинств».

Н.Н.Ге был лично знаком с лондонским изгнанником и еще в марте 1867 г. написал «для потомства» его портрет, который впоследствии неоднократно повторял³. Слова Герцена оказались созвучны умунастроению художника и, поэтому, получили свое живописное воплощение. Проблема нравственного достоинства исторической личности постоянно волновала Николая Николаевича. В одном месте своих «Записок» (в 1892 г.) он написал:

«Две картины: "Петр I с царевичем Алексеем" и "Екатерина II во время похорон императрицы Елизаветы", измучили меня. Исторические картины тяжело пи-

¹ Записки императрицы Екатерины II. London, 1859. С.1 // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И.Герцена и Н.П.Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное издание. М.: Наука, 1990.

² Там же. С.VI.

³ Николай Николаевич Ге. Выставка произведений. Москва 1969. Каталог. 1831-1894 / Сост.: Н.Ю.Зюграф. М.: Сов. художник, 1969. С.35.

сать, такие, которые бы не переходили в исторический жанр. Надо делать массу изысканий, потому что люди в своей общественной борьбе далеки от идеала. Во время писания картины "Петр I и царевич Алексей" я питал симпатии к Петру, но затем, изучив многие документы, увидел, что симпатии не может быть. Я взвинчивал в себе симпатию к Петру, говорил, что у него общественные интересы были выше чувства отца, и это оправдывало жестокость его, но убивало идеал...»⁴.

Хотя и для Герцена, и для Ге Екатерина II была «далека от идеала» и не заслуживала оправдания, художник не стремился осудить государыню. Он хотел понять, что же произошло в России в далеком 1762 году, когда непримиримо чужими людьми стали *супруги*, – и Екатерина Алексеевна захватила власть, по праву принадлежавшую ее мужу. **«Мне хотелось изобразить здесь рознь между Екатериной II и Петром III»**⁵. Для этого мастер избрал эпизод, подробно описанный княгиней Дашковой и самой Екатериной, уверявшими, что сразу же после кончины императрицы Елизаветы Петровны, которая последовала 25 декабря 1761 г., ее племянник Петр III предался безудержному веселью и не спешил отдать последний долг усопшей.

Екатерина II: «Сей был вне себя от радости и оной ни мало не скрывал, и имел совершенно позорное поведение, кривляясь всячески, и не произнося кроме вздорных речей, не соответствующих ни сану, ни обстоятельствам, представляя более не смешного Арлекина, нежели инаго чево, требуя, однако всякое почтение»⁶.

Княгиня Е.Р.Дашкова: «Все придворные и знатные городские дамы, соответственно чинам своих мужей, должны были поочередно дежурить в той комнате, где стоял катафалк; согласно нашим обрядам, в продолжение шести недель священники читали Евангелие; комната была вся обтянута черной материей, кругом катафалка светилось множество свечей, что в связи с чтением Евангелия придавало ей особенно мрачный, величественный и торжественный вид. Императрица приходила почти каждый день и орошала слезами драгоценные останки своей тетки и благодетельницы. Ее горе привлекало к ней всех присутствующих. Петр III являлся крайне редко, и то только для того, чтобы шутить с дежурными дамами, подымать на смех духовных лиц и придираться к офицерам и унтер-офицерам по поводу их пряжек, галстуков или мундиров»⁷.

А Екатерина, на глазах у всего двора, уже на третий день, надев срочно пошитое черное платье, поспешила к траурному катафалку. Художник избрал для своей картины тот краткий миг, когда Екатерина и Петр, неожиданно встретившись в дворцовых коридорах, расходятся в разные стороны.

⁴ Николай Николаевич Ге: его жизнь, произведения и переписка / Сост. В.Стасов. М., 1904. С.239.

⁵ Там же. С.246.

⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С.525.

⁷ Дашкова Е.Р. Записки. 1743-1810. Л.: Наука, 1985. С.23.

«Картина не слово. Она дает одну минуту и в этой минуте должно быть все – а нет – нет картины»⁸.

Развитие действия на холсте происходит в роскошном дворцовом пространстве, насыщенном незатухающими интригами. Исторический сюжет трактуется как психологическая драма императорской семьи, и внутренняя логика изображенного события – вольно или невольно – вынуждает придворных принять участие в проистекающем на их глазах действе. «По психологической насыщенности, сложности и драматизму образов Ге трудно найти равных ему»⁹.

Мастер сознательно подчеркивает резкий психологический контраст между царственными супругам. Изображенный художником со спины, новоявленный император в нарядном белом мундире прусского образца поспешно удаляется, а облаченная в траурные одежды его супруга торжественно и скорбно приближается к недоступному взору зрителей гробу Елизаветы. При беглом взгляде на полотно Екатерина Алексеевна кажется одинокой и брошенной как самим императором, так и большинством устремившихся за ним придворных. Мы видим лишь высокого и статного лейб-компанца, несущего почетный караул у тела усопшей и отдающего честь Екатерине. Фигура Петра III – это фигура третьего плана, но на нее падает прямой солнечный свет, поэтому яркое пятно императорского мундира отчетливо видно зрителю. Екатерина II находится на первом плане: она – главное действующее лицо всей композиции, однако ее лицо освещено лишь мерцающими свечами, а траурное платье едва различимо на фоне темных обоев. Зато хорошо видна широкая орденская лента из красного муара, надетая Екатериной через правое плечо. Женский орден святой Екатерины был пожалован ей императрицей Елизаветой 9 февраля 1744 г. – в день рождения великого князя Петра Федоровича, когда скромная немецкая принцесса София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская прибыла в Москву в сопровождении матери, чтобы стать невестой наследника российского престола.

В Государственной Третьяковской галерее хранится «Портрет Екатерины II в трауре» кисти придворного живописца Вигилиуса Эриксона,

⁸ Н.Н.Ге – Т.Л.Толстой. 15 декабря 1892 г. // Николай Николаевич Ге. Письма, статьи, критика, воспоминания современников. / Вступ.ст., сост. и прим. Н.Ю.Зограф. М.: Искусство, 1978. С.176 (Мир художника). С известной односторонностью и полемической заостренностью И.Е.Репин так истолковал творческие принципы Ге: «И в самых средствах искусства он отвергал большие специальные познания, строгость и тщательность выполнения. Он признавал обязательным только смысл картины и силу впечатления, а все прочее считал излишним мудрствованием специалистов. ...С большой верой в свое воображение он писал, что называется, от себя и не переносил никаких замечаний, преследуя в своих созданиях только главную суть: идею и впечатление». – Там же. С.269, 273.

⁹ *Верещагина А.Г.* Историческая картина в русском искусстве. Шестидесятые годы XIX века. М.: Искусство, 1990. С.135.

датируемый 1762 годом. На нем Екатерина изображена полновластной императрицей с голубой лентой ордена святого Андрея Первозванного. Николай Ге использовал этот портрет в качестве изобразительного источника при работе над своей картиной: выполненная с этого портрета гравюра была в 1866 г. приложена к журналу «Русский Архив». Ге тщательно воспроизвел траурный костюм императрицы: головной убор со шнипом, полностью закрывающий волосы, и платье с широкими белыми полосами – плезазами, заменив, однако, голубую Андреевскую ленту красной Екатерининской. Этот факт неопровержимо свидетельствует: мастер прекрасно знал «Записки княгини Е.Р.Дашковой». Именно княгиня поведала миру о том, что лишь в день переворота Екатерина *впервые* надела голубую ленту¹⁰. На «Портрете великой княгини Екатерины Алексеевны», созданном веронским живописцем Пьетро Ротари около 1761 года, хорошо видно, что сначала художник изобразил свою модель с Екатерининской лентой. И лишь спустя некоторое время после дворцового переворота, поверх красной ленты была нарисована голубая, причем нарисована довольно грубо и поспешно: первоначальный живописный вариант отчетливо проступает под слоем позднейших изменений. Так муаровая орденская лента стала выразительной и говорящей деталью исторической картины. Даже в этой мелкой и, на первый взгляд, незначительной детали художник демонстрирует зрителю глубину своего авторского замысла и основательность своих познаний.

Однако пора уже представить зрителю всех персонажей, дабы восполнить существующий в литературе пробел: ни искусствоведы, ни историки не озаботились тем, чтобы их идентифицировать, а ведь без этого невозможно понять существо отображенного мастером эпизода и рационально обосновать суть воззрений Ге на ход российской истории. В толпе придворных обращает на себя внимание старик вельможа с голубой Андреевской лентой через плечо, низко кланяющийся императору. Это генерал-фельдмаршал и генерал-прокурор князь Никита Юрьевич Трубецкой – лукавый Полоний, взросший на российской почве. Сама эта сцена навеяна «Записками княгини Е.Р.Дашковой»:

«Мне надо было проходить рядом комнат, где толпились другие придворные; я заметила странную перемену в костюмах; это был настоящий маскарад. Трудно было не улыбнуться, когда я увидела князя Трубецкого, старика, по крайней мере, семидесяти лет, вдруг принявшего воинственный вид, и, в

¹⁰ «Заметив, что императрица была украшена лентой Св. Екатерины и еще не надела Андреевской, – высшего государственного отличия, (женщина не имела права на него, но царствующая государыня, конечно, могла украситься им), я подбежала к Панину, сняла с его плеч голубую ленту, и надела ее на императрицу, а ея Екатерининскую, согласно с желанием ея положила в свой карман». – Записки княгини Е.Р.Дашковой, писанные ею самой. Л., 1859. С.57 // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии...

первый раз в его жизни, затянутого в полный мундир, перевязанного галунами подобно барабану, обутого в ботфорты с шпорами, как будто сей-час готовился вступить в отчаянный бой»¹¹.

Можно понять, почему художник ввел князя Никиту Юрьевича в число персонажей. Это – знаковая фигура эпохи непрерывных дворцовых переворотов. Князь Михаил Михайлович Щербатов в своем памфлете «О повреждении нравов в России» дал исключительно выразительный портрет князя Трубецкого: «Человек умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительный...»¹². Щербатов отлично знал, что этот человек во времена своей молодости безропотно терпел оскорбления от князя Ивана Алексеевича Долгорукова, фаворита императора Петра II¹³. Князь Иван Долгоруков закончил свою жизнь на плахе, а князь Никита Трубецкой сумел удержаться на службе у восьми государей – от Петра I до Екатерины II. Царедворец, постоянно говоривший о том, как он рад воцарению Петра III, изменил государю в первые же часы переворота и перешел на сторону Екатерины II. Именно ему императрица поручила быть маршалом на своей коронации в Москве. А в наши дни парадный портрет генерал-прокурора князя Трубецкого украшает Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

За императором Петром III следуют две облаченные в траур придворные дамы: графиня Прасковья Александровна Брюс и графиня Елизавета Романовна Воронцова, фаворитка императора. Вслед за ними шествует родной дядя фаворитки – канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов, в свое время деятельно содействовавший возведению Елизаветы Петровны на престол. «Отъявленный лицемер, он то и служил тому, кто больше давал; нет двора, который бы ему не платил»¹⁴. Выбор художником этих дам и канцлера в качестве действующих лиц исторической картины нельзя назвать случайным. Борьба придворных группировок прошла через их семьи. Родной брат графини Брюс, будущий великий полководец граф Петр Александрович Румянцев, командовал армией в Померании и был убежденным сторонником Петра,

¹¹ Записки княгини Е.Р. Дашковой... С. 30.

¹² О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и Путешествие А.Радищева. London: Trbner & Co., 1858. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983. С. 56 (факсимильной пагинации).

¹³ «В пример сему, ко стыду того века, скажу, что сплублился он (И.А. Долгоруков – С.Э.), иль лутче сказать взял на блудодеяние себе, и между прочими жену К[нязя] Н.Ю.Т[рубецкого], рожденную Головкину, и не токмо без всякой закрытности с нею жил, но при частых съездах у К[нязя] Т[рубецкого] с другими своими молодыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругивал мужа, бывшего тогда офицером кавалергардов имеющего чин генерал-майора, и с терпением стыд свой от прелюбодеяния своей жены сносящего». – Там же. С. 39 (факсимильной пагинации).

¹⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 693.

за что после государственного переворота некоторое время оставался не у дел и едва не поплатился карьерой. А его сестра стала впоследствии ближайшей подругой императрицы, но не сумела сохранить привязанность Екатерины: «Графиня Прасковья Александровна, долгое время ее любимица и друг наконец была от двора отогнана и с печали умерла»¹⁵. На графине Елизавете Воронцовой, «дурной и глупой»¹⁶, Петр III собирался жениться; Екатерина должна была быть лишена трона и сослана в монастырь, и это намерение императора ощутимо увеличило ряды недовольных. К их числу принадлежала и родная сестра графини – княгиня Дашкова, которая стала активным участником дворцового переворота. Но это не принесло княгине Екатерине Романовне благоволения императрицы Екатерины и счастья. Сразу же после переворота Екатерина начала ею тяготиться: слишком велика была роль княгини в низложении законного государя. Взойдя на престол, Екатерина отправила Елизавету Воронцову в подмосковную деревню отца, лишила ее придворного звания и ордена св. Екатерины. Канцлер граф Воронцов получил отставку. В 1764 г. Дашкова овдовела и была вынуждена надолго уехать за границу. В конце жизни княгиня, познавшая горечь опалы и людской неблагодарности, вспомнила слова Петра III: «Дитя мое, – сказал он, – вам бы не мешало помнить, что водить хлеб соль с честными дураками, подобными вашей сестре и мне, гораздо безопаснее, чем с теми великими умниками, которые выжмут из апельсина сок, а корки бросят под ноги»¹⁷.

Но всё это было потом, а пока что девятнадцатилетняя женщина, чуждая корыстных расчетов семьи, к которой принадлежала по рождению, презрела узы крови и открыто приняла сторону Екатерины Алексеевны. На втором плане картины художник запечатлел только княгиню Екатерину Романовну, единственную из числа придворных сопровождающую Екатерину, но остановившуюся на мгновение, чтобы бросить презрительный взор на князя Трубецкого и императора с его свитой.

За княгиней Дашковой с едва заметной улыбкой наблюдает опытный дипломат граф Никита Иванович Панин – вельможа с голубой лентой и звездой ордена святого Андрея Первозванного. (Пройдет несколько месяцев, и, как мы знаем, Андреевская лента графа украсит императрицу Екатерину.) Этот старый куртизан и убежденный сторонник конституционной монархии слыл в свете любовником княгини Екатерины Романовны. Впрочем, некоторые называли его даже ее отцом¹⁸.

¹⁵ О повреждении нравов в России... С. 93-94 (факсимильной пагинации).

¹⁶ Там же. С. 77 (факсимильной пагинации).

¹⁷ Записки княгини Е.Р.Дашковой... С. 22. Сравни иной перевод: Дашкова Е.Р. Записки. С. 15.

¹⁸ Записки княгини Е.Р.Дашковой... С. 35.

Рядом с Паниным стоит гетман Малороссии граф Кирилл Григорьевич Разумовский: родной брат многолетнего фаворита и тайного супруга императрицы Елизаветы Петровны задумчиво обратил свой взор на удаляющуюся Екатерину Алексеевну, в которую некогда был тайно влюблен. И воспитатель наследника престола граф Панин, и командир лейб-гвардии Измайловского полка граф Разумовский были сторонниками Екатерины и способствовали ее возведению на престол. Художник композиционно подчеркнул это, объединив Дашкову, Панина и Разумовского в одну группу.

История предстает в ее незавершенности. Еще ничего не решено. Петр III вззошел на престол и творит сумасбродства. Но чаша весов уже качнулась в другую сторону. Ни Панин, ни Разумовский уже не смотрят в сторону законного государя и обратили свои взоры на его супругу, а презрительный взгляд юной княгини Дашковой открыто выражает то, о чем опытные царедворцы лишь помышляют. Впрочем, действовать предстоит не им. Статный лейб-компанец отдает честь Екатерине и как бы олицетворяет собой мощь гвардейских полков, которые через несколько месяцев низложат Петра III и возведут на престол Екатерину II. (Мастер слегка стилизовал его под Алексея Орлова – будущего убийцу свергнутого императора¹⁹.) Подданные Российской империи ничего не знают о том, что в эту минуту происходит в Зимнем дворце. Судьба страны решается в ограниченном пространстве дворцового интерьера. Екатерина приближается к человеку с ружьем.

Еще она не перешла порог,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь²⁰.

Теперь, когда мой рассказ о картине завершен, понятно, почему историческое полотно Ге не имело успеха. Причины неудачи можно свести в три основные группы.

Во-первых, мастер опирался на уже известные и вполне доступные восприятию современников мемуарные и изобразительные источники,

¹⁹ Лейб-компания была сформирована из гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, возведшей Елизавету Петровну на престол. На часах стоит лейб-компанец в «кавалергардском уборе». В кавалергарды обычно назначали самых рослых и видных из служивших в лейб-компании. Они носили шляпы с плюмажем и супервесты. В марте 1762 г. Петр III расформировал лейб-компанию – и 300 человек пополнили ряды недовольных. Исторический Алексей Орлов никогда не служил в лейб-компании и не стоял на часах у гроба Елизаветы, однако Ге в поисках, как он любил повторять, «живой формы» нередко *по памяти* передавал виденное лишь однажды. Именно так он воспроизвел с картины Жана Луи де Велли фигуру и весьма характерный энергичный жест Алексея Орлова. Портрет братьев Орловых кисти де Велли находится в настоящее время в Государственном Историческом музее.

²⁰ Тютчев Ф.И. Соч.: В 2-х тт. Т. 1. М.: Правда, 1980. С. 75.

но создал качественно новую реальность, превышающую возможный в то время уровень понимания хода истории. Эта принципиально *новая реальность* – реальность не только живописная, но и интеллектуальная – на столетие опередила свое время. Во времена Ге уже давно было утрачено непосредственное восприятие дворцовых переворотов в их незавершенности, а до осмысления альтернативного характера исторического процесса было еще довольно далеко, и никто не задумывался о существовании в истории точек бифуркации. Казалось, что случайность навсегда изгнана из философии истории и отдана на откуп историческим романистам.

Во-вторых, в самой композиции картины было нечто такое, что могло вызвать вполне обоснованные ассоциации с десятилетиями насаждавшимся Императорской Академией художеств «ученическим классицизмом», против которого именно в эти годы выступали художники-передвижники и сам Ге. Борьба против академической рутины стала важнейшей стилевой особенностью развития русской исторической живописи в 60-70-е годы XIX в. Согласно канону, знакомому любому выпускнику Академии, историческое полотно требовало обязательной пластической гармонии: персонажи второго и третьего планов объединялись художником в ясно читаемые группы, развивавшие и дополнявшие как друг друга, так и центральную группу первого плана, где традиция требовала изобразить главных действующих лиц²¹. С одной стороны, в композиции исторического полотна Ге можно отчетливо выделить три плана, что соответствовало академической традиции. С другой стороны, именно в данном конкретном случае традиционное стремление осмыслить любое историческое полотно с точки зрения выделения главных и второстепенных планов не имеет никакого смысла. Художник пренебрег традицией и полностью отказался от размещения главных персонажей в центре картины, ощутимо сместив главную группу из центра вправо. Изобразив Екатерину и лейб-компанца на первом плане, автор не стал использовать второй и третий план в качестве всего лишь декоративного фона для персонажей первого плана, что также противоречило традиции. Пожертвовав внешней уравновешенностью композиции, Ге сумел избежать важнейшего недостатка академической живописи – внутренней статичности персонажей. Для уяснения сути авторского замысла персонаж третьего плана князь Трубецкой не менее важен, чем изображенный на первом плане гвардеец. Но мысль об этом никому не пришла в голову.

²¹ Верещагина А.Г. Указ. соч. С. 86, 87, 91, 96, 135, 155, 156, 180. «Пластическая гармония, четкий ритм, внутреннее равновесие и замкнутость всей композиции были обязательны» (Там же. С. 155).

В-третьих, гласное обсуждение сюжета картины на страницах печати было исключено. Даже очень образованный зритель не мог без посторонней помощи идентифицировать персонажей художника с реальными историческими личностями XVIII столетия, о которых, впрочем, он тоже знал очень немного. И в 1874 г. никто не помнил тех подробностей и нюансов, что почерпнул автор при внимательном и заинтересованном чтении мемуаров, изданных Вольной русской типографией за полтора десятилетия до открытия Передвижной выставки. За эти 15 лет в стране отменили крепостное право и начали проводить Великие реформы, а царь Александр II пережил несколько покушений. Умер Герцен, задолго до смерти перестав быть властителем дум. Толстой, друг и многолетний корреспондент Ге, уже начал писать «Анну Каренину», но пока что не завершил работу, – и «мысль семейная» не стала еще всеобщим достоянием. В истории искали непреложные законы и видели результат деятельности не героических личностей, а народных масс. Русская культура вступила в последнюю четверть XIX века под знаком крепнущего пафоса демократизма. Эта тенденция вышла на первый план и в течение десятилетий оставалась доминирующей. Поэтому стремление живописца запечатлеть семейную драму августейшей фамилии, чтобы сквозь эту драму постичь ход российской истории, не вызвало ни сочувствия, ни понимания – и «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» могла быть воспринята зрителем только как досадный анахронизм.

Приложения

1. Герцен А.И. Предисловие к «Запискам императрицы Екатерины II» // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / Ред. М.К.Лемке. Т. IX. Петербург: Литературно-Издательский Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919.

С. 379-380.

Царствование Екатерины I было кратковременно. После нее корона продолжает переходить из рук в руки, по воле случая, с одной головы на другую: от бывшей ливонской кабатчицы к мальчишке (Петру II), от Петра II, умершего от оспы, к герцогине курляндской (Анне), от герцогини курляндской к принцессе мекленбургской, жене принца брауншвейгского, правившей от имени грудного ребенка (Ивана). От этого ребенка, появившегося на свет слишком поздно, чтобы царствовать, корона перешла к девушке, родившейся чересчур рано, – к Елизавете. Это она явилась представительницей законного начала!

Традиции были нарушены, прерваны; петровская реформа разъединила народ и государство; государственные перевороты, дворцовые революции не прекращались. Ничего не было прочного. Ложась спать, жители Петербурга никогда не знали, в чье царствование они проснутся. Да этими переменами жители и не особенно интересовались. В сущности, они касались лишь немногих немецких интриганов, ставших русскими министрами, немногих крупных вельмож, посевших в вероломстве и преступлениях, и Преображенского полка, который, подобно преторианцам, являлся распорядителем короны. Для других же ничто не меня-

лось. Говоря «других», я имею в виду лишь дворянство и чиновничество, ибо о безмолвной массе народа – народа придавленного, печального, оглушенного, немого, никто не беспокоился. Народ оставался вне закона, пассивно принимая те ужасные испытания, какие всеблагому Господу угодно было ниспослать ему. С своей стороны, он нисколько не интересовался призраками, которые нетвердыми шагами взбирались по ступеням трона, скользили, словно тени, и исчезли в Сибири, либо в казематах. Народ был уверен, что его во всяком случае будут грабить. Ведь, его социальное положение было вне зависимости от каких бы то ни было случайностей.

С. 384.

При чтении этих «Записок» изумляет постоянное забвение одной вещи, словно, она не имела никакого значения. Мы говорим о забвении *России и народа*. Это – характерная черта той эпохи.

Зимний дворец с своей администрацией и военной машиной представлял собою отдельный мир. Подобно кораблю, плавающему на поверхности воды, он не имел с обитателями океана никаких отношений... Это было *государство для государства*. Устроенное на немецкий лад, оно навязало себя народу, как завоеватель. В этой чудовищной казарме, в этой необъятной канцелярии царила сухая непреклонность, словно, в военном стане. Одни отдавали и передавали приказания, другие молча повиновались. И был лишь один пункт, где человеческие страсти снова вспыхивали бурно и трепетно. Таким пунктом был в Зимнем дворце домашний очаг, – не нации, но класса. За тройною целью часовых, в грубо украшенных салонах зарождалась лихорадочная жизнь, с ее борьбой и интригами, с ее драмами и трагедиями. Здесь-то и решались судьбы России, – в сумерках алькова, среди оргий, независимо от доносчиков и полиции.

Лондон, 15 ноября 1858 г. С.593.

(Напечатано в кн. "Mémoires de l'Impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par A.Herzen", Londres, 1859, во 2-м ее издании – 1859 г., по-немецки в "Memoiren der Kaiserin Katharina II, von ihr selbst geschrieben. Nebst einer Vorrede von A.Herzen", Hannover, 1859 и во 2-м ее издании 1863 г., а также в шведском и датском изданиях 1859 г. В русском издании «Записок императрицы Екатерины II. Издание Искандера. Перевод с французского», Лондон, 1859, предисловие не появилось.)

2. [Стасов В.В.] Николай Николаевич Ге: Его жизнь, произведения и переписка / Сост.: В.Стасов. М.: Типо-литография Т-ва И.Н.Кушнерев и Кс, 1904.

С.246-248.

Ге отступился от сюжета с царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, но жажда писать новую картину крепко мучила его, особенно после успеха его картины «Петр I и царевич Алексей». Ему, по-видимому, хотелось тогда сюжетов непременно с царями, императорами и императрицами, как было принято в «высшей исторической живописи», и он наконец остановился на сюжете, который он называл, на словах и на письме, иногда: «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы», а иногда: «Екатерина на похоронах у императрицы Елизаветы». Про эту композицию Ге говорит в своих записках: «Мне хотелось изобразить здесь рознь между Екатериной II и Петром III». Намерение было, конечно, превосходное, задача интересная и важная, никем еще до него у нас нетронутая, как это, впрочем, всегда бывало с Ге. Он всегда брал такие сюжеты, которые далеко отстояли от всегдашних, общепринятых и затасканных рутинерами. Теперь он опять пробовал изобразить два противоположных мира, какие-то две диаметрально не сходящиеся точки, разделенные пропастью и десятками тысяч верст, зенит и надир, как он это всегда любил (подумайте только: Христос – и Иуда; Петр I – и царевич Алек-

сей; нынче Екатерина II – и Петр III). Решившись на сюжет, он по-всегдашнему стал рьяно и усердно готовиться к картине: ходил в Эрмитаж, смотрел портреты Екатерины II, Петра III, копировал с них этюды, разыскивал портреты кн. Воронцовой и других личностей, изучал костюмы, дворцовую архитектуру, обстановку, мундиры лейб-кампанцев, наконец, остановился на типе одной знакомой дамы (Авд. Ник. Костычевой, который казался ему приближающимся к типу Екатерины II). Он ставил ее на натуру, указывал движение и позу («с достоинством», как он говорил), и все-таки превосходное намерение и все изучения ни к чему не повели. Картина, появившись на передвижной выставке 1874 года, успеха вовсе не имела, об этом было тогда же тотчас же писано во всех газетах и журналах наших, во всех критиках и рецензиях. Все были единодушны, и никто не говорил в пользу Ге. Чтобы не повторять одно и то же, я приведу всего два примера того, что у нас тогда говорили и про новую картину, и это даст нынешнему читателю полное понятие о том, как курс Ге все у нас более и более падал и как от него публика русская все более и более уходила в сторону.

«Голос» говорил: «Идея в картине есть; но идея эта выразилась крайне туманно, неясно; художник, очевидно, с нею не соиздал. Погоня за идеей и бессилие в осуществлении ее довели художника до того, что он уже стал нас насиловать и вызывал или хотел вызвать ее с помощью предметов... Темная комната освещена огнем, и переход от дневного света к огненному и к темноте исполнен художником весьма удачно. Это одно только и удалось ему; все остальное подмалевано, и подмалевано вяло, декоративно, туманно».

«Биржевые Ведомости» говорили: «Картина эта совсем не удалась... Лучше всех вышел лейб-кампанец, часовой, поставленный у гроба императрицы. Как и все картины Ге, и эта задумана хорошо и умно, но по исполнению она не может быть и сравниваема не только с его "Петром", но даже с "Тайной Вечерей". Г.Ге принадлежит к числу видных русских художников, сюжет его всегда интересен, прочувствован и оригинален, но он плохо справляется с техникой. Он лучше мыслит, чем исполняет. Возьмите любую его картину, расскажите ее в фельетоне, и всякий заинтересуется и пойдет смотреть ее; но каждый раз разочаруется. То картина написана грязью вместо красок, то она до того темна, что ничего на ней не различишь, то лица написаны до того неровно, что кажутся выкрашенными... Наша критика вызвана глубоким уважением к нему и уверенностью, что, рано или поздно, мы будем гордиться его картинами, и притом не по одному замыслу, но и по исполнению... Впрочем, многим, почти всем остальным, нашим художникам следовало бы поучиться у г. Ге выбору сюжетов и его пониманию изображаемых положений. Во всяком случае он почтенный новатор. Этой заслуги он и сам у себя не отнимет никакими ошибками...».

С. 252.

Кстати, любопытно заметить, какая разница в количестве копий с его собственных картин существовала всегда для Ге. Это мы узнаем из «Списка» его работ, написанного его собственной рукой. «Петра I с Алексеем» он должен был скопировать 6 раз; «Тайную вечерю» – 4 раза; «Вестников Воскресения» и «Гефсиманский сад» (когда репутация его еще далеко не совсем пошатнулась) – по 2 раза; «Екатерину II» – 1 раз, и то, кажется, для самого себя; «Пушкина» тоже 1 раз.

С. 290-291.

В мастерской у Н.Н.Ге А.С.Толочина тогда же восхищалась картиной «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы Петровны». Это была еще первая редакция этой композиции, оставшаяся невыполненной. Главная разница от известной потом картины состояла в том, что тут изображена была не нечаянная встреча Екатерины II с мужем ее, императором Петром Федоровичем, которые расходятся в разные стороны, окруженные людьми своей партии, а то, как они идут к погребу.

бальному катафалку еще вместе, но Екатерина II впереди, потупив взор и с молитвенником в руках. В ее скромной фигуре, в ее глубоком трауре чувствуется затаенная мощь; она знает, что ей будет трудно сломить, она будет бороться. Теперь, покуда, ей нужно казаться смиренной, убитой. Петр III тоже окружен свитой, он тоже должен казаться огорченным, но власть успела уже опьянить его. Он идет позади Екатерины, – этикет потребовал для нее первого места, – и если не делает никакого жеста, так только потому, что его окружает свита и в соседней комнате лежит тело бездыханной императрицы... Как Петр I и Алексей – две фигуры выразили целую трагедию борьбы, так и тут была целая драма. Я высказала автору, Ге, все это и он был очень доволен... Отличительной чертой Ге была детская наивность и откровенность, но все люди, отмеченные Богом, наивны, просты и откровенны. Им, так же как и детям, нечего скрывать, в них присутствует частица самого Бога...

3. Николай Николаевич Ге: 1831-1894: *Выставка произведений. Москва 1969. Каталог / Государственный Русский музей. Государственная Третьяковская галерея.* – М.: Советский художник, 1969.

С. 42.

1873. Подготовительные работы к картине «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» 1874 года, находящейся в Государственной Третьяковской галерее.

ЕКАТЕРИНА II У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ. Эскиз.

31x39,8

Государственная Третьяковская галерея. Дар Н.Н.Ге, сына художника в 1897 г. (2632)

Выставки: Эскизов и этюдов... из фондов ГТГ. 1954. М.

ЕКАТЕРИНА II У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ. Эскиз-вариант.

23,4x33,3

Киевский музей русского искусства. Дар Ф.З.Коновалука в 1947 г.

(ж-469)

Выставки: Произведений Н.Н.Ге. 1956. Киев.

С. 44.

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ.

Этюд для фигуры Екатерины II.

Х. на к. 57,5x43,2.

Государственная Третьяковская галерея. Дар Н.Н.Ге, сына художника, в 1897 г. (2633)

Выставки: Эскизов и этюдов... из фондов ГТГ. 1954. М.

(В каталоге ГТГ 1952 г. – «Портрет Авдотьи Николаевны Костычевой»).

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ.

Этюд для фигуры кн. Е.Р.Дашковой.

Х. на к. 44,3x32

Государственная Третьяковская галерея. Пост. в 1964 г. из собр. В.В.Турчиновича. М. Ранее – собр. П.Н.Ге (?).

(ж-328)

Выставки из новых поступлений ГТГ. 1968, М.

ЕВДОКИЯ НИКОЛАЕВНА КОСТЫЧЕВА.

Этюд для фигуры кн. Е.Р.Дашковой.

Х. на к. 41,4x26,8.

Государственная Третьяковская галерея. Пост. в 1959 г. из собр. В.В.Турчиновича. М. ранее – собр. П.Н.Ге (?).

(ж-160)

Выставки: Русская живопись 2-й пол. XIX – нач. XX в. 1951-1952 г. М.: (Каталог. М., 1954); Новые поступления ГТГ. 1962. М.

1874

ЕКАТЕРИНА II У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

172x224,8

Слева внизу подпись: *Н.Ге СПб. 1874*

Уменьшенное повторение 1874 года находится в Новгородском Историко-архитектурном музее-заповеднике.

Государственная Третьяковская галерея. Дар вел. кн. Елизаветы Федоровны и вел. кн. Марии Павловны в 1911 г. ранее – собр. вел. кн. Сергея Александровича. М.; Собр. А.П. и В.Е.Полетика. Пб.

(2634)

Выставки: 3-я ТПХВ. 1874. Пб., М.; Всероссийская 1882. М.; Русская историческая живопись. 1939. М.

С.58.

1873.

Подготовительные рисунки для картины «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» 1874 года, находящейся в Государственной Третьяковской галерее.

ЕКАТЕРИНА II У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Эскиз-вариант.

Б., граф. кар. 25,4x34

На обороте: МУЖСКАЯ ФИГУРА. Набросок.

Государственный Русский музей. Дар С.Н.Казнакова в 1918 г.

(р-740)

ЕКАТЕРИНА II И ПЕТР III. Набросок. ГОЛОВА ПЕТРА III. Четыре наброска. ЛИЦО ЕКАТЕРИНЫ. (профиль). Набросок.

Б., тушь, перо. 21,8x35,4

На обороте: ФИГУРА И ГОЛОВА ЕКТЕРИНЫ II. Два наброска. Государственный Русский музей. Пост. в 1917 г. от А.П.Боткиной (собр. С.С.Боткина).

(р-742)

ЕКАТЕРИНА II У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Набросок композиции.

Б., граф. кар. 7,4x9,8.

Лист слева сверху имеет подклейку.

Государственная Третьяковская галерея. Пост. в 1927 г. из Гос. музейного фонда. ранее – собр. Г.А.Эккерта. М.

(9043)

1874

ЕКАТЕРИНА II У ГРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Очерченный рисунок с картины 1874 года (зеркальное отображение), находящейся в Государственной Третьяковской галерее.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

М.М.Горелов

Датское и Нормандское завоевания Англии в восприятии средневековых авторов XI-XII веков*

На протяжении XI в. Англия, едва лишь сформировавшаяся в относительно единое государство, подверглась – с промежутком всего в 50 лет – двум иноземным завоеваниям, существенно изменившим картину ее внутреннего развития. Первое было осуществлено датскими королями Свейном Вилобородым и Кнутом (вступившим на английский престол в 1017 г.) в ходе длительных военных действий (1003–1016), вызванных ростом внешней экспансии молодых скандинавских государств на закате эпохи викингов. Второе (1066–1074) было рискованной авантюрой нормандского герцога – будущего короля Вильгельма Завоевателя, сумевшего привлечь на свою сторону не только значительное число рыцарей из разных областей Франции и стран Европы, но и поддержку папского престола, и, позднее, большей части английского общества, покорявшегося новому властителю по мере завоевания страны нормандцами. Оба завоевания повлекли за собой масштабные последствия, в чём-то схожие, а в чем-то кардинально различающиеся.

Так, в обоих случаях Англия оказалась включенной в состав полиэтнических раннесредневековых держав – англо-скандинавской «империи» Кнута Великого и англо-французской державы Вильгельма. Последняя позднее трансформировалась в так называемую «Анжуйскую империю», что способствовало взаимной ассимиляции завоевателей и побежденных, синтезу правовых и политических институтов и т.д. И Кнут, и Вильгельм, осознавая шаткость своей власти в только что покоренной стране, поставили на службу упрочению этой власти мощное идеологическое воздействие на своих подданных с помощью церкви и разных публичных церемоний, успешно внедряя в общество идеи «христианского единства» всех подданных нового монарха вне зависимости от их этнической принадлежности.

Вместе с тем, существовали глубокие различия в целях и методах внутренней политики двух королей-завоевателей в Англии, что отразилось в социальных и этнокультурных аспектах и последствиях рассматриваемых исторических событий. Следует сразу отметить, что, в конечном счете, эти различия были обусловлены самими реалиями

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 01-01-00382а).

социально-экономического и культурно-исторического уклада завоевателей, его «совместимостью» с английскими реалиями. Так, скандинавы эпохи викингов, представлявшие собой, по меткому выражению Дж.Р.Грина, «вчерашний день» самих англосаксов¹, в частности – соратники Кнута, не только были родственны по своему укладу жизни, социальной организации, языку и традициям англосаксам (датчане и вовсе имели с последними общую прародину), но и воспринимали Англию как носительницу более высокой, древней культуры и более совершенных государственных институтов; поэтому скандинавские завоеватели не только органично вписались в английское общество, но и активно заимствовали в Англии те «блага цивилизации», которые находились на более низком уровне развития у них на родине. Сюда можно отнести столь разные аспекты, как, с одной стороны, навыки монетного дела и администрирования, а с другой – христианизация Скандинавии, которая осуществлялась, в значительной степени, английскими церковными деятелями². Наконец, предыдущие два столетия расселения скандинавов на Британских островах сделали свое дело: к моменту датского завоевания от трети до половины населения Англии было скандинавским или смешанным англо-скандинавским, что, безусловно, облегчало процесс ассимиляции заключительной волны скандинавов, пришедших с Кнутом.

Что же касается нормандцев, то, сами являясь потомками викингов, осевших в начале X в. на территории Франции, они претерпели глубокую социокультурную инверсию, довольно быстро перенеся язык и обычаи коренного местного населения, а также ценностные приоритеты, свойственные континентальной Европе, и в XI в. уже весьма мало напоминали своих патриархальных северных предков. Завоеватели, пришедшие в Англию в 1066 г., не только были чужды англосаксам в этноязыковом и культурном отношении, будучи носителями французского языка и традиций, но и несли с собой социально-экономические порядки, присущие континентальному феодальному обществу (в Англии феодализм развивался более медленными темпами и с известной долей специфики, характерной для стран с «бессинтезным» типом исторического развития).

Все эти факторы в совокупности и привели к тому, что оседание нормандских завоевателей в Англии проходило куда менее мирно, нежели датчан. Кнут Великий в своей политике по отношению к завоеван-

¹ Грин Дж. Р. Краткая история английского народа. М., 1897. С.61.

² См.: The reign of Cnut: king of Denmark, England and Norway / Ed. by A.Rumble. Leicester, 1994; Lawson M.K. Cnut: the Danes in England in the early XI century. L.-N.Y., 1993. P.14, 130; Fisher D. The Anglo-Saxon age c. 400-1042. L., 1973. P.328; Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover & Leipzig, 1917. P.97, 115-116.

ной им стране опирался на привычные северные, германские традиции законотворчества, на традиционную же для Севера (как и для большей части Англии) организацию правящего класса, строившуюся не на ленном вассалитете, а на кодексе личной преданности знати вождю и службе в его войске за денежное или вещественное вознаграждение. Это исключало необходимость широких земельных конфискаций у англосаксов со стороны датчан. Очевидное же лидерство Англии в области культуры и церковных традиций превратило ее в своего рода «метрополию» в полиэтничной империи Кнута.

Нормандское завоевание, напротив, привело к насильственной ломке староанглийских традиций, общественных структур, истреблению элиты и насаждению взамен нее новой, иноземной, вытеснению языка коренного населения из сферы официального делопроизводства, насаждению феодальных аграрных отношений по французскому образцу, что сопровождалось массовыми земельными конфискациями в пользу завоевателей и закрепощением английского крестьянства на континентальный манер. Соответственно, если восшествие Кнута на английский престол прошло довольно мирно, а его дальнейшее правление оценивалось современниками как эпоха процветания, спокойствия и порядка, то установление власти нормандцев сопровождалось почти шестилетним периодом кровопролитных военных действий, ожесточенным сопротивлением со стороны англосаксов, отдельные рецидивы которого вспыхивали и позже.

В настоящей статье сделана попытка исследовать то, как отразились эти события и их последствия в исторической памяти англичан, переживавших как раз в процессе этих событий один из ключевых этапов формирования своей этнической идентичности. Напомним, что, если в ходе англосаксонской колонизации Британии (V–VII вв.) происходило слияние германского и кельтского этнокультурных элементов, а 200-летняя скандинавская экспансия с «последним аккордом» в виде завоевания Англии Кнутом привела, по сути, к складыванию англоскандинавского этнокультурного поля, то нормандское завоевание, не дав завершиться этому процессу, привнесло еще и франкоязычный элемент, притом занявший место элиты в завоеванном обществе. В результате этого складывание английской средневековой народности затянулось, завершившись лишь в XIV веке.

Однако, что касается исторической памяти, в данном случае мы располагаем лишь письменными источниками, создававшимися, как известно, немногочисленными образованными людьми, притом, как правило, духовного звания, и работавшими в монастырях или при дворе, нередко выполняя определенный заказ и трактуя события так, как было выгодно господину. Поэтому при желании выяснить непосредственное отношение народа, большинства современников, к данным во-

просам и событиям, чаще всего приходится довольствоваться пушкинской строчкой «народ безмолвствует» и полагаться на косвенную информацию. Тем не менее, нарративные источники с достаточной степенью адекватности излагают суть событий и их различные трактовки в кругах образованной элиты, через которую знания, идеи и т.п. распространялись до известной степени и в среде неграмотного населения. В статье исследуются английские, немецкие и нормандские хроники, как современные рассматриваемым событиям, так и труды авторов более позднего времени (конца XI–XII в.) – Эдмера, Ордерика Виталия, Уильяма Малмсберийского и др. Это помогает проследить эволюцию отношений английского общества к событиям и последствиям двух завоеваний с течением времени, отделяющего писателей от этих событий, причем в тесной связи с эволюцией этнического самосознания складывающейся английской народности. Характерной чертой этих произведений является концентрация внимания авторов на персонах королей и прочих действующих лиц подобного ранга: через характеристику личностей и их деяния оцениваются, по сути, сами события, эпоха.

Итак, начнем с датского завоевания и правления Кнута. С сожалением приходится констатировать, что, в отличие от нормандского завоевания, отзывов современников по поводу этих событий сохранилось не в пример меньше, притом довольно однообразных и скудных на информацию. Связано это, очевидно, с тем, что потрясения, вызванные нормандским завоеванием, заслонили собой для авторов второй половины XI–XII в. более ранние события; а ведь большая часть источников по ним датируется этим, а то и более поздним временем. Что же до англосаксонских хроник, то их информация крайне лаконична и лишена аналитического характера.

Отзывы и оценки средневековых авторов относятся в основном к личности Кнута как монарха. Поскольку практически все эти авторы являлись духовными лицами, внимание они заостряли преимущественно на его образе «христианнейшего короля», оказавшего массу благодеяний церкви и прославившегося своим благочестием. Флоренс Вустерский³, Уильям Малмсберийский⁴, Адам Бременский⁵, безымян-

³ Флоренс Вустерский – английский хронист, автор «Хроники хроник» (время написания – 1095–1118 гг.), продолжавшей «Англо-Саксонскую хронику» (государственную летопись королевства Уэссекс и затем объединившейся Англии, начатую в IX веке) и включавшей также сведения из трудов Беды Достопочтенного, Ассера и др.

⁴ Уильям Малмсберийский – классик английской средневековой историографии 1-й пол. XII в., автор труда «Деяния королей Англии» (около 1125 г.)

⁵ Адам Бременский – немецкий хронист второй половины XI века. В своем труде «Деяния епископов Гамбургской церкви» (1070-е гг.) освещал, помимо всего прочего, внешнюю политику датских королей, христианизацию Дании.

ный автор «Хваления королеве Эмме» практически в один голос говорят о его покровительстве церкви, строительстве им монастырей и храмов, участии Кнута в религиозных церемониях, поездке в Рим. Автор «Хваления королеве Эмме»⁶ называет его защитником вдов, сирых и убогих, утверждает, что Кнут искоренял дурные законы и насаждал справедливые⁷. Следует отметить, однако, что церковные дела как таковые в условиях Средневековья теснейшим образом переплетались с политическими. Так, в ходе поездки в Рим Кнут старался утвердить свой имидж «христианнейшего короля» во всей Европе и добился некоторых льгот для английской церкви, а целью многих из упомянутых церемоний, на которых Кнут присутствовал вместе с многочисленными приближенными-скандинавами, была демонстрация примирения между англосаксами и завоевателями.

Особо пышные торжества сопровождали закладку церкви на месте битвы при Эшингдоне – крупнейшего и кровопролитнейшего сражения между англосаксами и датчанами (1016). Подобные публичные акции убеждали англосаксов в перерождении датских захватчиков и их предводителя в защитников и слуг новой полиэтничной державы. Так, Титмар Мерзебургский⁸, упоминая о разгроме Кнудом пиратской эскадры викингов у берегов Англии в 1018 г., восторженно замечает: «Тот, кто прежде был вместе с отцом (Свейном Вилобородым. – М.Г.) захватчиком и разорителем страны, теперь стал ее единственным защитником»⁹. Между прочим, Уильям Малмсберийский противопоставляет Свейна и Кнута: если первый, по его мнению, был не столько законным королем завоеванной страны, сколько «жестоким тираном», смерть которого была божьей милостью, то второй, наоборот, являлся образцом мудрого и справедливого государя, старавшегося во всем уравнивать англосаксов и датчан; последним, по словам Уильяма Малмсберийского, Кнут даже «меньше доверял власти», чем англосаксам¹⁰ (что недалеко от истины: анализ документальных источников подтверждает преобладание англосаксов и англо-скандинавов над чистыми датчанами в составе правящего класса Англии эпохи Кнута)¹¹. Что касается

⁶ «Хваление королеве Эмме» – произведение панегирического характера, написанное около 1041 г. неизвестным французским автором-монахом и прославляющее датскую королевскую династию, воцарившуюся в Англии.

⁷ *Encomium Emmae Reginae* (далее – EER). L., 1949. P.37.

⁸ Титмар Мерзебургский – немецкий хронист XII века, эпизодически затрагивающий в своей «Хронике» события, связанные с датским завоеванием Англии и правлением Кнута Великого.

⁹ *Thietmar of Merseburg. Chronicon* // *English Historical Documents* (далее – EHD). V.1. L., 1953. P.321.

¹⁰ *William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum*. V.1. Vaduz, 1964. P.306.

¹¹ *Keynes S. Cnut's earls* // *The reign of Cnut...* P.79.

Свейна Вилобородого, то, насколько позволяют судить о нем сохранившиеся в источниках крайне фрагментарные сведения, он действительно был типичным королем-викингом, проводившим большую часть жизни в пиратских экспедициях в чужие земли. Автор «Хваления королеве Эмме» также подчеркивает, что Кнут всячески заботился о поддержании мира, правопорядка и спокойствия в пределах своей державы¹², что было насущной проблемой в условиях богатого бесконечными войнами и насилием Средневековья, особенно если вспомнить бурный период английской истории от первых набегов норманнов до воцарения Кнута. Немаловажно то, что документальные источники эпохи правления Кнута Великого подтверждают успехи его внутренней политики. Так, в «Послании» и «Законах»¹³ Кнута декларируется равенство английских и скандинавских подданных в правах и обязанностях перед новым королем, а анализ земельных грамот свидетельствует об отсутствии массовых отъемов земельных владений у англосаксов в пользу датчан и вытеснения прежней элиты пришлыми скандинавами.

На основании всего этого можно заключить, что правление Кнута Великого характеризовалось относительным спокойствием, внутренней стабильностью и процветанием. Роль «отца нации», по всей видимости, вполне удалась Кнуту, а от личности монарха в государствах раннего Средневековья (да и не только) зависело весьма многое, поскольку в условиях неразвитости государственного аппарата как такового власть в этих государствах основывалась целиком на личных связях правителя со знатью и подданными. Нельзя не заметить, что в царствование Кнута сколько-нибудь явные внутривластные конфликты отсутствовали, чего нельзя сказать о правлении Вильгельма Нормандского, о котором и пойдет речь ниже.

Что касается нормандских источников времени завоевания, то для их авторов характерен, к сожалению, формально-юридический подход, обусловленный пропагандистскими задачами. Главный мотив – это обоснование прав Вильгельма Завоевателя на английский престол через известную легенду о клятве Гарольда и завещании Эдуарда Исповедника. Сюжет этот заключается в следующем. После смерти бездетного короля Англии Эдуарда Исповедника (1042–1066) на престол вступил глава аристократической династии эрлов Уэссекса Гарольд Годвинсон, наскоро выбранный знатью юга страны. Согласно версии нормандских хронистов, во-первых, Эдуард еще задолго до этого завещал престол нормандскому герцогу Вильгельму, пребывавшему с визитом в Англии, а, во-вторых, сам Гарольд во время поездки в Нор-

¹² EER. P.37.

¹³ См.: Cnut's letter to the people of England. Laws of Cnut // EHD. V.1.

мандию якобы дал Вильгельму, спасшему его из плена у одного из местных феодалов, клятву о признании прав герцога на английский престол; соответственно, нарушив клятву, Гарольд выступает у этих авторов как узурпатор и клятвопреступник.

Современная историография относится к этой легенде скептически, ставя под сомнение ее правдоподобность¹⁴. Однако для средневековой читательской аудитории дело обстояло, скорее всего, иначе: на первый план выходила не фактическая достоверность описываемых событий, а морализаторские выводы историков, служащие назиданием. Особенно лаконичен в этом отношении Гийом Жюмьежский¹⁵. Якобы легитимные права Вильгельма на престол автоматически придают легитимный характер самому завоеванию, и дело выглядит так, словно речь идет о банальной феодальной междоусобице; фактор межэтнического противостояния абсолютно игнорируется. Гийом из Пуатье¹⁶, чье повествование отличается большей обстоятельностью, пытается дать нравственную оценку событиям (разумеется, в пользу герцога). Он противопоставляет Эдуарда Исповедника – «лучшего короля всех времен» (!) – и Гарольда, якобы захватившего трон, пока англосаксы оплакивали Исповедника¹⁷. Этот мотив уже любопытен; он свидетельствует о стремлении нормандского герцога дать более глубокое обоснование своему воцарению в Англии путем апеллирования к англосаксонским традициям и авторитетам (хотя общеизвестно, что Эдуард Исповедник был на редкость бесцветной и пассивной политической фигурой, и почитали его в основном за благочестие). Коронация Вильгельма в декабре 1066 г. произошла, согласно Гийому из Пуатье, «с согласия англо-или, по крайней мере, по желанию их магнатов»¹⁸.

Ги Амьенский¹⁹, следуя линии упомянутых предшественников, в своей «Песне о битве при Гастингсе» обрушивается с гневными поэтическими филиппиками на Гарольда, столь же пламенно превознося Вильгельма, благо художественно-эпический характер произведения способствует эмоциональным характеристикам. Гарольд в изображе-

¹⁴ См.: *Gransden A. Historical writing in England, c.550 to c.1307. N.Y., 1974. P.102; Guy of Amiens. Carmen de Hastingae proelio. Oxford, 1972. P.47 (note).*

¹⁵ Гийом Жюмьежский – нормандский хронист XI века, продолжавший государственную летопись «Деяния нормандских герцогов», которая существовала с X в. См.: *William of Jumieges. Gesta normannorum ducum // EHD. V.2. L., 1953.*

¹⁶ Гийом из Пуатье – нормандский хронист, приближенный Вильгельма Завоевателя, автор произведения «Деяния Вильгельма, герцога нормандцев и короля англо-» (около 1073–1074 гг.)

¹⁷ *William of Poitiers. Gesta Guillelmi ducis normannorum et regis anglorum // EHD. V.2. P.218.*

¹⁸ *Ibid. P. 230.*

¹⁹ Ги Амьенский – нормандский епископ, автор эпической поэмы «Песнь о битве при Гастингсе» (1090-е гг.)

нии Ги Амьенского, хотя и храбр, обладает всеми мыслимыми нравственными недостатками; он – «глупый король», грешник, братоубийца, клятвопреступник, Вильгельм же – носитель монаршей и христианской доблести; автор даже сравнивает его с Цезарем²⁰.

Таким образом, нормандские источники XI века отличаются крайним схематизмом, обусловленным тенденциозностью этих произведений. Легенда о праве Вильгельма на английский престол, о клятве Гарольда, морализаторское противопоставление Гарольда и Вильгельма, краткая история вторжения в Англию и битвы при Гастингсе, наконец, венчающая все это коронация Вильгельма (декабрь 1066 г.) – таков сюжет этих произведений. Взгляд с нормандской стороны на этом исчерпывается. Всё, что происходит после коронации – это не более чем мелкие смуты против законного короля, случайные и не заслуживающие подробного описания.

М.Клэнчи отмечает, что нормандцы были одержимы двумя идеями – войны и христианства, являясь в своем роде идейными предками крестоносцев²¹. Это кажется верным и по отношению к нормандским хронистам: идею монархии и церкви они в целом ставят выше, чем национальную, этническую. Их взгляды – яркий пример зарождающейся крестоносной идеологии с присущими ей пафосом, универсализмом и, вместе с тем, ограниченностью. Многие из характерных черт этих произведений перекочевали затем и в англо-нормандскую историографию XII века, о которой речь пойдет ниже.

Несравненно более серьезный подход демонстрируют англосаксонские летописцы (анонимные авторы «Англо-Саксонской Хроники» и ее позднейшие продолжатели начала XII века – Флоренс Вустерский и Симеон Даремский²²). Во-первых, поскольку они лучше осведомлены об английских делах, то дают гораздо более полную картину событий, не ограничивающуюся, как у их нормандских коллег, битвой при Гастингсе и коронацией Вильгельма: здесь и известия о вторжениях норвежцев, валлийцев, скоттов, датчан, и достаточно подробная картина англосаксонского сопротивления после 1066 года; во-вторых, англосаксонские хронисты не могли открыто выступать против новой власти (да и вряд ли к этому стремились), но и пропагандистских целей, как у нормандских апологетов завоевания, не преследовали. Это привело к тому, что тон их повествования оказался довольно взвешенным. Для англосаксонских хроник характерны позитивные оценки Гарольда и его

²⁰ *Guy of Amiens. Carmen de Hastingae proelio.* Oxford, 1972. P.11; 13, 15.

²¹ *Clanchy M.T. England & its rulers, 1066–1272: foreign lordship and national identity.* N.Y., 1983. P.41-42.

²² Симеон Даремский – североанглийский хронист рубежа XI–XII вв., создатель «Истории королей» (около 1100 г.) – компиляции из трудов Флоренса Вустерского, Беда, Ассера и местных «Нортумбрийских анналов».

деятельности, игнорирование легенды о «завещании Эдуарда Исповедника», умеренная позиция по отношению к Вильгельму, лишенная хвалебной патетики. Само завоевание воспринимается как бедствие, ниспосланное свыше «за грехи народа»²³. Вместе с тем, авторы оправдывают англосаксонских магнатов, сдавших Лондон и престол Вильгельму во избежание дальнейших жертв и разрушений²⁴. В англосаксонских источниках подробно излагается история сопротивления нормандцам, и главное – четко указываются причины этого сопротивления, конкретные притеснения со стороны нормандцев по отношению к той или иной области, городу, а то и персоне, если речь идет о крупной знати (эрлы и др.).

С другой стороны, нельзя не заметить, что тон англосаксонских хроник становится тем менее сочувствующим по отношению к повстанцам, чем дальше события отстоят от 1066 года, тогда как критика негативных деяний Вильгельма всё больше сменяется положительными оценками его централизаторской политики и военных успехов. Это может служить подтверждением того, что власть нормандцев постепенно перерождалась из оккупационной в легитимную, признанную, а повстанческое движение деградировало в сторону феодальных смут и локального бандитизма. Так, «Англо-Саксонская хроника» называет восставших в 1075 г. эрлов «изменниками королю» и подчеркивает, что англосаксы поддерживали не их, а короля²⁵. Что же до самого Вильгельма, то ему посвящена целая эпитафия, где отмечены и его достоинства, и недостатки (что нелегко для нормандских хроник): сильный правитель, «собиратель» государства, удачливый полководец – и, вместе с тем, «угнетатель бедного народа», патологически жадный до денег, жестокий по отношению к противникам²⁶. Мораль англосаксонских хроник выдержана в примирительном тоне: что было, то было, но всё – по воле божьей, и т.п.

Идея божественного воздаяния за грехи получает особенное развитие в трудах англо-нормандских писателей XII века. Это, в сущности, не удивительно: все они были монахами, а XII век – временем усиления папства, успехов крестоносного движения. Но, с другой стороны, в отличие от взвешенной аналитичности англосаксонских хроник, где события мотивировались вполне реалистично и непредвзято, англо-нормандская историография снова дала крен в сторону тенденциозности, унаследовав многие отрицательные черты нормандской хронистики XI века. Правда, задачи изменились: если нормандские хронисты

²³ Anglo-Saxon Chronicle (далее – ASC). Oxford, 1964. P.143-144.

²⁴ Ibid. P.144.

²⁵ Ibid. P.158.

²⁶ Ibid. P.163-165.

имели целью *легитимизировать само завоевание*, то авторы XII века скорее отражали интересы новой, смешанной, англо-нормандской элиты, склонной *легитимизировать новую династию*, стоящую во главе этой элиты, и, соответственно, очернить элиту прежнюю, англосаксонскую, которая проиграла борьбу и ушла в прошлое. Поэтому у англо-нормандских авторов старые, формально-юридические мотивировки дополняются и как бы смягчаются за счет рассмотрения этнических аспектов нормандского завоевания (что было свойственно англосаксонской хронистике), и потому не выглядят столь примитивно, как у их нормандских предшественников.

Впрочем, в наименьшей степени как пропагандистские, так и этнические мотивы присущи Эдмеру²⁷, биографу Св. Ансельма Кентерберийского, человеку глубоко религиозному, чей кругозор был ограничен узкими рамками внутрицерковных дел. Его мотивировка и оценки нормандского завоевания – чисто религиозные. Все бедствия Англии в XI веке, начиная с широкомасштабных вторжений датчан и кончая Нормандским завоеванием, объясняются как исполнение пророчества Св. Дунстана Кентерберийского – англосаксонского церковного деятеля и подвижника второй половины X – начала XI века, осудившего и проклявшего некогда короля Этельреда за то, что тот вступил на престол, убив своего брата Эдуарда. Пророчество Дунстана сбылось: начались бесконечные войны, бедствия, завоевание Англии Кнутом, феодальные смуты и, наконец, нормандское завоевание²⁸. Ни этнических, ни глубинных политических мотивов у Эдмера найти невозможно. Все исторические события исчерпываются у него взаимоотношениями королей и церковных прелатов, и констатацией результатов. Божественный промысел, деяния святых – абсолютный и единственный двигатель истории. Реальные причины событий игнорируются.

Диаметрально противоположную по глубине и аналитичности картину нормандского завоевания дает Ордерик Виталий²⁹. Вероятно, его можно назвать лучшим историком завоевания среди нормандских и англо-нормандских авторов. Правда, как и все они, Ордерик первоначально гневно обрушивается на Гарольда: «По вине клятвopеступления Гарольда Англия была на пути к развалу», – пишет Ордерик, выводя причину войны между двумя государствами из «узурпации» Гарольдом английского престола³⁰. Вообще, Ордерик клеймит Гарольда

²⁷ Эдмер – английский церковный историк конца XI – начала XII века, автор «Новой истории Англии» (около 1110 г.)

²⁸ Eadmer. *Historia novorum in Angliae*. L., 1964. P.3-4.

²⁹ Ордерик Виталий – англо-нормандский историк конца XI – начала XII века, автор «Церковной истории».

³⁰ Ordericus Vitalis. *Historia ecclesiastica*. L., 1969. V.2. P.191. Вообще, подход Ордерика нельзя назвать чисто формальным; с позиций средневекового рели-

да с таким пылом, какому позавидовал бы Ги Амьенский. К стандартным обвинениям в узурпации трона и братоубийстве добавляется постоянное упоминание о «тирании», о «злодействах» и «жестокостях» Гарольда, при отсутствии каких-либо конкретных доказательств и фактов к этому. В правление Гарольда, по словам Ордерика, «Англия стала от всякого рода угнетения»³¹. На чем основаны эти утверждения – непонятно; при анализе англосаксонских источников они не выдерживают критики. Очевидно, в вопросе о престолонаследии – исходной точке нормандского завоевания – Ордерик Виталий всецело разделяет позицию своих нормандских предшественников.

Так же оторван от реальности тезис Ордерика об абсолютной непопулярности «тирана» Гарольда среди соотечественников. По словам Ордерика, в результате «узурпации» трона «англы впали в гнев»³². Он явно преувеличивает силу оппозиции Гарольду, прежде всего, в лице его брата Тости, враждовавшего с Гарольдом и приведшего на родину норвежское войско в надежде получить хоть толику власти из рук захватчиков. Ордерик изображает Тости едва ли не героем, выразителем чаяний оппозиции. «Одни покорились тирану, другие бежали в чужие земли» с целью дальнейшего сопротивления, указывает Ордерик³³. Даже в битве при Гастингсе, по его словам, англосаксы сражались не столько за Гарольда, сколько за спасение своей страны от иноземного вторжения³⁴. Между тем, с позиций современной историографии, дело обстояло совсем наоборот. Тезис о «тирании» Гарольда опровергается англосаксонскими источниками и ничем не подтверждается; напротив, они упоминают об успешных военных кампаниях Гарольда против валлийцев и мятежной локальной знати, о позитивных мерах в области законодательства и управления, и в целом изображают его довольно толковым правителем и удачливым полководцем³⁵. Оппозиция Гарольду опиралась на локальные аристократические группировки, точно так же, как другие подобные группировки (южные) поддерживали Гарольда и при Гастингсе сражались именно за него, связанные либо общими интересами, либо вассальными обязательствами, либо просто присягой (как хускерлы – королевская дружина), а то и локальным уэссекским «патриотизмом». И уж, во всяком случае, Вильгельм, иноземный монарх, вряд ли был более предпочтителен англосаксам.

Что же касается картины нормандского завоевания у Ордерика, то

гиозного менталитета клятвопреступление рассматривалось как одно из тяжчайших преступлений.

³¹ *Ordericus Vitalis*, p.135, 139, 171.

³² *Ibid.* P.139.

³³ *Ibidem.*

³⁴ *Ibid.* P.173.

³⁵ ASC, p.135-139.

прежняя, стандартная для нормандских писателей трактовка событий, меняется после коронации Вильгельма; появляются ноты сочувствия англосаксам. Говоря о начавшихся их притеснениях, Ордерик развивает идею «хороший царь – плохие бояре»; начало англосаксонского сопротивления он выводит из бесчинств нормандской администрации в отсутствие Вильгельма. Фиц-Осберна, одного из глав этой временной администрации, он называет «первейшим и величайшим угнетателем англов», тогда как Вильгельм выступает образцом политической мудрости и христианской добродетели; справедливые законы, посильные налоги, дисциплина в армии – все это заслуги короля³⁶. Между тем, англосаксонские источники постоянно упоминают о непосильных налогах, вызывавших восстания, о злоупотреблениях властей и т.п. «Чем больше создавалось законов, тем больше творилось беззаконий», – сетует «Англо-Саксонская Хроника»³⁷.

Впрочем, Ордерик сам невольно опровергает себя, говоря, что целью восставших англосаксов была борьба за «утраченную свободу»³⁸. С другой стороны, что он имел в виду под «свободой»? Режим пока не установился, шла война, пик земельных конфискаций в пользу нормандских феодалов был еще впереди³⁹. Таким образом, борьба могла идти либо против местного произвола нормандских военных властей (а в такой борьбе могли участвовать представители всех слоев населения), либо за идеалы прежней политической независимости, а носителем таковых в те далекие времена была знать, в данном случае – прежняя английская знать, уничтожаемая завоевателями в боях и оттесняемая на периферию общественной жизни.

В целом, Ордерик Виталий на редкость подробно описывает ход нормандского завоевания и даже сочувствует бедствиям населения, в частности, при разорении Нортумбрии в 1069 г. Вместе с тем, он поддерживает централизаторскую политику короля, идею христианской монархии, сравнивает Вильгельма с Цезарем, на манер Ги Амьенского⁴⁰. Несчастья войны, как и саму войну, Ордерик объясняет происками дьявола, либо, наоборот, божьей волей. Вместе с тем, в отличие от Эдмера, он изображает конкретных людей, их мысли и поступки, их волю, через которые воплощается «потусторонний» замысел. Этим труд Ордерика выигрывает перед религиозными взглядами Эдмера.

Подводя итоги, Ордерик пишет, что завоевание, свершившись по воле божьей, было благом для англосаксов, несмотря на бедствия:

³⁶ *Ordericus Vitalis*, p.193, 203, 318.

³⁷ ASC, p.163.

³⁸ *Ordericus Vitalis*, p.210.

³⁹ *Clanchy M. T. Op. cit.*, p.63.

⁴⁰ *Ordericus Vitalis*, pp. 227, 235.

«христианская» монархия, установившаяся с воцарением Вильгельма, принесла с собой (после подавления всех восстаний) мир, покой и процветание Англии, мирное сосуществование и сотрудничество англосаксов и нормандцев и т.п.⁴¹

«Церковная история» Ордерики Виталия представляет собой как бы переходный этап в историографии, когда прежняя пристрастность еще не ушла окончательно, зато синтез англосаксонской и нормандской летописных традиций уже начался, дав свои плоды. В этом отношении последний по времени создания источник – «Деяния королей» Уильяма Малмсберийского – демонстрирует продолжение этой тенденции: эмоциональные оценки окончательно уступают место беспристрастно-философскому взгляду на события уже относительно далекого прошлого. Автор старается привести больше фактов, предоставляя читателю самому взвесить все «за» и «против» и вынести свое мнение. Повествование Уильяма Малмсберийского отличается обстоятельностью. Правда, положенный в его основу биографический принцип нельзя назвать оптимальным для изучения политической истории; это скорее занимательное чтение для широкой публики.

Вместе с тем, Уильям Малмсберийский дает, например, довольно яркие характеристики Гарольду и Вильгельму Завоевателю; в этом традиционном для прежних авторов сравнительном противопоставлении уже нет сплошного очернительства первого и апологии второго. Во времена Уильяма Малмсберийского это стало уже неактуальным. Прошлое из плода политических спекуляций превратилось в историю. Уильям Малмсберийский в чем-то следует уравновешенному тону англосаксонских хроник, с которыми он был знаком не понаслышке. Гарольд показан у него храбрым воином, радетелем о целостности королевства, которой угрожали Тости, норвежцы, да и сами нормандцы. В этом Уильям Малмсберийский абсолютно противоречит Ордерику. Восшествие Гарольда на престол также оправдано тем, что того утвердил «народ» (через посредство магнатов), то есть, это отнюдь не «узурпация», как у Ордерика Виталия. Более того, Уильям Малмсберийский считает клятву Гарольда Вильгельму не имеющей реального смысла, поскольку она давалась вдали от родины и при неведении англосаксов⁴². Таким образом, Уильям Малмсберийский склонен больше опираться на англосаксонскую летописную традицию, повторяя «Англо-Саксонскую хронику» и Флоренса Вустерского. Что касается Вильгельма Завоевателя, то его он, как и англосаксонские хронисты, оценивает

⁴¹ Ibid. P.235, 269. Разумеется, англосаксы были христианами и до завоевания; Ордерик скорее имеет в виду включение Англии в континентальную церковную структуру и традиции, связанные с упрочением позиций папства в XI в.

⁴² William of Malmesbury. Chronicle of the kings of England. L., 1904. P.255-258, 272.

непредвзято, провозглашая своей целью «отдать на суд читателя его хорошие и плохие дела»⁴³. Масштабность личности Вильгельма, его незаурядный талант политика и полководца соседствуют с крайней жадностью, сварливым характером и т.д.⁴⁴

В целом, Уильям Малмсберийский относится ко всем своим коронованным героям именно как историк – беспристрастно и взвешенно. Вместе с тем, акцент на «жизнеописание» приводит в большой беспорядок весь прочий фактографический материал. Этим труд Уильяма Малмсберийского сильно проигрывает и Ордерику, и англосаксонским хронистам. Но сбивчивость и скудность описания событий окупаются аналитическим характером работы – тем, чего были лишены хроники. Уильям Малмсберийский пытается осмыслить глубинные причины и следствия нормандского завоевания, в том числе в этнополитической и этнокультурной сферах.

Так, он противопоставляет друг другу уже не Гарольда и Вильгельма, а англосаксов и нормандцев. Старый уклад жизни англосаксов он изображает насквозь аморальным, варварским: нравственное разложение знати, предававшейся пьянству, обжорству, разврату, чрезмерной роскоши в одежде, бытовая нечистоплотность народа, безграмотность и низкий уровень интеллектуального развития духовенства – все это, по мнению Уильяма Малмсберийского, и привело англосаксов к упадку и поражению. Им он противопоставляет нормандцев – отважных, религиозных, более дисциплинированных внутренне и внешне⁴⁵. Трудно судить как об источниках, так и о степени достоверности этих сведений. Если Уильям Малмсберийский критиковал англосаксов вообще (а делать он это мог, не будучи современником нормандского завоевания, только с чужих слов), то это похоже на отголоски прежних культурных различий между патриархальной северной периферией и континентальной Европой, о чем уже говорилось; понятно, что отголоски эти возникают здесь во франко-нормандской интерпретации, с известной долей неприязни к чужому укладу жизни. Однако, на наш взгляд, скорее всего Уильям Малмсберийский имел в виду старую англосаксонскую знать, чей образ (судя по описываемым реалиям жизни) вырисовывался за обобщающим термином «англы»; думается, такие пороки, как роскошь в одежде и пресыщение едой, вряд ли могли быть свойственны простолюдинам, а подобных обвинений в адрес англосаксов у Уильяма Малмсберийского больше всего. Возможно, он преследовал цель, которая еще могла быть актуальной в его время: доказать несостоятельность прежней элиты, дабы оправдать ее замену новой,

⁴³ Ibid. P.258.

⁴⁴ Ibid. P.308-309.

⁴⁵ Ibid. P.279, 280.

современной самому писателю. С другой стороны, как мы видели на примере с Гарольдом, Уильям Малмсберийский положительно относился к известным личностям англосаксонского прошлого – в частности, к казненному предводителю восстания против Вильгельма в 1075 г. Вальтофу Сивардсону, которого изображает, в соответствии с англосаксонской традицией, героем и мучеником⁴⁶.

Пожалуй, выводы Уильяма Малмсберийского можно сформулировать так: у англосаксов были герои, но моральное разложение части знати и духовенства привело Англию к упадку и кризису. Нормандское завоевание же, хоть и было насильственным актом (а не легитимным, как у Ордерики и нормандских авторов!), вывело Англию из кризиса, принесло обновление и прогресс. Таким образом, Уильяма Малмсберийского можно считать родоначальником концепции англо-нормандского синтеза. Уильям Малмсберийский первым из историков нормандского завоевания попытался применить к этому событию культурно-цивилизационный подход, сравнивая англосаксов и нормандцев с этнокультурной точки зрения.

Наконец, при анализе этнического аспекта завоевания Уильям Малмсберийский демонстрирует вышеупомянутый «прогрессивный» оптимизм. Он критикует короля за его излишнее предпочтение иностранцев англосаксам при раздаче государственных должностей и земельных владений. Но завершается все примирительной мыслью о том, что нормандцы всегда хорошо уживались с чуждым этническим большинством⁴⁷. Трудно не вспомнить в связи с этим тезис Ф.Барлоу о поразительной способности нормандской военной знати «растворяться» в завоеванных народах, при этом захватывая управление ими в свои руки⁴⁸. Пожалуй, нельзя лучше сформулировать этническую сущность англо-нормандского синтеза.

⁴⁶ Ibid. P.286.

⁴⁷ Ibid. P.287.

⁴⁸ Barlow F. The effects of the Norman Conquest // Whitelock D. et al. The Norman Conquest: its setting and impact. L., 1966. P.161.

Г.П.Мягков (Казань)

«Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Л.Ранке

Движение академической историографии в XX веке породило «многотомный» анализ исторического знания, который позволил выработать представления об историчности, относительности тех или иных познавательных моделей историографии, ее базовых концептов, привел к пониманию того, что в своем развитии историческая наука не «отбрасывает», а неизбежно включает в себя сущностные элементы методологии и концептуальные построения из «прошлой» науки. В достижение этого понимания свой вклад внесли и введенный в историографию науковедческий подход, стимулировавший изучение институциональных и организационных основ исторического знания, способов выработки теорий, методов, определения проблемных полей, и постмодернистский «вызов», который, по образному выражению А.Я.Гуревича, «разбредил раны, на которые историки до недавнего времени не обращали должного внимания». В новых условиях по-новому предстает и одна из самых значимых для историографии и вместе с тем идеологически и политически заостренная проблема *роли и места ученого в потоке развития науки и общества, ценности его наследия, влияния последнего на дела современников и потомков.*

Немецкий историк, профессор Берлинского университета (с 1825 г.) Леопольд фон Ранке (1795–1886) принадлежит к числу тех прошедших земной путь мыслителей, чье наследие, говоря словами Н.В.Гоголя, будет всегда вмешиваться в дела здравствующих. Еще при жизни Л.Ранке прозвучали многочисленные оценки его деятельности и творчества, спектр которых был широк и противоречив – от признания его «величайшим историком Германии и, быть может, всей Европы» (Л.-А. Тьер), «Нестором немецкой историографии» (В.П.Бузескул), «великим историческим гением» (Э.Трёльч) и т.п. до уничижительных, по сути, характеристик в качестве «смешного ничтожества», «камердинера истории» (К.Маркс¹), ответственного за кризис немецкой исторической

¹ Учитывая роль, которую марксовские характеристики Л.Ранке сыграли в выработке отношения марксистской историографии к немецкому историку, отметим, что К.Маркс не часто обращался к его творчеству. Исследователи-марксисты (О.Л.Вайнштейн, Б.Г.Вебер и др.) считают, что К.Маркс имел в виду

науки, развернувшийся после объединения Германии². XX век продолжил дискуссию о месте и роли Л.Ранке в судьбах европейской исторической мысли, расширив это поле и на Соединенные Штаты Америки.

Естественно, что в России историографическая наука не могла обойти тему Л.Ранке, но до сих пор – ни с количественной, ни с содержательной точек зрения – российское ранкеведение не становилось предметом специального рассмотрения. Обобщающая точка зрения на отношение к Ранке в России до 1917 г. была высказана О.Л.Вайнштейном, который в начале 1960-х годов жестко определил:

«в дореволюционной России, среди широких кругов любителей исторического чтения, Ранке был мало популярен»; «многие важные его труды, считающиеся на Западе классическими..., никогда не переводились на русский язык»; «очень мало в России и писали о Ранке. Русскую либерально-буржуазную интеллигенцию отталкивало... его консервативное направление и пренебрежительное отношение к славянам и вообще к истории народов, не принадлежавших к «романо-германскому культурному кругу»³.

Но в последовавших исследованиях их авторы (подчас вопреки установкам не касаться в силу партийной позиции или самоцензуры, по сути, ставшей в период кампании борьбы против космополитизма табуированной темы «Л.Ранке и русские историки») *volens nolens* обнаруживали, что русская историческая наука в период становления не могла не испытывать влияния Ранке, что, в свою очередь, русские историки XIX века пытались оценить его роль в развитии исторического знания⁴.

Ранке, когда записал на полях «Немецкой идеологии» («сделал важную по значению помету»): «Так называемая объективная историография заключалась именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения в отрыве от деятельности. Реакционный характер» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.38, 39). В письме к Ф.Энгельсу от 7 февраля 1864 г. К.Маркс называет Ранке «приплясывающим карликом», «ничтожным сморчком», «прирожденным "камердинером истории"», а его творчество – «собранием анекдотов и сведением всех крупных событий к мелочам и пустякам» (Т.30. С.352). Впрочем, сводить все к этим оценкам было бы не справедливо. Так, например, в период работы в «Рейнской газете», Маркс, изучая труды немецких историков о Французской революции конца XVIII в., о периоде Реставрации, делал выписки из издаваемого Л.Ранке журнала «*Historisch-Politische Zeitschrift*». В числе «особенно интересных» для него публикаций была статья Ранке «О реставрации во Франции» (Мосолов В.Г. Изучение К.Марксом всемирной истории в 1843–1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории // Маркс-историк. М., 1968. С.101).

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.36. С.324.

³ Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // Критика новейшей буржуазной историографии. М.-Л., 1961. С.113.

⁴ Асиновская С.А. Предисловие // Лекции Т.Н.Грановского по истории позднего средневековья. М., 1971. С.14–15; Могильницкий Б.Г. П.Г.Виноградов как историк исторической науки // История и историки. 1973. М., 1975. С.223–224; Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С.104–105; Моисеева Л.С. Об исследовательских принципах русского медиевиста

В рамках данной статьи можно проследить только основные вехи и тенденции развития российского ранкеведения. Его хронологические рамки охватывают более полутора веков. На этом долгом пути можно выделить, по крайней мере, два принципиально различных этапа, разрывом между которыми стали 1920-е годы, когда был отброшен академизм «старой» науки и произошла ее «большевизация»⁵. В рамках же первого этапа просматриваются условно разграниченные 1886 годом – временем смерти знаменитого историка – два периода. В середине 1880-х годов заканчивалось, по определению Л. Февра, «время универсализма», просматривалось наступление эпохи разочарования в «наивном реализме ученых вроде Ранке»; историческая наука вставала на путь «преодоления» «первого» позитивизма.

Перед современниками, в том числе и в России, профессор Л. Ранке предстал в трех ипостасях: как автор огромного числа трудов, принесших ему звание официального историографа Прусского королевства, как создатель метода «критической историографии» и как организатор особого исторического семинара – истока «школы Ранке» – крупнейшей в европейской исторической науке. Знакомство россиян с Л. Ранке приходится на начало 1830-х годов, когда молодые русские ученые, командированные с научной целью за границу (для «приготовления к профессорскому званию»), стали посещать его лекции. Их отчеты о занятиях за границей, эпистолярное наследие, воспоминания содержат описания встреч с Ранке, впечатления от его преподавательской деятельности. Т.Н. Грановский свидетельствовал в 1837 г.: «...слава Ранке еще молода, в России о нем знают немногие»⁶.

Русские искатели «золотого руна европейской науки» (определение В.В. Григорьева) оказывались в германских землях, в Берлинском университете, где получали возможность заниматься у Л. Ранке, далеко не случайно: вплоть до 70-х годов Министерство народного просвещения России, как правило, отдавало приоритет «немецкой школе». Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, выбор университетов Германии являлся продуманным шагом царского правительства, пытавшегося не допустить «либерализации» сознания направляемых на обучение. Во-вторых, имело значение лидирующее положение германских университетов: «германская наука, – отмечал Б.Н. Чичерин, – цари-

П.Г. Виноградова // История и историки. 1981. М., 1985. С.209; Ахмадиев Ф.Н. Изучение европейской историографии в России во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс...к.и.н. Казань, 1987. С.78–80.

⁵ См.: Бухарев В.М. Академическая традиция отечественной историографии в условиях советской идеократии // Ученые записки Казанского университета. Т.34. Казань, 1998.

⁶ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. II. М., 1897. С.395.

ла тогда над умами и давала им пищу, которая могла удовлетворить все потребности»⁷. О том же писал и М.Н.Петров:

«Из трех литератур, имеющих всемирное значение, ... [немецкая] одна имеет более универсальный характер, обнимая своими исследованиями историю всех времен и народов. ... И самое преподавание исторических наук, если не по форме, то по содержанию, здесь [в Берлине – Г.М.] выше и совершеннее, нежели в других, посещенных мною краях»⁸.

Обучение в Германии, которую В.И.Герье называл «колыбелью исторической науки», прошли: М.С.Куторга (1833–1835, занятия у А.Бека, Генинга, Ранке, Ф.Раумера, Ф.Вилькена), Д.Л.Крюков, М.М.Лунин и В.С.Печерин (1833–1835, лекции А.Бека, Генинга, Ранке и др.); Т.Н.Грановский (1836–1839, занятия у Ранке, Ф.Савиньи, Ф.Раумера, К.Риттера и др.), П.Н.Кудрявцев (1845–1847, занятия у Ранке, К.Риттера, Ф. Шеллинга, А.Бёка и др.), С.В.Ешевский (1859–1861, занятия у Л.Гейссера, Ф.Раумера, Л.Ранке, Г.Зибеля, И.Дройзена), А.Г.Брикнер (1857–1860, занятия у Л.Ранке, Ф.Раумера, А.Бека, И.Дройзена, Л.Гейссера), М.Н.Петров (1858–1860, лекции Ранке, И.Дройзена, Мишле, Р.Кёпке, Гирша, Г.Зибеля, Корнелиуса, Ашбаха, Л.Гайссера, Вейля, «исторические упражнения» у Ранке, Г.Зибеля), В.В.Бауэр (1860–1862; занятия у Ранке, Л.Гейссера и др.), В.А.Бильбасов (1864–1866; занятия у Ранке, Г.Зибеля, Ф.Паули и др.), В.И.Герье (1863–1865 и 1870) и др. Нельзя не заметить, что первенствующую роль играли именно занятия у профессора Л.Ранке, на которых побывали практически все русские историки, работавшие в области всеобщей истории⁹.

Авторы воспоминаний различали деятельность Л.Ранке как лектора и как руководителя семинара. Отношение русских учеников к Ранке как лектору противоречиво, спектр оценок широк – от отрицания у Ранке дара слова (М.С.Куторга, С.М.Соловьев, С.В.Ешевский, В.В.Бауэр и др.) до признаний его одним из лучших лекторов (М.Н.Петров и др.). Подоб-

⁷ Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С.375.

⁸ Петров М.Н. Отчет о занятиях адъюнкта Императорского Харьковского университета ... в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858-го по июль 1860-го года. Харьков, 1861. С.3. Вместе с тем, нельзя не отметить, что молодежь стремилась и в Париж: «...если я должен назвать место, где в настоящее время процветает историческая наука, – писал из Берлина в своем отчете М.С.Куторга, – то это есть бесспорно Париж». Но в просьбе посетить Париж ему в период первой научной командировки было отказано. См.: Константинова А.Д. Общественно-политические и историко-философские взгляды М.С.Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. II. Казань, 1968. С.114–115.

⁹ Кроме названных историков в уведомлении о 50-летнем юбилее доктората профессора Л.Ранке среди принимавших участие в его «исторических упражнениях» упоминаются также М.Касторский, Ад.Германн, М.Стасюлевич, Г.Штедeman и др. – См.: Вестник Европы. 1866. Т.IV. Отд.IV. С.29.

ное объясняется как временем занятий у Ранке (в 30-е или 60-е годы), так и субъективными пристрастиями.

Ранее всех занимавшийся у Ранке М.С.Куторга ставил его выше других профессоров, но «нередкую плохую подготовленность к лекциям». Но беседы с профессором о новой истории он вспоминал с благодарностью¹⁰. Т.Н.Грановский, Я.М.Неверов, Н.В.Станкевич, слушавшие курсы Ранке в 1836–38 гг., называли его «сокровищем»¹¹, ученым, который был «выше большей части историков». Вместе с тем, Грановский подчеркивал: «надобно привыкнуть... к его способу изложения, потому что он читает скоро, отрывисто..., не думает о своих слушателях»¹². В начале 1838 г. он писал:

«...слушаю историю Французской революции у Ранке. Я ничего подобного не читал об этой эпохе. Ни Тьер, ни Минье не могут сравняться с Ранке. У него такой простой, ненапрянутый, практичный взгляд на вещи, что после каждой лекции я дивлюсь, как это мне самому не пришло в голову. Ранке, бесспорно, самый гениальный из новых немецких историков»¹³.

Иное впечатление Л.Ранке оставил у С.М.Соловьева. Замысливший во время краткого пребывания в Берлине в 1842 г. прослушать «по несколько лекций всех знаменитостей здешнего университета», он увидел в Ранке профессора, «коверкавшего на кафедре, как пьяная обезьяна, и желавшего голосом и жестами выразить характер рассказываемого события»¹⁴. Негативные впечатления о лекциях Ранке доминируют в документах рубежа 50–60-х годов. С.В.Ешевский, оставивший в своей записной книжке развернутые характеристики профессоров Гейдельбергского и Берлинского университетов, описал лекцию Л.Ранке об отношениях между Россией и Пруссией в начале XIX века, которую посетил в январе 1860 г. Лектор, прежде всего, неприятно поразил слушателя своим внешним видом, манерой поведения во время лекции, но разочаровал более «внутренней стороною изложения»:

«Ранке слишком много дает места ненужным подробностям, останавливается слишком долго на военных движениях, а между тем внутренняя сторона: народное движение, постановка партий, как-то уходят слишком на задний

¹⁰ ЦГИА РФ (СПб). Ф.733. Оп.56. Д.675. Л.83, 84.

¹¹ См.: Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982. С.160.

¹² Грановский Т.Н. Письмо Я.М.Неверову. 23.XI.1837. Берлин // Т.Н.Грановский и его переписка. Т.II. М., 1897. С.395.

¹³ Цит. по: Григорьев В.В. Т.Н.Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Кн.4. С.35–36.

¹⁴ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С.272. Примечательно, что К.Н.Бестужев-Рюмин [сам он, по словам Е.Ф.Шмурло, «восхищался Ранке»], находил, что «между Соловьевым и Ранке много общего: то же стремление к документальности рядом с способностью к широким выводам, к широким взглядам, та же нелюбовь ко всему мелкому, к сообщению того, что уже всем известно, то же отвращение от мелких воззрений, мелких анекдотов, скандалов...».

план...». Заключается запись словами: «...надо хорошо знать и уважать Ранке, как писателя, чтобы иметь терпение долго слушать его, как профессора, и не уйти с первой же лекции...»¹⁵.

С.В.Ешевский такое терпение имел. И если В.В.Бауэр, скорее, солидаризировался с Ешевским, поскольку, по воспоминаниям А.А.Мусина-Пушкина, «никогда не мог мириться» с «почти исключительно фактической стороной лекций знаменитого Ранке»¹⁶, то М.Н.Петров считал Ранке «самым интересным лицом» из «сорока преподавателей, читающих в берлинском университете историко-филологические науки»¹⁷.

Русские ученики особо ценили «историческую семинарию» Л.Ранке, которая была обязана ему своим появлением, разработкой программы, методики. На ее основе собственно и развилась школа Ранке. Новая форма учебного процесса зародилась в 1833 г. Анализ «системы Ранке», которая «была усвоена почти всеми германскими профессорами», ее сильных и слабых сторон давали многие русские слушатели¹⁸. Но главное то, что опыт Л.Ранке по созданию семинарской формы работы оказался востребованным в России, и даже значительно раньше, чем это случилось в других странах¹⁹. Очевидно, первым из русских учеников Ранке, включившим в свою практику преподавания семинары, был М.С.Куторга. Известный антиковед, профессор Петербургского универ-

¹⁵ «...надобно было видеть, какие жесты выделывал Ранке на кафедре и не одними руками, а всем телом... Вся лекция или лекции прошли в подобном кривлянии, поражающем весьма неприятно... Его фраза неправильна, некрасива, беспрестанные поправки, повторения и т.п.» (цит. по: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. СПб., 1882. С.334–335).

¹⁶ Лекции по новой истории проф. В.В.Бауэра. Т.1. СПб., 1886. С.16–17.

¹⁷ *Петров М.Н.* Отчет о занятиях адъюнкта Императорского харьковского университета. Харьков, 1861. С.17. М.Н.Петров отметил, что недостатки речи, присущие «от природы» (не совсем явственная речь, «необыкновенно живая манера изложения»), Ранке вполне компенсировал: «Профессор до такой степени близко знаком, проникнут своим предметом и принимает в нем такое душевное участие, что слушая его, можно подумать, что повествователь сам был не только свидетелем, но и участником рассказываемых событий и коротко, лично знал всех участвовавших в них деятелей» (С.17).

¹⁸ См.: *Петров М.Н.* Указ. соч. С.18–19; *Брикнер А.Г.* О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // ЖМНП. 1870; *Лучицкий И.В.* Историческая семинария Вуттке в Лейпциге // Университетские известия. Киев, 1874. №2. Ч.2. Отд.1. С.59–60).

¹⁹ Так, во Франции внедрение семинарской формы связано, в частности, с деятельностью Г.Моно, который, решая задачи перестройки системы исторического образования в Школе хартий, в 1870-е годы перенес в нее «методы немецких семинариев» и создал в нем свободную лабораторию научного исследования. В Англии заслуга введения исторических семинаров по образцу Л.Ранке принадлежала Д.Актону, занявшему в 1895 г. кафедру новой истории в Кембридже (см.: Шарифжанов И.И. Судьбы либеральной философии истории. Казань, 1989. С.14).

ситета, он в 1840-е годы организовал у себя на дому особые вечерние беседы со студентами, нечто вроде, по оценке В.П.Бузескула, «немецких семинаров». Занимаясь, по воспоминаниям В.В.Григорьева, «специальным разбором отдельных исторических вопросов», М.С.Куторга «на деле знакомил молодых людей с требованиями и приемами исторической критики»²⁰.

В Московском университете у истоков семинарской работы стоял С.В.Ешевский. В 1865 г. начал работать первый специальный семинар по всеобщей истории под руководством В.И.Герье, который приобрел достаточно ясную методическую и организационную структуру. Результатом его функционирования стало появление целой плеяды учеников (П.Г.Виноградов, Н.И.Кареев, М.С.Корелин, П.А.Ардашев и др.), продолживших совершенствование семинарской формы. Русские ученики Л.Ранке действительно пошли по пути включения в арсенал своей педагогической деятельности той формы учебной работы, честь создания и развития которой принадлежала немецкому историку²¹.

К началу 40-х годов относятся первые опыты перевода сочинений Ранке в России. Инициатором выступил журнал «Современник», предоставивший в 1842 г. свои страницы – характерно: в целях рекламы! – для публикации трех глав из книги Л.Ранке «Римские папы, их церковь и их государство в XVI и XVII вв.»²². Этот фундаментальный труд стал первым произведением Л.Ранке, полностью опубликованным в России, и выдержал три издания²³. В 1850-е годы издаются «Государи и народы

²⁰ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С.216.

²¹ Наблюдая «со стороны» процесс формирования академической историографии в России в сравнительном сопоставлении с подобным в США, американский исследователь Дж.Энтин писал: «В российской историографии особую роль сыграли традиции германской академической культуры. В практику российских университетов вживлялся дух семинаров Леопольда Ранке со свойственными ему высокими стандартами эрудиции, строгостью критического анализа источников, неукоснительным соблюдением норм и правил цивилизованной научной полемики. Эти элементы академической культуры не встречались в столь мощно и ясно выраженной форме в американской системе образования»²¹. С этим можно согласиться при условии, что под «духом» семинаров Ранке понимается не более того, о чем написал Дж. Энтин.

²² См.: Ранке Л. Положение протестантизма в 1563 г. – Сила папства после Тридентского собора. – Первые Иезуитские школы в Германии // Современник. 1842. Т. XXVIII. С.38–69. Ниже (с.96–108) была помещена заметка, в которой ставилась задача «поговорить о всех исторических трудах Ранке» и приводилось оглавление «Римских пап...» и книги «Государи и народы южной Европы».

²³ Ранке Л. Римские папы, их церковь и их государство в XVI и XVII вв. В 8 кн. СПб., 1842–47; 2-е изд.: 1869; 3-е изд.: Римские папы в последние четыре столетия. 1874.

южной Европы» (1856), «История Сербии»²⁴ (1857; 2-е изд. 1876). Творчество историка было представлено также переводами нескольких статей, биографических очерков²⁵. В 1888 г. В.К.Надлер, редактировавший «Лекции по всемирной истории» М.Н.Петрова, опубликовал в виде приложения к ним отрывок из «Всемирной истории» Л.Ранке «Всемирно-историческое значение средних веков»²⁶. В 1893–94 гг. «Русская мысль» напечатала в переложении Е.П.Щепкина автобиографию Л.Ранке²⁷. Еще один перевод известного труда Ранке «Об эпохах новой истории: Лекции, читанные Баварскому королю Максимилиану II» (1854) появился в России в 1898 г. Этот труд и на исходе столетия, по мысли представившего его П.Г.Виноградова, остался «при всей своей беглости и односторонности... ценным для русской публики», поскольку обладал «несомненными преимуществами» «первоклассного образца исторической литературы»²⁸.

На страницах русских периодических изданий регулярно печатались рецензии на произведения Л.Ранке. Так, «Современник» в мартовском номере за 1857 г. опубликовал рецензию-пересказ книги Л.Ранке «История Сербии по сербским источникам». Ее автор Н.Г.Чернышевский высоко оценил труд переводчика П.Бартенева и констатировал, что сам выбор сочинения для перевода «сделан очень удачно». Рецензент согласился с переводчиком в том, что, «кроме занимательного изложения, книга Ранке отличается от всех иностранных сочинений о Сербии наибольшею точностью»²⁹. Позднее Чернышевский, говоря о месте Ранке в европейской исторической мысли, писал,

²⁴ Впервые с этой книгой русского читателя познакомил А.С.Воронов, опубликовавший изложение главы «Османы» в «Современнике». См.: Ранке Л. Османы // Современник. 1846. Т.XLI. С.15–48, 149–176, 281–296.

²⁵ См.: Ранке Л. 1)Игнатий Лойола / Пер. А.Сперанского. М., б.г. 12 с.; 2)Три Габсбурга / Пер. А.Сперанского. М., б.г. 24 с.

²⁶ См.: Петров М.Н. Лекции по всемирной истории. Т.II. Харьков, 1888. Приложение. С.I–X. Публикация мотивировалась тем, что этот отрывок заключал в себе «самую лучшую в ученой литературе оценку всемирно-исторического значения средневековой эпохи» и соответствовал «по своему философскому содержанию... общему, идейному характеру» издаваемого курса (С.III).

²⁷ Щепкин Е.П. Автобиография Л.Ранке // Русская мысль. 1893. Кн.VIII; 1894. Кн.I, II.

²⁸ Виноградов П. Предисловие // Ранке Л. Об эпохах новой истории: Лекции, читанные Баварскому королю Максимилиану II. М., 1898. С.IV–V.

²⁹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.IV. М., 1948. С.544. Работа «Современника» по переводу и пропаганде трудов Л.Ранке была не случайной. Ее объяснил редактор журнала, который, сравнивая условия развития науки и назначение переводной литературы в странах Западной Европы и в России, в 1855 г. заключал, что в последней «...наука делается достоянием общества только в той мере, в какой передается на его языке. И ни об одном из европейских народов нельзя сказать этого так полно, как о русском». (Чернышевский Н.Г. Избр. Философские сочинения. Т.I. М., 1950. С.367). Ту же мысль спустя 10 лет высказал издатель «Вестника Европы» М.М.Стасюлевич. – Вестник Европы. 1866. Т.IV. Отд.III. С.39.

что его, а также Прескотта, Маколея творения «отличаются великими достоинствами»: «эти писатели должны быть поставлены выше Гизо и самого Шлоссера»³⁰.

На протяжении двух десятилетий (1866–1886) «Журнал Министерства народного просвещения» систематически публикует рецензии на труды Л. Ранке. Наиболее активным их автором был А. Г. Брикнер, представивший русскому читателю такие труды «знаменитейшего из современных немецких историков», как «Английская история преимущественно в XVI и XVII столетии» (1), «Немецкая власть и союз князей» (2), «История Валленштейна» (3), «Происхождение семилетней войны» (4) и др.³¹ Печатаются рецензии на сборники источников, составленные Л. Ранке³². В середине 1880-х В. П. Бузескул отрецензировал шесть изданных при жизни Ранке томов его «Всемирной истории»³³. В 1884 г. П. Г. Виноградов в «Очерках западно-европейской историографии» подверг разбору составившую третий том «Всемирной истории» «Историю Римской империи»³⁴. «Вестник Европы», «Исторический вестник» и «Журнал Министерства народного просвещения» публиковали материалы о юбилеях Ранке (1866–1867, 1886)³⁵, некрологи (1886)³⁶. С 1850 г. русскими учеными предпринимаются попытки определить место Ранке в исторической науке³⁷. Имя Л. Ранке прочно заняло место в российских энциклопедиях³⁸.

³⁰ Чернышевский Н. Г. Избр. философские сочинения. Т. II. М., 1950. С. 29–30. Такие оценки, в свою очередь, не являлись индульгенцией, и в последующем Чернышевский подвергал резкой критике взгляды Ранке на крестовые походы, на роль «исторических» и «неисторических» народов и т. д.

³¹ См.: Брикнер А. [Рец.] // 1) ЖМНП. 1867. Ч. СXXXV. Сентябрь. С. 221–242; 2) ЖМНП. 1870. Ч. CLI. Октябрь. С. 313–314; 3) ЖМНП. 1871. Ч. CLVI. Август. С. 280–292; 4) ЖМНП. 1872. Ч. CVXIII. Сентябрь. С. 125–193, а также: ЖМНП. 1871. Ч. CLVIII. Декабрь. С. 315–346 и др.

³² ЖМНП: 1870. Ч. CXI. Октябрь. С. 313–314; 1873. Ч. CLXIX. Сентябрь. С. 152–154; 1874. Ч. CLXXIII. Май. С. 309–310; 1877. Ч. CXCI. Май. С. 182–185.

³³ Бузескул В. П. 1) Всемирная история Ранке // ЖМНП. 1885. Ч. CCLX. Июль. С. 232–246; 2) Шестой том Всемирной истории // ЖМНП. 1886. Ч. CCLXIV. Март. С. 345–362.

³⁴ Виноградов П. Г. Очерки западно-европейской историографии. [Очерк] VI // ЖМНП. Ч. CCXXXI. Январь. С. 237–246.

³⁵ Пятидесятилетний юбилей доктората Л. Ранке // ВЕ. 1866. Т. IV. Отд. IV. С. 27–30; О торжестве 50-летнего юбилея доктората Л. Ранке // ВЕ. 1867. Т. I. Отд. IV. С. 15–16; Утин Б. И. [Ответная речь Леопольда Ранке на 50-летнем юбилее его доктората и вопрос о национальности в истории] // ВЕ. 1867. Т. II. Отд. III. С. 1–3; М. К. [Корелин М. С.] Два юбилея в Берлине // ВЕ. 1886. Т. II. С. 846–860.

³⁶ С. М. [Стасюлевич М. М.] Некролог. Леопольд Ранке // ВЕ. 1886. Т. III. С. 855–859; Бузескул В. Леопольд Ранке: Некролог // ЖМНП. 1886. Ч. CCXLVI. Июль. С. 50–61.

³⁷ Курторга М. Очерк новейших историков Западной Европы. I. Леопольд Ранке // Библиотека для чтения. Т. 99. СПб., 1850. С. 107–132; Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861; Герье В. И. Очерк развития исторической науки // Русский вестник. 1865. Т. 60; В. З. [Зотов В. Р.] Леопольд

Как видим, русское общество, читающая публика получали вполне достаточную информацию о Л.Ранке, его трудах, чтобы составить представление о его творчестве. Труды Ранке сделались в России известными и доступными по переводам, хотя назвать их популярными (особенно, если учесть, что в посмертном издании они составили 54 (!) тома) вряд ли правомерно. Незначительным этот «ручей» выглядит и в сравнении с объемом переводов произведений других властителей дум российских интеллектуалов, в первую очередь, французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо и других, интерес к которым «был действительно преобладающим»³⁹.

На этапе формирования науки всеобщей истории в России Л.Ранке оказал серьезное воздействие на этот процесс, прежде всего, своей исследовательской практикой, исторической критикой. Это видно уже при обращении к творчеству «первоначальников» науки всеобщей истории в России – антиковеда М.С.Куторги и медиевистов Т.Н.Грановского, П.Н.Кудрявцева.

М.С.Куторга одним из первых попытался определить место Ранке в европейской историографии и сделал вывод, что историческая мысль получила «прочное основание и удивляет постоянными открытиями» благодаря результатам работы «новой исторической школы».

Эта школа соединила «умозрения с критикой», которая «проникает в самую глубину предмета...; отыскивает историческую истину, разбирая и поверяя источники; ...обращает внимание на человека... Критика составляет драгоценную принадлежность нашего времени и необходимое условие историка. Где нет критики, – заключал историк, – там нет и истории». Основателями новой науки М.С.Куторга считает Нибура, Ранке и Гизо – трех историков, которые «проложили новый путь и своей гениальностью увлекли за собою целое поколение»⁴⁰. Представив основные труды Л.Ранке, написанные им к 1850 г., и указав, что они уже переводились на французский, английский, испанский, шведский и русский языки, М.С.Куторга объясняет факт их известности и высокой научности прежде всего тем, что автор ввел в оборот «обилие новых, прежде неизвестных материалов», в результате чего «история реформации приняла теперь совершенно новый вид». Для «лучшего уразумения заслуг

Ранке и его значение в исторической литературе // Исторический вестник. СПб., 1886. Т.XXV; *Виноградов П.Г.* Ранке и его школа // Русская мысль. 1886. Кн. IV; *Луцицкий И.В.* О заслугах Ранке в области исторической науки // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1888. Кн. 2; *Бузескул В.П.* Леопольд Ранке // *Бузескул В.П.* Исторические этюды. СПб., 1911 и др.

³⁸ *Ранке Л.* // Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Т. 3. СПб., 1864. С. 268; *Форстен Г.* Ранке // Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. С. 265–269; *Дживелегов А.К.* Ранке // Энциклопедический словарь Русского библиограф. ин-та Гранат. М., б. г. Т. 35. С. 600–605.

³⁹ *Далин В.М.* Ф. Гизо и развитие исторической мысли в России // *Далин В.М.* Люди и идеи. М., 1970. С. 360.

⁴⁰ *Куторга М.С.* Очерк новейших историков Западной Европы. Леопольд Ранке // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 111–112.

германского историка» М.С.Куторга детально обрисовывает тот поиск источников, который осуществил Ранке в архивах Венеции, Рима, в том числе в частных архивах, восходящих в конце XV в.: «Господин Ранке... открыл... множество новых источников: переписку папских нунциев, вместе с наказами (инструкциями) и отчетами; подробные жизнеописания многих пап, очень часто весьма откровенные, потому что не назначались для публики; биографии известнейших кардиналов; различные записки и дневники; мнения, поданные папе или в коллегии кардиналов, о политических мерах и политических событиях; статистические описания и подробные счета доходов и расходов»⁴¹. Л.Ранке был первым, кто работал с протоколами и актами имперского сейма, результатом стало то, что он «первым между всеми писателями представил события реформации в настоящем достоверном виде; ...он написал историю, о которой никто прежде и не догадывался; он открыл одним словом новый путь, по которому всякий может теперь идти без затруднения»⁴². По мнению М.С.Куторги, труды Ранке, «взятые со стороны критики и умозрения... превосходят все подобные сочинения, изданные в новейшее время». Только с точки зрения стиля, драматургии рассказа и слога Л.Ранке уступает французским историкам: «его речь обрывиста, краткая, часто даже темная и всегда неровная и тернистая, хотя однако нигде не натянутая..., совершенно чужда изящества...»⁴³.

Приведенные преднамеренно пространные цитаты передают, на наш взгляд, те чувства признания и благодарности немецкому ученому, которые испытывал его русский коллега и ученик. Нечто подобное находим и при обращении к характеристикам, данным Ранке Т.Н.Грановским и П.Н.Кудрявцевым. Грановский отдавал первенство в открытии «настоящих законов исторической критики» «величайшему историку XIX в.» Г.Нибуру, который оставался «без совместников». Ранке же, по его мнению, «примыкает к Нибуру», им «с блестящим успехом» были приложены к делу «уроки великого учителя». Определяя место Л.Ранке в развитии немецкой науки, Т.Н.Грановский в 1852 г. констатировал, что «в настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики в Германии», и что «его многочисленные ученики образовали школу, которой деятельность... уже принесла богатые плоды»⁴⁴.

П.Н.Кудрявцев в программной статье «О достоверности истории» (1851) также отдает первенство в подготовке «прочных оснований» (в другой формулировке – «исторической почвы») для «нового историче-

⁴¹ Там же. С. 119.

⁴² Там же. С. 125.

⁴³ Там же. С. 114–115.

⁴⁴ Грановский Т.Н. О современных задачах истории // Соч. М., 1900. С.18. Т.Н.Грановский стремится представить в лекционных курсах историографический процесс в полноте и определить заслуги всех его участников. Так, он обращает внимание слушателей на исследование Шлоссера – «патриарха европейских историков, мужа-историка, не имеющего себе подобного в Европе» (Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. С. 243).

ского здания» Нибуру⁴⁵. «Важнейшими» же представителями, в лице которых «спеет, мужает» историческая наука, русский историк называет, наряду с Гизо, Тьерри, Шлоссером, Маколеем, и Ранке⁴⁶. Обращаясь к оценке вклада последнего в решение задач изучения Реформации, он подчеркивает, что желающий узнать ее историю «преимущественно с политической стороны, найдет превосходное изображение ее с этой точки зрения в сочинениях Ранке»⁴⁷.

Лекционные курсы Т.Н.Грановского и П.Н.Кудрявцева свидетельствуют, что они обращались к трудам Л.Ранке («История романских и германских народов с 1494 по 1535 г.», «Государи и народы Южной Европы в XVI и XVII вв.», «Римские папы, их церковь и государство в XVI XVII вв.», «История Германии в эпоху Реформации» и др.) при изложении истории позднего средневековья, черпали из них фактографическую информацию, недостаточность которой, прежде всего, и объясняет эти обращения⁴⁸.

Т.Н.Грановский постоянно дает характеристики трудам Л.Ранке.

В лекционном курсе 1849/50 г. рефреном проходят следующие оценки: *лекция 27 сентября*: «Состояние Италии в конце XV в. ... Лучшее еще что есть – это история романских и германских народов от 1495–1535 года Ranke. Вообще состояние Италии и особенности края охвачены здесь весьма удачно; книга Ранке, как выразился один, есть лучший комментарий к сочинениям Макиавелли»⁴⁹. *Лекция 6 октября*: «В 1-м томе «Истории римских пап» Ranke образцовым образом изложено состояние Турции в это время. Это сочинение составлено из донесений венецианских послов, знавших хорошо Турцию...»⁵⁰. *Лекция 26 ноября*: «Итальянские войны доселе не имеют еще отдельного историка: лучшая попытка в этом роде принадлежит Ranke. Но эта книга не оконченная, притом ей можно сделать один существенный упрек: итальянские войны нельзя понять настоящим образом, не приведши их в связь с духовным движением этого времени. Результаты их не были одни политические... Но превосходно обсуждение источников в прибавлении Ranke от 1453 до 1783 г. Это образцовое произведение исторической критики; каждый писатель оценен по достоинству, показаны его недостатки и достоинства и заимствования, что

⁴⁵ Кудрявцев П.Н. О достоверности истории // Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М., 1991. С.165, 164.

⁴⁶ Там же. С.168.

⁴⁷ Там же. С.174.

⁴⁸ См.: Примечания // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С.382, 387, 390 и др. Здесь можно сослаться на объяснение причин перевода иностранных книг М.М.Стасюлевичем. Фактически, солидаризируясь с Н.Г.Чернышевским в различении целей переводов книг за рубежом, где «переводная литература дополняет свое собственное познание» и в России, где она «заменяет его собою», Стасюлевич фиксирует также, что переводы осуществляются «с целью сообщить новые сведения, которых совсем нельзя добыть в русской литературе» (ВЕ. 1866. Т.IV. Отд.III. С.39).

⁴⁹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С.36.

⁵⁰ Там же. С.47.

должен иметь в виду, занимающийся историей»⁵¹. Лекция 1 декабря: «Из новейших сочинений самое знаменитое и полезное – книга Ранке «Geschichte der deutschen Reformation»... Ранке не довольствуется трудами своих предшественников и изданиями материалов, он тщательно изучил памятники во Франции и Бельгии. Вследствие того он представил самую полную картину Реформации, какая у нас есть до сих пор»⁵².

Повлияли ли труды Л.Ранке, шире – его историческая концепция на первых русских медиевистов? Прав ли О.Л.Вайнштейн, определявший, в частности, что Т.Н.Грановский формировался под влиянием Гизо, Шлоссера, и лишь в небольшой степени – Ранке⁵³, или П.С.Шкуринов, который, отправляясь от свидетельств Д.Л.Крюкова, П.Н.Кудрявцева и «особенно В.О.Ключевского», подчеркивает, что «на многие суждения Грановского, относящиеся к проблемам методологии конкретно-исторического исследования, сильное влияние оказала позитивистская доктрина, а именно идеи его немецких учителей – Риттера и Ранке»⁵⁴.

Исследователи творчества Т.Н.Грановского пока только «разводили» двух историков, стремясь обнаружить «разрыв», отсутствие какой-либо «школы мысли»⁵⁵. Читая данные Грановским определения предмета исторической науки – им должны быть «великие люди, цвет народа, дух которого в них является в наибольшей красоте; между событиями – великие перевороты, которыми начинаются новые круги развития.., наконец, между формами.., в которых народная жизнь просторнее движется и чище выражается: церковь и государство» – нетрудно увидеть близость взглядов немецкого историка и его русского ученика. И далее:

«Государство есть самая обширная и существенная из внешних форм народа, путеводная нить в его истории», получающая свой авторитет «от других духовных сил, именно от религии, в которой дух народа гораздо непосредственнее и чище отражается»⁵⁶.

Государство, освящаемое религией как высшее проявление народного духа, превращается в исторической схеме Т.Н.Грановского в своего рода цель исторической деятельности народа. Но если Л.Ранке считает возможным оперировать понятием «прогресс» лишь «в области материальных интересов», но не нравственности и, соответственно, не допускает его применения «к связи веков вообще», то русский историк,

⁵¹ Там же. С.75.

⁵² Там же. С.86.

⁵³ См.: Вайнштейн О.Л. *Историография средних веков*. М., 1940. С.299.

⁵⁴ Шкуринов П.С. Указ. соч. С.104–105.

⁵⁵ Гутнова Е.В., Асиновская С.А. Грановский как историк // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С.339. Эта тема требует специального анализа.

⁵⁶ Грановский Т.Н. Задачи всеобщей истории // Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. СПб., 1895. С.320.

обнаружив постоянное стремление людей к «одной великой цели», предлагает иную трактовку прогресса:

«При одной и той же цели различны только пути, более или менее в ту или другую эпоху сознательные, так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее»⁵⁷.

Продолжением достоинств оказались недостатки: Грановский отмечает в творчестве Ранке увлечение малозначительными деталями:

«Так же как Нибур, он очень много опускает, предполагая дела известными, и мастерски умеет пользоваться одним каким-либо малейшим обстоятельством, чтоб им объяснить целое происшествие, которое казалось прежде необъяснимым. Это иногда заставляет автора впадать в ошибки; такового, например, его стремление возводить мелкие обстоятельства в важнейшие события»⁵⁸.

Значительное внимание уделил творчеству Ранке М.Н.Петров – автор первого историографического труда о развитии современной ему всеобщей истории⁵⁹. Харьковский историк, прежде всего, подчеркнул место Ранке в «исторической школе», основателями которой в области права были Эйхгорн и Савиньи, в области истории – Нибур, Мюллер и Шлоссер⁶⁰. Но с именем Ранке связана «новая историческая школа», отличающаяся характером и от «исторической школы» времени Савиньи и Нибура, и от существующего направления «субъективного прагматизма Роттека», и от отделившейся от самой исторической школы «ветви «историков культуры»»⁶¹, и занимающая господствующее положение в германской историографии. Ее идеалами являются «гражданское и гуманное воспитание общества», «верное понимание прошедшего».

Последнее достигается решением следующих задач: (1) «собрание и восстановление всех памятников и документов», (2) «критическая оценка и разработка этого материала», и (3) «труднейшая» задача – восстановление разрушенной анализом связи «между отдельными атомами очищенного критикой материала»⁶². При этом историк не должен иметь готовых представлений об изучаемой эпохе: ее образ должен возникнуть «сам собою из связи восстановленных во всей жизненной непосредственности явлений» и вне связи с какой-либо спекулятивной философской системой.

⁵⁷ Грановский Т.Н. Лекции... С.240.

⁵⁸ Там же. С. 382.

⁵⁹ Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: Сравнительный историко-библиографический обзор. Харьков, 1861.

⁶⁰ Там же. С.40

⁶¹ Там же. С.57. Будущее исторической науки М.Н.Петров видел в ее развитии на путях теоретического синтеза, когда каждое из направлений передаст то, что у него есть «здорового и разумного» – «популярность и практичность прагматического направления, смелость ясной, логической планировки событий, свойственная философии истории, и всестороннюю полноту историков цивилизации».

⁶² Там же. С. 58, 59.

Потому, подчеркивает М.Н.Петров, «объективно-прагматическая» история есть вместе и «философская».

М.Н.Петров вводит еще одну – политическую – «составляющую» историографического анализа: «новейшая историческая школа» характеризуется им как консервативное направление. И хотя ее консерватизм историограф называет «разумным», далеким от «тупого упорства и благоговейного преклонения перед стариной», характерного для реакции, он все же не может не подчеркнуть размытость границ между ними. Так в русской историографии появляются наблюдения о реакционном характере «исторической школы» в лице Л.Ранке. М.Н.Петров находит, что реализация положения теоретиков «исторической школы», согласно которому историк должен быть национален, выводит его на «скользящий путь»: «...от национальной точки зрения на события до одностороннего патриотизма прежних времен – один только шаг». Но историк не должен и отрешаться от «своего народного воззрения», если он «желает опытами других стран и народов воспитывать своих соотечественников»⁶³. Потому М.Н.Петров одобряет стремление школы Ранке воздерживаться «от всякого суда над событиями минувшей жизни с точки зрения нынешнего времени»⁶⁴. С этих позиций он рассматривает конкретные произведения главы «объективно-исторической школы», указывая их сильные и слабые стороны, их место в развитии соответствующих отраслей историознания:

– «История романских и германских народов»: слабая в литературном отношении, но основанная на множестве новых источников, положила начало критическому методу Ранке. Особо высоко оценивает М.Н.Петров приложение к «Истории...» – «К критике новых историков», в котором Ранке «с неподражаемым искусством» разрушил «авторитеты историков эпохи возрождения» и положил начало «ученой разработке» истории Европы с XV в..

– «Государи и народы Южной Европы»: книга, имея вид «каких-то дипломатических мемуаров» или «записок... путешественника», не являя собой «связанного, строго распланированного исторического рассказа», предлагая ряд тонко выработанных портретов, в искусстве которых «едва ли кто превосходит Ранке», в своей целостности рисует «полную и законченную картину», дает «ясное понятие о нравственном и политическом состоянии века».

– «Римские папы, их церковь и государство»: «самый замечательный» труд Ранке, достоинства которого являются «невозмутимое, высокое беспристрастие», «утонченный анализ лиц и мотивов, двигавших ими».

– «Немецкая история в век реформации»: одно из лучших произведений Ранке, в котором по-прежнему «очерчены мастерской рукой и закончены с обычной полнотой и гармонией» портреты исторических деятелей, но в нем

⁶³ Там же. С.61-62.

⁶⁴ Там же. С.84. Эти идеи М.Н.Петров повторяет в своих «Лекциях по Всемирной истории» (Т.IV. Харьков, 1894. С.2-3). Он явно не приемлет отношение к истории Шлоссера (как «на трибунал, производящий приговор над событиями и лицами...») и противопоставляет ему «объективное отношение к историческому материалу», свойственное «исторической школе».

«холодная, дипломатическая наблюдательность» автора не гармонирует с предметом сочинения; в результате «изображение колоссальной духовной борьбы... часто теряется в массе политических подробностей и эпизодов...».

– «*Девять книг прусской истории*»: «остроумное, но идеализированное повествование», которое «отзывается некоторым пристрастием к Гогенцоллернам и вообще уступает другим трудам знаменитого историка»⁶⁵.

– «*История Франции...*» и «*История Англии...*»: несмотря на «холодность и дипломатический взгляд на вещи», – «бесспорно, лучшие руководства» для изучения этих тем⁶⁶.

Охарактеризовав труды Ранке, высветив их достоинства, Петров констатировал противоречивость ситуации, в которой они «жили» в Германии на рубеже 1850-60-х гг.: если наука на них смотрела с «величайшим уважением», то в «немецкой публике» большой популярностью они не пользовались из-за «холодной наблюдательности», «поклонения факту», консервативных убеждений автора и отрывочного изложения⁶⁷.

Если М.Н.Петров рассмотрел деятельность Л.Ранке в координатах критической био-библиографии, то В.И.Герье попытался показать ее место на поле развития философско-исторического знания⁶⁸. Для этого он избрал метод сравнения «двух замечательных историков» – Шлоссера и его ученика Гервиниуса с представителями «историко-критической школы» Нибуром и Ранке. Возвышение трудов Шлоссера на «степень первоклассных сочинений» связано было, по Герье, с тем, что он под влиянием философии Канта встал на путь извлечения «нравственных и назидательных уроков», чем принес современникам «большую пользу, пробуждая в них уснувшие гражданские инстинкты и политический интерес». Но его критика, влившаяся в 1820–30-е годы в поток «либерального рационализма» и доставившая ему и другому историку – Роттеку необыкновенный успех, превратилась у Шлоссера в «механическую привычку», часто переходила в придирчивость. Пренебрежение критическими результатами других историков, известная самоуверенность способствовали тому, что Шлоссер рисовал далекие от исторической истины картины. Гервиниус, в свою очередь, под влиянием философии Гегеля приобрел склонность «конструировать (выделено В.И.Герье – Г.М.) данные исторические факты по априористической идее, положенной им в основание». Рождение историко-критической школы, считает В.И.Герье, и было реакцией на попытки

⁶⁵ Там же. С. 74–79. В комментариях к 4 тому «Лекций по всемирной истории» М.Н.Петрова Бузескул счел важным указать, что после переработки, осуществленной Л.Ранке в 70-х гг., этот труд, изданный под названием «Двенадцать книг прусской истории», стал «более свободным от отмеченных недостатков» (Петров М.Н. Указ. соч. Т.IV. С.81-82).

⁶⁶ Там же. С. 79, 3.

⁶⁷ Там же. С. 79–80.

⁶⁸ Герье В.И. Очерк развития исторической науки // Русский вестник. Т.60. М., 1865. С.34–40; Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865.

«сделать из истории поприще, на котором могли бы мериться силами различные философские системы и политические теории».

Нибур первым определил задачу истории, которая состоит не в том, чтобы доставлять читателям художественное наслаждение, не в том, чтобы извлекать практические правила и политические советы, а в изыскании научной истины. Из такого понимания следовал важный вывод: «историк должен забыть о себе перед историческим фактом, ...восстановить его значение не по отношению к себе и своим современникам, а по отношению к самому факту и к среде, которая его породила». Путь к решению выясненной задачи был также найден Нибуром, разработавшим метод критического анализа источников и применившим его к изучению древней истории. «Бессмертная заслуга Леопольда Ранке» состояла в его применении к средневековой и новой истории. Но она – «заслуга историка», по мнению Герье, уступает его же «заслугам учителя в Берлинском университете»: исторический семинарий Ранке стал истоком «обширной и блестящей школы в науке», представители которой овладели «серьезным взглядом на задачу истории», овладели критическим методом и заняли почти все исторические кафедры в немецких университетах. Заметим, Герье видит и недостатки, обнаружившиеся в развитии школы: ее «младшие представители» увлеклись копанием в мелочах; в университетах Германии – в середине 60-х годов – практически перестала читаться философия истории⁶⁹.

Во всей полноте проблема «как “измерить” влияние Л.Ранке на развитие исторической науки?» была поставлена уже после 1886 г. Это сделал П.Г.Виноградов, продолживший работу, начатую названной выше рецензией на «Всемирную историю» Ранке⁷⁰. Глубокий знаток истории европейской исторической мысли, он обратил внимание читателей не только на огромный объем научного наследия немецкого историка, не только на качественные характеристики сочинений, между которыми, образовавшими более 50 томов, не было «ни одного составленного кое-как, загроможденного не переработанным материалом». Основное значение «дела Ранке», по Виноградову, состояло не только в том, что он «создал основания истории Европы XVI и XVII веков» – тот «краеугольный камень, на котором стоят все последующие строители», а в «направлении науки по известному определенному руслу, в духовном преобладании над работой целого ряда ученых поколений»⁷¹. Именно последнее позволяет его ставить в один ряд с Нибуром.

Характеризуя творчество Ранке, П.Г.Виноградов обращается к особенностям его формирования и эволюции как ученого, влияния совре-

⁶⁹ Там же. С.38-40.

⁷⁰ См.: Виноградов П.Г. Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн.IV.

⁷¹ Там же. С.213.

менности (политических преобразований и исторических личностей, в том числе «людей реакции» — Меттерниха, Генца, Фридриха-Вильгельма IV, Бисмарка, «духовной почвы», создаваемой такими мыслителями, как Гримм, Савиньи, Гегель и др.), анализирует политические позиции и идеалы Ранке, их отражение в исследовательской практике. Особое внимание уделяется методу Ранке, формированию на его основе школы Ранке и отношению к нему его учеников.

Под пером историографа-либерала Л.Ранке предстает как ученый, который не декларирует, а действительно реализует и в своих исследованиях, и в политической деятельности принцип объективности: «ничто не поражает так в книгах Ранке, как равномерный интерес к разнородным и враждующим силам: к Франции и Испании, к папству и протестантизму, к монархистам и радикалам, — в этом нет навязанного беспристрастия. Знаменитая объективность Ранке прямо вытекает из его исторического понимания, из признания самостоятельного права всякого законченного существования, всякой организованной силы отстаивать себя»⁷². Потому Ранке, по мнению Виноградова, «никогда не впадал в грубое восхваление Пруссии, или монархии, или немецкого протестантизма»; защищая «прусскую своеобразность», он приходил и к признанию «французской своеобразности в ее национальных пределах»; подвергая критике либералов, — «без особенного затруднения» признавал «возможность социалистической организации труда». Добавим, что П.Г.Виноградов отмечает те суждения Ранке, в которых он признает, что «необходимо открыть обществу самодетельность», что «пора патриархальной бюрократии прошла»⁷³. По Виноградову, Ранке смог воспринять влияния современных ему умственных направлений, но главное, он, как гениальная личность, «воспользовался этим восприятием». В результате Ранке «чужды партийная риторика Маколея, лирическая страстность Мишле, тщательно налаженная живописность Тьерри». Закономерным было то, что Ранке «сделался руководителем исторической критики не только в Германии, но и для всей Европы». В

⁷² Там же. С.219. В другом месте П.Г.Виноградов писал: «Никто не умел лучше Ранке проследить контрасты и политические взаимодействия между руководящими государствами, никто не наметил в общем так верно всемирно-историческую последовательность этих отношений» (*Виноградов П.Г. Предисловие // Ранке Л. Об эпохах новой истории. С.IV*). Б.Кроче в 1917 г. придет к тождественным наблюдениям: именно Ранке решил задачу реализации «дипломатического подхода»: «...убежденный лютеранин, он пишет историю папства..., и ее с благосклонностью принимают во всех католических странах; немец, он пишет историю Франции и не вызывает неудовольствия французов» (*Кроче Б. Теории и истории историографии. М., 1998. С.174*).

⁷³ Там же. С.217.

этом качестве он пошел дальше Нибура, так как «полнее и вернее его установил приемы перекрестного допроса критики»⁷⁴.

Последующая историография не могла обойти вниманием выдвинутый П.Г.Виноградовым тезис о «самом слабом месте» трудов немецкого историка, какое занимает «роль материальных факторов и тех хозяйственных, социальных, правовых процессов, которые не находят себе непосредственно выражения на поверхности государственной жизни, хотя самым решительным образом влияют на нее»⁷⁵. У Виноградова приведенный тезис менее всего содержит упрек в адрес Ранке, поскольку тому «пришлось отказываться от одних задач и пристальнее заниматься другими». Критика обращена в адрес его учеников, которые «особенности учителя» «иногда доводят до нелепости», «слишком часто забывают пример учителя». Историограф, фактически, ставит вопрос о последующем развитии школы Ранке, ее месте в науке. Заключив, что, хотя сам Ранке «не имеет себе равного» «в области исторической критики, в понимании органического развития, в применении художественного синтеза», П.Г.Виноградов подчеркивает, что он и его «школа» составляют «только одно направление исторической литературы». Характер же развития науки таков, что «одно направление не вытеснит и не должно вытеснять другого, – они должны уравниваться»⁷⁶.

Эти размышления П.Г.Виноградова о творчестве Л.Ранке вливались в его учение о механизмах взаимодействия научных направлений и школ в историческом познании, их исторической роли. Русский ученый выступает сторонником теоретического плюрализма, что не мешает ему связывать новейший этап развития исторического познания с повышенным вниманием как раз к сфере материальных и социальных отношений. На смену «политической историографии» после 1848 г., считал Виноградов, «в силу общих условий, действующих помимо прямого заимствования и сплетающих разноплеменных исследователей в теоретические группы»⁷⁷, приходит «социальная историография» – «социально-экономическая школа». Но и в этот новый период наследие Ранке, его «Всемирная история», хотя и представляет «до известной степени, не теперешнее состояние науки, ...а общие воззрения предшествующей эпохи в развитие историографии», заслуживает «всякого внимания»⁷⁸.

Поклонниками и последователями Л.Ранке в конце XIX в. продолжали оставаться те русские историки, которые специализировались в сфе-

⁷⁴ Там же. С.221-222.

⁷⁵ Там же. С.222.

⁷⁶ Там же. С.223, 224.

⁷⁷ Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. С.33.

⁷⁸ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // ЖМНП. 1884. Ч.СХХХI. С.246.

ре политической истории, истории международных отношений нового времени. Среди них – Г.Ф.Форстен, В.К.Надлер⁷⁹, Е.Н.Щепкин⁸⁰, который для того, чтобы помочь русским читателям постичь феномен Ранке и его школы – «крупного, подавляющего явления в культурной истории XIX в.» – подготовил и опубликовал объемный реферат автобиографии Ранке⁸¹. Г.Ф.Форстен был учеником В.В.Бауэра по Петербургскому университету. Во время первой заграничной командировки в 1885-1886 гг. он обрел в Германии учителей и консультантов, вышедших из школы Ранке. Среди них – издатель и биограф Ранке А.Дове, ученик Ранке и Зибеля проф. В.Мауренбрехер и др.⁸² Вхождение Г.В.Форстена в «школу мысли», идущую от Ранке, было отмечено К.Н.Бестужевым-Рюминым, который, описывая защиту им докторской диссертации, подчеркнул, что «благодарное влияние» Ранке отражено во всем сочинении: «Как Ранке, Вы поставили свой вопрос на всемирно-историческую почву (или шире – общеевропейскую); как Ранке, Вы основали свое изложение на архивных источниках; наконец, как Ранке, Вы представили ряд глубоко верных и интересных характеристик: Грозный царь, шведский Эрих, Густав-Адольф и Валленштейн ожили перед нами»⁸³.

В полной мере отношение Г.В.Форстена к Ранке проявилось в написанной им для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона статье, содержащей, во-первых, самую полную до настоящего времени биографию немецкого историка на русском языке, во-вторых, характеристики-«ответы» на основные вопросы, возникавшие в дискуссиях о Ранке⁸⁴. В изображении Форстена, Ранке – объективный «до холодности» историк, соединивший в себе «с удивительной гармонией» исследователя, философа и художника. Даже наиболее «патриотическая» его книга «История Пруссии» «чужда... шовинизма последующих прусских историографов»⁸⁵. Г.В.Форстен связывает достижения Ранке с его огромной работой в архивах, с критическим методом и с выработкой особой всемирно-исторической точки зрения. Большое внимание Г.В.Форстен уделяет выяснению отношения к Ранке и его трудам в ино-

⁷⁹ Его преимущественные интересы лежали в области внешней, политической и военной истории. В 80-е годы вел со студентами практические занятия по «*Monumenta Germaniae*». Считал Л.Ранке «гениальным», «великим историком» (Надлер В.К. [примечания] // Петров М.Н. Лекции по всемирной истории. Т.II. Харьков, 1888. С.6).

⁸⁰ Ученик В.И.Герье, автор труда «Русско-австрийский союз во время Семилетней войны» (1902), основанного на материалах Венского и Копенгагенского архивов.

⁸¹ [Щепкин Е.] Автобиография Л.Ранке // Русская мысль. 1893. Кн.VIII, 1894. Кн.I, II.

⁸² См.: Кан А.С. Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.14.

⁸³ Цит. по: Кан А.С. Указ. соч. С.13.

⁸⁴ Форстен Г. Ранке // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. С.265–269.

⁸⁵ Там же. С.266-267.

национальных историографиях⁸⁶, игнорируя, правда, российскую. Не обойдены вниманием в статье ни политические взгляды ученого, ни его общественная, ни, разумеется, преподавательская деятельность. Статья обнаруживает в авторе безусловного поклонника «величайшего из историков нашего столетия»⁸⁷.

На рубеже 1870-80-х годов в России на арену исторического познания вступают историки нового поколения, новой формации, которые уже не были учениками Л.Ранке, даже не проходили его «школы мысли». Складывается «русская историческая школа». Представители ее старшего поколения, ученики В.И.Герье – Н.И.Кареев, П.Г.Виноградов, М.С.Корелин и даже сформировавшиеся вне московской традиции М.М.Ковалевский, И.В.Лучицкий – как *историографы*, уделяли внимание творчеству Ранке, но как *исследователи* экономических и социальных отношений, политико-правовых и идеологических процессов практически не обращались к его трудам. Показательным можно считать, например, то, что имя и труды Л.Ранке не упоминались Н.И.Кареевым в исследованиях, посвященных теории исторического знания, в том числе вопросам метода исторической науки, критики источников, историческим обобщениям и т.п.⁸⁸ Сам Н.И.Кареев объяснял это тем, что «очень старая литература» была «вне круга» его специальных интересов, и оправданность этого объяснялась им происходящей постоянно «сменой мод» – заменой одних идей, пользовавшихся популярностью, другими⁸⁹.

⁸⁶ Рефреном в статье проходят такие свидетельства: «...на «Историю пап» обратили внимание все ученые Европы», «французский критик отмечает изумительно верно сделанные характеристики Екатерины Медичи, Генриха IV и Ришелье», «английская критика с величайшей признательностью отнеслась к труду немецкого ученого» (там же).

⁸⁷ Так характеризовал Форстен Ранке в вводной лекции учебного курса в 1894 г.

⁸⁸ Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1915. Это объясняется и тем, что историки «русской исторической школы» тесно связаны с обществознанием Франции и Англии. Ср.: в знаменитом «Введении в изучение истории» французских историков Ланглуа и Сеньобоса имя Ранке упоминается лишь один раз – в перечне «учеников-историков» Гегеля (*Ланглуа и Сеньобос*. Указ. соч. СПб., 1899. С.227). Э.Фриман в «Методах изучения истории» однажды указывает на Ранке, как на инационального ученого, которому, по определению, не доступно постижение учреждений другой страны (*Фриман Э*. Указ. соч. М., 1893. С.175). Иное – в труде немецкого историка Бернгейма «Введение в историческую науку», который связывает «сознательное зарождение... новой критической методы», преобразовавшей историческую науку, с первыми трудами Л.Ранке, а разработку и распространение – с исследовательской и преподавательской работой его учеников (с.61–62).

⁸⁹ Кареев Н.И. Указ. соч. С.4, 14. Заметим, что в своих мемуарах, содержащих сотни имен интеллектуалов европейских стран ни М.М.Ковалевский, ни Н.И.Кареев ни разу не упомянули Ранке (при том, что Ковалевский 1872 г. провёл в Берлине). См.: *Ковалевский М.М.* Моя жизнь (Архив РАН. Ф.603. Оп.1. Ед. хр. 126); *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990). Объясняя это, надо учесть условия и время (1914 и 1923 гг.) написания мемуаров.

Это, впрочем, не означало, что тот же Кареев недооценивал Ранке: его труды рекомендовались при изучении европейской истории эпохи Реформации и Просвещения⁹⁰; философско-исторические идеи Ранке, по мнению Кареева, не могли быть обойдены при историософском анализе, например, Великой французской революции⁹¹.

Исследуя вопрос об отношении к Л.Ранке историков «русской исторической школы», следует выделить единственный в своем роде документ, вышедший из под пера М.С.Корелина. В письме, направленном им в «Вестник Европы», он рассказал о праздновании в Берлине в конце 1885 – начале 1896 гг. двух юбилеев: 90-летия Леопольда фон Ранке и 25-летия царствования императора Вильгельма⁹². На основе анализа речей, прозвучавших на этих празднествах, М.С.Корелин представил русскому читателю совершенно неизвестного ему Ранке. М.С.Корелин увидел противостояние двух различных направлений в понимании процессов немецкой истории XIX века, самого крупного ее события – объединения Германии. Выразителем одного, ставшего официальным, признавшим движущим началом объединения страны военное могущество, силу, войну, «кровь и железо», выступил проф. Г.Трейчке, произнесший речь на юбилее императора. Другое направление – «мягко, но решительно» – выразил в речи на своем юбилее «старый учитель учителей».

Ко всему сказанному Ранке, по мнению Корелина, можно относиться с доверием в силу его профессиональных качеств – широкой терпимости, беспристрастности, умения развивать у каждого своего ученика его индивидуальные призвания, что позволило создать школу историков (здесь цитируется речь Г.Зибеля), но особенно потому, что Ранке обратился к изучению судеб других, кроме Германии, стран и народов – Англии, Франции, Италии, славянских стран – и «повсюду обнаружил способность глубоко входить в жизнь изучаемого народа и в душу изображаемого деятеля». Именно это качество Ранке – «обширное знание исторической жизни различных народов» – позволяет Корелину заключить, что «нельзя найти в целом мире... более авторитетного судью для современной Германии»⁹³. И далее следует переложение концепции Ранке. Нам важен вывод Корелина: по Ранке, могущество объединенной Германии – результат победы идей нового времени, «идей 89 года», но не революционным путем, который делает «невозможным правильный прогресс всемирной истории», а путем «широкого культурного

⁹⁰ См.: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Т. I. СПб., 1908. С.324, 334; Т. II. Пг., 1915. С.245, 292, 364, 552, 593; Т. III. С.295.

⁹¹ См.: *Кареев Н.И.* Французская революция в философии истории. Сыктывкар, 1998. С.110–114.

⁹² М.К. [Корелин М.С.] Два юбилея в Берлине. Письмо из-за границы // *Вестник Европы*. 1886. Т. II. Кн.4 (апрель).

⁹³ Там же. С.856.

развития и реформ», которыми был побежден «революционный деспотизм, уничтожавший свободу и препятствовавший прогрессу». Обращает Корелин внимание и на отношение Ранке к Франции: оно «далеко от национальной исключительности»; побежденная Франция – такая же культурная сила, как и Германия, а потому для решения стоящих перед странами задач не требуется новой борьбы: «Пусть господствует между обеими нациями соревнование, а не вражда», – цитирует Корелин Ранке, подчеркивая, что «старый учитель» указывает «новым немцам» путь развития. В речи Ранке М.С.Корелин усмотрел «чрезвычайно утешительное явление», призыв немцев «к знакомой им культурной работе в интересах человечества»⁹⁴.

Творчество Ранке не привлекает как предмет специального исследования представителей поколения историков, вступающих в науку в 1890 – 1900-е годы. Его имя, разумеется, не забыто, его методология была в поле зрения и неокантианского направления теории исторического познания⁹⁵, и тех направлений, которые полемизировали с ним. Можно сослаться, например, на попытку критического рассмотрения знаменитой формулы Ранке: «Не судить и не поучать должна история, а лишь рассказывать, как было дело», предпринятую Р.Ю.Виппером. Он поставил под сомнение саму возможность выполнения этой задачи историком как на стадии подбора фактов, так их интерпретации и оценки, поскольку на него оказывают воздействие и его субъективные свойства, и те идеи, которые он исповедует. Сам Ранке брал во внимание преимущественно важные государственные акты и отбрасывал огромное количество материалов⁹⁶.

В том же 1911 г., когда вышла книга Р.Ю.Виппера, издал в Харькове «Исторические этюды» В.П.Бузескул, интерес которого к Ранке восходит еще к середине 1880-х годов. В собрание своих наиболее значительных работ историк поместил и опубликованный в 1886 г. некролог «Леопольд Ранке»⁹⁷. По убеждению автора, Л.Ранке – «один из величайших историков XIX столетия, учитель многих поколений», он представлен как ученый, произведший «переворот в изучении новой истории» «строгим критическим методом», введением в круг исследования новых источников, своей объективностью. Упоминаем об этом потому, что спустя четыре года, в условиях первой мировой войны, задавшись целью выяснить происхождение «современной германской идеологии», В.П.Бузескул под влиянием «переживаемых событий», которые, по его

⁹⁴ Там же. С. 859-860.

⁹⁵ См.: *Ростиславлева Н.В.* От Шлоссера к Ранке: истинная или мнимая преемственность исторического знания // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. М., 2000. С. 188.

⁹⁶ *Виппер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 64.

⁹⁷ *Бузескул В.П.* Леопольд Ранке // Исторические этюды. Харьков, 1911. С. 172–186.

определению, «на многое открыли глаза», пожалуй, впервые в российской историографии обнаруживает у Ранке не просто прусофильские тенденции, а характеризует его «панегеристом Гогенцоллернов», хотя — добавляет — «довольно умеренным и холодным». Обратившись за «заветными мыслями» ученого к его «Запискам», Бузескул усматривает, что Ранке уже в 1848 г. особое значение придавал «силе, армии», сочувствовал «типу военной монархии, милитаризму», верил в миссию Пруссии, осознавал опасность для Германии со стороны Франции. В поисках «нового» лица Ранке В.П.Бузескул обращается к известному факту, когда Ранке посоветовал германскому правительству аннексировать Швейцарию. Наконец, он напоминает, что Ранке разделял «до некоторой степени» гегелевскую сентенцию «что действительно, то разумно», и что Бисмарк назвал его книгу в числе трех своих любимых книг... Выдвигая тезис о том, что идеология германского милитаризма яснее и рельефнее всего проявляется в немецкой исторической науке, В.П.Бузескул находит в числе ответственных за возникновение этой идеологии Л.Ранке, за ее развитие — его многочисленных учеников⁹⁸.

В.П.Бузескул продолжил исследование творчества Ранке и после революционных потрясений 1917 г. Его статья «Из истории критического метода. Ранке и Штенцель»⁹⁹ (1926) может рассматриваться как последняя специальная работа в российском немарксистском ранкеведении. В ней нет ни малейших намеков на политические позиции немецкого историка. Подчеркнув бесспорность заслуг Ранке в развитии критического метода и обрисовав общие его черты, В.П.Бузескул особое внимание уделил доказательству двух тезисов: 1) главные положения исторической критики в основе своей были высказаны в трактатах XVI-XVIII вв. Ж.Боденом, Л.Валлой, Ж.Мабильоном, А.Л.Шлёцером, Фр.Вольфом; 2) у Ранке были предшественники, в их числе Геерен, Г.Пертц, Штенцель, Ф.К.Дальман. Рассматривая биографию Штенцеля, Бузескул прослеживает как два ученых — Штенцель и Ранке — практически одновременно решали сходные задачи, но Штенцель делал многое раньше Ранке (так, в примечании он счел нужным указать, что Штенцель ввел практические занятия в Бреславском университете в 1823 г.). Бузескул приводит свидетельства самого Ранке, из которых следует, что скорее Штенцель оказывал влияние на Ранке, чем наоборот. Историограф не берет на себя

⁹⁸ Добавим, что в ряду сторонников культа силы, милитаризма, тех, кто способствовал превращению Германии в «большую Пруссию», Бузескул находит и представителей субъективной школы, учеников Шлоссера, и представителей культурной истории. В поле его внимания Зибель, Лео, Гервиниус, Гейссер, Моммзен, Дройзен, Трейчке и др.

⁹⁹ Бузескул В.П. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель // Известия Академии Наук СССР. VI серия. Т.XX. Л., 1926. В основу статьи положен доклад, сделанный на заседании Отделения исторических наук и филологии 19 мая 1926 г.

ответственность отрицать самостоятельность Ранке, особенно в новой истории, где он «первый применил приемы историко-критического метода» и указал на архивный материал, который и использовал сам, но считает возможным заключить: «утверждение, что Нибур и Ранке создали этот метод, имеет лишь условное значение»¹⁰⁰. Заслуга же Ранке, по Бузескулу, состояла «в умении применять их (методы – Г.М.), в приемах исследования, в тонкости и глубине критического анализа, в особой проникновенности, своего рода дивинации».

В свете изменившихся политических и идеологических условий не кажется неожиданным тот факт, что в известном труде В.П.Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века» (1929) имя Ранке упомянуто лишь при краткой характеристике исторической науки Германии начала XIX в. и в связи с указанием на заграничные командировки Т.Н.Грановского и А.Г.Брикнера¹⁰¹.

Остается сказать о последнем опыте рассмотрения творчества Ранке, произведенном «буржуазным» историком и, фактически, подытожившем столетие российского ранкеведения. Такую задачу выполнил А.К.Дживелегов, ученик П.Г.Виноградова, являвшийся более полувека одним из руководителей энциклопедического словаря «Гранат». Он написал для него множество статей, в том числе и статью о Ранке. Вот его основные тезисы по уже определившимся «болевым» точкам:

1) *Становление историка* особо связано с усиленным штудированием Нибура; «великолепные критические экскурсы» в «Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber» Ранке были для новой и средневековой истории тем же, чем «Римская история» Нибура; установленные Ранке принципы исторической критики и обработки материала стали обязательными для каждого историка, особенно в том виде, в каком они были разработаны в берлинском семинарии Ранке и где «превратились в стройную дисциплину» (Стб. 600);

2) *политические позиции*: успех карьеры Ранке в 1830-е годы связан с тем, что он был «вполне аполитичен»¹⁰²; покровительство Меттерниха открыло Ранке доступ к ломбардским, венецианским и др. архивам. Политические взгляды Ранке, бывшего по убеждениям «глубоко консервативным человеком», не характеризовались «заскорузлой нетерпимостью», в них были «смелость и широта»: Ранке определенно рекомендовал королю дать стране конституцию, организовать общественные работы; 1870–80-е годы отмечены «личными отношениями с Вильгельмом, Бисмарком»;

3) *методологические основы*: «конструктивная манера», «важные отправные точки зрения» Ранке имеют основой наблюдения над Французской революцией [он «не мог остаться равнодушным к [ее] великому делу»] и ее влиянием на Европу. Ранке прошел путь от изображения единства политического роста романских и германских народов (труды по истории XVI и XVII вв.) до

¹⁰⁰ Там же. С. 1138.

¹⁰¹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века. Л., 1929. С.53, 130.

¹⁰² Дживелегов добавляет: «Конечно, Ранке не оказывал реакции никаких услуг, и за ним не числилось реакционных выступлений в литературе».

выработки идеи единства политического развития народов на *всемирно-исторической основе* («Всемирная история»);

4) реализация этой точки зрения требовала сосредоточения на политической истории и идеологических явлениях, потому социальные отношения, борьба классов, область экономики «стоят вне его кругозора»; односторонность исследований Ранке объясняется также составом привлекаемых прежде всего источников (дипломатическая переписка);

5) *преподавательская деятельность*: не выделяясь как лектор, Ранке как руководитель семинара был «еще более крупным мастером, чем как исследователь».

6) *качества Ранке-историка*: объективен, объективность возводил в принцип¹⁰³; сочинения Ранке пронизаны «духом культурного аристократизма»: они предъявляют к читателю большие требования; стиль Ранке скуп, точен, прост, полон изящества; в книгах много портретов: «Познание человека в его руках один из наиболее действительных приемов воссоздания прошлого».

7) *классовая сущность взглядов Ранке*: Дживелегов впервые среди исследователей-немарксистов ставит этот вопрос и предлагает своеобразный «механизм» выявления «сущности природы» немецкого ученого: поскольку объективность Ранке не была бессознательной, а проводилась «усилиями воли», то он и в жизни, и в книгах предстал пруссаком, монархистом, протестантом, наконец, – самый глубокий пласт – «представителем консервативной немецкой буржуазии». «Если брать не отдельные факты, а совокупность их, целые периоды, выбор тем, характеристики людей, – все ... выдает Ранке как человека своего времени и своего класса»¹⁰⁴, – заключает Дживелегов.

Статья резюмируется выводом о месте Ранке в исторической науке. Напомнив что в XIX столетии Ранке считали «величайшим историком», А.К.Дживелегов указывает, что и XX век «отводит ему одно из самых почетных мест среди творцов новой научной историографии»¹⁰⁵.

Таков, по существу, итог первого этапа российского ранкеведения, сложившегося благодаря таким историкам, как М.С.Куторга, М.Н.Петров, В.И.Герье, П.Г.Виноградов, В.П.Бузескул. Свою роль сыграли воспоминания многочисленных учеников Ранке, публикация его произведений в России, многочисленных рецензий. XIX век знал периоды преклонения историков перед Ранке и десятилетие угасания интереса к его работам¹⁰⁶. Этой тенденции не могут заслонить даже подчас восторженные характеристики критического метода, объективности, публикаторской деятельности Ранке, которые продолжали

¹⁰³ «Добрый пруссак, добрый монархист и добрый протестант, Ранке никогда не подтасовывал фактов для прославления или защиты своих политических и религиозных идеалов». А.К.Дживелегов приводит факт критики Зибеля за то, что тот считал виновником революционных войн жирондистское министерство, в то время, как по всем документам было ясно, что инициаторами были австрийское и прусское правительства. – Там же. Стб.604.

¹⁰⁴ Там же. Стб. 605.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Это корреспондировалось с процессом развертывания кризиса в немецкой исторической науке, охарактеризованном Э.Трельчем См.: Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С.12.

кочевать по журнальным страницам. Историки не «прощали» ему «односторонности», увлечения лишь политической и дипломатической историей. Но особой заслугой историографов XIX – начала XX вв. следует признать то, что, обратившись к теме Ранке, попытались, притом достаточно успешно, выработать критерии оценки вклада ученого в развитие исторической науки.

Становление советского ранкеведения, очевидно, можно отнести к концу 1930-х годов¹⁰⁷, когда появляются развернутые обзоры творчества Ранке. К этому времени в советском общественном сознании обозначились в качестве основных «критические и полемические задачи» по отношению к буржуазной науке, требовавшие «решительно разоблачать ограниченность буржуазного понимания истории», раскрывать «противоречивость и внутреннюю ложь, а зачастую прямую недобросовестность буржуазных концепций»¹⁰⁸. Фигура Ранке здесь оказалась предельно «полезной», поскольку, как заключал свою лекцию о «самом прославленном историке Германии» Е.А.Косминский, результатом гигантской работы, которую тот проделал за свою долгую жизнь, явилось «нагромождение эклектических взглядов, нагромождение обобщений, которые трудно назвать иначе, как историческими пошлостями». И далее: «В школе Ранке, в его методе подхода к историческому исследованию, с точки зрения советских историков, можно видеть большую опасность для исторической науки, цели которой были опошлены и измельчены самим Ранке и еще больше его учениками и последователями»¹⁰⁹.

Но если эти «выводы» самому Е.А.Косминскому далеко не ограничены и скорее выглядят как дань указанной выше «установке», то очерк «Леопольд фон Ранке», содержащийся в «Историографии средних веков» О.Л.Вайнштейна¹¹⁰, уже вполне им соответствует. Указав на устремленность Ранке к «новейшим методам критики текстов», к «высокой исследовательской технике», Вайнштейн развертывает целостную систему доказательств «слабых» сторон его метода и концепции, опровержения «необычайно раздутой» славы ученого. В их числе «односторон-

¹⁰⁷ Разумеется, к творчеству Ранке обращались. Так, М.Н.Покровский (1928 г.) проговорился, что на сформулированном Ранке лозунге-задаче выяснить, «что именно было» «сходятся одинаково историки-индивидуалисты и историки-материалисты, по крайней мере, на первой стадии изучения...» (Историческая наука и борьба классов... Вып. II. С.315). Для Е.В.Тарле наследие «умереннейшего консерватора...», творца новых научных методов исторического исследования» является точкой оценки для критики современной реакционной историографии (см.: Историк-марксист. 1939. №1. С.167).

¹⁰⁸ Косминский Е.А. Историография средних веков. С.9.

¹⁰⁹ Там же. С.350.

¹¹⁰ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940. С.164–174. Одновременно он повторен в статье: Романтическая историография в Германии (1800–1848) // Историк-марксист. 1940. №5.

ность» в отношении к источнику (ориентация на официальные документы), оставление вне поля зрения наиболее существенных сторон исторического развития – экономической и социальной жизни общества, т.н. «объективность»¹¹¹, европоцентризм в историософских построениях, а главное, «КЛАССОВАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ» и «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ» (разрядка О.Л.Вайнштейна), «сервилизм перед прусским королем и другими немецкими государями». Резюмируется этот самый большой в книге очерк тезисом о том, что «при ближайшем рассмотрении» идейный багаж Ранке оказывается «весьма скудным», и сочувственным цитированием замечания «одного французского автора» о Ранке – «великий талант, но мелкий ум»¹¹².

В том же 1940 г., одновременно с публикацией книги О.Л.Вайнштейна журнал «Историк-марксист» поместил на своих страницах работу немецкого радикального публициста, близкого друга молодого К.Маркса Карла Фридриха Кёппена «Берлинские историки»¹¹³, увидевшую свет в 1841 г. в органе левогегельянцев «Hallische Jahrbücher». Д.Зандберг и К.Швец – авторы вводной статьи к этой публикации – высказали мнение, что в то время, когда Кёппен писал свою работу, он был под сильным влиянием Маркса и косвенно отразил его взгляды на современную ему историографию и на Ранке в частности¹¹⁴. Не подлежит сомнению, что приведенные нами выше оценки К.Маркса, содержащиеся в письме к Ф.Энгельсу от 7 сентября 1864 г.¹¹⁵ корреспондируются с данными в статье Кёппена характеристиками творчества Ранке. Не перелагая богатого содержания памфлета Кёппена, отразившего накал общественной борьбы начала 1840-х годов, обратимся к параллельным наблюдениям/выводам Кёппена и Маркса.

По словам Кёппена, «в пределах своего круга» Ранке проявляет большое знание дела, а для XV и XVI вв. – «поразительную ученость»¹¹⁶. Но созданные Ранке исторические картины «страдают одним общим недостатком: они созданы глазом и руками придворного»: «великого человека камердинер видит иначе, чем историк; придворный, дипломат, – посредине между ними...»¹¹⁷. Правильным названием историографии Ранке, считает Кёппен, может стать «дипломатический прагматизм»: он на все смотрит глазами дипломата. И далее: «Придворный, желая объяснить, почему вспыхнула та или другая война,

¹¹¹ При ее характеристике историограф апеллирует к заметке К.Маркса на полях рукописи «Немецкой идеологии».

¹¹² Вайнштейн О.Л. Указ. соч. С.174.

¹¹³ Кёппен К.Ф. Берлинские историки // Историк-марксист. 1940. №8 (84). С.73–84.

¹¹⁴ Зандберг Д., Швец К. О статье Кёппена «Берлинские историки» // Там же. С.68.

¹¹⁵ К.Маркс – Ф.Энгельсу, 7 сентября 1864 г. // Соч. Т.30. С.352.

¹¹⁶ Кёппен К.Ф. Берлинские историки. С. 78.

¹¹⁷ Там же. С. 79.

всегда будет думать о причине более узкой, специальной, чем думаем мы, обыкновенные люди, и для пояснения он расскажет нам единственный анекдот. Так и Ранке. Уж очень охотно начинает с анекдота, рассказа; из них он развивает, ими связывает самые важные события». Естественно, что автор-гегельянец находит, что у Ранке философского понимания истории «нет и следа», потому взглядам и складу мышления Ранке соответствуют его язык и «мелочный, короткий, самодовольно подпрыгивающий и приплясывающий стиль...»¹¹⁸. К.Кёппен красочно описывает стиль Ранке-лектора, констатирует, что он в этом качестве пользуется наибольшим успехом, но «особенной его заслугой» признает «... основание исторического семинара, в котором читаются и истолковываются источники, преимущественно средневековые», и участниками которого «изданы под руководством Ранке "Анналы германской империи при императорах саксонской династии"».

Итак, публикация статьи К.Кёппена позволила пролить свет на конкретные основания характеристик, данных К.Марксом немецкому историку. Нельзя не заметить текстуальных совпадений, как и того, что К.Маркс, пользуясь словами Кёппена, дает жесткие характеристики Ранке: полемический запал радикала-младогегельянца, восходящий к определениям Гегеля, обогатился классово ориентированными оценками. Если у Кёппена Ранке смотрит на историю «глазами дипломата», то для Маркса он – это следует из контекста – «прирожденный "камердинер истории"», если, по Кёппену, у Ранке «приплясывающий стиль», то Маркс видит самого Ранке «приплясывающим карликом». Наконец, труды Ранке (а не прием их организации, как у Кёппена) подводятся под понятие «собрание анекдотов и сведение всех крупных событий к мелочам и пустякам»; результатом работы учеников-«юнцов» стали «отвратительные анналы старых германских императоров». Фактически, Ранке низводится и с пьедестала выдающегося преподавателя и руководителя исторической школы.

Марксово отношение к Ранке становится определяющим для советских историографов. Отныне историк соотносится с консервативным, формально-объективистским направлением, ставится «в тесную связь» с «исторической школой права», которая, по определению К.Маркса, пыталась узаконить «...подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего...». Предложенная Ранке формула воспроизведения события так, «как оно действительно происходило», определяется как «в конечном счете ограничивавшая задачу историка формально провозглашаемой точностью исторического рассказа»¹¹⁹. Спокойный тон энциклопедических статей 30-х годов, в которых критика Ранке ограничи-

¹¹⁸ Там же. С.80.

¹¹⁹ См.: Рубинштейн Н.П. Русская историография. М., 1941. С.200–201.

валась замечаниями о том, что он «понимал исторический процесс как дело «духа» и по-гегелевски идеализировал государство», что он не понимал классовой борьбы и «остался далеко позади французских историков эпохи Реставрации»¹²⁰, в послевоенное время меняется на агрессивный. Теперь Ранке представляется читателю, как «выразитель реакционного прусского юнкерства и буржуазии», «германский националист, ярый приверженец, историограф прусской монархии», «крайний идеалист». Признав все же Ранке «знатоком источников», много сделавшим в их изучении, автор статьи о нем во втором издании «БСЭ» (1955) сводит оценку всего творчества Ранке к марксовской цитате о том, что он «превратил историю в собрание анекдотов «сведением всех великих событий к мелочам и пустякам»¹²¹. Такой «поворот» обнаруживал сущность процессов духовной жизни СССР в период развертывания «холодной войны» и различных политико-идеологических кампаний. В эти годы господствовала, по весьма дипломатичному определению О.Л.Вайштейна, «склонность к огульному отрицанию научной ценности всей немарксистской... исторической литературы»¹²².

Задача отрицания позитивной роли Ранке в движении исторической науки решалась, кроме приемов «прямого» действия, различными способами. Ранее, в период борьбы за утверждение «приоритета» отечественной науки в развитии европейской культуры, обнаружило себя стремление «разорвать» имевшие в прошлом связи русской и западно-европейской культурной жизни. В написанных и изданных в 50-е годы первых двух томах «Очерков истории исторической науки в СССР» было задумано «доказать» — «в противоположность космополитизму буржуазной фальсификаторской историографии», — что историческая наука развивается «в рамках той или иной страны», что она «национальна по своему характеру»¹²³. Применительно к нашей теме, этот замысел решался практически абсолютным «забвением»/отрицанием (в выборе «метода» проявлялись личностные качества того или иного автора, его партийная «принципиальность») той роли, которую сыграла немецкая историческая наука, конкретно, Л. фон Ранке в становлении и развитии науки «всеобщей истории» в России. В первом томе, охватывающем хронологический период до середины XIX в., имя Ранке упомянуто всего один раз и то при цитировании выше приведенного отрицательного

¹²⁰ См.: Малая советская энциклопедия. Т.8. М., 1939. Стб. 962; Большая советская энциклопедия. Изд.1. М., 1941. Т.48. Стб. 222–223. Здесь отмечалось, что Ранке, наряду с Нибуром, был основоположником историко-критической школы, что разыскивал и исследовал документальные материалы, написал «ряд капитальных трудов» и т.п.

¹²¹ Большая советская энциклопедия. Изд.2. М., 1955. Т.36.

¹²² Вайштейн О.Л. История советской медиевистики. М., 1968. С.101.

¹²³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1. М., 1955. С.14.

отзыва о его лекциях С.В.Ешевского, который, «подобно своим учителям..., боролся за самостоятельность русской исторической науки», а изучая зарубежную литературу, ... «сплошь и рядом не находил там ответа на интересовавшие его вопросы»¹²⁴.

Во втором томе «Очерков...», посвященном второй половине XIX века, имя Ранке опять-таки упоминается лишь в связи с негативными реакциями русских историков на его творчество. Так, по словам М.А.Алпатова, П.Г.Виноградов «со всей решительностью и даже резкостью» защищал «собственные научные взгляды»: им велась «из-за дымовой завесы традиционных, ничего не значивших комплиментов на противников... беспощадная атака». В числе «атакованных» Виноградовым «противников», наряду с Г.Шиллером, Сибомом, М.А.Алпатов называет и Л.Ранке. Читателю сообщается, что П.Г.Виноградов квалифицировал «манеру» Ранке, проявившуюся в III томе его «Всемирной истории», как «вчерашний день исторической науки» за стремление автора давать чисто внешнее изображение исторического процесса¹²⁵. Б.Г.Вебер, освещавший творчество В.В.Бауэра в том же издании, также ограничился тезисом, что командированного в 1860–62 гг. в Германию русского ученого «...Ранке не удовлетворял... "почти исключительно фактической стороной" своих лекций, а "последователи Ранке" – своим односторонним, доведенным до крайности увлечением официальными архивными документами»¹²⁶.

Обобщили подобные воззрения на отношение к Ранке в России приведенные выше тезисы О.Л.Вайнштейна, которыми он начал свою, по сути, самую значимую в советском ранкеведении 50-х – начала 60-х годов работу «Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография»¹²⁷. Основное содержание статьи было посвящено рассмотрению с позиций марксистской методологии темы «Л. фон Ранке и историческая наука Германии». Ранке был показан, прежде всего, как идеолог правящих классов Германии XIX века; автор продемонстрировал те черты его творчества и мировоззрения, которые особо привлекали идеологических и политических противников социализма. Споры о значении Ранке, постоянно отмечавшие каждый шаг немецкой исторической науки, были использованы им для прорисовывания характерных черт и состояний немецкой буржуазной историографии в конкретные периоды ее развития¹²⁸.

¹²⁴ Там же. С.463.

¹²⁵ Очерки... Т. II. С.380.

¹²⁶ Там же. С.401.

¹²⁷ См.: Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // Критика новейшей буржуазной историографии. М.-Л., 1961. Вып.3.

¹²⁸ Еще более жесткую позицию заняли относительно Ранке и его места в духовной жизни Германии историки-марксисты ГДР. Так, В.Бертольд характеризовал Ранке как

Ориентиром отношения к Ранке историков-марксистов, по Вайнштейну, должны служить «прямые или косвенные оценки его творчества», данные основоположниками марксизма, которые облегчали и сам «марксистский анализ исторической концепции Ранке». Историограф в очередной раз напоминает слова Маркса о том, что Ранке занимался «собираанием анекдотов» и «сведением всех великих событий к мелочам и пустякам» и находит, что «полное игнорирование» впоследствии Марксом и Энгельсом трудов Ранке «уже само по себе являлось выражением их крайне отрицательного отношения к этому историку»¹²⁹. Это «отрицательное отношение» продолжало играть методологическую роль в осмыслении марксистской историографией вопроса о роли Ранке в развитии исторической науки, став, фактически, лейтмотивом энциклопедических статей и учебной литературы о Ранке вплоть до конца 1980-х годов. Оно было проведено самим Вайнштейном в статьях, написанных для «Советской исторической энциклопедии» (1968), третьего издания «БСЭ» (1975), а также в главе «Развитие исторической мысли и исторической науки в Германии первой половины XIX в.» первого учебного пособия для университетов и пединститутов «Историография нового времени стран Европы и Америки» (1967). Отметим, что в энциклопедических статьях читатель обнаружит и новые мотивы: труды Ранке теперь видятся автору «блестящими по форме», отличающимися «большим мастерством портретных характеристик»; вкладом в науку признается его исследовательская методика, обучение ей в исторических семинарах многих известных историков¹³⁰. Но далее такой корректировки историографа не шли. Так, в опубликованном 10 лет спустя после выхода первого пособия учебнике «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1977) автор главы о германской исторической науке историограф из ГДР Э. Энгельберг настаивал на тезисе о «показной "объективности"» Ранке, квалифицировал историзм Ранке, его методику как «односторонние». Новым было, пожалуй, то, что для создания негативного образа Ранке автор обратился не только к авторитету Маркса, но и Гегеля, которому «...консерватизм, ограничение круга исследовательских интересов [Ранке] историей государства, войн, церкви, дипломатии и пр. дали основание... выразить сомнение в способности Ранке "познать целое, всеобщую цель"»¹³¹.

родоначальника «...иррациональной, агностической и субъективистской философии истории реакционного немецкого историзма» (*Berthold W. «...Grosshungen und gehorchen»*. В., 1960. S.169). Но это тема особого исследования.

¹²⁹ Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке... С.124-125.

¹³⁰ Вайнштейн О.Л. 1) Ранке // СИЭ. Т.11. М., 1968. Стб. 879–881; 2) Ранке // БСЭ. 3-е изд. Т.21. М., 1975. С.459.

¹³¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С.81.

Вряд ли такая аргументация, даже учитывая негативное отношение к Ранке великого философа, была исторически корректной и, соответственно, убедительной. Следует учесть, что Гегель умер в 1831 г., и до этого Ранке слыл не консерватором, а разве что аполитичным человеком¹³², а его главные труды были впереди.

В конце 60-х – 70-е годы советское ранкеведение пополнилось очерками о творчестве Л.Ранке, написанными Б.Г.Вебером и Е.В.Гутновой, авторами книг, явившихся значительными событиями в развитии советской историографии. В общей оценке Л.Ранке они продолжали традицию О.Л.Вайнштейна. Для Е.В.Гутновой, исследовавшей развитие исторической науки второй половины XIX века¹³³, важно было определить истоки характерных для немецкой буржуазной историографии этого периода теоретико-методологических и политических позиций. Так, «политическое направление» ею рассматривается как «преемник исторической школы Ранке», общеисторические взгляды которого оказали «сильное и длительное влияние на немецкую медиэвистику...»¹³⁴. Историограф подчеркивает консерватизм его политических взглядов и методологических принципов, развивавшихся в русле реакционно-романтической историографии начала века. Характерно, что точкой отсчета избирается отношение Ранке к исторической теории Гегеля. Если немарксистская отечественная историография сугубо положительно оценивала сделанный Ранке шаг к преодолению спекулятивности гегелевской философии истории, то историограф-марксист видит в этом «отбрасывание» «плодотворной идеи Гегеля о единстве всемирно-исторического процесса и его поступательном развитии», сведение гегелевской диалектики – учения об общих законах исторического развития – к противоречиям и борьбе отвлеченных принципов, разных для разных эпох, не связанных с реальными экономическими и социально-политическими противоречиями в обществе¹³⁵.

¹³² На самом деле, став профессором Берлинского университета, Ранке попал в либеральный кружок В. фон Энзе, в котором дебатировались политические вопросы. Последнее натолкнуло Ранке на занятия новейшей историей. Г. Гейне зачислял его в этот период в либералы (см.: Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974. С. 82). Взгляды Ранке, возглавившего в 1831 г. «Historisch-politische Zeitschrift», задачей которого была борьба с либеральной прессой, отличались, тем не менее, смелостью и широтой (что, впрочем, не предотвратило охлаждения отношения к Ранке со стороны либералов). Известно, что он рекомендовал в эти годы даровать Пруссии конституцию. Звание же прусского историографа Ранке получит лишь в 1841 г. Добавим и то, что интерес к всемирной истории, «напев» которой ему захотелось «уловить», обнаружился у Ранке лишь к середине 30-х годов.

¹³³ См.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974.

¹³⁴ Там же. С.91.

¹³⁵ Там же. С.92.

Е.В.Гутнова делает вывод о том, что методология истории Ранке «служила оправданием крайне поверхностного подхода к истории», корреспондируя ее с «замеченным» Марксом сведением Ранке великих событий «к мелочам и пустякам». Притягательность же *методологии* Ранке для буржуазных историков в XIX в., которую Е.В.Гутнова не могла не замечать, исследовательница объясняет ее (методологии) политическим консерватизмом, тем, что она «освобождала» историков от необходимости постигать закономерности исторического процесса, ее «научообразной формой», в которую был облечен «критический» метод. Е.В.Гутнова все же видит заслугу Л.Ранке в выработке критических методов обработки источников и их пропаганде в исторических семинарах в Берлинском университете, что было «несомненным вкладом в развитие исторической науки, в частности медиевистики». Но подчеркивается, что сам этот «критический» метод в работах Ранке и его многочисленных учеников отнюдь не был препятствием для крайней субъективности выводов и оценок¹³⁶.

Б.Г.Вебер обратился к творчеству Л.Ранке в связи с задачей дать анализ состояния немецкой исторической науки в период формирования марксизма. Раздел статьи в коллективном труде «Маркс-историк»¹³⁷ вырос в главу «Ранке и его так называемый объективный метод» монографии самого Б.Г.Вебера¹³⁸. Стержневой идеей стало доказательство того, что если марксизм был наследником традиций прогрессивного исторического знания, то Ранке и его ученики противостояли прогрессивному движению науки. Историограф буквально по пунктам рассматривает дававшиеся делам и трудам Ранке оценки и характеристики. Прежде всего, Вебер, вслед за О.Л.Вайнштейном, стремится дезавуировать мнение о Ранке как исследователе архивов¹³⁹. Рассматривая развитие политических и исторических взглядов Ранке, Б.Г.Вебер находит, что они вполне корреспондировались: в той мере, как усиливались прусско-юнкерские тенденции, схема исторического развития все более пронизывалась прямой апологией роли насилия в истории, приобретая одностороннюю историко-дипломатическую разработку¹⁴⁰. Придворный историк Фридриха-Вильгельма IV превратился «в его советника по части прусской контрреволюции». Что касается основной заслуги Ранке — разработки методов отбора и критики источников, — то и здесь Б.Г. Вебер отвергает высказанную в историографии мысль о первенстве

¹³⁶ Там же. С.93.

¹³⁷ Вебер Б.Г. Немецкая историография конца XVIII — первой половины XIX в. // Маркс-историк. М., 1968.

¹³⁸ См.: Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974.

¹³⁹ Там же. С.81. Ср.: Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке и Новейшая буржуазная историография... С. 122.

¹⁴⁰ Вебер Б.Г. Историографические проблемы. С.85.

Ранке в применении «критического метода». Аргументируется это, прежде всего, указанием на то, что сам Ранке считал себя последователем Г.Нибура. Б.Г.Вебер солидаризируется с Д.Зандбергом и К.Швец, утверждавшими, что Ранке применял метод лишь «в ослабленном и урезанном виде». «Порочность метода» Ранке заключалась также в том, какой материал он отбирал: эта задача решалась им крайне односторонне и тенденциозно. Б.Г.Вебер завершал свои очерки о Ранке обращением к «острой и меткой критике» Ранке, которую дал К.Кёппен, и к высказываниям К.Маркса, которые в контексте проделанного анализа должны были предстать безупречно верными. Ибо трудно найти другой пример столь резкого расхождения оценок, даваемых действительно крупному историку своего времени, каким был Леопольд фон Ранке, Марксом, с одной стороны, и сообществом европейских историков-профессионалов, с другой.

Советская историография осмысление творчества и наследия Л.Ранке подчинила реализации принципа партийности в соответствии с присущей каждому этапу ее развития интерпретации и задачам не столько научного, сколько идеологического звучания¹⁴¹. Авторы многочисленных популярных изданий тиражировали расхожие штампы: о Ранке – основателе «объективной» школы, но вовсе не беспристрастном созерцателе современных ему политических процессов, о Ранке – европоцентристе, о Ранке – защитнике дворянских привилегий, воспитателе немецких королей и принцев, личном друге Бисмарка, о Ранке – историке политических и дипломатических отношений, игнорировавшем социально-экономические аспекты истории, деятельность народных масс и т.п. Искусственный подбор по заданной, идеологизированной схеме, элементарный редуccionизм, «упрощение» того, что писал Ранке, вели к тому, что марксистская историография «отсекала» историка от прогрессивной линии развития европейского историознания, не желала представить его вклад в развитие духовной жизни Германии и других стран, в том числе России целостно, со всеми плюсами и минусами.

Выходом из этой ситуации могло стать монографическое изучение творчества Л.Ранке. Такое исследование было предпринято томским историографом Н.И.Смоленским¹⁴². Естественно, автор подходил к предмету своего исследования с марксистских методологических пози-

¹⁴¹ См., например: Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1977. С. 104–105.

¹⁴² См.: Смоленский Н.И. 1) Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып.4. Томск, 1966. С.270–311; 2) Л.Ранке и Ф.Мейнеке (Значение Ранке для немецкого буржуазного неоиdealистического историзма) // Там же. Вып.5. С.149–194; 3) Л.Ранке и проблема познания в буржуазной историографии ФРГ // Там же. Вып.6. С.84–93 и др.

ций, ни в коей мере не противопоставлял свой поиск сложившейся традиции. Но, работая в период «оттепели», когда еще «мороз не ударил из Кремля», на периферии, и, очевидно, испытывая в процессе исследования положительное влияние своего героя, Н.И.Смоленский впервые в марксистской историографии попытался пересмотреть устоявшиеся стереотипы в оценке творчества Л. фон Ранке. Ранке был назван «несомненно, крупным историком, занявшим видное место в истории исторического познания»¹⁴³. «С точки зрения научно-исторического познания, – признает историограф – ряд положений, содержащихся в ранкеанском историко-критическом методе, никогда не могут быть отброшены, так как они являются необходимой предпосылкой всякой научной критики источников вообще»¹⁴⁴. Объективное понимание, не подчиненное прокламируемому «крайне отрицательному отношению» к Ранке основоположников марксизма, на наш взгляд, оказалось плодотворным, но, в силу понятных причин, оно мало повлияло на последующее советское ранкеведение¹⁴⁵.

Крутые общественные перемены конца 1980-х – 90гг. отразились на развитии историографии, позволили не только отказаться от примитивного идеологизирования, но, главное, попытаться проанализировать и оценить результаты деятельности многих историков, чье творчество было уложено, говоря словами А.Н.Сахарова, в «прокрустово ложе идеологических схем»¹⁴⁶. Обнаружившийся кризис исторической науки явно имел одной из своих «болевых» точек отношение к Л.Ранке. Исто-

¹⁴³ Смоленский Н.И. Леопольд фон Ранке... С. 271.

¹⁴⁴ Там же. С.270.

¹⁴⁵ Свообразным методом «включения» в науку иных, немарксистских, взглядов на творчество Ранке (как и многих других подобных ему «изгоев») стал анализ в историографических трудах отношения к нему крупных историков. Так, И.И.Шарифжанов дал подробный анализ взглядов на Ранке крупнейшего английского мыслителя лорда Актона. При всей противоречивости этих взглядов из контекста следовало, что Актон видел в «Истории Англии» Ранке образец искусства использования источников, а в самом историке – «действительного инициатора героического исследования документов». Актон, подчеркивает Шарифжанов, ставил Ранке выше всех современных историков, особо ценил, что он «ввел новое современное понимание истории», разработал и образцово применял принципы критичности, беспристрастия (Шарифжанов И.И. *Идейно-методологические основы исторических взглядов лорда Актона // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып.6. Томск, 1969. С.218, 219, 220. В данном случае мы имеем пример феномена «замещенного» познания, позволявшего корректировать, а иногда и преодолеть утвердившийся концептуальный строй, стиль мышления (см.: Бухараев В.М., Жигунин В.Д. «Замещенное» познание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX в. // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С.553). Изменение ситуации в стране позволило автору иначе увидеть и оценить некоторые стороны отношения Актона к творчеству своего учителя (см.: Шарифжанов И.И. Судьбы либеральной философии истории. Казань, 1989. С.44–54).*

¹⁴⁶ *Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С.4.*

рическая наука в распадающемся СССР, можно сказать, предъявила счет «наивному реализму ученых вроде Ранке», поставив вопрос о новой концепции деятельности самого историка¹⁴⁷. Известное влияние на историографическую ситуацию оказала публикация книг видных западных мыслителей М.Вебера, Г.Риккерт, Б.Кроче, Э.Трёлча и др.¹⁴⁸. При обращении к ним российский читатель столкнулся с иными характеристиками и оценками Л. фон Ранке, его творчества, нежели те, которые он встречал в произведениях советских историографов.

Отсчет современного этапа в развитии отечественного ранкеведения, можно вести с выхода в 1990 г. нового издания «Историографии истории нового времени стран Европы и Америки», авторский коллектив которого использовал возможности, открывшиеся вместе с обретением обществом нового политического мышления, для того, чтобы представить по-новому «старые методологические проблемы», отказаться от примитивного идеологизирования¹⁴⁹. А.И.Патрушеву, автору главы «Германская историография: от Просвещения к романтизму. Немецкий идеалистический историзм» удалось, несмотря на весьма малый объем текста, нарисовать иной образ Ранке, объективно представить его концепции, удержав вместе с тем достижения историографов-марксистов. Изменяется тональность характеристик: автор говорит, что сам Ранке выступал за классовый компромисс между дворянством и буржуазией; снимается тезис о крайне одностороннем историзме Ранке и политизированность «обвинений» в игнорировании социально-экономических факторов в истории, подчеркивается, что школа Ранке возникла «в русле академической историографии». Уже первый труд Ранке «История германских и романских народов с 1494 до 1535 гг.» в силу *богатства фактического материала и тщательности его обработки*, стал заметным явлением науки. Ранке ввел постоянную новую форму занятий со студентами – семинары. Главное, автору обзора удалось представить исторические взгляды ученого «без гнева и пристрастия», показать их прогрессивную роль в научной полемике с просветителями, стремившимися с моральных позиций вершить суд над историей, и с представителями романтизма, заменявшими «основательное исследование любой детали» различными «умственными построениями».

¹⁴⁷ См.: Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2–3. С.32, 30.

¹⁴⁸ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.414, 475 и др.; Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998; Трёлч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С.103, 104, 108, 115, 158, 180, 192, 207, 504–507 и др.

¹⁴⁹ Предисловие // Историографии истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990. С. 4.

Новые акценты в понимании творчества Л.Ранке появились в «Русской историографии с древнейших времен до 1917 г.» А.Л.Шапиро. Он характеризуется в книге как «выдающийся немецкий ученый», который «действительно стремился избежать явной тенденциозности». Логичным выглядит и размещение в одном ряду с Л.Ранке С.М.Соловьева¹⁵⁰, что еще совсем недавно отвергалось¹⁵¹.

Особого внимания заслуживает монография И.М.Савельевой и А.В.Полетаева «История и время. В поисках утраченного»¹⁵². В этом первом комплексном исследовании проблемы времени как категории исторического дискурса в числе историков, к которым авторы наиболее активно обращаются при поиске историографических примеров, и Л.Ранке¹⁵³. «Главная заслуга в создании методики определения подлинности документов, их датировки и локализации, – подчеркивают авторы, – принадлежит школе немецкого историка Л. фон Ранке. Именно в его семинаре в Берлинском университете была выведена «новая порода» академических историков»¹⁵⁴. Связанная с именем Ранке революция в методах критики источников привела к падению престижа историософствовавших историков XVIII века. Благодаря усилиям Ранке политическая история стала бесспорным лидером историографии; именно политическая история стала признаваться научной¹⁵⁵.

Уточняя место Ранке в немецкой исторической науке, Савельева и Полетаев считают, что связывать «немецкую историческую школу» с его именем, как и с именем Б.Нибура, можно с очень большими оговорками. Ссылаясь на Э.Трельча, они подчеркивают, что «историческая школа» «чрезвычайно далека от универсализма Ранке, его всемирно-исторического конструктивного духа»; сам Ранке от представителей «исторической школы» отличается «критической ясностью и политически-дипломатической концепцией истории»¹⁵⁶. В отличие от Трельча, который был склонен считать, что «Ранке есть дух от духа Гегеля», Савельева и Полетаев, фактически возрождая высказанную еще

¹⁵⁰ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С.345, 417.

¹⁵¹ См., например: Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С.177, 178.

¹⁵² Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

¹⁵³ Впервые за последние 50 лет в подобной книге авторы столь широко обращаются к творчеству Л.Ранке. Его имя, труды, идеи упоминаются на девятнадцати страницах книги, уступая только именам К.Маркса (на 45 с.), Ф.Броделя (на 44 с.), М.Вебера (на 21 с.), Платона (на 20 с.) и опережая Гегеля, О.Конта, Р.Коллингвуда, Л.Февра и многих других.

¹⁵⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С.60.

¹⁵⁵ Там же. С.102–103.

¹⁵⁶ Там же. С.629. См.: Трельч Э. Указ. соч. С.231.

П.Г.Виноградовым мысль¹⁵⁷, усматривают между ними значительное различие: если Гегель подчинял историческую реальность схемам всемирной истории, то Ранке, напротив, отдавал приоритет изучению реальности во всем ее многообразии¹⁵⁸. И.М.Савельева и А.В.Полетаев положительно, т.е. принципиально иначе, чем предшествующая традиция, оценивают представления Ранке о будущем, его критическое отношение к возможности предсказывать будущее развитие, к безоговорочной прогрессивной направленности хода истории. Пытаясь показать, почему основоположники марксизма, создавая исторический материализм, резко размежевались со школой Ранке, авторы приходят к выводу, что «произведения самого Ранке они игнорировали вполне сознательно», поскольку «материалистический историзм характеризуется ценностным, а именно, негативным отношением к традиции, и, наоборот, позитивной оценкой инноваций, прерывностей, разрывов, как свидетельств исторического прогресса», а Л.Ранке утверждал непрерывность развития общества во времени, от эпохи к эпохе¹⁵⁹.

Несомненно, следует обратить внимание и на то, что спустя ровно сто лет в России был переиздан значительный фрагмент известного труда Л. Ранке «Об эпохах новой истории» (1998)¹⁶⁰ и предложена новая (спустя три четверти века после Н.И.Кареева) оценка его идей в систематике философии истории¹⁶¹.

Итак, опыт отечественной историографии в сфере ранкеведения был весьма богат и разнообразен. Он свидетельствовал, скорее, о возрастании интереса к Л.Ранке как к историку и мыслителю, нежели об обратном. К концу XX века между Ранке и его школой, с одной стороны, и исторической наукой нашего времени, с другой, возникли ощутимые нити преемственности. Поставленные Л.Ранке вопросы герменевтического плана теперь широко обсуждаются не только историками, но и

¹⁵⁷ См.: Виноградов П.Г. Предисловие // Ранке Л. Об эпохах новой истории. М., 1989. С. III–IV.

¹⁵⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С. 629.

¹⁵⁹ Там же. С. 633, 630.

¹⁶⁰ См.: Ранке Л. Об эпохах новой истории // Историки и история. Т.2. М., 1998. С. 294–338. Авторы проекта Е.Б.Черняк, Б.А.Тормасов. Публикация сопровождается написанным Б.А.Тормасовым очерком о Л.Ранке. Он информативен, выдержан в объективистском духе; автор назвал вклад Ранке в науку «громким и неисчерпаемым» (с.292). Вместе с тем, заметим, что автор, фактически, фальсифицирует отношение К.Маркса к Ранке. Столь многократно упоминавшуюся марксову характеристику, что труды Ранке – это «собрание анекдотов и сведение всех крупных событий к мелочам и пустякам», Б.А.Тормасов представляет как реакцию на то, что Ранке «с большим мастерством дает блестящие портретные характеристики, чем значительно оживляет изложение» (с.294).

¹⁶¹ См.: Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 165.

гуманитариями широкого профиля. Тот феномен, который в советской историографической традиции несколько презрительно именовали фактографией Ранке, любовью к мелочной описательности, на самом деле оказался попыткой в рамках существовавших в XIX веке возможностей решить проблему взаимоотношения, диалога между историком и источником. Л.Ранке более, чем кто-либо в его время, понимал значение этой проблемы.

Российские историки XIX – начала XX в., разумеется, обратили внимание на эту и другие позитивные стороны творчества Ранке, хотя не всем из них была по душе его политическая позиция. Отказ ряда советских историков увидеть эти достоинства Ранке вполне понятен. Критика Ранке со стороны марксизма была, фактически, уничтожающей, наследие его рассматривалось как внеположенное «единственно научному учению». В последние годы отечественная наука возрождает досоветскую исследовательскую традицию, но, разумеется, в контексте интеллектуальных интересов рубежа XX – XXI столетий. Наследие Л.Ранке могло бы быть востребовано при решении многих вопросов исторического исследования, которые волнуют современную научную общественность, как в России, так и на Западе. Тем более что даже при торжестве междисциплинарного подхода политическая история, по образному выражению Ж. Ле Гоффа, является, если не «становым хребтом», то «ядром» истории¹⁶².

¹⁶² См.: Жак Ле Гофф. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // *THESIS*. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 190.

А.Л.Ястребицкая

Лев Платонович Карсавин: творчество историка и историографический процесс

«Он был великим не потому, что накопил большое количество выписок и написал кое-какие научные исследования; а потому, что всегда вносил в свою работу ощущение жизни, которым не пренебрегает ни один подлинный историк»¹.

Эти слова Люсьена Февра (1878-1956), сказанные им о своем младшем друге и коллеге Марке Блоке (1886-1944), могут быть с полным основанием отнесены и к их современнику – российскому историку и философу Льву Платоновичу Карсавину (1882-1952). Жизнь не сводила основателей «Анналов» и «Новой истории» с Карсавиным лично. Не были они, видимо, знакомы и с творчеством друг друга. Впрочем, трудно утверждать это с полной уверенностью. Ведь после вынужденной эмиграции в 1922 г. Карсавин обосновался в Западной Европе, сначала в Берлине, затем непосредственно в Париже. И даже после того, как он в 1928 г. стал профессором только что основанного университета в Каунасе, связь его с Францией, где в Париже оставалась семья, сохранилась. Но дело даже не в этих формальных фактах и житейских связях. Как известно, парижский период (1924-1929) эмигрантской жизни Л.П. Карсавина – это время его активной деятельности как одного из теоретиков русского евразийского эмигрантского движения. С 1925 г. Карсавин регулярно печатается в евразийских изданиях, с 1926 г. руководит «Евразийским семинаром», в центре занятий которого цикл его лекций «Россия и Европа» и идеи культурного единства этапов исторического развития и самой истории человечества как процесса взаимодействия культур. И кто знает, может быть, не только стремление к сравнительному исследованию аграрной истории средневековой Европы побудило М.Блока изучить русский язык, о чем упоминает Л.Февр в своих записках о нем.

Но как бы то ни было, и всемирно известные сегодня французские историки, и их российский коллега, истинный масштаб творческой личности которого до сих пор остается непроясненным и недооцененным в полной мере даже на его родине, жили не просто в одно время и почти в одном месте. Они жили в одном мире – европейском начала нового столетия, пережившем катастрофу первой мировой войны, революционные потрясения и крушение одной из крупнейших европейских монархий. Они были талантливы и ангажированы своим временем и своей наукой. И не удивительно, что их имена оказались в одном ряду тех, через чье творчество историческая наука XX в. впервые открыто и последовательно артикулировала свою потребность в самоидентификации, в выработ-

¹ Февр Л. Марк Блок и Страсбург. // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

ке новых, адекватных ее возможностям и самой природе исторического знания методов постижения прошлого. Это совпадение не случайно. Напротив, мы имеем здесь дело с одним из уникальных проявлений закономерности, но закономерности культурно-исторической, реализующейся на уровне интеллектуальной истории. И Л.Февр, и М.Блок, и Л.Карсавин были людьми одного времени и одной профессиональной культуры, и присущее ей сознание, порождавшее «однородные идеи и запросы», было достоянием каждого из них.

Данная статья не предполагает сравнительного анализа. Предварительный и общий контур его уже был намечен мною в первых публикациях, посвященных Карсавину-историку². Здесь же внимание акцентируется на процессе формирования в его творчестве самой идеи новой исторической науки как истории тотальной и культурной, а также ее инструментария. Эта задача представляется тем более актуальной, что в массе публикаций о Л.П.Карсавине, присутствует один и тот же стереотип оценки его творчества как «эволюционировавшего» от истории – истории средневековой религиозности – к философии и, в конечном счете, как исключительно религиозно-философского по характеру и основной направленности. Подобный подход представляется упрощенным и механистичным. Он неоправданно раздробляет на редкость цельную методологически и концептуально, органичную по своей центральной идее научную практику и философские искания выдающегося ученого. Исходящие из одной и той же монистической идеи мира и истории как истории культурной и целостной. Развертываемая в разных ракурсах, история эта пронизывает его работы по средневековой религиозности и культуре в целом, по истории православия и католичества, публицистические статьи, в частности и те, что относятся к периоду его «евразийской» деятельности, и цикл его «малых» философских сочинений, не говоря уже о фундаментальной монографии «Философия истории».

Л.П.Карсавин – историк культуры *par excellence*. И, думается, далеко не случайно его последний большой труд, написанный в годы пребывания в Литве и вобравший в себя прочитанные им курсы лекций по античной и средневековой философии, имеет название «История культуры»³. Творчество Карсавина с точки зрения его концептуально-смыслового содержания можно было бы обозначить, пользуясь его же излюбленным термином, как «всеединство», своеобразно раскрывающее себя в каждом его исследовании, будь то конкретно-исторические или теоретические труды.

² Ястребицкая А.Л. Историк-медиевист Лев Платонович Карсавин (1882–1952). Аналитический обзор. М., 1991; Ястребицкая А.Л. У истоков культурно-антропологической истории в России // Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П.Карсавина. – М., 1994. С.8–22.

³ Karsavinas L. Europos kulturos istoria. T.1-3. Vilnius, 1991–1994.

Л.П.Карсавин – ученик выдающегося педагога и медиевиста И.М.Гревса. Он был его гордостью.

«Из всех моих учеников, – вспоминает А.В.Карташев слова Гревса, – я первым по талантливости ставлю Г.П.Федотова. Но, конечно, выше всех сравнений я считаю сверхдаровитого Карсавина»⁴. Это высказывание Гревса относится к 1914-17 гг., когда уже появились в печати первые монографии Карсавина⁵ и первые рецензии на них, в том числе и самого Гревса. «Чувствуется сила и вдохновение, очень большие знания, печать подлинного исследователя, настоящая способность исторического творчества, несмотря на серьезные пробоны в технике и искусстве...», – такими словами завершает И.Гревс свою рецензию на «Очерки...»⁶. Но учитель шокирован, и дело не в отмеченных недостатках. Все гораздо серьезнее: его ученик «будто бы пережил веру в правильность "генетического метода" изучения истории и вообще, по-видимому, недоволен господствующими в нашей науке методическими взглядами и приемами, даже хочет, может быть, вообще отказаться от объяснения, от разыскания причинно-следственной связи между явлениями. Ему, видимо, желается ограничить себя описанием хода, но не внешних событий, как ставила свою цель некогда школа Ранке, а внутренних процессов, отмечая в их течении только сосуществования и последовательности, но не взаимодействия и генезис...».

Это цитата из той же рецензии Гревса, точно передающая существо методологической позиции, декларированной Карсавиным уже в магистерской диссертации. Со всей определенностью эта позиция раскрывается в «Основах средневековой религиозности». Как и в первой монографии, в центре внимания автора здесь не богословские системы, не идеология, но тот всеобщий подъем религиозных чувствований, эмоций, который определял особенность XII-XIII вв. – кульминационной эпохи Средневековья; энергия и инициативы церкви, как участника и одного из движителей и «направителя» этого подъема; столкновения и взаимодействие ересей и традиционной религиозности и т.п.

Это исследование с полным правом можно назвать манифестом «новой истории» в российской историографии начала XX столетия. Карсавин открыто направляет здесь свою критику против «мании» «поиска происхождения» и классификации – которой была одержима современная ему наука. Важно понять не то, «как создавалось», пишет он в обширном введении к этой книге, а «как было» – найти в самих фактах, собранных историком, присущую им внутреннюю упорядочивающую взаимосвязь, обеспечивающую единство и неповторимое своеобразие изучаемого им времени. Карсавин формулирует здесь суть своего науч-

⁴ Карташев А.В. Лев Платонович Карсавин (1882-1952) // Л.П.Карсавин. Малеые сочинения. СПб., 1994. С.471.

⁵ Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII вв. СПб, 1912; Его же. Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915.

⁶ Гревс И.М. Рецензия. // Науч. ист. журн. / Под ред. Н.И.Кареева. СПб., 1913. Т.1. Вып.1. №1. С.80-91.

ного подхода и вводит новую адекватную ему систему понятий. Принципам «генетического метода» он противопоставляет т.н. «статическую историю», поиску генезиса, формальных причинно-следственных связей, «филиации» идей и институтов – изучение «общего религиозного фонда» как системы «мирочувствования», мировидения, присущей данной исторической эпохе и проявляющей себя в сознании, восприятии жизни, поведенческих формах каждого индивида, этому обществу и эпохе принадлежащего:

«Очерки религиозных движений...» и «Основы средневековой религиозности»... – магистерская и докторская диссертации Карсавина – не описи начинающего, как это нередко утверждают современные «карсавиноведы», причем, не только «начинающие». Эти оригинальные исследования молодого ученого приглашали к дискуссии и бросали вызов не только классическому позитивизму XIX века, но и его критикам в начале XX века.

Конечно, термины «средний человек», «средний религиозный человек», «типический человек», как и «статическая история», которыми Карсавин оперирует в первых своих монографиях и статьях, и которые присутствуют в более поздних его работах (в частности во «Введении в историю») – возможно, и не очень удачный выбор. Л.П.Карсавин и сам это признавал. Но используемые им в логике конкретно-исторического исследования, ориентированного не на выявление генетических связей процессов развития и эволюции, но на феноменологический анализ сознания (в том числе религиозного) и социального действия исторических персонажей, на изучение социо-психологических взаимосвязей и взаимодействия индивидов, их общностей в конкретных ситуациях «состояния» (отсюда и сам термин – «статическая история»), названные термины обретают в карсавинских работах иное смысловое содержание и статус «некоей методологической величины», обозначающей, по выражению самого Карсавина, «то общее, что исследователь стремился познать в индивидуальном».

В этом ином, переосмысленном значении расхожий термин генетической истории «средний человек» («средний религиозный человек» и т.п.) синонимичен карсавинскому термину-понятию «общий религиозный фонд»⁷. В обоих случаях речь идет о системе мировоззренческих поня-

⁷ Вводимое Карсавиным в «Основах...» инструментальное понятие «религиозный фонд», по существу, адекватно употребляемому им параллельно, но введенному раньше, в «Очерках...», понятию «средний религиозный человек» или «средний человек». Карсавин сам указывает на эту тождественность в своем Предисловии к «Основам...». Разъяснение этого термина, вызвавшего непонимание и острую критику, дается им также в вышедшей ранее «Основ...» статье «Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века» (Науч. ист. журн. / Под ред. Н.И.Кареева. СПб., 1914. Т.1. Вып.2. №2. С.10-28); Основы средневековой религиозности.... С. 7-17.

тий общего характера – о понятиях универсальных, формирующих специфический «образ мира» средневекового человека (дуализм, символизм, антиномичность, ценностная окраска воспринимаемой действительности и др.) и определяющих, в конечном счете, категории средневековой культуры. Преломляясь в каждом индивидуальном сознании по-своему, эта система общих универсальных понятий, полагал Л.П.Карсавин, определяла и многообразие поведенческих форм.

В рассуждениях Карсавина нет и речи о якобы «превознесении» (еще один расхожий штамп) коллективного религиозного сознания в ущерб индивидуальному (как и наоборот). То, что имел ввиду Карсавин, обращаясь к названным терминам в «Очерках», «Основах», во «Введении в историю», так это допущение существования в изучаемом им историческом прошлом (XII-XIII вв.) «известной однородности» психологической и социальной организации людей, как «культурного основания» данной эпохи:

«Мы допускаем однородную психическую организацию людей данной эпохи, предполагаем, что люди такого-то времени и такой-то среды росли и образовывались в одинаковых условиях и под одинаковыми влияниями, которые должны были создавать в них одинаковые навыки, вызывать однородные запросы и идеи. Мы не допускаем, чтобы действие общих причин останавливалось перед чьей-нибудь колыбелью, даже колыбелью гения. Допуская своеобразные скрещивания влияний, мы тем не менее всегда предполагаем что-то общее и присоединяем сюда уравнивающее, сглаживающее индивидуальные особенности влияние взаимного общения...»⁸.

По своей смысловой и функциональной нагрузке в названных первых работах Л.П.Карсавина упомянутые термины, таким образом, не имеют ничего общего, вопреки расхожим утверждениям, ни с позитивистским их употреблением («обычный», «заурядный», «типический»), ни с «идеальными типами» М.Вебера (к концепции которого Л.П.Карсавин относился скептически)⁹. Возражения рецензентов не поколебали уве-

⁸ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности... С. 16.

⁹ Мы имеем здесь дело, по существу, с многозначительным историографическим симптомом – переформулировкой под влиянием новой стратегии исторического познания «принятых» профессиональным сообществом, «конвенциональных», понятий; иными словами, – с одной из самых красноречивых манифестаций становления нового качества познавательных возможностей истории, как области знания. Такие факты известны в истории исторической науки. Подобную трансформацию, например, пережили термины «материальная культура», «повседневность», в частности, в работах Ф.Броделя – сознательно заимствованные в свое время им («за неимением лучшего обозначения» – по его собственному выражению) у позитивизма и им же переосмысленные. С аналогичной практикой (переформулировка понятия «социальный контекст») сталкиваемся мы и сегодня в работах «микроисториков», утверждающих новые познавательные принципы социальной истории. – См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. М., 1996. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. С.34-35; Ястребицкая А.Л. Культурное измерение историографиче-

ренности Карсавина в методологическом значении понятия «средний человек».

Существование его, пишет Л.П.Карсавин, выражая свою неудовлетворенность результатами дискуссии, развернувшейся по этому вопросу после выхода в свет его "Очерков...", «фактически доказывается всяким историческим исследованием. ... Этот "средний человек" живет и в историке Виллани и в каждом из приведенных мною (имеются ввиду "Очерки") хронистов, проповедников и писателей. Поэтому-то и полны значения наши тексты, что позволяют по дошедшим до нас сведениям открывать те тенденции или потенции, которые присущи всякому человеку занимающей нас эпохи, позволяют нам говорить об основных чертах религиозности эпохи и понять ее религиозное развитие»¹⁰.

Но тем самым, добавим от себя, проблема средневековой религиозности XII-XIII вв. выводится Л.П.Карсавиным (уже в магистерской диссертации) за пределы традиционной «истории духа» и формулируется им как проблема социально-психологическая, как проблема сознания, индивидуального и коллективного.

«Мы берем человека не в тот момент, когда он "строит свое мировоззрение" или занимается его "выработкой", а на всем протяжении его жизни, когда он не думает о согласовании своих мыслей и чувств»¹¹.

Именно этот метод (повторим еще раз), ориентирующий на анализ конкретно-исторического «состояния» – «мировидения», и в этом контексте – систем внутренних социокультурных взаимосвязей и взаимодействий в обществе (и сообществах), Карсавин и называл «статической историей» – «системной», «культурной», сказали бы мы сегодня. И именно этот ракурс наблюдения позволил ему одним из первых ощутить скрытый в недрах духовной жизни Средневековья главный нерв средневековой культуры, определяющий ее специфику и дающий знать о себе во всех ее проявлениях – противоречивую двойственность, «антиномичность сознания», – то, что современные историки культуры предпочитают называть амбивалентностью картины мира средневекового человека¹².

«Основы средневековой религиозности» – монография, ставшая программной для творчества Карсавина как историка культуры. Именно здесь впервые им была сформулирована идея исторического процесса как синтезирующего единства «социального» (т.е. всех видов социальной практики) и «психического» («душевного»), под этим последним

ского // Культура и общество в средние века – раннее Новое время. М., 1998. С.26-27; Ревель Ж. Микроанализ и воссоздание социального. М.: РГГУ. С.13-15.

¹⁰ См. Карсавин Л.П. Символизм мышления... С.28.

¹¹ Карсавин Л.П. Основы Средневековой религиозности... С.36.

¹² Гуревич А.Я. Дух и материя: Об амбивалентности повседневной средневековой религиозности. // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Возрождение. М., 1988, с.59-65; Он же. Категории средневековой культуры. М., 1984; Он же. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Карсавин понимал – и это важно подчеркнуть – состояние общественного сознания, духовную жизнь человека, в том числе и так называемые «автоматизмы» сознания, выражающие себя в поведенческих формах, – то, что культурантропологи сегодня определяют термином «ментальность».

Чтобы оценить новаторство Л.П.Карсавина, вспомним, что то было начало XX века, время, когда историки, открыв для себя социологию, сферу производства и хозяйственной жизни, материальную культуру, в области культуры духовной не вышли еще за пределы «истории идей». Интерес же к «психологии», «психическому», «формам умствования», хотя и резко возросший в начале века, развиваясь автономно, не обрел еще исторического измерения. «Сопереживание», «вживание» и тому подобные термины имели широкое хождение, в том числе среди учеников И.М.Гревса. Но в карсавинском словоупотреблении этот термин означал не традиционную реконструкцию «душевного мира» людей прошлых эпох по аналогии с «нашим собственным», но стремление понять его в категориях именно их времени и присущего ему массового и индивидуального сознания.

Являлся ли Карсавин в этом первооткрывателем? Не суть важно. Однако, он, несомненно, был в числе тех немногих, кто оказался в состоянии воспринять и артикулировать те еще едва уловимые интеллектуальные импульсы и идеи, которые нарождались в мировой науке. Жак Ревель, французский историк школы «Анналов», в одной из своих статей говорит о работах 1910-20-х гг., посвященных «формам умствования» и поступкам «первобытных» людей, детей, различных социальных групп и о прямом опыте «прививки психологии к истории», предпринятом А.Берром¹³. История, утверждал Берр, в общем и целом это сама психология, это – «рождение и развитие психэ»; он полагал также, что «эволюция человеческого» должна стать объектом науки о поведении, о поступках, которая дала бы к ним ключ, объяснила бы их¹⁴.

Л.П.Карсавин знал и высоко оценивал монографию А.Берра в той ее части, которая касалась критического анализа современной историографии, в частности Г.Риккерта¹⁵. Он интересовался всем новым и значительным в историографии. Оставленный в 1906 г. по окончании университета на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессуре, он был отправлен в научную командировку в Италию, работал в архивах Флоренции, знакомился с историческими памятниками Венеции, Падуи, Ареццо, Лукки. Летом 1907 г. он посещает Италию вновь; знако-

¹³ Berr A. La synthese en histoire: Essai critique et theorique. P., 1911.

¹⁴ И десять лет спустя эту же мысль повторит Л.Февр. – Ревель Ж. История ментальностей: вехи изучения // Споры о главном. М., 1993.

¹⁵ Карсавин Л.П. Введение в историю: Теория истории. Пб., 1920. Вып.1: Введение в науку. История. С.53.

мится с научной жизнью Германии. В 1910-1912 гг. он работает над докторской диссертацией сначала в Париже, затем в Риме и Флоренции. Письма Карсавина тех лет, адресованные научному руководителю и тогда еще близкому человеку И.М.Гревсу, содержат немало косвенных и прямых свидетельств его живейшего интереса к западноевропейской научной жизни и мысли. Он интересовался ею, но искал свой путь. Он в курсе новинок и околонуточных страстей: постоянного внимания к зарубежным исследованиям требовала и его собственная интенсивная творческая жизнь, и обширная педагогическая практика в предреволюционные и первые годы после революции, вплоть до высылки в 1922 г. из России на знаменитом «корабле философов».

Но дело все же даже не столько и не просто в информированности Карсавина, сколько в том, что уже носившиеся в воздухе идеи нового метода историко-культурного синтеза и обновления на этой основе исторической науки были созвучны его собственным размышлениям и, что немаловажно, его манере, способу восприятия и осмысления мира. В карсавинских описаниях его итальянских, например, впечатлений бросается в глаза стремление к целостному восприятию, к выявлению контекста и всей совокупности возможных взаимосвязей, идет ли речь об отдельных памятниках архитектуры или архитектурных формах, городском ландшафте, отдельной провинции или творчестве художника, стиле хрониста и т.д. Во всех случаях первоочередным и главным для Карсавина является установление связи единичного с общим, целым, или, напротив, опознание следов этого целого в деталях и фрагментах и, в конечном счете, обнаружение связи с «общественной психикой» и «возвращение» к целому, но уже «обогащенному» этим знанием. Ибо каждое индивидуальное и неповторимое развитие, будь то великие Боттичелли, Джотто или Франциск Ассизский, «укоренено в целом развитии» и вне связи с этим целым «мы никогда не сможем возвыситься от интереса антикварного до исторического».

Объекты изучения историка – события, великие личности – лишь тогда открывают прошлое, «когда опознана их укорененность в единстве развития». «Единство развития» – вот, что интересовало Карсавина прежде всего в изучении исторического процесса и на раскрытие чего было ориентировано его исследовательское сознание и интуиция¹⁶. Работая над «Основами...», он пишет Гревсу:

¹⁶ Это также и то, чему отдавал должное учитель Карсавина (при неприятии в целом методологических исканий своего ученика: «...Он чертит яркие общие картины, с искусством восстанавливает часто стертые в памятниках даже мелкие рисунки. Автор обладает в высокой степени интуицией исчезнувшей во времени действительности, способностью чуть через завесу памятников биение пульса того бытия, которое запечатлело в них лишь следы. Это – большое благо и ценный дар...». См. Гревс И.М. Рецензия...

«Меня начинает занимать интересная сторона дела, эмбриональная еще в "Очерках". Это то, что можно назвать "диалектикой идей". Что ни говорите, но есть правда во всех этих гегельянских диалектиках, только надо понять их не метафизически, а позитивно. Продумывание до конца какой-либо религиозной идеи эпохи странным образом совпадает с ее раскрытием в источниках, так что не знаешь, что делаешь – измышляешь или подбираешь тексты. И еще больше правды в понятии "народного духа" "гения эпохи", только – тут мы с Вами разойдемся – следует понимать его, как общее, отличительное свойство "среднего человека". Разумеется, этот средний человек – существо воображаемое, но тем не менее глубоко реальное. И чем далее я иду в работе, тем тверже убеждаюсь в своей правоте. Даже более того, мне кажется, что и все истории под другими именами и названиями ищут того же самого. По отношению к моей работе меня смущает не сомнение в этом, а необъятность еще не известного мне материала...» (24 июля 1913)¹⁷.

Исследование с этих позиций средневековой религиозности и еретических движений XII-XIII вв. привело Карсавина к выводам, во многом предвосхищавшим результаты современных работ в области взаимодействия народной культуры и религиозности с книжной культурой высших слоев, средневековых интеллектуалов. Двигаясь «от религии низших слоев к религии высших», Карсавин акцентировал внимание на единстве и взаимосвязанности протекавших там и здесь процессов и на сближении их, по существу, на уровне «общего религиозного фонда» – неотрефлексированного мифомагического сознания. Уже в период работы над «Очерками...» он вплотную подошел к проблеме, ставшей впоследствии также одной из актуальных и дискуссионных, – проблеме народной религиозности, ее природы, формирования, функционирования в системе средневековой культуры. Методологически первые исследования Карсавина означали уже серьезную заявку на новую трактовку содержания исторического процесса как целостного единства «господствующей психологии» и социальных практик человека, а самое изучение средневековой религиозности в этом контексте обретало важное эпистемологическое значение, открывающее путь к пониманию своеобразия средневековья как исторической эпохи, как особой культуры. Но не только это.

Историографически, первые две монографии Л.П.Карсавина, как и обрамляющий их цикл его статей, касающихся религиозности раннего и высокого Средневековья, видится нам сегодня в пространстве «новой истории религиозности». Начало интенсивной разработки ее в мировой науке, в частности в западноевропейской медиевистике, относится уже к 70-80-м годам, само же открытие историками религиозности как одного из исследовательских пространств своей дисциплины – светской исторической науки – приходится именно на первые два десятилетия XX века¹⁸. Исследования Л.П.Карсавина в области религии свободны от

¹⁷ Российская историческая мысль... С.92-93.

¹⁸ См. А.П.Ястребицкая. Лев Платонович Карсавин: его опыт новой истории религи-

предвзятостей как клерикального, так и атеистического подходов – от присущих им апологетики, в одном случае, и крайней идеологизации и социологизации – в другом. В центре его внимания – не церковь как институт, и не перипетии ее политической истории, не смена одних богословских систем другими, но религиозность, как система мировидения и специфическая форма социального сознания.

Методологически, и «Очерки религиозной жизни...» и «Основы средневековой религиозности...» носят новаторский программный характер: в них ставится вопрос (впервые в российской медиевистике!) о важности изучения истории религии и религиозности (в частности, средневековой) в их феноменологическом развертывании и социокультурных практиках индивидов и отдельных сообществ. В названных работах Л.П.Карсавин разводит терминологически, в смысловом плане, ключевые понятия «религиозность» и «вера». «Религиозность» противопоставляется им «вере» как субъективное восприятие и переживание положений, догм, составляющих ее объективное содержание¹⁹. Средневековая религиозность, по Карсавину, это не просто признание истинной положений веры (полностью или некоторых из них) и не рационалистическая вера в догму как таковую, но тот особый строй мысли и представлений (то, что в новой философии начала XX века определялось как «интенциональная структура»)²⁰, в соответствии с которым человек воспринимает эти общие положения веры и строит свою «религиозно-моральную практику» и повседневное поведение.

С этой точки зрения, религиозность, как она понимается Карсавиным в названных работах, может быть осмыслена и как «присвоение» веры человеком. Но Карсавин идет дальше. Определяя религиозность как «живую веру», «как жизнь религии в человеке», он ставит по существу, вопрос о религиозном сознании как феномене, самом себя конституирующем в потоке времени.

«Религиозность как бы движет жизнью человека, как бы определяет его поведение, извины его мысли и чувства, сказывается в разнообразных сочетаниях с другими сторонами его бытия». Религиозность находится в сложном диалектическом взаимодействии с верой и богословием: она как бы выделяет наиболее актуальную в данный момент сторону (или стороны) веры, составляющих ее догм, определяя одновременно и направления их дальнейшей разработки. Именно в этом смысле, полагал Карсавин, «религиозность движет богословием»²¹.

Таким образом, карсавинская концепция религии и религиозности абсолютно антропологична. Автора интересует чисто «человеческая»

гнозности западноевропейского Средневековья как культурно-исторического феномена // Религии мира 1999. История и современность. М., 1999. С.121–133.

¹⁹ Основы средневековой религиозности... С. 3-4.

²⁰ И.А.Михайлов. Гуссерль // Культурология XX в. СПб., 1998. Т.1. С.161-162.

²¹ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности... С.5-6.

сторона конкретных религиозных ситуаций. Отталкиваясь от кульминационных для средневековых религиозных движений XII–XIII столетий и восходя к их истокам V–VII вв., Карсавин фиксирует и исследует в качестве отправных те тексты и ситуации, когда христианская религия начинает описывать «изнутри себя» – себя, «как внешний объект», а также и другие верования, исходя из собственных внутренних критериев и постулатов: «она выходит из самой себя», пишет он, с тем, чтобы стать понятной для других. Именно в этой логике и с этих позиций исследует Л.П.Карсавин феномен средневековой религиозности в своих ранних работах, стремясь показать ее значимость как первичной моделирующей системы, как «естественного языка» для понимания социальности, присущей эпохе Средневековья.

В соответствии с этим обогащенным феноменологическим пониманием средневековой религиозности обозначает Л.П.Карсавин пространство и предмет ее изучения, включая в него все многообразие ее аспектов и форм: от категориальных основ массового религиозного сознания, от организационных форм культа до верований и практик, которые осуществлялись вне официальных институтов и даже вообще – вне каких бы то ни было институциональных рамок. Феноменологический анализ Карсавина предполагает изучение всего спектра изначальных и самобытных религиозных ролей – от колдунов и чародеев, отшельников до адептов новой религиозности – мирян, визионеров, провидцев и критиков ортодоксальной церкви – еретиков. Обращая внимание на глубоко индивидуальный характер переживания веры средневековым человеком, Л.П.Карсавин подчеркивал одновременно и присущее религиозности этой эпохи «нечто общее» – некий лежащий в ее основе «реальный субстрат», который определял «дух эпохи» («народа»). Именно в этом логическом контексте он вводит понятие «культура», наполняя его нетрадиционным – историко-антропологическим содержанием.

Это понятие, присутствующее и в «Очерках религиозной жизни...», и в «Основах средневековой религиозности...», Карсавин раскрывает и формулирует в своей синтезирующей монографии «Культура средних веков» (увидевшей свет в 1918 г. – через три года (!) после «Основ...»), где границы «повседневного бытования» религии, так или иначе, затрагивают сферу семьи, городской и сельской жизни, королевский и княжеские дворы, не говоря уже о самой церкви и «ее людях» самых разных культурных уровней и положений. И это находилось в полном согласии с его общей концепцией истории как социокультурного процесса.

Во Введении к книге говорится:

«Историю культуры автор понимает как изображение развития или раскрытия некоторой основной психической стихии, проявляющейся через индивидуальные осуществления во всех сферах жизни изучаемой коллективности

– от социально-экономических отношений до высот мистико-философского умозрения... К выяснению "основной психической стихии" можно подходить с разных точек зрения, и данное на страницах этого "очерка" построение не требует признания религиозно-философских взглядов автора: оно, хотя и ценой отказа от последних объяснений, легко переводимо на язык позитивной мысли. Ведь "основную психическую стихию" можно изучать и только по ее проявлениям в экономической или политической истории, отбрасывая религиозные проблемы. Но, если вообще религиозно-метафизическое понимание ближе к истине и плодотворнее – в применении к Средневековью, к эпохе по преимуществу религиозной, оно предписывается самим существом дела. Следует устранить возможность важного недоразумения. – Цель автора не в объяснении экономических явлений религиозными, не в искании и указании причин, хотя для краткости ему и приходится прибегать к видимости причинного объяснения: к "потому", "поэтому", "так как" и "в силу". Его задача обнаружить деятельность основных моментов развития в разных сферах жизни, не касаясь чрезвычайно сложного вопроса о взаимоотношениях этих условно разделяемых в исследовании и изложении сфер. Ясно, что для выполнения такой задачи нет необходимости стремиться к связному и полному изображению средневекового процесса во всех его аспектах. В одних случаях стихия жизни ярче сказывается в философской мысли, в других – в экономической борьбе, что нисколько не препятствует религиозному (но уже в высшем смысле) пониманию второй...»²².

Хотелось бы обратить внимание в этой обширной цитате на один методологически принципиальный момент, получивший позднее развитие в других работах Карсавина (прежде всего в «Философии истории») и чрезвычайно важный для понимания как общей идеи, «смысла» его конкретно-исторических исследований, так и метода периодизации им исторического процесса, подхода к историко-культурному сравнительному анализу (как, например, в эссе «Восток, Запад и русская идея»).

Речь идет о том, что служит исходным для познания и характеристики исторической культуры. Отмечая, что им может быть «любой момент данной культуры», Карсавин вместе с тем подчеркивает и наиболее предпочтительный: «религиозно-метафизическое понимание». Обращаясь к этой проблеме на другом историко-философском уровне, развивая свою мысль, Карсавин пишет, что «историк должен искать идею культуры в наиболее непрерывном, наиболее психическом и духовном» – в том, что выражает отношение "идеи культуры" к идее человечества, к Абсолютной истине, к Абсолютному благу, Бытию, Красе»²³. Иными словами, речь здесь не о божественном Промысле или «Абсолютном недостижимом знании», но об «имманентно» присущей каждой «исторической индивидуальности» – в том числе и «каждой исторической культуре» потребности в самоидентификации: осмыслении проблем мироздания и себя по отношению к Абсолюту и другим культурам. Именно в этом смысле, полагал Карсавин, в реальном историческом

²² Карсавин Л.П. Культура Средних Веков: Общий очерк. Пг., 1918. С.1-4.

²³ Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923. С.171.

процессе «религиозные культуры» (христианство «со всеми его видами», иудейство, ислам, брахманизм, буддизм и т.д.) являются «высшими по отношению к культурам, объемлющими группы их индивидуальностями»²⁴. И с этим трудно не согласиться, во всяком случае по отношению к культурам доиндустриального периода и, в частности, к Средневековью – эпохе религиозной по преимуществу, когда христианство как господствующая форма самосознания являлось нормой и знаковой системой, где всякая мысль облекалась в образы христианского мифа, в традиционную фразеологию, почерпнутую из Священного Писания и трудов отцов церкви.

Когда Л.П.Карсавин выдвигает на первый план при изучении средневековой культуры ее «религиозные качественания», он тем самым указывает, выражаясь современным языком, на «системообразующий» элемент присущего этой эпохе коллективного и индивидуального сознания, на тот «умственный инструментарий», посредством которого люди моделировали макро- и микрокосм, свой образ жизни и свои представления о добре и зле. Подобный синтезирующий подход был новаторским не только для российской, но и шире – европейской медиэвистики начала века. Он открывал и новые возможности в изучении истории религии, как специфической массовой и константной формы социального сознания и самосознания, смена форм которого определялась не механистической сменой философских систем, трансформацией догматики и т.п., но сложным взаимодействием с социальным целым, с общими (в том числе и национально-этническими) представлениями эпох и неизбежной при этом постепенной десакрализацией отдельных ее аспектов и сфер. Именно этот принцип положен Карсавиным в основу таких его исследований, как «Монашество в Средние века» (1918), «Католичество» (1918), «Святые отцы Православной церкви» (1922?) и, конечно же, названной выше «Культуры Средних веков».

Эта монография – один из первых в исторической науке опытов «реабилитации» Средневековья и раскрытия его своеобразия как культурно-исторической целостности. Задача, как ее формулирует сам автор, – показать Средневековье как «культурное целое, выражающее проходящий через него общий процесс культурного развития (тоже вполне понятный лишь в плане мирового бытия) и в то же время обладающее некоторым самодовлением и непреходящей ценностью, абсолютным значением...»²⁵. Но раскрыть своеобразие Средневековья – значит, по Карсавину, понять и раскрыть специфику собственно средневековой религиозности, как «идеи» его культуры в целом, и именно опираясь на это, определяет Карсавин и хронологические рамки Сред-

²⁴ Там же. С.172.

²⁵ Карсавин Л.П. Культура Средних веков... С.3.

них веков как исторического периода. Это звучало новаторски и представляло открытый вызов принятому принципу исторической периодизации, исходившему из искусственного выделения «того или иного частного процесса и искания его генезиса»²⁶.

Специфика средневековой религиозности, по Карсавину, – в идее (или образе) Града Божия, и главная проблема, довлывшая над сознанием средневекового человека и его устремлениями, духовными и мирскими, – обрести «единство божеского с человеческим во всех сферах жизни». Именно в этом напряженном стремлении к идеалу – к духовно-нравственному единству – видел Карсавин истоки характерной для средневекового человека противоречивой двойственности его сознания и поведения – амбивалентности, «антиномичности» средневековой культуры, о чем говорилось выше. Эта идея, стоит за всеми «внешними проявлениями культуры», за противоречиями и борьбой и в социально-экономической, и в политической сферах жизни Средневековья.

«Величие и трагедия Средневековья – в его неосуществившемся стремлении к всеобъемлющему синтезу. Борьба империи и папства; противоречивые построения идеала Града Божьего, разрушаемые его идеей, столкновение и взаимопроникновение религиозного и мирского, надолго разлучающихся в XII-XIII вв., усилия и неудачи схоластики и мирского знания – только разные обнаружения основной средневековой проблемы; проблемы, говоря кратко, единства Божеского с человеческим во всех сферах жизни. Смутным томлением по этому единству начинается Средневековье в IV-V вв., тяжелым и беспокойным сознанием его неосуществленности кончается оно в XIII в. под радостные гимны начинающего свой победоносный путь мирского»²⁷.

В этом свете становится понятным исключительный интерес Карсавина к проблеме религиозности, в 20-е годы навлекший на него обвинения большевистской печати в «средневековом фанатизме», «сладкоречивой проповеди поповщины» и т.п., а позднее, уже с «положительным знаком», давший основание для закрепления за ним образа исключительно «религиозного философа».²⁸ Но становится по-

²⁶ Карсавин Л.П. *Философия истории...* С.22.

²⁷ Карсавин Л.П. *Культура Средних веков...* С.197.

²⁸ Конечно, история средневековой религиозности занимает центральное место в предреволюционные годы и в его научной, и в педагогической практике. На Высших женских курсах, где Карсавин начинает работать с 1908 г., он читает спецкурсы по истории папства и раннему францисканству, ведет семинар по творчеству Сальвиана. В одном из писем этого времени он сообщает Гревсу о своем намерении прочитать там курс, дающий «картину религиозного развития с V-VI по XII-XIII вв.» и излагает его план в деталях: «Исхожу я из религиозного состояния IV-VI веков, двигаясь от периферии религиозной жизни к центру, т.е. сначала религия низших слоев и паганизация в них христианства, ...затем высшие классы: религия в связи с культурой (тут нашел себе место и Сидоний). Наконец ядро религиозной жизни и тут остаюнавливаюсь на Павлине Ноланском, Амвросии, Иерониме, Августине и пелагианстве. Думаю, что не ошибся, рассматривая дальнейшую религиозную историю по странам

нятен и глубинный смысл сказанного Карсавиным в том же Предисловии к «Культуре Средних веков»:

«Пренебрегая средневековыми схоластиками и мистиками, — пишет он, — мы суживаем наше постижение вечного: забывая о "простых" явлениях жизни, отрезаем себе путь к пониманию ее существа; отъединенные от прошлого, целостно не живем в настоящем»²⁹.

Здесь выражена квинтэссенция карсавинского понимания истории человечества и жизни человека как органического звена в сменяющей друг друга цепи поколений. Исторические культуры не проходят и не исчезают бесследно, сформулирует Карсавин эту свою мысль позже в «Философии истории»:

«Это явление чрезвычайно редкое, а может быть и небывалое. Каждая после своей невидимой гибели переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в традициях, продолжающих свое существование в лоне других культур, в их памяти-знании о ней. Для исторического процесса характерно сосуществование ряда культур, иногда в полном расцвете, не только их смена...»³⁰.

Эта идея культурного «всеединства» человечества, культурного диалогизма его истории присутствует уже в первых работах Карсавина. Она никогда не была для него теоретической формулой, но глубоко личной идеей — ключевой установкой его сознания, определявшей и собственное восприятие им окружающего мира, и направленность его научного творчества, будь то конкретно-историческое исследование или философские рассуждения — никогда не отвлеченные, но всегда отражающие биение жизни и пульс времени. Таковы его *Saligia* (1913), *Noctes petropolitanae* (1919), «О свободе» (1921), «О добре и зле» (1922) или «Диалоги» (1923) и др. Чтобы правильно понять эти его труды, включая «Философию истории» и более поздние философские работы, следует их рассматривать, можем мы сказать с полным основанием, перефразируя слова его современника и ровесника, французского биолога и философа П.Тейяра де Шардена, не как «метафизические и тем более не как теологические», «а единст-

— Италия и государство франков. Причем, здесь нет нужды в строгом различении высших (по религиозному развитию) слоев христианства от низших. Ибо народная религия — паганизированное (на античный, кельтский или германский лад) христианство подымается в высшие слои (Григорий Великий), а павшая культура высших классов, спасая остатки догмы (тоже паганизированной, но философски) и принижая ее, приближается к народной религии. Почти полное единство религии — в государстве франков». Несомненно, тема средневековой религиозности была созвучна его собственным религиозно-философским исканиям. В письме Гревсу Карсавин прямо говорит об этом: «Приятно, что взялся за религиозную историю: это вполне по характеру, так как я чувствую в себе религиозные склонности и иногда предаюсь скептическому мистицизму...» — *Российская историческая мысль...* С. 48-49.

²⁹ Карсавин Л.П. Культура Средних веков... С.3.

³⁰ Там же. С.165.

венно и исключительно как научную работу»³¹. И то, что Карсавин стремится дать в них, – это не объяснение происхождения общества, истории человечества, а лишь подход к их изучению.

При вдумчивом чтении легко убедиться в том, что интересует его, прежде всего, культурно-социальное содержание религиозных формул и религиозности как формы сознания. Карсавин говорит о религии, религиозности, церкви как культурно-историческом феномене, важном и для понимания исторического процесса и общественно-политической практики в современной ему России, изучение которого в состоянии пролить свет на многие проявления массовой социальной психологии. Позиция Карсавина в этом вопросе прежде всего – позиция ученого, «хладнокровно» изучающего природу явления на всех его уровнях.

Карсавин в полной мере сознавал новаторство, продуктивность и перспективность выдвигаемой им концепции истории и подходов к ее изучению. Он не сомневался в нападках и был готов к дискуссии.³² Письма Карсавина Гревсу тех лет пронизаны стремлением добиться понимания, смягчить противоречия. Под огнем критики Гревса оказалась и сама карсавинская концепция изучения истории как «процесса социально-психического», и трактовка религиозности как «основной психической стихии жизни» Средневековья, и вся понятийная система, включая такие ключевые ее понятия как «статическая история», «средний человек», «народная культура», «народная религиозность». Критика порождала ответную критику, разрушала теплоту и искренность отношений, сделав их в конце концов невозможными³³. Но в их чудом уцелевшей до нашего времени переписке отразилось все же нечто большее, чем частные отношения любящих и уважающих друг друга людей, чем традиционный конфликт «отцов и детей» в науке. Она запечатлела момент рождения в российской интеллектуальной жизни и в исторической мысли нового исследовательского сознания, персонифицированный в индивидуальностях Л.Карсавина и Н.Оттокара – лучших и самых любимых учеников И.М.Гревса, выдающегося педагога и ученого позитивистской школы, открывшей для историков «простые проявления» жизни, но остановившейся перед осмыслением их места и роли в истории.

³¹ *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987.

³² Ко времени появления «Культуры Средних веков» он успел уже ощутить горечь обвинений в «самоуверенности», непонимания и потерю – фактического разрыва с И.М.Гревсом, отчуждение его учеников – своих младших коллег. – *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С.177-178, 279, 281.

³³ «Стало вырисовываться глубокое разногласие между нами как в отношении к жизни, так и в отношении к науке, и к тому, что лежит в самой глубине, и что дороже науки, дороже жизни... Так утерялось между нами живое ощущение друг друга...» – напишет Гревс в одном из последних своих писем Карсавину. И это было пережито обоими как глубокая трагедия. – См. Российская историческая мысль... С.94-102, 104.

С точки зрения общей ситуации в отечественной исторической науке ко времени написания Карсавиным «Культуры Средних веков» и его самосознания как ученого, степени его противостояния официальной науке, очень выразителен следующий пассаж из уже цитированного Предисловия к этой монографии:

«...Такая постановка вопроса [речь идет о дефиниции "истории культуры" – А.Я.] не вполне согласуется с временно господствующим в "исторической науке" направлением, ушедшим в специальные, но *беспринципные* искаательства и пытающимся объединить разлезающуюся грудю сведений только в неудобочитаемых компендиях и *коллективных* – точно синтез может быть коллективным делом! – "всеобщих историях". Однако она [постановка вопроса – А.Я.] связана с забытыми традициями классиков истории и ее философского (не "методологического") осмысления, с именами Мишле, Тэна, Ранке и Буркхардта, Шеллинга, Гегеля и Фихте, небрежение заветами которых и привело нас к "лабораторным" методам и "микроскопическим" результатам. За эти слова, вне всякого сомнения, пишущий их подвергнется обвинению в горделивых притязаниях и самонадеянности, что и позволяет ему объяснить не обвинителям, а беспристрастным и внимательным читателям, почему они все-таки написаны. – Может быть, результаты работы и не соответствуют вложенному в нее труду, а "очерк" не удался. Самый подход к делу и понимание задачи кажутся автору единственно правильными и настоятельно необходимыми для выведения истории из состояния аморфности и рассеянности, в каком она сейчас находится. А это обязывает пренебречь личными соображениями и в меру своего разумения и сил указать на забываемые основные проблемы науки, что лучше достигается не "методологическими" трактатами, а синтетическими, хотя бы и рискованными попытками. Автор просит своих читателей в центр внимания поставить вопрос о том, необходимо ли и плодотворно понимать историю так, как она понята на нижеследующих страницах. Тогда и неполные и неудачные наблюдения могут стать полезным материалом для будущих синтетических построений, время которым все равно приходит, хотим мы того или не хотим»³⁴.

Общий очерк «Культуры Средних веков», опубликованный Карсавиным в 1918 г., предваряет собой начало кульминационного этапа его творчества, отмеченного всесторонней проработкой и осмыслением лежащей в его основе новой исторической эпистемологии. Именно на последующие за выходом этой книги пять лет (до высылки в 1922 г. из Советской России) приходится главные теоретико-методологические и философско-теоретические работы Л.П.Карсавина, в которых получает свое последовательное и законченное выражение выдвинутая им концепция культур-антропологической истории. Это – «Введение в историю (теория истории)» (1920), «Философия истории» (1922), «Восток, Запад и русская идея» (1922). В отличие от «Очерков религиозной жизни...» и «Основ средневековой религиозности...», названные работы оставались неизвестными широкому читателю почти до середины 90-х годов и остаются недооцененными по существу еще и сегодня даже

³⁴ Карсавин Л.П. Культура Средних веков... С.2.

специалистами. Несомненно, способствовали забвению и последовавшая вскоре высылка автора, и утверждение в Советской России идеологического порядка, не поощрявшего интеллектуальные «умствования» по мировоззренческим проблемам. Но и без того: идеи Карсавина, развитые в этих работах, «пугали», по его же собственному выражению, «привыкшее мыслить в традиционных категориях позитивизма сознание». Сыграло свою роль и время. Язык современной науки стал иным и теперь уже сама карсавинская терминология затрудняет понимание его идей, по своей сути, поразительно созвучных нашим сегодняшним исканиям.

Важность этих взаимосвязанных, дополняющих друг друга работ трудно переоценить. Они имеют ключевое значение для понимания творчества Л.П.Карсавина. Изложенная им здесь система идей, концепция исторического процесса и историографии, как легко заметить, сложились в ходе конкретных исследований культуры западноевропейского средневековья, средневековой религиозности, а также в результате основательного осмысления истории мировой исторической науки и состояния современной Карсавину западноевропейской и отечественной медиевистики. Но не прошли бесследно и социальные катаклизмы в революционной России. С этой точки зрения и «Введение в историю», и «Философия истории», и, конечно же, «Восток, Запад и русская идея» – факт не только личной и творческой биографии Л.П.Карсавина, но и всей российской культуры. Эти работы позволяют уяснить уровень научно-исторической мысли в России начала XX века и первых революционных лет, присущее лучшим ее представителям высокое сознание своей общественной и научной ангажированности, ответственности и вместе с тем включенности в европейскую интеллектуальную жизнь, в круг проблем, волновавших мировую науку. И еще глубже – всю напряженность и драматизм ломки социального и в этом контексте исторического и исследовательского сознания³⁵.

Эти работы – не просто плод оригинального мышления их создателя. В культурно-историческом смысле они – «ответ» на «вызов» времени, эпохи, переломной не только для русской, но и европейской культуры и исторической науки, как одного из ее важнейших элементов. Эти работы – одна из актуализаций подспудно развивавшейся с конца XIX – начала XX вв. тенденции к переосмыслению традиционных схем историописания, вошедших в непреодолимое противоречие, с одной стороны, с массой нового фактического материала, появившегося в резуль-

³⁵ Рамки статьи, к сожалению, не позволяют дать всесторонний и конкретный анализ этого процесса. Это задача монографического исследования, над которым автор и работает. Здесь же мне представляется важным дать возможность читателю ощутить *en gros* всю глубину интеллектуального переворота, осуществленного этими работами Л.П.Карсавина в области исторического познания.

тате открытого позитивизмом экономического и социального измерения исторического прошлого, потребностью в его систематизации и новом синтезе, а с другой – с социальным опытом, обретенным их автором в результате первой мировой войны и революционных потрясений.

Трагические события этой глобальной катастрофы, массовые жертвы, разгул народной стихии и крушение под ее натиском казавшейся незыблемой официальной культуры и российской государственности, благоустроенного мира повседневной жизни и научных практик похоронили многие мифы, владевшие сознанием историков, и в том числе один из наиболее стойких – о рационалистическом начале истории. Они высветили несостоятельность, псевдоисторичность априорных интеллектуальных конструкций о высшем регулирующем принципе в истории, будь то вера, мировой дух, философия или эволюционистские схемы, заимствованные у естественных наук, типа теории прогресса или направляющего действия объективных социально-экономических законов и процессов. Те, кто пережил войну и Октябрьский переворот и сохранил, несмотря ни на что, интерес и способность к творчеству, не могли не задуматься о подспудно действующих силах, «стихии» исторического процесса, корнящейся в глубинах человеческого сознания. Но это, в свою очередь, не могло не утверждать в мысли о непригодности принятых методов историописания, отводящих историку роль либо рассказчика, регистратора сообщений источников, либо «прокурора» или «адвоката» истории.

Это побуждало к саморефлексии и переосмыслению ключевых понятий: Что есть история и историческая наука? В чем ее отличие от наук естественных? Что есть исторический факт, историческое развитие, историческое время? Как соотносятся в историческом процессе духовное и материальное, индивидуальное и коллективное, историческое познание и самопознание и т.д.?

Л.П.Карсавин – один из активных участников этой дискуссии. Он включается в обсуждение насущных проблем исторического знания как историк «практик» – исследователь, педагог, и как философ, интересующийся теорией истории, ориентируясь, соответственно, на специфику своей аудитории и круг оппонентов с той и другой стороны. Плод этих дискуссий и отражение разных аспектов авторской позиции – уже названные выше «Введение в историю» (Серия: «Теория истории». – СПб., 1920) и «Философия истории» (Берлин: «Обелиск», 1923). Ориентированные на разные аудитории, эти работы по-разному структурированы и по-разному расставляют смысловые акценты, поднимая одни и те же проблемы исторического познания. Во «Введении» на первый план выводится собственно методология, рассмотрение сущности и свойств исторического процесса, возможности и пути его познания, принципы подхода к анализу исторического прошлого и историографии.

В «Философии истории» те же вопросы и сам исторический процесс, проблемы его интерпретации и изучения рассматриваются в связи с Абсолютом и в контексте христианской метафизики всеединства (в оригинальной трактовке самого Л.П.Карсавина), получая одновременно систематическое разностороннее и углубленное методико-методологическое осмысление и обоснование.

Новый культурно-смысловой контекст чрезвычайно выразительно дает о себе знать во «Введении в историю». Это – не кабинетные измышления «историографа», но манифест ученого, ангажированного своей наукой и временем. И это уже не глас вопиющего в пустыне, как было в годы работы над «Очерками религиозной жизни...» и «Основами средневековой религиозности». Знаменательно, что опубликована эта работа была в серии «Введение в науку. История», основанной по инициативе как самого Карсавина, так и таких энтузиастов обновления исторической науки, как С.А.Жебелев и М.Д.Приселков, возглавивших ее редакционный совет. Сам состав историков, привлеченных к работе над ее последующими выпусками («Введение в историю» было первым), как и планируемая их тематика указывали на то, что целью изданий было утверждение нетрадиционных концепций изучения всеобщей и отечественной истории. Среди авторов отдельных выпусков были академики Б.А.Тураев, В.В.Бартольд, Н.Н.Марр, О.Ф.Ольденбург, проф. Е.В.Тарле, В.М.Алексеев и др.

Хотя, как заявлял сам автор, цель его заключалась в том, чтобы «облегчить всем желающим серьезно и научно заняться историей, а, в частности – учащимся, первые шаги их самостоятельной работы»³⁶. Задача книги состояла не столько в ознакомлении с существующими концепциями истории и подходами к ее изучению, сколько в воспитании самостоятельного исторического видения и умения выработать собственную позицию:

«Приступающему к занятиям историей необходимо прежде всего получить ответы на вопросы: что такое история? каковы ее цели и каковы методы изучения исторического материала? в чем заключаются особенности, а следовательно, и значение исторического мышления? В области остальных наук все подобные вопросы решаются в общем легко и единообразно, делаясь спорными и сложными лишь при дальнейшем, более глубоком их изучении. В истории же именно они и вызывают самые сильные разногласия и между историками-специалистами, и между философами, занимающимися теорией истории, и между теми и другими. Обычно историк находит ответы на все указанные вопросы лишь после долгой специальной работы, но и эти ответы удовлетворяют очень немногих. Отсюда следует, что каждый сам должен искать ответов на свои запросы, и все "введения" могут быть ему полезны лишь как первоначальные ориентирующие указания и советы, а отнюдь не представляют собою изложение бесспорных общепринятых положений... Автор

³⁶ Карсавин Л.П. Введение в историю... С.1.

стремится выдвинуть систему основных проблем теории истории, указать на их природу и тем самым подвести читателя к самостоятельной работе в сфере этих проблем и критике его, автора, взглядов...»³⁷.

Таким образом, «Введение...» – приглашение к дискуссии и одновременно включение в полемику, развертывавшуюся вокруг коренных проблем исторического познания в начале столетия в европейской науке. Как сам отбор работ по методологии истории, так и методические замечания Карсавина – красноречивое свидетельство его подхода к анализу самого историографического процесса как культурной целостности, открытости его к накопленному предшественниками позитивному опыту, так же как и его предпочтений и неприятий. Даже не разделяя общеметодологических построений тех или иных историков, например, Ланглюа и Сеньобоса, Карсавин тем не менее обращает внимание читателя на то полезное, что он может извлечь из их работ для себя («приемы внешней критики источников», а также и то, что они «вводят в круг вопросов социальной истории»). Он выделяет продуктивные постановки проблем в работах Эд.Мейера и А.С.Лаппо-Данилевского: подчеркивает присущий их методологии отказ от истории, «отыскивающей законы» и причинно-следственные зависимости, и вместе с тем их интерес к «субъективному элементу в истории», к «случаю», «историческому факту», так же как и постановку вопроса о важности связи исторической науки с антропологией и филологией и в этом контексте – их интерес к новым жанрам исторических исследований, в частности, к биографии. Именно постановкой вопроса о своеобразном, индивидуальном в истории привлекли внимание Карсавина также и работы французского историка А.Д.Ксенопола.

В целом же в центре внимания Карсавина – работы, развивающие монистический взгляд на историю, так или иначе ориентированные на изучение исторического процесса в его «всеобщности», т.е. «тотальности»: в органическом, внутреннем синтезе, в единстве всех сфер человеческого бытия, или способствующие уяснению важности именно этой линии развития исторических исследований. Здесь представлены работы по историческому материализму и трудам Маркса; исследования Г.Шпета («История как проблема логики». М., 1916) и книга А.Берра («Синтез в истории. Критическое и теоретическое эссе». 1911). Издаваемый Берром журнал *Revue de synthese historique* – предтечу знаменитых «Анналов», основанных М.Блоком и Л.Февром, Карсавин рекомендует начинающим историкам как один из важнейших источников информации о новой европейской историографии. Эта же методологическая ориентация определяет и подбор библиографии в списке тем и проблем (так же как и источников) для самостоятельных занятий и вве-

³⁷ Там же. С.5.

дения в процесс исторической работы. Здесь фигурируют также и классические фундаментальные труды по всеобщей и отечественной истории, ознакомление с которыми Карсавин считал полезным дополнением к специальным работам по теории истории. Таким образом, «вспомогательные» разделы «Введения в историю» дают общую панораму состояния исторической мысли, выделяя основные противоборствующие тенденции в понимании того, что есть история и каковы ее методы познания. Но одновременно это также и своего рода подтверждение – иллюстрация развиваемой Карсавиным концепции о специфике исторической науки и о природе творчества историка, сформулированной в вышеприведенном фрагменте Предисловия.

История меняет свои представления. В ней нет, утверждает Карсавин, и не должно быть места бесспорным истинам. Ибо историческая наука – форма самопознания общества, и здесь, как ни в одной другой науке, важен субъективный момент – личность самого исследователя, ориентированность его мышления и, соответственно, «вопросов», ответы на которые он ищет. Каждая новая концепция – не истина в последней инстанции, но приглашение к продолжению дискуссии. Здесь явная аллюзия на Ш.Сеньобоса и Ш.Ланглуа («Введение в изучение истории», 1899): «Прогресс в исторической науке достигается неизбежным противоречием между поколениями ученых», – мысль, которая через 19 лет прозвучит еще раз в «Апологии истории» М.Блока³⁸. Созвучие карсавинского «Введения в историю» с этой книгой основателя «Анналов» поразительно. Как и «Апология...» Блока, оно вполне могло бы быть снабжено подзаголовком «Ремесло историка». И так же, как в «Апологии...», здесь предлагалось новое видение предмета исторической науки и ее методов, синтезировавшее в себе потребности современной обоим авторам историографии и критическое осмысление идей долгого ряда предшественников о человеке как субъекте истории и творце исторической культуры. «История – наука перемен», – цитирует Л.Февр в своих воспоминаниях (1946 г.) «излюбленное» Блоком определение, да и сам он вторит ему: «Историк не тот, кто знает. Историк тот, кто ищет», «История – это наука о переменных». Историкореформаторы первой половины XX столетия и на Западе, и в России, они говорят здесь одним языком³⁹.

Оставляя читателю простор для самостоятельных размышлений и выводов, Л.П.Карсавин вместе с тем четко обозначает во «Введении...» (а затем в «Философии истории») круг имен и теорий, в полемике с которыми он развивает свою собственную концепцию истории. Он не приемлет юмовско-кантовское механистическое понимание

³⁸ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

³⁹ Февр Л. Указ. соч. С.135, 507.

развития и причинности в истории, выступает против ограниченности теории ценностей Риккерта и дильтеевского метода «вживания» в историю, подвергает критике распространенные идеи о роли личности в истории (в том числе Н.Кареева) и господствующую позитивистскую теорию прогресса и т.д.

Карсавин последовательно утверждает в этих своих работах идею «всеобщей», «единой» – «тотальной», как сказали бы мы сегодня, истории⁴⁰. Для него история – не совокупность обособленных «фактов» и «факторов», связуемых внешними по отношению к ним причинными зависимостями, но органически целостный процесс развития «социально-деятельного человечества». «Социально-деятельное человечество» в карсавинской концепции – не абстракция и не простая механическая совокупность бесконечного числа индивидуумов. Это реальное единство, которое проявляет себя в деятельности «всякого исторического индивидуума», в том числе и «индивидуумов коллективных» (народ, семья, государство, класс и т.п.), мотивируя ее. При этом, однако, подчеркивает Карсавин, не происходит умаления индивидуальной деятельности, свободы индивидуального поведения и выбора цели. Действующая в конкретном историческом обществе «мотивированность» пронизывает различные формы социальной деятельности – экономическую, политическую, философскую, религиозную и т.д., которые, будучи различными и сохраняя свою специфику, «остаются единою деятельностью», потому что «в каждой из ее форм целостно проявляется единый субъект» – человечество, переживающее тот или иной конкретный отрезок своего исторического развития⁴¹.

Карсавинская концепция «единой» истории, таким образом, антропологична по преимуществу, ибо подлинный ее субъект и творец – «всевременное и всепространственное человечество», а содержание ее и, соответственно, предмет изучения исторической науки – социальная практика человека в ее развитии и в единстве всех ее форм: общественной, политической, материально- и духовнокультурной. При этом моментом, обеспечивающим единство системы и ее своеобразии на том или ином этапе ее исторического развития, является момент «психический». Карсавин считает, что всякая социальная деятельность – прежде всего «душевная», поскольку «ею движут потребности, желания, то есть факты порядка психического»⁴². Таким

⁴⁰ См.: *Ле Гофф Ж. С небес на землю. // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С.24-28; Гуревич А.Я. От истории ментальности к историческому синтезу. // Споры о главном. М., 1993; Он же. Синтез в истории и «Школа Анналов». М., 1992.*

⁴¹ Карсавин Л.П. Введение... С.8, 9, 11.

⁴² «Даже для самых правоверных "исторических материалистов" вроде Каутского, – пишет Карсавин, – ныне психичность исторического процесса сомнению не подвержена: они спорят только о том, какие из душевных потреб-

образом, социальная деятельность, утверждает Карсавин, суть социально-психическая деятельность.

Для понимания эпистемологической важности этого положения, всей глубины и принципиальности разрыва с историографической традицией XIX века важно иметь в виду (об этом уже отчасти шла речь выше), что, оперируя широко распространенными в то время в исторической науке терминами «психический», «душевный», «душевная жизнь», почерпнутыми из традиционной психологии, изучающей процессы человеческого организма, Карсавин вкладывал в них иное, социально-историческое содержание. То, что он имел в виду, относилось к состоянию общественного сознания во всем его спектре, включая и неотрафелированные формы – то, что современная социальная психология называет коллективными автоматизмами общественного сознания, а историки – ментальностью. В словоупотреблении Карсавина термины «психическая», «душевная» жизнь подразумевали также и то, что историческая культурантропология сегодня называет «социальными навыками мышления», что же касается психологии в том смысле, как ее понимает «естественная наука о душевных волнениях», то между нею и историей нет никакой связи, – писал позже в «Философии истории» Карсавин, разъясняя свою методологическую позицию: «Чем историк подлиннее, тем далее он от [такой – А.Я.] "научной" психологии»⁴³. «Психическая жизнь» в терминологии карсавинской концепции «единой» истории охватывает феномен человеческих представлений, желаний, устремлений, этики исторических обществ, влияющий на изменения общества, мотивирующий экономическую, политическую, философскую, религиозную и другие формы социальной деятельности человека, человечества на том или ином отрезке его истории.

Большое место отводит Л.П.Карсавин критике так называемой «генетической теории», широко рекламируемой в начале века, как последнее слово научной мысли, и в частности, присущего ее адептам механистического толкования исторического развития и исторической закономерности, как протекающих где-то «вовне», в отрыве от субъекта истории, как неуклонного «прогресса» и эволюции от более простых форм к более сложным. Аргументируя свою позицию, он пишет во «Введении...»:

«Идея прогресса связана с более или менее бессознательным отрицанием единства развития, и теоретику прогресса процесс развития представляется в виде прерывного ряда сменяющих друг друга фаз или периодов. Лучшее для него лежит в будущем, настоящее и прошлое навсегда умирают. Данный момент развития, данная эпоха обладают значением не сами по себе, а только как средство или этап к будущему.

ностей важнее: голод или жажда истины». – Там же. С.12.

⁴³ Карсавин Л.П. Философия истории... С.26-27.

Это особенно ясно сказывается в отношении к прошлому, в пренебрежительном взгляде на умственное развитие, науку и общественную жизнь наших предков и в погоне за "последними словами". Так закрывается единственный путь к пониманию прошлого, в котором не усматривается уже ничего всевременно ценного и важного, и утрачивается всякое оправдание исторического интереса. Зачем, действительно, изучать прошлое, если законов и правил для будущего историк найти не может, а вместо каких-нибудь фантастов и метафизиков вроде Платона, Плотина и Николая Кузанского, полезнее изучать самоновейшие системы Когена, Авенариуса или Бергсона? Беда только в том, что, при отдаленности прогресса, не стоит изучать и их, так как настоящее тоже станет прошлым и в глазах наших потомков будет заслуживать лишь забвения.

Так обесценивая историю, теория прогресса неизбежно обесценивает и современность; лишая смысла все минувшее, лишает смысла и нашу социальную деятельность и низводит весь наш труд на степень жалкой работы червяка, удобряющего землю для неведомых и безразличных ему существ. Раскрывая природу теории прогресса, мы легко усматриваем в ней противоречивое сочетание морального пафоса и мечты о светлом будущем других с безнравственным и жестоким восхвалением факта гибели и страданий бесчисленных поколений ради недолгого счастья немногих счастливых. Впрочем, и долгое счастье, и счастье многих не смогут оправдать мимолетной горести одного»⁴⁴.

Что касается самого Карсавина, то для него развитие, как основополагающая категория «для истории и обществоведения» – это диалектически противоречивый единый процесс изменения, в котором «непрерывно пребывает изучаемая историческая коллективность»: «Нечто обладает полной актуальностью, как настоящее, нечто уже утратило ее, перейдя в прошлое, нечто еще не наступило»⁴⁵. «Развитие», по Карсавину, это «самораскрытие субъекта». Оно – в самом субъекте истории: всегда себе по существу тождественном, социально-деятельном человечестве, которое заключает в себе сразу и одновременно «как не погибающее для него прошлое, так и уже существующее для него будущее». Поскольку развивается самое человечество, постольку исключаются и внешние причинные связи (поиском которых поглощена «генетическая история») и определяется свобода воли и «целеполагающая деятельность человека». Таким образом, «железной поступи истории» Карсавин противопоставляет более гибкое, вероятностное представление об историческом развитии: переход от одной формы общественного бытия к другой мыслится им не абсолютно предопределенным, подчиненным не знающему колебаний закону, но более или менее вероятностным, допускающим отклонения и вариации.

Ключевой для понимания карсавинской концепции исторического процесса и подходов к его изучению является трактовка (переосмысление) Карсавиным одного из основополагающих положений националь-

⁴⁴ Карсавин Л.П. Введение... С.30-31.

⁴⁵ Там же. С.9.

но-русской философской мысли – христианской метафизики всеединства. В карсавинской интерпретации она вбирает в себя (в отличие, например, от трактовки Н.А.Бердяевым)⁴⁶ «всю эмпирию» – все проявления человеческой культуры и человечества, как «всеединого, всевременного и развивающегося всепространственно субъекта истории». Тварное по своей природе, «возникающее из ничто», «разворачиваемое (самораскрывающееся) во времени», «становящееся и ставшее по содержанию своему полнотою божественности», человечество, утверждал Карсавин, «имеет собственный идеал и действительность всеобщей истории». Выдвигая эту экзистенциальную идею Карсавин принципиально расходился не только с позитивистскими и марксистскими концепциями исторического процесса и истории человечества (скованной, по его выражению, «внешними по отношению к ней объяснительными факторами»), но и с философско-христианскими, выдвигавшими на место объективных законов иные, «надмирные силы, управляющие человеческой историей».

Движитель развития и изменений человека, человечества и их истории Л.П.Карсавин видел в самой человеческой «психике» – индивидуальном сознании, мышлении, психологии, направляющих социальные поведенческие практики индивида, групп, сообществ. Точно так же и «собственный идеал человечества», утверждал Карсавин, не сводим к божеству, как к «высшей ценности» или к «абсолютному и недостижимому Заданию». Карсавин вкладывает в эту свою формулировку культурно-исторический смысл и использует ее как синоним другого своего инструментального понятия: «идея культуры», к которому он прибегает для определения области высших, метафизических по своему характеру, систем представлений. Речь идет о допущении существования известной однородности психической и социальной организации, присущей каждой конкретно-исторической культурной индивидуальности – об однородности, определяемой системой «высших понятий», посредством которых каждая историческая индивидуальность – индивид, группа, общность, общество, культура – реализует свою потребность в самоидентификации, в осмыслении проблем мироздания и себя по отношению к другим культурам.

Из понимания процесса истории как непрерывного, взаимосвязанного социально-психического развития (самораскрытия) человечества, предполагающего включенность каждого человека в череду сменяющих друг друга поколений – в поток истории, выводит Л.П.Карсавин и особенности интеллектуального механизма его познания и изучения исто-

⁴⁶ См. Карсавин Л.П. Н.А.Бердяев. «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы»; Конец Ренессанса (К современному кризису культуры) // Русский путь. Т.1 // Н.А.Бердяев pro et contra. Антология. Кн.1. СПб., 1994. С. 327-331.

риком. В познании исторического прошлого, пишет Карсавин, соединяются два «психических процесса» – две «психологии» (ментальности): познающего (историк) и изучаемого им исторического субъекта (индивид, общность, группа, эпоха). Что же касается историка, то здесь «включается» двуединый механизм – «самопознание» и «познание»: «я» и «не-я». Из этого вытекает, утверждал Карсавин, с одной стороны, неизбежная ограниченность всякого исторического знания, «хотя оно всегда и направлено к преодолению своей ограниченности и может развиваться в ее преодолении, эмпирически, однако, цели своей не достигая», а с другой, то, что он определял как «необходимость сопереживания, вживания [историка] в чужую душевную жизнь», с целью (как уже отмечалось выше) постижения ее своеобразия.

Констатируя это, Карсавин дистанцируется от чрезвычайно популярной в начале века концепции Г.Риккерта, видевшего в истории исключительно построения «нашего ума» и исключавшего возможность адекватной реконструкции прошлого. Та же «ограниченность» знания историка, о которой говорит Карсавин, – нечто совсем иное. Карсавин понимает ее как относительность его возможностей, коренящуюся в специфике его сознания как феномена другой культуры, другого исторического времени, проблемы которого собственно и диктуют историку ракурс изучения прошлого и его вопросы к нему. Вместе с тем, познание прошлого открывается исследователю, который стремится изучать его в категориях сознания, ценностных представлений («душевных процессов», по терминологии Карсавина), свойственных людям того времени. Именно такой смысл (составляющий, между прочим, одну из максим современной «новой исторической науки», так же как и формирующегося сегодня направления «культурной истории») вкладывает Карсавин в термины «сопереживание», «вживание в чужую душевную жизнь», к которым он призывал историков. И это не имело ничего общего с теми теориями «о параллелизме душевных и телесных явлений» и поисками соответствующих аналогий в истории, которыми так увлекались его современники. Карсавин пишет:

«Во всяком случае, если история как наука возможна, в переживании нам даны подлинные душевные процессы других индивидуумов (личностей и коллективностей) и подлинный социально-психический процесс в его целостности. Иными словами, воспринимая действительность, мы воспринимаем ее в ее реальности, а не преобразуем ее, как полагает неокантианец Риккерт. Всякое преобразование (Umformung) есть уже искажение преобразуемого и таким путем знания о действительности мы получить не можем: создаваемый нами, хотя бы из элементов действительности, фантастический образ, "построение" нашего ума, конечно, не удовлетворяют и никогда не удовлетворяют нашей потребности в знании. Поэтому нельзя утверждать вместе с Риккертом, что в естественных науках мы обобщаем или "генерализуем", а в исторических – "индивидуализируем". Если даже... Риккерт и прав в своем различении истории и естествознания по признаку общего-индивидуального,

общее и индивидуальное могут и должны быть не плодом нашей умственной работы, но вполне реальными аспектами действительности, являющей нам то ту, то иную свою сторону»⁴⁷.

Утверждая все это, Карсавин не только ставил по-новому проблему исторической памяти, но и низвергал традиционное представление об историографии.

«Глубокое непонимание существа истории кроется за убеждением, что развитие историографии представляет собой своего рода интегральный процесс, в котором что-то раз и навсегда устанавливается и последующие историки возводят новые этажи на уже построенных. Новая эпоха раскрывает в историческом процессе нечто новое, ей "родственное", – себя самое. Талант историка сказывается всегда в своеобразной, ему лишь свойственной концепции истории, потенциально, а иногда и – актуально, всеобщей, в неумении и неспособности повторить чужие слова. Мы ждем от историка не фактов, в добывании которых видят свою высшую цель только не умеющие исторически мыслить профессионалы, без устали роющиеся в архивах. Мы ждем от него умственной работы – нового понимания и освещения. Ничего подобного не ожидаем мы от естественника, поскольку дело не касается областей науки, граничащих с философией, ибо философ ценен тоже не перепадами старого, а новой интуицией". С этой точки зрения, "весьма показательна смена интересов и школ". "...Интерес к так называемой "политической истории", к истории династий, государств и войн, сменяется сначала интересом к "успехам разума и просвещения", потом к истории идей, к истории культуры, наконец – к истории экономических и социальных процессов. И разумеется, экономическая история Европы вовсе не отменяет ее политической или культурной истории, как и не надстраивается над ними. Она открывает совершенно новый аспект исторического бытия. Понятно также, что экономическая история невозможна в условиях эпохи Возрождения и в среде историографов-гуманистов..." "Не из будущего исходит историк и не из прошлого, но из настоящего и прежде всего – из самого себя. Он ориентирует познаваемое им историческое бытие и развитие к тому, что наиболее полно и ярко выражено в его эпохе и культуре. Они же понятны ему и близки потому, что они в нем индивидуализируются и в нем индивидуализируют иные культуры и эпохи. Знание историка есть знание индивидуализирующегося в нем высшего исторического момента и, в конце концов, человечества. И в этом смысле историческое знание телеологично, с той, однако, существенной оговоркой, что цель его, как и цель исторического процесса в целом, не вне познающего, а в самом познающем»⁴⁸.

Новые задачи диктуют историку и выработку нового исследовательского инструментария. И во «Введении в историю», и в «Философии истории» большое внимание уделяется анализу и критике конвенционального «языка» позитивистской историографии, ее понятийной системы и терминологии, а также утверждению новых принципов работы историка с источниками и самим критериям их отбора. Прямое сообщение документа, утверждал Карсавин, полемизируя с традиционным представлением, это еще не доказательство того, что так было на

⁴⁷ Там же. С.17.

⁴⁸ Там же. С.254-255.

самом деле. Для того, чтобы документы «заговорили», необходимо выявить связь их и их свидетельств с «единством», с «социальной организацией, чувствованиями, психологией» изучаемой эпохи или коллективности. Наибольшей надежностью, считал Карсавин, обладают в этом отношении литературные памятники. Но историк, писал он, не должен игнорировать и такие исторические документы, которые описывают обычаи, обряды, убранство храмов, архитектурные памятники и археологические материалы, так как они проливают свет не только на материальные условия и технические возможности, но и на социальную организацию и психологию общества и человека.

Акцентировка Карсавиным важности изучения специфики социально-психического содержания исторических эпох и обществ давала повод недоброжелательной критике обвинять его в идеализме, в отрыве им «субъективной» стороны исторического процесса от «объективной», «материальной» и т.п. В действительности, напротив, Карсавин подчеркивает органичность и неразрывность сочетания «субъективного» и «объективного» в истории и в процессе ее познания, как воплощения единой социальной практики человека. Эта мысль последовательно проводится им в названных работах. То, против чего он выступает – «механистическая причинная связь», посредством которой обе эти сферы сводятся вместе в историческом исследовании. Методически полезное в целях более полного изучения выделение «факторов» – экономического, политического, идеологического, религиозного и т.п., утверждал Карсавин, онтологически вредно, так как сплошь и рядом ведет к постановке вопроса об их причинных взаимодействиях, к возникновению материалистических, идеалистических и т.п. теорий и к бессмысленным и бесплодным спорам, так как «вполне естественно – при сосредоточении на исследовании одного какого-нибудь ряда и при недостаточном внимании к существу проблемы, одинаково убедительными представляются доводы и тех, и других».

Во всех тех случаях, когда условно выделяется частный процесс (будь то история какого-нибудь культурного мира, народа, эпохи, учреждения, системы идей и т.п.), возникает и проблема подобного двойственного объяснения, причем по мере сужения объекта рассмотрения число «фактов» и «факторов» нарастает настолько, что «все историческое развитие предстает не чем иным, как причинною комбинацией разных факторов... что глубоко неисторично»⁴⁹.

Карсавин не умалял значения материальных основ общественного бытия и изучения истории экономических отношений. Но, утверждая это, он выступал против абсолютизации их роли в историческом процессе и концентрации исследовательских усилий исключительно на связанной с этим тематике, как открывающей, якобы, единственно правильный путь к пониманию прошлого.

⁴⁹ Карсавин Л.П. *Философия истории...* С.19.

«Бесмысленно было бы отрицать параллелизм развития "субъективного" и "объективного" рядов, но важно здесь не то, что один ряд "причиняет другой", а то, что в обоих проявляется одна и та же фаза социально-психического развития, что они в некотором отношении "составляют единство и укоренены в единстве".

... "Внешнее" для историка является лишь знаком внутреннего, символом, или, лучше сказать, аббревиатурой, которая применима только в очень ограниченной сфере и далеко не всегда требует точности. А возвращаясь к "внутреннему" или "субъективному", понимая, например, социальное положение в смысле некоторого социально-психического факта или, вернее, процесса, мы возвращаемся к уже установленным нами тезисам. Социальные отношения, социальный строй, как и право, и государство, и общество, и класс суть некоторые психические реальности, природу которых, конечно, надо выяснить... но которые, во всяком случае, не существуют без индивидуумов и внешне не выразимы и не разъединимы иначе как условно и путем аббревиатур. То же самое следует сказать и о социальном или хозяйственном положении. При исследовании его большую помощь могут оказать точные статистические данные, цифры. Но все эти цифры только знаки скрытой за ними реальности и совсем не обладают тем же самым значением и смыслом, каким обладают они в науках о материальной природе. Предмет истории всегда социально-психологическое; и только на основе психического возможен исторический синтез...»⁵⁰.

Исторический синтез, о котором говорит здесь Карсавин, есть раскрытие содержания конкретно-исторической общности как культуры. Культура – это понятие является ключевым в карсавинской концепции исторического процесса и его познания. Не оперируя им практически во «Введении в историю», он, тем не менее, раскрывает здесь самую суть этого понятия, ибо культура в его концепции – «история целиком», а историк – одновременно и историк культуры. Раскрытию и обоснованию этой концепции культуры посвящены специальные разделы «Философии истории»⁵¹. Карсавин понимает культуру историко-антропологически. Она не сводима для него, как уже отмечалось ранее, к традиционным трактовкам в качестве творческого духа избранных:

«Во всех своих выражениях культура неповторимо-своеобразна, специфична. Она по-своему преобразует материальную среду, выбирая себе соответствующую, раскрывается в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своих эстетике, мировоззрении, религиозности...»⁵².

Понимаемая таким образом культура – это и определенная фаза всемирно-исторического развития, и конкретное историческое общество. Человеческая история есть диалектическое взаимодействие культур, по мысли Карсавина. Он не оперирует привычным для нас сегодня понятием «диалог», «диалогичность культур», но эта мысль является

⁵⁰ Там же. С.19-22.

⁵¹ Там же. С.160-177.

⁵² Там же. С.170, 163-165.

центральной в его рассуждениях о развитии как самораскрытии и движении истории:

«Полное исчезновение какой-нибудь культуры – явление чрезвычайно редкое, а может быть и небывалое... Для исторического процесса характерно сосуществование ряда культур, иногда в полном расцвете, не только их смена...»⁵³.

Полемизируя со своим современником О.Шпенглером, Карсавин утверждал здесь, что развитие культур и исторического процесса в целом есть диалектически-противоречивый целостный и непрерывный процесс движений и изменений, исключая «абсолютную недоступность культур друг для друга», на чем настаивал Шпенглер. Конкретный историко-культурный процесс, полагал Карсавин, нельзя понять, подходя к нему «интегрально-эмпирически»:

«Конечно, он все время обогащается появлением нового. Но зато в нем все время наблюдается и вытеснение новым старого. В нем эмпирически возникают некоторые абсолютно-значимые ценности, но в нем исчезают другие, столь же абсолютно-значимые»⁵⁴.

Отсюда – условность и схематизм исторических периодизаций, диктуемых целями специальных исследований и не учитывающих целостности и единства исторического процесса. Таким образом, идея культурного диалогизма, как «диалога сознаний», как основы исторического процесса и гуманитарного мышления «в масштабе культуры» была выдвинута в российской науке в начале XX века Л.П.Карсавиным. Дальнейшую свою разработку и конкретизацию она получила в работах М.М.Бахтина, а почти полвека спустя – стала центральной в творчестве В.С.Библера и Д.С.Лихачева.

Именно в «Философии истории» получает разностороннее развитие, исключая какие-либо иррациональные истолкования, и другой методологически важный вопрос (во «Введении в историю» лишь обозначенный Карсавиным⁵⁵ и рассмотренный выше в связи с темой религиозности), о том, что может служить исходным моментом для характеристики и понимания культуры. Настаивая на предпочтительности уяснения историком именно господствующего «религиозно-метафизического понимания» в широком смысле, присущего той или иной культуре, исторической общности, Карсавин, как уже отмечалось, стремился дать не объяснение происхождения общества, истории, а лишь подход к их изучению. Но именно в этом он решительно порывает и с традиционной позитивистской, и с философско-христианскими концепциями истории, ставя в центр внимания человека, свободного в своей воле и действиях («целесолагании») во всех формах его соци-

⁵³ Там же. С.165.

⁵⁴ Там же. С.167.

⁵⁵ Карсавин Л.П. Введение... С.28-29.

альной активности. Дело в том, пишет Карсавин в «Философии истории», что самоосмысление по отношению к Абсолюту и другим культурам присуще и человечеству в целом, как «исторической индивидуальности», и каждой исторической цивилизации как культуре⁵⁶. Иными словами, выдвигая на первый план при изучении культуры «ее религиозные качественности», Карсавин тем самым указывал на элемент, структурировавший (особенно в традиционных обществах) коллективное и индивидуальное сознание и, соответственно, образ жизни и поведенческие формы. В этой постановке вопроса нет ничего мистического, трансцендентного. Новаторство ее, однако, заключалось в том, что она открывала простор для изучения наиболее константных форм массового сознания, в том числе и религиозности. Утверждая (повторим еще раз), что ближе и плодотворнее для понимания культуры именно ее «религиозно-метафизические качественности», Карсавин подчеркивал, что употребляет это понятие в расширительном смысле, имея ввиду не только религиозно-конфессиональные идеалы традиционных обществ, но и вполне светские мировоззренческие и идеологические интеллектуальные построения, конструирующие индивидуальное и коллективное сознание (к таковым он относил, в частности, социалистические и коммунистические учения). По существу, мы имеем здесь дело с одним из ранних опытов российской феноменологии культуры.

Не содержит ничего иррационального и впервые появляющееся во «Введении в историю» и развитое в «Философии истории» карсавинское определение человечества как «всеединого, всевременного и развивающегося всепространственного субъекта» – определение, до сих пор приводящее в замешательство его критиков и читателей. Оно, по существу, тождественно его концепции культуры, как «истории целиком». Применительно к области конкретно-исторической понятие это означает лишь то, что каждая коллективность и каждый относящийся к ней индивид обладают, если воспользоваться современной терминологией, той «общей картиной мира», той системой ценностей и «умственных привычек», которые моделируют их социальную практику и повседневную жизнь, создавая «всеединство», и определяют специфику их эпохи как исторической культуры. Диалектическое взаимодействие культур, их «взаимопроникновение» – это то, что обеспечивает «всевременность и всепространственность» понимаемого таким образом «всеединства» человечества, как творца истории, культуры. Отвечая на обвинения своих оппонентов в метафизичности, в умалении свободы индивида и т.п., Карсавин писал, что идея «всеединства»

«...несколько пугает привыкшее мыслить в категориях позитивизма сознание. И при крайней пугливости и подозрительности трудно убедить его в

⁵⁶ Карсавин Л.П. *Философия истории*... С.172.

том, что как раз идея всеединства и только она освобождает от всякой необоснованной метафизики, от таинственных трансцендентных сил, как бы их ни называли: душою, разумом, энергией или еще как-нибудь... В научной истории нельзя обойтись без категории всеединства, все равно изучаем ли мы историю человечества или историю социальной группы, существующей в эмпирически ограниченном пространстве времени...»⁵⁷.

Таким образом, в идее всеединства карсавинской концепции истории – утверждение самоценности человека и его истории, ибо человечество, как полагал Карсавин, «не растворяется и не теряет своего смысла во всеединстве Космоса, моментом которого оно является»; оно имеет «собственный идеал и действительность всеобщей истории»⁵⁸. Пафос Карсавина – в утверждении идеи о Космосе и Бытии как «духовно-душевно-телесном единстве», как «Человеке». Теория всеединства, подчеркивал Карсавин,

«...дает возможность понять мир как одно развивающееся целое. Человек содержит в себе всю природу и всю историю. Полнее всего он индивидуализируется и осуществляется в некоторых своих качествах – в историческом бытии, в стяженно-всеедином субъекте истории. Меньшей степени выраженности достигает он в других своих качествах – бытии природном и в качестве Природы. Но в Природе раскрываются иные его аспекты, абсолютно ценные...»⁵⁹.

Но, констатируя это, Карсавин решительно расходился с господствующими концепциями исторического процесса, так же как и с глобальными теориями о мироздании (религиозными и натурфилософскими), широко распространенными в начале XX века. Утверждая абсолютную тождественность природы, естественного мира и человека, их создатели не оставляли последнему практически места для свободной творческой инициативы. Об остроте дискуссий вокруг этой проблемы свидетельствует полемический тон карсавинских работ, в данном случае «Философии истории», которая занимает особое место в творчестве Л.П.Карсавина. Ей особенно присущ глубокий подтекст, явные, но уже не всегда понятные сегодня аллюзии, и страстная защита творческих возможностей человека и истории как науки. По существу, это один из первых в российской интеллектуальной жизни 20-х годов опытов экзистенциальной интерпретации «первоначал исторического бытия... и исторического знания». Ее автор бросает здесь вызов не только позитивистским и марксистским концепциям исторического процесса и истории человечества, но и философско-богословским теориям (как теизма, так и деизма), с их утверждениями о надмирных силах, управляющих человеческой историей⁶⁰.

⁵⁷ Там же. С.87.

⁵⁸ Там же. С.357.

⁵⁹ Там же. С.349.

⁶⁰ См. об этом также: Ястребицкая А.Л. Приспособление к себе или «эф-

Но «Философия истории» являет собой также один из первых в европейской историографии индивидуальных опытов того, что мы сегодня называем «междисциплинарным» синтезом, в данном случае – новой европейской философии (с ее стремлением развести акт творения человечества и его экзистенцию) и новой концепции истории и историографии (ориентированной «на познание и изображение конкретного исторического процесса в целом и раскрытие внутреннего смысла этого процесса»). В этом синтезе заключается собственно смысловое ядро «Философии истории».

«С первого же взгляда, – пишет Л.П.Карсавин, объясняя структуру своего исследования, – очевидна глубокая органическая, нерасторжимая связь проблем теории истории и философии истории. Невозможно определить основначала истории иначе, как через отношение их к основначалам бытия и знания вообще, а следовательно – и без уяснения связи их с Бытием абсолютным. Всякий теоретик истории, если только он искусственно не замыкает себя в круг вопросов так называемой технической методологии, неизбежно должен выяснить: в чем заключается специфичность исторического бытия и существует ли эта специфичность, каковы основные категории исторического познания, основные исторические понятия, те же ли они, что и в области природы, или другие, и т.д. Все это делает настоятельно необходимым рассмотрение теоретико-исторических и философско-исторических проблем во взаимной их связи и позволяет объединить обе дисциплины под общим именем одной из них – как философию истории». «Именно в философии истории открываются основные метафизические идеи в применении их к историческому бытию и знанию. Но философия истории в состоянии их открыть только потому, что исходит из рассмотрения конкретного исторического бытия»⁶¹.

И в определении понятия «история» Карсавин исходил «из неразрывной связи» между процессом человеческого бытия и знанием (наукой) о нем, выделяя в качестве «преимущественно» или «собственно» исторических областей познания две – «область развития отдельной личности» и «область развития человечества»⁶².

Л.П.Карсавин находился в центре научной и интеллектуальной жизни своего времени и своей страны, обуревавших ее страстей, борений, антагонизмов. Он современник революции, воспринявший ее как данность и не приемлвший ее разрушительной стихии и идеологии. И нет ничего удивительного в том, что как историк он не остался в стороне от осмысления исторического прошлого России и переживаемой им самим ее современности. Эта линия в творчестве Карсавина обычно игнорируется как научная. Она вульгаризируется политическими ярлыками и прямо перечеркивается идентификацией с «евразийством», в свою очередь, сводимым к «пробольшевизму». Очевидно, именно в

фект Бобчинского» // Казус. 2000.

⁶¹ Карсавин Л.П. Философия истории. С.15-16.

⁶² Там же. С.81-82.

этом коренится сегодня одна из причин как известной «сдержанности» по отношению к имени Карсавина и роли его в истории российской науки, так и возвышения его как религиозного философа, хотя и не без намеков на политические «слабости» великого человека. Думается, однако, что подобный подход по большому счету несправедлив и поверхностен. Историк культуры (в раскрытом значении этого понятия), Карсавин не обошел вниманием различные срезы социальной психологии и социального поведения той эпохи, частью которой был он сам. Это очень серьезная и требующая всестороннего анализа тема. Но для того, чтобы убедить читателя в ее обоснованности, отсылаю его к одному из разделов «Философии истории»⁶³.

Почти одновременно с этой работой Карсавина увидела свет другая, также малоизвестная: «Восток, Запад и русская идея» (1922). Она представляет собой опыт сравнительно-исторического исследования западно- и восточноевропейской культур. Карсавин развертывает свой анализ, отталкиваясь от «религиозного момента» как системообразующего. Он характеризует смысл и особенности теизма Античности и Средневековья, «нехристианского» Востока и христианского, православного и католического мира, особенности восприятия ими Абсолюта, то, как этот теизм трансформировался в развитии научной и общественной мысли, в идеологии (характер подходов, постановки проблем и т.п.), философии, самой религиозной мысли, в искусстве, в повседневной жизни, быте, изменяясь со временем, обретая разнообразные формы, подчас весьма далекие от «исходного» этического идеала, не несущие уже прямой информации об источниках своего генезиса, в конечном счете определяя константные элементы и различия «восточной» и «западной» европейских культур.

Понятие «русской идеи» в этом контексте тождественно понятию «идеи культуры», как господствующей системы мировоззренческих представлений, ценностных ориентаций, неотрефлексированных форм сознания. Карсавин прослеживает, как эта «идея» складывалась и изменялась на протяжении тысячелетия, неся в себе трансформируемый, обогащаемый запросами реальной жизни общества, изначальный фонд христианско-православных представлений. «Русская идея» в карсавинском исследовании не имеет ничего общего с идеей «народа-богоносца» или «соборности», по крайней мере, в том «почвенническом» смысле, который часто вкладывается сегодня в это понятие. Нет в ней ничего и от «нео-славянофильства». Эта работа Карсавина – попытка объяснить с культурно-исторических позиций некоторые «вечные» проблемы русской истории, которые в переломные ее эпохи, при-

⁶³ «Проблема воздействия индивидуальности на качественное [т.е. развитие и содержание культуры – А.Я.] Большевицкая революция». – Там же. С.304-311.

обретая особую остроту, становятся объектом разного рода спекуляций от иррациональных и националистических до вульгарно-нигилистских. Исследование Л.П.Карсавина направлено против тех и других.

Какая бы то ни было иррациональность чужда Карсавину – трезво и остро мыслившему ученому. Но то, что интересовало его, главным образом связано с человеческим сознанием и самосознанием в истории, с исторической социальной психологией – индивидуальной и коллективной (именно этот аспект, как мы пытались здесь показать, доминирует в его исследованиях средневековой религиозности и религиозности вообще, социокультурный механизм действия которой он стремился постичь) «ментальностью», в том числе и исследовательской. Карсавина интересовала проблема функционирования «психического» в социальном целом, роль его в становлении последнего как исторической культуры, а также и в обеспечении культурно-исторической преемственности, непрерывности исторического развития человечества, которое он понимал как самораскрытие. Именно в утверждении идеи человека и человечества как предмета научного познания, в стремлении «открыть» для историков человека как исследовательское поле, наиболее полно синтезирующее в себе доступную для изучения социальную и «психическую (психологическую) ткань» прошлого – значение и особенная актуальность творчества Л.П.Карсавина.

Карсавин спускает историка с метафизических высот на землю – к деятельному человеку и его социокультурной практике, возвышая тем самым историю до уровня научной – особой дисциплины, оперирующей специфической системой понятий и методов, учитывающих своеобразие именно ее предмета изучения. Он один из тех немногих, кто в начале XX века уже предвосхищал наступление «эры науки о человеке», кто утверждал, что человек как предмет познания – «ключ» ко всем наукам о прошлом человеческого общества, о его настоящем и его будущем. Именно утверждение этой мысли составляет нерв, сквозную линию – «Идею» творчества Л.П.Карсавина как историка культуры, медиевиста и философа, отражая также особенность и его собственного «мировидения», и исследовательского сознания. Понимание этого, прежде всего и главным образом, хотелось бы донести здесь до читателя. Нравственным долгом является воздать должное этому крупному, европейского масштаба ученому – его уникальному творчеству, на редкость цельному по связующей его «идее культуры», но все еще раздробляемому на отдельные сюжеты и темы, затемняемому разного рода клише (от «мистических» до «славянофильских»).

Концепция истории и подхода к ее изучению, выдвинутая Карсавиным, как уже отмечалось, антропологична в том смысле, какой вкладывает в это понятие современная историография. Он был одним из тех, кто осознал насущные потребности науки и принял «вызов» времени. В

этом отношении Л.П.Карсавин бесспорно является одним из российских предшественников того ее направления, которое сегодня называют «исторической антропологией», а в последние годы все чаще – «культурной историей»⁶⁴.

Творчество Карсавина является знаковым с точки зрения характера интеллектуальных процессов XX столетия и их индивидуализаций в области гуманитарного и социального знания и в этом смысле – «экспериментально» чрезвычайно значимым. В его работах заявляет о себе историческое движение культуры. В своем профессиональном мышлении и научной практике он выходит из освященной профессиональным сообществом «ментальной» колеи, и, соответственно, – за пределы культуры, в которой действует.

Теоретико-методологические и философские размышления Карсавина имеют под собой прочную базу конкретно-исторической эмпирии, исследовательского эксперимента. В этом плане творчество Л.П.Карсавина как историка-медиевиста, методолога и теоретика истории, религиозного философа органично и целостно. Уже в первых его работах, магистерской и докторской диссертациях (1912, 1915 гг.) были сформулированы принципиальные положения его концепции «культурной истории» и обозначены ее исследовательские принципы, понятийный инструментарий.

Творчество Л.П.Карсавина несомненно вообрало в себя интеллектуальные обретения и российского символизма, и западноевропейской экзистенциальной культурфилософии; оно представляет собой оригинальный ответ на теоретические искания и решения неокантианства и российских приверженцев Дильтея. Вместе с тем, оно располагается в том же профессионально-интеллектуальном пространстве, что и творчество его современников – западных коллег по медиевистическому цеху, таких как А.Берр, Л.Февр, М.Блок и др.

«Новое в науке и искусстве осуществляется неожиданно и происхождение его подобно взрыву, но практическая реализация новых идей развивается по законам постепенной динамики. Поэтому научные идеи могут быть несвоевременными»⁶⁵.

Творческий путь Л.П.Карсавина – одно из наглядных тому подтверждений. Карсавинская концепция культурной истории, его философские, теоретические, методологические и конкретно-исторические искания в этой области не получили признания и были отвергнуты научным сообществом. С этой точки зрения, разрыв Карсавина, в конечном счете, с петербургским кружком медиевистов – учеников И.М.Гревса и са-

⁶⁴ *Burke P.* Die "Annales" im globalen Kontext // *Osterr. Ztschr. für Geschichtswiss.* Wien, 1990. H.1. S.9-24; *Chartier R.* Le monde comme representation. // *Annales.* E.S.C. 1989. №6. P.1505-1520.

⁶⁵ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С.28-34.

ним учителем выступает не как коллизия межличностных отношений, но как проекция на интеллектуальную сферу известного ментального конфликта – отторжения Иного – неузнаваемого⁶⁶. Профессиональное сообщество российских гуманитариев, по существу, отвергло Карсавина задолго до того, как это сделала новая власть.

В историю исторической науки XX столетие войдет, вероятно, как время, когда историки всерьез задумались о природе и особенностях своего ремесла, о возможностях своей науки и месте ее в системе научного познания в целом. Под знаком этих рефлексий в послевоенной Европе родилась Новая историческая наука, поставившая под вопрос традиционные приемы анализа, выработанные позитивизмом XIX века, заставившая задуматься об относительности исторического знания и о природе этой относительности. Сегодня она сама, как бы иллюстрируя эту относительность, оказалась под огнем критики. Не все в этой критике равноценно, не все продуктивно. Но если отвлечься от импульсов вненаучных, нетрудно заметить за всем этим озабоченность все той же проблемой исторической гносеологии, но уже на другом «витке»: не столько «присвоения», осознания важности самой идеи историко-антропологического подхода, сколько выработки конкретного инструментария, позволяющего этот подход реализовать – обнаружить «в действии» сам «культурный механизм» исторических явлений, событий, массовой практики и индивидуального поведения. Это побуждает к критической переоценке обретенного в ходе исканий 1960-80-х годов исследовательского багажа, заставляя задуматься о природе и интеллектуальных процедурах интерпретативной практики самого историка.

Проблемы, волновавшие в начале XX века и даже еще в его середине относительно узкий круг энтузиастов, сегодня становятся предметом рефлексии массового исследовательского сознания, при этом, что само по себе знаменательно, как на «Западе», так и там, где, как в России, гуманитарные науки лишь вступили на путь высвобождения из-под идеологического и психологического пресса тоталитарных режимов. В этом общеевропейском контексте интенсификации движения творческой мысли, изменения массового исследовательского сознания творчество Л.П.Карсавина обретает новое звучание: оно раскрывает, позволяет осознать и ощутить «связь времен» – тот живой диалог культур и поколений, сознаний и личностей, который составляет нерв процесса развития мировой науки и науки истории как ее неотъемлемой части.

⁶⁶ См. Гревс И.М. Лик и душа Средневековья // *Анналы. Журнал всеобщей истории*. Петербург, 1922. №1.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

И.П.Кулакова

Игровые формы и университетское образование в России второй половины XVIII века*

Игра – вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в результатах, а в процессе

XVIII век был «игровым» по самой своей сути. В России этот период был стартовым для многих областей культуры в том числе и для национальной науки, когда первые научно-учебные учреждения вносили новое в ту среду, где они функционировали. Причем, рецепция новых норм начиналась с подражания внешней стороне, тем самым процессу придавался во многом игровой характер.

Обращаясь к рассмотрению первых шагов науки на примере деятельности Московского университета на раннем этапе его существования, мы будем исходить из постулатов концепции игрового генезиса культуры, сформулированных Й.Хейзингой в его классическом труде *Homo ludens*¹, т.е. из того, что игра это не обыденная жизнь, это формирующий элемент культуры, что человек, прежде чем изменять жизнь, среду, делает это в игре, в воображении.

Итак, наука, пересаженная в XVIII в. на русскую почву нуждалась в особом социальном, политическом и культурном контексте². Адекватного европейской науке контекста в Москве не было, но здесь все же были условия для постепенного его создания. Научное сообщество (в тех его формах, в каких оно могло осуществиться тогда в российских условиях) представляло собой группу людей, которые вышли за рамки всеобщих норм жизни; их намерения и занятия казались чуждыми и непонятными основной массе сограждан. В России середины XVIII в. статус ученого (даже профессора), а тем более студента, был невысок; надобность в выпускниках не ощущалась (сначала даже не знали, куда их девать). Наука здесь уподоблялась игре хотя бы тем, что, как и игра,

* Работа выполнена при финансовом содействии Фонда Спенсера в рамках программы «Развитие социальных исследований образования в России» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

² Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России XVIII – сер. XIX вв.) М., 1997 С.49; Филатов В.П. Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. №5. С.36–37; Кулакова И.П. Спор о первородстве: 275 лет Санкт-Петербургскому университету? // ВИЕТ, 1999. №3.

не предполагала конкретного результата (вернее сказать, результат ее был не вполне очевиден для общества).

С петровского времени Москва периодически становилась ареной театрализованных действий, характерных для культуры Нового времени. Специально для проведения фейерверков, праздничных процессий, торжественного прохождения войск строились триумфальные арки. Эти сооружения, а также места проведения новых светских всеобщих праздников-триумфов намечали новые для Москвы направления движения процессий, новые (по сравнению с допетровским периодом) «узлы» праздничной активности. Помимо старых, традиционных мест (Красная площадь, площадка у Казанского собора, Никольские, Воскресенские, Ильинские ворота) с первой четверти XVIII в. такими узлами становились и новые – на Лубянке, Мясницкой, Мясницкие ворота Земляного города, Красные ворота – т.е. акцентировалось направление к Новой Басманной, к немецкой слободе, новому «центру» города³. В 1740-е годы внимание вновь начинает уделяться старому центру. Именно там, у Кремля, заняло место новое учреждение, которое в начале называли «елизаветинский Университет». На протяжении второй половины XVIII в. университетский комплекс перемещается на Большую Никитскую, становясь одним из основных композиционных звеньев города, не менее важным, чем дворцовые сооружения. Одной из задач его организаторов было привлечение внимания общества.

«Университетское пространство» – пространство культурных событий, лежащих в русле новой парадигмы, внесенной в русское общество идеями Просвещения – создавалось российскими дворянами – просвещенными «покровителями наук и художеств» и представителями европейской университетской культуры в лице профессоров. Университетское сообщество (в тех его формах, в каких оно могло актуализироваться тогда в российских условиях) представляло собой группу людей, которые вышли за рамки всеобщих норм жизни. Наблюдения над некоторыми ритуалами, игровыми элементами университетской практики могут помочь прояснить некоторые сдвиги в общественном и индивидуальном сознании, связанные с возникновением и существованием особого «университетского» культурного пространства.

Огромное значение в Университете придавалось *инавгурации* (недаром так горячо добивался ее Ломоносов). После молебна были «говорены речи на русском, латинском, французском и немецком язы-

³ Зелов Д.Д. Официальные праздники петровского времени как явление русской культуры XVIII в. (Рукопись дипломной работы).

ках»; использованы всевозможные знаковые средства, свидетельствующие в пользу занятий наукой: представленная иллюминация изображала гору Парнас, восседающую на нем Минерву, аллегорические предметы и фигуры, среди которых есть и демонстрирующая награды, приготовленные для усердных учеников. Такие «рекламные» акции были совершенно необходимы в обществе, где сам смысл науки мало кому был понятен; им отводилась большая роль в создании «образа науки» в глазах населения⁴.

Ровно через год после торжественного открытия университет отпраздновал свой первый акт, который положил начало повторяющейся череде актов – театрализованных действий. У Моховой была представлена «прозрачная картина» – празднество муз на берегу Москвы реки⁵. Знаменательны слова историка университета С.П.Шевырева об этом празднике: «Предки наши любили *внешние торжества* в это время»⁶. Говорились речи; торжественная речь профессора Н.Поповского запомнилась современникам своим высоким эмоциональным накалом: «В каком-то пророчесственном восторге предрекал он университету великое будущее». Речи русских профессоров «свободно могли соревноваться в силе и красоте выражений с церковными проповедями»⁷. С 1771 г. «акты университетские происходили еще с большей торжественностью в обрядах, которую любил Мелиссино», ставший куратором; он также «звел в обычай совершать публично ученые производства»⁸. Присутствие гостей, знатных особ, которые играли роль любителей наук на актах, было обязательным. В этом заключалось одно из новшеств, которые принесла затронувшая Россию эпоха европейского Просвещения с его верой в могущество знания и культом умственных наслаждений. «В речах на темы ученые заметно в профессорах двойное стремление: или действовать на умственное и нравственное усовершенствование жизни отечества,.. или наукою приносить пользу обществу»⁹. Приглашая гостей, организаторы университетских действий как бы предлагали обществу подчиниться новой системе ценностей, в которой главная добродетель – просвещенность. Более простая публика с восхищением и недоумением взирала на эти действия, читала о них в «Московских ведомостях», узнавала в пересудах.

⁴ Указ. соч. С.17.

⁵ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. Степаном Шевыревым. М., 1855 Репринт. М., 1998 С.21.

⁶ Там же. С.22.

⁷ Андреев А.Ю. Профессора. // Университет для России взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997 С.194.

⁸ Шевырев С.П. Указ. соч. С.195-196.

⁹ Там же. С.197.

Ф.Лубяновский описывал один из актов 1780-х годов как «собрание стариков в голубых и красных лентах, таюже и дам»; куратор М.Херасков у подножия императорского трона... приветствовал ново-произведенных. – «Польза, сила, влияние вновь рожденного университета ясно тогда сознавались и обществом и наставниками», – писал об этом С.П.Шевырев. Осознавались – но, кажется, лишь в момент «игры», где присутствующие играли роль «просвещенных»¹⁰. Действительность же повседневная была совсем иной.

Напомним: в те времена контингент студентов рассматривался государством как резервуар, откуда черпали чиновников и канцеляристов в учреждения; статус домашнего учителя был на уровне парикмахера. Разночинец, даже с университетским образованием, в быту еще долго не осознавался дворянством как «свой»¹¹. Как известно, проект университета 1755 г. не предусматривал рангов – ранга не имел даже директор. Лишь по Городскому уложению 1785 г. ученые впервые вошли в разряд именитых граждан – наравне с домовладельцами, банкирами, оптовыми торговцами; до того их положение оставалось на уровне *ремесленников*. Лишь в 1785 г. они получили потенциальное право иметь карету, загородный дом, сад (в реальной жизни мало кому из них доступные), были официально освобождены от телесных наказаний. (И лишь в 1803-1804 гг. окончившим курс присваивался 14-ый, а ординарному академику – 6-й класс: так ученые, наконец, сравнялись с государственными чиновниками).

Но вернемся к описанию торжественного акта: «...Поднялись тогда голубые, красные ленты, дамы... сонмом к нам, увенчанным, с поздравлением нас... от нас все обратились к куратору, ректору и инспектору с изъявлением признательности за труды, ими подъятые»¹². Как пишет Й.Хейзинга: «У каждой игры свои правила. Они диктуют, что будет иметь силу внутри отграниченного игрой временного мирка... Стоит нарушить правила, и все здание игры тотчас же

¹⁰ О сходном эффекте игровой действительности (правда, относящейся к пейзажному парку) пишет О.В.Докучаева: «посетитель должен был выйти (хоть до некоторой степени) из повседневного течения жизни, лишь на время – но поступить субординацией, стать на почву новых ценностей, соответствующих гуманному просветительскому идеалу. Общественные связи, возникавшие на этой почве, точкой отсчета должны были иметь личные склонности и отношения свободных... индивидов, равных в своем статусе» – хотя все это и происходило в сфере театрализованной условности. – Докучаева О.В. Индивид и общество в русском пейзажном парке второй половины XVIII–начала XIX века // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. №2 (18). М., 1996. С.172–181).

¹¹ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С.127.

¹² Московский университет в воспоминаниях современников. 1755-1917. М., 1989. С.36-37.

нарушится»¹³. В ритуалах ежегодных университетских актов, ритуальных театрализованных действий присутствует стремление к эффективности и повторяемости церемонии, присущее игре. Уже 1805 г. С.П.Жихарев в своем дневнике записал с иронией, характерной для новой эпохи: «...Акт прошел как следует, то есть как проходил он двадцать лет назад и проходить будет опять через двадцать лет. Спрашивали известное, отвечали заученное, ...играли на клавинодах те же пьесы, которые играли прошлого года и будут играть в будущем году..., танцевали тот же балет с гирляндами, которым старик Морелли угощает посетителей ежегодно в продолжение почти четверти века... Провозгласил и я немецкую речь»¹⁴.

В Московском университете придавали большое значение ежегодному ритуалу вручения воспитанникам университета дворянской шпаги: мысль о ценности образования нужно было еще внедрить в дворянские умы – и сделать это в сословной монархии можно было через известный символ. Благородство, обеспечиваемое способностями, а не происхождением – таков смысл шпаги как части университетского мундира, который носили в Университете все, в том числе и разночинцы. Эта деталь, разумеется, продумывалась самим куратором¹⁵. Тем самым Университет рассматривался как особое пространство, где действуют иные критерии «благородства», где учение столь же почетно, столь же на благо России, как и военная служба – таким хотели явить Университет россиянам его основатели. Характерен и обратный прием, опирающийся на сословные традиции Российской империи: нерадивые ученики гимназии по решению Конференции от 23 марта 1766 г. наказывались *крестьянскою* одеждою – это символическое наказание должно было заменить битье по рукам¹⁶. В Москве в дни общеуниверситетских торжеств парадные мундиры извлекались из специальной кладовой, где они хранились. На актах, все как один, студенты представляли в темно-зеленых кафтанах с малиновым воротником, посеребрёнными пуговицами (с государственным гербом и «атрибутами учености»). Но «игра» заканчивалась, – и разночинские шпаги оказывались бутафорскими: университет не присваивал дворянских чинов разночинцам. В «Мнении» 1765 г., поданном Екатерине II, профессора осмелились просить императрицу распространить указ о присвоении выпу-

¹³ Хейзинга Й. Указ. соч. С.22.

¹⁴ Жихарев С.П. Записки современника. М.-Л., 1955. С.143.

¹⁵ Собственно, ту же идею сформулировал Ломоносов – «Снабдить благородством неблагородных и тем отворить вход к благополучию дарованиям природным».

¹⁶ Шевырев С.П. Указ. соч.. С.167.

скикам – дворянам офицерских рангов «до всех студентов без различия, и чтоб, по примеру чужестранных университетов, все студенты науками сравнены были»¹⁷ – но безуспешно.

«Публичная речь на латинском языке являлась ведущим речевым жанром в совокупной речевой практике» академий, университетов, семинарий¹⁸. Как уже говорилось, публичными речами в Московском университете в XVIII в. сопровождалась официальные торжества, любой акт официального назначения на высокую должность, присвоения ученой степени и т.п. При этом речи, как правило, были латинскими. Насколько они были понятны слушателям?

В российских духовных учебных заведениях латинское красноречие появилось с конца XVIII в. (традиции латинского витийства Москва унаследовала от Киево-Могилянской коллегии). В Славяно-греко-латинской академии «орации» были уже делом привычным¹⁹.

Постоянным оратором на университетских актах был знаток латыни профессор кафедры красноречия А.А.Барсов, пытавшийся поддержать традицию светского «слова» на латинском языке. Латинские речи профессоров и студентов Московского университета на торжественных заседаниях укладывались в особый ритуал. Исследователь роли латинского языка в русской культуре Ю.К.Воробьев выделяет «речевую схему» производства учеников в студенты, описанную С.П.Шевыревым: один из учеников обращается с просительной речью на латинском языке к директору Университета; последний со своей также латинской речью обращается к куратору, а уж тот говорит похвальную речь на латыни ректору, профессору и студентам. После этого раздаются шпаги и медали. Один из новопроизведенных читает благодарственную латинскую речь²⁰. Примером другой «схемы» может служить процедура вступления в должность куратора И.И.Мелиссино: на публичном собрании прозвучало латинское приветствие проф. Дильтея; затем с латинской речью выступил проф. Рейхель, с ответной – сам Мелиссино; следующие латинские же речи принадлежали директору Университета Приклонскому и (от университетской гимназии)

¹⁷ Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве // Слово о Московском университете. I. М., 1997. С.20.

¹⁸ Воробьев Ю.К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999. С.128.

¹⁹ Там же. С.119-120.

²⁰ Воробьев Ю.К. Указ. соч. С.127.

проф. Шадену. Двое студентов произнесли латинские стихи, другие же – приветствия на русском, немецком, греческом и французском²¹.

Ю.К.Воробьев несколько переоценивает информативную роль речей, считая, что «публичные речи на латинском языке были формой ознакомления научной общественности и европейски образованной интеллигенции с научными знаниями..., формой пропаганды научных знаний, манифестацией их общественной силы»²². Парадный, игровой компонент здесь несомненно превалировал. К тому же «научная общественность» – студенчество, а тем более – знать, плохо владела латынью. Еще и в начале XIX в. профессор натуральной истории Фишер вынужден был читать «свои лекции на языке, смешанном из четырех. Собственно, он должен был преподавать на латыни, но исходя из того, что не все в аудитории владеют языком ученых, употребляет он также вперемешку немецкие, французские и русские слова»²³.

«Бесконечные диспуты, этот преобладающий вид устного общения ученой публики, пышные университетские церемонии ...– все эти явления более или менее подпадают под категорию состязания и действие игровых правил», – писал Хейзинга о средневековых университетах²⁴. Обязательной составляющей европейского университета считалось наличие регулярных латинских диспутов. Говорение было витийством, словесным парадом, спектаклем, устойчивым видом общения ученой публики²⁵. «Платоновский» (вопросно-ответный) метод предполагал способность ученика вести научную полемику. Сами возражения были обязательными: один студент (или профессор) противоречил другому по сценарию.

В XVIII в. это умение было давно устоявшейся европейской нормой научной деятельности. По мнению Ю.Г.Воробьева «искусственно введенная в российскую общественно-языковую практику, латынь сыграла роль языкового посредника в приобщении к европейской культуре и науке»²⁶. В московской Славяно-греко-латинской академии диспуты, заимствованные из Киево-Могилянской академии, появились с 1701 г. Они имели значение публичного экзамена. Участники делились на две группы: одни защищали предложенный вопрос, другие возражали. Та

²¹ Шевырев С.П. История Московского университета. М., 1855. С.177-179. Позднее одна из речей говорилась на татарском языке, понятном слушателям еще менее, чем латынь

²² Воробьев. Ю.К. Указ. соч. С.128.

²³ Эрстрем Э.Г. Для меня и моих друзей. // Наше наследие, 1991. №5. С.37.

²⁴ Хейзинга Й. Указ. соч. С.178.

²⁵ Хейзинга Й. Указ. соч. С.173.

²⁶ Воробьев Ю.К. Указ. соч. С.7.

же традиция существовала и в других духовных учебных заведениях – семинариях. «Многие посетители... являлись просто из любопытства... или из желания послушать всегда сопровождавшего эти диспуты партесного пения кантов». Иногда предписывалось то же «объяснять и на русском языке для лучшего понятия учениками»²⁷. Характерно, что именно приезжие семинаристы, которые пополнили Московский университет, стали участниками первого диспута в нем. Разночинцы, бывшие в основном «поповскими детьми», и пришедшие в Московский университет после духовных училищ и семинарий, составили тот контингент, который в той или иной степени владел латынью. Для дворян в массе своей – студентов и гимназистов – латынь была мукой, т.к. не входила в круг дворянского светского образования. Со временем культурная ситуация постепенно меняется: Д.Н.Свербеев, в воспоминаниях об университете, относящихся уже к началу XIX века, говорит о кружке любителей «древней словесности», собиравшемся вокруг профессора Р.Ф.Тимковского – он «был нежен к тем немногим из своих студентов, которые охотно занимались его предметом». Кружок был невелик: «человек пять из старших гимназистов и семинаристов с основательным познанием латыни» («а между молодыми – я из первых», добавляет дворянин Свербеев²⁸). Уже к 1820-ым годам владение латынью стало восприниматься как свидетельство «серьезного» образования – в отличие от светского²⁹.

Горячие проявления несогласия их друг с другом были делом обычным и заранее предполагались самим Регламентом 1747 г., настоятельно призывавшим во время дискуссий держаться в рамках дозволенного: «Академики противного между собою мнения в деле ученом, должны пристойные чести споры иметь и почитать всяким образом то место, где они присутствуют; а в противном случае конференц-секретарь пристойным образом в должности прокурора запретить может и о том президенту отрапортовать»³⁰. Впрочем, академическая полемика была знаменем «играющего XVIII века»³¹.

²⁷ Там же. С.130-132.

²⁸ *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1975–1917). М. 1989. С.7.

²⁹ Латынь, по мнению Лотмана, стала для «разночинского интеллигента» своеобразным языком паролем, таким же как французский язык – для дворянства. Надеждин, например, специально уснащал свои статьи цитатами на античных языках, чтобы «изъять литературную критику из сферы дворянского дилетантизма» (Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л. 1983. С.131).

³⁰ *Кузнецова Н.И.* Указ. соч. С.93.

³¹ «Вместе с музыкой, с париками, с фривольным рационализмом, с грациозностью рококо и очарованием салонов эти чернильные баталии явились

Научно-педагогическая деятельность Московского университета была менее бурной и – менее «латинизированной», чем в Академии³². Тем не менее, «знание курса свободных наук и возможность по-латыни свободно и вразумительно изъясняться словом и письменно» было условием, записанным в уставе Московского университета³³. В соответствии с этим, «Проектом о Учреждении Московского университета» предписывалось ежемесячно по субботам «профессорам ...заставлять студентов приватно диспутировать и задавать для того тезисы» – для этого за 3 дня «прибывать к дверям большой аудитории, дабы желающие то предпринять заблаговременно приготовить могли» (§13). Также и «пред наступлением каждой вакансии иметь публичные диспуты, приглася ко оным всех любителей наук» (§14). Официальные объявления помещались в «Московских ведомостях».

В любом диспуте налицо игровая деятельность, заключающая в себе соревнование в том, кто лучше что-либо представит. Но при этом подчеркнем другое: насаждая и воспроизводя в театрально-игровых формах процедуру диспута, организаторы университета как бы моделировали здесь составляющие университетской культуры – наличие различных точек зрения, свободное ведение дискуссии, особую иерархию, в рамках которой студент может дискутировать со старшим – профессором. Конечно, старались перенять в первую очередь внешнюю сторону дела. Однако, еще П.Сорокин, говоря о коммуникативной роли искусственно созданной обстановки всякого процесса, развил мысль о том, что под влиянием этой новой обстановки человек трансформируется, перестает быть похожим на себя в обыденной жизни, вне этих атрибутов³⁴.

В 1760-е публичные диспуты в Московском университете бывали уже не так часто, как в самом начале его существования. Лишь юрист профессор Ф.Дильтей по-прежнему устраивал диспуты (так, на выпускном акте в июне 1766 г. под его руководством происходил латинский диспут «на 12-ть тезисов из вексельного права». Одни студенты защищали тезисы, другие возражали). Потом наступил перерыв, но куратор категорически требовал возобновить диспуты (приватные и публичные) с августа 1768 г. – все факультеты «согласились немедленно исполнить его волю» (все, кроме медицинского, ибо там «дис-

составной частью всеобщего игрового характера...». Хейзинга Й. Указ. соч. С.178-179.

³² Воробьев Ю.К. Указ. соч., Указ. соч. С.221.

³³ Шевырев С.П. Указ. соч., С.268.

³⁴ Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920.

пута быть не может, потому что в нем всего один студент и диспутировать ему не с кем»³⁵.

О 1770-х годах С.П.Шевырев писал: «Со временем... диспуты студентов бывали реже, чем в первоначальное время Университета». В 1773 г. состоялся диспут под руководством профессора Аничкова «на два тезиса русских и на два латинских, взятых из логики и метафизики... Приглашены были на диспут только лица, принадлежавшие к Университету»³⁶. Зато на диспуте 1775 г. под руководством Ф.Дильтея присутствовал сам Г.А.Потемкин. «Известная охота его к прениям позволяет предполагать, что он сам принимал участие в диспуте», – считает Шевырев³⁷. Это, впрочем, сомнительно: вспомним, что в 1760 г. тот же Потемкин был исключен «за леность и нехождение в классы»³⁸. Скорее всего присутствие на диспуте было ритуалом, игрой вельможи в просвещенность.

Постепенно латинский язык как канонический язык европейской науки уступает свои позиции – функции русского языка расширяются (с 1768 г. лекции начали читаться на русском языке). Однако и в 1777 г. мы наблюдаем публичный диспут на шесть латинских тезисов между проф.Шаденом и студентом Скачковским³⁹. Стоит предположить, что в это время диспуты теряют ту театральность, которая присутствовала в первые годы, и превращаются в привычную форму публичных экзаменов.

Публичная защита сочинения, написанного для получения ученой степени магистра или доктора также должна была сопровождаться диспутом. Здесь «игры» было значительно меньше: автор представлял личную аргументацию в поддержку своей концепции, и ему должны были возражать в соответствии с установленной процедурой. Так, в 1794 г. публичный диспут был доказательством приобретенных знаний первого доктора медицины Барсук-Моисеева. К этому моменту он уже прошел испытание в приватном заседании Конференции – и все же защищал свое латинское рассуждение «О дыхании» против всех возражений, сделанных ему на латыни и русском (возражали студенты-медики, видимо, живо: «кандидат на все отвечал основательно», пишет С.П.Шевырев)⁴⁰.

³⁵ Шевырев. История... С.164-165.

³⁶ Там же. С.205-206.

³⁷ Там же. С.206.

³⁸ Там же. С.61.

³⁹ Там же. С.207.

⁴⁰ Там же. С.255.

К началу XIX в. «латинский язык... уже не составлял того необходимого условия, без которого двери Университета были накрепко замкнуты для учащихся»⁴¹. Элемент торжественности церемоний диспута становится анахронизмом, но традиция сохраняется. О Раиче, деятеле известном своей скромностью, Ф.И.Тютчев писал:

Ум скор и сметлив, верен глаз
 Воображенье быстро...
 А спорил в жизни только раз –
 На диспуте магистра⁴².

К 1810-м годам относятся прямые свидетельства того, что защиты диссертаций из формальных диспутов превратились в весьма горячие обсуждения. Порой радикально настроенные студенты, не стесняясь, вступали в острую полемику. Разумеется, диспуты не потеряли своего игрового характера, но они уже не подчинялись архаичному сценарию, – тон теперь задают другие люди – сами студенты. В качестве примера приведем рассказ о диспуте о достоинствах монархического правления, описываемом Д.Н.Свербеевым. – «Вся старшая юрания готовилась возражать магистранту... Диспуты походили тогда на кулачные бои; на них, как и на этой площадной забаве, зачинщиками в первых рядах являлись бойкие мальчики, т.е. мы, молоденькие студенты, с какими-нибудь подсказанными от стариков вопросами или возражениями диспутанту». После этого «вступила в бой фаланга наших передовых мужей», нанося «удары из арсенала философов XVIII века». Декан Сандунов принужден был погасить спор и, как он выразился, не желая прибегать к помощи полиции, закрыл диспут⁴³.

Итак, возвращаясь к «классическим» диспутам первых десятилетий существования университета, можно констатировать наличие определенного «игрового пространства»: присутствует и стремление к эффектности, и сценарий, и повторяемость церемонии. Участники – зрители и студенты – играют роль «просвещенных».

Декорацией, атрибутами «научной деятельности», фоном публичных действий были университетские коллекции⁴⁴ – приборов, минералов, растений; они демонстрировались высоким посетителям. Университет-

⁴¹ Там же. С 362.

⁴² Цит. по Кожин В. Тютчев. М., 1994. С.44

⁴³ Свербеев Д.Н. Указ. соч. С.77-78.

⁴⁴ Коллекционирование в целом во второй половине XVIII в. становилось модным изящным занятием аристократии, «игрой в науку». Оно не ставило своей целью полноту и осмысленность собрания: собирали диковины; курьезность выступала как принцип. Коллекции использовались как декоративное оформление учебных кабинетов (недаром футляры и приборы в XVIII в. бывали роскошно украшены: из красного дерева, с деталями из слоновой кости).

ские собрания приборов как знаковые средства должны были свидетельствовать об уровне постановки науки в учебном заведении, но в учебной практике на первом этапе были задействованы мало – контекст для их прямого применения еще не сложился. В протоколах университетской Конференции часто фигурируют жалобы на то, что механический кабинет («одно из украшений Университета») находится в темном проходном помещении, где много пыли; минералогическая коллекция хранится в комнате, где «солдаты и сторожа проживают со всем своим скарбом, кормятся, кушают квас и варят мыло, а в торжественные и праздничные дни угощают своих гостей» и т.п.⁴⁵

Ясно, что назначение университетских коллекций было не столько функциональным, сколько символическим. Вспомним, что в это время входят в моду частные коллекции – как признак просвещенности дворянства. Впрочем, и в Европе наблюдались те же тенденции – занятия наукой как изящный досуг просвещенного аристократа. Лишь начиная, кажется, с Фарадея принцип отношения к прибору становится «неигровым» – не важно как выглядит, лишь бы работал⁴⁶.

Конечно, дворянство в России середины XVIII в. в целом выступало в роли *потребителя* науки и культуры, понимая занятия ими в лучшем случае как развлечение и удовольствие. Невостребованность науки в России была следствием слабой тогдашней ее связи с жизненными потребностями, с техникой, и это отражалось на отношении к ней общества. Редки случаи применения науки в жизненной практике, такие как пробирное и горное дело, устройство фейерверков и т.п., которые были в общих чертах понятны и очевидны для дворянства. Но, справедливости ради, стоит сказать, что и в Европе наука середины XVIII века находилась в стадии становления. В Англии она была в основном частным досугом богатых людей. Во Франции лишь начиналось складывание особого статуса подлинного «ученого», т.е. человека, занимающегося научной деятельностью на оплачиваемой государственной службе. Заметим – это был особый статус, отличный от положения просто «образованного человека» прошлых эпох⁴⁷. Для многих «просвещенных» обывателей наука становилась модным и романтическим занятием, занятие ею – смесью любопытства и игры (в модных парижских салонах производились физические опыты, аристократы устраи-

⁴⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1962. Т.2. С.58, 93-94; Т.3. С.323, 337, 268-288, 292.

⁴⁶ Филонович С.Р. Эксперимент и его роль в становлении классической физики. Автореферат дисс... д. ф.-м. н. М., 1996. С.26-31.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Огурцов А.П. Великая Французская революция и наука // Вопросы философии. 1989. №3.

вали у себя *cabinet de physique*, увлеченные месмеризмом проводили индивидуальные и коллективные исцеления).

В начале века в России интересующийся естествознанием человек имел в народе репутацию чудака, а то и колдуна (вспомним слухи, ходившие о Я. Брюсе). С середины века и в России можно найти вельмож, проявлявших любопытство к опытам, владельцев коллекции и библиотеки, но количество таких людей невелико. Почетные гости, присутствовавшие на праздниках, выпускных экзаменах и публичных диспутах, русские землевладельцы-аристократы или меценаты-промышленники (типа Демидовых) середины XVIII в. могли быть уже затронуты идеями Просвещения, но при этом в повседневности не могли признать профессора или студента – разночинца равным. Очевидно также, что присутствовавшая на публичных диспутах знать, обладавшая общественно-значимым авторитетом, не понимала латинских споров и речей, но присутствие ее было символично. Ролью ее было олицетворять высокое покровительство «наукам» в глазах непривилегированного населения.

Роль просвещенного аристократа в системе европейской науки Нового времени – особая тема (здесь история самой науки смыкается с историей социальных организаций и политической историей). В европейских научных сообществах XVII-XVIII вв. постепенно выработывалась система практик установления научных фактов. В Лондонском Королевском обществе, Парижской Королевской академии наук и научных обществах других стран с конца XVII в. существовал «*социальный театр доказательства*» – доказательство истинности научного факта возлагалось на очевидцев: перед небольшим кругом «посвященных» демонстрировался эксперимент, представлявший интерес для общества (лишь позднее появились научные журналы, система публикаций и пр.). Функцией присутствовавших аристократов было стать свидетелями – таков был порядок признания достоверности факта⁴⁸. В свете этой традиции можно рассматривать и некую «открытость» Московского университета для дворянского общества, театральность публичных действий, задуманных его организаторами изначально.

«На каждой странице истории культурной жизни XVIII века мы встречаемся с наивным духом честолюбивого соперничества, созданием клубов и таинственности, который проявляет себя в организации литературных обществ..., в страстном коллекционировании раритетов, гербариев, минералов и т.д... – и в подоплеке всего этого лежит игро-

⁴⁸ Пестр Д. Социальная и культурологическая история науки: новые определения, новые объекты, новые практики. // ВИАТ, 1996. №4. С. 48-50.

вое поведение»⁴⁹. Игровой компонент присутствовал, на наш взгляд, и в собраниях первых обществ при Московском университете. Вольное Российское собрание – это «литературное и ученое общество при Университете», которое было учреждено в 1771 г. куратором И.И.Мелиссино «для исправления и обогащения Российского языка, через издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных, сочинений и переводов, стихами и прозою». Через газету оповещались «все любители наук», под которыми подразумевалась московская интеллектуальная элита – Мелиссино «приглашал членов ко взаимному соревнованию в критике произведений друг друга; но в критике благородной, не оскорбительной, а только полезной совершенствованию языка»⁵⁰. Формально Вольное Российское собрание считается первым *научным* обществом при Московском университете – при этом формы его организации несли на себе печать своего времени и понимание смысла научного общества самим Мелиссино.

Игра – это «представление» чего-нибудь. Заседания мыслились как собрания «любителей учености», прежде всего из числа просвещенных покровителей (почетными членами общества были приглашены П.Б.Шереметев, П.И.Репнин, Е.Р.Дашкова, Г.А.Потемкин) и были весьма торжественны. Так, в 1772 г., заехав в Москву, появлялся почетный член Г.А.Потемкин: «Он сиживал за столом, обратясь спиною к Мелиссино, которого не любил, ...выставляя на показ бриллиантовые пряжки башмаков своих, щеголял ими перед студентами, которые в *мундирах*, стоя вокруг, присутствовали при этих заседаниях»⁵¹ (курсив наш – И.К.). Театральность здесь несомненно присутствует; игровой смысл таков: если на университетских актах при награждении студенты играли подобающую им роль героев «спектакля», а вельможи присутствовали как ценители учености, то на заседаниях университетского Вольного Российского собрания хозяевами чувствуют себя аристократы, студенты же (присутствующие в небольшом числе) играют роль «декорации»: лучшие студенты, пишет С.П.Шевырев, были «аускультантами» (слушателями)⁵² общества. Молодой князь И.М.Долгорукий, в 1779 г. попавший в число «аускультантов», вспоминал: «В мое время происходил славный и громкий спор, о котором твердят многие и доныне, чтобы литературу ь ... исключить из азбуки... Прение сие произвело множество насмешек, пользы никакой». «Общество не прижилось, видимо, неслучайно. Заседания Вольного Российского собрания стано-

⁴⁹ Хейзинга Й. Указ. соч. С.211.

⁵⁰ Шевырев С.П. Указ. соч. С.184.

⁵¹ Шевырев С.П. История... С.203-204 (курсив наш).

⁵² (От Auscultatio – лат. выслушивание) Там же. С.202.

вились все реже, пока, наконец, на 14-м году со своего основания оно не прекратило существования.

В 1789 г. тем же Мелиссино официально была предпринята попытка создать еще одно из официальных научных обществ при Московском университете – «Собрание любителей российской учености». Искусственно созданное, по замыслу оно как бы противопоставлялось популярному «самостийному» «Дружескому ученому обществу»⁵³, созданному усилиями Н.Новикова и И.Шварца. По словам Ю.Лотмана, Новиков противопоставил пафосу государственной службы идею организованных усилий частных людей; это «обрело контуры борьбы за личную независимость... права человека самому определять род занятий, независимо от государственного надзора и рутин»⁵⁴.

В состав общества, задуманного Мелиссино, «положили» пригласить просвещенных любителей, прежде всего митрополита Платона и генерал-аншефа и московского губернатора П.Д.Еропкина. При этом постановили, что «в обыкновенных собраниях никто из посторонних, без особого на то позволения от председателя, присутствовать не должен»⁵⁵ – «игра» в торжественные заседания посвященных должна была проходить в «казенных покоях» общества, в том самом училище, при котором оно подтверждено, т.е. непременно в стенах Университета. Все это удивительно напоминает данное Хейзингой определение игры как деятельности, которая осознается как «невзаправду» и вне повседневной жизни выполняемое занятие. При этом она «может целиком овладевать играющими», хотя «не преследует никакого прямого материального интереса, не ищет пользы»; «совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени и протекает по определенным правилам»⁵⁶.

Разумеется, все сказанное не подразумевает, что деятельность по созданию обществ не имела никакой ценности. Но такие общества со строгой регламентацией и с оттенком благородного развлечения были еще очень далеки от идеала классических научных объединений, где единство научного сообщества возникает спонтанно, без внешнего принуждения, а главным стимулом является признание со стороны компетентных коллег⁵⁷.

⁵³ Мы не будем специально останавливаться на игровом поведении, ставшем подоплекой масонских обществ, близких университету, – игровой фактор культуры здесь очевиден.

⁵⁴ О попытках внести в студенческую среду новые формы общения на базе сотрудничества см. подробнее: Кулакова И.П. Университетское пространство.// Университет для России.... С.166-169.

⁵⁵ РГАДА. Ф.17. Оп.1. №49. л.4об.

⁵⁶ Хейзинга Й. Указ. соч. С.24.

⁵⁷ Кузнецова Н.И. Указ. соч. С.102.

Интересно, что традиционные русские («сельские») игры в Московском Университете также присутствовали: в XVIII в. ритм жизни обитателей Университета и прочих москвичей структурировался единой традиционной системой – церковных и народных праздников. (В воспоминаниях профессора П.Страхова устоявшаяся череда событий определяется так: «на Святой неделе», «с Фомина понедельника» и т.п.). Итак, «на святках и на масляной» в Университете, как и во всей Москве, властвовала карнавальная культура, устраивались театральные представления и маскарады⁵⁸, но, заметим, не в Актовом зале (он предназначен для других игр – университетских действий). На Масленицу устраивалось многолюдное катание с гор на Неглинной, близ Университета.

В каникулы народная культура как бы проникала за стены Университета: на переднем дворе на Святой неделе обычно ставились две-три веревочные качели – «для забавы», играли в свайку⁵⁹. Студенты участвовали в кулачных боях – русской народной забаве, суровой, традиционной «военной игре». В ней участвовал простой люд – фабричные, торговцы, ремесленники (впрочем, московская знать увлекалась кулачными боями не меньше, чем простой народ)⁶⁰. Известно, что на льду Неглинной в масленицу «сходились бурсаки Духовной академии и студенты Университета, стена на стену.., универсантам помогали Неглинские лоскутники», – вспоминал современник⁶¹. Впрочем, по словам С.П.Шевырева, в таких «низких» забавах разрешалось участвовать только университетским гимназистам (иногда к ним присоединялись «служители из столовой»), но не студентам. Студент должен был соблюдать правила «другой игры»: – «получивший шпагу, должен был вести себя благородно и избегать подобных игрищ, которые исчезли перед силою образования и времени»⁶². Таким образом, перед нами два типа игры, связанные с двумя типами культуры.

Как всегда процесс игры оказывался куда важнее ее результата. Университет рос, развиваясь сам, и открываясь городу, сеял в нем навыки цивилизованного быта. Постепенно, вместе с ним городское ок-

⁵⁸ Страхов П.И. Краткая история Академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете // В воспоминание 12 января 1855 г. М., 1855. С.52–55.

⁵⁹ Страхов П.И. Указ. соч. С.50-54.

⁶⁰ Дневник Ф.В. Берхгольца. Ч.2. М., 1902. С.168-169.

⁶¹ Матвеев Н. Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М., 1912. С.122-123; 113, 17-22.

⁶² Шевырев С.П. Указ. соч. С.277-278.

ружение, тянущееся к «просвещению», росло – от незнания, через удивление и любопытство до включенности в культурную деятельность. Публичные действия с элементами игры, связанные с функционированием Университета – театрализованные праздники, процедуры награждения отличников, открытые диспуты, где студенты должны были полемизировать в присутствии зрителей, лекции с демонстрацией физических опытов, и т.п. – все это нетрадиционные, новые по сути своей *ритуалы*, которые играли особую роль в усвоении населением города нового культурного опыта. Такой опыт, который прагматически организовывался, а не накапливался веками, присутствовал в гораздо большей степени в Петербурге, городе, где с самого начала XVIII века закладывались новые традиции. О.И.Славина, проанализировавшая петербургский материал ритуалов петровского времени, обращает внимание на теорию ритуала В.Тэрнера: ритуал понимается им как набор формализованных способов выражения культурной темы, идеи⁶³. В XVIII веке участники ритуала-зрелища, несущего новую идею, неосознанно проделывают большую внутреннюю работу, постепенно вживаясь в новые культурные темы; речь и лекция, публичное признание ценности абстрактного знания, мысли об общественной пользе образования, публичный диспут как форма научного суждения – все это было новшеством в жизни москвичей, и эти новые «культурные темы» вносил в быт Москвы университет. Следствием же этой деятельности было то «объединяющее партнеров по игре чувство, что они пребывают в некоем исключительном положении, вместе делают нечто важное, вместе обособляются от прочих, выходят за рамки всеобщих норм жизни, – это чувство сохраняет свою колдовскую силу далеко за пределами игрового времени»⁶⁴. Так, на протяжении второй половины XVIII в. в Москве возникло нечто большее, чем учреждение, сложилась особая общность, культурный и интеллектуальный центр особого рода, ставший первым национальным университетом.

⁶³ Славина О.И. Ритуалы петровского Петербурга (К вопросу об организации нового культурного опыта населения) // Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции. Л., 1989. С.185-187.

⁶⁴ Хейзинга Й. Указ.соч. С.23.

А.В. Антощенко (Петрозаводск)

«Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту и среднее образование в России (комиссия 1900 г.)

Ускоренная модернизация российского общества в конце XIX в. все более отчетливо выявляла недостатки классической системы среднего образования. Необходимость существенных перемен осознавалась не только общественностью¹, понимание их неизбежности проникала постепенно и в правительственные круги. Если И.Д. Делянов на посту министра народного просвещения делал все возможное, чтобы препятствовать не только каким-либо реформаторским устремлениям, но даже публичному обсуждению положения в средних учебных заведениях², то его преемник Н.П. Боголепов вынужден был признать неудовлетворительное положение дел в гимназиях и реальных училищах и предпринять некоторые шаги к обсуждению положения в системе среднего образования.

В циркуляре 8 июля 1899 г. отмечалось, что «среди педагогов и детей, учащих в гимназиях и реальных училищах, давно слышатся жалобы на разные недостатки в этих учебных заведениях». Признав в этих жалобах «известную долю справедливости»³, министр объявил о созыве в Санкт-Петербурге комиссии, которая должна была обсудить

* Автор выражает благодарность Московскому общественному научному фонду за финансовую поддержку семинара в декабре 1999 г. в г. Петрозаводске, на котором обсуждались результаты исследования, составившего основу данной статьи. Research for this article was supported in part by the Regional Scholar Exchange Program, which is funded by the Bureau of Educational and Cultural Affairs of the United States Information Agency (USIA), under authority of the Fulbright-Hays Act of 1961 as amended, and administered by the American Councils for International Education: ACTR/ACCELS. The opinions herein are the author's own and do not necessarily express the views of either USIA or the American Councils.

¹ Наиболее полно недостатки классицизма раскрывались в кн.: *Ермилов В. В борьбе с рутинной.* М., 1898. См. также: *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX века до февральской революции 1917 года). М., 1947. С.44-45; *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1954. С.92-95. О критике формализма, связанного с гимназическими экзаменами и оценками, см.: *Alston P.L.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969. P.149-153.

² *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы... С.98-100.

³ Собрание постановлений министерства народного просвещения. Т. XVI. С.1619-1622. См. также: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С.711; *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы. С.48.

недостатки средней школы и определить возможные меры по улучшению ее деятельности. В ходе подготовки к работе комиссии прошли предварительные совещания в учебных округах, на которых обсуждались вопросы, предложенные министром. Ряд совещаний был проведен в Московском учебном округе, причем профессура Московского университета и Московского технического училища признала весьма неудовлетворительным уровень подготовки выпускников гимназий и реальных училищ, что проявлялось при поступлении их в высшую школу⁴.

Вместе с тем у классической системы были свои защитники⁵, что предопределило неизбежность столкновения противоположных мнений в ходе заседаний комиссии, проходивших в течение двух месяцев с 7 января по 7 марта 1900 г. И защитники «классицизма», и его противники в равной мере опирались не только на анализ современного положения в гимназиях и реальных училищах, но и широко использовали ссылки на западноевропейский опыт. Именно данный аспект дискуссии рассматривается в статье. Исследование предполагает не только анализ содержания приводимых аргументов, но и выявление стиля аргументации, что позволит понять, почему именно те, а не иные аргументы приводились в защиту своей позиции и для опровержения предложений противников сторонниками как классической, так и реальной систем образования; какие из них и почему могли показаться убедительными или наоборот, или даже опасными в глазах чиновников министерства народного просвещения, которым принадлежало последнее слово в определении перспектив развития образования в России.

В ходе подготовки заседаний комиссии и во время ее работы представители министерства, включая министра, хотели, с одной стороны, показать доброжелательную заинтересованность и стремление не навязывать своего мнения, с другой – удержать представителей педагогической общественности от слишком смелых и решительных реформаторских предложений. Не случайно и в циркуляре, и при открытии заседаний комиссии Боголепов, разъясняя ее задачи, отмечал, что следует всесторонне обсудить существующий строй средней школы с целью выяснить его недостатки и определить меры к их устранению при условии сохранения двух главных типов средней школы – классической гимназии и

⁴ См.: Совещания, происходившие в 1899 г. в Московском учебном округе по вопросам о средней школе. Вып. VI. Ответы профессоров Московского университета и Московского технического училища на вопросы, предложенные им о средней школе / Под ред. Ф.С.Коробкина. М., 1899. В целом о значении этих совещаний см.: *Alston P.L.* Op. cit. P.155-157.

⁵ См.: *Ганелин Ш.И.* Указ. соч. С.97.

реального училища. В случае предложения новых типов участникам комиссии следовало помнить, что «учебное дело не терпит грубой ломки».

Наиболее эффективным средством против необоснованных предложений могло стать историческое рассмотрение вопроса⁶ с тем, чтобы выяснить те традиции, которых следует держаться, развивая их и устраняя возникшие в ходе исторического развития искажения. Именно так был построен доклад члена совета министерства народного просвещения Н.Х. Весселя, которым, по существу, была задана «рамка» обсуждения вопроса. Обращение к исторической традиции с необходимостью направляло докладчика к рассмотрению европейского опыта, который был положен в основу системы среднего образования в России во времена Екатерины II, Александра I и Николая I. Показательно, что Вессель обращался к традиции средней школы Германии, что отражало уверенность представителей министерства и близких ему деятелей просвещения в сохраняющемся преимуществе немецкой системы среднего образования перед другими европейскими системами. Нет необходимости подробно останавливаться на том, что за этим взглядом стояли и определенные политические симпатии к государству, успешно решающему внутренние и внешнеполитические проблемы при сохранении достаточно консервативного в сравнении с Францией или Англией политического устройства.

Буквально накануне открытия заседаний комиссии «Журнал министерства народного просвещения» закончил публикацию ряда очерков графа П.А. Капниста, к мнению которого прислушивались в министерстве⁷. В ней, на основе выявления тенденций развития немецкой системы среднего образования, автор сделал вывод о перспективности «свободного развития двух типов школ, в которых в наши дни нуждаются все народы, а именно чисто классической и чисто реальной, к которой затем примыкают университеты и высшие учебные заведения»⁸. Вместе с тем Капнист указывал на необходимость «предоставления школе

⁶ Уже в начале обсуждения при выяснении главного вопроса для обсуждения «Г. Министр поставил на обсуждение, прежде всего, вопрос о цели средней общеобразовательной школы, причем предложил комиссии держаться, при рассмотрении вопроса, исторической почвы и обсудить дело с практической стороны». — Труды высочайше утвержденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Вып. I. Журналы комиссии. Спб., 1900. С. 5.

⁷ Появившись первоначально под названием «Исторический очерк развития реального образования в Германии до 80-х годов нашего столетия» (ЖМНП. Ч. СССXXI. 1899. №2. Февраль. Отд. 2. С. 308-370), публикация затем была продолжена уже под названием «Исторический очерк среднего образования в Германии» и доведена до современности (см. апрельский, сентябрьский, октябрьский и декабрьский выпуски журнала за 1899 г. и январьский за 1900 г.).

⁸ ЖМНП. Ч. СССXXII. 1899. №4. Апрель. Отд. 2. С. 248-249; Ч. СССXXVII. 1900. №1. Январь. Отд. 2. С. 44-47, 53-54.

большей свободы» в выработке «путей и способов» достижения намечаемых государством целей, а также допущения частной и общественной инициативы «как средства удовлетворения быстро развивающихся образовательных потребностей общества». Последней может быть доверено создание новых, промежуточного вида школ, которые будут удовлетворять развивающиеся потребности, неудовлетворяемые распространенными типами учебных заведений и служить своеобразным опытным полем для проверки и разработки новых педагогических направлений, идей и методов, «которые, даже если они не получают полного применения, содействуют развитию и усовершенствованию школьного дела, которое никогда не может и не должно останавливаться на мертвой точке, не рискуя погибнуть»⁹. Наконец, в вопросе о правах различных типов школ он выступал против их уравнивания, считая, что согласно целям они получают и соответствующие права, т.е. выпускники гуманитарной школы, или гимназии, принимаются в университеты, а реальных училищ – в высшие технические заведения.

Если первое и третье положения вполне соответствовали представлениям Весселя о направлении необходимых изменений, то со вторым – о развитии частной и общественной инициативы за счет государства – он не мог согласиться. Не вступая в открытую полемику с графом (может быть, памятуя о неудачном эпизоде, связанном с другим попечителем Московского округа графом С.Г.Строгановым, комиссия которого отвергла проект Весселя в 1871 г.), он в своем выступлении последовательно проводил положения программы, основанной не на ослаблении роли государства, а, напротив, на ее усилении. Поскольку такая позиция не могла встретить одобрения у многих членов комиссии, она выражалась не эксплицитно в виде содержательных суждений, а имплицитно – в структуре дискурса. Однако взгляды представителя министерства легко могли быть «прочитаны между строк» и служили основой для решительных заявлений сторонников «классицизма».

Исторический обзор европейского среднего образования Вессель начинал с преобразования в Саксонии во время реформации средневековых трехклассных городских латинских училищ в среднюю школу, которая по плану Лютера и Меланхтона имела девятилетний учебный курс и получила название гимназии. Ее назначение определялось как религиозно-нравственное и умственное образование, в состав которого входило преподавание греческого языка, арифметики, геометрии, астрономии, естественной истории и физики, но в действительности, отмечал докладчик, изучали только латынь, читали Цицерона, Овидия и Вергилия и учились писать латинские сочинения. Все это было необходимо для понимания профессорских лекций на университетских фа-

⁹ ЖМНП. Ч.СССXXVII. 1900. №1. Январь. Отд.2. С.48.

культетах: богословском, философском, юридическом и медицинском. Юридически закрепленное в саксонском церковном уложении (*Kirchenordnung*), подробное положение о средней школе стало основой для создания гимназий в Германии. Одна из них – Ивана Штурма в Страсбурге – явилась образцом для средних школ во Франции, из которых затем образовались лицеи и коллегии, и для старых средних школ в Англии. Таким образом, уже в начале исторического очерка вполне ясно проводилась мысль о религиозно-нравственном и умственном образовании как цели средней школы, которая является основой для университетского обучения. Немецкая же модель объявлялась основой европейского среднего образования.

Продолжая повествование о развитии средней школы после тридцатилетней войны, Вессель отмечал неудачные попытки создания педагогий, основанных Франке в Галле в 1766 г. «для христианского воспитания сыновей знатных и богатых людей и доставления им образования, соответствующего современным потребностям (курсив мой. – А.А.), посредством обучения немецкому, французскому, латинскому и греческому языкам, арифметике, геометрии, астрономии, географии, хронологии, истории, ботаники, анатомии, вместе с главнейшими основаниями медицины, музыке, живописи и токарному искусству, резьбе, полировке и пр.», и открытой Базедовым в Дессау в 1774 г. филантропии «для воспитания и образования будущих граждан *космополитов* (курсив мой. – А.А.) на основании новой системы естественного воспитания Ж.Ж.Руссо»¹⁰. Тем самым подчеркивалась неудача утилитарного реального образования и ненациональной школы, создаваемых частной инициативой. Последнее положение становилось очевидным при сравнении с последующим описанием событий.

Успехи в развитии образования в Германии Вессель связывал с деятельностью Фридриха Великого, который ввел обязательное начальное образование и содействовал распространению среднего и высшего. Назначив Ф.А.Вольфа профессором в Галле и поручив ему подготовку учителей древних языков (до этого ими назначались прямо с университетской скамьи окончившие курс студенты-богословы, причем не лучшие, так как лучшие шли в пастыри), Фридрих способствовал наведению порядка в их преподавании. Вольф учредил филологическую семинарию. «В своих *"consilia classica"*, – отмечал Вессель, – Вольф подробно объяснил значение обоих древних языков и установил объем, программы и метод их преподавания, сохранившиеся в сущности до настоящего времени в гимназиях»¹¹. Тем самым докладчик недвусмысленно намекал, что министерство готово следовать этой традиции,

¹⁰ Труды... комиссии... Вып. VI. Приложения к журналам комиссии. Спб., 1900. С. 7.

¹¹ Там же.

предполагающей инициативу государства в утверждении правильной подготовки педагогических кадров¹² и правильной постановки преподавания древних языков.

Отмечая развитие современных тенденций в усилении прикладного значения математических и естественных наук, связанных с ростом промышленности, министерский чиновник вновь подчеркивал неудачу частной инициативы (хотя это слово ни разу не прозвучало в докладе) в создании утилитарных реальных училищ.

Открываемые купцами, фабрикантами, землевладельцами коммерческие, ремесленные, агрономические и другие промышленные училища «не дали ожидаемых практических результатов: молодые люди, окончившие курс в этих училищах, оказывались не только не готовы к практически промышленным занятиям, но и вообще неспособными к серьезному сосредоточенному труду. Поэтому необходимо было изменить учебный курс реальных утилитарных училищ»¹³. Основой для этого послужил выдвинутый в начале XVIII в. Песталоцци новый принцип общего образования (*allgemeine Bildung*), по которому все дети должны были начать с общего гармоничного развития телесных и духовных сил, а затем на основе осознания своих способностей и склонностей сами избрать специальные занятия. Используя эти идеи, Целлер в работе 1820 г. выдвинул положение о том, что реальные училища, как и гимназии, должны быть общеобразовательными и готовить учащихся к обучению в высших специальных училищах, подобно тому, как гимназии готовят к университету, замечал Вессель.

Последовавшая за этим длительная дискуссия гуманистов и реалистов, упорно продолжавшаяся более тридцати лет и до сих пор не закончившаяся, привела к введению новых предметов в учебные курсы как гимназий, так и реальных училищ, что способствовало их сближению. И здесь Вессель вновь подчеркивал негативные последствия такого хода дел, указывая на значительное увеличение классовых часов и переутомление учеников, вызвавших тревогу родителей и общественности в Германии. Рассмотрение дальнейших дебатов и принятых законов привело его к выводу о законодательном оформлении в Пруссии двух типов общеобразовательной средней школы: гимназии и реального училища.

«Эти два нормальные типа, применяемые во всей Германии, постепенно усовершенствовались, до последнего времени сохраняя неизменными свои основные общеобразовательные задачи и цели. В последнее десятилетие в Германии обращено особенное, главное внимание на приготовление хороших учителей по всем предметам как учебного курса, так и реальных училищ», — обосновывал ссылкой на передовой европейский опыт программу министерст-

¹² Определенные шаги в этом направлении уже были сделаны. В соответствии с министерским циркуляром 16 ноября 1898 г. началась разработка и обсуждение в учебных округах мер по подготовке учителей. См. подробнее: К вопросу о педагогической подготовке учителей для средних учебных заведений и об улучшении их положения // ЖМНП. Ч.СССXXV. 1898. №10. Октябрь. Отд.4. С.11-42; Ч.СССXXVI. 1898. №11. Ноябрь. Отд.4. С.1-20; №12. Декабрь. Отд.4. С.49-78.

¹³ Труды... комиссии... Вып. VI. С.8.

ва Вессель¹⁴. Подчеркивая ведущее положение в этом деле Германии, он вновь отмечал, что ни Франция, ни Англия не могут быть образцом, поскольку не имеют «полного общеобразовательного типа средней школы».

Краткий, по сравнению с рассмотрением истории немецкой системы, обзор прошлого российской средней школы также содержал ряд весьма важных намеков и положений, повлиявших на ход дальнейшего обсуждения. Рассматривая возникновение средней школы в России, Вессель полностью сосредоточил внимание на выработке уставов. Охарактеризовав устав народных училищ 1786 г. и первый общий устав училищ и гимназий 1804 г., он заметил, что только с изданием устава гимназий, уездных и приходских училищ 1828 г. в России возник первый полный тип общеобразовательной средней школы.

Уваровская гимназия, созданная по прусскому образцу Грефом и Миддендорфом, просуществовала до 1849 г. и высоко оценивалась родителями и обществом, подчеркивал докладчик. Только под влиянием революционного движения в Европе и истории Петрашевского 21 марта 1849 г. состоялось высочайшее утверждение положения о разделении курса гимназии начиная с 4 класса на два отделения: с латинским языком для приготовления слушателей для университетов, и без латинского языка, но с обучением естественным наукам и законоведению, для приготовления способных молодых людей к службе, как гражданской, так и военной. Изучение классических языков было признано неблагодарным в политическом отношении, завершал «смелый» критический пассаж Вессель.

Смысл такой чиновничьей откровенности не трудно разгадать. Он заключался, с одной стороны, в обосновании ссылкой на политический мотив ненормального положения в гимназиях и реальных училищах, которые существенно не изменились со времени их преобразования в условиях реакционного николаевского режима. С другой – данный пассаж должен был предотвратить возможность критики реакционного характера «классицизма» с либеральных позиций, так как из него логически вытекало, что, во-первых, те или иные политические симпатии препятствовали бы правильному решению задач *общего* образования, и, во-вторых, критика «классицизма» либеральными мыслящими педагогами при такой интерпретации изменений 1849 г. поставила бы их в один ряд с апологетами николаевской реакции. Наконец, меры, проводимые в период министерства графа Д.А.Толстого, были связаны с личной биографией Весселя, проект которого, предусматривавший возвращение к уваровской гимназии и ее усовершенствование, не был принят. Не изменила положения дел, по мнению Весселя, и комиссия И.Д.Делянова, созванная в 1890 г. Понятно, что современное обсуждение предоставляло Весселю возможность взять реванш за поражение 1871 г. Он утверждал, во-первых, что средняя школа должна быть общеобразовательной

¹⁴ Там же. С. 10.

двух типов: гимназия и реальное училище, а во-вторых, что наши гимназии и реальные училища не представляют правильно устроенного общеобразовательного типа средней школы, ни классического, ни реального. Тем самым провозглашалась верность прусской модели, изменения же должны были, прежде всего, выразиться в усовершенствовании преподавания вследствие развития специальной подготовки учителей под эгидой министерства, а не в перестройке организации обучения.

Столь скромная программа преобразований воодушевляла сторонников господствующей классической системы к смелым выпадам против «реализма». Однако прежде чем характеризовать аргументацию и особенности дискурса сторонников «классицизма», следует отметить некоторые общие закономерности развития дискуссии. Уже в докладе Весселя намечался прием аргументации, который затем широко использовался сторонами, а именно – ссылка на авторитет. Этот способ обоснования собственных взглядов не был связан с существенными моментами общего дискурса «классиков» или «реалистов», поэтому им пользовались и те, и другие. Взгляд на российскую культуру после Петра I как европейскую, давал и тем, и другим общее основание для обращения к мнению авторитетных («знаменитых») западных специалистов в области образования. В случае с деятелями прошлого это сопровождалось выгодной интерпретацией, у современников же выбирались только аргументы *pro*. Это даже вызвало весьма ехидную реплику ординарного профессора Санкт-Петербургского университета О.Д.Хвольсона:

Наша задача – сбросить иноземное иго рутины и избавиться от того гипноза, в который мы впадаем под влиянием заграничных так называемых знаменитостей. <...> Я вообще крайне скептически отношусь к термину “Знаменитый”. В сущности, принято называть знаменитым то, о чем много говорят и пишут, что много шумит; ведь говорят же о знаменитых разбойниках! Нет сомнения, что всякому знаменитому педагогу А. в Берлине, высказавшему такой-то взгляд, можно противопоставить не менее знаменитого педагога В. в Лейпциге, Мюнхене или Гамбурге, имеющего взгляд как раз противоположный¹⁵.

Поэтому постепенно ссылка на авторитет и примыкающий к ней прием отдельных примеров все более уступали место выявлению тенденции, анализ которой позволяет точнее и полнее охарактеризовать дискурсы «классиков» и «реалистов». Следует обратить внимание также на другой момент. Пассаж о западных знаменитостях прозвучал из уст сторонника «национальной школы», что указывает на еще одну общую черту полемики, связанную с отмеченным выше единством взгляда на содержание русской культуры как европейской. Казалось бы, впервые заявленное В.К. фон Анрепом предложение поставить и разобрать вопрос принципиальный – о целях средней общеобразовательной школы, и при том «русской, национальной», подхваченное директо-

¹⁵ Там же. С.179.

ром Московской прогимназии В.М. Михайловским¹⁶, а также профессором Московского университета А.П. Павловым¹⁷ и др. участниками комиссии¹⁸, могло привести к образованию третьей, «национальной партии» в споре. Однако этого не произошло. Послепетровская культура выростала из западноевропейской, «основанной на классической почве», допетровская – на почве византийской, в которой было немало «остатков античной культуры». В области высокой культуры, с которой связывалось образование, понятие «национальная» оказывалось трудно применимым. Поэтому в конечном итоге аргументы в защиту «национальной школы», лишь усложняли риторику «классиков» и «реалистов», нарушая ее стройность, внося в нее нередко конъюнктурные элементы. Так, Н.С. Заиончковский начал свое выступление против недостатков гимназии с указания на необходимость национальной школы, которая должна быть «патриотична», ссылаясь в этой связи на Запад:

Там культурное, а не только «интеллигентное» общество настроено патриотически, нередко даже шовинистически; там обыкновенно учащие и учащиеся, а последние между собой, однородны в двух главнейших отношениях, говорят на одном языке и друг друга понимают; там история отечественная не подавляется историей всеобщей; там первая преподается в строго патриотическом духе, а вторая в национальном освещении; там учителя говорят на «химически» чистом родном языке; там преподаватели специально подготовленные и опытные; там невозможно ...¹⁹ (и т.д.)

Однако последующий выпад против предложения П.Г. Виноградова обратиться к скандинавскому опыту, привел выступающего к совершенно неожиданной защите «классицизма» и греческого языка как основы религиозного воспитания²⁰.

Другой сторонник «классицизма» директор Московской 7-й гимназии В.В. Войнаховский протестовал против предложения «реалистов» заменить изучение древних языков изучением новых, поскольку господство последних подчинит учащихся «чужеземному влиянию».

«Кто стоит за национальность в школе, тот должен удержать в ней древние языки, равно объективные и общеобразовательные для всех народов»²¹. Позже он усилил свою аргументацию указанием на значение образования для военного могущества страны. Школа напоминает армию. Если сосед вооружен просвещением, то и мы будем во всеоружии образования. Не согласно с достоинством великой державы иметь у себя полуобразование, когда знаем, что у соседей оно стоит прочно и высоко²².

¹⁶ Там же. Вып. I. С. 2, 3-4.

¹⁷ Там же. Вып. VI. С. 45, 270.

¹⁸ Характерно, что ни один из выступающих не представлял Россию как многонациональное государство. Все признавали существование лишь одной культуры – русской.

¹⁹ Там же. С. 67.

²⁰ Там же. С. 72.

²¹ Там же. С. 86.

²² Там же. С. 404.

Такой довод не мог не вызвать внимания министерских чиновников, призванных охранять государственные интересы и хорошо усвоивших к этому времени истину, что «битву при Садовой выиграл не прусский капрал, а гимназический учитель». Однако в ответ на такого рода конъюнктурные соображения противники «классицизма» могли найти в «национальном» арсенале не менее убийственные аргументы *contra*.

Преподаватель Симбирской гимназии А.Н.Воробьев, ратовавший за создание в России класса «патриотов граждан, сильных духом и телом», решительно ополчился против ссылок сторонников «классицизма» на западный опыт: «...Запад нам не указка. Там своя культура, у нас своя; по крайней мере, должна бы быть своя. Для них классицизм нечто родное, для нас это чужестранец, занявший место родственников; наши государственно-народные и нравственные идеалы диаметрально различны с идеалами запада. Если там восхваление Гармония, Аристогидона и других quasi-героев имеет свой *raison etre*, то у нас оно прямо законопреступно. Восхваление афинской, спартанской и римской республик – (а не это ли содержание Цицерона, Саллюстия, Тацита, Ливия, Демосфена и Ксенофонта) будет звучать диссонансом с выработанными нашей историей идеалами; если там можно преклоняться перед Брутом, Цицероном и Демосфеном, то у нас это будет разрыв с народом, разрыв с прошлым России. Нет, идеалы римско-греческой культуры нам не подходят и воспитывать на них юношество – даже преступление»²³.

Правда заканчивался этот воинственный пассаж против «чужеродного паразита» весьма скромным предложением развивать идеи уваровской гимназии²⁴, которая, как известно, отнюдь не была порождением русского гения.

Однако вернемся от зигзагов, вносимых национализмом, к рассмотрению стандартного дискурса сторонников «классицизма». Как уже отмечалось, конформистская позиция министерства воодушевила их. Полагая, по-видимому, что лучший способ обороны – наступление, директор Феодосийской гимназии В.Ф.Гролих критически оценил идею П.Г.Виноградова об объединении гимназического и реального образования для младших учащихся и последующей индивидуализации в

²³ Там же. С.138.

²⁴ Там же. С.143. Ср. с выступлением И.Л.Бородина, заслуженного профессора Лесного института: «мы не римские граждане, и самый Запад ждет от нас не рабского подражания его путям, его ошибкам, – он ждет от нас самобытного, нового слова. Пускай ярые сторонники классицизма усматривают в столь ярко обнаружившейся феноменальной неспособности нашей к восприятию классической мудрости признак нашей отсталости, малой культурности нашего ума. Пускай иронизируют они, извращая нашу поговорку, “что немцу здорово, то русскому смерть”. А что, если скажем, даже мало культурный, но, несомненно, чуткий от природы ум давно уже понял инстинктивно то, что заставляет задумываться и Запад, что начинает подтачивать на самой его родине там, беспспорно, могучее дерево классицизма, – понял глубокую фальшь, лежащую в основе всей системы <...>. Снимите с нас это чужеземное иго западной рутин и развяжите нашу славянскую душу. Верните нам хотя бы дореформенную нашу гимназию». – Там же. С.224-225.

старших классах, высказанную историком на первом заседании комиссии. В таком подходе он усматривал отголоски обуявшего современное общество материализма. В выступлении сторонников «реализма» Гролих видел очередной «подкоп» утилитаризма под здание классического образования. Тем самым, эксплуатируя негативное отношение министерства к утилитарному подходу к обучению, он представлял прошлое взаимоотношений классической и реальной школы как ряд попыток утилитаризма подорвать незыблемые основы «классицизма».

В XVII – начале XVIII в. такую борьбу против основ классической гимназии вели рационалисты во главе с Лейбницем и филантрописты во главе с Базедовым, не говоря уже о представителях пиетизма. «Особенно назидательный в этом отношении пример безусловного господства в школе утилитаризма представляют попытки Базедова и его последователей, – развивал мысль Весселя Горлих, – которые с поразительной последовательностью силились провести во всей полноте утилитарное направление в школе и дошли положительно до Геркулесовых столбов, просто до абсурда». Несмотря на временное увлечение его системой Канта и Гете, и даже такой светлой личностью, как Гердер (здесь же упоминалось вызванное заманчивыми обещаниями и рекламами сочувствие императрицы Екатерины II и цесаревича Павла Петровича), утилитарная система потерпела крах. «...Открытые школы с утилитарным направлением исчезли, не пережив даже своих основателей и оставив нам в истории педагогики поучительный пример и убедительное доказательство того, какой не должна и не может быть общеобразовательная школа. Зато классическая школа, вовлеченная поневоле в эту борьбу и извлекая из нее все, что только было возможно, для собственного усовершенствования, вышла победительницей, вынырнув, словно сказочный феникс, из-под обломков и наслоений, нагроможденных на школьное дело поклонниками "тельца золотого"»²⁵.

Главная причина поражения утилитаризма заключалась в том, что многообразие потребностей жизни, с которыми вынуждена считаться такая школа, приводит к сокращению преподаваемых знаний до минимума и, как следствие, к подготовке невежд. Главным директором считал не количество, а качество преподаваемых предметов, способа их преподавания и процесса усвоения. Средняя школа должна открывать путь к высшему образованию. Однако такая критика оставляла открытым вопрос о значении классицизма для современности. Поэтому в другом своем выступлении Гролих подробно остановился именно на данном аспекте.

«Античный мир представляет нечто цельное, оконченное и в себе замкнутое. Поэтому он представляет наиболее удобный и благодарный предмет, изучая который мы можем совершенно объективно проследить историю развития народного и государственного *организма* от младенчества к дряхлости. Какая назидательная работа для пытливого ума – отыскать и выяснить те посредующие звенья, которые связывают начало исторической жизни народа с его концом в одну бесконечную цепь! Какое громадное значение для *правильного понимания и справедливой оценки исторического развития других народов за-*

²⁵ Там же.

ключается в тех явлениях данного жизненного пути, пройденного классическими народами, которые обосновывают их исчезновение с исторической сцены, как посылки – заключение»²⁶. (Курсив везде мой. – А.А.)

Используя популярную в конце XIX века лексику органического представления истории народов и государств, он определял способ изучения мертвых организмов античности как анатомию. При этом упускалось из виду, во-первых, что уже с 50-х годов в отечественной исторической науке, благодаря усилиям С.М.Соловьева, утвердилось «физиологическое» изучение истории; во-вторых, что правильное понимание и справедливая (т.е. нравственная и субъективная) оценка плохо увязывались со стремлением сторонников позитивного подхода к прошлому объяснить, а значит выявить объективные причины эволюции социальных организмов. К тому же метафора смерти едва ли могла использоваться для представления эволюционного прогрессивного развития общества, так как она предполагала разрыв исторического континуитета. Однако для проводников «классицизма» формирование у учащихся навыков понимания истории на основе изучения античности имело не только методический, но и практический смысл. Его откровенно выразил директор Историко-филологического института в Нежине Ф.Ф.Гельбке. Он рассматривал гимназическое образование как средство сохранения социальной стратификации и закрепления за ее выпускниками ведущих позиций в управлении обществом, что вполне устраивало министерство, но не могло получить одобрения «реалистов», в большинстве своем настроенных либерально и выступавших за демократизацию среднего образования.

Стремление противодействовать современным тенденциям общественного развития проявилось в другой особенности дискурса «классиков». Так же широко использовавший органическую лексику для представления истории директор Московской 5-й гимназии А.В.Адольф постоянно указывал на необходимость «при изучении всякого культурного явления обращаться к его началам», добираться до «корней», из которых вырастает современная наука и культура. Связывая отдаленное прошлое и современность, сторонники «классицизма» стремились показать вечный, непреходящий для всего человечества характер неизменных в своей основе ценностей античного мира. Наиболее полно это сделал во время дискуссий о целях средней школы ординарный профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф.Зелинский, сформулировавший 47 пунктов в защиту классического образования. В духе абстрактного обоснования рациональных основ классического образования он предпослал два ограничения своему обширному докладу: (1) показать исключительно образовательное значение античности, обходя

²⁶ Там же. С.201.

стороной вопросы, подсказываемые «школьной политикой»; (2) рассмотреть только теорию обучения, а не практику гимназий.

Одним из его главных аргументов стала многовековая традиция античной культуры, которая явилась базисом современной цивилизации, обогащала национальные культуры, прежде всего литературу. «Творцом немецкой художественной прозы был Лессинг, французской – скорее всего Бальзак старший, итальянской Бокаччио; все трое вполне сознательно подражали латинским образцам, особенно Цицерону», – приводил примеры в доказательство Зелинский, забывая при этом, что требуется еще доказать, что именно подражание сделало их основателями национальных литератур, а не отказ от подражания. Это было тем более непростительно для сторонника «классицизма», обязанного знать формальную логику, основы которой были заложены античными авторами. Особенно Зелинский подчеркивал значение «интеллектуалистического характера» древней литературы для современности²⁷. Утверждение господства неизменных начал разума средствами литературы дополнялось выявлением незыблемых «от начала и до конца» нравственных принципов в истории, которые не влияют на определение объективной значимости того или иного явления или идеи в прошлом. Тем самым нравственные оценки, которые оппоненты «классицизма» считали субъективными, становились у Зелинского неотъемлемым атрибутом объективных суждений органицистского толка.

Уже здесь (в античной истории. – А.А.) может быть схвачен, выяснен принцип эволюции, в которой участвуют и некоторые культурные и нравственные элементы, между тем как другие победоносно выносят ее натиск и остаются незыблемы от начала до конца: гомеровская община пала, но любовь Гомера к Андромахе из-за этого не стала анахронизмом. И все же, вместе взятые, все эпохи античности образуют почти общий, одинаково отстоящий фон для нашего времени; изучая его, мы получаем общую плоскость отправления для всех почти идей, которыми мы живем теперь. При этом нравственная оценка встречаемых явлений и идей, при всей своей важности, не имеет влияния на оценку их значения. Рабство, конечно, неприглядное явление; но оно ведь пало, и пало под натиском античных же идей об единстве человеческой природы; суд общественной совести, напротив, симпатичное, светлое явление – за то он и возродился вновь, после долгого затмения, под влиянием тех же античных идей. И так везде: дурное оказывается не жизнеспособным и гибнет, хорошее, будучи жизнеспособным, выживает²⁸.

Вместе с тем он пытался ответить и на критику сторонников «национальной школы», показывая, как менялась роль интегрирующего, обеспечивающего культурное единство европейских народов классического наследия на протяжении веков, и намечая перспективу на будущее.

²⁷ Труды... комиссии... Вып. VI. С.382-383.

²⁸ Там же. С.386.

«Девятнадцатый век пошатнул сознание этого единства той национальной дифференциацией, которая была его важной, плодотворной и необходимой задачей; задача двадцатого века – не менее важная, плодотворная и необходимая национальная интеграция, укрепление сознания культурного единства отдельных членов европейской семьи, а с ним и укрепление того элемента, который был и есть источником и условием этого единства. В силу культурных факторов, над которыми у нас власти нет, мы идем навстречу не падению, а к новому расцвету классического образования; и, подобно тому, как Россия была той державой, которая по великодушному почину нынешнего Государя положила основание той национальной интеграции, точно так же и то новое возрождение, навстречу которому мы идем, будет в противоположность к первому романскому возрождению XIV и XV века, ко второму, германскому возрождению конца 18 века – носить имя славянского возрождения»²⁹.

Таким образом, дискурс Зелинского являлся сложной амальгамой, в которой сплелись воедино противоположные принципы обоснования выдвигаемых положений. Основанный на рационализме, логически оперирующем вневременными категориями, он «осложнялся»³⁰ лексиконом национализма и эволюционизма, порождающим своеобразные смыслы. Националистическая лексика в сочетании с рационалистическими универсалиями оформляла телеологизм, выражающийся в миссионерском видении роли России, призванной в наступающем XX веке возродить непреходящие всеобщие ценности классического гуманизма. Понятие эволюционизм, заимствованное из органицистской аргументации, обозначало в таком контексте постоянное возвращение к вечным истокам, обосновывая консерватизм «классиков». Нетрудно заметить, что приведенный выше дискурс о роли России в мировой истории напоминал рассуждения в начале «первой николаевской эпохи» таких известных историков как М.П.Погодин и Н.А.Полевой, которые объединяли уходящий в прошлое (как казалось тогда) рационализм XVIII столетия с нарождающимся романтическим национализмом наступающего XIX века и завоевывающей умы просвещенного общества диалектикой.

Такому стилю рассуждения противостоял дискурс «реалистов». Его основой являлся последовательный органический эволюционизм, который понимался как постепенное изменение прогрессивного характера. Развитие общества, представлявшего сложный организм, определяло изменение его отдельных частей, одной из которых являлась школа. Тем самым утверждалась, с одной стороны, социальная обусловленность явлений, в том числе и явлений духовной жизни. С другой – конкретно-исторический подход, предусматривавший при объяснении возникновения и развития того или иного явления определение реальных

²⁹ Там же. С.389.

³⁰ Неологизм, предложенный Виноградовым для определения сути второго центра средней общеобразовательной школы, представляется весьма удачным и применимым в данном случае.

условий, вызывающих его рождение и изменение. Такой стиль позволял противникам классицизма строить альтернативное повествование о прошлом, настоящем и будущем классической школы.

Уже в одном из первых выступлений сторонника «реализма» и знатока европейских школьных систем В.М. Михайловского отмечалось изменение характера «единой цельной латинской школы эпохи реформации и возрождения» под влиянием «развития наук и национальных литератур»³¹. Наиболее последовательно в отношении западной традиции «классицизма» такой подход был проведен в выступлении чиновника особых поручений при Главном управлении военно-учебных заведений П.И. Книпера.

Для него классическая школа представляла «своеобразный патологический продукт исторических условий, результат чрезмерного школьного консерватизма»³². В средние века она была необходимостью, так как латинский язык был единственным средством приобретения полезных знаний. Но при этом язык приспособлялся к реальным нуждам, его «коверкали на все лады, всячески приспособляя его к своим надобностям». Однако к концу XVIII века латынь постепенно утратила характер литературного языка в Германии, оставшись лишь в школе. Греческий язык сравнительно поздно проник в образование. «Расцвет школьного эллинизма на западе совпадает с эпохой нового гуманизма, который сам по себе представляет одно из самых изумительных явлений культурной истории западного человечества», – определял конкретные условия утверждения школьного «классицизма» Книпер.

Новый гуманизм представлялся им как протест «даровитых немцев против неприглядной действительности», выразителями которого были Шиллер, Гете, Вольф, Тарш. Аргументация российских сторонников классической средней школы восходила, по мнению чиновника особых поручений, к аргументам «истинных законодателей» нового гуманизма, для которого было характерно презрение к живой современности. Поклонник нового гуманизма Вильгельм Гумбольдт в качестве прусского министра народного просвещения «содействовал насаждению эллинизма на немецкой почве». «Отсюда ведут свое начало все уродливости современного режима немецких классических гимназий, получивших основы своего современного устройства в цветущую эпоху нового школьного гуманизма (с 1808 по 1818 г.)»³³.

Изменения, произошедшие в течение XIX в., привели к тому, что «в виду запроса на реальные знания, все более усложняющихся международных отношений и возрастающего национального самосознания среди всех культурных народов» древние языки и литературы в средней школе, как обязательные для всех предметы общеобразовательного курса, особенно же как его существенная основа, стали анахронизмом. Вся история средней школы западных народов за последние три века, особенно со времен первых попыток во второй половине XVIII в. создать реальное образование со своими особыми целями, как нельзя красноречивее свидетельствовала, по мысли Книпера, о все

³¹ Там же. С.47 и сл. Михайловский в противовес Весселю указывал на сближение классической и реальной школ и поддержку этого процесса министерством образования в Германии.

³² Там же. С.299.

³³ Там же. С.303.

более настойчивых стремлениях новой культуры порвать с классическими преданиями. В соответствии с этим крепло сознание того, что «не древняя, а новая культура должна служить истинной основой общего образования, и, прежде всего, культура отечественная»³⁴.

Тем самым акцент переносился с истоков, с прошлого на современные тенденции, которыми определяются перспективы развития среднего образования в настоящем и будущем. При этом эволюционное приспособление к новым социальным условиям средней школы, как части общественного организма, выполняющего известные функции, должно идти, по мнению Книпера, естественным и нормальным путем, чтобы избежать рискованной, внезапной ломки. В этом отношении пример «немцев, норвежцев и англичан, типичных представителей школьного дела с резко выраженными национальными особенностями», стал весьма поучительным. Изменения в средней школе Германии представлялись выступающим таким образом, чтобы показать, «как античный наряд немецкой гимназии постепенно перекраивался по более современному образцу, все более утрачивая свои архаические особенности», что нашло свое выражение в сокращении часов на изучение классических языков, литератур и древностей. Особо Книпер указывал на то, что классическая средняя школа, выступая как «чистилище для получения высшего образования», являлась средством сохранения социального деления общества в Германии³⁵. Однако лучшие представители немецкого школьного дела, по его мнению, понимали, что будущность принадлежит не «ученой» школе, а гимназии с одним латинским языком и высшему реальному училищу.

О тенденции развития от классической к реальной школе свидетельствовал и опыт скандинавских стран. Среди них, по оценке Книпера, наиболее прогрессивные позиции принадлежали Норвегии, где после реформы 1896 г. классические языки были исключены из обязательной программы, а в Швеции после 1886 г. они были передвинуты в старшие классы. Но вскоре, предсказывал Книпер, основываясь на выявленной тенденции, они тоже будут исключены из числа обязательных предметов. В Дании также назревали подобные реформы. Даже в английской школе, «где тщательно оберегаются средневековые декорации», отчетливо прослеживались аналогичные тенденции. Здесь даже в аристократических школах (Итон) наряду с классическим отделением появились реальное и отделение для подготовки будущих сухопутных и морских офицеров. Хотя университеты (прежде всего Кембриджский и Оксфордский) все еще держались за экзамены по классическим языкам, чтобы не снизить уровень степеней магистра и бакалавра, «начальники больших школ», пользуясь академической свободой, сокращали объемы и снижали требования к изучению классических языков. «И в английской средней школе, как в немецкой и скандинавской, на первый план все более выступают требования по родному языку и литературе, сверх того по основным предметам, в небольшом числе в избранном каждом отделении, между которыми все отрасли реального знания при-

³⁴ Там же. С.305.

³⁵ Там же. С.314.

обретают все более первенство», – заключал Книпер ряд примеров, характеризующих тенденцию³⁶.

После того, как в ряде выступлений сторонников «реализма» было указано на современную тенденцию к сближению гимназий и реальных училищ, характерную для европейских стран, а некоторые сторонники классической школы попытались представить ее как национальную, задача Виноградова заключалась в том, чтобы вписать в европейский контекст развитие русской культуры, а вместе с тем и русской школы. Коль скоро сила и жизненность школы определялась ее тесной связью с сильным, жизненным культурным движением, то необходимо было определить направление этого движения для европейских стран и для России. В соответствии с европоцентристским видением цивилизационного процесса он представлялся Виноградовым не только в понятиях эволюционного совершенствования, но и географического распространения сначала по континенту, а затем и всему земному шару. В этот контекст вписывалась история западноевропейской школы, а также – российской.

«Когда Западная Европа воссоздавала среди насилия и невежества варваров право ума, логики и просвещения, она вырабатывала школу схоластическую; когда она стала искать идеалов красоты и свободного, личного творчества, она открыла эти идеалы в древности и стала учить им в классической школе. Классицизм школы был там продуктом возрождения, гуманизма, раннего и позднейшего, т.е. процесса совершенствования независимо от школы, вокруг нее, увлекавшего школу за собой и поддерживавшего в ней энтузиазм и положительную веру. Мы в России рецептировали классическую школу как раз в то время, когда она и у себя даже стала отживать среди нового могучего научного и индустриального движения. И на Западе уже вместо духа гуманизма она сбивается на "гимнастику ума", и на Западе расстроено согласие между общим научным и культурным движением и школьной жизнью. Но там, по крайней мере, есть память и традиция о славном прошлом; уже в них великая, одухотворяющая сила. Мы же не пережили с Западом гуманизма и возрождения и бессильны национально усвоить их дух. Как же нам быть, в каких исторических силах искать опоры при создании нашей школы?»³⁷

Обращение к национальным истокам, т.е. к допетровской Руси, по мнению Виноградова, было бесперспективным, так как она тогда не была «причастна наук и литературы». Ученик не только В.И.Герье, но и С.М.Соловьева, Виноградов прекрасно усвоил уроки по русской истории последнего. Поэтому он сравнивал значение античности для западноевропейской истории с той ролью, которую сыграла новоевропейская наука и литература в просвещении России.

<...> у нас тоже есть эпоха возрождения, когда мы открыли то, что нам было нужно, если не у предшественников, то у соседей. Стали учиться, а затем ма-

³⁶ Там же. С.317.

³⁷ [Виноградов П.Г. Рукопись выступления в комиссии 1900 г.] // Harvard Law School Library. Special Collections. Vinogradoff's Papers. Box 19. Folder 9. P.21.

ло помалу вошли в ряд, хотя и не в первый ряд, научного и литературного движения. Культура новой Европы с ее развитием положительной науки и с ее блестящей литературой послужили нам такой же помощью, как культура древней Европы послужила для Запада. Движение к развитию положительных наук, того, что англичане называют science, уже не чужды, не навязаны для русских. Они принимаются в нем участие и горячо им интересуются. Они сумеют внушить к нему интерес и воодушевление в школе, другая же сторона – словесная и гуманитарная еще легче найдет себе опору в литературе русской и новых народов. Наша славная литература доказала, что эпоха петровского возрождения была для нас не просто временем копировки и заимствований. Шекспир, Гете, Байрон, имеют для нас не только мировое, но и национальное значение – они действительно восприняты нашей жизнью, чего нельзя сказать о древних, как бы они ни были велики.

Повторяю, живая школа получит жизнь лишь от живой науки, а вместе с жизнью получит и свой образ. И ее, и ту новую литературу, на которую она опирается, следует выдвинуть на первый план в школе, тогда найдется и интерес в учителях и в учениках к изучению языка и словесности³⁸.

Формирование «живого образа» новой школы должно было учитывать как внутренние насущные потребности среднего образования в России, которые, по мнению Виноградова, были выявлены во время работы комиссии, так и наиболее передовые тенденции изменения систем обучения в европейских государствах. Потребность к сближению классического и реального образования, на которую указывали многие участники заседаний, не могла реализоваться в простом дополнении программ гимназий и реальных училищ, что привело бы к разрушению органической целостности каждого из этих типов. Оптимальным вариантом для Виноградова было создание нового типа общеобразовательной школы, состоящей из двух завершенных центров. Они должны были быть тесно взаимосвязаны между собой, чтобы средняя школа могла решать задачи, во-первых, обеспечения общей основы образования для всех учащихся вне зависимости от их дальнейшей судьбы и, во-вторых, создания базы знаний для тех, кто захочет продолжить обучение в высших учебных заведениях. Разделение на центры учитывало возрастную психологию учащихся и современные достижения методики преподавания, направленной на постепенный переход от наглядности, конкретного восприятия материала к абстрактному логическому мышлению³⁹. Выдвиг-

³⁸ Там же. P.22-23.

³⁹ Виноградов П.Г. Речь о средней общеобразовательной школе [в комиссии 1900 г.] // HSL. SC. Vinogradoff's Papers. Box 19. Folder 9. P.31-55. Выступление Виноградова представляло результаты деятельности подкомиссии по разработке нового типа общеобразовательной школы, утвержденной министром на четырнадцатом заседании комиссии 4 февраля. Подробно материалы ее заседаний представлены в вып.III «Трудов... комиссии». См. также обзоры: Фармаковский В.И. К вопросу о единой школе // ЖМНП. Ч.ССCLVIII. 1905. №4. Апрель. Отд.3. С.179-181; Степанов С.Л. Обзорение проектов реформы сред-

гая эту идею, Виноградов ссылаясь на тенденции развития образования в скандинавских странах, образовательные системы которых он изучил во время своей научной командировки в середине 1890-х годов.⁴⁰

Таким образом, Виноградов не только наиболее полно выразил критическое отношение значительной части комиссии к классической школе (составленную им записку с перечислением ее недостатков подписало 43 участника заседаний⁴¹), но и предложил основные принципы построения нового типа средней общеобразовательной школы. Однако его предложение было отвергнуто, поскольку показалось слишком решительным разрывом с устоявшимися традициями преподавания в средней школе на фоне их защиты сторонниками «классицизма». Не помогли ни максимальное сближение отмеченных в его записке недостатков классической школы с «жалобами», упоминавшимися в циркуляре министра, ни отказ от одиозных в глазах министерских чиновников положений об «олигархическом характере» классической школы, «тогда как историческое движение демократично», и о ее малой пригодности «по своему одностороннему характеру для страны, развивающейся в материальном отношении»⁴².

Такая оценка предложений Виноградова, возглавившего в комиссии выступление сторонников реального подхода к среднему образованию против классической рутины, парадоксальна. Органицизм, как способ аргументации, который последовательно использовался историком и его сторонниками, является наиболее адекватной формой выражения консервативных устремлений, как заметил Х.Уайт. В то время как абстрактный рационализм, лежащий в основе аргументационного стиля «классиков», предполагает в качестве своей формы механицизм, наиболее подходящий, по мнению того же Уайта, для выражения радикальных идеологий⁴³. Однако ни один из дискурсов никогда не выступает в чистом виде, что определяет возникновение причудливых сочетаний, как в рассмотренном случае.

Аргументом «классиков» являлось правило, которое представлялось ими в повествовании о западноевропейском опыте в виде отдельных случаев, воплощающих это правило. Соотнесение современной деятельности с этим правилом делало ее рационально обоснованной.

ней школы в России, преимущественно в последнее шестилетие (1899-1905) // ЖМНП. Новая серия. Ч. VII. 1907. №2. Февраль. Отд. 4. С. 81-84.

⁴⁰ Позже материал был обобщен П.Г. Виноградовым в статье «Борьба за школу на Скандинавском севере» (Вестник Европы. 1902. №3. С. 95-129.). В этом же году работа вышла отдельной брошюрой.

⁴¹ Hans N. History of Russian Educational Policy. L., 1931. P. 176.

⁴² [Виноградов П.Г. Рукопись выступления в комиссии 1900 г.] P. 27, 29.

⁴³ См.: White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore; L., 1973. Introduction.

Абстрактный, вневременной характер рационально обоснованных правил логически мог послужить основой для критики существующего положения вещей и требования их преобразования в соответствии с разумными началами. Однако в рассмотренном случае «нарратив примеров», как определил такого рода повествования Й.Рюзен, сочетался с традиционным нарративом, где главным аргументом является традиция⁴⁴. Ее сохранение означало для «классиков» сохранение *status quo* при их господствующем положении в гимназиях. В этих условиях их противники вынуждены были строить критическое повествование, альтернативное предлагаемому «классиками» и указывать не на преемственность в органической эволюции, а на изменение. Акцент тем самым перемещался с соотношения между прошлым и настоящим, где все связи казались устоявшимися, а возможности являлись реализовавшимися, – на соотношение между настоящим и будущим.

Для Виноградова и его сторонников направление процесса было очевидным. По сути, он представлялся им как завершенный («закрытый») процесс, в котором последнее слово принадлежало скандинавским странам. Для представителей министерства, которые оказались под перекрестным огнем противоположных аргументов, это не было столь же очевидным. Данный процесс скорее виделся им как «открытый» с возможностью непредсказуемого исхода. Поэтому, не рискуя поддержать утративший в глазах общественности всякий кредит доверия «классицизм», они не поддержали казавшийся им пока не оправданным опытом проект Виноградова. Предложения историка отдать его реализацию в руки общественности таюже не соответствовал видам министерских чиновников. Министерство предпочло реализовывать собственный план совершенствования подготовки учителей, в котором государство могло сохранить свое господствующее положение и тем самым, как казалось, эффективно влиять на положение дел в средней школе.

⁴⁴ См. подробнее: *Rüsen J. Studies in Metahistory. Pretoria, 1993. Chs.1, 4.* Первоначально опубликовано на немецком языке в: *Rüsen J. Zeit und Sinn. Strategien historischen Denkens. Frankfurt am Main, 1990.*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

М.А.Солопова

Из истории термина κοῦφα κρέα, или какое мясо полезнее человеку?

(к интерпретации двух фрагментов из «Никомаховой этики»
Аристотеля: *EN VI, 7, 1141b18-21* и *VII, 3, 1147a1-8*)

Цель настоящей заметки – обратиться к одному «естественнонаучному» примеру из «Никомаховой этики» Аристотеля и продолжить тем самым обсуждение достаточно давно отмеченной в исследовательской литературе об Аристотеле темы сближения этики и медицины в его сочинениях.

Внимательный читатель и сам мог бы назвать достаточное количество случаев, когда философ прибегает к примерам из медицинской практики, чтобы пояснить то или иное утверждение, как правило, из области логики или этики. Однако зачастую разъяснения, предлагаемые сыном врача Аристотелем, сами по себе оказываются для нас сегодня не вполне понятными, ведь античная физиология или биология часто остаются вне активного читательского кругозора.

На медицинские аналогии, используемые Аристотелем для иллюстрации природы и метода этики, впервые обратил внимание Вернер Йегер¹. Он отметил, что в книгах 1, 2, 6 и 10 «Никомаховой этики» Аристотель приводит медицину как пример для подтверждения следующих тезисов:

1. Этика – практическая, а не теоретическая наука; ее цель – не только знание, но и действие (как цель медицины – излечение недуга).
2. Этика рассматривает конкретные случаи; практическое знание зависит не только от знания истины как общего правила, но также и прежде всего от знания конкретных обстоятельств.
3. Философ-этик ищет знания человеческой души в ее целом.
4. В этике достаточно приблизительного уровня точности, в отличие от таких наук, как математика.

1. *Eth. Nic. VI, 7, 1141b18-21*, или О легком мясе

Интересующий нас аристотелевский текст содержится в шестой книге «Никомаховой этики» и подпадает под второй из четырех отме-

¹ Aristotle's use of medicine as model of method in his ethics, in: *Journal of Hellenic Studies*, LXXVII (Part 1), 1957, p. 54-61.

ченных Йегером общих случаев использования медицинской и около-медицинской проблематики у Аристотеля. Речь пойдет о соотношении общего и частного знания. В ходе обсуждения понятия φρόνησις (житейская рассудительность, практическая мудрость) Аристотель отмечает, что такая мудрость представляет собой знание не только общего, но и частного, ибо φρόνησις – это умение обдуманно действовать, а практическое действие всегда конкретно. Поэтому некоторые хотя и не знают точно, в чем состоит дело, но действуют все же успешнее тех, у кого есть всего лишь общее представление (см. Eth. Nic. VI, 7, 1141b14-21). И далее у Аристотеля следует пример. Мы приводим два варианта его перевода на русский язык (Э.Радлова и Н.В. Брагинской):

Если бы кто знал научно, что легкое мясо легко переваривается и здорово, но не знал бы, какое мясо легко, то он не восстановит здоровья; напротив, знающий, что мясо птиц [легко] и здорово, скорее восстановит здоровье.

Пер. Э.Радлова, цит по: Этика Аристотеля, пер. с греч. с прил. «Очерка истории греческой этики до Аристотеля» Э.Радлова. СПб., 1908. С. 114.

Так, если, зная, что постное мясо хорошо переваривается и полезно для здоровья, не знать, какое [мясо бывает] постным, здоровья не добиться, и скорее добьется [здоровья] тот, кто знает, что <постное и> полезное для здоровья [мясо] птиц.

Пер. Н.В.Брагинской, цит по: Аристотель. Собр. соч. в 4-х тт. Том 4. М., 1984. С. 180,

а также в оригинале:

εἰ γὰρ εἶδειν ὅτι τὰ κοῦφα εὐλεπτα κρέα καὶ ὑγιεινά, ποῖα δὲ κοῦφα ἄγνοοι, οὐ ποιῶσει ὑγίειαν, ἀλλ' ὁ εἰδὼς ὅτι τὰ ὀρνίθια [κοῦφα καί] ὑγιεινὰ ποιῶσει μᾶλλον.

* Trendelenburg

Интересующее нас в данном случае выражение τὰ κοῦφα κρέα у Радлова переведено как «легкое мясо», у Брагинской – «постное». Что значит «мясо легкое» и «мясо постное»? Какой перевод предпочтителен? Под «постным мясом», очевидно, следует понимать «мясо без жира». Это распространенное бытовое словоупотребление, которого нет, однако, в словаре Владимира Даля. У Даля упоминается, в числе прочих значений, постная еда («постный стол») в противоположность скоромной, т.е. постное – то, что разрешено вкушать в церковный пост. Но Аристотель, конечно же, не мог иметь в виду ничего подобного.

Итак, пусть «постное» – значит «нежирное». Но если «постное мясо» (свинина, говядина) – привычный оборот, то упоминаемая в том же фрагменте «постная птица» (утка, курица) звучит менее привычно, хотя, безусловно, и сегодня считается, что мясо птицы здоровее и легче усваивается организмом. Следует ли, в таком случае, понимать всю фразу в том смысле, что под «постным мясом» следует понимать мясо пти-

цы, а мясо прочих животных таковым не является? В таком случае, не ясно, в чем может состоять проблема с определением мяса как постного, ведь тогда достаточно просто отличать курятину от баранины.

Обратимся к другому варианту перевода – «легкое мясо». Это уже не кажется интуитивно ясным, между тем греческое *κοῦφα* означает именно «легкое». Здесь сразу возникает вопрос: насколько в данном случае совпадают значения понятий «постное» и «легкое». Одно ли и то же, например, «постная говядина» и «легкая говядина»? Да и вообще, имеет ли смысл сочетание слов «легкая говядина» в качестве примера «легкого мяса»?

Ответ на наши вопросы могла бы дать традиция использования понятия «легкое мясо». Но оказывается, что выражение *κοῦφα κρέα* достаточно уникально: оно не встречается более нигде в сочинениях Аристотеля, и вообще ни у кого из античных авторов. Еще раз наше загадочное «легкое мясо» встречается у двух византийских комментаторов Аристотеля – Евстратия, митрополита Никеи (XII в.), в его комментарии на шестую книгу «Никомаховой этики», а также у анонимного автора², которому принадлежит комментарий-парафраз на все десять книг «Никомаховой этики». В соответствующем месте его текста мы находим лишь дословное воспроизведение аристотелевских строк, как это обычно и бывает в школьных парафразах:

И в целом опытные всегда более способны практически действовать, чем те, кто знает общее. Ведь, например, если бы кто знал, что легкое мясо хорошо переваривается и здоровее, а какое это мясо не знал, он не стал бы здоровым; но тот, кто знает, что мясо птицы легкое и здоровое, скорее будет здоров. Итак, поскольку житейская рассудительность есть навык практический, то оно должно обладать и тем и другим [знанием], но все же прежде всего – частным, ибо с помощью одного только знания общего не может быть практической деятельности.

(In *Eth. Nic. Paraphr.*, 122,39-123,3 Heylbut)

А в комментарии Евстратия находим более пространственный комментарий *ad locum*:

Вслед за этим [Аристотель] приводит пример, но уже не политический, а медицинский, желая показать не только для житейской рассудительности, ко-

² Возможно, это Гелиодор из Прусы (14 в.), иначе как автор этого комментария не известен. Более вероятно, что автором парафраза был Константин Палеокаппа (менее всего вероятно, что это комментарий принадлежит Андронику Родосскому или неоплатонику Олимпиодору, которые также упомянуты переписчиками рукописи). Текст комментария издан в серии *Commentaria in Aristotelem Graeca*, и в сокращенном названии выбор сделан в пользу Гелиодора (*Heliodori in ethica Nicomachea paraphrasis*), полное же название звучит так: *In ethica Nicomachea paraphrasis pseudepigraphum olim a Constantino Palaeocappa confectum et olim sub auctore Heliodoro Prusensi vel Andronico Rhodio vel Olympiodoro*, ed. G. Heylbut, in: *Commentaria in Aristotelem Graeca* 19.2. Berlin: Reimer, 1889: 1-233.

торая является политической добродетелью, но и для всякого действия, что сказанное им истинно, и говорит, что 'если знать безусловно, что легкое мясо хорошо усваивается и здорово, но не знать, какое мясо легкое, здоровья не укрепить', ибо безусловно знающий, что легкое мясо здоровее, но не знающий, какое легкое, не знает, каким же мясом следует питаться, чтобы быть здоровым. Такой человек или вообще не будет есть мяса по причине своего незнания, ибо побоятся съесть чего не следует, или будет путать легкое мясо с тяжелым. Но на опыте знающий все частные подробности, именно, что легко и здорово мясо птицы, будет здоров.

(In Eth.Nic., 335,26-34 Heylbut)

Здесь интересна не только обозначенная перспектива стать вегетарианцем «по причине своего незнания», но в особенности противопоставление мяса тяжелого и легкого. Если о «легком мясе» источники молчат, то термин «тяжелое мясо» встречается у Гиппократов. В сочинении «О диете» (Περὶ διαίτης 46, 1-16 Littré) говорится, что тяжелым (κρέα βαρέα) является мясо «четвероногих»:

О животных, годных в пищу, следует знать следующее. Говядина для желудка тяжела, долго и плохо переваривается, отчего это животное признано тяжело- и полнокровным; мясо таких животных тяжело, тяжела мякоть плоти, и кровь, и молоко. А у тех, чье молоко легко, у тех и кровь легка, и мясо такого же качества. Козлятина легче говядины и лучше переваривается. Свинина более питательна, чем козлятина, и переваривается достаточно хорошо, потому что жилы в таком мясе сравнительно тонки и крови в них не так уж много, а собственно мяса много. Баранина легче свинины, а мясо молодых козлят – мяса взрослых коз, потому что последние полнокровнее и влажнее.

Отметим сравнительную степень «легче» (κουφότερα) применительно к характеристике качества мяса, что позволяет предположить, что выражение «легкое мясо» вполне традиционно и что источником для Аристотеля были сочинения гиппократовского корпуса. Далее у Гиппократов отмечается, что мясо молодняка легче мяса взрослых особей, а среди взрослых мясо самцов тяжелее, чем мясо самок. После обсуждения четвероногих следует классификация мяса птиц, и что любопытно, здесь у Гиппократов тяжелое мясо противопоставляется не легкому мясу, а «сухому» (ξηρά):

О птицах же следует знать следующее. Мясо почти всех птиц суше, чем мясо четвероногих. Все, у кого нет мочевого пузыря, кто не мочится и не выделяет слюну, имеют сухое мясо (...). Суше всего мясо дикого голубя, потом голубя обыкновенного, затем идет куропатка, петух и горлица, влажнее всего – дикий гусь.

(De diæta II, 47 Littré).

Таким образом, выясняется, что легкость мяса определяется не тем, есть ли в нем жир, а тем, насколько полнокровно животное. Перевод κοῦφα κρέα как «постное мясо» может привести к недоразумению, ведь говядина вполне может быть названа *постной*, если в ней нет жира, но никак не может быть названа *легкой*, будучи самым тяжелым мясом.

Что касается переводов нашего фрагмента из «Этики», например, на английский язык, то в переводе Рэксэма (H. Rackham), изданном в серии Loeb Classical Library, *ὀρνίθεια* (мясо птицы) один раз переведено как «легкое», а другой раз – как «куриное» (chicken):

If a man knows that *light* meat is easily digested and therefore wholesome, but does not know what kinds of meat are *light*, he will not be so likely to restore you to health as a man who merely knows that *chicken* is wholesome (p. 347).

Точно так же переводит и Росс (дважды *light* и последний раз *chicken*). На это можно заметить, что в соответствии с гиппократовской классификацией это правильный вариант диетического питания и весьма проясняющий перевод, хотя и, что называется, «интерпретирующий» – ибо если бы Аристотель желал сказать «курица» и «куриное мясо», он использовал бы для этого соответствующее греческое слово. Он же обошелся специфическим термином из языка медиков.

И наконец, резюме в духе практической диетологии: если задаться целью укрепить здоровье и питаться исключительно легким мясом, то при выборе из наиболее доступного птичьего мяса (а таковы скорее куры, чем куропатки и голуби), то между петухом, курицей и цыпленком следует выбирать последнего, – согласно Гиппократу и Аристотелю.

II. *Eth. Nic. VII, 3, 1147a1-8, или О пользе сухости*

В связи с рассуждениями о «легком мясе», как представляется, весьма интересна и другая фраза из «Никомаховой этики», но уже из книги седьмой. В опубликованных русских переводах она звучит так:

Коль скоро посылки бывают двух видов, ничто не мешает, имея обе, поступать вопреки знанию, а именно применять знание общей посылки, а частной нет; между тем поступки – это частные случаи. Более того, может быть различие и внутри [знания] общего, ибо оно может относиться к самому [действующему лицу], а может к предмету, например, [знание], что «всякому человеку полезно сухое», [предполагает и знание], что сам я – человек или что такое-то качество – сухость. Однако, имеет ли данная вещь данное качество, человек либо не знает, либо не употребляет [свое знание] в дело.

Пер. Н.В. Брагинской, цит по: Аристотель. Собр. соч. в 4-х тт. Том 4. М., 1984. С. 196.

Так как всякое заключение имеет две посылки, то ничто не мешает, имея обе посылки поступать против знания, применяя общее знание, а не частную посылку, а деятельность имеет дело с частным. Однако и относительно общего есть разница, касается ли оно самого человека, или же предмета, например, что «всем людям полезно сухое», или же – что «это человек», или же – что «этот предмет сух». Может случиться, что именно этого-то [специального знания] человек или не имеет, или оно не действует [не создается].

Пер. Э. Радлова, цит по: Этика Аристотеля, пер. с греч. с прил. «Очерка истории греческой этики до Аристотеля» Э. Радлова. СПб., 1908. С. 114.

Если обратиться к опыту перевода данного фрагмента на английский язык, то станет очевидно, что использованный Аристотелем при-

мер не был исследователям совершенно ясен. Так, Рэхам счел возможным прибегнуть к несколько вольному переложению оригинала, в целом не характерному для него как для переводчика:

... Например, человек может знать и понимать, что для всех людей хороша сухая пища, и что сам он – человек, или даже что пища определенного качества является сухой, но или не владеет, или не использует в действительности знание о том, является ли вот эта данная пища пищей или является ли она сухой (the particular food before him is food or that kind).

В переводе Росса все рассуждение выглядит так:

И есть два вида общих терминов: один выступает как предикат субъекта, другой – объекта, например, «сухая пища хороша для каждого человека», и «я – человек» или «такая-то пища является сухой»; но относительно «эта пища такая-то» невоздержный человек либо не имеет знания, либо не использует его в действительности.

Итак, согласно имеющимся переводам оказывается, что всякому человеку полезно то ли «сухое» (климат? одежда?), то ли «сухая пища» (сухари?). Причем русские переводчики «сухое» трактуют максимально неопределенно – все что угодно сухое полезно всякому человеку. Остается не понятно, какому человеку может быть не понятно, что данный ему предмет сух.

Чтобы все-таки разобраться с примером Аристотеля, попытаемся прежде всего понять контекст его употребления. Этот контекст не разъяснит нам смысл примера, но хотя бы не будет создавать впечатления, что в этом не самом прозрачном рассуждении философа не понятно все с первой до последней буквы.

В третьей главе седьмой книги «Никомаховой этики» (см. VII, 3, 1147a1-8) Аристотель продолжает обсуждать апории, связанные с понятием невоздержности как порока. Одно из ряда сформулированных Аристотелем затруднений составляет следующее: как невоздержный человек может совершить ошибку и поддаться чувственной страсти, хотя отлично знает, что эта страсть дурна? Аристотель говорит, что ошибка суждения может возникнуть оттого, что человек поступает согласно общему знанию (=знанию общей посылки), а знание частной посылки у него не задействовано. Общей является большая посылка силлогизма, меньшая посылка является частной, т.е. она представляет собой применение общего правила к данному случаю. И далее Аристотель говорит, что применение общего правила логически требует двух силлогизмов.

Более того, может быть различие и внутри [знания] общего, ибо оно может относиться к самому [действующему лицу], а может к предмету, например, [знание], что «всякому человеку полезно сухое», [предполагает и знание], что само я – человек или что такое-то качество – сухость.

Пер. Н.В.Брагинской.

Рэхам дает следующее пояснение:

В первом силлогизме упомянутый в большей посылке термин, относящийся к субъекту, в меньшей посылке выступает как предикат некоторого конкретного лица, например:

Сухая пища полезна (good) для всех людей,
Я – человек,
Следовательно, сухая пища полезна для меня.

А во втором силлогизме другой общий термин в меньшей посылке выступает как предикат некоего конкретного предмета, который является предметом выбора конкретного лица, (например):

Сухая пища полезна для меня,
Эта сухая булка – сухая пища,
Следовательно, эта черствая булка полезна для меня.

Именно меньшей посылки второго силлогизма (т.е. применение общего правила не к самому лицу, а к предмету) и не знает невоздержный, или не думает о ней в данный момент.

Рэкхам, р. 388-89 (note a):

Разъяснив смысл логического рассуждения, мы приобрели одно интересное уточнение: под «сухой пищей» Рэкхам понимает черствую булку, и таким образом, по его мнению, речь у Аристотеля идет о сухарях. Или скажем осторожнее: Рэкхам допускает, что Аристотель мог иметь в виду, например, сухари, когда приводил свой пример. Сухари, действительно, полезны. Но точно ли о сухарях речь?

У примечания Рэкхама есть и продолжение:

«Эта иллюстрация несколько смазана в тексте тем, что Аристотель вставляет другую меньшую посылку: ἢ ὅτι ξηρόν τὸ τοῖόνδε: или та пища определенного качества (т.е. черствая булка) суха. Было бы достаточно написать ἄλλ' εἰ τόδε ξηρόν: но является ли это (черствая булка) сухим».

Достаточно показательное недоразумение, и всецело зависит от неверно понятых реалий аристотелевского примера. Дело в том, что Аристотель написал меньшую посылку в том виде, в каком он ее написал, потому что имел в виду вовсе не определение с помощью органов чувств, является ли вот эта булка сухой (ибо какая может быть проблема с определением этого?). Наше предположение состоит в том, что в данном случае Аристотель имел в виду сухость не булки, а мяса (использовав тот самый гиппократовский термин) и, соответственно, имел в виду конкретное *знание* того, является ли некоторое мясо сухим, а не простое *рассматривание* или ощупывание некоторого куска мяса (или булки, как у Рэкхама). Поэтому Аристотель предпочел сказать «является ли вот такое [мясо] сухим», ибо речь, повторимся, в знании определенного качества, а не в восприятии некоторой единичной сущности.

Можно было бы еще обратиться за разъяснениями к византийским комментаторам «Никомаховой этики». Оказывается, у них были свои идеи по поводу сухости, вследствие чего горизонт понимания того, что значит «полезно сухое», может быть творчески отодвинут за пределы съедобных сущих. Итак, Гелиодор, по обыкновению, близко к тексту пересказывает текст Аристотеля, см. 140, 26-32 («если бы кто знал, что

значит «полезно сухое», может быть творчески отодвинут за пределы съедобных существ. Итак, Гелиодор, по обыкновению, близко к тексту пересказывает текст Аристотеля, см. 140, 26-32 («если бы кто знал, что полезно сухое, но не знал, что вот это – сухое, нисколько не воспользовался бы полезностью сухого» и т.д.). Но в заключении пересказа он оставляет аристотелевский пример с сухим и сухостью, и в его силлогизмах уже фигурирует не «вот это сухое», а «зллебор»:

1.	2.
Всем людям вреден зллебор.	Всякий зллебор вреден.
Я – человек.	Вот это – зллебор.
Следовательно, мне зллебор вреден.	Следовательно, вот это вредно.

И поясняет, что в первом случае познание частного непосредственно связано с познанием общего (ибо каждый про себя знает, человек ли он), а во втором частное не связано по необходимости с познанием общего, потому и можно ошибиться. Вот только сам Аристотель в своем рассуждении об зллеборе ничего не говорит.

Известно, что зллебор упоминается в этиках Аристотеля в сходных контекстах различения частного и общего знания, о чем было сказано в начале статьи. Для сравнения:

«Никомахова Этика», V, 9, 1137a15

Знать это – труд больший, чем знать, что полезно для здоровья, так как даже в этом случае легко знать, что полезны и мед, и вино, и зллебор, и прижигание, и вскрытие, но знать, как нужно применить это к здоровью, для кого и когда, столь же большой труд, как и быть врачом.

«Большая этика» II, 3, 1199a35

Тут дело обстоит как во врачебной науке: все мы знаем, что целебно вообще и что приносит здоровье, знаем, что зллебор, слабительное, надрезы и прижигания целительны и приносят здоровье, однако мы не владем врачебной наукой, потому что не знаем, что благо в каждом отдельном случае, как знает это врач, знающий, для кого именно бывает хорошо такое-то средство, когда именно и при каком состоянии.

Можно сказать, что растение зллебор (русский перевод «чемерица») на страницах комментария Гелиодора появилось вполне закономерно. Вот только растение это, считавшееся ядовитым («вредным») в малых дозах применяли как рвотное средство – так не эту ли «сухость» имел в виду Аристотель по мнению Гелиодора? И это еще одно толкование, вполне физиологическое.

В другом же византийском комментарии Анонимного автора³ никаких новых тем толкования «сухости» не вводится; комментатор, пере-

³ ANONYMI In ethica Nicomachea vii commentaria, ed. G. Heylbut, Eustratii et Michaelis et anonyma in ethica Nicomachea commentaria Commentaria in Aristotelem Graeca 20. Berlin: Reimer, 1892: 407-460. Этот комментарий написал дру-

сказывая текст, предполагает, видимо, самый широкий смысл слова «сухость» и самое широкое понимание полезности ее для человека. Правда, в одном месте кажется, что при построении силлогизмов он находит новые нюансы в смысле слова «сухость» в отношении ее полезности для человека, достаточно курьезные (419,1-5):

Например, всякому человеку полезно сухое, т.е. большая посылка относится к субъекту, и потому по необходимости должна быть ясна и частная, например, что я – сух (ἐγὼ ξηρός εἰμι), и почему мне полезно сухое. Или же: этот – сухой, поскольку он человек, и потому ему полезно сухое.

В остальном комментарий и схолии Гелиодора весьма близко связаны.

Обращение к разного рода комментариям не разрешает основных недоумений, хотя и умножает варианты толкований. В сущности, если «сухость» понимать как «вообще сухость», то пример Аристотеля становится бессмысленным и бессодержательным. А если остановиться на вызывающем наибольшее доверие варианте с полезностью «сухой пищи», то нужно будет, во-первых, согласовать все это с прямо противоположным высказыванием Аристотеля о сухой (=твердой) пище, которое находим в «Проблемах»⁴:

Почему все остальные животные питаются больше сухой пищей (ξηρὰν τροφήν), чем жидкой (ὕγρὰν), а человек – больше жидкой, чем сухой? Не потому ли, что по природе более горяч? Вот он и нуждается в большем охлаждении.

Problemata 897b19-22:

Во-вторых, в оригинале стоит τὰ ξηρά, и надо бы понять, какое существительное мыслится пропущенным в τὰ ξηρά? Пища – ἡ τροφή, множественное число αἱ τροφαί, так что не может быть τὰ ξηρά.

Таким образом, лучше всего и грамматически, и по смыслу, подходит вариант с «сухим мясом», τὰ ξηρὰ κρέα, которое и будет «полезно» для здоровья. Можно вспомнить, что у Платона в «Государстве» есть выражение о «пользе говядины» (Платон. Государство, 338с8: Συμφέρει τὰ βόεια κρέα), встречается также устойчивый оборот «быть полезным для здоровья» (Платон. Законы, 778е7: Πρὸς ὑγιεῖαν... συμφέρει). Быть может, Аристотель был столь лаконичен в своем проясняющем примере еще и в виду того, что такие обороты речи были в активном словаре слушателей Академии.

гим анонимным автором, не тем, который написал упомянутый нами выше анонимный комментарий к шестой книге «Никомаховой этике».

⁴ Скорее всего, «Проблемы» написаны не самим Аристотелем, но кем-то из его ближайших учеников. Во всяком случае, сочинение это выдержано в школьных традициях и только развивает учение Аристотеля, ни в чем не противореча ему.

М.С.Петрова

I

Макробий Амвросий Феодосий (просопографический очерк)

Макробий Амвросий Феодосий (fl. перв. пол. V в.) – латинский автор эпохи поздней римской империи. Его перу принадлежат *Сатурналии* (*Saturnalia*), *Комментарий на 'Сон Сципиона'* (*Commentarii in Somnium Scipionis*) и грамматическая работа *О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов* (*De verborum graeci et latini differentiis vel societatibus*)¹.

Из-за отсутствия письменных свидетельств современные исследователи не располагают возможностью точно установить место и время рождения писателя, определить род его занятий и положение в обществе. Но на протяжении многих десятилетий ученые² предприни-

¹ *Сатурналии* дошли до нас в неполном виде: утрачены начало и конец III и IV книг, заключительная часть VII книги. Грамматическая работа *О глаголах* сохранилась во фрагментах, которые встречаются под различными названиями, например, *Ex libro Macrobbii Theodosii de verborum graeci et latini differentiis vel societatibus quae extant* (*Сохранившееся из книги Макробия Феодосия о различиях и сходствах греческих и латинских глаголов*). Лишь *Комментарий* сохранился полностью.

² См.: P.Courcelle, *Les lettres grecques en Occident de Macrobe à Cassiodore* (1943); Macrobius. *Commentary on the Dream of Scipio*, trans., introd., notes by W.Stahl (New-York, 1952; 1990); A.Cameron, "The date and identity of Macrobius", *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 14 (London, 1966), pp. 25-38; A. Cameron, "Macrobius, Avienus, and Avianus", *The Classical Quarterly*, New Series vol. XVII, 2 (Vol. LXI of the continuous series), November 1967 (Oxford: Clarendon Press. London, New York, Toronto, Melbourne), pp. 385-399; Macrobius, *The Saturnalia*, trans, introd., notes by P.V.Davies (New York and London, Columbia University Press, 1969); J.Matthews, *Western aristocracies and imperial court. A.D. 364-425* (Oxford, Clarendon Press, 1975); J.Flamant, *Macrobe et le Néo-Platonisme Latin à la Fin du IVe Siècle* (Leiden: E.J.Brill, 1977); J.R.Martindale, *The Prosopography of the Later Roman Empire*, III vols. – vol. II: A.D. 395-527 (London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1980); St.Gersh, *Middle platonism and Neoplatonism. The Latin Tradition*, vol. II (Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1986); *Macrobbii Theodosii de Verborum Graeci et Latini Differentiis vel Societatibus Excerpta*, ed. P. de Paolis (Urbino: Quattro Venti, 1990). На русском языке см.: В.И.Уколова «Комментарий на Сон Сципиона Макробия и средневековая философия», *Из истории философского наследия древнего средиземноморья*, часть II (М.: ИФ РАН, 1989), сс. 135-160; А.Ф.Лосев, А.А.Тахо-Годи, «Макробий и Марциан Капелла – философствующие писатели поздней античности», *Античность в контексте современности* (М.: Изд-во МГУ, 1990);

мали попытки отождествить автора с реальным историческим лицом и высказывали предположения о времени жизни и деятельности человека, чье полное имя и титулы –

Macrobius Ambrosius Theodosius, v[ir] c[larissimus] et inl[ustris] –
Макробий Амвросий Феодосий, светлейший и сиятельный муж

– приведены в подписи к первому изданию *Комментария*, выполненному Аврелием Меммием Симмахом и Макробием Плотинем Евдоксием. Подпись такова³:

AVR. MEMM. SIMMACHVS VC EMENDAVAM VEL DISTING. MEV RAVENNAE CV
MACROBIO PLOTINO EVDOXIO VC. MACROBII AMBROSII THEODOSII VC ET INL. DE
SOMNIO SCIPIONIS LIB PRIM' EXPLIC. INCIPIT SECVNDVS –

Я, Аврелий Меммий Симмах, светлейший муж, вместе с Макробием Плотинем Евдоксием, светлейшим мужем, исправил и разделил в Равенне, [Комментарии на] *Сон Сципиона* Макробия Амвросия Феодосия, мужа светлейшего и сиятельного. Конец первой книги, начало второй.

В настоящей статье проблемы идентификации автора, определения места его происхождения, времени жизни, рода занятий решаются на основании тех немногочисленных данных, которые имеются в его работах⁴, и обширного просопографического материала, относящегося к периоду конца IV – начала V веков.

Происхождение, имена и титулы писателя

Слова Макробия «рожденный под другим небом» (*Sat. I praef. 11*)⁵ указывают на то, что он не был римлянином⁶. Вероятно, они означают Северную Африку, которая в те времена была местом рождения многих одаренных людей⁷. Имена «Макробий, Амвросий, Феодосий» –

В.И.Уколова, *Поздний Рим. Пять портретов* (М.: Наука, 1992); А.Ф.Лосев, «Макробий», *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*, т. VIII (2 часть) (М.: Искусство, 1992).

³ Текст подписи приводится по изданию *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in somnium Scipionis*, ed. I. Willis (Lipsiae, 1963), p. 94. Эта подпись встречается полностью лишь в двух манускриптах: Parisinus 6371 (XI в.) и Parisinus 6370 (век не указан), хранящихся в Парижской Национальной Библиотеке. В остальных – имеются лишь сходства с приведенным выше текстом. Далее, упомянутые здесь манускрипты обозначены, соответственно, (P) и (S)).

⁴ См. прим. 5, 34 и 55.

⁵ См.: *Sat. I, praef. 11*: «nos sub alio ortos caelo». Также см. *ibid. 12*: «si in nostro sermone nativa Romani oris elegantia desideretur – если нашему языку будет недоставать природного изящества римской речи».

⁶ Здесь мы употребляем это слово в топографическом, а не в юридическом смысле.

⁷ Например, выходцами из Северной Африки были Тертуллиан, Лактанций, Августин, Марциан Капелла. О последнем авторе см. нашу статью «Марциан Капелла: просопографический очерк», *Диалог со временем* 2 (М.: УРСС, 2000), сс.110-140.

греческие⁸. Скорее всего писатель получил их от латиноязычных родителей⁹, но среди его предков могли быть выходцы из Греции. «Макробий» могло быть личным именем писателя, поскольку оно стоит на первом месте (praenomen)¹⁰. Тогда «Амвросий» было родовым именем его отца (nomen gentile), а «Феодосий» – матери. Вероятно по последнему из имен наш автор был известен своим современникам. Подтверждением этому служит и то, что он сам называл себя «Феодосием»¹¹, и письмо-обращение к нему баснописца Авиена¹². В рассматриваемое нами время (IV–V вв.) многие государственные деятели и ученые мужи были известны в обществе по последнему из своих имен, к примеру – Веттий Агорий ПРТЕКСТАТ (ок. 320–384 гг.), Вирий Никомах Флавиан (втор. пол. IV в.), все Симмахи. Чуть позднее – Аниций Манлий Торкват Северин Бозций (480–524/5 гг.) и Магн Флавий Аврелий Кассиодор СЕНАТОР (490– после 585 гг.)¹³.

⁸ Сам Макробий не был греком. Это подтверждается его отстраненной манерой цитирования греческих слов. Он часто употребляет выражения типа: «как говорят греки..., мы же говорим...», что позволяет сделать вывод о том, что «pos» Макробия означает его самого, говорящего на латинском языке. Например, Sat. I, 15, 16: «quod Graeci ideiv dicunt, nos v littera addita videre dicimus – то, что у греков говорится ideiv (видеть), мы, добавляя букву "v", произносим "videre"»; Comm. I, 5, 9: «planities vero quam Graeci ἐπιφάνεια vocant – поверхности, которые греки называют ἐπιφάνεια» и пр. На противопоставлении «мы, латиняне – они, греки» построена и работа De verborum. Но есть и иные примеры: Аммиан Марцеллин, грек по-рождению, пишет на латинском языке, используя первое лицо в таких объяснительных фразах, как: «Machina... quam ἐλέπολιν Graeci cognominamus – машина..., которую мы, греки, называем ἐλέπολιν». См.: Аммиан Марцеллин, *Римская история* XXIII, 4, 10 (СПб.: Алетейя, 1994), с. 284. На принадлежность Макробия к латинской семье указывают его произведения, написанные на латинском языке.

⁹ Присвоение греческих имен было данью моде на эллинизм. Примером могут служить имена Аврелия Амвросия Медиоланского, родившегося в Галлии, в римской семье. Амвросий – родовое имя его отца, роду Аврелиев принадлежала его мать. См. А.Пареди, *Святой Амвросий Медиоланский и его время* (Милан: Христианская Россия–Италия, 1991), с. 8.

¹⁰ Несомненно, что сам Симмах перечислил имена автора в верном порядке.

¹¹ De verb. 613k: «Theodosius Symmacho suo salutem dicit – Феодосий приветствует Симмаха».

¹² Об имени баснописца и о его письме-посвящении Феодосию см. ниже: III. «Баснописец Авиен и Макробий Феодосий», сс. 185–191.

¹³ Об именах Кассиодора следует сказать особо. Сам автор называл себя «Сенатором». См. первые строки приветствия или обращения к корреспондентам: Cassiodorus, *Variarum libri duodecim* XI, epist. 1-10; 14-16; 36-39; XII, epist. 1-12; 14-15; 18-27, (ed. A.Fridh, 1973). Например, XI, 1: «Senatui urbis romae senator p[raefectus] p[raetori]o... Сенату города Рима Сенатор префект претория»; XI, 2: «Iohanni papae senator p[raefectus] p[raetori]o... Пале Иоанну Сенатор префект претория...». Под именем Сенатор этот человек традиционно был известен среди современников как при своей жизни, так и спустя некоторое время после смерти. Лишь в VIII в. Павел Дьякон (720–799 гг.) нару-

Однако в более поздних манускриптах автор значится только как «Макробий»¹⁴. Скорее всего, это произошло по причине редкости этого имени (по сравнению с двумя другими) и его легкой запоминаемости. Но может быть и такое объяснение: «Макробий» могло быть прозвищем писателя¹⁵, присвоенным ему современниками вследствие долгой его жизни¹⁶. Впрочем, это лишь допущение, поскольку известны и другие «Макробии». Например, Флавий Макробий Максимиан¹⁷ и Флавий Макробий Лонгиниан¹⁸. Будучи Флавиями, они несомненно находились между собой в родственных отношениях¹⁹. Есть и еще один Макробий – Макробий Плотин Евдоксий – уже упомянутый нами издатель *Комментария*²⁰. Однако, не сохранилось сведений о том, чтобы кого-нибудь из них называли только «Макробием».

Встречается и иной порядок, когда отсутствует одно из имен писателя. Как правило, пропущено имя «Ambrosius» (иногда –

шил традицию. В своей *Истории лангобардов* 1,25 он впервые назвал его Кассиодором, посчитав имя Сенатор должностью (хотя Кассиодор никогда не был сенатором). С тех пор стало употребляться имя Кассиодор. Об этом см. Е.Ч.Скржинская, «Иордан и его *Getica*», *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica* (СПб.: Алетейя, 1997), с. 28.

¹⁴ Например: *Ex libris Macrobie de differentia stellarum et siderum – Из книг Макробия о различиях планет и звезд.*

¹⁵ Такие прозвища часто давались как греками, так и римлянами. Например, Платон при рождении был назван Аристоклом. Прозвище «Платон» (πλάτων – широкий) он получил позднее, за отличительные внешние качества (или за широкую грудь, или за высокий лоб – см.: Диоген Лазертский III,4). У римлян были как латинские прозвища (Цицерон (cicer – горех); Пилумн (pilum – пестик); Пизон (pinso, pinsere – толочь, растирать), Лентул (lens – чечевица), Брут (brutus – косный, туповатый)), так и прозвища, восходящие к греческому языку (Сципион (σκίπων – палка, посох, жезл). Римские прозвища могли передаваться из поколения в поколение (например, Сципион, Цицерон и др.).

¹⁶ Это слово имеет определенное значение: μακρόβιος – долгоживущий, долговечный. Можно привести пример подобного прозвища: Flavius Paranius ὁ καὶ Μακρόβιος – Флавий Параний, как Μακρόβιος (Долгожитель). См. Cameron, "The date...", p. 26 (n. 20).

¹⁷ О нем см. с. 170.

¹⁸ Сохранилась латинская надпись (см.: H.Dessau, *Inscriptiones Latinae selectae* (Berlin, 1892-1914, 2 ed. 1954-1955), vol. I-III, № 797), в которой упомянуто имя Флавия Макробия Лонгиниана: «Сенат и народ римский императорам Цезарям, нашим господам, непобедимейшим принципсам Аркадию и Гонорию... по совету Стилихона, светлейшего и сиятельного мужа, комита и магистра обоих родов войск, поставил статуи чтобы увековечить их имена под наблюдением Флавия Макробия Лонгиниана, светлейшего мужа, префекта города [Рима]...», пер. Е.В.Федоровой с небольшими изменениями. См.: *Латинские надписи* (М.: Изд-во МГУ, 1976), сс. 226-227, там же приводится латинский текст надписи (нерасшифрованной – с. 129 и расшифрованной (№ 248) – с. 163).

¹⁹ Принадлежность нашего Макробия к этому роду установить не представляется возможным.

²⁰ Подробнее о нем см. сс. 173-175.

«Theodosius»). Например, Бозций и Кассиодор называют писателя «Macrobius Theodosius»²¹. Если предположить, что одно из двух упомянутых имен (например, «Theodosius»²²) было прозвищем, то тогда в официальной речи писатель был бы известен как «Макробий», а в частной жизни – как «Феодосий». В таком случае следовало бы ожидать, что и Бозций, и Кассиодор использовали бы из пары имен или только «Макробий», или только «Феодосий»²³, но не два имени одновременно, как они фактически делают.

Изложенные выше соображения, аналогия с именами и прозвищами поздней античности приводят к выводу, что «Макробий» могло быть как личным именем, так и прозвищем писателя, а «Феодосий» было тем именем, по которому автор был известен в обществе своего времени. Таким образом, пытаясь отождествить писателя с реальной исторической личностью не следует пренебрегать именем «ФЕОДОСИЙ»²⁴.

Вкратце остановимся на титулах автора. Во времена поздней римской империи в соответствии с табелью о рангах различались такие чины: «знатнейший», «сиятельный», «почтеннейший», «светлейший», «совершеннейший», «выдающийся» и др.²⁵. Эти эпитеты прибавлялись к слову «муж» (vir), например, «светлейший муж» (vir clarissimus)²⁶. Согласно подписи А.М.Симмаха, у нашего автора был достаточно редкий, «двойной» титул – VC ET INL (v[ir] c[larissimus] et inl[ustris])²⁷ – который свидетельствует о том, что Макробий был видным государственным деятелем²⁸.

²¹ См.: Cassiodorus, *Expositiones Psalmorum*, Corpus Christianorum I (ed. Adriaen, 1958), pp. 30, 116, 125; Boetius, *In Isagogen Porphyrii I*, Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum XLVIII (Vienne, 1906), pp. 31, 21. Позднее, Иоанн Скотт, ссылаясь на *Комментарий* Макробия, называет те же имена. См.: *Annotations in Marclianum 22,4* (ed. C.Lutz, 1939); *Expositiones in Ierarchiam Coelestem 3,96*, Corpus Christianorum Continuatio Mediaevalis 31 (ed. J.Barbet, 1975). Такое см. схожее написание имени автора в титуле работы *О глаголах* (прим. 1).

²² О прозвище «Макробий» см. выше, с. 167.

²³ «Theodosius» не включено в перечень имен, начинающихся с «Theo-», встречающихся как прозвища. См. Cameron, "The date...", p. 26 (n. 20).

²⁴ В современной научной литературе нет единого мнения в отношении порядка имен Макробия: встречается «Макробий Амвросий Феодосий» (как в наиболее раннем манускрипте), «Амвросий Феодосий Макробий» (см. ed. Willis), или же просто, «Макробий».

²⁵ Подробнее см.: М.Л.Гаспаров, «Авсоний и его время», *Авсоний. Стихотворения* (М.: Наука, 1993), с. 253; Е.В.Федорова, *Латинские надписи*, сс. 129, 163, 226-227, 257-259.

²⁶ Например, при именах издателей *Комментария* – А.М.Симмаха и М.П.Евдоксия – стоят буквы VC.

²⁷ Титул VC ET INL носил комит и магистр войск Стилихон, который в 395–408 гг. фактически управлял Западной Римской империей (см. прим. 19). Позднее,

Идентификация автора

Анализ имен и перечень титулов автора позволяет продвинуться в решении проблемы его идентификации. Ранее, большинство исследователей отождествляли писателя со всеми тремя Макробиями (или с одним из трех), которые занимали высокие должности в обществе IV–V вв. Все они упомянуты в *Кодексе Феодосия*:

Макробий – викарий Испании (399–400 гг.)²⁹;

Макробий – проконсул Африки (410 г.)³⁰;

Макробий – главный спальник (praepositus sacri cubiculi, 422 г.)³¹.

В связи с этим полагали, что писатель мог родиться в третьей четверти IV в. – приблизительно в 360 году³². Однако «спальника дворца» вряд ли можно отождествить с писателем, поскольку такую должность в интересующий нас период мог занимать только евнух³³. Наш же автор имел сына, к которому он обращается в двух своих основных произведениях – *Сатурналиях* и *Комментарий*³⁴. Несомненно, это был

государственный деятель Кассиодор Сенатор имел похожий титул – vir clarissimus illustrissimus. Интересно отметить, что в произведениях Цицерона схожие эпитеты (clarissimus et sapientissimus) применительно к конкретным лицам употребляются лишь дважды. См. Lucullus 5: duo uero sapientissimos et clarissimos fratres P. Crassum et P. Scaeuolam aiunt Tib. Graccho legum auctores fuisse... ; Pro A. Cluentio Oratio 42: duo censores, clarissimi uiri sapientissimique homines. Титулы без конкретных имен встречаются также дважды (Pro CN. Plancio Oratio 39 и Actionis in C. Verrem Secundae, liber III, frumento 7). Из контекста трактата Цицерона *О государстве* I,8,13, в котором Цицерон упоминает Публия Сципиона Африканского и Публия Туберона, может следовать, что и они именовались схожим образом – clarissimorum ac sapientissimorum nostrae ciuitatis.

²⁸ Косвенным подтверждением такому выводу может служить и демонстрируемый Макробием интерес к правителям и тем качествам, которыми они должны обладать. См.: *Комм.* I,8 (наш комментированный перевод этой главы, а также других см. в *Историко-философском ежегоднике* '95 и '96 (М.: Мартис, 1996, сс. 219–230; М.: Наука, 1997, сс. 68–97) или в кн.: *Философия природы в античности и в средние века* (М.: Прогресс-Традиция, 2000), сс. 371–414.

²⁹ Codex Theodosianus XVI,10,15 (сп. VIII,5,61), ed. T.Mommsen, P.M.Meyer (Berlin, 1954) – далее С.Т. Именно ВИКАРИЙ, а не «префект претория в Испании», как принято фактически во всех изданиях и работах, начиная с 1670 г. Этой ошибке уже более 300 лет (Cameron, "The date...", p. 25). См. также Prosopography, p. 698.

³⁰ С.Т. XI,28,6; Prosopography, p. 698.

³¹ С.Т. VI,8,1; Prosopography, pp. 698–699.

³² Подробнее см. Stahl, p. 5.

³³ Лишь у единственного императора Магна Максима (Magnus Maximus), правившего с 383 по 388 гг., в этой должности состоял не евнух. См. Cameron, "The date...", p. 25 (n. 9), p. 26 (n. 12–14).

³⁴ С.Т.: Sat. I, praef. 1: «multas variasque res in haec vita nobis, Eustachi filii, natura concilavit... – Природа, сын мой Евстахий, установила для нас в этой жизни множество разнообразных вещей...» (см. также прим. 55); Comm. I,1,1: «Inter

его собственный сын³⁵. Макробий, занимающий в 399–400 гг. должность викария уже отождествлен с Флавием Макробием Максимианом³⁶. Этот человек, начавший блестящую карьеру при дворе в 399 г., был родственником градоначальника Рима – Флавия Макробия Лонгиниана. Во времена поздней римской империи государственные чиновники обыкновенно брали на службу и своих родственников. Примерами могут служить семьи Амвросия Медиоланского и Авсония³⁷. Отметим и вероятность того, что должности викария и проконсула мог последовательно занимать один и тот же человек, поскольку такой рост в карьере был вполне естественным для государственного деятеля. Косвенным доказательством тому, что проконсулом Африки в 410 г. был именно Флавий Макробий Максимиан, который десятью годами ранее был викарием (399–400 гг.), являются другие случаи, когда эти две должности (с перерывом в 10 лет) занимались одним человеком. Речь идет о Марциане, друге К.А.Симмаха, который был викарием в Италии в 384 году и проконсулом Африки в 394 году³⁸. Дополнительный довод в поддержку того, что наш Макробий не мог быть проконсулом Африки в 410 г. заключается в том, что он не являлся современником главных действующих лиц своих *Сатурналий*³⁹.

Далее рассмотрим «Феодосиев» *Кодекса Феодосия*. Среди них нет ни одного Макробия. В тот период, на который может приходиться жизнь нашего автора, встречается лишь Феодосий – префект претория в Италии (430 г.)⁴⁰, в титуле которого значится «сиятельный». Похоже, это тот же Феодосий, который был начальником переписчиков (*primicerius notariorum*) в 426 году⁴¹. Благодаря тому, что Макробий (или Феодосий, если следовать традиции) значится под титулом *VS ET*

Platonis et Ciceronis libros, quos de re publica uterque constituit, Eustachi filii... – При [чтении] книг Платона и Цицерона, в которых сказано о государстве, сын Евстахий...» и *Comm.* II,1,1: «Superiore commentario, Eustachi luce mihi dilector filii... – Сказанным выше, дражайший сын Евстахий, свет мой...».

³⁵ См. прим. 34 и 55.

³⁶ См.: A.Chastagnol, [Les] *Fastes [de la préfecture de Rome au Bas-Empire]* (Paris, 1962), p. 255; Cameron, "The date...", p. 26 (n. 12-14).

³⁷ См. А.Пареди, *Святой Амвросий...*, с. 8-9; М.Л.Гаспаров, «Авсоний и его время», с. 262.

³⁸ C.Th. IX,38,7. Об этом Cameron, "The date...", p. 26 (n. 13), со ссылкой на: Chastagnol, pp. 268-269. Также см. Matthews, pp. 180; 243. Сам К.А.Симмах, в течение своей сороколетней службы трижды занимал важные государственные должности с десятилетним промежутком между ними, что было типичным для сенаторов. Об этом Matthews, pp. 12-13, также см. Chastagnol, pp. 218-229.

³⁹ Об этом см. ниже: II. «Персонажи *Сатурналий* и Макробий Феодосий», сс. 177-184.

⁴⁰ C.Th. XII,6,33. Также см. Prosopography, pp. 1099-1103.

⁴¹ C.Th. VI,2,25; Prosopography, p. 1101.

INL, автора возможно отождествить с этим человеком⁴². Однако, государственный деятель, занимающий упомянутые должности, обязательно должен был быть христианином, поскольку уже существовал эдикт (350 г.), согласно которому важные посты разрешалось занимать только христианам. Наш же Макробий нигде не выказывает примет того, что является христианином. Напротив, его произведения совершенно языческие по духу и содержанию⁴³. Вероятно, Макробий был номинальным христианином, принявшим христианство из-за прагматических соображений. Подобная практика была распространенной среди знати вплоть до середины VI в.

Время жизни и творческий расцвет писателя

Традиционно, высшие государственные должности занимали мужи зрелого возраста⁴⁴, то есть нашему Феодосию-префекту могло быть около сорока лет. Тогда дата его рождения падает на 390 год. Учитывая возможное прозвище «Макробий», можно говорить о том, что наш автор жил долго, но вряд ли он дожил до ста лет, скорее он умер раньше⁴⁵. Если за дату издания *Комментария* принять 485 г.⁴⁶, то для времени жизни автора можно отвести период между 390 и 485 годами.

Определить время появления работы *О различиях и сходствах глаголов*⁴⁷ возможно лишь при условии предварительного отождествления Симмаха (которому Макробий посвятил свое сочинение⁴⁸) с реальным историческим лицом. Им мог быть как сын Квинта Аврелия

⁴² См.: Prosopography, p. 1101.

⁴³ Отметим, что период сосуществования языческой и христианской культур был достаточно долгим, так что многие отцы христианской церкви – Августин (354–430 гг.), Иероним (347–419/20 гг.), Амвросий Медиоланский (333/4–397 гг.) жили раньше, чем такие языческие авторы, как Макробий, Калкидий (fl. кон. IV–нач. V вв.) и Марциан Капелла (fl. втор. пол. V в.).

⁴⁴ Здесь мы говорим о традиционно зрелом возрасте, по той причине, что не рассматриваем Макробия как человека, принадлежащего к сенаторскому сословию во втором или третьем поколении. Отпрыски самых знатных семей могли занимать сенаторские должности уже в юности, но едва ли Макробий принадлежал к их числу.

⁴⁵ Среди знаменитых долгожителей V–VI вв. – Кассиодор Сенатор, который, согласно его словам, перешагнул 92-х летний рубеж, когда писал свою работу *De orthographia (praef.)* – см.: *Grammatici Latini*, vol. VII, ed. H. Keil, 1880). Об этом В.И.Уколова, *Античное наследие и культура раннего средневековья* (М.: Наука, 1989), с. 80.

⁴⁶ Эта дата получена на основании подписи А.М.Симмаха к изданию *Комментария* (см. с. 165). В этой подписи Симмах пишет свое имя с титулом *VC*. В 485 г. он становится консулом. После консульства А.М.Симмах получает более высокий титул – *VC ET INL*. Именно титул *VC* при его имени свидетельствует об издании *Комментария* не позднее конца 485 г.

⁴⁷ См.: de Paolis, pp. xv–xvii.

⁴⁸ См. прим. 11.

Симмаха (340– п. 402 г.)⁴⁹, которого звали Квинт Фабий Меммий Симмах (род. в 384 г., претор 401 г.)⁵⁰, так и его племянник (консул 446 г.), или же, возможно, внук (консул в 485 г., издатель *Комментария*). Если принять, что Макробий обращается к Симмаху-сыну Квинта Аврелия, то тогда он мог писать эту работу примерно в 425 году, если к Симмаху-племяннику – то в 435 году. Мы полагаем, что Макробий написал свою работу в 425 году и посвятил ее сыну К.А.Симмаха – Квинту Фабию, которого мог знать лично, будучи с ним примерно одного возраста⁵¹. Вряд ли Макробий мог посвятить свою работу внуку К.А.Симмаха, который тогда (то есть во время ее написания) или был младенцем, или вообще не родился.

Время написания двух основных произведений – *Сатурналий* и *Комментария*⁵² – возможно отнести к промежутку между 425–485 гг.⁵³. Обратим внимание на то, что обе работы автор традиционно посвящает своему сыну Евстахию⁵⁴. Во введении к *Сатурналиям* писатель выражает надежду, что произведение поможет сыну при обучении⁵⁵. В

⁴⁹ Очевидно, что это не сам Квинт Аврелий Симмах – герой *Сатурналий*. См. ниже: II. «Персонажи *Сатурналий*...», сс. 177-184.

⁵⁰ В это время Квинту Фабию было 17 лет. Факт преторства в столь раннем возрасте свидетельствует о том, что он принадлежал к сенаторскому сословию не в первом поколении. Однако, отметим, что этот случай нетипичен: сыновья сенаторов занимали подобные должности примерно в возрасте 25 лет.

⁵¹ Макробий, при выборе участников *Сатурналий*, использовал письма К.А.Симмаха, собранные и изданные его сыном Квинтом. См. ниже: II. «Персонажи *Сатурналий*...», сс. 179.

⁵² Ранее полагали, что оба произведения были написаны в конце IV – начале V вв. – об этом Stahl, p. 6f. Однако, вероятное тождество писателя с префектом претория Италии (430 г.) не позволяет согласиться с такой датировкой и заставляет сместить время его творческой активности на первую половину V века. Также см. прим. 62.

⁵³ Нижняя граница установлена на основании принятия 425 г. за время написания Макробием работы *О глаголах*; верхняя дата определяется датой издания *Комментария* (485 г.).

⁵⁴ Многие (А.Геллий, М.Капелла и др.) следовали в этом Цицерону.

⁵⁵ В Sat. I praef. 1-11 Макробий пишет: Сама Природа, сын мой Евстахий, в этой жизни распорядилась установить привязанность человека к самым разнообразным и многим вещам. Самой сильной из всех связей Природы является любовь к нашим детям, ее желание заключается в том, что мы должны перенести множество страданий при воспитании и наставлении своих детей. Ничто не может дать родителю большего удовлетворения, чем успех в этих начинаниях, и величайшего разочарования, чем потерпеть в этом неудачу. Вот почему я отношусь к твоему воспитанию как к своей главной заботе... В попытке дать тебе полное образование, я должен быть и краток в изложении, и коснуться всех дисциплин..., проторив тебе тропу через эти учения... По этой причине я бы хотел представить тебе весь тщательно накопленный (как после твоего рождения, так и до него) моим трудом материал из различных греческих и латинских работ... И если ты вспомнишь какие-то исторические

Комментарии он или называет сына по имени (I,1,1), или обращается к нему со словами: «дражайший сын Евстахий, свет мой» (II,1,1). Традиционно, вначале изучались литературные дисциплины, на чем в некоторой степени основаны *Сатурналии*, далее – дисциплины, имеющие отношение к счислению, астрономии, гармонии – что более подробно изложено в *Комментарии*. Если считать, что эти сочинения созданы для обучения сына, то сначала должны были быть написаны *Сатурналии*, затем (с интервалом не более 5-10 лет) – *Комментарий*. Скорее всего Макробий писал *Сатурналии* в то время, когда Евстахий был еще мальчиком, но уже способным воспринимать написанное (примерно десяти лет). Вероятно, это было сразу же после 430 года (к примеру, в самом начале 431 г.), то есть после того, как Макробий отошел от государственной службы и его главной целью стало воспитание сына. Не исключено, что наш автор мог копить материал для своих сочинений задолго до рождения ребенка. Если предположить, что между двумя произведениями прошло от пяти до десяти лет, то датой появления *Комментария* можно посчитать 435–440 гг.

Возможные потомки писателя

Относительно сына Макробия Феодосия возникает множество вопросов. Сохранились ли сведения о нем? Кем стал Евстахий, когда вырос, и сделал ли он какую-нибудь карьеру? А также – были ли у нашего автора другие потомки?

Вероятно, что префект Города 462 г. Плотин Евстахий (Plotinus Eustathius) и сын нашего автора – одно и то же лицо⁵⁶. Имя сына Макробия в манускриптах записано по-разному, или Eusta-c-hius, или Eusta-t-hius⁵⁷, то есть имена отличаются лишь одной буквой – «с» или «t», начертание которых было мало различимо в строчном латинском письме⁵⁸. «Плотин» – имя знаменитого философа Плотина (204–270 гг.), школа которого находилась в Риме, и которого наш Макробий почитает и цитирует⁵⁹. Вполне могло быть, что и своего сына он назвал в его честь. Для идентификации это не существенно. Более веский ар-

события, памятное слово или факт, погребенные в бесчисленных книгах... тебе будет легко найти их... Произведения малоценные не будут здесь представлены вообще, а суждения авторов, живших в разное время, будут приведены в порядок и распределены по темам...

⁵⁶ См.: Prosopography, pp. 435–436.

⁵⁷ Так записано в манускрипте (S). См. прим. 3.

⁵⁸ См. B.Bischoff, *Latin Paleography. Antiquity and the Middle Ages*, trans. by D.Ó Cróinín and D.Ganz (Cambridge University Press), pp. 64; 67.

⁵⁹ О заимствовании Макробия у Плотина см. раздел «Источники Макробия» в нашей статье «Природа мира в *Комментарии* на 'Сон Сципиона' Макробия», в сб. *Философия природы*, сс. 361–370, также см. примечания к переводу избранных глав *Комментария*, сс. 400–414 в указанной книге.

гумент таков: имя Макробия Плотина Евдоксия значится в упомянутой выше подписи К.А.Симмаха. Это в свою очередь позволяет посчитать Евдоксия, с одной стороны, сыном Плотина Евстахия, с другой стороны – прямым потомком нашего автора, например, внуком⁶⁰. Ведь у Плотина Евстахия и Макробия Плотина Евдоксия схожее имя – Плотин. Имя (или прозвище) «Макробий» внук автора мог получить уже по наследству. Понятно и стремление внука принять участие в издании *Комментария*, сочинения собственного деда. В качестве схожего примера могут служить письма Квинта Аврелия Симмаха, изданные его сыном Фабием. Для убедительности рассмотрим даты жизни перечисленных лиц с точки зрения средней продолжительности человеческой жизни, приняв во внимание отправные даты:

390 г. – возможный год рождения Макробия Амвросия Феодосия;

430 г. – Феодосий – префект претория в Италии;

462 г. – Плотин Евстахий – префект Рима;

485 г. – издание *Комментария* (и консульство Аврелия Симмаха).

Мы уже говорили о том, что такие важные государственные посты как «префект» или «консул» занимали люди зрелого возраста. Допустим, что в то время, когда Плотин Евстахий был префектом, ему было также (как и нашему Макробию Феодосию) примерно 40 лет. Тогда дата рождения Плотина Евстахия приходится приблизительно на 420 год, из чего следует, что в момент его рождения его отцу (то есть нашему Макробию) было 30 лет. Если посчитать издателя *Комментария* – Макробия Плотина Евдоксия – прямым потомком нашего автора (например, внуком), то тогда он мог родиться в то время, когда Евстахию было 25–30 лет (то есть примерно в том же возрасте, в котором был сам Макробий, когда у него родился сын). Следовательно, дата рождения Евдоксия приходится на 445–450 г. Поскольку Макробий Плотин Евдоксий был современником А.М.Симмаха, консула 485 г. (эту должность Симмах мог занимать также приблизительно в возрасте около 40 лет), такая датировка весьма убедительна. Таким образом, выстраивается последовательность «отец – сын – внук»:

Макробий Амвросий Феодосий, автор работы *О глаголах*, *Сатурналий* и *Комментария*, префект претория Италии в 430 г., родился в 390 г., умер не позднее 485 г.

Плотин Евстахий, префект Рима в 462 г., сын Макробия Феодосия, родился в 420 г. (когда его отцу, т.е. нашему автору, было 30 лет). Должность префекта Плотин занимал в возрасте 42-х лет.

Макробий Плотин Евдоксий, друг Симмаха-консула (485 г.), сын Плотина Евдоксия и внук Макробия Феодосия, родился в 445 г. (его отцу было 25 лет; его деду, т.е. нашему автору – 55 лет).

⁶⁰ Об отождествлении Плотина Евстахия с сыном Макробия см. Cameron, "The date...", p. 37.

Если исходить из средней продолжительности человеческой жизни (в 65–75 лет), то все это выглядит весьма правдоподобно⁶¹. Изложенные выше доводы подтверждают заключение, что творческий расцвет автора пришелся на первую половину V века⁶², или на вторую и третью его четверти⁶³. В заключение предложим читателю новый вариант биографии автора.

Реконструированная биография писателя

Макробий Амвросий Феодосий родился приблизительно в 390 г., где-то в Северной Африке. Умер он не позднее 485 года. Происходил Макробий из аристократической латинской семьи, имеющей греческие корни. При рождении ему были даны греческие имена, что не было необычным среди аристократов того времени. Среди современников писатель больше был известен по последнему из имен, как «Феодосий». Языками Макробия были и латинский, и греческий, несмотря на то, что автор писал на латинском языке. Макробий получил хорошее образование, ибо по его работам можно судить о том, что он отлично ориентировался в произведениях, принадлежащих самым разным жанрам, используя их для своих целей. Жил автор в большом городе, в котором были библиотеки. Приблизительно в возрасте 40 лет он был префектом претория в Италии (430 г.). О его высоком положении в обществе свидетельствует титул – *VC ET INL* (светлейший и сиятельный муж), употребляемый при обращении к чиновникам высшего ранга. После того, как Макробий Феодосий отошел от государственных дел, его основным занятием, возможно, до конца жизни, могло быть сочинительство, которому он посвящал значительную часть своего времени⁶⁴. Вряд ли Макробий писал во время несения государственной

⁶¹ Такие предположения и выводы достаточно условны. Ошибочным может быть принимаемый нами ВОЗРАСТ указанных лиц в то время, когда они занимали государственные посты. Ошибка может доходить до 10 лет. Но, в любом случае, дата рождения нашего автора смещается в пределах V века, но никак не в IV-й. Например, Феодосий родился в 400 г., был префектом в 30 лет, его сын был рожден им в 20, внук появился в 45 и т.д.

⁶² То, что творческий расцвет Макробия приходится на первую половину V в. подтверждается стилем и содержанием его *Комментария*. Также следует принять во внимание и тот факт, что именно в это время латинскими авторами создавались произведения, посвященные нескольким дисциплинам из семи свободных наук. Об этом см. нашу статью «Марциан Капелла...», сс. 118-119.

⁶³ Учтена возможная ошибка, равная 1-10 годам (см. прим. 61).

⁶⁴ На это указывает как объем произведений писателя, так и количество встречающихся в них точных заимствований и цитат. Конкретные примеры заимствования Макробием у ранних авторов см. в примечаниях к нашему переводу избранных глав *Комментария на 'Сон Сципиона'* в сб. *Философия природы*, сс. 400-414.

службы, поскольку управление государством и общественные дела лишали его досуга⁶⁵. Примерно в 425 г. он написал первое произведение *О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов*, которое посвятил – Фабию Меммию Симмаху, сыну Квинта Аврелия. Вторыми по счету были созданы *Сатурналии* (сразу после 430 г.), то есть в то время, когда все помыслы автора были направлены на воспитание сына Евстахия, которому тогда было примерно десять лет⁶⁶. *Комментарий на 'Сон Сципиона'* был написан последним (435–445 гг.). Вряд ли наш автор занимался преподавательской деятельностью и имел взрослых учеников или последователей, поскольку для его сочинений не характерна педантичность, строгость и стройность учебного пособия⁶⁷. Они больше похожи на авторские эссе.

Итак, мы предложили новый вариант биографии автора. Впрочем, следует помнить, что как и все предыдущие, эта биография также является реконструкцией.

⁶⁵ Существуют и обратные примеры, но они лишь подтверждают наш вывод. Так, Бозций писал свои сочинения во время несения службы, но сетовал на то, что государственные дела препятствуют основной работе – комментированию и написанию философских сочинений. Схожие проблемы имел и Кассиодор, жаловавшийся на обстановку, в которой приходилось работать: «только начну какое-нибудь дело, оно прерывается криками и его приходится доделывать в спешке, так что начатое не может быть закончено с надлежащей осмотрительностью...», цит. по книге: В.И. Уколова *'Последний римлянин' Бозций* (М.: Наука, 1987), с. 340. Тем не менее, некоторые античные авторы отличались незаурядной работоспособностью, например, Плиний Старший (об этом см. статью Г.А.Тароняна в кн.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве* (М.: Ладомир, 1994), сс. 10-11.

⁶⁶ Например, М.Капелла написал свое произведение после того, как закончил судебную деятельность и преподавательскую работу. Об этом см. «Марциан Капелла...», с. 128.

⁶⁷ Например, *De nuptiis* М.Капеллы в большей степени систематизировано и продуманно, по сравнению с сочинениями Макробия. Можно привести и другие аналогичные работы: *Institutiones arithmeticae*, *Institutiones musicae* Бозция, а также грамматические работы Присциана (*Institutiones grammaticae*) и Доната (*Ars maior* и *Ars minor* наш комментированный перевод *Ars Minor* см.: *Диалог со временем 1* (М.: ИВИ РАН, 1999), сс. 306-334).

II

Персонажи «Сатурналий» и Макробий Феодосий

Ниже мы кратко охарактеризуем всех участников *Сатурналий*¹, отождествляя каждого с реальной исторической личностью, затем, сопоставив имеющиеся данные их биографий, попытаемся установить дату описываемых в трактате событий и обозначим нижнюю временную границу, ранее которой *Сатурналии* не могли появиться. Это позволит ответить на вопрос: почему Макробий не был современником тех, кого он сделал героями своего диалога.

Действующие лица

В *Сатурналиях* Макробия действуют двенадцать человек²:

Веттий Агорий Претекстат – государственный деятель, префект Рима в 367 г.³

Квинт Аврелий Симмах (род. между 340-345 гг., ум. п. 402 г.) – младший современник Претекстата, прозаик, поборник древней языческой религии. Занимал важные государственные посты: 370-374 гг. – проконсул Африки; 384-385 гг. – префект Рима; 391 г. – консул, обладавший правами, схожими с императорскими⁴.

¹ На русском языке о персонажах *Сатурналий*, их характерах и роли см.: В.И.Уколова, «Макробий и его *Сатурналии*», *Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения* (М.: Наука, 1988), сс. 50-56; «Макробий и проблемы средневековой культуры», *Средние века* 52 (М.: Наука, 1989), сс. 173-192.

² Почти все персонажи трактата могут быть отождествлены с реальными историческими лицами. См.: Matthews, pp. 271-273; 370-375; Davies, pp. 4-13 (здесь и ниже полные названия работ и их библиографические данные см. I. «Макробий Амвросий Феодосий: просопографический очерк», прим. 2, с. 164).

³ О Претекстате и о его деятельности см.: Аммиан Марцеллин, *Римская история* XXII,7,6; XXVII,9,8-9 и XXVIII,1,24 (СПб, Алетейя, 1994), сс. 251, 396 и 410; Симмах, Ep. X,12,2, ed. O. Seeck. У Макробия Претекстат – ученейший муж, знаток священных обрядов (Sat. I,17,1; I,24,1). В эпитафии, составленной женой Претекстата сказано, что он одновременно был и отцом отцов, и понтификом Весты и Солнца, и жрецом, и ученым. Он выполнил перевод сделанных Фемистием переложений *Первой* и *Второй Аналитик* Аристотеля, а также выправил прозаические и стихотворные тексты мудрецов (об этом I. Hadot, *Arts Libéraux et Philosophie*, pp. 150-151).

⁴ Сохранились панегирики К.А.Симмаха императорам Валентиниану и Грациану, отрывки речей и около 900 писем, написанных с 360 по 402 гг. Пруденций в трактате *Contra Symmachum* I, 173A (754-755) пишет, что в красноречии Симмаху уступает и сам Цицерон. См.: *Patrologia Latina*, ed. J.-P. Migne, vol. 60.

Вирий Никомах Флавиан (ум. в 394 г.) – консул в Сицилии, викарий Африки, сторонник языческой партии, писатель. Принадлежал к окружению Симмаха и находился с ним в родстве⁵.

Претекстат, Флавиан и Квинт Аврелий Симмах – главные действующие лица *Сатурналий*. Все они – известные римские государственные деятели, лидеры, возглавлявшие борьбу партии язычников в Сенате против христиан. Остальные участники – знатные аристократы, принадлежавшие к образованнейшим людям своего времени. Среди них:

Сервий (жил в Риме ок. 400 г.) – грамматик, комментатор Вергилия⁶.

Дизарий – врач и натурфилософ, грек по происхождению⁷.

Гор – ученый, философ-киник⁸.

Евстахий – грек из Каппадокии, философ-платоник, друг и современник Флавиана⁹.

Авиен (род. ок. 400 г.) – писатель-баснописец¹⁰.

Цецина и Фурий (Руфий) Альбины¹¹. Цецина современник Симмаха.

Евсевий – греческий ритор¹².

⁵ Иоанн Солсберийский (XII в.) в трактате *Policraticus* 2.26 (460b); 8.11 (749a; 755a); 8.12 (758a; 761a) приписывает Флавиану авторство трактатов: *De vestigiis et dogmatibus philosophorum* и *Annales*. Оба трактата утрачены – см.: S.Dill, *Roman Society in the Last Century of the Western Empire* (London, 1899, 2 ed.), p. 155. Эти работы были использованы Аммианом Марцеллином, в частности, описывающим в своей *Римской истории* (XXIII,1,4 и XXVIII,1,24) отца Флавиана – Венуста, викария Испании.

⁶ Комментарии Сервия на Вергилия (*In Vergilii Aeneidos Libros, In Vergilii Bucolicon Librum, In Vergilii Georgicon Libros*) являлись основополагающими для изучения творчества поэта в средние века. См. H.Georgii, "Zur Bestimmung der Zeit des Servius", *Philologus* LXXI (1912), pp. 518-526.

⁷ Скорее всего о Дизарии упоминает в письмах Симмах (Ep. III,37; IX,43; IX,44). См. Davies, pp. 10-11.

⁸ Гор упомянут Симмахом в Ep. II,39. О нем см. Davies, p. 11.

⁹ Об идентификации Евстахия см.: T.R.Glover, *Life and Letters in the Fourth Century* (Cambridge, England, 1901), p. 5.

¹⁰ Об Авиене см. ниже: III. «Баснописец Авиен и Макробий Феодосий», сс. 185-191.

¹¹ Отождествление Альбинов с реальными лицами является сложной задачей, а ее решение – спорно. Здесь приведены имена тех, кому большинство исследователей отдает предпочтение (см.: Dill, p. 14; Glover, p. 171; Davies, pp. 7-8). Так, Цецину (Caecina) возможно отождествить с Публием Кеонием Альбином (Publius Caepionus Albinus), понтификом, о котором упоминает Иероним. Имя «Furcius» во многих манускриптах *Сатурналий* записано как «Rufius» (см. критический аппарат ed. Willis, p. 8; 12ff). Этого персонажа, скорее всего, можно отождествить с Альбином, поскольку в таком сочетании его имя в *Сатурналиях* встречается дважды (I,2,16; I,4,1: Furius Albinus). Если принять написание имени, как «Rufius Albinus», то это тот человек, кто был префектом Рима 389-391 гг. (об этом свидетельствуют несколько современных ему надписей – *Corpus Inscriptionum Latinarum* VI 379^a, 379^b, 36959, см.: Chastagnol, pp. 233-236). Оба Альбина, согласно словам Претекстата (Sat. VI,1,1), принадлежали к образованнейшим людям своего времени.

Евангел – критик¹³.

Похоже, что выбирая участников для *Сатурналий*, Макробий обращался за информацией к письмам К.А.Симмаха¹⁴. Например, Евангела автор представляет как нарушителя спокойствия, «бестактного и шокирующего всех присутствующих». Вероятно, такая характеристика обусловлена письмом Квинта Аврелия (Ер. VI,7), в котором Евангел именуется «беспечным» (*incautus animus*). Появление в *Сатурналиях* врача Дизария и философа Гора также, вероятно, обусловлено письмами К.А.Симмаха, в которых о Дизарии сказано, как о человеке «дражайшем..., первейшем среди обучавших врачеванию, по праву занимающем первое место» (Ер. III,37), а о Горе говорится, что он «философ по жизни и первейший по учености» (Ер. II,39)¹⁵.

Анахронизм мизансцены в «Сатурналиях»

Если сопоставить биографии персонажей *Сатурналий* хронологически, то становится очевидным, что двое из них – комментатор Вергилия Сервий и баснописец Авиен – не могли вести беседу с Претекстатом. Сервий, будучи младшим современником К.А.Симмаха, был слишком молод в сравнении с хозяином пиршества и вряд ли мог обсуждать с ним важные вопросы¹⁶. Творческий расцвет Авиена приходится на первую половину V в., то есть на то время, когда Претекстат был уже мертв¹⁷. Таким образом, объединение в одной мизансцене всех участников представляет собой очевидный анахронизм¹⁸. Но тогда, необходимо понять причину, по которой Макробий ввел Сервия и Авиена в число своих персонажей.

¹² Согласно Sat. VII,10,1, Евсевий относится к старшему поколению участников (см.: Davies, p. 10). Скорее всего, это тот Евсевий (ученик философа Проересия), о котором говорит Евнапий из Сард. См.: *Жизнь философов и софистов* 493, в книге *Римские историки IV в.* (М.: Росспэн, 1997), сс. 278-279.

¹³ Об идентификации Евангела см. Glover, p. 175; Davies, pp. 11-13.

¹⁴ Макробий мог просматривать письма К.А.Симмаха или после того как они были изданы его сыном Квинтом Фабием, или же он мог иметь к ним доступ до издания через самого Квинта Фабия Симмаха, находясь с ним в дружеских отношениях.

¹⁵ Ер. III,37: «amicissimus vir... inter professores medendi summam iure obtinet locum»; Ер. II,39: «philosophus vita atque eruditione praecipuus».

¹⁶ Имеется лишь одно, исключительное учтивое письмо Симмаха (Ер. VIII,60), которое, возможно, адресовано Сервию. Если это так, то Сервий лишь претендовал на то, чтобы быть членом кружка Претекстата. Об этом Matthews, p. 371 (п. 3).

¹⁷ См. прим. 10.

¹⁸ См. Cameron, "The date...", pp. 29-30; Matthews, pp. 371-373. Отметим, что подобный анахронизм можно рассматривать как традиционный литературный прием. Ср. анахронизм у Цицерона, см. ниже, прим. 36, с. 183.

В случае с Сервием, все предельно ясно. Макробий сознательно включает его в число действующих лиц, поскольку хочет, чтобы участники *Сатурналий* обсуждали Вергилия. Сервий же был авторитетом в этой области¹⁹. Что касается Авиена, то он – современник Макробия Феодосия и знал его лично²⁰. В отношении того, кто из авторов написал свое произведение раньше – Макробий, включивший Авиена в число участников *Сатурналий*, или Авиен, посвятивший ему свои *Басни* – можно лишь строить предположения. Скорее всего, первым был Макробий, который мог знать о том, что пишет Авиен. Отсюда в его *Сатурналиях* возникает образ Авиена – рассказчика смешных историй. Возможно, Макробий включил поэта в число участников своего сочинения «авансом»²¹ из дружеских побуждений. Авиен же, некоторое время спустя (к примеру, сразу после выхода *Сатурналий*), «возвращает» Макробию комплимент, назвав его авторитетом в обоих жанрах – в стихах и в прозе²². Таким образом, если творческая активность Авиена приходится на перв. пол. V в., то он, если и родился, был младенцем и не мог беседовать с Претекстатом.

Кроме того, сам Макробий открыто признается в анахронизме. Он пишет, что следует Платону и Цицерону, включая в свое повествование известных людей, которые не могли встретиться вместе в реальном времени²³.

Время описываемых в «Сатурналиях» событий

Очевидно, что при написании *Сатурналий* Макробий ориентировался на сочинения своих предшественников, как латинских, так и греческих. Мы выделим лишь те работы, которые могли повлиять на выбор мизансцены для *Сатурналий*. Это сочинения Цицерона *О природе*

¹⁹ Время творческой активности Сервия остается неизвестным. Georgii (pp. 518-526) полагает, что Сервий писал свои комментарии между 395–410 гг., хотя возможна и более поздняя дата.

²⁰ См. ниже: III. «Баснописец Авиен...», с. 189.

²¹ Можно привести аналогичный пример. Цицерон сделал Варрона участником своей работы *Academica* после того, как услышал, что получит посвящение от него в сочинении *О латинском языке*. См. Цицерон, *Письмо 631 Титу Помпонию Аттику* (Att. XIII, 12,3) в кн.: *Письма Марка Туллия Цицерона*, т. 3, пер. В.О. Горенштейна (М.: Ладомир, 1994), с. 167 и прим. на с. 565.). Также см. другие письма Цицерона к Аттику (632–637, там же, сс. 167-173).

²² См. ниже: III. «Баснописец Авиен...», сс. 187, 190-191.

²³ В Sat. I, 1,3-5 Макробий говорит о том, что следует диалогам Платона, включившим в свои сочинения Сократа, Парменида (жившего намного раньше Сократа) и Тимея, слишком юного, чтобы вообще участвовать в беседах (I, 1,5). Однако, на самом деле, Макробий больше следует Цицерону, чем Платону, поскольку выше (I, 1,4) он сравнивает героев известных трактатов Цицерона (*О старости*, *О дружбе*, *О природе богов*, *О государствах*) – Котту, Лелия и Сципиона – с Претекстатом, Флавианом, Альбином, Симмахом и Евстахием.

богов и *О государстве*²⁴, а также трактат Афиней (ок. 200 г. н.э.) *Пирующие мудрецы* (Deipnosophistae).

Диалог Цицерона *О природе богов* представляет собой беседу знатных аристократов, среди которых Гай Аврелий Котта (124–74 гг. до н.э.), в дом которого пришли гости. Действие происходит в Риме, в 75 г. до н.э. в дни Латинских праздников (feriae Latinae), продолжавшихся несколько дней. Примечательно, что Котта умер в 74 г. до н.э., то есть на следующий год после описываемых событий. В другом трактате, озаглавленном *О государстве*, Цицерон представляет загородную усадьбу Публия Сципиона Младшего (185–129 гг. до н.э.), к которому в дом приходят для беседы друзья и родственники. Действие также происходит в дни Латинских праздников, в течение трех дней в 129 г. до н.э. В последний день Сципион Младший рассказывает о своем сне²⁵, во время которого он узнал не только об уготованной ему блестящей судьбе (VI,11,11), но и о предстоящей смерти «от нечестивых рук своих близких» (VI,12,12)²⁶. Сципион умер в 56 лет, в 129 г. до н.э., то есть вскоре после описанных в трактате событий. Схожий сюжетный ход имеется у Афиней в *Пирующих мудрецах* (XV,686c). Его распорядитель по трапезе²⁷ Ульпиан умер через несколько дней после праздника. Вполне вероятно, что Макробий, подражая авторитетным авторам перечисленных выше произведений, сделал так, что действие *Сатурналий* разворачивается незадолго (за неделю или около того) до смерти устроителя пира – Претекстата. Вполне возможно, что смерть Претекстата могла быть упомянута или предвещена в ныне утраченном конце *Сатурналий*, как это было в случае Сципиона и Ульпиана²⁸ в соответствующих трактатах Цицерона и Афиней. Тогда можно попытаться рассчитать дату описываемых в *Сатурналиях* событий.

Претекстат был еще жив 9 сентября 384 г., но умер к 1 января 385 г.²⁹, когда он уже был избран на должность консула на 385 год. Возможно, его смерть наступила в ноябре или декабре 384 г. Вряд

²⁴ О литературном построении этих трактатов Цицерона см.: С.Л.Утченко, «Политико-философские трактаты Цицерона (*О государстве* и *О законах*)», *Цицерон. Диалоги* (М.: Ладомир-Наука, 1994), сс. 158-160; Г.Г.Майоров, «Цицерон как философ», *Цицерон. Философские трактаты* (М.: Наука, 1985), сс. 21-33.

²⁵ Напомним, что именно этот отрывок комментирует Макробий в своем *Комментарии*.

²⁶ Это особенно подчеркивает Макробий в своем *Комментарии* на «Сон Сципиона» (I,8,2).

²⁷ Deipnosophistae II,58v: ὁ τῶν δεῖπνῶν ταμίης. Ср. Претекстат – rex mensae (Sat. II,1,3).

²⁸ Об этом см. Cameron, «The date...», pp. 28-29.

²⁹ Ibid., p. 29 (n. 37).

ли случайно то, что Макробий описывает праздник именно декабрьских Сатурналий (отсюда название сочинения). Скорее всего, наш автор выбрал ближайший праздник до смерти Претекстата, точно так же как Цицерон выбрал ближайшие дни Латинских празднеств перед смертью Сципиона Младшего. Причина предпочтения таких дней обоими авторами ясна – только тогда знатные римские аристократы, занятые на государственной службе, могли провести целые дни в непрерывных беседах. Беседы во время Сатурналий, которые начались 17 декабря, длились три дня. Таким образом, можно заключить, что события, которые описал Макробий в своем сочинении, приходится на 17–19 декабря 384 г.

Кружок Претекстата и Макробий Феодосий

Итак, как было показано выше, все действующие лица *Сатурналий* (за исключением Авиена и, возможно, Сервия) принадлежали к кругу Претекстата. Многие из них упомянуты К.А.Симмахом в его письмах или же сами получали от него послания³⁰. Однако, Макробия (или Феодосия) нет ни в числе 134 его корреспондентов³¹, ни в числе упоминаемых им современников. Если Квинт Аврелий знал Макробия, то очень странно, что он о нем не сказал ни слова. Ведь если *Сатурналии* появились в течении его жизни, то трудно объяснить, почему Симмах не упомянул о них – ведь он гордился знанием литературы. Симмах не мог не знать, что Макробий сделал его одним из главных действующих лиц своего сочинения и представил как одного из самых образованных и культурных людей Рима. Вряд ли он оставил бы «без комментария» такое событие – если даже не в письме к самому Макробию, то хотя бы к кому-нибудь из числа своих (134!) корреспондентов, например, к Альбину³². Большая часть писем К.А.Симмаха относится к периоду 360–402/3 гг., два-три – к промежутку между 395–402/3 гг.³³, то есть они написаны во время изображенных в *Сатурналиях* событий. Некоторые из писем Квинт Аврелий адресовал своему зятю – молодому Флавиану (чей отец – Веттий Агорий Флавиан также является действующим лицом *Сатурналий*). Но и в них ничего не сказано ни

³⁰ Об использовании Макробием писем К.А.Симмаха см. выше, с. 179 и прим. 14-16.

³¹ Перечень корреспондентов Симмаха, сгруппированных в соответствии с их религиозными верованиями, дал J. McGeachy (см. *Classical Philology* XLIV (1949), p. 226 (п. 25)): в этом перечне 54 человека – язычники, 33 – христиане, 47 – неопределенной веры.

³² Если все же принять, что Макробий был современником К.А.Симмаха, то тогда именно этому Симмаху – Квинту Аврелию – посвящена работа *О глаголах*. В таком случае, еще более удивительно, что Симмах не отреагировал на это.

³³ См. Seeck, preface, p. ix к изданию писем Симмаха; В.И.Уколова, *Поздний Рим...*, сс. 26-27.

о трактате, ни о его авторе. Кроме того, если бы Макробий входил в число современников Претекстата, Флавиана и К.А.Симмаха, то вряд ли бы он упустил возможность упомянуть самого себя в числе гостей *Сатурналий* (хотя бы со всей должной скромностью) как иногда делали Цицерон и Тацит в своих произведениях³⁴. Макробий не включает себя ни в число главных участников, ни в число других действующих лиц – грамматиков, риторов, докторов, философов – таких как Сервий, Евсевий, Дизарий *et cetera*. Это также подтверждает предположение о том, что наш автор не являлся их современником.

Еще раз напомним, что Макробий (*Sat.* I, 1,4) сравнивает участников своего пиршества с героями произведений Цицерона³⁵. Отметим, что Цицерон в трактате *О государстве* изобразил своего главного персонажа – Сципиона, как величайшего и мудрейшего человека (I,13) «золотого века» Рима, наиболее подходящего для того, чтобы вложить в его уста наставления современному поколению, нуждающемуся в поучении. Однако, сам Цицерон жил позже Сципиона, которого рассматривал как идеального героя³⁶. Подобно Цицерону, Макробий также представляет в своем сочинении людей недавнего прошлого. В *Сатурналиях* они описаны со всем возможным почтением: часто повторяются значимые для автора имена – «Претекстат, Флавиан...»; сравнения, типа «мужи, как Претекстат и Флавиан». Эти фигуры для Макробия символичны, они олицетворяют уже ушедший «золотой век», к которому сам он не принадлежит. Цель Макробия – изобразить идеализированный культурный кружок аристократов, живших в великую эпоху прошлого³⁷ – эпоху Претекстата (*saeculum Praetextati*), когда еще не было ясно за какой верой будет победа: за языческой или христианской. Саму фразу *saeculum Praetextati* следует понимать как указание на то, что сам Макробий живет уже в другом времени.

Terminus post quem для «Сатурналий»

Terminus post quem для *Сатурналий* возможно реконструировать по известным датам смерти тех персонажей, которые в реальной

³⁴ Например, см.: Цицерон, *О природе богов*; Тацит, *Диалог об ораторах*.

³⁵ См. прим. 23, с. 180.

³⁶ Действующими лицами диалога *О государстве* Цицерон сделал людей, которые к тому времени, когда жил он сам, уже умерли. Напротив, в диалоге *О природе богов* действующими лицами Цицерон избрал своих живых современников. Характерно, что Цицерон не смешивает мертвых и живых. См.: *Письмо Цицерона DCXXXVI Титу Помпонию Аттику, в Рим* (*Att.* XIII,19,3): «ведь я решил не включать в диалог никого из тех, кто жив», пер. В.О.Горенштейна (Цицерон, *Письма* (М.: Ладомир, 1994), с. 171).

³⁷ Очевидно, что в этом Макробий следует Цицерону, который в своем трактате *О государстве* описал тот круг людей и то время, которое считал идеальным, но безвозвратно ушедшим, поскольку все его герои были давно мертвы ко времени его собственной жизни.

жизни входили в круг Претекстата. Сам Претекстат, вероятно, умер в самом конце 384 года; К.А.Симмах – около 402 года. Альбин Цецина был жив в 403 году, но в это время Иероним говорит о нем, как о старике (Ер. 107). Вероятно, после этого он не прожил долго. Евангел был еще жив в 397 году (Симмах, Ер. VI,7) – было бы жестоко со стороны Макробия при жизни описать его в *Сатурналиях* в столь невыгодном свете. Гор, перед тем как обратиться к философии, был победителем на Олимпиаде в 364 году – тогда ему могло быть около двадцати лет. Альбин Фурий (то есть Руфий)³⁸ был все еще жив в 416 году. Непохоже, что Евстахий, Евсевий или Дизарий жили дольше, чем остальные участники диалога. Евстахий был близким другом Флавиана (Sat. I,6,4) и, вероятно, одного с ним возраста. Флавиану было 50 лет в 384 году. Из Sat. VI,10,1 ясно, что и Евсевий, и Дизарий были средних лет в 384 году. Здесь мы не рассматриваем Сервия и Авиена, которые жили позже³⁹.

Самая поздняя из приведенных дат – 416 год. Следовательно, *terminus post quem* для сочинения Макробия – не ранее указанной даты. Если добавить 10 лет на возможную ошибку при исчислении времени жизни того или иного персонажа, то, соответственно, нижняя временная граница для *Сатурналий* придется на время не ранее 426 года⁴⁰.

³⁸ См. прим. 11, с. 178.

³⁹ В 384 г. Сервию могло быть не более 20 лет. Авиен, скорее всего, в это время еще не родился или же был младенцем. Следовательно, Сервий является старшим современником Макробия, а Авиен был его ровесником.

⁴⁰ О времени написания Макробием *Сатурналий* см. выше: I. «Макробий Амвросий Феодосий...», сс. 172-173.

III

Баснописец Авиен и Макробий Феодосий

В этой статье мы скажем о корректном написании имени латинского баснописца (fl. V в.), известного как Авиан¹, обозначим *terminus post quem* для его *Басен* и приведем доводы в поддержку отождествления Феодосия (к которому обращается поэт в своем письме-посвящении, предваряющем его элегии) с Макробием Феодосием². Полученные выводы позволят ответить на вопрос кого из Авиенов описал Макробий в своих *Сатурналиях*³.

Авиан (*Avianus*) или Авиен (*Avienus*)?

Прежде необходимо обратить внимание на то, как пишется имя поэта в самых ранних сохранившихся манускриптах⁴. Таковых всего шесть: пять манускриптов относятся к IX веку и еще один – к рубежу IX-X веков (Par. Lat. (nouv. Acq.) 1132). Из этих шести лишь два документа содержат титулы, в которых имя автора записано как *Avienus*:

Par. Lat. 8093, s. IX: «prologus Avieni incipit...», «fabulae Avieni»;

Reg. Lat. 208, s. IX: «praefatio Avieni», «liber fabularum Avieni».

Помимо названных выше, сохранилось еще два манускрипта X века. В одном из них указано имя *Avianus*, в другом (Vat. Lat. 3799) – *Avienus*. Последний документ (Vat. Lat. 3799) текстуально восходит к Par. Lat. (nouv. Acq.) 1132 (IX-X вв.). Следовательно, и в утраченном титуле Par. Lat. (nouv. Acq.) 1132, и в том (еще более раннем) манускрипте, с которого тот был скопирован, также значилось *Avienus*.

Еще один довод в пользу чтения «Авиен» содержится в грамматическом трактате из *Codex Bezae Cantabrigiae* 83 (IX век). В этом тексте трижды встречаются цитаты из *Басен* Авиена и указывается имя автора – «Авиен»⁵:

p.174.15: unde dicit Avienus...;

p.183.30: illud Avieni de cane...;

¹ Отметим, что все, без исключения, последние издания текста *Басен* значатся под именем «Авиан» (например, *Fabulae Aviani*, ed. J.W. and A.M.Duff, 1935).

² Об этом было упомянуто выше, см.: I. «Макробий Амвросий Феодосий: просопографический очерк», с. 166.

³ Об этом говорилось выше, см.: II. «Персонажи *Сатурналий* и Макробий Феодосий», сс. 178, 179-180.

⁴ Всего сохранилось 114 манускриптов (а не 115). Все они содержат текст *Басен* или полностью, или в отрывках. Большинство манускриптов – поздние. См.: Cameron, "Macrobius...", pp. 390-391, со ссылкой на исследования, выполненные Manitius и Ellis (см. ниже прим. 6 и 7). Здесь и далее полные названия работ и их библиографические данные см. выше: I. «Макробий Амвросий Феодосий...», прим. 2, с. 164.

См.: *Grammatici Latini* (ed. Keil), VII.

p.185.23: ut illud Avieni...

Кроме того, в этом сочинении грамматик цитирует не только Авиена, но и других авторов IV–V вв., среди которых Донат, Сервий, Иероним, Августин и др. Очевидно, что все цитаты он заимствовал из манускриптов IX века, или из еще более ранних. Таким образом, можно заключить, что вплоть до IX века наш баснописец был известен как Авиен (Avienus)⁶ и такое написание его имени является правильным.

Terminus post quem для «Басен» Авиена

На основании лингвистических и метрических особенностей языка Авиена было выдвинуто предположение⁷, что его *Басни* появились в конце IV – начале V вв. Выявленные текстуальные параллели между строками из стиха *Ворона и кувшин* (27) Авиена и *De bello Gildonico* Клавдиана (род. 375 г.) позволяют подтвердить указанные временные рамки для *Басен* и установить для них нижнюю временную границу⁸.

⁶ Manitius (см.: *Handschriften antiker Autoren in mittelalterlichen Bibliothekskatalogen, Zentralblatt für Bibliothekswesen, Beiheft 67* (Leipzig, 1935), pp. 234–237) перечислил все упоминания имени баснописца в средневековых библиотечных каталогах. Так, среди манускриптов, выполненных до 1500 г., ныне хранящихся в Германии, имеется 33 записи с именем поэта. Четыре записи сделаны в IX веке. Две из них дают имя Avianus, две – Avienus. В остальных, более поздних, документах указано имя Avianus. В самом древнем манускрипте, хранящемся во Франции (Сен-Рике, 831 г.), имя баснописца значится как Avienus. В еще четырех манускриптах, относящихся к XI–XII вв., имеются записи с таким же написанием имени поэта. В остальных документах имя баснописца записано по-разному: Avianus, Anianus, встречается даже имя – Avigenius (Сен-Оуан, XI в.), что скорее указывает на Avienus, чем на Avianus. В Британии нет манускриптов, созданных до 1700 г., за исключением одного, выполненного Уитби (XII в.). В нем указано имя Avienus. В Италии имеется только три манускрипта с титулами, в которых имя поэта значится как Avianus, но в Испании есть манускрипт, в котором сохранилась запись Евлогия из Толедо (850 г.), со словами отсылающими читателя к Avieni fabulae metricae. См.: Cameron, "Macrobius...", p. 391.

⁷ Это предположение было высказано в конце XIX в., когда изучение поздней латыни было еще на стадии становления. См.: R. Ellis, *The Fabulae of Avianus* (Oxford, 1887), pp. xi–xxxix; L. Hervieux, *Les Fabulistes latins III* (Paris, 1894), pp. 1–48. Однако не все доводы можно считать надежными. В частности, Ellis (ibid.) на основании того, что Авиен упоминает языческих богов и обряды (например, стихи 12, 36) предложил считать верхней временной границей для *Басен* 391 г., поскольку в это время (391–392 г.) император Флавий Феодосий (347–395 г.) запретил почитать древних богов и проводить священные языческие таинства. Очевидно, что такой вывод нельзя считать обоснованным, так как подобные ссылки имелись в *Баснях* и римского поэта Федра (перв. пол. I в. н.э.), и греческого автора Бабрия (кон. I – нач. II вв. до н.э.), которые Авиен, согласно его словам (Praef. 12–13, см. ниже, сс. 190–191), использовал в качестве модели для своего сочинения. Скорее всего, Авиен позаимствовал для своих элегий хорошо известные в его время стихи. Об истории басен в греко-римском мире см. предисловие В.Т.Регу к изданию басен Бабрия и Федра (Loeb, 1965), pp. xi–xcvi. На русском языке см.: М.Л.Гаспаров «Античная басня – жанр-перекресток», *Античная басня* (М.: Изд-во Худ. лит., 1991), сс. 3–21.

⁸ Cameron, "Macrobius...", p. 387.

Так, в упомянутой басне 27 Авиена речь идет о вороне, пытающейся напиться из очень большого и высокого кувшина⁹. Говоря о невозможности для птицы достать воду, Авиен употребляет выпадающую из контекста фразу (v. 5, ed. Geumonat, 1973):

postquam nulla viam virtus dedit,

которую он позаимствовал у Клавдиана из *De bello Gildonico* (15, 320):

inveniet virtute viam.

Сочинение Клавдиана возможно точно датировать: оно было написано в Милане, весной 398 г. Тогда *terminus post quem* для *Басен* – 398 г.

Авиен и Феодосий

Далее рассмотрим предваряющее элегии письмо Авиена к Феодосию (Fab., praef. 1-15)¹⁰. Мы полагаем, что адресата баснописца можно отождествить с Макробием Феодосием. О том, что такая идентификация возможна в научной литературе уже говорилось¹¹. Выясним, на чем основано такое предположение и можно ли с ним согласиться¹².

Примечательно, что в своем обращении к Феодосию (Praef. 1)¹³ Авиен восхищается познаниями Феодосия в поэзии и прозе и его литературным стилем (Praef. 4-6)¹⁴. Похоже, что речь идет именно о нашем Макробии Феодосии, писавшем в первой половине V века и включившем в свои *Сатурналии* одновременно и прозу, и поэзию¹⁵. Сложно предположить, что в это время могли быть два литератора по имени «Феодосий» и оба были сведущи в греческом знании. Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о том, что баснописец Авиен посвятил свои *Басни* Макробию Феодосию, автору *Сатурналий*.

Баснописец Авиен – персонаж «Сатурналий»

Напомним, что в *Сатурналиях* действует персонаж по имени Авиен¹⁶. Скорее всего, он имеет прямое отношение к нашему баснописцу,

⁹ Указанную басню см. в переводе М.Л.Гаспарова: *Поздняя латинская поэзия* (М.: Изд-во Худ. лит., 1982), с. 386.

¹⁰ Латинский текст и наш перевод письма Авиена см. ниже, сс. 190-191. Также см. перевод М.Л. Гаспарова упомянутого письма и *Басен* поэта: *Басни Авиана, Поздняя латинская поэзия*, сс. 373-394.

¹¹ См.: Cameron, "The date...", p. 26; "Macrobius...", pp. 385-399; Matthew, p. 371 (п. 4). Об этом как о возможном, но маловероятном факте писал М.Л.Гаспаров, см.: «Басни, сохранившиеся в переложении Авиана», *Античная басня*, с. 497; «Дидактическая поэзия. Басни Авиана», *Поздняя латинская поэзия*, с. 666.

¹² Об этом см.: Cameron, "Macrobius...", pp. 385-399.

¹³ См. ниже, сс. 190-191.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Здесь отметим, что все произведения Макробия свидетельствуют как о обширной эрудиции писателя, так и о его словесном мастерстве. В качестве примера см. наш перевод избранных глав из его *Комментария на 'Сон Сципиона'* в сб.: *Философия природы...*, сс. 371-414.

¹⁶ См. выше: II. «Персонажи *Сатурналий*...», сс. 178.

поскольку среди «других» Авиенов¹⁷ нет никого более подходящего. В этом легко убедиться, сравнив всех Авиенов, живших в IV–VI вв.:

Руфий Магн Фауст Авиен Младший (Rufius Magnus Faustus Avienus iunior) – консул в 502 г., префект претория в Италии в 527–528 г., умер после 534 г.

Флавий Авиен Младший (Fl. Avienus iunior) – консул в 501 г., патриций – 507–511 гг., вероятно принадлежал роду Дециев, сын Цецины Деция Максима Василия (Caecina Decius Maximus Basilius), консула 480 г., брат Альбина (консула 493 г.), Флавия Теодора (консула 505 г.) и Инпортуна (консула 509 г.).

Геннадий Авиен (Gennadius Avienus) – консул 450 г.

Предположение о том¹⁸, что Макробий описал Авиена, переводчика *Явления* (Φαλόμενα) Арата заслуживает особого внимания. Здесь мы рассмотрим, почему этого Авиена также нельзя отнести к участникам *Сатурналий*. Иероним (340–420 гг.) в своих *Комментариях на Послание [ап. Павла] к Титу*¹⁹ упоминает переводчиков Арата²⁰, среди которых Цицерон, Германик и «недавно – Авиен». Поскольку Иероним употребляет слово *puer*, то, очевидно, что оно означает недавнее время, по сравнению с тем, в которое жил сам Иероним. Кроме того, Иероним говорит о своем Авиене, как об авторе многих других произведений (*et multi, quos enumerare perlongum est*). Время написания *Комментария* относится к 387 г., то есть к этому времени Авиен уже не только перевел *Явления* Арата, но и был автором многих других работ²¹. Если бы Макробий хотел изобразить именно этого Авиена, то, скорее всего, он сказал бы о нем как об известном поэте. Но он этого не делает. Напротив, Авиен Макробия значится среди тех персонажей, кто еще слишком молод, чтобы беседовать о важных вещах с Претекстатом²². Кроме того, Макробий обыкновенно называет старших участников *Сатурналий* двумя-тремя (то есть полными) именами (например, Квинт Аврелий Симмах, Веттий Претекстат, Никомах Флавиан, Цецина Альбин), в отличие от более молодых персонажей, названных лишь одним именем: Дизарий, Гор, Евсевий, Сервий и др. Среди последних и Авиен.

¹⁷ См.: Prosopography, pp. 191-194.

¹⁸ См.: М.Л. Гаспаров, «Дидактическая поэзия. Басни Авиана», с. 666.

¹⁹ См.: PL, vol. 26, col. 572v: in actibus quippe apostolorum, cum concionaretur ad populum, et in areopago, quae est curia atheniensium, disputaret, inter caetera ait: sicut et quidam de uestris poetis dixerunt: ipsius enim et genus sumus, quod hemistichium in phaenomenis arati legitur: quem cicero in latinum sermonem transtulit; et germanicus caesar, et nuper auienus, et multi, quos enumerare perlongum est.

²⁰ Подробнее об Арате и его переводчиках см.: К.А. Богданов, «Арат Солийский в литературно-философской традиции Греции и Рима», *Арат Солийский. Явления* (СПб: Алетейя, 2000), сс. 44-49.

²¹ Возможно, имеются в виду географические работы *Об описании земель* (*Descriptio orbis terrae*) и *Морские побережья* (*Ora maritima*).

²² Об этом см. выше: II. «Персонажи *Сатурналий*...», с. 180.

Таким образом, Авиен-переводчик никак не может быть участником праздника, ибо его творческий расцвет приходится на первую половину или середину IV века. Кроме того, имя этого Авиена не встречается в числе корреспондентов К.А.Симмаха, что свидетельствует о том, что он принадлежал к более старшему поколению, чем сам Квинт Аврелий. Есть и еще один аргумент «против». В надписи из Bulla Regia переводчик *Арата* значитсся как Avienius²³. Полное имя поэта таково:

Postumius Rufius Festus, QUI ET Avienius –
Постумий Руфий Фест, он же и Авиений.

Запись показывает, что «Avienius» – не личное имя (cognomen) переводчика, а его прозвище (signum). Этот вывод подтверждают и два сохранившихся манускрипта *Явлений*, в титулах которых записаны лишь имена «Rufius Festus» без прозвища, что вполне оправданно. Существует запись имен писателя на греческом языке – Ρούφιος Φῆστος²⁴. В остальных манускриптах имена переводчика даны в генетиве – Rufi Festi Avieni, где «Avieni» может быть формой генетива как от Avienius, так и от Avienus²⁵. Но отметим, что генетив от «Rufius» в этой фразе также оканчивается на -i, то есть Rufi. Ныне утраченный манускрипт, на котором было основано самое первое издание переведенного текста *Явлений*²⁶, дает схожее написание имен автора: Rufius Festus Avienius.

На основании изложенных выше фактов можно заключить, что Макробий описал в своем произведении именно Авиена-баснописца. Учитывая terminus post quem для *Fabulae* (398 г.), время появления *Сатурналий* (431 г.), а также персонажа указанного трактата по имени Авиен, можно согласиться с предположением, что Авиен написал *Басни* спустя незначительное время после *Сатурналий* и посвятил их Феодосию Макробию²⁷. Тем не менее, это предположение, как и всякое другое, – гипотетично. Могло быть и наоборот. Например, сначала появились *Басни* Авиена с посвящением Макробию Феодосию. Макробий же, в качестве благодарности, включил Авиена в число действующих лиц *Сатурналий*, оговорив, что описываемые персонажи не могли встретиться вместе в реальном времени (Sat. I,1,4-5)²⁸. Как бы то ни было, и Авиен, и Макробий, будучи современниками, знали друг друга. Их произведения появились почти одновременно и могут быть датированы первой половиной V в.

²³ Согласно Cameron, "Macrobius...", p. 392, со ссылкой на R.P.Duncan Jones, исследователя Bulla Regia.

²⁴ Inscriptiones Graecae II. III². 4222 = Inscriptiones Atticae aetatis quae est inter Euclidis annum et Augusti tempora, ed. U. Koehler. 5 parts: 1877, 1883, 1888, 1893, 1985 (supplementa).

²⁵ В качестве примеров такой формы генетива (-ii) можно привести название трактата Марциана Капеллы De nuptiis Philologiae et Mercurii, где Mercurii – генетив от Mercurius, а также произведение Бозция *Утешение Философией* (Conso-latio Philosophiae Boetii), где имя автора также приводится в генетиве.

²⁶ Ed. G.Valla.

²⁷ Это было отмечено выше. См. II. «Персонажи *Сатурналий*...», с. 180.

²⁸ Там же, прим. 23.

Ниже мы приводим латинский текст посвящения Авиена Феodosию (ed. J.W. and A.M.Duff, 1935), с переводом на русский язык.

EPISTULA AD THEODOSIUM

Dubitanti mihi¹, Theodosi optimi², quoniam litterarum titulo nostri nominis memoriam mandaremus, fabularum textus occurrit, quod in his urbane concepta falsitas deceat et non incumbat necessitas veritatis. Nam quis tecum de oratione, quis de poemate³ loqueretur, cum in utroque litterarum genere et Atticos Graeca eruditione superes et Latinitate Romanos. huius ergo materiae ducem nobis Aesopum noveris, qui responso Delphici Apollinis monitus ridicula orsus est, ut legenda firmaret. verum has pro exemplo fabulas et Socrates divinis operibus indidit et poemati suo Flaccus aptavit, quod in se sub iocorum communium specie vitae argumenta contineant. quas Graecis iambis Babrius repetens in duo volúmina coartavit. Phaedrus etiam partem aliquam quinque in libellos resolvit. de his ego ad quadraginta et duas in unum redactas fabulas dedi, quas rudi Latinitate compositas elegis sum explicare conatus. habes ergo opus, quo animum oblectes, ingenium exerceas, sollicitudinem leves totumque vivendi ordinem cautus agnoscas. loqui vero arbores, feras hominibus gemere, verbis certare volucres, animalia ridere fecimus, ut pro singulorum necessitatibus vel ab ipsis [in]animis sententia proferatur.

¹ Ср.: Cicero, Epistularum ad Familiares XI, 29; Epistulae ad Atticum IX,9,2; De divinatione II,12,28.

Отметим, что добавление слова "imperatorem" после имени Theodosium, встречающееся в титуле некоторых манускриптов может быть опущено на основании того, что оно появилось из-за догадки средневекового переписчика, основанной на сходстве имен нашего автора и императора Феодосия. Вне вопроса, что в то время к императору невозможно было обратиться таким фамильярным способом. Кроме того, по самому содержанию послания ясно, что оно обращено к литератору. Об этом см.: Cameron, "Macrobius...". P. 386 (n.2).

² Ср.: Cicero, Orator, ad M. Brutum XXI: ...et in poematis et in oratione peccatur.

ПИСЬМО ФЕОДОСИЮ

Пребывая в сомнении, превосходнейший Феодосий, в каком литературном жанре оставить по себе память, я подумал о басне, ведь басне свойственен остроумный вымысел, правдивости же она не требует. Ибо кто может говорить с тобой о прозе или о поэзии, если и в том, и в другом литературном жанре ты превосходишь афинян греческой ученостью, а римлян – чистотой латыни. Ты увидишь, что в этом труде нашим проводником был Эзоп, который, по наущению дельфийского оракула Аполлона, взялся записать [подобные] нелепицы, дабы сохранить для читателей. Воистину эти же басни и Сократ в качестве примера вложил в свои божественные творения, и Флакк приспособил к своим стихам, поскольку в них под видом обычных шуток содержались житейские мудрости. Бабрий повторил [эти рассказы] греческими ямбами, уместив в два тома, а Федр рассеял 5
какую-то [их] часть по пяти книжицам. Выбрав из них сорок две басни, я издал их в одной книге, пытаюсь изложить элегически-ми стихами то, что было составлено на грубой латыни. 10

Итак, перед тобою сочинение, которое позабавит твою душу, поупражняет ум, умерит волнения, покажет все стороны жизни, сделав тебя осмотрительным. Мы заставили деревья и диких зверей разговаривать с людьми, птиц – вести словесные споры, животных – смеяться, чтобы по каждому поводу имелось наставление даже от [не]разумных [сущест]. 15

И.Г.Коновалова

Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси)

Топонимику обычно принято рассматривать с лингвистической и историко-географической точки зрения. Между тем у топонимического исследования имеется такой аспект, который может представлять определенный интерес в контексте интеллектуальной истории.

Основной функцией любого топонима является фиксация того или иного места на поверхности земли, посредством чего различные элементы пространства входят в контекст человеческой культуры и тем самым осваиваются людьми. Это положение достаточно очевидно применительно к современной географической номенклатуре, где каждый хороним, ойконим, гидроним, ороним точно соответствует какому-то одному конкретному объекту – стране, населенному пункту, реке, озеру или горе. Однако изучение топонимики арабо-персидских сочинений IX–XVI вв. убеждает в том, что толкование некоторых средневековых топонимов исходя из правила «одно наименование в источнике – один географический объект на современной карте», зачастую оказывается неэффективным. Причиной тому – принципиальная разница между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя, у которого имя моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту. Перед нами, таким образом, весьма специфический способ пространственного освоения мира, поэтому при работе с топонимами, обязанными ему своим происхождением, на первый план выходит не идентификация в привычном понимании этого слова (т.е. поиски на современной карте подходящего объекта), а выяснение географического смысла, который вкладывал в то или иное наименование средневековый книжник.

Среди относящихся к территории Восточной Европы топонимов, встречающихся в арабо-персидской историко-географической литературе X–XVI вв., есть такие, которые свойственны только мусульманской традиции и не фигурируют в иных источниках, как, например,

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 99-01-00216а).

«Остров русов»¹, «Русская река»², «гора Кукайа»³ и некоторые другие. Ни одна из многочисленных попыток отождествить эти наименования с каким-нибудь реальным географическим объектом пока не увенчалась успехом, что уже само по себе побуждает обратить особое внимание на методические аспекты интерпретации сообщений средневековых ученых.

Весьма показательна в этом плане длительная дискуссия о местонахождении «Острова русов», рассказ о котором был популярным сюжетом для многих арабо-персидских авторов X–XVI вв. Востоковеды, за редким исключением, помещают «Остров русов» в северной части Восточной Европы – в районе Новгорода, Ладоги, Ростова – Ярославля или в Волго-Окском междуречье⁴. В пользу северного положения «острова» высказываются также многие историки Древней Руси и археологи, предлагающие и ряд других вариантов его локализации в пределах этого региона – Старую Руссу, острова Сааремаа и Рюген в Балтий-

¹ Библиографию и переводы фрагментов см.: Новосельцев А.П. Восточные источники к восточным славянам и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 372–383, 392–408 (в подборку включены тексты Ибн Русте, ал-Макдиси, Гардизи, ал-Марвази, Ауфи, Ибн Ийаса и отрывки из "Худуд ал-'алам" и "Муджмал ат-таварих"). См. также переводы: Бартольд В.В. Новое мусульманское известие о русских // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 806–807 (Ауфи); Заходер Б.Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX–X вв. // Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 146–147 (ал-Марвази); Коновалова И.Г. Сведения арабских авторов XII–XIV вв. о городе Русийа // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г. Тез. докл. М., 1993. С. 103–105 (Ибн Са'ид, Абу-л-Фида, ад-Димашки).

² Библиографию см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 96–112.

³ Там же. С. 80–81.

⁴ Fraehn H. Ibn Foszlans und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823. S. 47–50; Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X в. по рукописи Британского музея. СПб., 1869. С. 99; Куник А.А., Розэн В.Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878–1903. Ч. 1–2; Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. 13. С. 364–412; Ч. 14. С. 1–52; Смирнов П. Волзьский шлях і стародавні руси. Київ, 1928. С. 119–123; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 109–110; Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th–11th Centuries. Cambridge, 1958. P. 109; Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. С. 822–824; Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 402–408; Калинина Т.М. Древняя Русь и страны Востока в X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 12, 13, 20; Golden P.V. The Question of the Rus' Qaanate // АЕМА. 1982. Т. II. P. 87–97; Stang H. The Naming of Russia. Oslo, 1996. P. 187–188; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Научн. ред., послесл. и коммент. В.Я.Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 90.

ском море, Карельский перешеек⁵. Параллельно с точкой зрения о местонахождении «Острова русов» на Севере в историографии высказываются и предположения о том, что поиски «острова» следует вести в южном направлении – в Киеве, в районе Кубанской дельты и в Приазовье в целом, в Крыму, в Северной Добрудже, на Каспии⁶.

Характерно, что увеличение количества версий локализации «Острова русов» в историографии не сопровождалось поиском новых методических подходов к анализу информации источников. Практически все исследователи, сформулировавшие те или иные предположения относительно «Острова русов», исходили и исходят из твердой уверенности в том, что арабо-персидские авторы X–XVI вв., повествуя об «Острове русов», описывают некий реальный географический объект в пределах Восточно-Европейской равнины и омывающих ее морей – будь то остров (или группа островов), полуостров (ибо арабское слово *джазира* допускает и такой перевод), город с подвластной ему округой или область, расположенная в междуречье крупных рек. Соответственно, одним из основных направлений исследования становится поиск либо такого объекта, который более или менее отвечал бы имеющимся в мусульманских источниках данным о географическом положении и размерах «острова», его населении, климате, полезных ископаемых и т.п., либо «островного» топонима, вроде древнескандинавского наименования Новгорода *Hólmgarðr* (от др.-сканд. *hólmr* – «остров», *garðr* – «ограда, огороженный участок земли, двор, усадьба»)⁷. А поскольку

⁵ Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 56; Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // ДГ, 1980 г. М., 1982. С. 168–175; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 198; Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990. С. 116–117; Вязинин И.Н. "Русы живут на острове" // ВИ. 1994. № 9. С. 154–156; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750–1200. L.; N.Y., 1996. P. 40–41; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 1998. С. 466.

⁶ Чертков А.Д. О Белобережье и семи островах, на которых, по словам Димеши, жили Руссы, разбойники, с картою Freduce d'Ансопа, где назначены их притоны, в IX–XI столетиях, на Черном и Азовском морях. СПб., 1845. С. 43–69; Гаркави А.Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. II. С. 242–248; Насонов А.Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы X в. // ИЗ. 1940. Т. 6. С. 81; Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943. P. 278–286; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 342–358; Иеромонах Никон. Начало христианства на Руси // ВИ. 1990. № 6. С. 50; Трубочев О.Н. К истокам Руси (Наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 28–29; Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. 2-е изд. М., 1998. С. 124–128; Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 69.

⁷ Наряду со значением "город на острове" специалисты рассматривают и другие толкования смысла древнескандинавского названия Новгорода (подробнее

информация об «Острове русов» не лишена противоречий, то аргументация в пользу той или иной интерпретации сообщений арабо-персидских авторов неизбежно опирается лишь на отдельные сведения источников, оставляя без внимания прочие.

Следствием такого подхода является сосуществование в историографии двух прямо противоположных оценок степени достоверности данных об «Острове русов». С одной стороны, в рассказах мусульманских авторов находят поддающиеся идентификации сведения, вплоть до «точных топографических деталей», на основе которых даже делаются попытки реконструкции карты «острова»⁸, с другой – обвиняют арабо-персидских ученых в пристрастии к «сказочной экзотике» и желании «поразить читателя курьезами», которые в значительной мере девальвируют приводимую ими информацию и тем самым освобождают исследователя от необходимости искать ей объяснение⁹. Любопытно, что при этом одна и та же признаваемая достоверной деталь описания может с равным успехом использоваться в качестве доказательства при локализации «Острова русов» в самых разных концах Восточной Европы. Так, например, указание источников на заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается различными исследователями как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта и в Новгородской земле, и на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген.

Подобная методика, с одной стороны, неоправданно сильно расширяет район возможной локализации «Острова русов», с другой же – в значительной степени подрывает доказательность той или иной гипотезы, так как сведения источников, не находящие объяснения в ее рамках, всегда могут быть предъявлены в качестве контраргумента. В результате каждая новая появляющаяся в историографии версия приближает нас к истине лишь в том смысле, что делает все более и более очевидной сложность состава сообщений об «Острове русов»¹⁰ и – соответственно – выдвигает на первый план не столько поиски подходящего места на карте для данного «острова», сколько исследование географической специфики самого топонима, механизма его формирования, а также его функций в системе представлений арабо-персидских авторов о Восточной Европе.

см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.); Тексты, перевод, комментарий. М., 2000. С. 287–290).

⁸ Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 342–358 (на с. 345 помещена карта "Острова русов"); Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси. С. 172; Трухачев О.Н. К истокам Руси. С. 29; Вязинин И.Н. "Русы живут на острове". С. 156.

⁹ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 198–199; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. P. 40; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат. С. 465.

¹⁰ Исследованию этого вопроса целиком посвящена наша статья: Коновалова И.Г. Состав рассказа об "Острове русов" в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ, 1999 г. (в печати).

Может показаться, что все особенности термина «Остров русов» обусловлены не чем иным, как простой нехваткой конкретной информации о Древней Руси, имевшейся в распоряжении мусульманских авторов X в.: отсюда и невозможность твердо определить местонахождение «острова». Поэтому, оценивая роль, принадлежавшую хорониму «Остров русов» в мусульманской историко-географической традиции, востоковеды видят ее в передаче первого, наиболее общего – и вследствие этого недостаточно детализированного – представления о Древней Руси, которое постепенно перешло в разряд «исторических анекдотов», будучи вытеснено новыми сведениями принципиально иного характера, т.е. данными о конкретных географических объектах на территории Руси (городах, реках, озерах, морях, горах)¹¹. Тем не менее топонимы, не поддающиеся точной локализации, продолжают появляться и в более поздних источниках, когда представления арабо-персидских ученых о Руси и Восточной Европе в целом становятся куда более обстоятельными.

В частности, упомянутые в начале нашей статьи топонимы «Русская река» и «гора Кукайа» встречаются в богатейшем по содержанию в нем фактическому материалу сочинении арабского ученого ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», 1154 г.)¹². Сам ал-Идриси не был в Восточной Европе, но, пользуясь покровительством норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), при дворе которого в Палермо географ жил и работал, он сумел собрать обширный и в ряде случаев уникальный материал о различных странах и народах восточноевропейского региона – Древней Руси, Волжской Булгарии, Кумании (Половецкой степи), Северном Причерноморье, Восточной Прибалтике¹³. Для описания Восточной Европы ал-Идриси использовал самые разнообразные источники – как книжные данные, так и сведения, полученные от своих современников, купцов и путешественников, которые либо сами посещали Восточную Европу, либо общались с лицами, ездившими туда с торговыми целями.

Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой мира. Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси

¹¹ Заходер Б.Н. Еще одно раннее мусульманское известие. С. 150–151; Новосельцев А.П. Восточные источники. С. 402.

¹² *Al-Idrisi. Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragere studeant" / Consilio et auctoritate E.Cerulli et alt. Una cum aliis ed. A.Bombaci et alt. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX. Об ал-Идриси и его сочинении см.: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 281–299; Oman G. Al-Idrisi // EI, NE. Vol. III. P. 1032–1035.*

¹³ Разбор сведений ал-Идриси о Восточной Европе см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси.

разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-климатов (*иклим*), а каждый климат, в свою очередь – на десять поперечных частей-секций (*джуз*). Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует подробная карта; 70 секционных карт в совокупности составляют общую карту мира, не знающую себе равных в средневековой мусульманской картографии по топонимической насыщенности (на карту ал-Идриси всего нанесено, по подсчетам К.Миллера, около 2500 наименований¹⁴). Благодаря тому, что труд ал-Идриси является произведением географического характера, в котором собранные им данные поданы не только в систематизированном виде, но и одновременно в двух формах – текстуальной и картографической, – мы имеем редкую возможность рассматривать упоминаемые географом топонимы не сами по себе, а в контексте его общих представлений о Восточной Европе, что, в свою очередь, позволяет реконструировать происхождение топонимов и понять их специфику.

«Русская река» (*нахр ар-Русийа*) упоминается в сочинении ал-Идриси несколько раз. Сначала о ней говорится в 5 секции VI климата – в составе морского маршрута «Константинополь–Тмутаракань», после описания городов Крыма: «От города Султатийа (Судак) до [города] Бутар (Феодосия) 20 миль. От Бутара до устья Русской реки 20 миль. От устья Русской реки до [города] Матраха(Тмутаракань) 20 миль»¹⁵. Данные такого же типа содержатся и в тексте 6 секции VI климата, где об устье «Русской реки» сказано при описании маршрута «Трапезунд–Феодосия»: «От города Матраха до города Русийа (Керчь) 27 миль ... Город Русийа стоит на большой реке, текущей к нему с горы Кукайа. От города Русийа до города Бутар 20 миль. Мы уже упоминали [города] Русийа и Бутар ранее»¹⁶. Несмотря на то, что в последнем из процитированных отрывков река не названа по имени, не приходится сомневаться в том, что речь идет именно о «Русской реке», поскольку на это указывает топонимия обоих фрагментов.

Нетрудно заметить, что оба эти сообщения о «Русской реке» были получены ал-Идриси от мореплавателей. Один из них знал лишь устье реки. Другой, непосредственно знакомый также с портовым городом в устье этой реки, приводил и дополнительные данные, касающиеся названия города, величины реки и местонахождения ее истоков.

¹⁴ Miller K. *Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Stuttgart, 1926. Bd. V. S. 165.

¹⁵ *Al-Idrisi. Opus geographicum*. Neapoli; Romae, 1978. Fasc. VIII. P. 909.

¹⁶ *Ibid.* P. 916. Под словом "ранее" ал-Идриси имеет в виду упоминание в 5 секции VI климата. Там, однако, речь шла не о городе Русийа, а об одноименной реке, а город Бутар, действительно, был назван.

В составе упомянутой нами лоции из 5 секции VI климата содержится еще одно сообщение о «Русской реке». Оно имеет иной характер по сравнению с приведенными выше маршрутными данными и представляет собой вставку, следующую в тексте сразу за описанием Тму-таракани:

«В упомянутую Русскую реку впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукайа, а это большая гора, протянувшаяся от моря Мрака¹⁷ до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны Иаджуджа и Маджуджа¹⁸ на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым¹⁹. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем *ан-н.барийа*²⁰. У этого народа есть шесть укрепленных городов, расположенных между руслами этих рек, текущих, как мы уже сказали, с горы Кукайа. Никто не может покорить этих людей: у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны. С помощью Аллаха мы подробно расскажем об этих городах в соответствующем месте седьмого климата»²¹.

В 5–6 секциях VII климата, где можно было бы ожидать появления обещанного рассказа о городах народа *ан-н.барийа*, ничего подобного не содержится. Эти разделы своего сочинения ал-Идриси посвятил характеристике северных областей Руси, Кумании и Волжской Булгарии²². То, что именно в эти главы должно было быть помещено описание городов народа *ан-н.барийа*, очевидно при взгляде на карту «Нузхат ал-муштак». Там на стыке 5–6 секций VII климата в полном соответствии с данными текста показана впадающая в Черное море «Русская река», а между шестью ее истоками, текущими на юг с горы Кукайа, обозначены и шесть городов. Названия их таковы (с запада на

¹⁷ Обозначение северной части Атлантического океана, а также морей западной части Северного Ледовитого океана в арабской географической литературе (*Dunlop D.M. Al-Bahr al-Muhit // EI, NE. T. I. P. 934*).

¹⁸ *Иаджудж* и *Маджудж* – библейские Гог и Магог, враждебные людям существа, обитающие на востоке Земли, с пришествием которых в день Страшного суда наступит конец света (Быт. 10, 2; Иез. 38–39; Отк. 20, 7). Апокалиптическая легенда о Гоге и Магоге имела широкое распространение не только на Западе, но и на Востоке, где она была связана с мотивами "Романа об Александре", в котором рассказывалось о деяниях Александра Македонского в Азии. К сирийским версиям "Романа об Александре" восходит образ коранического Зу-л-Карнайна (*Пиотровский М.Б. Зу-л-Карнайн // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 78–79*), построившего стену для защиты от Иаджуджа и Маджуджа (*К. 18:83/82–102; 21:96*).

¹⁹ По представлению ал-Идриси, Смолистое море (*бахр аз-Зафту*) омывало пустынные земли на севере ойкумены, в том числе страну Иаджуджа и Маджуджа; свое наименование море получило из-за того, что вода в нем мутная и большую часть времени оно покрыто мраком (*Al-Idrisi. Opus geographicum. Neapoli; Romae, 1970. Fasc. I. P. 87*).

²⁰ Рукописи оставляют неясной огласовку первой буквы.

²¹ *Al-Idrisi. Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 910*.

²² *Ibid. P. 957–959*.

восток): 1) *Лука*; 2) *.с.т.р.куса* (в рукописи L вместо буквы *ваз* стоит похожая на нее по написанию буква *ра* – *.с.т.р.к.р.са*; в списке O буква *та* заменена на *ба*, а *ваз* – на *фа* – *.с.б.р.к.ф.са*); 3) *Б.руна*; 4) *Бус.да* (в рукописи L первая буква написана нечетко и может быть принята за *лам* – *Лус.да*; в рукописи O все название написано крайне неразборчиво); 5) *Х.рада* (в рукописи O – *Х.т.рада* или *Х.т.рара*; в списке Kc – *Бу'рада*); 6) *.б'ада* (с нечетко написанной в рукописях P и L буквой бакоторую можно принять за *лам* – *.л'ада*), *.н.када* (O) или *.л.гада* (Kc)²³. В нижнем течении «Русской реки» располагалась, судя по надписи на карте, Кумания, а в верховьях – страна, названная по имени живущего там народа, *ан-Н.барийа*. В названии этой страны на картах разных рукописей, в отличие от текста, очень неясная постановка диакритических точек при буквах *нун* и *ба*, поэтому наряду с чтением *Н.барийа* возможно также *Б.нарийа* или *Б.йарийа*.

Помимо «Нузхат ал-муштак», информация об этих шести городах имеется и в другом труде географа, так называемом «Малом Идриси», представляющем собой сокращенную авторскую редакцию основного сочинения и дошедшем до нас в двух списках из Стамбула (с атласом из 73 карт) и Дамаска (без карт)²⁴. Сведения, содержащиеся в «Малом Идриси», несколько отличаются от тех, которые имеются в «Нузхат ал-муштак» и, что очень важно, существенно дополняют последние.

Само имя народа *ан-н.барийа* не встречается в «Малом Идриси» – ни в тексте, ни на карте. Однако в тексте 5 секции VII климата, где идет речь о Руси и земле маджусов²⁵, упоминаются населенные пункты,

²³ Карты с изображением "Русской реки" и шести городов народа *ан-н.барийа* дошли в составе рукописей из Парижа (P), Оксфорда (O), Стамбула (Kc) и частично – из Санкт-Петербурга (L). Соответствующие фрагменты изданы К.Миллером и О.Талльгреном-Туулио: *Miller K. Mappae arabicae. Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 65–66; Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à la peninsule balkanique au Sud / Édition critique, traduction, études. Helsinki, 1936* (карта). Транскрипцию названий см.: *Miller K. Mappae arabicae. Stuttgart, 1926. Bd. II. S. 153; Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi. P. 31, 42–43.*

²⁴ О "Малом Идриси" см.: *Lewicki T. Polska i kraje ssiednie w wietle "Ksi gi Rogera" géografa arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego. Kraków, 1945. Cz. 1 (Uwagi ogólne, tekst arabski, tłumaczenie). P. 17.*

²⁵ Термин *ал-мджус* использовался в мусульманской традиции как собирательное обозначение приверженцев зороастризма, которые противопоставлялись как "людям Писания", т.е. иудеям и христианам, так и язычникам (К. 22: 17). В основном сочинении ал-Идриси земля маджусов охарактеризована в 4 секции VII климата, в одном разделе с описанием Восточной Прибалтики и прилегающих к ней районов Руси (*Al-Idrisi. Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 954–955*). Относительно местонахождения земли маджусов единого мнения пока нет, но связь ее с Восточной Прибалтикой несомненна, так как, во-первых, о земле маджусов у ал-Идриси говорится в связи с описанием Эстланда и, во-вторых, некоторые ее города располагались на побережье моря, под которым, судя по контексту, может подразумеваться только Балтийское. Согласно сведениям ал-

названия которых позволяют отождествить их с наименованиями городов народа *ан-н.барийа*, нанесенными на карту к «Нузхат ал-муштак». При этом данные о пяти городах со сходными названиями приводятся не сами по себе, а в составе дорожников:

«От [города] Суну²⁶, что в земле маджусов, на восток до города .с.т.р.куса (.с.т.р.кума) 100 миль. От него до [города] Нусида (Бус.да) – 80 миль, а от Нусида до [города] .л'ада – 100 миль. Все эти три города, относящиеся к [земле] маджусов, расположены на реке Бул.га (Мул.га), такую как и город Лука, от которого до ... [пропуск в тексте] ... миль. От [города?] Буг.рада (Бух.рава) до [города] .л'ада один день пути»²⁷.

На карте 5 секции VII климата «Малого Идриси» обозначены все шесть интересующих нас городов. Они расположены не между истоками «Русской реки», как в «Нузхат ал-муштак», а в приморском районе, омываемом морем Мрака. Гора Кукайа остается к северо-востоку от них. Между городами, разделяя их на две группы (по три города к западу, с одной стороны, и к востоку – с другой), показана безымянная река, впадающая в море. В написании названий городов на карте «Малого Идриси» имеются некоторые особенности по сравнению с наименованиями в «Нузхат ал-муштак»: 1) *Бука*; 2) *.с.т.р.куда*; 3) *Б.руни*; 4) *Бунида*; 5) *Бу'рада*; 6) *.л.гада*²⁸.

Возможно, в «Малом Идриси» сохранилась та часть текста, которую географ по каким-то причинам не ввел в «Нузхат ал-муштак» вопреки своему первоначальному намерению. Не случайно в «Малом Идриси» сведения о городах находятся именно там, где они должны были бы быть в «Нузхат ал-муштак» – в 5 секции VII климата. Можно сказать, что «Малый Идриси» и «Нузхат ал-муштак» в этой части взаимно дополняют друг друга: в «Нузхат ал-муштак» имеется описание народа *ан-н.барийа* и названия подвластных ему городов, а в «Малом Идриси» сохранились данные, отсутствующие в основном сочинении ал-Идриси, – дорожники с указанием расстояний между этими городами.

Относительно идентификации «Русской реки», народа *ан-н.барийа* и принадлежащих ему городов востоковедами, историками Древней Руси и археологами были высказаны различные мнения. Большинство исследователей отождествляют «Русскую реку» с Доном и Северским

Идриси, к земле маджусов он относил часть территории Восточной Прибалтики – от областей земгалов до сопредельных с Польшей владений Руси (подробнее см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 196–198).

²⁶ По данным "Нузхат ал-муштак", город Суну локализуется на побережье Рижского залива где-то между современными Юрмалой и Ригой (*Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 197).

²⁷ *Tallgrén-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 42–43. Написание топонимов указано по Стамбульской рукописи, варианты по рукописи из Дамаска приведены в скобках.

²⁸ *Ibid.* P. 43; *Miller K.* *Maprae arabicae.* Bd. II. S. 153.

Донцом²⁹, а некоторые склонны относить этот гидроним к р. Кубани³⁰ или впадающей в Таганрогский залив р. Кальмиус³¹. Что касается народа *ан-н.барийа*, то его связывают либо с жителями Русского Севера, либо с восточнославянским племенем северян.

Локализовать города на севере Восточно-Европейской равнины предложил финский востоковед О.Талльгрэн-Туулио. Топоним *.с.т.р.куса* он связал с упоминаемым в латиноязычных источниках наименованием *Ostrogard*. О.Талльгрэн-Туулио полагал, что это распространенное среди датчан название Руси ал-Идриси принял за имя древнерусского города, которое в арабской передаче могло звучать как **Уструкарда*³². Топоним, имеющий несколько вариантов написания – *.б'ада*, *.н.када*, *.л.гада*, *.л'ада*, – О.Талльгрэн-Туулио свел к первоначальному **Алнага* и отождествил с Онегой в устье одноименной реки³³. Город *Лука* исследователь предложил сопоставить с каким-либо ойконом Верхневолжья типа «Луги», «Великие Луки» и т.п. Основанием для такой локализации он считает упоминание «Малого Идриси» о том, что этот город стоит на реке *Булга*, то есть на Волге³⁴. Топоним *Б.руна* О.Талльгрэн-Туулио рассматривал как обозначение Мурома и возводил написание названия к начальной форме **Мурума*³⁵. Под наименованием *Бу'рада* (*Х.рада*, *Х.т.рада*, *Х.т.пара*, *Буг.рада*, *Бух.рава*), по мнению исследователя, подразумевался Новгород³⁶. Наконец, последний город, *Бус.да* (*Бунуда*), был соотнесен им с этнонимом «югра»³⁷.

Что касается интерпретации этнонима *ан-н.барийа*, то О.Талльгрэн-Туулио предложил конъектуру **Бйармийа*, которая опирается на одно из чтений названия страны на картах «Нузхат ал-муштак» – *Б.йарийа* и требует замены буквы *йа* на *мим*, что переписчик мог довольно легко сделать. По мнению ученого, у ал-Идриси речь идет о Бьярмии (*Bjarmaland*) – области, многократно упоминаемой в различных древнескандинавских источниках и находившейся, по представле-

²⁹ Miller K. *Maprae arabicae*. Bd. II. S. 150; Tallgren-Tuulio O.J. *Du Nouveau sur Idrisi*. P. 171; Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43. С. 19–20; Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според "Географията" на Идриси. София, 1960. С. 149; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. С. 147; Pritsak O. *From the Sabirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honour of Julius Németh / Gy. Káldy-Nagy*. Budapest, 1976. P. 27.

³⁰ Захаров В.А. Тмутаракань и "Слово о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве": Комплексные исследования. М., 1988. С. 215–216 и др.

³¹ Брун Ф.К. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 125.

³² Tallgren-Tuulio O.J. *Du Nouveau sur Idrisi*. P. 176.

³³ Ibid. P. 185–187.

³⁴ Ibid. P. 175.

³⁵ Ibid. P. 176–177.

³⁶ Ibid. P. 188–189.

³⁷ Ibid. P. 178.

ниям скандинавов, на севере Восточной Европы³⁸. О.Талльгрэн-Туулио полагал, что источником сведений для ал-Идриси об этой земле и ее народе послужили фрагменты скандинавских саг и скальдической поэзии, дошедшие до сицилийского географа в пересказе информаторов, от которых он получил данные о других народах Северной Европы. Возможность передачи таких сведений О.Талльгрэн-Туулио видит в неплохой информированности ал-Идриси о тех районах Северной Европы, которые имели тесные связи с Бьярмией, например, о Финнмарке. Он не исключает также возможности получения сведений от купца-путешественника, проехавшего от Черного моря по рекам Восточной Европы в северные русские земли³⁹.

К достоинствам работы О.Талльгрэн-Туулио следует отнести прежде всего то, что он ввел в научный оборот маршрутные данные из «Малого Идриси», благодаря которым локализация городов народа *ан-н.барийа* могла быть поставлена на реальную почву. Сам О.Талльгрэн-Туулио не сделал попытки соотнести данные «Малого Идриси» с теми сведениями о народе *ан-н.барийа*, которые имелись в «Нузхат ал-муштак». Проведение такого сопоставления должно было явиться логическим продолжением работы О.Талльгрэн-Туулио, однако в силу ряда причин последующая историография данного вопроса развивалась вне всякой связи с его исследованием.

После О.Талльгрэн-Туулио к сообщению ал-Идриси о городах народа *ан-н.барийа* обратился Б.А.Рыбаков. Публикация финского востоковеда осталась ему неизвестной, поэтому, не зная данных из «Малого Идриси», все свои усилия он сосредоточил на анализе материала из «Нузхат ал-муштак». Народ *ан-н.барийа* Б.А.Рыбаков отождествил с населявшим Северскую землю восточнославянским племенем северян⁴⁰. Эту идею поддержал Б.Недков, предложивший конъектуру **Сабарина*⁴¹. Впоследствии она вошла в полное издание «Нузхат ал-муштак», где соответствующий фрагмент готовил к публикации Т.Левицкий⁴². В локализации городов Б.А.Рыбаков исходил из того, что их необходимо искать в бассейне «Русской реки», которую он отождествил с Северским Донцом. Источником сведений ал-Идриси о народе

³⁸ Различные точки зрения на локализацию Бьярмии см.: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 197–200; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 37–46, 96–98, 180–181; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58–67; Она же. Этот таинственный и загадочный Бьярмланд // Отечество: Краеведческий альманах. М., 2000. С. 87–102.

³⁹ Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi. P. 172, 174.

⁴⁰ Рыбаков Б.А. Русские земли. С. 23–24.

⁴¹ Недков Б. България. С. 102–103, 150. Заметим, что конъектура *ан-н.барийа* > **ас-сабарина* весьма уязвима из-за большой разницы в написании первой графемы (*нун* и *син*).

⁴² Al-Idrisi. Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 910.

ан-н.барийа, по мнению Б.А. Рыбакова, мог быть рассказ путешественника, хорошо знавшего бассейн верхнего Донца. Б.А. Рыбаков учел то, что у ал-Идриси идет речь об укрепленных городах, и предложил искать их в районе салтовских городищ IX в., располагавшихся в верховьях Северского Донца и его притоков. Города были идентифицированы им следующим образом (в транскрипции Б.А. Рыбакова, опиравшегося не на оригинальный текст ал-Идриси, а на его французский перевод): *Сарада* – Салтовское городище, *Лука* – одно из городищ в районе г. Валки (в верховьях р. Можы), *Абкада* – «где-то западнее Оскола». Остальные города предположительно соответствовали летописным Шаруканю (*Астаркуза*), Сугрову (*Бусара*) и Балину (*Баруна*)⁴³.

Таким образом, в локализации Б.А. Рыбакова ни один из городов не поддается уверенному отождествлению. Найти лингвистическое объяснение названий городов, которое соответствовало бы гипотезе Б.А. Рыбакова, невозможно. Это самый существенный недостаток его концепции. Не случайно О. Прицак, согласившийся с Б.А. Рыбаковым в части локализации городов народа *ан-н.барийа* в бассейне Северского Донца, тем не менее, отказался от попыток объяснить наименования городов и определить их более точное местонахождение⁴⁴.

Работа Б.А. Рыбакова оказала решающее воздействие на всю последующую историографию рассматриваемого вопроса. Публикация О. Талльгрена-Туулио осталась в тени, и все авторы, обращавшиеся к фрагменту ал-Идриси о народе *ан-н.барийа*, пользовались выводами Б.А. Рыбакова уже не как гипотетическими, а как вполне доказанными⁴⁵. Единственным исключением, пожалуй, является статья В.М. Бейлиса, где автор при переводе данного отрывка отмечает обе конъектуры – О. Талльгрена-Туулио и Б.А. Рыбакова, – подчеркивая тем самым гипотетичность как той, так и другой⁴⁶.

Мы привели здесь только те толкования рассказа о «Русской реке», которые опираются на более или менее убедительную аргументацию их авторов, оставляя в стороне бездоказательные предположения и догадки, приписывающие сицилийскому географу столь детальные знания древнерусской топо- и этнонимии, какими не обладал даже составитель Повести временных лет⁴⁷. Ход дискуссии, развернувшейся

⁴³ Рыбаков Б.А. Русские земли. С. 20–25.

⁴⁴ Pritsak O. From the Sábirs to the Hungarians. P. 27–28.

⁴⁵ Недков Б. България. С. 103, 150; Кожемякин А.В. Подонье в зарубежной картографии XII–XVI вв. // Науч. зап. Воронежского отд. Географ. об-ва СССР. Воронеж, 1971. С. 182 и др.

⁴⁶ Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГ, 1982 г. М., 1984. С. 213.

⁴⁷ В качестве примера курьезной идентификации данных ал-Идриси можно привести мнение первых исследователей данного фрагмента И.Левелея и К.Миллера, видевших в наименовании *ан-Н.барийа* искаженный вариант арабской передачи топонима "Пенза" (**Баназийа*) и искавших соответствия для упоминаемых арабским географом городов в мордовской топонимии, выбирая из

по этому вопросу в историографии, был подробно рассмотрен нами в другой работе, в связи с чем сейчас мы остановимся лишь на методическом аспекте интерпретации данных ал-Идриси о «Русской реке».

Как и «Остров русов», наименование «Русская река» рассматривается в историографии как обозначение реального географического объекта, в связи с чем вектор исследовательского внимания оказывается целиком направленным на прямое отождествление данного гидронима ал-Идриси с той или иной рекой Восточной Европы. Такой подход, не предполагающий выяснения специфики самого топонима, оставляет без ответа важные вопросы о составе и происхождении сведений ал-Идриси о «Русской реке». В результате среди предложенных к настоящему времени гипотез идентификации «Русской реки» нет ни одной, объясняющей не какие-то отдельные, а все данные об этой реке, имеющиеся в сочинении арабского географа.

Например, из текста источника вполне очевидно, что под устьем «Русской реки» у ал-Идриси подразумевается Керченский пролив. Исходя из этого факта, кажется логичным вести поиски «Русской реки» среди крупных рек, впадающих в Азовское море, – Дона или Кубани. Однако если допустить, что интересующему нас гидрониму действительно соответствует какая-то из указанных рек, то подобная локализация будет противоречить сведениям ал-Идриси об истоках «Русской реки», берущих начало в высокой заснеженной горе Кукайа, которая, по словам географа, простирается «от моря Мрака до края обитаемой земли». Трудно представить себе, чтобы определения, используемые ал-Идриси для характеристики горы Кукайа («большая», «очень высокая», недоступная «из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине»), можно было бы связать с местом, где лежат истоки Дона и Северского Донца, – со Среднерусской возвышенностью, где самые высокие точки не достигают и 300 м. Сопоставлять же гору Кукайа с Кавказским хребтом, на северных склонах которого начинается р. Кубань, мешают два обстоятельства: во-первых, направление течения Кубани – с юга на север, в то время как «Русская река», согласно ал-Идриси, течет с севера на юг; во-вторых, упоминание оронима «Кукайа» в одном контексте с гидронимами и этнонимами, связываемыми

нее наиболее созвучные, на их взгляд, названия – Саранск, Инсар, Ардатов, Темников и др., нимало не смущаясь тем, что всех этих населенных пунктов в XII в. не было, а если и существовали какие-то поселения на их месте, то не столь значительные, чтобы стать известными за пределами своей округи (*Lelewel J. Géographie du moyen âge. Bruxelles, 1852. T. III/IV. P. 190; Miller K. Mappae arabicae. Bd. II. S. 153*). Пытаясь объяснить наименование горы Кукайа, Б.А.Рыбаков сопоставляет этот ороним с топонимом "Куколов лес", отмеченным в верховьях Оскола в русском источнике XVII в. "Книга Большому чертежу" (*Рыбаков Б.А. Русские земли. С. 24. Впоследствии его точку зрения поддержал Б.Недков: Недков Б. България. С. 149*).

в мусульманской традиции с северо-восточными районами ойкумены («море Мрака», «Смолистое море», народы «Иаджудж и Маджудж»).

Этим и другим подобным противоречиям, возникающим в результате попыток прямого перенесения на карту данных ал-Идриси о «Русской реке», как правило, не придают большого значения, ссылаясь на недостаточную информированность географа. Разумеется, ал-Идриси располагал ограниченными возможностями для получения полных и достоверных данных о Восточной Европе, однако стоит заметить, что констатация этого очевидного факта совершенно непродуктивна в исследовательском плане.

Между тем, даже беглый взгляд на совокупность сообщений о «Русской реке» убеждает в том, что информация об этом объекте «многослойна». Неоднократные упоминания гидронима в различных частях сочинения ал-Идриси уже сами по себе свидетельствуют о том, что в распоряжении географа должно было иметься несколько источников сведений о ней. На некоторые книжные источники рассказа о «Русской реке» уже обращалось внимание в работах востоковедов. В частности, давно установлено, что название горы Кукайа восходит к наименованию Рифейских гор у античных географов⁴⁸. В.М.Бейлис усматривает в описании шести истоков «Русской реки» не вполне отчетливые отголоски данных, связанных с картографическими трудами ал-Хваризми и Птолемея⁴⁹.

Проведенный нами анализ всех упоминаний о «Русской реке» и поселениях обитавшего в ее бассейне народа *ан-н.барийа* в обоих сочинениях ал-Идриси показал, что рассматриваемый гидроним целиком является плодом работы ал-Идриси, пытавшегося осмыслить информацию разных источников о речных путях Восточной Европы⁵⁰. В рассказе о «Русской реке» можно выделить следующие пласты сведений.

Прежде всего это – общие данные о возможности водным путем пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении, чтобы попасть из Черного моря на Север, в Окружающий океан. Это нерасчлененное представление о водных путях Восточной Европы воплотилось в весьма популярном в арабской географии IX–X вв. соображении о наличии огромного Константинопольского пролива, который близ византийской столицы отделялся от Средиземного моря и шел на север, разделяя земли славян, вплоть до Окружающего океана⁵¹. Вполне вероятно, что об идее подобного путешествия ал-Идриси

⁴⁸ Miller K. *Mapae arabicae*. Stuttgart, 1926. Bd. I. N. 2. S. 49; Bd. IV. S. 93; Tallgren-Tuulio O.J. *Du Nouveau sur Idrisi*. P. 170; Pritsak O. *From the Sábirs to the Hungarians*. P. 26.

⁴⁹ Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII век) о восточном Причерноморье. С. 212–213, 222–223.

⁵⁰ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 96–112.

⁵¹ *Opus geographicum auctore Ibn Haukal ...* / J.H.Kramers. Lugduni Batavorum; Lipsiae, 1938. Fasc. II. P. 388.

мог слышать от своих современников, рассказы которых, в свою очередь, возможно, и побудили его обратить внимание на сообщения более ранних авторов.

Арабские географы X в. знали также о существовании на севере Европы «моря славян» (или «моря позади славян»). Как полагают, в этом понятии отразились туманные сведения о Балтийском море. Путь к нему, по представлениям арабских ученых, лежал по «реке славян» – Танису⁵². Танис – так называл эту реку географ второй половины IX в. Ибн Хордадбех – не совпадал ни с Танаисом античных авторов, ни с реальным Доном: по словам Ибн Хордадбега, купцы-русы, отправлявшиеся по «реке славян», проезжали мимо Хамлиджа⁵³, который находился «в конце» этой реки⁵⁴. Таким образом, в арабской географической литературе IX–X вв. «Константинопольский пролив» и «река славян» («Танис») являлись собирательными понятиями для обозначения водного пути между югом и севером Европы.

Эти географические представления ученых IX–X вв. прямо не отразились в сочинении ал-Идриси, поскольку у него было много новых данных, особенно о Черном море и Волго-Донском пути. Однако, принимая во внимание большую начитанность ал-Идриси, можно предполагать, что взгляды предшественников были нашему географу известны.

С этим же пластом сведений, почерпнутым из сочинений ученых Арабского халифата, связано и название реки «Русской», ибо ал-Идриси – далеко не первый мусульманский автор, использующий данный термин. Сообщения о «Русской реке» появились в мусульманской географической литературе еще в X в. Арабский географ ал-Истахри писал, что верховья реки Атил⁵⁵ лежат в земле русов⁵⁶. И хотя ал-Истахри, как и другие арабо-персидские авторы, за основное русло верхнего Атила принимал р. Каму, истоки которой, согласно его воззрениям, находились далеко на востоке, остается предположить, что верховья Атила, находящиеся в земле русов, – это реальная верхняя Волга. Представления о текущей по русским землям верхней Волге в

⁵² Калинина Т.М. Арабские авторы о водной связи севера и юга Восточной Европы // "Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье" (Тезисы докладов): Межд. науч. семинар. Донецк, 1992. С. 22–25.

⁵³ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н.Велихановой. Баку, 1986. С. 124. Хамлидж – хазарский город, находившийся в устье Волги.

⁵⁴ Там же. С. 109.

⁵⁵ Гидроним "Атил", обычно безоговорочно отождествляемый с р. Волгой, на самом деле является сложным географическим понятием, в котором данные о реальной Нижней и Средней Волге тесно переплелись с информацией о Нижнем Доне, рассматриваемом как рукав, соединяющий Атил с Черноморским бассейном (анализ гидронима "Атил" см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 83–96).

⁵⁶ *Viae regnorum: Descriptio ditonis moslemica auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 220.*

переработанном виде отразились и в сочинении Ибн Хаукаля (вторая половина X в.), который называл «рекой русов» (*нахр ар-рус*) весь Атил⁵⁷. В анонимной персоязычной географии конца X в. «Худуд ал-'алам» («Пределы мира») наряду с Атилом, исток которого по традиции помещен на востоке, есть и «Русская река», начинающаяся в стране славян и текущая от нее на восток до пределов русов и в конце концов впадающая в Атил⁵⁸.

О влиянии книжных данных на сообщение ал-Идриси о «Русской реке» говорит и ряд других деталей его рассказа. Это, во-первых, упоминание горы Кукайа, воплощающей представление о труднодоступных и заснеженных районах на крайнем северо-востоке ойкумены. Во-вторых, из арабских космографических представлений взяты также наименование «море Мрака» и упоминание о народах «Иаджудж и Маджудж». В-третьих, с книжной традицией, на наш взгляд, может быть связан и мотив воинственности народа *ан-н.барийа*, представители которого якобы не расстаются с оружием ни на миг. Описание воинственного нрава народа было очень характерно для цикла рассказов об «Острове русов».

Наконец, с книжной традицией – на этот раз западноевропейской – рассказ ал-Идриси о «Русской реке» связывает и предложенная О.Талльгрэн-Туулио конъектура для названия одного из городов народа *ан-н.барийа*, согласно которой оно возводится к топониму *Ostrogard* (>**Уструкарда*), встречающемуся в сочинении немецкого клирика XI в. Адама Бременского «Хроника архиепископов Гамбургской церкви»⁵⁹.

Помимо книжных данных, в рассказе о «Русской реке» отразилась и устная информация, исходящая, по крайней мере, от двух лиц. Один информатор, по всей вероятности, мореплаватель, рассказал географу об устье «Русской реки». Его точные сведения, по которым довольно легко устанавливается тождество устья «Русской реки» с Керченским проливом⁶⁰, заставляют предполагать, что этот мореплаватель был хорошо знаком с Северо-Восточным Причерноморьем. Возможно, именно его сообщение повлияло на композицию рассматриваемого фрагмента «Нузхат ал-муштак», где рассказ о «Русской реке» следует непосредственно за повествованием о Тмутаракани. С этой же группой источников могло быть связано и формирование у ал-Идриси представления об Азовском море как о низовьях Дона, устьем которого счи-

⁵⁷ Opus geographicum auctore Ibn Haukal. P. 388.

⁵⁸ Худуд ал-алам мин ал-машрик ила ал-магриб / М.Сотудэ. Тегеран, 1962. С. 47.

⁵⁹ Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi. P. 176. Топоним *Ostrogard Ruzziae* упоминается у Адама несколько раз (Adam Brem. II, 22; IV, 11; Schol. 120). Перевод фрагментов см.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М.Б.Свердлова. М.; Л., 1989. С. 131, 133, 138, 140. См. также: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 33.

⁶⁰ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Где находился город Русийа арабских источников? // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. С. 36–39.

тался Керченский пролив; подобные взгляды прослеживаются у средневековых итальянских мореходов⁶¹. Другой информатор (возможно, и не один) сообщил географу маршрутные данные о городах народа *ан-н.барийа*, вошедшие в состав «Малого Идриси».

Таким образом, налицо сложный состав рассказа ал-Идриси о «Русской реке» и поселениях обитавшего в ее бассейне народа. В сообщениях о ней выделяется как устная информация, исходящая от разных лиц, так и книжные данные; последние, в свою очередь, тоже неоднородны и отражают космографические представления, свойственные арабо-персидским географам, распространенные в ученых кругах Халифата стереотипные описания этнографического характера и сведения западноевропейских хронистов.

Насколько существенна констатация этого факта для толкования информации источника? Ведь коль скоро сообщение составлено на основании информации из разных источников, то возникает искушение обойтись с ней так, как это обычно делают при анализе рассказа об «Острове русов», т.е. просто попытаться отделить достоверные данные от всех прочих, работать с той информацией, которую мы признали достоверной и положить ее на карту. Однако даже априорно можно предположить, что сведения, вошедшие в состав рассказа о «Русской реке», представляют собой не механический набор данных, а органическое единство, обеспеченное тем географическим содержанием, которое вкладывал в этот гидроним ал-Идриси. Поэтому при анализе термина «Русская река» мы должны сопоставлять его не с современной картой, а с географическими и картографическими идеями, на основе которых ал-Идриси проводил систематизацию собранного им материала.

Если с этих позиций оценить существующие в историографии подходы к интерпретации сведений ал-Идриси о «Русской реке», то можно прийти к следующим заключениям. Прежде всего, и композиция сочинения, и ясно выраженные авторские намерения указывают на северное расположение городов.

Локализация городов народа *ан-н.барийа* в районе Северского Донца, как уже отмечалось в литературе, не позволяет объяснить названия хотя бы некоторых из них. Если, по мнению Б.А.Рыбакова, информатор, сообщивший ал-Идриси об этих городах, хорошо знал бассейн верхнего Донца, то почему все до одного наименования городов из его рассказа оказались искаженными до неузнаваемости? Кроме того, точное местонахождение самих городов Шаруканя, Сугрова и Балина, с которыми Б.А.Рыбаков предложил отождествить города народа *ан-н.барийа*, до сих пор не установлено⁶².

⁶¹ Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 247.

⁶² Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в Эпоху средневековья. М., 1981. С. 221; Она же. Половцы. М., 1990. С. 61–62.

Кто населял эти города в бассейне Северского Донца в XII в.? Согласно Б.А. Рыбакову, это были северяне, потомки древнерусского племени «севера». Действительно, Северский Донец входил в территорию расселения северян, но был ее периферийным районом, а в основном северяне занимали земли Подесенья, Посеймья, бассейна Ворсклы и Псла, верховьев Сулы⁶³. Лесостепные верховья Северского Донца были окраинным, пограничным районом русских княжеств, а в степной части бассейна Донца господствовали половцы. Местное население в бассейне Северского Донца в XII в. было, как и в любом пограничном районе, служившем ареной перманентных военных действий, немногочисленным и неоднородным. Наряду со славянами, южная граница расселения которых не выходила за пределы лесостепи, там жили аланы и половцы⁶⁴. Города Шарукань, Сугров и Балин в начале XII в. были до основания разрушены в результате походов русских князей 1111 и 1116 гг. и больше не восстанавливались⁶⁵. Маловероятно, чтобы пограничный район с редким и разноэтничным населением мог стать предметом рассказа об отдельном народе, каким этот рассказ является у ал-Идриси. К тому же территория, заключенная между притоками Северского Донца, — это сравнительно небольшая область радиусом около 100 км. Приведенные же в «Малом Идриси» дорожки с указанием расстояний между городами свидетельствуют о том, что речь шла о более значительной по размерам территории.

Кроме того, не в пользу бассейна Северского Донца говорит и устойчивое помещение народа *ан-н.барийа* в северных районах Восточной Европы, ясно выраженное автором как в тексте, так и на карте «Нузхат ал-муштак». Да и среди дорожников «Малого Идриси» нет ни одного, который хотя бы отдаленно мог свидетельствовать о южных связях рассматриваемых городов. Как раз наоборот — согласно «Малому Идриси», маршрут в города народа *ан-н.барийа* ведет из земли маджусов, которая, по данным ал-Идриси, располагалась куда ближе к Балтийскому морю, нежели к Черному.

Рассказ о народе *ан-н.барийа*, как мы помним, должен был войти в 5–6 секции VII климата. О чем говорится в этих секциях «Нузхат ал-муштак»? Все они посвящены описанию северных областей Руси и Волжской Булгарии. В 5 секции VII климата, в частности, присутствует сообщение о том, что на севере границей Руси было море Мрака, то есть моря Северного Ледовитого океана⁶⁶. Таким образом, отнесение городов

⁶³ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 133; Багновская Н.М. Этническая история Северской земли (Основные этапы этнического развития населения), Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 12, 15.

⁶⁴ Плетнева С.А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 255, 260; Она же. Половцы. С. 60–61; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 329.

⁶⁵ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 266, 284; Плетнева С.А. Донские половцы. С. 261.

⁶⁶ *Al-Idrisi. Opus geographicum*. P. 957.

народа *ан-н.барийа* к северным районам Восточной Европы у ал-Идриси совершенно определенно выражено. И в «Малом Идриси» рассказ о городах, фигурирующих на карте «Нузхат ал-муштак», помещен именно там, где он должен был бы находиться в основном произведении – в 5 секции VII климата. Расположение интересующих нас городов не где-нибудь, а в северной части Восточно-Европейской равнины подтверждает и уже упоминавшееся нами соседство с землей маджусов.

Косвенным свидетельством северной локализации городов народа *ан-н.барийа* является отсутствие в «Нузхат ал-муштак» каких-либо параллельных данных о торговых центрах Северной Руси, хотя сведения такого рода, по всей вероятности, должны были попасть к ал-Идриси – ведь он жил и работал над своим сочинением в Сицилийском норманнском королевстве, где мог получить от скандинавских информаторов ценные сообщения о странах и народах Скандинавии и связанных с ними районах Северной Руси. На фоне богатой информации о Скандинавских странах и Прибалтике в «Нузхат ал-муштак» отсутствие более или менее подробных сведений о Новгородской Руси выглядит досадной и неестественной лакуной. О том же, что ал-Идриси действительно пользовался сообщениями скандинавских купцов и мореплавателей о северных русских землях и торговых городах этого региона, можно заключить по отдельным данным «Нузхат ал-муштак».

Во-первых, однажды на страницах сочинения ал-Идриси упоминается Новгород, причем по арабскому названию города восстанавливается его скандинавская форма – «Хольмгард» (*Hólmgarðr*)⁶⁷. Во-вторых, описывая Норвегию, ал-Идриси приводит данные, свидетельствующие о существовании торгово-промысловых связей между скандинавскими территориями и северными русскими землями: говоря об обитающих в Норвегии животных, ал-Идриси сравнивает размеры местного бобра с размерами бобров, водившихся на Руси в бассейне р. Кемь⁶⁸. Наконец, описание северного побережья Руси у ал-Идриси представляет собой фрагмент лоции, восходящей, по всей вероятности, к сведениям скандинавских мореплавателей⁶⁹.

В пользу локализации городов народа *ан-н.барийа* в северных областях Руси говорят и убедительные чтения, предложенные О.Талльгрэн-Туулио для приводимых ал-Идриси форм ойконимов.

Как уже говорилось, О.Талльгрэн-Туулио полагает, что распространенное у датчан наименование Руси – *Ostrogard* – географ мог по

⁶⁷ Ibid. P. 955; Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi. P. 139–141.

⁶⁸ *Al-Idrisi*. Opus geographicum. P. 952; Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi. P. 106–107.

⁶⁹ *Al-Idrisi*. Opus geographicum. P. 957; Коновалова И.Г. Арабские географы XII–XIV вв. о Европейском Севере // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 1993. С. 87–88.

ошибке принять за название города⁷⁰. Такая интерпретация топонима со стороны ал-Идриси была вполне возможной, если учесть его этимологию (*Austrgardr* – «восточный город»⁷¹), а также вспомнить, что у Адама Бременского в одном из отрывков говорится об «Острогарде Руси» (*Ostrogard Ruzziez*)⁷², где под «Острогардом» по контексту должно подразумеваться именно название города.

По мнению ряда исследователей, под наименованием *Ostrogard* средневековых западноевропейских источников следует понимать, скорее всего, Новгород⁷³. В «Малом Идриси» пункт *.c.m.p.куса* назван городом, расположенным в 100 милях (более 150 км) от земли маджусов. Это примерно соответствует расстоянию до Новгорода от Эстонии, территория которой, согласно ал-Идриси, находилась в непосредственной близости от земли маджусов. Кстати сказать, отдельные детали рассказа ал-Идриси об Эстланде перекликаются с сообщением Адама Бременского об этой стране. Оба они сообщают о том, что Эстланд находился неподалеку от островов мужчин и женщин⁷⁴; Адам, как и ал-Идриси, называет жителей Эстланда язычниками⁷⁵. Представление о народах Прибалтики как о язычниках было вообще весьма распространено в западноевропейской средневековой литературе⁷⁶. Поэтому нельзя исключать возможность того, что в «Малом Идриси» позаимствованное из книжной традиции название «Острогард» для обозначения города употреблено географом не по ошибке, а вполне сознательно. Это, однако, не означает, что в наименовании «Острогард» у ал-Идриси следует видеть обязательно Новгород, поскольку для обозначения последнего и в основном сочинении ал-Идриси, и в «Малом Идриси» употребляются другие названия.

Ойконим, встречающийся в написании *Бу'рада* (*Х.рада*, *Х.т.рада*, *Х.т.пара*, *Буг.рада*, *Бух.рава*) и сводимый к первоначальной форме **Нуграда*, отражает один из вариантов латинизированной формы русского названия Новгорода – *Nogardia*, *Novogardia*, *Novgardus* и т.п.,

⁷⁰ Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi. P. 176.

⁷¹ О древнескандинавских топонимах, производных от слов *aust-* ("восток") и *gardr* ("город") подробнее см.: Джексон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). С. 274–276, 281–285, 287–290.

⁷² У Адама говорится, что от г. Юмна (Волина) 14 дней плавания до Острогарда Руси (См.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 131, 136).

⁷³ Историографию см.: Там же. С. 146–147.

⁷⁴ *Al-Idrisi*. Opus geographicum. P. 954; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 134, 142 (Адам Бременский говорит только о земле женщин).

⁷⁵ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 134, 142.

⁷⁶ См., например: Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 75, 78, 79, 83, 84, 86, 87; Джексон Т.Н. Язычники и христиане на "Восточном пути" // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Тез. докл. М., 1995. С. 14–16.

– распространенной в западноевропейских источниках, в том числе картографических⁷⁷.

От этого города на расстоянии одного дня пути находился еще один город – *.б'ада, .н.када, .л.гада, .л'ада*, который О.Талльгрэн-Туулио отождествил с Онегой (**Алнага*). На наш взгляд, более предпочтительна начальная форма **Алдага*, восходящая к древнескандинавскому обозначению Старой Ладogi *Aldeigja*⁷⁸ и отождествление этого города с Ладогой. Такая локализация больше соответствует цифровым данным «Малого Идриси», хотя и в этом случае указанное в источнике расстояние (один день пути) между городами несколько меньше, чем на самом деле между Новгородом и Ладогой.

Город *Лука* точной локализации не поддается, поскольку не указаны расстояния между ним и какими-либо иными пунктами. Правда, этот город ал-Идриси связывает с Острогардом и Ладогой общим водным путем: согласно «Малому Идриси», все три города стоят на Волге, что подразумевало не столько их расположение непосредственно на волжских берегах, но просто включенность в систему Балтийско-Волжских торговых путей. Предположительно можно отождествить город *Лука* с городом Великие Луки, который был связан с Новгородом и Ладогой удобным водным путем по р. Ловати и в окрестностях которого обнаружены большие клады дирхемов, восточные изделия из металла и другие находки⁷⁹.

Еще один топоним – *Б.руна* (графика названия во всех рукописях одинакова, только над буквой *нун* не всегда проставлена точка) – нанесен на карты к обоим сочинениям, но не фигурирует среди маршрутных данных «Малого Идриси», что, естественно, затрудняет его локализацию. Графически это наименование можно рассматривать как искаженное **Мурума*, а сам город отождествить с городом Муромом, как предложил О.Талльгрэн-Туулио. В поддержку такой локализации говорит включенность Мурома, расположенного на р. Оке, в систему Волжско-Балтийских связей и его заметная роль в торговле с Востоком⁸⁰.

Муром, как известно, входил в число городов, хорошо знакомых скандинавам, которые называли его «Морамар» (*Móramar*)⁸¹. Форма наименования, использованная ал-Идриси, свидетельствует о том, что информацию о Муроме он мог получить как от русского, так и от скандинавского купца или путешественника.

⁷⁷ См., например: *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 143; *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. С. 79, 87.

⁷⁸ Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон. М., 1987. С. 17.

⁷⁹ Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 390, 402.

⁸⁰ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 180.

⁸¹ Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 120, 176–177.

Наконец, шестой топоним – *Бус.да*, *Бунида*, *Бусида* – по мнению О.Талльгрэн-Туулио, был не названием населенного пункта, а служил для обозначения северного народа югра – **Йугра*. Действительно, сведения об этом народе могли дойти до ал-Идриси, так как югра была известна его арабским современникам. Например, проживший немало лет в разных местах Восточной Европы младший современник ал-Идриси испано-арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал в своем сочинении, что «на море Мраков есть область, известная под названием *Йура*»⁸². Рассказы о походах новгородцев далеко на север, в том числе и к югре, были распространены в XI–XII вв. и в Новгороде⁸³, где их мог услышать информатор ал-Идриси.

Однако согласиться с предложенной О.Талльгрэн-Туулио локализацией даже в качестве рабочей гипотезы трудно. Во-первых, она не безупречна графически: нельзя не заметить большой разницы между буквами *син* в наименовании города у ал-Идриси и *гайн* в арабской передаче этнонима. Во-вторых, ал-Идриси (или его информатор) был безусловно убежден в том, что речь идет о топониме, а не об этнониме: географ называет этот пункт городом (*мадина*), помещает его на Волге, на расстоянии 80 миль от Острогарда и 100 миль от Ладоги. Поэтому вести поиски данного города стоит не на Северном Урале, а ближе к самому Новгороду, хотя в настоящий момент указать более определенный пункт не представляется возможным.

Итак, города народа *ан-н.барийа* мы связываем с Новгородской землей (разумеется, за исключением Мурома). Остается объяснить происхождение названия самого народа *ан-н.барийа*.

Точка зрения О.Талльгрэн-Туулио, отождествившего этот народ с бьярмами, основывается на предположении о том, что сведения об этом народе, его названии и принадлежащих ему городах должны восходить к одному источнику информации, в данном случае – к рассказам скандинавов о поездках в Бьярмию. Очевидно, что О.Талльгрэн-Туулио исходил из расширительной трактовки древнескандинавского хоронима «Бьярмаланд» (*Bjarmaland*) как собирательного понятия, которым обозначались обширные территории в северной части Восточной Европы от Кольского полуострова до Ладожского озера, населенные финно-угорскими племенами⁸⁴. Однако, даже если согласиться с предложенной им интерпретацией наименований шести городов, то окажется, что как минимум половина из них – Новгород, Великие Луки, Муром – вы-

⁸² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1151 гг.) / Публ. О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. М., 1971. С. 32.

⁸³ Например, летописный рассказ Гюраты Роговича конца XI в. (ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 234–236; ПСРЛ. Т. II. Стб. 224–226), рассказы Новгородских летописей о походах новгородцев в Югру в XII в. и в более позднее время.

⁸⁴ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 197–200; Джаксон Т.Н. Русский Север. С. 58–67; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. С. 37–45; 96–98.

ходит за рамки региона, охватываемого понятием «Бьярмия». Уже одно это обстоятельство, как нам кажется, делает весьма уязвимым отождествление народа *ан-н.барийа* с бьярмами.

Поддержать точку зрения О.Талльгрэн-Туулио трудно еще и в силу следующих соображений. Велика ли была в принципе вероятность того, что какие-либо сведения о хорониме «Бьярмаланд» или этнониме «бьярмы» (др.-исл. *bjarmar*, др.-англ. *beortmas*) могли достичь ал-Идриси? Имеющиеся в «Нузхат ал-муштак» сообщения об омывающих Восточную Европу морях включают в себя фрагмент лоции с описанием плавания от северного побережья Руси на северо-запад: «Что касается западного края моря Мрака, то он граничит с северной [стороной страны] ар-Русийа, отклоняется в северном направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом уже нет никакого прохода [для мореплавателей]»⁸⁵. Наиболее вероятным источником сведений об этом маршруте могли быть сообщения скандинавских мореплавателей, ездивших в Бьярмию⁸⁶. Однако единственным хоронимом, фигурирующим в приводимом ал-Идриси отрывке лоции, является «Русь», в то время как о Бьярмии никаких упоминаний нет. Таким образом, на примере единственного раздела сочинения, где можно было бы ожидать присутствия данных о Бьярмии, очевидна маловероятность того, что ал-Идриси был знаком с хоронимом «Бьярмаланд» или этнонимом «бьярмы».

Кроме того, нетрудно заметить большие отличия в характере информации о Бьярмии в древнескандинавских источниках, с одной стороны, и в сообщениях ал-Идриси о народе *ан-н.барийа* и его городах – с другой. Во-первых, в древнескандинавских памятниках ничего не говорится о существовании городов у бьярмов, упоминаются только безымянное «торговое место» (*kaupstaðr*) да капище верховного бьярмийского божества⁸⁷. Напротив, у ал-Идриси названы шесть городов страны *ан-Н.барийа*, причем данные о них весьма конкретны. Во-вторых, в рассказах о Бьярмии упоминается только одна, впадающая в Белое море, река – Вина (*Vina*), отождествляемая с Северной Двиной⁸⁸, а у ал-Идриси речь идет о шести реках, которые, сливаясь в одну, текут не на север, а на юг к Черному морю. Сама река, в бассейне которой располагались города страны *ан-Н.барийа*, носит у ал-Идриси название «Русской», что можно рассматривать как косвенное свидетельство принадлежности всех шести городов к землям Руси. Да и ал-

⁸⁵ *Al-Idrisi. Opus geographicum. P. 957.*

⁸⁶ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 73–74.

⁸⁷ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994. С. 63–65, 75–78, 174–177; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. С. 44–45, 150–157, 180–187.

⁸⁸ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI–середина XIII в.). С. 278–279.

Идриси, как это следует из приводимых им данных, всю территорию севера Восточной Европы считал относящейся к Руси – недаром он утверждал, что северной границей Руси являлось «море Мрака» (Северный Ледовитый океан), а о животных, водившихся в бассейне р. Кемы, говорил, что они обитали на Руси.

Поэтому, по нашему мнению, этноним *ан-н.барийа* следует связывать не с Бьярмией, а с Новгородской Русью. В таком случае наименование *ан-н.барийа* можно рассматривать как передачу др.-рус. *Новъгородъ* или возводимого к древнерусской форме топонима *Nógarðar*, встречающегося в скандинавских памятниках, в частности, в сагах о древних временах⁸⁹. Графически названия *Новъгородъ/Nógarðar* близко написанию этнонима *ан-н.барийа* в «Нузхат ал-муштак», оно требует замены сходных по начертанию букв *ба* на *гайн*, а также *йа* на *даль*: *ан-н.барийа* < **ан-нугарда*.

Локализация народа *ан-н.барийа* в Новгородской Руси, в отличие от гипотезы Б.А. Рыбакова и Б. Недкова, позволяет найти объяснение почти всем названиям городов, отвечает указанию ал-Идриси на северное расположение этой территории, учитывает данные обоих произведений географа и восполняет тот противоестественный пробел в данных, который имеется в «Нузхат ал-муштак» относительно Новгородской Руси.

Случайно ли совпадение в рассказе ал-Идриси о «Русской реке» – шесть истоков этой реки и шесть же городов в их бассейне? На наш взгляд, это является результатом собственных умозаключений нашего географа, переосмыслившего сообщения своих информаторов о шести городах, которые были связаны между собой единым речным путем. Информаторы ал-Идриси могли сообщить ему сведения лишь об отдельных участках реки; он же, выступая в роли картографа, был вынужден сводить их воедино.

Все эти данные были не просто механически соединены, но подверглись редакторской обработке со стороны ал-Идриси. Она заключалась в том, чтобы объединить сведения различных источников о стоящих на реках северных городах с представлением о грандиозном водном пути, связывавшем между собой северные и южные районы Восточной Европы. В результате на карте географа появилось изображение огромной реки, протянувшейся с севера на юг до Черного моря. Картографическое изображение «Русской реки» целиком является плодом работы ал-Идриси, который сумел органично согласовать современные ему маршрутные данные с системой географических представлений, унаследованной от мусульманской традиции.

⁸⁹ Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 13, 172, 174; Глазырина Г.В. География Восточной Европы в сагах о древних временах // ДГ, 1986 г. М., 1988. С. 231; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // ДГ, 1988–1989. М., 1991. С. 149.

Как мы уже говорили, арабо-персидские географы X в., в сочинениях которых впервые упоминается «Русская река», рассматривали ее как приток Атила. Сформулированная ими идея о неразрывной связи «Русской реки» с Атилом, в свою очередь, соединявшимся одним рукавом с Каспийским, а вторым – с Черным морем, своим логическим следствием должна была иметь представление о том, что спускаясь вниз по «Русской реке», можно было достичь Черного моря, и наоборот – что непосредственно из Черного моря вел речной путь в русские земли.

Именно этот аспект представлений о «Русской реке» получил развитие со стороны ал-Идриси, чему в немалой степени способствовало его знакомство с распространенной у ряда мусульманских авторов X–XI вв. традицией помещения русов на берегах Черного и Азовского морей⁹⁰. Тут можно сослаться на сообщение арабского энциклопедиста середины X в. ал-Мас'уди о русах, которые, по его словам, фактически контролировали мореплавание в Азовском море⁹¹. В другом месте своего сочинения ал-Мас'уди называет «Русским» не только Азовское, но и Черное море⁹². Он также говорит о плаваниях, которые совершали русы в Константинополь и Испанию, где, по утверждению ученого, они нападали на город Севилью⁹³. Последнее сообщение ал-Мас'уди, как полагают его исследователи, восходит к материалам арабского историка и географа второй половины IX в. ал-Йа'куби, рассказывавшего о нападении русов на Севилью в 844 г.⁹⁴ О морских походах русов в ал-Андалус есть данные и у Ибн Хаукаля, знавшего омейядскую Испанию по личным впечатлениям⁹⁵. По всей вероятности, этот известный ал-Идриси из арабской литературы комплекс данных об активной деятельности русов в бассейне Черного моря, соединившись, с одной стороны, с представлением о связи «Русской реки» с Черным морем, а с другой – с современными ему сведениями мореплавателей о портовом

⁹⁰ Коновалова И.Г. Русы в северо-восточном Причерноморье и Приазовье (по данным арабских источников) // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М., 1996. С. 34–36.

⁹¹ Maçoudi. Les prairies d'or / Texte et trad. С. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. Т. II. P. 15 (араб. яз.); Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. С. 196–197 (рус. пер.).

⁹² Maçoudi. Les prairies d'or. Т. II. P. 24–25; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. С. 201.

⁹³ Maçoudi. Les prairies d'or. P., 1861. Т. I. P. 364–365 (араб. яз.). См. комментарий данного сообщения: Калинина Т.М. Ал-Мас'уди о расселении русов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 16–22.

⁹⁴ Kitab al-a'lak an-nafisa auctore ... Ibn Rosteh et Kitab al-boldan auctore ... al-Ja'kubi / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 354. О толковании этого известия в литературе см.: Семенова Л.А. Русы в "Книге стран" ал-Йакуби // Арабский Восток. М., 1997. С. 118–134.

⁹⁵ Opus geographicum auctore Ibn Haukal. P. 78.

городе под названием Росия⁹⁶, и побудили его считать Керченский пролив устьем «Русской реки».

Сложный состав рассказа ал-Идриси обесценивает всякие попытки отождествления «Русской реки» с каким-либо конкретным географическим объектом на территории Восточной Европы. Таким образом, вместо привычной локализации, опирающейся на принцип «одно наименование – один объект», представляется более целесообразным дать развернутое определение нашему гидрониму и рассматривать «Русскую реку» как совокупность речных путей, посредством которых можно было пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении. Точно так же следует отказаться и от попыток найти на карте некий остров, соответствующий «Острову русов» арабо-персидских источников; под последним, как нам кажется, подразумевается совокупность местностей, населенных русами и связанных с остальным миром водными путями.

Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (моря, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Вследствие этого средневековый географ в той мере, в какой он опирался на сообщения информаторов о таких объектах, оперировал отрывочными данными, которые он сам должен был систематизировать тем или иным способом. Однако причины формирования рассматриваемых топонимов могли быть обусловлены не только нехваткой конкретных сведений, но и отсутствием в них потребности у той аудитории, для которой предназначалось создаваемое сочинение. По-видимому, для потребителей такой топонимии, в первую очередь, была важна определенная географическая идея – воплощением которой и служил топоним, – а не ее детализация. Так, гидроним «Русская река» в арабо-персидских сочинениях X в. отражал связь древнерусских земель с Волжским путем, а в XII в. стал для мусульманских ученых символом водного сообщения между Севером и Югом Восточной Европы. Не случайно ал-Идриси не приводит никаких данных о среднем течении «Русской реки», обозначая лишь крайние точки этой водной магистрали: города Керченского пролива, с одной стороны, и населенные пункты Новгородской Руси – с другой. И это при том, что ал-Идриси – единственный из арабских географов, кому были известны многие

⁹⁶ Анализ сообщений ал-Идриси об этом пункте посвящена наша работа: Коновалова И.Г. Город Росия/Русия в XII в. // Византийские очерки: К Международному конгрессу византинистов в Париже. М., 2001 (в печати).

древнерусские города, стоящие вдоль речных путей и волоков, соединявших Черное и Балтийское моря⁹⁷.

Термины «Остров русов» и «Русская река» являются наглядной демонстрацией того, что подобные топонимы создаются как обозначение общего географического понятия, значимого в контексте определенной культуры. Последнее обстоятельство хотелось бы особенно подчеркнуть, тем более, что его можно проиллюстрировать ярким примером. Арабский гидроним «Русская река» по своему географическому содержанию сопоставим с двумя топонимами, созданными в рамках других культурных традиций, – древнерусским путем «из варяг в греки»⁹⁸ и «Восточным путем» ранних королевских саг⁹⁹. В сущности все эти топонимы выражают одну и ту же идею, а именно возможность попасть из северных областей Европы на юг. Вместе с тем воплощают они ее по-разному: «Восточный путь» – в самом общем виде, «Русская река» – с указанием реальных географических объектов в начальной и конечной точках маршрута, путь «из варяг в греки» – наиболее подробно, с перечислением множества пунктов, лежавших на пути из Поднепровья в Балтийское море, а оттуда вокруг Европы до Константинополя и по Черному морю обратно в русские земли.

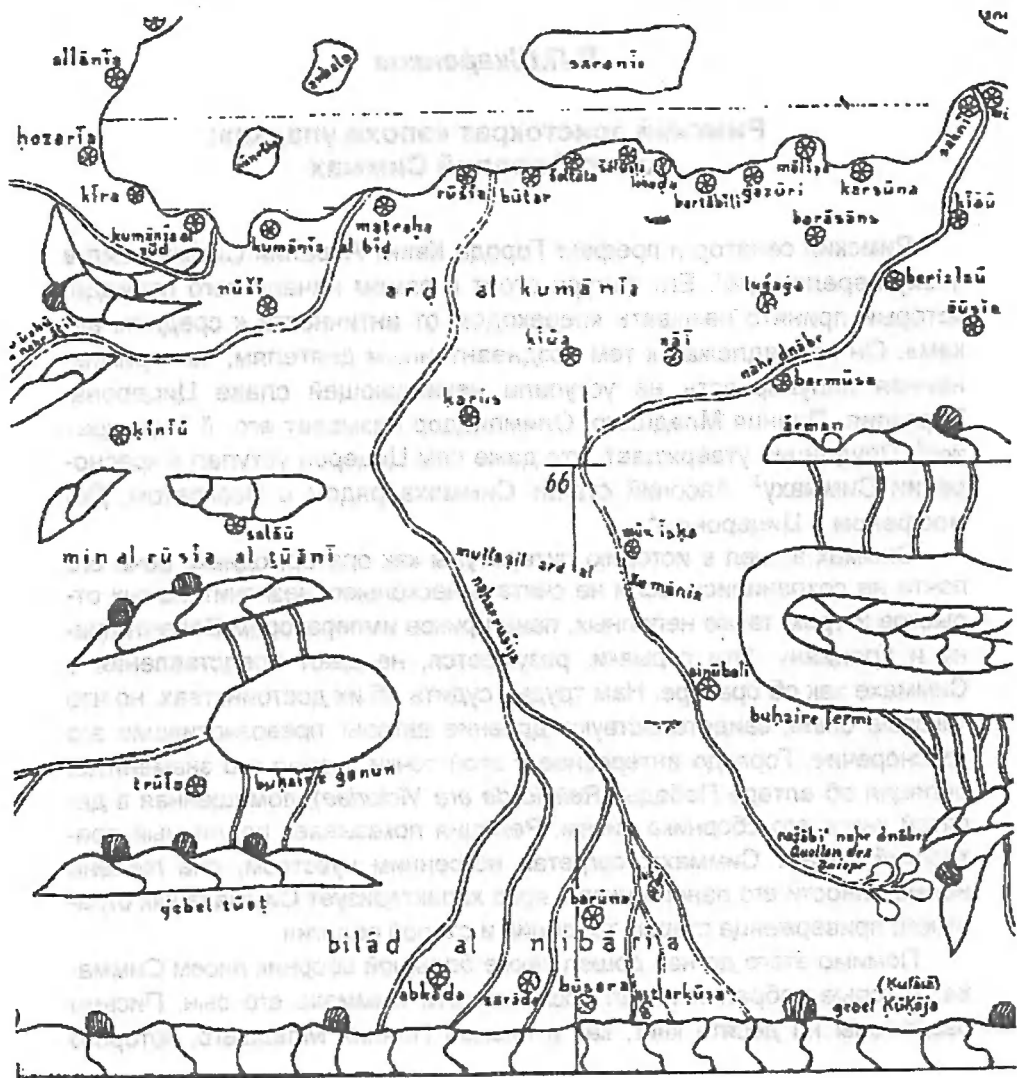
Сокращения

ВВ	Византийский временник. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования – с 1975 по 1993 гг.; Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования – с 1994 г. М.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. М.
ИЗ	Исторические записки. М.
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
АЕМА	Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden
EI, NE	The Encyclopaedia of Islam: New Edition. Leiden – London.

⁹⁷ *Al-Idrisi. Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 912–913, 955, 957.* Перевод фрагментов и их анализ: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 126–133, 143–145, 187–188.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 7; Т. II. Стб. 6.

⁹⁹ Наименование "Восточный путь" (*Austrvegr*) имело несколько значений, будучи в разное время относимо к различным территориям, лежащим к востоку и юго-востоку от Балтийского моря вплоть до Константинополя и Иерусалима. В ранних королевских сагах "Восточный путь" может выступать в качестве наименования земель по пути "из варяг в греки". Подробнее см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII вв.). С. 274–276.

Фрагмент карты ал-Идриси с изображением «Русской реки»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ВО ВЛАСТИ

П.П.Шкаренков

Римский аристократ «эпохи упадка»: Квинт Аврелий Симмах

Римский сенатор и префект Города Квинт Аврелий Симмах жил в эпоху переломную¹. Его фигура стоит в самом начале того периода, который принято называть «переходом от античности к средним векам». Он принадлежал к тем позднеантичным деятелям, чья прижизненная популярность не уступала неувядающей славе Цицерона, Вергилия, Плиния Младшего. Олимпиодор называет его ὁ λοῦδοῦρα-φοῦς². Пруденций утверждает, что даже сам Цицерон уступал в красноречии Симмаху³. Авсоний ставит Симмаха рядом с Исократом, Демосфеном и Цицероном⁴.

Симмах вошел в историю литературы как оратор, однако речи его почти не сохранились, если не считать нескольких незначительных отрывков и трех, также неполных, панегириков императорам Валентиниану и Грациану. Эти отрывки, разумеется, не дают представления о Симмахе как об ораторе. Нам трудно судить об их достоинствах, но что таковые были, свидетельствуют древние авторы, превозносившие его красноречие. Гораздо интереснее с этой точки зрения его знаменитая реляция об алтаре Победы (*Relatio de ara Victoriae*), помещенная в десятой книге его сборника писем. Реляция показывает подлинный ораторский талант Симмаха; согретая искренним чувством, она лишена напыщенности его панегириков и ярко характеризует Симмаха как страстного приверженца старых традиций и старой религии.

Помимо этого до нас дошел также большой сборник писем Симмаха, которые собрал и издал после смерти Симмаха его сын. Письма разделены на десять книг, как и письма Плиния Младшего, которого

¹ «В современной нам исторической ситуации легче понять те эпохи, когда рушились вековые традиции, а общество переживало один кризис за другим», — замечает Х.Блок. — Bloch H. *The Pagan Revival in the West at the End of Fourth Century // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century: Essays* / Ed. by A.Momigliano. Oxford, 1963. P.193.

² Olympiod., Frg. I.

³ Prudent., *Contra Symmachum* I, 682: o linguam miro verborum fonte fluentem, Romani decus eloquii, cui cedat et ipse Tullius.

⁴ Symm., Ep. I, 32.

Симмах избрал своим образцом по стилю и форме. Как и у Плиния, десятая книга составлена из реляций к императорам⁵.

Переписка⁶ сенатора Квинта Аврелия Симмаха, содержащая 900 писем и 219 донесений императору, проливает яркий свет на культурную, религиозную и идейно-политическую жизнь в Риме и Римской империи конца IV в., на настроения римской аристократии, раскрывает чаяния и надежды образованных представителей римского общества. Симмах был не просто посторонним наблюдателем совершающихся в Риме и в империи событий, а горячим их участником⁷. Его деятельность была весьма разнообразна – он был квестором, претором, верховным жрецом, правителем нескольких провинций, префектом Рима и, наконец, консулом. Кроме того, Симмах находился во главе языческой знати, борющейся за восстановление языческого культа, вокруг него группировалась наиболее деятельная и образованная часть римского аристократического общества. Кроме того, он был современником усилившегося напора варваров и начала дезорганизации внутренней жизни империи. В его коротких письмах мы находим отображение вкусов, запросов и интересов senatorской аристократии, получаем возможность проникнуть в ее повседневную жизнь, как общественную, так и частную.

Трудно переоценить значение как исторического источника донесений Квинта Аврелия Симмаха императору. В 384 г., когда автор был префектом Рима, им было отослано 49 донесений (*Relationes*), в которых затрагиваются самые разные вопросы, касающиеся жизни «вечного города» и настроений его обитателей. Из донесений Симмаха мы узнаем о политической, культурной и экономической жизни в Риме, о настроениях знати и плебса и о причинах подобных настроений. Мы знакомимся с истинным плачевным положением «вечного города», полностью зависящего от милости императора, и с возрождением идеи о вечности и несокрушимости Рима.

⁵ Несмотря на приверженность Симмаха языческим традициям, его произведения продолжали пользоваться популярностью и в средние века. Его переписку чрезвычайно высоко ценит Сидоний Аполлинарий, Кассиодор использует ее как образец для своих *Variae – Sid. Apol., Ep. I, 2; Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С.28; Она же. Античное наследие в культуре раннего средневековья. М., 1989. С.94.*

⁶ Среди корреспондентов Симмаха были как язычники, так и христиане, как римляне, так и варвары, как консулы, так и малоизвестные люди, поэты, писатели, историки, правители провинций, приближенные императоров и сами императоры.

⁷ Политическая, общественная и религиозная деятельность Симмаха нашла свое отражение в надписи, которую посвятил ему сын. – *CIL, VI, 1699: "Eusebii – Q. Aur(elio) Symmacho v(iro) c(larissimo), quaest(ori) praet(ori), pontifici maiori, correctori Lucaniae et Bruttiorum, comiti ordinis tertii, procons(uli) Africae, praef(ecto) urb(i), co(n)s(uli) ordinario, oratori disertissimo, Q. Fab(ius) Memm(ius) Symmachus v(ir) c(larissimus) patri optimo".*

Квинт Аврелий Симмах родился между 340 и 345 г. в богатой сенаторской семье⁸. Его прадед был варваром и получил право гражданства при Диоклетиане⁹. Тем не менее, род Симмаха, хотя и не принадлежал к староримской аристократии, но для середины IV века, когда практически не осталось представителей древних родов, восходящих к республиканскому периоду, считался достаточно знатным¹⁰. Его дед, Аврелий Юлиан Симмах, начиная свою карьеру квестором, в 319 г. был викарием Македонского диоцеза, а в 330 г. удостоился консульского звания. Возможно, он принадлежал к числу тех «новых людей», которых Аммиан Марцеллин упрекает в их слишком быстром возвышении при Константине¹¹. Отец Квинта Аврелия Симмаха – Луций Аврелий Авриан Симмах – характеризуется Аммианом Марцеллином как «один из образованнейших и лучших людей своего времени»¹². Он был префектом Города в 364 г. и должен был стать консулом в 377 г. (но не дожил до этого момента)¹³. Луций Аврелий Симмах женился на сестре Волизия Венуста (*Volisius Venustus*), бывшего викарием Испании в 363 г.¹⁴ Волизий Венуст был отцом Никомаха Флавиана Старшего, и брак с его сестрой связал родственными узами две самые известные фамилии IV века – Симмахов и Никомахов. От этого брака родились четверо сыновей, из которых старшим был Квинт Аврелий Симмах¹⁵. Два его брата умерли довольно рано, а третий скончался в 380 г., будучи викарием Африки.

В 365 г. Симмах был корректором Лукании и Бруттия (в то время это была уже обычная церемониальная должность для молодых людей из знатных семей)¹⁶. Так как знаменитый ритор Либаний не смог стать наставником Симмаха, то ему пришлось получать образование в Риме, где его учителем стал один из известнейших в Константинополе и Риме преподавателей риторики Минервий (*Tiberius Victor Minervius*), учивший еще Авсония¹⁷.

⁸ Подробнее о биографии Симмаха см.: Шкаренков П.П. Квинт Аврелий Симмах: риторика и политика // Вопросы истории. 1999. №7. С.154-156.

⁹ О предках Симмаха см.: *Chastagnol A. Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. P., 1962. P.112-114; 159-161; *Seeck O. De Symmachi vita* // MGH. AA. Vol.VI. Pars. 1. Berolini, 1883. P.XXXIX-L. Генеалогическое древо Симмаха полностью восстановить не удается, к тому же оно заметно различается у указанных авторов, но нет сомнений, что род Симмаха не был древним.

¹⁰ *Talbert R.J. The Senate of the Imperial Rome*. Princeton, 1984. P.35-38.

¹¹ *Amm. Marc. XXI, 10, 8.*

¹² *Amm. Marc. XXVII, 3, 3.*

¹³ *CIL, VI, 1698.*

¹⁴ *Amm. Marc. XXVII, 3, 3.*

¹⁵ *Seeck O. De Symmachi vita* // MGH. AA. Vol.VI. Pars 1. P.XXXIX.

¹⁶ *Cod. Theod. VIII, 5, 25; CIL, VI, 1699; Seeck O. Op. cit. P.XLI.*

¹⁷ *Symm., Ep. IX, 88.*

Симмах получил прекрасное по тем временам образование. Вся его дальнейшая жизнь и литературная деятельность во многом объясняется полученным им воспитанием и образованием. Влияние римской школы было огромным: она объясняла и прививала традиционную систему ценностей, давала тот язык культуры, который необходим людям для взаимопонимания. Именно образованием определялась принадлежность человека к высшему, привилегированному слою общества. Основное внимание при обучении уделялось тем наукам, которые мы теперь называем гуманитарными, а из них центральное место занимали литература и риторика. Красноречие ценилось античностью потому, что оно соединяло свободных людей в единое культурное и политическое сообщество. Эту сторону образования необходимо учитывать при исследовании эпистолярного наследия Симмаха. Традиционное воспитание и образование – это отличительная черта господствующего класса империи – как сенаторской и провинциальной знати, так и представителей императорской администрации¹⁸. Образование являлось важным средством связи, соединяющим самые отдаленные друг от друга области империи, и школой благовоспитанности, которая проявлялась, в первую очередь, к равным себе и реализовывалась в дружбе¹⁹, игравшей важную роль в консолидации аристократии.

Начиная с 60-х годов IV века Симмах пользуется репутацией одного из лучших римских ораторов. В 369 г. он был послан со специальным поручением сената во главе делегации к императору Валентиниану I в Аугусту Треверов (Трир), где отмечалась победа над германцами. Там его ораторские способности были оценены императором, перед которым Симмах выступил с тремя речами. К этому же времени относится и его знакомство с Авсонием, переросшее затем в крепкую дружбу, длившуюся до самой смерти знаменитого поэта и ритора. Когда в 370 г. Симмах вернулся в Рим, он писал оттуда почтительные письма Авсонию, а Авсоний, хотя со скромностью и уверял, что чувствует себя ничтожеством перед своим корреспондентом, однако обращался к нему как старший к младшему и называл Симмаха своим «сыном»²⁰.

В 370 г. Симмах становится проконсулом Африки, где он проявил себя незаурядным администратором. В 373 г., вместе с военачальником Феодосием, отцом будущего императора, который был в Африке *magister militum*, они подавили мятеж узурпатора Фирма. Популяр-

¹⁸ По мнению П.Брауна, главное значение образования заключалось в том, что оно объединяло потенциально враждебные группы господствующего класса и существенно сдерживало вертикальную мобильность. – *Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992. P.40.*

¹⁹ *Matthews J. Op. cit. P.254-255.*

²⁰ *Symm., Ep. I, 32.*

ность Симмаха была так велика, что *consilium* провинции постановил воздвигнуть ему статую²¹.

В сентябре 374 г. полномочия Симмаха оканчиваются и, сдав дела, он весной 375 г. возвращается в Рим. Вскоре после своего возвращения Симмах, уже в зрелом возрасте, женился на Рустициане, дочери Меммия Витразия Орфита, который был префектом Рима в 353-355 и 357-359 годах. Возможно, с этого времени имя Рустициана стало традиционным в роде Симмахов, – так звали и праправнучку Квинта Аврелия Симмаха, которая стала женой прославленного философа, «последнего римлянина» Бозция²². Дочь Симмаха в 392 г. вышла замуж за Никомаха Флавиана Младшего, таким образом, браки между представителями двух этих фамилий стали уже традиционными. Многие письма VI-ой книги сборника писем Симмаха адресованы дочери и зятю.

С 375 г. по 382 г. Симмах заседает в сенате, где выступает с благодарственными речами к императору, или с речами в поддержку своих друзей. Примером может служить сохранившийся отрывок его речи *Pro Thygetio*, прочитанной 9 января 376 г. и посвященной восхвалению кандидата в преторы Тигетия²³. Позиции Симмаха как крупнейшего оратора и авторитетнейшего сенатора были подкреплены в сенате тем, что именно ему было поручено прочитать послание нового императора Грациана, в котором тот уведомлял сенат о смерти своего отца и излагал свою политическую программу²⁴.

В 382 г. начинается самый яркий период в жизни Симмаха – разворачивается борьба за алтарь Победы. Император Грациан, действуя по указанию Медиоланского епископа Амвросия, велел удалить из Римской курии, где заседал сенат, статую и алтарь богини Победы, конфисковал средства, выделяемые на жертвоприношения, содержание жрецов и весталок, а также передал земли жреческих коллегий и весталок в государственную собственность. Когда в Риме стало известно о решении императора, сенат направил в Медиолан делегацию во главе с Квинтом Аврелием Симмахом. Правда, миссия Симмаха оказалась неудачной. Делегация даже не была принята при дворе. Но в 383 г. Грациан был убит, и в 384 г. Симмах снова едет в Медиолан. Ему удается произнести речь перед императорским консistorием, но активное противодействие Амвросия Медиоланского свело на нет первоначальный успех его выступления²⁵.

²¹ Seeck O. Op. cit. - P. XLVIII.

²² Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С.25.

²³ Symm., Or. V.

²⁴ Symm., Ep. I, 15; X, 2.

²⁵ Symm., Pel. III. События, связанные с борьбой вокруг алтаря Победы, хорошо исследованы. См.: Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. С. 23 - 26; Казаков М.М. Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь Победы // ВДИ.

В 384 г. Симмах становится префектом Рима. Круг обязанностей префекта был огромен. Ему подчинялся не только город, но и округа. Его обязанностями были попечение о сохранности города и регулирование всех сторон городской жизни²⁶. Как было сказано выше, от времени префектуры Симмаха сохранилось 49 реляций. Среди них можно увидеть приветствия, ответы на послания других лиц, сообщения о назначениях, уведомления императора о вопросах, требующих решения администрации Города. Словом, это была служебная корреспонденция высшего должностного лица. При всей официальности реляций можно заметить, что они принадлежат перу отнюдь не робкого человека, так как автор отстаивает свой взгляд на вещи, свое видение тех или иных проблем, указывая высшей власти на ее ошибки. Вместе с тем, все свои возражения Квинт Аврелий Симмах облакает в изысканную дипломатическую форму, хотя и не стесняется критиковать близких к императору чиновников. Неудачей, постигшей Симмаха в его борьбе за сохранение в Римской курии алтаря Победы, воспользовались недоброжелательные его действиями городские куриалы, и Симмах был вынужден оставить свой пост, уступив его христианину Пипиану.

В 387 г. Симмах принимает участие в торжествах, посвященных третьему консульству императора Валентиниана II, но вскоре уже приветствует узурпатора Максима. В 387 г. Максим вторгся в Италию, и Симмах написал ему панегирик, за что в 388 г. стал консулом. Это была ошибка Симмаха, так как вскоре Феодосий разбил Максима, а сам Симмах нашел убежище в христианском храме. Сократ Схоластик сообщает, что он даже принял христианство, чтобы заслужить прощение²⁷ императора. В 389 г. во время визита Феодосия в Рим, Симмах написал ему панегирик и в 391 г. стал консулом. Будучи консулом, Симмах снова возбудил дело об алтаре Победы, но успеха не добился²⁸.

В феврале 402 г., когда на востоке империи началось наступление готов, Симмаха снова отправляют послом сената к императорскому двору в Медиолан, где он просит о восстановлении алтаря Победы, но получает окончательный отказ²⁹. Последние его письма датированы 402 г. Очевидно, оставшийся не у дел «последний римлянин» вскоре умер.

1995. №4. С.161-174; *Malunowicz L. De ara Victoriae in Curia Romana quomodo certatum sit.* Wilno, 1937; *Sheridan J.J. The Altar of Victory. Paganism's Last Battle // L'Antiquité Classique. Vol.35.* 1966. P.185-206; *Klein R. Der Streit um den Viktoriaaltar.* Darmstadt, 1972; *Pohlsander H.A. Victory: the Story of a Statue // Historia.* 1969. Bd.XVIII. S.588-597; *Geffckenm J. The Last Days of Greco-Roman Paganism.* Amsterdam, 1978.

²⁶ *Sinnigen W.G. The Officium of the Urban Prefector in the Late Roman Empire.* Rome, 1957.

²⁷ *Socr., Hist. eccles. V, 14.*

²⁸ *Symm., Ep. II, 62, 63; V, 15; IX, 149, 153.*

²⁹ *Symm., Ep. IV, 14.*

Письма и реляции Симмаха воспринимаются исследователями в основном как литературный памятник, что, несомненно, справедливо. Но сочинения Симмаха – это и сложный, многоуровневый источник, в котором присутствуют конкретно-исторические реалии эпохи, хотя и облеченные в риторическую форму.

Уже к началу IV в. Рим перестал быть политическим центром не только всей Римской империи, но и западной ее части, в конце века стало ухудшаться экономическое положение. Требование «хлеба и зрелищ» – основное требование народа, живущего в городе, – приобретает в это время особую остроту. Население Рима не хотело считаться с тем обстоятельством, что город больше не располагал колоссальными средствами, которые находились в его распоряжении в прошлые времена, когда он был местопребыванием императоров и политическим центром всей Римской империи.

На префекте Рима лежала тяжелая обязанность – обеспечить город продовольствием. Почти все письма Симмаха, являвшегося префектом Рима в 384 г., относящиеся к данному периоду времени и адресованные в Африку, так или иначе касаются снабжения Рима продовольствием³⁰. Симмах часто жалуется на то обстоятельство, что Африка и Испания отказались присылать в Рим хлеб и масло, как было прежде. Римская администрация во главе с префектом города должна была прилагать все усилия к тому, чтобы удовлетворить потребности в продовольствии городского плебса; нередко аристократия была вынуждена делать частные взносы зерном и мясом³¹ с тем, чтобы успокоить население. Недостаток хлеба или задержка в его выдаче вызывали не только недовольство и ропот в городе, но открытые мятежи, сопровождавшиеся разграблением имущества аристократии. Сенаторская аристократия никогда не была свободна от подобной опасности³². Как свидетельствуют письма Симмаха, лишь только замечались признаки недовольства, аристократия немедленно удаляла из города свои семьи³³, а затем, если дело принимало серьезный оборот, сенаторы и сами покидали «вечный город». Но ни отъезд из Рима, ни частые пожертвования хлебом и мясом не могли надолго успокоить население³⁴. Положе-

³⁰ Symm., Ep. IV, 74; V, 94; VII, 68; Ep. X, 18.

³¹ Symm., Ep. II, 57; VI, 12, 14, 26; VII, 68; Chastagnol A. Le ravitaillement de Rome en viande au Ve siècle // RH. 1953. Vol. 210 (juill. – sept.). P. 13-22.

³² Symm., Ep. II, 6, 7; IV, 18; VI, 18, 21, 47, 64; IX, 124. Ep. II, 6: *Frequens enim sermo est, tenui victu in turbas plebem moveri, nec ulla spes datur, praesentibus angustiis copiam posse succedere*; Chastagnol A. Un scandale du vin à Rome sous le Bas-Empire: l'affaire du préfet Orfitus // Annales E.S.C. A.5. 1950. avril-juin. P.161-183.

³³ Symm., Ep. VI, 12, 15, 21, 26; VII, 66.

³⁴ Van Berchem D. Les distributions de blé et d'argent à la plèbe romaine sous l'Empire. Genève, 1939. P.253-302.

ние в городе все время было крайне напряженным, и префект постоянно находился в затруднительном положении, пытаясь сохранить в столице спокойную обстановку. И, по-видимому, очень часто префект города Рима, чувствуя свое бессилие, вынужден был обращаться за помощью к императору³⁵. Но, как правильно замечал Симмах, единовременная помощь императора могла лишь на время предотвратить народные волнения и никоим образом не являлась разрешением римской продовольственной проблемы. Продовольственный вопрос в конце IV - начале V вв. не мог получить своего полного разрешения по той простой причине, что Рим полностью зависел от африканского хлеба, и малейшая задержка в доставке, не говоря уже о более серьезных причинах, немедленно вызывала продовольственные затруднения в городе, часто заканчивающиеся голодом и волнениями³⁶. Для регулярного снабжения «вечного города» продовольствием, кроме Африки необходима была помощь других провинций.

Не менее важной и сложной, чем продовольственный вопрос, являлась в конце IV – начале V вв. для Рима проблема зрелищ и увеселений. Долгом префекта города было следить за тем, чтобы одни празднества сменялись еще более пышными увеселениями, а зрелища – еще более роскошными зрелищами и цирковыми представлениями, чтобы в амфитеатрах постоянно шли бои гладиаторов и диких зверей. Симмах не только ревностно наблюдает за тем, чтобы преторы не уклонялись от устройства зрелищ и игр для народа, но довольно часто по этому поводу обращается к императорам, упрекает своих друзей и императора в невнимательном и недобросовестном отношении к устройству игр и пышных зрелищ для римских граждан³⁷.

«Римский народ, – пишет Симмах в 384 г. – привык ждать всего от вашего величества, но того, что вы обещали, он требует как долга. Он обращается к вам с просьбами и молит после помощи, оказанной вашей щедростью для пропитания, дать в цирке и театре Помпея конные ристалища и сценические удовольствия. Представления составляют утеху города, и ваши обещания только поддерживают желания»³⁸.

Император Феодосий вынужден был уступить такому энергичному требованию: он прислал беговых лошадей и слонов. В благодарственном письме Симмах восторгается щедростью, проявленной Феодосием, и говорит, что не может найти достаточно сильных слов, чтобы полностью выразить признательность римского народа императору³⁹. Симмах

³⁵ Symm., Ep. X, 18, 35, 37.

³⁶ Palanque J.-R. Famines à Rome à la fin du IVe siècle // Revue des études anciennes. XXXIII. 1931. P.346-356.

³⁷ Symm., Ep. II, 26; V, 47, 59; VI, 42, 43; IX, 15.

³⁸ Symm., Ep. X, 6: ... his enim gaudet urbana laetitia.

³⁹ Symm., Ep. X, 9.

с наслаждением описывает тот знаменательный день, когда в город вошли слоны, окруженные колесницами и лошадьми, впереди которых шли знатные сановники.

Два года Симмах готовится к празднованию претуры сына. Такой срок не удивителен, если учесть, каких невероятных затрат и приготовлений потребовало устройство этого праздника. В Рим были по этому поводу доставлены медведи, шотландские собаки, львы, крокодилы, а также выписаны охотники, наездники, актеры, гладиаторы. Любовь к зрелищам, вековые традиции были так сильны, что запретить не только зрелища в Риме, но даже гладиаторские бои, которые были так ненавистны христианам, императоры долгое время не решались⁴⁰. Игры и зрелища – это, пожалуй, одно из немногих языческих установлений, которое, невзирая ни на какие превратности исторических событий, продолжало существовать рядом с христианской церковью до последних дней жизни императорского Рима⁴¹.

Избавившись от присутствия императора и центрального административного аппарата, потеряв реальное влияние, «вечный город» даже увеличил свой моральный престиж⁴². Большинство императоров считают своим долгом торжественно посетить то, что продолжает оставаться идейной столицей империи. Огромное количество литературных свидетельств убедительно показывает, что в рассматриваемую нами эпоху пиетет перед «вечным городом» не только не ослабел, но даже окреп в сердцах образованной элиты Запада⁴³. После катастрофы под Адрианополем внезапное осознание смертельной опасности, нависшей над империей, придало новые силы патриотическим настроениям, вновь заставило звучать концепцию *Aeternitas Romae*, изложение которой мы находим во многих произведениях, дошедших до нас от этого периода⁴⁴. Это в полной мере распространяется и на отношение к римскому сенату, который по-прежнему воспринимается как наиболее авторитетный государственный орган империи.

У многих исследователей, пишущих о государственном устройстве Поздней Римской империи, часто можно встретить высказывания о том, что политическая власть римского сената в конце IV - начале V вв. была

⁴⁰ Кассиодор сообщает, что общественными играми, не менее страстно, чем раньше, увлекались римляне при Теодорихе. – Cassiod., Var. I, 32-33.

⁴¹ Marico A. Factions du cirque et partis populaires // Bulletin de la Classe des Lettres de l'Académie royale de Belgique. 5e sér. XXXVI, 1950. P.396-421.

⁴² Laqueur R. Das Kaisertum und die Gesellschaft des Reiches // Probleme der Spätantike. Stuttgart, 1930. S.1-38.

⁴³ Amm. Marc. XVI, 10; Paneg. lat. II, 13; IX, 19; XII, 47, 3; Aur. Vict., Caes. 28, 2; 41, 17; Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S.175-204.

⁴⁴ Courcelle P. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1964. P.134-161.

ничтожной, доказательством чему являются все десять книг переписки Симмаха⁴⁵. Действительно, к концу IV века сенат уже не претендовал на функции, восходящие ко временам республики и к эпохе принципата, и перестал быть верховным органом государства. Фактически сенат уже не оказывал никакого влияния на политику империи, решая малозначительные и частные вопросы, касавшиеся главным образом города Рима⁴⁶. Вместе с тем, если роль сената как государственного органа была низкой, то этого ни в коей мере нельзя сказать о самих сенаторах. Сенаторское сословие было высшим в империи, его представители занимали важнейшие государственные посты и обладали львиной долей земельных владений (особенно в западной части империи) и значительными материальными средствами⁴⁷.

Римский сенат превратился в муниципальный совет «вечного города», но продолжал заседать по традиционному церемониалу. Самыми торжественными были те заседания, на которых зачитывались какие-нибудь извещения императора, который просто из уважения к некогда обладавшему властью учреждению, по собственному желанию, но отнюдь не по обязанности, присылал в сенат сообщения о том или ином событии, о той или иной победе. В подобных случаях сенат собирался даже ночью, не дожидаясь утра, при свете факелов. Тот сенатор, кому выпадает честь зачитать в сенате послание императора, считает себя особенно счастливым. Очевидно, на долю Симмаха подобная честь выпадала довольно часто, чем он очень гордился. Симмах поручает некоему Сигерию поблагодарить императора, который доверил ему, Симмаху, произнести «человеческим голосом божественные строки»⁴⁸.

Внешне изменений в жизни римского сената не произошло. По-прежнему сенаторы собирались в курии, в которой находился алтарь Победы, увенчанный статуей богини Победы, по-прежнему занимались обсуждением событий и «не замечали всей пустоты и никчемности сво-

⁴⁵ *McGeachy J.* Quintus Aurelius Symmachus and the Senatorial Aristocracy of the West. Chicago, 1942. P.58-61; *Stroheker K.F.* Der senatorische Adel im späntiken Gallien. Darmstadt, 1970. S.14-21; *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P.154-156; *Pigniol A.* L'Empire chrétien. Paris, 1972. P.263; *Gera G., Giglio S.* La tassazione dei senatori nel terdo impero romano. Rome, 1984. P.32-33.

⁴⁶ Амвросий Медиоланский, обращаясь к Валентиниану II, говорил, что сенат имеет в лице императора главу, что император созывает заседания, и сенат собирается для императоров и им предоставляет свою совесть. — *Amb., Ep. XVIII, 33.*

⁴⁷ *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P.169-171.

⁴⁸ *Symm., Ep. I, 13.*

их заседаний»⁴⁹. Письма Симмаха свидетельствуют: несмотря на то, что старая римская сенаторская знать давно исчезла, а состав сената менялся много раз, староримские традиции были живы и такие сенаторы, как Симмах и его единомышленники, «последние римляне» (по удачному выражению В.И.Уколовой), ставили целью своей жизни неприкосновенное сохранение традиций великого прошлого и передачу их в наследство потомкам. Симмаху крайне неприятно, когда в таком почтенном собрании, как римский сенат, происходят споры, унижающие достоинство сенаторов. Симмах больше всего гордится не занятием высоких должностей, не литературным и ораторским талантом, а тем, что он сенатор. Сенат для него – олицетворение всего лучшего, это наиболее выдающаяся, по его мнению, часть человеческого рода⁵⁰. Достоинство сенаторского ранга выше чести занимать высокие общественные и государственные должности⁵¹.

Как показывают современные исследования, уже в Римской империи представления о знатности начали меняться. Во времена ранней империи (как и во времена республики) знатными (в самом узком смысле этого слова) считали лишь консулов и их потомков независимо от того, было ли консульство ординарным или дополнительным (*suffectus*)⁵². С IV века, когда консульство уже утрачивало свою прежнюю роль, знатным в среде самих сенаторов считали того, кто отличался древностью рода. По мнению Симмаха, человек не мог считаться знатным только потому, что отец его был сенатором, не говоря уже о сенаторах в первом поколении. Древность рода имела для Симмаха и людей его круга огромное значение. Выступая в сенате с речью в поддержку Синезия, чей отец, Рустик Юлиан, был сенатором и являлся уже проконсулом Африки, Симмах, вместе с тем, отметил: ... *propago generis, quanto longius recedit a novis tanto altius tendit ad nobiles*⁵³. В одном из писем Симмах четко отграничивает сословие сенаторов (*ordo*) от сенаторов, исполнявших соответствующие должностные функции⁵⁴.

Что же касается императора, его администрации и придворных, то они, со своей стороны, считали знатными высших в табели о рангах сановников, входивших в разряд иллюстриев, т.е. префектов претория,

⁴⁹ *Francisci P.* Per la storia del Senato romano e della Curia nei secoli V e VI // Atti della Pontifica Accademia romana di Archeologia. 1946-1947. XXII. P.277.

⁵⁰ *pars melior humani generis.* – Symm., Ep. I, 52.

⁵¹ Symm., Ep. III, 87: *dignitatem curiae, quae honoribus maior est.*

⁵² *Barnes T.D.* Who were the Nobility of the Roman Empire? // Phoenix. 1974. Vol.28. P.444. Р.Тальберт уточняет, однако, что число потомков сенаторов времен республики в эпоху империи в римской курии было весьма незначительным. – *Talbert R.J.A.* Op.cit. P.35-38.

⁵³ PLRE.1. P.479; Symm., Or. 7.4.

⁵⁴ Symm., Ep. VI, 6.

префектов Рима, патрициев, консулов⁵⁵. Между тем ординарного консульства в IV в. удостаивались главным образом военачальники и высшие чиновники⁵⁶, в то время как префектура Рима находилась в руках родовитой сенаторской знати, а префекты претория редко бывали сенаторами по происхождению. Обычно они попадали в сенат именно благодаря своей должности, т.е. являлись сенаторами в первом поколении.

Сенаторы по-прежнему соблюдали все обряды, вступая в сенат, и во время заседаний точно выполняли все традиционные предписания. Если сенат и утратил влияние на политические события в государстве, то он до сих пор сохранял свой авторитет, отблески прежнего величия были еще налицо, и неслучайно время от времени государственные деятели и императоры обращались в сенат за поддержкой⁵⁷. Римская аристократия очень высоко ставила сенаторское достоинство. При этом надо иметь в виду, что римский сенат являлся средоточием самого могущественного в империи социального слоя, удельный вес которого в системе римского государства не мог идти в сравнение с другими категориями свободного населения империи. Принадлежность к сенаторскому сословию (*ordo senatorius*) была наследственной. Дети сенатора становились сенаторами по достижении восемнадцатилетнего возраста и после отбывании ими квестуры и претуры. Затем они могли занимать должности консульского ранга (управление некоторыми провинциями, проконсульства Азии или Африки). Вершиной карьеры может считаться получение поста префекта Рима⁵⁸.

Претура, квестура, консулат стали лишь почетными титулами, сопряженными с большими расходами, но предоставляющими возможность попасть в сенат. Дети сенаторов становились преторами обычно в возрасте двадцати – двадцати пяти лет⁵⁹. Сын Квинта Аврелия Симмаха стал в 401 г. претором в 17 лет. В сенаторское сословие попадали не только дети сенаторов, обладающие большим состоянием (*имущественный* ценз для сенаторов в миллион сестерциев был установлен

⁵⁵ Barnes T.D. Op. cit. P.446-448.

⁵⁶ Matthews J. Western Roman Aristocracies and Imperial Court. A.D. 364-425. Oxford, 1975. P.16.

⁵⁷ Определенные политические обстоятельства способствовали усилению позиций сенаторской аристократии, а именно – изменение политики императоров по отношению к членам сената после смерти Валентиниана I и перенесение императорского двора из Трира в Медиолан, что территориально приближило сенат ко двору. – Matthews J. Op. cit. P.257.

⁵⁸ Со времен Диоклетиана римская аристократия удерживала за собой пост префекта Рима, что вполне понятно, так как именно в этом городе ее позиции были особенно сильными. – Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P.43; Chastagnol A. Observation sur le consulat suffect et la préture du Bas-Empire // RH. 1958. Vol.249. avril-juin. P.223.

⁵⁹ Chastagnol A. Op. cit. P.238.

еще Августом), но в него вступали и путем прохождения имперских должностей. Чиновники, достигшие высших ступеней в иерархической системе государственного управления, получившие ранг префекта претория, викария, консула, патриция, имевшие титулы *virii illustres* или *virii spectabiles*, благодаря своей должности попадали в сенат. Сенаторское звание являлось венцом служебной карьеры.

Сословие сенаторов объединяло высшую аристократию, сильную своим богатством, властью и привилегиями. Корпоративное начало, характерное для поздней империи, наличествовало и в сенаторском сословии, корпоративным органом которого продолжал оставаться римский сенат. Часто сенат в IV в. именуется как «общество сенаторского сословия» (*societas senatorii ordinis*). Признаками сенаторского достоинства считались: 1) *substantia* (имущество), 2) *virtus* (доблесть) и 3) *honor* (честь). Лишаясь одного из них, сенатор тем самым порывал со своим сословием.

Главная мощь сенаторского сословия заключалась в тех колоссальных земельных богатствах (не только в Италии, но и во многих провинциях), которые сосредоточились в руках аристократии к концу IV в. н.э. Симмах не считался очень богатым сенатором. Его доход был средним. Но он имел три больших дома в Риме, дом в Капуе, 15 вилл, из которых три были расположены недалеко от Рима, а 12 – на юге Италии. Кроме того, он имел приносящие доход имения в Семниуме, Апулии, Сицилии и Мавритании⁶⁰. Но были сенаторы много богаче Симмаха. Так, если Симмах затратил на празднование преторы сына около 2 тыс. римских фунтов золота, то другой сенатор – Максим – 4 тыс. фунтов⁶¹.

Начиная с царствования Константина, сенатская канцелярия претерпевала серьезные изменения, связанные во многом с падением политической роли сената. Примерно с 10-х гг. IV в. она состоит из одной декурии, называемой *officium censuale*, членов которой называют чаще всего *censuales*. Во главе ее стоит *magister census*, который, в свою очередь, подчинен префекту города⁶². Эта декурия ведет протоколы заседаний, издает *acta senatus*, следит за соблюдением сенаторского ценза. Именно ей вновь избранные преторы сдают декларацию, сообщаящую размеры их состояния (*professio*), перед тем как вступить в должность. Она ведет учет земельной собственности сенаторов⁶³. ей принадлежат и некоторые полицейские функции, например, наблюдение

⁶⁰ Symm., Rel. XXII.

⁶¹ Olympiod., Frg. III.

⁶² Cod. Theod. XIV, 1, 1.

⁶³ Cod. Theod. VI, 2,8; 4, 7; 28, 5; XIV, 9, 1; Stroheker K.F. Der senatorische Adel im spätantiken Gallien. Darmstadt. 1970. S. 53.

ние за одеждой, которую носят в городе иностранцы. Сверх того, за ней сохраняются и некоторые финансовые прерогативы. Начиная с 370 г., именно сюда преторы вносят, если не могут присутствовать в городе во время проведения январских игр, те положенные по закону суммы, которые они должны потратить на их организацию.

В IV в. сенат продолжал владеть собственной казной (*aerarium populi romani*), значение которой постепенно свелось до уровня городской казны. Надписи также сообщают нам, что существовала *praefectus aerarii sacri Saturni*. Позднее, около 360 г. — *praefectus aerarii populi r(omani)*⁶⁴. После 360 г. сенатская казна была реорганизована, получив новое название — *arca publica* или *arca quaestoria*⁶⁵, и управлялась теперь, по всей видимости, квестором, которого выбирал сенат. О ней редко упоминается в источниках, но, как нам кажется, не будет слишком смелым предположение, что префект Города, руководя сенатом, осуществлял и контроль за ее состоянием. Во всяком случае, в 384 г. Симмах сильно озабочен ее состоянием и просит императора, чтобы казне были возмещены издержки в размере той суммы, которую они выделили на покупку колесницы для префекта Города⁶⁶.

Начиная с IV в., когда Рим стал столицей империи лишь номинально, роль префекта города как главы городской администрации существенно возрастает, он получает новые, дотоле не свойственные ему политические функции. В течение четвертого века реальной столицей империи являются Милан, Аугуста Треверов, Константинополь или Равенна. В связи с этим у префекта Города появляются новые полномочия, связанные с той ролью, которую он отныне играет во взаимоотношениях с народом и сенатом.

Основная цель, с которой была создана должность префекта Рима, — охрана города и поддержание в нем порядка. В условиях отсутствия императора и центрального правительства, префект Города становился самым высокопоставленным должностным лицом в Риме. При этом, префект, выбираемый обычно из числа римских аристократов, может рассматриваться как представитель сената, являясь наиболее влиятельным и наиболее авторитетным его членом; но, в то же время, нельзя забывать, что назначаемый императором, он остается и его представителем в Городе.

Префект обычно являлся посредником между императором и сенатом. Сенат может еще принимать решения, но эти акты не имеют никакой силы до тех пор, пока они не будут санкционированы императором. Чтобы сообщить главе государства свое решение, сенат посылает к

⁶⁴ CIL, XI, 4181; CIL, I, 1286.

⁶⁵ Symm., Rel. XX, 2.

⁶⁶ Symm., Rel. XX.

нему делегацию, состоящую из авторитетных сенаторов, и часто ее возглавляет лично префект Города: Симмах, назначенный префектом в 384 г., возглавляет делегацию, направленную в Медиолан, чтобы просить восстановить алтарь Победы. Выступая перед императором, он заявляет, что говорит от имени сената и по его поручению⁶⁷.

Кроме того, префект Рима доводит до сведения императора пожелания сената, излагая их в докладах, которые он регулярно направляет ко двору⁶⁸. Префект уведомляет императора обо всех делах, рассматриваемых в сенате, будь то избрание магистратов, выборы новых членов, решения о сокращении расходов на преторские игры и т.д. Иногда префект посылает ко двору и протоколы заседаний, ежемесячно он отправляет главе государства *acta senatus* и раз в три месяца – цензовые списки⁶⁹.

Во времени Симмаха высшая часть сенаторского сословия – *illustres* – уже играют ведущую роль при принятии решений Сенатом⁷⁰. В условиях отсутствия императора и консулов в Риме, вполне естественным кажется предположение, что префект Города ведет заседания Сената. Симмах заранее предупреждает сенаторов о необходимости присутствовать на заседаниях, в 376 г. префект города рассылал сенаторам особые письма-приглашения, в 395 г. префект Флорентин письменно просит Симмаха вернуться в Рим, чтобы участвовать в работе Сената⁷¹. Но если префект города и не был главой сената, то явно, что он

⁶⁷ Symm., Rel. III, 1-2.

⁶⁸ Кодекс Феодосия говорит об этом как об обязанности префекта. – Cod. Theod. II, 18, 1; XVI, 10, 1.

⁶⁹ Symm., Rel. 9, 4; 43; 13; 23, 12; 45; 46; 8; 24,1; 46,2. Davidson Th. S. A Problem of Senate Procedure in the Late Roman Empire // American Journal of Philology. 1946. Vol. LXVII. P. 175.

⁷⁰ Davidson Th. S. Op. cit. P. 181-182.

⁷¹ Symm., Rel. 23, 12; 13; Ep. II, 57; Ep. IV, 52. Некоторые источники позволяют утверждать, что префект не просто вел заседания Сената, но и пользовался в нем особой властью (Prud., Contra Symm. 563-564; Sid. Apoll., Ep. I, 9; Cassiod., Var. I, 42, 3; VI, 4, 1; IX, 7). Можно предположить, что в IV в. префект является принцепсом Сената (*princeps senatus*). Это утверждение опирается на формулу Кассиодора, адресованную префекту VI в.: «sententiam primus dicis» и надпись префекта 364 г. Луция Авиана Симмаха (отца оратора): «primus in senatu sententiam rogari solitus». – Cassiod., Var. VI, 4, 3; CIL, VI, 1698. Но высказывания Кассиодора все-таки относятся уже к VI в.. Авиан Симмах назван так спустя 12 лет после своей префектуры, а Квинт Аврелий Симмах – спустя 4 года. Таким образом, невозможно полностью отождествить префекта Города и главу сената. Можно лишь говорить об особой роли префекта в сенате. Кроме того, существует особый закон Грациана от 382 г., который гласит, что консул, когда он в Риме, должен голосовать в сенате до префекта Города (Cod. Theod. VI, 6), соответственно, сам консул должен был бы голосовать после главы сената. По всей видимости, главой сената в это время мог быть наиболее старший по возрасту и занимающий самое высокое положение в государст-

пользовался в нем преимущественным положением. Префект обладал привилегией первым из сенаторов излагать свое мнение, он руководил делегациями, посылаемыми ко двору, он являлся арбитром для противоборствующих партий, защищал интересы сенаторов, был выразителем их желаний и стремлений⁷². Префект Города принимает активное участие в выборах новых членов сената. Каждый кандидат должен представить рекомендации нескольких сенаторов, а на префекте лежит обязанность сообщить императору об итогах выборов, которые тот должен утвердить, включить вновь избранного члена в цензовые списки, точно указав размер его имущества. В 385 г. Симмах как сенатор сам рекомендует сенату нового члена⁷³.

Симмах, Проб, Претекстат, Флавиан, Олибрий и другие сенаторы, как можно судить по переписке Симмаха, занимали очень влиятельное положение в государстве. Выдающийся римский сенатор Петроний Проб, с которым Симмах переписывался 15 лет⁷⁴, был правителем нескольких крупных провинций. Очень многие корреспонденты Симмаха, как и он сам, были правителями провинций⁷⁵.

Обращает на себя внимание, что многие сенаторы стремились получить те должности, которые были связаны с управлением провинциями, и избежать тех назначений, которые были связаны с затратами. Симмаха возмущает поведение магистратов, которые отсиживаются на своих виллах и небрежно выполняют обязанности, требующие затрат на общественные мероприятия⁷⁶. Римская знать использовала государство для своих личных выгод, уклоняясь от всех общественных расходов и платежей. Симмах в одном из писем жалуется на управляющих и старост сенаторских поместий, уклоняющихся от уплаты налогов: «...мы

венной иерархии сенатор. Для IV в. нам ничего не известно о каких-либо противоречиях между главой сената и префектом Города. Скорее всего, это объясняется тем, что префектом обычно и становился представитель самых знатных и влиятельных фамилий, и его интересы совпадали с интересами сенаторской верхушки, выражаемыми *princeps senatus*.

⁷² Symm., Ep. VI, 22, 4; McGeachy J. Op. cit. P.39; Sinnigen W.G. Op. cit. P.97-102. В начале 398 г. именно префекта Города посылают протестовать от имени сената против увеличения *aurum tironicum*. – Symm., Rel. XLVIII, 1; Ep. VI, 64, 2; McGeachy J. Op. cit. P.47-48.

⁷³ Symm., Rel. XLIV; XLVI; Or. VI, VII, VIII; Ep. VII, 96.

⁷⁴ Symm., Ep. I, 56 - 61. CIL V, 3344: Petronio Probo v(iro) c(larissimo), totius admirationis viro, procons(uli) Africae, prae(fecto) praet(orio) Illirii, prae(fecto) praet(orio) Galliar(um) iterum, prae(fecto) praet(orio) Italiae atque Africae (tertium)

⁷⁵ Гилярий, например, был проконсулом Африки, Евсигний – проконсулом Африки и префектом претория Италии, Магний – викарием Африки, Нестерий – дважды префектом претория Италии, Аттик – префектом претория Италии, также как и Мессала. – Symm., Ep. III, 38-42; Symm., Ep. IV, 66-74; Symm., Ep. V, 17-33; Symm., Ep. V, 38-46; Symm., Ep. VII, 30-34; Symm., Ep. VII, 81-92.

⁷⁶ Symm., Ep. IX, 126.

не можем переносить своеволие наших прокураторов, которые не уплачивают не только прежних долгов (*reliqua superiora*), но оттягивают уплату взносов (*pensio*) даже ближайшего года»⁷⁷. Указания на существующие экономические трудности встречаются в письмах Симмаха к отцу. В одном из них он прямо заявляет, что в наш век «не поместья нас кормят, а мы содержим наши поместья»⁷⁸.

Однако, в конце IV в. были сильны и другие настроения, которые затронули даже такого энергичного общественного деятеля, как Симмах. Несмотря на добросовестное отношение к своим обязанностям, на стремление придерживаться традиций, у него уже в довольно ранних письмах встречаются намеки на желание удалиться от общественной жизни. Так, в письме к Протадию Симмах завидует, что тот, находясь в своем имении в Галлии, имеет много свободного времени для личных занятий, в то время как он, Симмах, подавлен тяжестью общественных дел⁷⁹. Когда Деций в 401 г., сменив Флавиана Младшего, стал префектом Города, Симмах искренне поздравляет не только Деция, но и Флавиана Младшего, освободившегося от тяжелого бремени⁸⁰. У Симмаха иногда вспыхивает злость на служебные дела, которые настолько поглощают все время его друзей, что у них нет свободной минуты, чтобы написать ему письмо. В более поздних письмах Симмах не без некоторого кокетства называет себя даже «человеком несклонным к общественным делам». С каким удовольствием он иногда покидает Рим, чтобы, удалившись на одну из вилл, предаться отдыху и литературным занятиям. Симмах часто живет на границе между городом и деревней, в одном из пригородных домов, где он может говорить о себе: *Ruri sum, nec tamen rusticor*. Он с удовольствием совершал кратковременные прогулки в Лауренту, Пренесты, Байи и ПUTEОЛЫ. «Меня пленяет деревенский воздух, на котором я могу упиваться хорошими книгами», — говорит Симмах⁸¹.

Однако, вряд ли можно согласиться с Г.Буассье и Дж.Мак-Гичи⁸², которые утверждают, что Симмах был более склонен к личной жизни и частным интересам, чем к общественным делам Города и государства в целом. Симмах с искренним рвением выполнял обязанности префекта города Рима в 384 г., был горячим участником современной ему общественно-политической и религиозной жизни Рима и римского государства. Симмах честно выполнял возложенные на него обязанности, ставя ро-

⁷⁷ Symm., Ep. V, 87.

⁷⁸ Symm., Ep. I, 5.

⁷⁹ Symm., Ep. IV, 39.

⁸⁰ Symm., Ep. VII, 50.

⁸¹ Symm., Ep. I, 59; III, 50; VII, 27, 30; Ep. III, 82; Ep. IV, 44; V, 78.

⁸² Буассье Г. Падение язычества. М., 1892. С.382; McGeachy J. Op. cit. P.44-

дину выше своих удовольствий⁸³. Он делал все от него зависящее, чтобы поддержать честь Рима и считал неблагородным и жестоким покидать город в тяжелые для него минуты⁸⁴. Он отдавал весь свой досуг выполнению общественных обязанностей, которые часто его утомляли, но никогда не отталкивали. Важно отметить, что Симмах главную цель в деятельности префекта Рима усматривал в охране и защите прав сенаторов. Будучи консулом, он требует от квесторов должного отношения к своим обязанностям. Симмаху часто, очевидно, приходилось письмами извлекать аристократов из их поместий в Рим для тех или иных дел. Так, он возвращает к общественной жизни Флавиана, Магнелла, Деция и, наконец, своих собственных сыновей⁸⁵. Многие корреспонденты Симмаха досадуют на свои общественные и государственные обязанности и всячески стремятся освободиться от них. Симмах же убеждает их не покидать службу и терпеливо выполнять свои обязанности.

Авторитет римского сената, хотя и лишеного реальной власти, оставался достаточно высоким; система управления империей, установленная еще Диоклетианом, обеспечивала относительную политическую стабильность. Римское общество, такое, каким мы его видим по письмам Симмаха, весьма напоминает общество времен Траяна и Антонинов, каким нам его показывает в своих письмах Плиний Младший. Из писем Симмаха мы видим, что самые избранные лица, государственные люди, политики не подозревали, что приближается кризис. Все шло своим чередом: покупали, продавали, реставрировали памятники и строили прочные дома. Иногда Симмаху случается видеть и отмечать прискорбные обстоятельства. Например, он рассказывает, что не может выехать из Рима, потому что разбойники грабят на дорогах. Затем, он жалуется, что император, из-за нехватки солдат, просит вместо них рабов у сенаторов. Симмах указывает, что фиск истощил все, у богатых нет почти ничего, крестьянам нечем платить землевладельцам, и земля, бывшая источником доходов, теперь приносит только расходы⁸⁶. Все это важные симптомы, однако Симмах видит их и не опасается. Возможно, это происходит из-за того, что подобные проблемы были достаточно старыми, и к ним успели привыкнуть. Лишь немногие могли увидеть за пышным фасадом признаки надвигающейся катастрофы. Как бы ни обстояло дело с низшими слоями населения, каковы бы ни были неудачи экономического развития, оказавшиеся роковыми в исторической перспективе, аристократия сохраняла уверенность и продол-

⁸³ Symm., Ep. VIII, 65.

⁸⁴ Symm., Ep. VI, 18; Symm., Ep. X, 48.1: *certa officia sunt omnium potestatum: praefecturae urbanae proprium negotium est senatorum jura tutari.*

⁸⁵ Symm., Ep. II, 44; IV, 8; II, 47; V, 32; V, 39; VI, 53.

⁸⁶ Symm., Ep. V, 63; I, 5; VI, 81; VII, 125; IX, 40; IX, 136.

жала вести традиционный для римского нобилитета образ жизни. На верхах все было не только спокойно, но и блистательно.

При рассмотрении писем Квинта Аврелия Симмаха никогда нельзя упускать из виду то, что они задуманы и написаны как произведения словесного искусства. Бросается в глаза их тщательно разработанный стиль, реминисценции стиля и слов известных писателей, изысканные архаизмы, бесчисленные аллитерации, метафоры. Содержание отходит на второй план, превращаясь в повод для проявления стилистического дарования. Каждый случай в жизни, каждое явление может вызвать произведение от письма или четверостишия до целой поэмы, всякое событие находит аналогии в великом прошлом Рима или в воспринятых еще на школьной скамье античных мифах и легендах. Автор присылает письмо в несколько строчек – *litterae tuae Spartana brevitae succinctae sunt*⁸⁷. Ритор прославляет *eventus rei publicae prosperos*, – Симмах радуется и невольно вспоминает, что «жестокая зависть грызла, как говорит история, Александра из-за того, что судьба дала могучему Ахиллу великого глашатая славы его века – Гомера⁸⁸.

Вместе с тем, письма Симмаха нельзя оценивать лишь как литературные произведения. Риторика здесь выступает не только как средство передачи стереотипных приемов мышления, своеобразных «клише», но как строительный материал. А ведь даже из готовых блоков при достаточном таланте можно построить здание вполне оригинальной конструкции, в котором узнаваемость деталей еще больше будет подчеркивать своеобразие целого. В античности это целое формируется и фиксируется, прежде всего, в риторически организованном слове, ибо только ясная, эстетически совершенная форма делает содержание не просто личным самовыражением, а общественно значимым, понятным окружающим и потому единственно реальным. За «типичностью» писем все время чувствуется рука их автора. Симмах представляет мир и людей, своих современников, и события, свидетелем которых он являлся, не такими, какими они были, а какими он, как автор, пожелал их представить потомкам. Когда понимаешь это свойство писем, перестаешь удивляться тому, что так изумляло многие поколения исследователей: отсутствие сообщений о гибели Валента, о войнах, о вторжениях варваров, о внутренних смутах, заговорах. Симмах сознательно убрал все, что могло нарушить картину жизни Римской империи, которую ему хотелось представить гармоничной и закономерной. И в этом он выступает не только как панегирист, но, что гораздо важнее, как автор.

Образ времени, созданный Симмахом, далек от действительности, но в то же время неразрывно связан с ней, он противоречит конкретной

⁸⁷ Symm., Ep. IV, 37.

⁸⁸ Symm., Ep. IX, 72.

жизненной практике, но и не может быть от нее оторван. Действительность получает под его пером некий эталонный, вневременной характер, конкретные детали исторического бытия образуют новое, не реально-историческое, а историко-культурное единство. Письма Симмаха пропитаны идеалами римской государственности, римского понимания истории. Для него классическая античность не кончилась, он продолжает жить в ней, ее традиционная система ценностей вечна и нетленна. В произведениях Симмаха мы видим идеальный гармоничный образ римского государства, у которого было великое прошлое, и которому уготовано не менее великое будущее. Так стоит ли обращать серьезное внимание на мелкие и досадные неприятности вроде вторжения варваров, мятежей, войн, заговоров. В годы, на которые приходилась деятельность и творчество Симмаха, Римская империя еще продолжала существовать – и в своих политических формах, и в своей идеологии. Кризис – это тоже форма жизни. И пока империя была жива, она регенерировала заложенные в ней ценности и нормы, возвращала их в реальность, сплетала с противоречащей ей практикой, которая слагалась в возвышенный образ, который никогда полностью в жизни воплощен не был, но и никогда не был ей полностью чужд, который опровергался общественной практикой и мощно воздействовал на нее – короче, который представлял собой то единство идеала и действительности, которое можно назвать «римским мифом». И не нужно пытаться представить одну из этих сторон подлинной, а другую – пропагандистской фикцией. Так не бывает. Историческая действительность всегда содержит в себе некоторый миф, и реальность истории всегда есть равнодействующая эмпирии и мифа.

Даже в тех случаях, когда идиллия нарушается, Симмах пытается соблюсти такую соразмерность, в которой хорошее превышает дурное. «Римский миф» характеризует данное общество как воплощение его ценностей, заставляя видеть в негативных сторонах действительности реальный, но допускающий и даже предполагающий преодоление фон. Ход реальной жизни под пером Симмаха превращается как бы в нетленную форму, в которую можно вместить разное содержание, разные реальности. И это не просто метафора, а качественное превращение, когда конкретика и детали исторического бытия получают как бы «образцовый» облик, но в то же время становятся по-своему актуальными, действенными, образуя новое единство, уже не реально-конкретное, но историко-культурное, в котором сливаются историческое, государственное, литературное и идеальное начала. В сущности, все, что может обладать определенной важностью для человека, живущего в государстве и для государства (в представлении Симмаха), так или иначе в идеализированной форме представлено в письмах.

Симмах принадлежал к культурной элите своего времени, и по многим свойствам своего ума и таланта был выше ее обычного уровня, но

ни философом, ни глубоким мыслителем он не был. Тем интереснее его мысли. При всей «сконструированности» писем Симмаха они дают, по существу, преимущественно внешний культурный образ эпохи, их автор субъективно не стремится проникнуть в глубину явлений. Он занят скорее созданием общего впечатления, претендующего на то, чтобы быть вневременно гармоничным и прекрасным, безлично эталонным. Но это не противоречит тому, что мы видим в них сведения по политической, экономической, духовной жизни современного ему общества, хотя и не находим собственно исторического взгляда на реальность. Особенность корпуса писем Симмаха и состоит в этом сочетании несочетаемого: сиюминутности, живой современности и «эталонности», «вневременности».

Происходит это из соединения реляций – документов, которые не могут быть не современны, – со стремлением построить идеальный образ своей эпохи и, самое главное, попыткой соединить великое римское прошлое с не менее великим, по мысли Симмаха, римским будущим, через сложное настоящее, которое для этого надо представить не как столкновение различных исторических, политических, религиозных начал, а как стабильное, счастливое существование. Не отсюда ли отчасти и умолчание Симмаха о трагических событиях своего времени?

Письма Симмаха – это произведение светское, пронизанное идеалами римской государственности, римского понимания человека. В них воплощены идеи времени, точнее идеалы государственного строительства, продолжающие римскую традицию. То, что отражено в письмах, – это идеальный образ римского государства и идеальный образ светской культуры, сопряженной с восстановлением предметов искусства, «правильным» устройством школы, благородными императорами, мужественными войсками, образованнейшими философами и т.д.

Даже в тех случаях, когда идиллия нарушается, Симмах пытается соблюсти такую соразмерность, в которой хорошее превышает дурное. Ход реальной жизни под пером Симмаха превращается как бы в нетленную форму, в которую можно вместить разное содержание, разные реальности. Письма Симмаха – это литературное произведение, результат литературной работы, рассчитанной на читателя и неизменно учитывающей его впечатление; они написаны по плану, составлены в обдуманных выражениях и тщательно подобранных словах. Письму поставлена определенная цель: убедить читателя, вразумить его, доставить ему удовольствие и показать себя в благоприятном свете. Это не снижает значения писем: для характеристики высших кругов тогдашнего общества нет источника ценнее. При очевидной бедности конкретным содержанием, образ эпохи, создаваемый в риторическом произведении, для историка важен – и не только в связи с историей социальной психологии и т.п., но и потому, что он может помочь полнее высветить в

материале источников детали, малозаметные для взгляда из другой исторической эпохи. События и эмпирия жизни – далеко не единственное, что есть в истории. Такой же органической ее частью является отражение и преломление всего этого в сознании времени, в том образе, основанном на исторической практике и не исчерпываемом ею, который, в свою очередь, воздействует на ход и исход исторических процессов и в котором видят его последующие поколения. Письма Симмаха – это модель государственной жизни и культуры, с ней связанной, основанной на традиционной римской системе ценностей.

В этом смысле письма Симмаха – один из последних образцов этой культурной традиции. Но то, как Симмах описывал и «реконструировал» реальность не осталось в границах IV века. Его ближайшим и даже более талантливым преемником стал Кассиодор, создавший уникальный историко-литературный памятник, в котором сочетается детальное отражение реалий его времени и поразительная способность к созданию, с позиций образованного аристократа, удивительной реальности, продолжающей римскую традицию и создающей иллюзию вечности Рима, когда этот мир уже пал и им правили варвары⁸⁹.

⁸⁹ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; Она же. Флавий Кассиодор // Вопросы истории. 1982. №2. С.185-89.

А.В.Короленков

Саллюстий: от политики к истории

Политическая карьера Гая Саллюстия Криспа была недолгой. Став, как обычно предполагается¹, в 55 или 54 г. (здесь и далее все даты – до н. э.) квестором², а в 52 г. плебейским трибуном, он уже в 50 г. был изгнан из сената за безнравственное поведение. Он принял участие в гражданской войне на стороне Цезаря, был вновь избран квестором – видимо, после Фарсала³ – и в 46 г. стал претором, получил после победы при Тапсе в управление провинцию Новая Африка, а по возвращении в Рим был обвинён в вымогательствах; от суда его спас будто бы сам Цезарь. Гибель диктатора в 44 г. означала резкую перемену в жизни Саллюстия: он отошёл от политики и предался занятиям историей, которые и прославили его имя.

Как же Саллюстий объяснял причины происшедшего? «Когда человек... решает оставить путь почестей или вытолкнут с него прочь, – писал по этому поводу Р. Сайм, – от него ожидают, что он изложит причины своего ухода изящно, говоря не о собственной злобе, но о мотивах, которые выше её»⁴. На какие же мотивы счёл нужным указать Саллюстий?

Я, подобно многим, ещё совсем юнцом был охвачен стремлением к государственной деятельности (*studio ad rem publicam*), и здесь со мной случилось множество неприятностей. Ведь вместо стыдливости, умеренности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. Хотя в душе я и презирал всё это, не склонный к дурным поступкам, но в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием (*ambitione*), была не чужда им. И в то время, когда я осуждал дурные нравы других людей, меня самого так же мучила жажда почестей, как их – боязнь сплетен и зависти. И вот, когда мой дух успокоился после многих несчастий и испытаний и я решил провести остаток жизни вдали от государственных дел, у меня не было желания тратить свой добрый досуг, предаваясь лени и праздности... Нет, вернувшись к тому же начинанию и склонности своей молодости, от которых меня когда-то отвлекло дурное честолюбие (*ambitio mala*), я решил написать по частям деяния римского народа, насколько те или иные из них казались мне достойными упоминания, тем более что духом был свободен от надежд,

¹ См., напр.: *Funaioli G. Sallustius (10) // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 2. R. Bd 1. 1920. Sp. 1918.*

² Сомнения Р. Сайма на сей счёт кажутся нам излишними (*Syme R. Sallust. Berkeley etc., 1964. P. 28*).

³ *Funaioli G. Sallustius. Sp. 1919.*

⁴ *Syme R. Sallust. P. 43.*

страхов и не принадлежал ни к одной из партий, существовавших в государстве (Sall. Cat., 3,3-4,2)⁵.

Магистратуры и империй⁶, словом, всякая забота о делах государства в наше время совсем не кажутся мне желанными, так как, во-первых, не добродетели воздаётся почёт, а, во-вторых, те, кто его добивается путём обмана или насилия, не обретают ни безопасности, ни большего почёта. [...] Среди... умственных занятий наибольшую пользу приносит повествование о прошлом. [...] Ведь я не раз слышал, что Квинт Максим, Публий Сципион и другие прославленные мужи нашего государства говаривали, что они, глядя на изображения своих предков, загораются сильнейшим стремлением к доблести. Разумеется, [...] от воспоминаний о подвигах усиливается это пламя в груди выдающихся мужей и успокаивается не ранее, чем их доблесть сравнивается с добрым именем и славой их предков (Sall. Iug., 3, 1; 4,1-6).

Таким образом, ход мысли писателя распадается на две части: 1) объяснение, почему он отошёл от активной политической деятельности; 2) почему он занялся на досуге именно историей.

Давно уже замечено, что в прологах к «Заговору Катилины» и «Югуртинской войне» Саллюстий описал свой переход от политической жизни к карьере историка так, как Платон показал свою эволюцию от политической активности к политической философии⁷. Вспомним знаменитое VII письмо Платона:

«Когда я был ещё молод, [...] я думал, как только стану самостоятельным человеком, тотчас же принять участие в общегосударственных делах». Между тем, «так как тогдашний государственный строй со стороны многих подвергался нареканиям, произошёл переворот», и к власти пришли тридцать тиранов. «Некоторые из них были моими родственниками и хорошими знакомыми. Они тотчас же стали приглашать к себе и меня... Я же, будучи молод, не видел во всём этом ничего необычного. Ведь я был убеждён, что они отвратят государство от несправедливости [...], и потому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть в прежнем государственном строе золотой век! [...] Я вознегодовал и устранился от всех этих зол. Немного времени спустя власть тридцати пала... Вновь, но уже более сдержанно стала меня увлекать жажда ... государственной деятельности. [...] По какому-то злому року некоторые тогдашние властители... вызвали в суд моего друга Сократа, предъявив ему нечестивейшее из обвинений», в результате чего тот был казнён. «Я видел всё это, – продолжает Платон, – а также людей, которые ведут государственные дела, законы и царские в государстве нравы, и, чем больше я во всё это адумывался и становился старше, тем всё более трудной задачей мне стало казаться правильное ведение государственных дел. [...] Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали. [...] В конце концов относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо: ведь состояние их законодательства почти неизлечимо, и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И восхваляя подлинную философию, я был принуждён сказать, что лишь через неё возможно постичь справедливость в отношении как государства, так и частных лиц. Таким образом, человеческий род

⁵ Здесь и далее пер. В.О.Горенштейна с нашими поправками.

⁶ Высшая власть римских магистратов.

⁷ Perrochat P. Les modèles grecs de Salluste. P., 1949. P.50.

не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители... не станут подлинными философами» (Plato. Epist., VII, 324b-326b)⁸.

Налицо, как видим, несомненное внутреннее сходство: и Платон, и Саллюстий в молодости мечтали о политической активности, но из-за порочности современных им порядков были вынуждены отказаться от этого и перейти к интеллектуальной деятельности, Платон – к занятиям философией, Саллюстий – историей, ибо они позволяют улучшить нравы в государстве⁹. Есть, однако, и важные различия. У Платона его решение является нравственным императивом – если не исправить с помощью философии нравы и законы, то царству зла не будет конца. Саллюстий же, говоря о пользе истории, просто ищет оправдания смене образа жизни. Платон, судя по его изложению, так и не принявший активного участия в политике, причиной указывает на конкретные факты, удержавшие его от этого, Саллюстий же, уже успевший вкусить от плода власти, ограничивается общими рассуждениями о нравственной испорченности современников, но указывает, что сам стал её жертвой. При этом римский историк избегает напрашивающейся параллели: если в жизненном выборе Платона важную роль сыграла гибель Сократа, то на дальнейшую биографию Саллюстия не в меньшей, а то и в большей степени повлияла смерть Цезаря. Дело, как нам кажется, не только в характерной для этого писателя краткости, рассчитанной на то, что читатель поймёт его с полуслова¹⁰. Историограф утверждал, что перестал заниматься государственными делами, когда дух его успокоился (*animus... requievit*), т.е. Саллюстий укротил свои амбиции. Упоминание же о гибели Цезаря могло навести читателей на мысль о том, что причиной его отхода от политики стала смерть покровителя. К тому же Саллюстий, возможно, к этому времени уже разочаровался в Цезаре¹¹ и не желал проводить слишком лестную для того параллель с Сократом.

Таким образом, взяв, видимо, за основу седьмое письмо Платона, писатель столь выгодным сравнением вольно или невольно возвышал себя в собственных глазах, а также, видимо, и в восприятии тех читателей, которые были способны понять эту аллюзию. Ф. Эгерман утверждал, что в трудах Саллюстия, пропитавшего идеи эллинского философа римским духом, «идеальные» государственные мужи мало похожи на платоновских философов¹². Однако такая постановка вопроса вряд ли правомерна: ведь именно себя Саллюстий ставил на

⁸ Пер. С.П.Кондратьева.

⁹ Соответствующие параллели между обоими авторами см.: Perrochat P. Les modèles grecs... P.49-50.

¹⁰ См.: Heldmann K. Sallust über die römische Welt Herrschaft. Stuttgart, 1993. S.5-9.

¹¹ См., напр.: Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Римской республики. М., 1952. С.106, 158.

¹² Egermann F. Proömien zu den Werken des Sallust. Wien; Leipzig, 1932. S.50.

одну доску с Платоном, а потому себе, а не изображаемым им государственным деятелям он отводил роль философа.

Но не смущало ли писателя то, что эта роль плохо сочеталась с его образом жизни в прежние годы? Общеизвестно, что в годы политической активности Саллюстий с помощью злоупотреблений сколотил огромное состояние, и предположения, что оно могло быть приобретено честным путём¹³, весьма малоубедительны. Исследователи неоднократно указывали на то, что «его жизнь представляет значительный контраст с высказываемыми им идеями»¹⁴, что «инвективы Саллюстия против богатства казались современникам верхом лицемерия так же, как впоследствии подобная проповедь Сенеки против роскоши»¹⁵. Но в контексте рассматриваемого вопроса важна не столько оценка современников¹⁶, сколько то, как оценивал себя сам Саллюстий. По остроумному замечанию К.Бюхнера, «будучи скептиком-реалистом, он был убеждён в необходимости *boni mores*, не становясь моралистом в том смысле, чтобы считать нравственные принципы обязательными»¹⁷ – прежде всего, разумеется, для себя. Да и вообще тип политика, чьи слова расходились с делом, был для того времени (как, впрочем, и любого другого) не редкостью¹⁸. Думается, однако, что у Саллюстия имелись и более веские причины для самооправдания.

Он не отрицал, что был отнюдь небезупречен во время своей политической деятельности, прямо говорил о своей *ambitio mala* (Cat., 4,2). Более того, Саллюстий не скрывал противоречия между своими благими пожеланиями и конкретными поступками (3,3-5). (Трудно представить подобные признания, например, в устах Цицерона, у которого, кстати сказать, было для них достаточно оснований.) Важнейшей причиной своих прегрешений Саллюстий считал влияние чужих пороков (3,3-5). Но теперь он отказался от политической деятельности и, стало быть, перестал испытывать на себе это влияние, а потому обретал моральное право обличать тех, кто продолжал участвовать в губящей *res publica* борьбе клек.

Возникает один вопрос. Сообщив о своём желании заняться историей, Саллюстий замечает: «Но, думаю, найдутся те, кто – коль скоро я решил жить вдали от государственных дел – назовут мой столь большой и полезный труд бездеятельностью... Если они задумаются над тем, в какие времена достиг магистратур я, какие мужи их добить-

¹³ Olivieri Sangiacomo L. Sallustio. Firenze, 1954. P.33.

¹⁴ Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979. С.109.

¹⁵ Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С.174.

¹⁶ Варрон ехидно пишет, что Саллюстий, сурово осуждавший пороки соотечественников в своих трудах, сам был застигнут Милонием за прелюбодеянием, избит плетью и отпущен лишь после того, как откупился деньгами (Gell., XVII, 18).

¹⁷ Büchner K. Sallust. Heidelberg, 1960. S.90.

¹⁸ Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия. С.109.

ся не смогли и какого рода люди вошли в сенат впоследствии, то они, конечно, признают, что я скорее в силу веских причин, чем по лености духа переменил своё решение (заниматься политикой – А.К.) и что государство получит от моего досуга пользу большую, чем от деятельности других» (Iug., 4,3-4).

С кем спорит Саллюстий? Кто стал бы упрекать его в том, что он оставил политику ради занятий историей? Кто вообще обратил бы на это внимание? Сам писатель ясно даёт понять, что в настоящий момент таких людей нет – они лишь могут появиться (*ego credo fore qui*). К чему же тогда вся эта полемика?

Думается, Саллюстий спорил с самим собой. Видимо, какие-то шансы на продолжение политической карьеры у него были – вряд ли триумвиры отказались бы от услуг старого цезарианца¹⁹, но устраивали ли его их условия? Не отсюда ли его колебания: занимать не слишком значительное положение или вообще отказаться от занятий политикой? Судя по цитированным выше рассуждениям, Саллюстий не был до конца уверен в правильности «перемены решения» и стремился убедить себя, что поступил верно.

Но Саллюстий также спорил и со староримской традицией, с позиций которой выступает его воображаемый оппонент. Истинный гражданин обязан быть активным на поле битвы, в сенате и на форуме, чтобы принести общине наибольшую пользу, а себе – славу. Саллюстий, в принципе не отрицая этого, вносит существенное дополнение: важно также (*etiam... haut absurdum*) и писание истории (*Cat., 3,1*), ибо слава доблестных мужей зависит от того, насколько её превознесут выдающиеся умы (8,4). Причём дело это нелёгкое, ибо рассказ о выдающихся деяниях может встретить равнодушие или недоверие²⁰. Между тем пишущему и действующему (*scriptorem et auctorem*) достаётся неодинаковая слава (3,2). Иначе говоря, речь идёт о том, что труд историка, хотя и ставится ниже военной²¹ и политической деятельности, не менее её полезен для государства и заслуживает столь же высокой оценки. Напрямую Саллюстий так и не решился высказать эту мысль, ибо она явно противоречила традиционным воззрениям: история, конечно, пользовалась в Риме большим уважением как наука, полезная для *res*

¹⁹ Büchner K. Sallust. S.19.

²⁰ Ср. у Фукидида (II,35,2): «Люди верят в истинность похвал, воздаваемых другим, лишь до такой степени, в какой они считают себя способными совершить подобные подвиги. А всё, что свыше их возможностей, тотчас же вызывает зависть и недоверие» (Пер. Г.А.Стратановского) (см.: *Perrochat P. Les modèles grecs... P.14*).

²¹ Впрочем, о военной деятельности у Саллюстия здесь речи не идёт: во-первых, он был штатским человеком, не стяжал и вряд ли надеялся стяжать ратную славу, а, во-вторых, впитанное с молоком матери уважение римлянина к военным подвигам не допускало и мысли о приравнивании историка к воину.

publica²², но по важности своей отнюдь не равная государственной деятельности²³. В «Югуртинской войне» Саллюстий возвращается к своей «крамольной» мысли. Здесь он излагает её более определённо, заявляя, что от него как от историка *res publica* получит большую пользу, чем от государственных мужей, ибо у власти сейчас стоят в основном негодные люди. Однако мысль о том, что труд *scriptor'a regum* не менее важен, чем политическая деятельность, отнюдь не абсолютна, а лишь обусловлена обстоятельствами момента (порочностью ныне властвующих), которые могут и измениться. Но пока они не изменились, Саллюстия ничто не мешало считать себя человеком, более полезным для *res publica*, чем государственные мужи.

Писатель не раз упоминал полезные функции историографии: благодаря ей становятся известными выдающиеся деяния (*Cat.*, 8,3-4), воспоминаниями о прежних подвигах она побуждает людей к новым (*Iug.*, 4,5-6). Но Саллюстий, приступая к собственным трудам, настроен на иной лад: заговор Катилины важен для него как беспримерное и опасное для *res publica* преступление (*Cat.*, 4,4), а Югуртинская война – тем, что была долгой, тяжёлой (но не славной!) и явилась истоком гражданских войн (*Iug.*, 5, 1-2; ср.: *Thuc.*, I, 1, 2). Налицо, казалось бы, явное противоречие. Но лишь на первый взгляд. Саллюстий тоже повествует о выдающихся деяниях, но выдающихся чаще в отрицательном, чем в положительном смысле. Рассказами о них он также побуждает читателей, но не к совершению подвигов, а к воздержанию от преступлений. Так, Саллюстий как бы фиксирует изменение исторической ситуации: время прославления прошло, настало время обличений. Но это был просто другой способ выполнить задачу морально-политического наставления²⁴, характерной для римской историографии²⁵.

Таким образом, в новых условиях Саллюстий искал новых решений и находил их. Он оказался прав: «пишущего» и «действующего» венчает неодинаковая слава. Его деяния на политическом и военном поприще, по выражению Дж. Фунайоли, «не были вписаны в историю золотыми буквами»²⁶, но, посвятив себя изучению прошлого, он добился славы куда большей, чем многие политики того (и не только того) времени, а его произведения стали выдающимися образцами римской исторической прозы.

²² Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия. С. 111-112.

²³ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима (III-I вв. до н. э.). М., 1977. С. 102.

²⁴ По удачному выражению К. Хельдмана, целью Саллюстия было «политическое увещевание» (*Heldmann K. Sallust... S. 117*).

²⁵ Hose M. *Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio*. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 32-35.

²⁶ Funaioli G. *Sallust*. Sp. 1920.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

А.А.Олейников

Временной опыт и повествовательный сюжет в феноменологической и в «новой» философии истории

60-80-е годы XX столетия для западной философской и литературоведческой рефлексии были ознаменованы радикальным поворотом в осмыслении задач и условий возможности исторического знания. Вопросы его специфики в значительной мере стали рассматриваться вне традиционной эпистемологической проблематики, посвященной определению того, что составляет предмет и метод исторического исследования. Акцент был перенесен на изучение текстовой природы историографического дискурса, элементарной формой организации которого был признан исторический нарратив. В ряду факторов, способствовавших возникновению нового – нарративистского подхода к проблемам исторического знания можно выделить три основных.

В первую очередь – это обозначившийся после второй мировой войны кризис историософского мышления, подвергшегося резкой критике со стороны философов либеральной ориентации. Представления об истории как о метафизической сущности, как о закономерном процессе, быстро превратились в анахронизм и уступили место взгляду на историю как на всякий раз по-новому проектируемое прошлое, которое создается социумом или отдельной личностью в целях поддержания собственной идентичности. Другим важным фактором, непосредственно связанным с первым, явилась осуществленная в работах аналитических философов, прежде всего неопозитивистов К.Поппера и К.Гемпеля, деспецификация исторического метода. Лишив историю ее претензий на особого рода научную рациональность, они облегчили путь тем, кто позднее увидит специфику истории в особенностях организации исторических текстов и коммуникации исторического знания. И, наконец, *last but not least*, структурализм – влиятельнейшее в те годы направление в языкознании и теоретическом литературоведении – работами Р.Барта, А.-Ж.Греймаса и др. вдохновлял представителей нарративистского подхода к истории и снабжал их своими концептами.

Революционной в деле становления этого подхода работой уже давно считается вышедшая в 1973 г. книга Хейдена Уайта «Метаисто-

рия»¹. Пик ее популярности пришелся на начало и середину 80-х годов. Тогда многим интеллектуалам казалось, что благодаря Уайту критическая рефлексия истории навсегда изжила свое «наивно-реалистическое» отношение к языку, окончательно осознав, что он не является прозрачным и пассивным медиумом, сквозь который мы видим реальность прошлого. Большое число ярких исследований, вышедших вслед этой книге и посвященных в целом проблеме конструирования реальности прошлого или рассматривавших данную проблему в соотношении с конкретными типами историографии, позволяет говорить о возникновении нового направления, за которым в литературе закрепились такие названия, как «новая интеллектуальная история» или «новая философия истории»².

Среди этих работ особое место принадлежит книге французского философа Поля Рикёра «Время и рассказ»³. Однако, создавая свое фундаментальное произведение, П.Рикёр продолжал разделять основные установки феноменологической традиции философствования, для которой задачи спецификации истории никогда не замыкались на *тексте* исторических сочинений, но заставляли обратиться к осмыслению особенностей конечного временного *опыта*. Источник основных затруднений, с которыми сталкиваются критики, решая вопрос об общей проблемной направленности исследования Рикёра, лежит, таким образом, в этой двойкой (если не сказать противоречивой) методологической задаче – совместить в рамках одного подхода два противоположных способа отношения к исторической реальности⁴.

¹ White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.

² Об историках этого направления см.: *Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: Проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С.11-24; Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Там же. С.25-38. В целом же об идейной программе «новой философии истории» лучше всего дает представление сборник: *A New Philosophy of History / Ed. F.Ankersmit и H.Kellner. L., 1995.**

³ Ricoeur P. *Temps et récit. T.1. L'intrigue et le récit historique. P.: Édition du Seuil, 1984. Рус. пер.: Рикёр П. Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ (пер. Т.В.Славко). М.; СПб.: Университетская книга, 2000.*

⁴ Надо признаться, что нам чрезвычайно редко приходилось встречать исследования, в которых данная работа Рикёра рассматривалась с точки зрения напряжения, возникающего в результате совмещения двух противоположных стратегий философствования: нарративистского и феноменологического. Чаще всего «Время и рассказ» рассматривается либо как продолжение рикёровского проекта «герменевтической феноменологии» (см. *Вдовина И.С. Феноменолого-герменевтическая методология анализа произведения искусства // Феноменология искусства. М.: ИФРАН, 1996, С.139-159*), либо как некий девиантный вариант «новой философии истории» (см. ниже ссылку на Анкерсмита).

В настоящей статье мы не ставили себе цель дать критическую рецензию на произведение выдающегося французского философа. Привлекая также работы другого известного на Западе феноменолога и специалиста в области философии истории Дэвида Карра, мы попытались решить исследовательскую задачу, смысл которой состоял в том, чтобы показать следующее: во-первых, что феноменологический разворот той проблематики, которая фундирует нарративистское направление внутри критической философии истории, нельзя объяснить реакцией традиционной эпистемологии на новую познавательную ситуацию⁵, так как он обоснован самой логикой становления данной проблематики; во-вторых, что при всей своей обоснованности, он оказывается недостаточно радикальным, чтобы, не прибегая к словарю метафизики, сохранить за историей ее опытно-практическое измерение; и, наконец, в-третьих, что это измерение нуждается в ином способе своего теоретического обоснования и тематической проработки.

Асимметрия «жизнь – повествование» и проблема осюжетивания

Нарративистский подход в спецификации исторического знания начался не с утверждения примата исторического текста над другими формами его организации и коммуникации, какими, например, могут считаться данные документальных источников или сообщения непосредственных очевидцев прошлых событий. Еще до «лингвистического поворота», благодаря Артуру Данто⁶ и Луи Минку⁷ свершилось то, что можно назвать утверждением *ретроспективного принципа* историологического анализа: из совершенно банальной, на первый взгляд, истины о том, что история является повествованием о прошедших событиях, ими были сделаны выводы, которые существенным образом проблематизировали сложившиеся представления об организации исторического знания.

Конститутивной особенностью этого *конечного* знания была признана обнаруженная в его основании радикальная *асимметрия* прошлого и будущего отрезков временного опыта. Это означает, что для элементарной верификации исторического сообщения необходимо, во-первых, чтобы события, о которых повествует историк, уже произошли, и, во-вторых, чтобы сам историк, описывал их с точки зрения *других*

⁵ Именно так квалифицирует рикёровскую концепцию Фрэнклин Анкерсмит, один из наиболее известных и влиятельных теоретиков нарративистского подхода в философии истории. См. *Ankersmit F.R. The Dilemma of Contemporary Anglo-Saxon Philosophy of History // History and Theory. 1986. B.25. P.22.*

⁶ *Danto A.C. Analytical Philosophy of History. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1965.*

⁷ *Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History. V.1. 1970. P.541-558.* Важны и другие работы этого философа, выходящие в различных изданиях, собранные в посмертно вышедшей книге: *Mink L.O. Historical Understanding. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1987.*

свершившихся событий, которые по отношению к первым являются будущими, и потому для их непосредственных участников и очевидцев совершенно неизвестными⁸. Из этого следует, что прошлое, о котором сообщает историк, и будущее, с точки зрения которого он о нем сообщает, не связаны между собой в порядке линейной последовательности через настоящее, в котором он живет. Его будущее, открытое для новых событий, всегда может создавать предпосылки для преобразований событий прошлого в новые смысловые конфигурации, поскольку прошлое не детерминировано никаким их предшествующим ходом.

История в таком контексте не только теряет свою, некогда казавшуюся обязательной, соотнесенность с действенным субъектом какого-либо трансисторического процесса, но также теряет качество *непосредственным образом переживаемого настоящего* и предстает, по словам Данто, в виде «ретроспективного пере-писывания (*re-alignment*) прошлого»⁹, которое никогда не может быть закончено.

Отрицание за временной последовательностью какой-либо значимой функции для истории приводит к отрицанию реальной связи, которую события повседневного опыта («жизнь», в широком смысле) могут сообщать повествованию и организовывать его в целостную структуру. Жизнь как таковая не обладает качеством повествования. Она не имеет ни начала, ни середины, ни конца.

«Существуют, — писал Минк, — надежды и планы, сражения и идеи, но только в ретроспективных рассказах есть несбывшиеся надежды, расстроенные планы, решающие сражения и продуктивные идеи. Только в рассказе существует та Америка, которую открыл Колумб.»¹⁰. Поэтому, считает он, не из жизни, но в саму жизнь из искусства транслируется повествовательное качество.

Если простая последовательность событий не несет в себе признаков тематического единства, то остается еще объяснить существование того концептуального видения, благодаря которому дискретные события повседневного опыта выстраиваются в линию последовательных эпизодов исторического повествования. Эта линия, согласно Минку, является в ходе осуществления синтетического акта понимания, который он определяет как особый тип рефлексивного суждения (*synoptic judgment*). Достижимый благодаря такому суждению *конфигуративный способ понимания* оформляет свои объекты в единый и конкретный комплекс отношений. Высший уровень этого понимания представляет собой бо-

⁸ Вот наиболее известный пример «нарративного предложения», иллюстрирующий данное положение Данто: «В 1715 г. родился автор "Племянника Рамо"». В то время, когда произошло то, о чем здесь говорится, никто не смог бы произнести такую фразу. Отсюда — написание "Племянника Рамо" есть событие, в терминах которого описывается рождение Дени Дидро.

⁹ Danto A.C. Op. cit. P.168.

¹⁰ Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension. P.557.

жественное знание мира, о котором писал Бозций, как о «знании *totum simul*». В нем «последовательные моменты всего времени соприсутствуют в одном восприятии в виде событийного ландшафта»¹¹.

Аналогия с божественным знанием призвана подчеркнуть симульный характер возникновения сюжета повествовательного произведения. Однако, как и всякая аналогия, она в равной мере объясняет и затемняет действительную суть проблемы. Дело в том, что, как признавал и сам Минк, воображение конечного историка не может быть столь продуктивным, чтобы игнорировать поток сменяющихся переживаний. Необходимо еще показать, как эти переживания соотносятся с упорядочивающим их воображением. Эту задачу и постарался решить Х.Уайт.

«В отличие от художественной литературы, — писал Уайт, — исторические работы состоят из событий, которые существуют помимо сознания их автора... Историку противостоит настоящий хаос уже состоявшихся событий, из которых он должен выбирать элементы для своего рассказа. Он создает его, включая одни события и исключая другие, выделяя одни и затемняя третьи. Этот процесс исключения, выделения и подчинения проводится им ради создания рассказа определенного рода. Это означает, что он "осюжетивает" свой рассказ»¹². «Историкам, — пишет Уайт в другой работе, — может не нравиться думать о своих работах, как о переводах "фактов" в "вымысел" (*fiction*), но это как раз один из эффектов их работы. Предлагая альтернативные осюжетивания данной последовательности событий, историк обеспечивает эти события всем возможным набором смыслов, который литературное искусство его эпохи может предоставить»¹³.

«Осюжетивание» (*emplotment*) событийного материала включает в себя, по Уайту, несколько последовательных уровней концептуализации: «рассказ» (*story-line*), «сюжет» (*plot*) и «аргументацию» (*argument*). Каждому из этих уровней соответствует специфический способ исторического объяснения. Необходимая историческому повествованию тематическая связность должна отсылать к некоей *авторитетной* моральной и социальной инстанции, выступающей для историка и его аудитории как реальность *par excellence*. Только апелляция к такой инстанции, иначе говоря, только морализирующий дискурс может придать повествованию законченную форму и создать иллюзию, что установленная им сюжетная связь присутствовала в событиях «с самого начала». В результате получается: чем более реалистическим и объективным стремится быть историческое произведение, тем скорее оно обнаруживает свои ресурсы *осюжетивания* (фикционализации) реальности. Своей вершины эта тенденция достигает в сочинениях по философии истории, где все элементы хроники и рассказа редуцируются к какому-то единственному сюжету, будь то самопознание Мирового Духа или классовая борьба.

¹¹ Ibid. P.554.

¹² White H. *Metahistory*. P.6.

¹³ White H. *The Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding / Ed. R.Canary, H.Kozicki. Madison, 1978. P.53.*

Закономерен вопрос: если все способы репрезентации реальных событий в историографии отмечены печатью художественного вымысла, то что нам позволяет говорить о реальности этих событий вообще? Ведь не проводя различия между событиями и повествованиями как таковыми, нельзя рассуждать о том, обладает ли реальность (жизнь) качеством повествования или оно является исключительной прерогативой искусства, а также в чем состоит разница между художественным и историческим повествованием. Но на примере Уайта мы видим, что, когда это различие становится обозначением ситуации, в которой происходит оформление сюжетной целостности, то оно немедленно теряет свою конструктивную роль. Как писал Питер Мунц, «мы можем сравнивать одни часы с другими часами, но не можем сравнивать никакие часы со временем как таковым... То же справедливо и в отношении любого рассказа, включая и историческое повествование. Мы не можем видеть истории. Мы можем сравнивать одну книгу с другой книгой»¹⁴. Иначе говоря, у нас нет другой возможности выяснить, насколько сюжет данного повествования адекватен описанным в нем событиям, как только в сравнении его с сюжетом другого повествования *предположительно о тех же событиях*¹⁵.

Отсюда можно заключить, что, несмотря на настойчивое стремление понимать под историей только особый тип повествовательной практики, теоретики-нарративисты не могли разрешить для себя проблему целостности исторического сюжета без того, что хотя бы отчасти не восстановить в правах «наивное» представление о его до-текстовом, реально-событийном происхождении. Поэтому мы полагаем, что произведенный Рикёром феноменологический разворот данной проблематики вполне закономерен, поскольку давно, так сказать, напрашивался сам собой.

Феноменолого-герменевтический подход к проблеме «осюжетивания» у П.Рикера

Прежде чем начать изложение основных положений работы П.Рикёра – несколько слов в целом о сути феноменологического подхода к истории. Это необходимо потому, что проблема отношения временного опыта и повествования в строгом формальном смысле вряд ли мо-

¹⁴ Munz P. The Shapes of Time. Middletown: Wesleyan Univ. Press. 1977. P.121.

¹⁵ В своих работах по теории «осюжетивания» Уайт продолжает следовать в фарватере, впервые указанном русскими формалистами, согласно которым *сюжет* представляет собой такую связь событий, которую конструирует повествователь на основе *фабулы* – т.е. на основе уже данной «простой» последовательности событий. Однако проблема состоит в том, что эта последовательность уже есть некоторая история, которая каким-то образом существует до того, как возникнет сюжетная связь, существует как имеющаяся, но еще не рассказанная история. Интересная критика оппозиции «фабула – сюжет» представлена в работе: Руднев В. Морфология реальности. Исследования по «философии текста». М.: Гнозис, 1996. С.128.

жет считаться феноменологической проблемой. Ни у одного из основоположников этой философской традиции, ни у Гуссерля, ни у Хайдеггера¹⁶, мы не найдем эксплицитных суждений по вопросам, которые, вслед за англоязычными теоретиками-нарративистами, были поставлены и исследованы в работах Рикёра и Карра. Во многом эти вопросы были восприняты ими как вызов со стороны структуралистских и аналитических теорий языка, переставших рассматривать историю в качестве особым образом данного реального временного опыта. Утвердившееся благодаря такому взгляду представление о *гетерогенности* содержаний этого опыта и элементов повествовательной структуры стало предметом особого их беспокойства. Оно объясняется не только тем, что под сомнением оказался классический для рефлексивной философии принцип единства субъекта практического опыта и теоретического суждения.

Феноменология и началась с проблематизации этого единства, основания которого ею все более относились к сферам доконцептуального, пассивного или intersубъективного опыта. Однако она никогда не уходила настолько далеко, чтобы говорить о принципиальной несоотнесенности практической и научно-познавательной сторон человеческой деятельности. Поэтому и история рассматривалась во многом как синоним сложного, неоднозначного, но все-таки целостного единства индивидуального или социального бытия. Очевидное различие между историей, понятой в качестве реального опыта личности или социума, и историей как особого рода науки или, по крайней мере, повествовательной практики, не нарушало представления о существовании единой истории. Чем иным, как ни твердым ощущением этого единства можно объяснить тот факт, что при всей симпатии к Дильтею, какая была у Хайдеггера и у позднего Гуссерля, никто из них не решился осуществить проект «Критики исторического разума», чтобы обосновать методологическое своеобразие наук о духе. Критике подлежало рационалистическое научное мышление, переставшее ощущать свою укорененность в истории. Историческое же *понимание* объявлялось неотъемлемым свойством человеческого бытия.

¹⁶ Для настоящей проблематики могут представлять интерес непосредственно те немногие тексты Гуссерля, в которых проблема самоконституирования *Я* рассматривается в связи с «жизненной историей» (*Husserl E. Cartesianische Meditationen. Hamburg: F.Meiner, 1987. S.70.*) а также те из них, где воспоминанию отводится роль удостоверяющей идентичность субъекта инстанции (*Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Husserliana. Bd.XV. Den Haag: M. Nijhoff, 1973, S.346-347.*) Что касается Хайдеггера, то здесь важна «Временность и историчность» – пятая глава второго раздела «Бытия и времени». – *Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С.372-404.* См. также: *Tengelyi L. Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte. München: Fink, 1998.*

Обращение Рикёра к проблеме отношения времени и повествования стало возможным именно потому, что его уже давно не устраивала та онтологизация понимания, которая была осуществлена в работах Хайдеггера. В такое понимание, как писал Рикёр, «не погружаются постепенно, углубляя методологические возможности истолкования... – туда переносятся целиком, резким поворотом проблематики»¹⁷. «Короткому пути» Хайдеггера он противопоставляет свой «длинный путь», цель которого – «вывести рефлексию на уровень онтологии». Поэтому в своей работе «Время и рассказ» Рикёр продолжает разрабатывать свой проект «герменевтической феноменологии», предполагающей построение «новой эпистемологии понимания», в которой, по его словам, онтологическая теория *Verstehen* в духе Хайдеггера и Гадамера была бы дополнена эпистемологической теорией *Verstehen* в духе В.Дильтея и М.Вебера.

«Длинный путь» Рикёра начинается с критики хайдеггеровской трактовки конечности *Dasein*: «Идея конечности сама по себе остается банальной, даже тривиальной... Открытие первичности бытия-в-мире по отношению ко всякому проекту обоснования и всякой попытке конечного установления истины обнаруживает всю свою силу, когда из него извлекаются выводы для новой эпистемологии понимания»¹⁸. Главный вывод должен быть следующим: «Не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами: самопонимание в конечном счете совпадает с интерпретацией этих опосредующих терминов»¹⁹. Согласно такому взгляду, понимание и рациональное объяснение уже не являются антагонистами, как это было у Дильтея. Понимание *предполагает* объяснение в той мере, в какой объяснение *развивает* понимание.

Герменевтическая феноменология становится своеобразной теорией генезиса и бытования литературных произведений. Рикёр, по сути, переворачивает привычное представление об отношении вымысла и референции. Так же, как понимание и объяснение, вымысел и референция, перестав быть антагонистами, трактуются как взаимодополняющие элементы, конституирующие феномен «семантической инновации».

Если вымысел (будь это метафора в поэзии или сюжет в прозе) создает новую смысловую *конфигурацию* посредством необычной предикативной ассимиляции (метафора) или преобразования разнородных событий в целостное единство (сюжет), то референция, пройдя этап задержки своей прямой функции, *трансфигурирует* нашу реальность, привнося «аспекты, качества, значения реальности, которые не могли проникнуть в непосредственно дескриптивный язык и которые могут быть высказаны только благодаря сложной игре метафорического выражения и упорядоченному сдвигу значений наших

¹⁷ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Academia-Центр, 1995. С. 8.

¹⁸ Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Academia-Центр, 1995. С. 83.

¹⁹ Там же.

слов»²⁰. В результате в основе текста проецируется представление о мире, «где я мог бы жить».

Отношение времени и повествования во многом аналогично представленному выше отношению референции и смысла. Время, или темпоральность, является структурой человеческого существования, которая артикулируется в повествовании. Повествование является языковой структурой, которая имеет темпоральность в качестве своего основного референта. По другой формуле, «время становится человеческим временем в той мере, в какой оно организуется с помощью повествования; повествование, в свою очередь, является значимым в той мере, в какой оно изображает особенность временного опыта»²¹.

Рикёр строит свою теорию «осюжетивания» (*mise-en-intrigue*), стремясь, в отличие от Л.Минка и Х.Уайта, акцентировать его темпоральный характер, поскольку, как он считает, структура повествования не является в чистом виде результатом победы «порядка» сюжета над «хаосом» времени. Всякий сюжет может быть признан интеллигибельным лишь в той мере, в какой он содержит немотивированные его диспозицией «перипетии», неожиданные повороты в судьбах героев, требующие от читателя «способности следить за рассказом». Поэтому Рикёр подчеркивает парадоксальную природу сюжетного единства, определяя его как «несогласное согласие» (*la concordance discordante*).

Истоки своей концепции «осюжетивания» Рикёр находит в «Поэтике» Аристотеля, видя в понятии *μυθου* (μῦθος) эквивалент понятию сюжета. Аристотелевское определение *μυθου* (ἡ τῶν πραγμάτων σύστασις, 50a15) он трактует, как «организация событий», специально подчеркивая процессуально-деятельный смысл слова «организация» (*agencement*). Это не статичная система, но именно динамический синтез. Мютоз есть то, о чем произведение, его действительная, или референциальная, основа. Сам же способ ее художественного изображения Рикёр называет *μίμησις*, переводя аристотелевское *μίμησις πράξεως* (50b3) как «имитация или репрезентация действия». В «Поэтике» мютоз и *μίμησις* – почти синонимы: «Имитация действия есть сюжет (μῦθος)» (50a1). Но Рикёр акцентирует это «почти» и настаивает на их квазиидентичности. «Действие», считает он, стоит в объективном родительном падеже по отношению к «имитации», «сюжет» же следует понимать как прямое дополнение к глаголу «составлять» (поэтика, по Аристотелю, – искусство «составлять сюжеты» (47a2). Поэтому, используя гуссерлевскую терминологию, он склонен видеть в действии (и, следовательно, в мютозе) «ноэзматический коррелят практического ноэзиса» (*μίμησις*):

²⁰ Там же. С.77.

²¹ Ricoeur P. Temps et récit. T.I. P.17.

«Действие есть продукт конструирования, из которого состоит миметическая деятельность»²².

Создание повествовательного произведения предполагает разрыв с полем повседневной практики, благодаря которому оно есть всегда нечто большее, нежели просто копирование или удвоение реальности. Но одновременно благодаря ему осуществляется «метафорическая транспозиция» этого поля. Чтобы различить эти две стороны деятельности повествователя, Рикёр обозначает как «мимесис-1» связь произведения с практическим полем («мимесис префигурации»), собственную же его креативную способность – как «мимесис-2» («мимесис конфигурации»). Поскольку произведение искусства может состояться только при участном внимании со стороны читателя или зрителя, Рикёр называет «мимесисом-3» («мимесис ре- или трансфигурации») проективную функцию миметической деятельности – создавать мир, «где я мог бы жить», – импликацию которой он находит в аристотелевском учении о катарсисе.

Таким образом, так же, как и в случае с метафорой, процесс повествовательного «осюжетивания» характеризует амбивалентная природа миметического акта: дистанцирование от мира повседневности и, одновременно, умножение (*augmentation*) и обогащение его новыми смыслами. Это не тот однократный конфигурирующий акт *totum simul*, который мы встречаем у Минка. Понятый как динамический синтез событий повседневного опыта и устойчивых в данной культуре повествовательных парадигм, он сохраняет темпоральную основу на протяжении всех трех этапов, составляющих алгоритм его действия. Поэтому ввиду того, что альтернатива дехронологизированных смысловых структур и неупорядоченного временного опыта перестает быть актуальной, основная задача исследования состоит в обнаружении и демонстрации качественной прогрессии, присутствующей на переходе от первого к третьему уровню миметической деятельности.

Здесь мы не сможем подробно остановиться на том, как Рикёр решает эту задачу, важно лишь обратить внимание на ее главный проблемный пункт. Согласно Рикёру, мимесис-3, будучи завершением процесса корреляции времени и повествования, является результатом трансформирующего воздействия, оказанного на префигурированный в мимесисе-1 мир повседневной практики актом повествовательной конфигурации, или мимесисом-2. Предвидя возможные возражения в отношении слабой содержательной различимости мимесисов префигурации и рефигурации и, как следствие, отрицание существующей между ними качественной прогрессии, Рикёр специально подчеркивает значение мимесиса-1 как исходного основания повествовательной деятельности. Это означает, что мир нашей повседневной практики в виде «по-

²² Ibid. P.73.

ка еще плохо обработанных историй» уже содержит в себе нарративные ресурсы. Повествовательный сюжет не является творением из ничего. «Какова бы ни была сила инновации поэтической композиции внутри поля нашего временного опыта, композиция сюжета основана на предпонимании мира действия, его значимых структур, его символических ресурсов и его темпорального характера»²³. Так, например, семантика действия раскладывается на парадигматический и синтагматический уровни. Первый состоит из разнообразных «целей», «средств», «обстоятельств» – смысловых атомов, не предполагающих определенного порядка их соединения. Поэтому это синхронический уровень. Второй вводит диахронию, а значит и определенные правила упорядочивания первичных смыслов. Так что сюжет, говорит Рикёр, есть «литературный эквивалент синтагматического порядка»²⁴.

Редуцирование мимесиса префигурации ко второму мимесису означало бы признание «насильственного» характера художественной интерпретации по отношению к миру практики. Эта же интерпретация выглядела бы как «избыточная» в том случае, если мимесис-1 был бы только «смысловым эффектом» третьего мимесиса. Рикёр очень осторожен. Он стремится избежать тех апорий, которые оказались непреодолимыми для англоязычных теоретиков осюжетивания. Поэтому, полагает он, то новое, что привносит во временной опыт повествовательная конфигурация, в свернутой, «префигурированной» форме уже в нем содержится и в полной мере разворачивается и тематизируется в момент встречи мира текста и мира читателя.

Но из предложенного Рикёром описания – и на этом сосредоточено наше критическое внимание – следует, что мимесис-2 в полную меру работает за мимесис-1 в качестве идеи «синтеза гетерогенного», поскольку только благодаря ему можно объяснить переход семантики акции с парадигматического на синтагматический уровень, что и сам Рикёр косвенно признает, указывая на эквивалентность сюжета и синтагматического порядка. Что же касается третьего мимесиса, то его действие оказывается практически неотличимым от действия второго. Оно, на наш взгляд, есть ни что иное, как читательская рефлексия в отношении уже состоявшегося сюжетного целого.

Таким образом, мимесис-2 продельывает конкретную работу в чужих доменах (синтезирующую – на ступени мимесиса-1 и рефлексивную – на ступени мимесиса-3), своего же, «медиального», у него фактически нет. За самим актом конфигурации остается приписываемая ему инноватив-

²³ Ibid. P.108

²⁴ Ibid. P.112.

ность, выраженная в метафизической формуле «связь гетерогенного»²⁵. Но поставленному в опосредующую позицию мимесису-2, ничего *гетерогенного* не достается. Именно в опосредующей позиции он не работает, потому что работает *везде*: и на уровне мимесиса-1, и на уровне мимесиса-3. Состоявшуюся связь с первого уровня он транслирует для рефлексии на третий. Происходит ли тогда прогрессия, "умножение реальности", на переходе от мимесиса-1 к мимесису-3? Думается, что нет, поскольку Рикёру не удается показать, что опосредующий их мимесис конфигурации – именно как опосредующий – способен привносить некую тематическую инновацию в наш временной опыт.

По сути, в работе Рикёра речь идет не об опосредовании в акте повествовательной конфигурации временного опыта и читательских ожиданий, а об их совмещении в рамках онтологии единого сюжетного процесса, каким выступает бытие исторической традиции. О том, что такая онтология невольно принуждает нас отказаться от взгляда на историю как на конечный проект организации прошлого опыта, можно судить по тому, как в третьем томе²⁶ своей работы Рикёр интерпретирует важнейшую для «Бытия и времени» тему экзистенциальной временности.

Решая вопрос об определяющих условиях повествовательной конфигурации, Рикёр стремится избежать прямого противопоставления объективного времени событий и «конфигуративного» времени повествования. Возможность их согласования должна проистекать из существования исходно общей для них темпоральной структуры, каковой, по Рикёру, следует считать «внутривременность» (*Innerzeitlichkeit*)²⁷ Хай-

²⁵ Рикёр трактует этот акт повествовательной конфигурации как аналогичный тому, который, по Канту, характеризует продуктивную способность воображения, осуществляющую синтез чувственных созерцаний и категорий рассудка согласно трансцендентальным схемам. Вообще, надо сказать, у Рикёра интерпретация учения об этой способности занимает особое место. Некоторые исследователи его творчества даже рассматривают «Время и рассказ» как, главным образом, очередной этап в развитии Рикёром своей теории «герменевтического воображения», начало которой было положено в работах по символике зла и критике психоанализа. См. *Keamy R. Paul Ricoeur and Hermeneutic Imagination // Philosophy and Social Criticism. 1988. V.14. №2. P.115-145; Vanhoozer K. J. Philosophical Antecedents to Ricoeur's Time and Narrative // On Paul Ricoeur. Narrative and Understanding / Ed. by D.Wood/ L.; N.Y., 1991. P.34-54.*

²⁶ *Ricoeur P. Temps et récit. T.3. Le temps raconté. P.: Edition du Seuil, 1985.*

²⁷ Напомним, что «внутривременность», по мысли Хайдеггера, является базой для формирования «расхожей» (*vulgär*) концепции времени как состоящего из череды «постоянно наличных, сразу уходящих и преходящих *теперь*». «Забота», понятие, выражающее целостность бытия *Dasein*, на уровне внутривременности проявляет себя в своем *несобственном* модусе. Превратившись в «озабоченность» (*Besorgen*), она делает понимание бытия зависимым от несоизмеримой *Dasein* наличности предметов «внутримирового сущего». – См.: *Хайдеггер М. Бытие и время. С.422.*

деггера. Извлечь конфигурацию из последовательности – значит, для начала, удержать настоящее *озабоченности* от сползания в абстрактный ряд сменяющих друг друга «теперь». Однако этот этап соответствует только предварительной, или префигуративной, фазе осюжетивания. Оформление сюжетной целостности окончательно происходит благодаря «возобновлению» (*Wiederholung*) и отсылает к другому уровню исходной временности – «историчности» (*Geschichtlichkeit*)²⁸. Таким образом, процесс организации повествовательного целого представлен Рикёром в виде возвращения *Dasein* к *собственным* модусам своей временности. Заметим здесь, что возможность такой интерпретации целиком основывается на допущении рассматривать *несобственные* модусы временности *Dasein* как тематически производные от его *собственных* модусов и, следовательно, игнорировать принцип их равноисходности²⁹. Рикёр это хорошо осознает и в третьем томе «Времени и рассказа» уделяет большое место критике хайдеггеровской трактовки целостности *Dasein*. Суть ее состоит в том, что соразмерная *Dasein* возможность бытия-целым (*Ganzsein*) не получает достаточного обоснования из его бытия-к-смерти (*Sein-zum-Tode*). Целостность *Dasein* разрывается между экзатической временностью бытия-к-смерти и мировым временем повседневности. Поэтому Рикёр настаивает, что смерть все-таки логичнее рассматривать как прерывание нашей способности быть, нежели как ее «наиболее собственную возможность»³⁰.

Отправляясь от этой критики, Рикёр строит свою концепцию «возобновления». Она предполагает, что историчность представляет собой структуру, *опосредующую* временность бытия-к-смерти с временем внутримирового сущего и не *редуцируемую* к ним. «Возобновление», пишет Рикёр в другом месте, означает «высвобождение наших наиболее фундаментальных способностей, наследованных нами из прошло-

²⁸ «Историчность» характеризует *Dasein* в его *протяжении* «между» рождением и смертью. *Собственный* модус историчности – «возобновление» (*Wiederholung*) – отличает способность возвращать конечную экзистенцию к ее исходной возможности быть: «Возобновление мы характеризуем как модус само-передающей решимости, через которую присутствие (*Dasein*) выраженно экзистенцирует как судьба. Но если судьба конституирует исходную историчность присутствия, то история имеет свою сущностную весомость и не в прошлом, и не в сегодня и его "взаимосвязи" с прошлым, но в собственном событии экзистенции, возникающем из *будущего* присутствия». – Там же. С.386.

²⁹ Это краеугольный принцип экзистенциальной аналитики. Очень полезной для его понимания представляется вступительная статья Е.В.Борисова к его переводу «Пролегоменов к истории понятия времени», вышедшему в 1998 г.

³⁰ См. у Хайдеггера: «Смерть как конец присутствия (*Dasein*) есть наиболее своя (*eigenste*), безотносительная, достоверная и в качестве таковой неопределенная, не-обходимая возможность присутствия» (С.258).

го, в терминах персональной или коллективной судьбы»³¹. Совпадая с моментом повествовательной конфигурации, оно возвращает нас из внутривременности в историчность, из «расчета со временем» к «собираанию» времени. Но возвращает оно нас не для того, чтобы навсегда избавить от «расхожего» понимания времени или от существования «внутри» времени. «Повествовательное возобновление» рефигурирует время повседневности, обогащая его новыми значениями, «умножающими» его реальность.

Таким образом, Рикёр видит в «возобновлении» принцип, выражающий целостность человеческого бытия-в-мире: прошлое истории опосредует настоящее публичной повседневности и будущее приватного самопроектирования, выступая в качестве источника коллективной или персональной идентичности. Для нас существенно важно то, что Рикёр наделил идею «возобновления» смыслом, которым она не только не обладала в оригинальном контексте, но в оппозицию к которому и была сформулирована – смыслом «жизненной взаимосвязи» (*Zusammenhang des Lebens*). Наиболее принципиальное отличие хайдеггеровского «возобновления» от «жизненной взаимосвязи» Дильтея заключается в том, что в его задачу не входит ни осуществляемая в воспоминании идентификация целостности *Dasein*, ни дедукция методов «наук о духе». Как модус само-передающей *решимости*, возобновление экзистенции «не есть ни обратное извлечение «прошлого», ни привязывание «актуальности» снова к «преодоленному». Оно характеризует *конечную* целостность *Dasein*, взятую со стороны его *уже-бывшей* (*da-gewesen*) возможности. Конституируемое им и не требующее никакой дополнительной «взаимосвязи» *протяженное устояние* принадлежит все той же экзистенциальной временности, благодаря которой целостность человеческого бытия в его возможности онтологически предшествует его действительности.

Согласно Хайдеггеру, ситуация, когда возникает необходимость «собрать себя из рассеяния и бессвязности только что "произошедшего", [чтобы] прийти к самому себе»³², отвечает несобственному модусу историчности. Это «собрание себя», говорит Хайдеггер, осуществляется лишь «задним числом», т.е. ретроспективно. Ему никогда не достанет *решимости* ввести человека в «простоту его судьбы», открыть историчности доступ к ее собственной целостности. Последняя не восстанавливается в воспоминании о прошлом. Она существует до и помимо такого воспоминания³³. Из этого следует, что, применительно к поставленной

³¹ Ricoeur P. Narrative Time // Critical Inquiry. 1980. V.7. №1. P.183.

³² Хайдеггер М. Бытие и время. С.390.

³³ Согласно Хайдеггеру, собственная историчность *Dasein* конституируется из заступающей решимости к смерти. «Свободное для смерти, оно передает

Рикёром задаче повествовательного опосредования настоящего времени публичной повседневности и будущего времени конечного самопроектирования, «возобновлению» в лучшем случае может быть придан статус регулятивной идеи. Иначе его отличие от осуществляемого в ретроспекции «собирания себя» вряд ли будет принципиальным. Однако для Рикёра сразу вынести такое решение означало бы автоматически признать невозможность сколько-нибудь удовлетворительного в рамках его проекта герменевтической феноменологии согласования исторической онтологии и эпистемологии. Все его дальнейшие усилия оказываются направленными на то, чтобы согласовать «уже-бывшее» собственной историчности и «прошлое» миро-истории. Проблематичность этой задачи окончательно проясняется в заключительной главе третьего тома «Времени и рассказа» в контексте обсуждаемой там темы исторической традиции.

Следует сказать, что при всех отличиях, которые существуют между философской герменевтикой Рикёра и Гадамера, первая, так же, как и последняя³⁴, исходит из того, что в «сплавлении горизонтов» прошлого и настоящего уже содержится «мера», определяющая самотождество традиции во всех ее последующих интерпретациях, которые являются не чем иным, как ее «применением» (*Anwendung*) в новых (исторических и современных) условиях. Однако парадоксальность такой ситуации состоит в том, что момент реактуализации исторического наследия сов-

себя себе самому в наследованной, но все равно выбранной возможности» (Там же, с.384). Рикёр критикует Хайдеггера потому, что ему трудно представить, как наследование «себе самому» может объяснять феномен истории, ибо нечто наследовать можно у кого-то другого, но не у себя. Упрек Рикёра кажется справедливым еще и в связи с тем, что автор «Бытия и времени» видит одну из своих задач в том, чтобы показать экзистенциальное происхождение исторической науки из историчности *Dasein* (§76). Рикёр полагает, что Хайдеггер так и не справился с этой задачей (см. *Temps et récit*. Tome 3. P.79). Однако нам представляется, что, отнеся наличные виды историографии к сфере не-собственной историчности («миро-истории»), Хайдеггер прекрасно решил именно ту задачу, которую он сам себе поставил – показать *онтологическую возможность* историографии. Ведь, с его точки зрения, собственная историчность «не обязательно нуждается в историографии. Века без историографии не остаются как таковые уже и без истории» (Бытие и время, с.396). Рикёр же, по-сути, настаивает на том, чтобы собственная историчность получила свои способы историографической экспликации. Отсюда его последующее обращение к теме *традиции*, выходящей за пределы конечных способов корреляции времени и рассказа, выглядит вполне закономерным.

³⁴ Конечно, такая констатация общности этих двух видов философской герменевтики кажется весьма поверхностной. Ограничиться ею нас вынуждают рамки данной статьи. Более подробно на эту тему см. *Вдовина И.С.* Исследуя человеческий опыт... // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: ИФРАН, 1996. С.139-159; *Kearny R.* Between Tradition and Utopia. The Hermeneutical Problem of Myth // On Paul Ricoeur... P.55-73.

падает с моментом максимального дистанцирования от него, который получает смысл принципиального различия, существующего между «пространством прошлого опыта» и «горизонтом ожидания». Тем не менее, Рикёр всячески стремится преуменьшить значение этого различия. Будущее, полагает он, только как бы открывает то, что уже содержится в прошлом.

На этих предпосылках и покоится рикёровская концепция осюже- тивания. Связь жизни и повествования уже задана на уровне «еще не рассказанных» историй повседневности. Повествователь (романист, а тем паче историк) не столько выдумывает что-то новое, сколько вновь открывает («возобновляет») то, что уже имелось в действительности, но до сей поры не было артикулировано. Персональная или коллективная идентичность, являясь, по Рикёру, конечной целью любого повествования, как бы уже заранее приуготовлена для определенного повествования.

Очевидная двусмысленность такого представления о связи жизни и повествования совершенно не позволяет понять характер той необходимости, с которой конечный повествователь обращается к поиску своей идентичности. Ее предсуществование на этапе «еще не рассказанных» (или «плохо обработанных») историй лишает этот поиск какого бы то ни было внутреннего напряжения и заставляет думать, что *жизнь сама рассказывает о себе историю*. Такое представление становится возможным в силу того, что Рикёр (несмотря на всю ту сложную диалектику прошлого и настоящего, которая разрабатывалась им в третьем томе) рассматривает настоящее акта повествования как в значительной мере продолжение того прошлого, о котором оно сообщает. В результате дистанция между прошлым и будущим также теряет смысл конституирующей повествовательное высказывание асимметрии и превращается в принцип динамического бытия «живой» традиции между ее истоком и реактуализацией («применением»).

Аргументация Карра в пользу идеи континуума жизни и повествования

Методологический синкретизм является отличительной чертой работ Рикёра в области философии нарративной формы. В сравнении с ними нарратологические исследования Дэвида Карра, проигрывая в широте экспозиции, отличаются большей ясностью в постановке исходной задачи и в избираемых для ее решения методах феноменологической интерпретации. Карр выступает как сторонник неразрывной связи (а не только корреляции) времени и повествования: «Повествование есть не просто успешный способ описания событий; его структура упакована в самих событиях... В то время как одни высказываются в пользу радикальной дисконтинуальности повествования и реальности, я буду при-

держиваться не только [идеи] их неразрывности, но также и общности их форм»³⁵. Своими оппонентами Карр видит, прежде всего, тех исследователей, кто, так или иначе, придерживается мнения, что жизнь сама по себе состоит только из «простой последовательности» (*mere sequence, one thing after another*) событий, не имеет начала, середины и конца, и что эти формальные качества привносятся в нее из литературы. Отдавая должное Рикёру как одному из немногих исследователей, для которого реальный мир выступает как нарративно префигурированный, Карр, тем не менее, относит его к все той же категории сторонников дисконтинуума жизни и повествования. Ибо префигурация, как он считает, еще не есть повествовательная структура. Она не спасает нас от разрыва между опытом переживания времени и самой этой структурой. Вводимый для преодоления этого разрыва в качестве «синтеза гетерогенного» акт повествовательной конфигурации лишь подчеркивает неартикулированность временного опыта и только *как бы* делает его выразимым³⁶.

Чтобы показать, что переживание времени не сводится к регистрации «простой последовательности» событий и по своей структуре вполне сопоставимо с повествованием, Карр обращается к гуссерлевскому анализу внутреннего сознания времени³⁷, согласно которому всякое восприятие «временного объекта» (*Zeitobjekt*) должно происходить на фоне его удерживаемой в ретенции прошедшей длительности и антиципируемой в протенции рядущей длительности. Поскольку настоящее не может быть воспринято вне конститутивного ретенциально-протенциального горизонта, то уже это одно говорит, что «простая последовательность» есть не более чем инструментальная фикция, которая реально никогда не переживается. Но ввиду того, что повествование представляет собой «расширенную» и «более сложную» временную структуру, чем та, которая была описана Гуссерлем, задача дальнейшего исследования Карра состоит в том, чтобы проследить взаимосвязь структурных особенностей временного опыта, начиная с пассивного (дореклексивного) переживания времени и заканчивая активными (деятельностными) способами его конституирования.

Карр признается, что его до конца не устраивает гуссерлевское определение статуса темпорального анализа как имеющего сугубое отношение к так называемым «гилетическим данным» сознания. Поскольку мы можем, как он считает, различать собственно мелодию («временной объект») и ее переживание (или восприятие последова-

³⁵ Carr D. Narrative and Real World: An Argument for Continuity // History and Theory. 1986. V.25. №2. P.117.

³⁶ О его возражениях Рикёру см. Carr D. Discussion: Ricoeur on Narrative // Wood D.(ed.) On Paul Ricoeur. Narrative and Understanding. L.; N.Y., 1991. P.160-173.

³⁷ См. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени (пер. В.И.Молчанова). М.: Гнозис, 1994.

тельности и последовательность восприятий), то у нас есть основание рассматривать переживание мелодии как интенциональное. Следовательно, помимо ретенциально-протенциального *горизонта*, в котором даются первичные темпоральные содержания, должно иметь место ретенциально-протенциальное *схватывание*, которое формирует темпоральную структуру объекта. На уровне анализа «базовых» событий пассивного временного опыта (как то же восприятие мелодии), функция *схватывания* еще очень слабо выделена по отношению к *горизонту* и отличима от него скорее формально, нежели реально. Но поскольку повествование представляет собой активно-избирательный и «более сложный» способ обращения со временем, то следует ожидать, что в основе его темпоральной организации будет лежать некое особое, эксплицитное *схватывание*.

Схватывание становится едва ли не главной темой анализа темпоральности осознанного действия. Важно сразу учесть, что переход к нему мотивирован феноменологическим методом исследования, требующим извлечь принцип целостности «временного объекта» из его же временной протяженности. Но по той причине, что Карр считал необходимым различить сам этот объект и его переживание, он будет вынужден всегда усматривать эту целостность на стороне «более протяженных», чем в «настоящий момент», переживаний, действий и т.д. Именно поэтому в его концепции такая большая роль отведена будущему. Оно одновременно указывает на актуальную длительность переживания (открытость в сторону будущего) и, что более важно, несет в себе принцип его тематической завершенности (*closure*).

Роль *схватывания* растет параллельно с увеличением степени открытости будущего. Эта степень является показателем устойчивости сложившихся в прошлом темпоральных конфигураций. В случае пассивного опыта эта устойчивость сравнительно высока. Как говорит Карр, тоны знакомой мелодии могут составить неизвестную нам гармонию, и когда это происходит, оказывается, что мы слушаем не ту мелодию, нежели прежде думали. Фазы *теперь-ретенции* могут становиться частями иного целого – иной темпоральной конфигурации. Но все равно можно сказать, что мы продолжаем слушать мелодию, не эту, так другую.

В случае осознанного действия и «более протяженных» конфигураций будущее «является тем, что я сейчас совершаю»³⁸. Поэтому здесь трудно говорить о сохраняющейся в настоящем прошлой конфигурации или ее отдельных фазах. Речь ведь идет не об изменениях в составе уже существующего темпорального целого, а о нем как таковом. То, что здесь происходит, есть *всякий раз новая* конфигурация во всей ее пол-

³⁸ Carr D. Time, Narrative and History. Bloomington: Indiana University Press. 1987. P.34.

ноте. Однако ввиду того, что, по Карру, будущее, помимо различных степеней открытости, является также и *фактически* открытым, правомерен вопрос: может ли совершаемое мною действие претерпевать изменения, аналогичные тем, что могут происходить с моими пассивными переживаниями? Думается, что нет, ибо я не могу, по незнанию или в силу каких-либо других причин, вместо одного действия совершать другое. Если здесь и может что-то расстраиваться, то это сама «интенция или цель, нежели простое ожидание»³⁹. По-другому мы бы сказали, что «альтернативой» совершаемому действию может быть только *не совершение этого же действия*.

То же самое, кажется, имеет в виду и Карр, когда говорит, что какие бы разрушительные последствия ни имело «вторжение» фактического будущего в ход моего действия, его результат в конечном итоге зависит только от меня. Однако, по его мнению, будущее, к которому относится действие, неразрывно связано с тем настоящим, которое «лежит в фокусе» пассивного переживания. Действующий, говорит он, «остается в настоящем, даже если его забота направлена в будущее». Тем самым Карр стремится избежать «сверхинтеллектуализации» действия – представления об исключительно ретроспективном принципе оформления его целостности. Ретроспекция, считает он, здесь необходима, но все же это «квазиретроспекция». В результате получается, что конфигурация действия все же может изменяться, и даже само ее *схватывание* объявляется «изменяющимся и текучим схватыванием, поскольку целое схватывается последовательно из каждой его части, каждый раз (говоря метафорически) из другой "перспективы"»⁴⁰.

Чем же тогда активный временной опыт отличается от пассивного? Если исходить из предложенного описания, то, строго говоря, ничем. Будущее, «которое я совершаю», оказывается продолжением настоящего, «сквозь которое я живу». Справиться с возникшим затруднением можно было бы, заявив, что переживание и действие не связаны между собой отношением объективного временного континуума, так как первое представляет временной опыт в его открытости и актуальной незавершенности, второе же служит в качестве *идеи* его смысловой заданности и поэтому всегда *как бы* завершенности. Однако, выступая против теорий, согласно которым сам по себе неструктурированный временной опыт *наделяется* смыслом, реально в нем не присутствующим, Карр не замечает, как впадает в другую крайность, предлагая, по сути, считать, что этот смысл прирастает в нем объективно «по мере» увеличения его открытости в сторону *фактического* будущего. Эта открытость же оказывается лишь актуальной бесконечностью (тотальностью) настоящего,

³⁹ Ibid. P.40.

⁴⁰ Ibid. P.41.

поскольку без заведомо предположенной телеологии восхождение по иерархии «темпоральных конфигураций» (от «базовых» событий, переживаний и действий к их «более протяженным» эквивалентам) выражает лишь меру их объективной временной продолжительности и не несет в себе иного организующего принципа, кроме абстрактно-кумулятивного.

Карр стремится представить дело таким образом, что формирующее темпоральную структуру схватывание, само будучи длительным, может стать объектом для другого, «более продолжительного» и целерационального схватывания, и что оба они субстанционально суть одно и то же темпоральное схватывание, дорефлексивное в одном случае и практически рефлексивное и нарративное – в другом. Парадокс заключается в том, что, не разрушая всякий раз сложившуюся темпоральную структуру до «простой последовательности» событий, нельзя объяснить, из чего происходит ее новое оформление на следующем, так сказать, более продвинутом этапе схватывания. Этот парадокс особенно бросается в глаза, когда Карр заявляет о том, что концепт «простой последовательности» обладает смыслом ограничительного концепта для описания ситуации, в которой происходит сложение «жизненной истории»⁴¹. Хотя нарративная связность, говорит он, непосредственно присутствует «в большинстве» наших переживаний и действий, она, тем не менее, не дана в раз и навсегда готовой форме. Жизнь в целом можно представить как борьбу «за поддержание и сохранение нарративной связности»⁴² ввиду постоянной угрозы ее распада. Отсюда, вслед за объявлением «простой последовательности» партикулярных историй нормативной идеей, обозначающей то, во что происходит распад, Карр без видимых колебаний говорит о том, что само понятие нарративной связности следует считать «нормой», не всегда могущей быть реализованной в повседневном опыте.

Вследствие этого значительным образом снижается критический и полемический пафос его работы, замысел которой состоит в том, чтобы показать неразрывный и реальный характер связи, существующей между временным опытом и повествованием. «Нарративное схватывание» Карра, хотя и объявляется темпоральным, по сути мало отличается от «охватывающего видения» Минка или «осюжетивания» Уайта, поскольку во всех этих случаях речь идет о достаточной синтетической концептуализации изначально слабоструктурирован-

⁴¹ «Жизненная история» (*life-story*), согласно Карру, является следующим, после события, переживания и действия, уровнем идентичности жизни и повествования. Если для конституции каждого из предыдущих типов конфигурации требуется «нарративное схватывание», то «моя *жизненная* история требует еще более полного схватывания, которое вбирает все [предыдущие] вместе как принадлежащие мне и устанавливает связь между ними». – Ibid. P.75.

⁴² Ibid. P.91.

ных содержаний временного опыта. Но если для двух последних эта концептуализация не обладает собственной темпоральностью и, будучи художественной, или фикциональной, просто гетерогенна «естественному» времени охватываемых событий, то для Карра она предстает как процесс усложнения типов (уровней) одной и той же темпоральной конфигурации, начиная с «базовых» (по сути, объектных) типов и заканчивая собственно повествовательными.

Основная проблема такого подхода состоит в том, что для обоснования континуума всех типов конфигурации необходимо постоянно допускать ситуации, в которых возникает возможность их полного распада. Видимость восстановления прерванной было темпоральной или нарративной связности на новом, «более сложном», уровне конфигурации демонстрируется Карром только за счет объявления предыдущего уровня в качестве «нормы» или «стандарта» для последующего, пока, наконец, нормативным самим для себя не окажется последний уровень – не имеющая начала, середины и конца «жизненная история». «Темпоральной» такую стратегию делает только декларативное первенство ретроактивного (с вектором из прошлого в будущее) принципа связности над ретроспективным. Однако лишь посредством дополнительного (*ad hoc*) внесения ретроспективного схватывания можно телеологически оправдать переход темпоральной конфигурации с «базового» и, соответственно, менее продолжительного уровня на «более сложный» и «более продолжительный».

В основе такого методологического приема лежит ни что иное, как идея «синтеза гетерогенного», эксплицированная Рикёром до степени отдельной и самостоятельной фазы процесса «осюжетивания» – мимесиса конфигурации. У Карра в аналогичной опосредующей роли выступает *действие*, представляющее, по его словам, «род спланированного передвижения между двумя точками зрения: на события, сквозь которые мы живем, и на дела, которые мы совершаем»⁴³. Темпоральная и телеологическая компоненты действия едва ли не тождественны («будущее – это то, что я сейчас совершаю»). Различить их – значит увидеть это действие как еще не законченное *переживание* с точки зрения другого действия, ход которого еще не стал предметом моей рефлексии. Однако насколько такой внешний взгляд мотивирован непосредственно ходом этого переживания и предполагает ли он с необходимостью обращение к действию «большей протяженности» – вопросы, проблемный характер которых не заставляет Карра усомниться в том, что ретроспективное различение цели и продолжительности действия несет в себе также начало их нового синтеза на следующем уровне темпоральной конфигурации.

⁴³ Ibid. P.60.

Таким образом, аргумент в пользу существования неразрывной связи между временным опытом и повествованием нельзя признать до конца убедительным ввиду изначальной двусмысленности самого понятия связи как реально-событийной и нормативной в одно и то же время. Вряд ли можно отрицать то, что в жизни нам нередко удается быть в одном лице авторами, героями и слушателями своих практических нарративов, как и то, что с их помощью отдельная личность или социум поддерживают свою идентичность. Но даже если ретроспективный взгляд рассказчика, как говорит Карр, не находится в оппозиции к взгляду действующего, то это еще не значит, что он непосредственно формируется из незавершенного хода переживаний последнего. Если бы дело обстояло так, то проблема идентичности разрешалась как проблема «правильной» аккумуляции переживаний, то есть вряд ли бы вообще возникала. Но часто именно в той ситуации, когда наши представления об окружающей действительности обнаруживают свое повествовательное происхождение, возникает кризис персональной или коллективной идентичности, для осмысления которого требуется присутствие других представлений, чья повествовательная природа еще не стала столь актуально очевидной, как у предыдущих.

«Казусный» взгляд на происхождение исторического сюжета и проблема реальности прошлого

Как уже говорилось, поводом для произведенной в работах Рикёра и Карра феноменологической проработки проблемы отношения времени и повествования было укрепившееся представление о несоизмеримости пространства повседневной жизни и литературного творчества. Но история – это не только текст. Как любит говорить Карр, прежде чем стать предметом эстетического или когнитивного интереса, повествование выполняет практическую функцию по организации и структурированию наших действий и переживаний во времени. Поэтому в полной оппозиции к Минку, утверждавшему, что истории не проживаются, а рассказываются (*stories are not lived but told*), Карр заявляет: «Они рассказываются будучи проживаемыми и проживаются будучи рассказываемыми»⁴⁴. Но при всей обоснованности такого подхода нельзя не отметить, что в нем в качестве скрытой предпосылки работает представление о жизни, которая сама до всякого конечного повествователя уже рассказывает о себе историю. Единство исторического сообщения, таким образом, создает существующий независимо от высказывания некий субъект деятельности, или, как его называет Г.Люббе,

⁴⁴ *«they are told in being lived and lived in being told»*. – Carr D. Narrative and Real World... P.126.

*Handlungssubjekt*⁴⁵. Это – неизменная онтологическая закономерность, некая реальность *par excellence*, авторитетная инстанция жизни, которая сама является автором и героем своей истории.

Поэтому взгляду на историю *sub specie* конечной повествовательной практики более соответствует провозглашенная в работах первых теоретиков-нарративистов (прежде всего А.Данто) *асимметрия* текущего жизненного опыта и создаваемой в ретроспекции исторической конструкции. Однако, подчеркивая важность этой асимметрии, мы отнюдь не склонны, вслед за Уайтом, утверждать, будто истории никогда реально не переживаются, а существуют только в воображении рассказчика. Более того, мы считаем, что вопрос о примате воображения или переживания, литературы или опыта в данном случае является некорректным и уводящим нас от правильного понимания указанной асимметрии. Нетрудно заметить, что в работах теоретиков «осюжетивания» как структуралистской, так и феноменологической ориентации по-разному трактуемая гетерогенность жизни и повествования никогда не была слишком радикальной. Скорее она представляла собой важный, но при этом всего лишь только начальный эпизод в развитии основного литературного или «жизненно-исторического» процесса. Иначе говоря, она *снималась* в пользу одного из двух элементов, конституирующих целое истории. Однако, если строго следовать презумпции конечности исторического проекта, то тогда нужно настаивать на необходимой взаимодополнительности и взаимной нередуцируемости этих двух основных элементов. Думается, что именно их равноисходность⁴⁶ позволяет говорить об историческом сознании как о сознании по преимуществу критическом.

На практике это означает, что всякое повествовательное произведение может считаться реально-историческим уже потому, что сумело заставить нас обратить на него внимание, или потому, как писал в свое время Вильгельм Шапп⁴⁷, что мы обнаруживаем свою *вовлеченность* в состав некоторой сложившейся без нашего ведома истории. Иначе говоря, события, о которых идет речь в повествовательном сообщении, *должны считаться* произошедшими к тому моменту, когда мы его получили, иначе исчезает необходимость в верификации этого сообщения. Мы не можем бесконечно сомневаться в реальности того *случая*,

⁴⁵ О том, что единство истории не создается субъектом деятельности (*Handlungssubjekt*), но только субъектом референции (*Referenzsubjekt*) см.: Lübbe H. *Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse: Analytik und Pragmatik der Historie*. Basel. Stuttgart, 1977, S.69-81.

⁴⁶ На наш взгляд эту равноисходность можно рассматривать по аналогии с равноисходностью собственного и несобственного модусов *Dasein* у Хайдеггера. Другую чрезвычайно продуктивную разработку темы равноисходности времени и сюжета мы см. в работе: Baumgartner H.M. *Kontinuität und Geschichte. Zur Kritik und Metakritik der historischen Vernunft*. Frankfurt am Mein, 1972.

⁴⁷ Schapp W. *In der Geschichten verstrickt* (3). Frankfurt am Mein, 1985. S.204.

благодаря которому оказались заинтересованы в интерпретации. Однако мы всегда вправе сомневаться в достаточности проделанной интерпретации, поскольку асимметрия времени событий и времени высказывания о них с самого начала превращает интерпретацию повествования в *свободный проект*, открытый для критики с точки зрения полноты его реализации.

Феноменологи Рикёр и Карр так же исходят из того, что историческое сознание является кризисным и критичным, но при этом они уверены в том, что отличающая его критика должна предполагать возможность достижения правильного баланса между рецептивным и интерпретационным отношением к смыслу исторического повествования. На деле же, такая позиция выражается в подчинении критики задачам «применения» – продолжения предуготовленной исторической традиции или «жизненной истории». Следуя образцу теологической экзегезы, философия испытывает дискомфорт, когда не может обеспечить за современностью способность быть связующим пунктом между прошлым и будущим бытия традиции. Однако критическое историческое сознание в его современной версии предполагает такое отношение к настоящему, которое свободно от необходимости искать оправдание в прошлом, целиком открывая себя будущему.

«Настоящее не связано симметричным образом с прошлым и будущим, так как опыты и соображения, которые могут корректировать, а также подтверждать наше понимание, суть нам недоступные, всегда будущие опыты и соображения... Настоящее понимания есть настоящее проекта в принципиально открытое будущее; но этот проект есть всегда одновременно проект собственного прошлого, будь то в позитивном или критическом смысле.»⁴⁸

Таким образом, можно утверждать, что взгляду на историю как на организованный с помощью повествования временной опыт менее всего соответствует процессуальное видение той сюжетной и событийной основы, которая является условием тематической связности исторической

⁴⁸ Wellmer A. Zur Kritik der hermeneutischen Vernunft // Vernunft und Lebenspraxis. Frankfurt am Mein. 1985. S.153. Идея асимметричности жизни и повествования получила интересную феноменологическую интерпретацию также в недавно вышедшей работе Л.Тенгейи, который видит недостаток известных ему исследований в области философии нарративной формы (Рикёра, Карра и др.) в том, что они не учитывают принципиального различия, существующего между «жизненной историей» и повествованием: «Они превращают, говоря языком Канта, "регулятивный принцип" повествования в "конститутивный принцип" жизненной истории. Здесь мы можем наблюдать пример того, что "Критика чистого разума" называет "трансцендентальной видимостью". В немалой степени этой ошибке способствует то, что в этих исследованиях недостаточно учитывается постфактический характер повествования (*ihre Nachträglichkeit*). А именно то, что прошлое, о котором оно рассказывает, "никогда не было настоящим"». См. *Tengelyi L. Op. cit.* S.23.

интерпретации⁴⁹. Здесь более уместно и удобно окказиональное, или казуальное, ее видение. Оно выгодно сразу по нескольким соображениям. Прежде всего, это видение избавляет нас от необходимости выводить специфику конкретного исторического сюжета из состава каких-либо фундаментальных закономерностей социального, психологического и др. характера. Затрудняя привычное оперирование такими мыслительными схемами, как «причина – следствие», «объяснение – описание», оно позволяет относиться к историческому сюжету как целостности *sui generis*, причем к такой, которая изначально и неразрывным образом связана с процессом своей критической интерпретации. Серии понятийных оппозиций «реальность – вымысел», «время – повествование», «сюжет – критика» и т.д. фиксируют одновременно начальный и продвинутый этап этой интерпретации, имеют исключительно прагматическое значение и нигде, кроме как в контексте этой интерпретации, смысла не имеют и не обладают характером самостоятельных сущностей.

Другое преимущество предлагаемого здесь казуального видения природы исторического сюжета состоит в его толерантности ко всем известным в культуре типам историографии и философии истории. Никакой из этих типов не является для него «вчерашним днем», равно как никакой из них не обладает привилегией соответствовать истинному смыслу исторического бытия. Для каждого из них характерен свой способ его репрезентации, свой способ задания «эффекта реальности». Последний тезис требует специального пояснения.

В своей известной работе с одноименным названием⁵⁰ Ролан Барт понимал под этим эффектом свойство реалистической новеллы XIX века производить впечатление правдивости через нарочитое внимание к деталям предметного окружения, не имеющим прямого отношения к основной сюжетной линии. Различая сюжет («предикативную структуру») повествования и детали экфразисного описания (*notations*), Барт по сути оставил открытым вопрос о смысле их взаимодополнительности внутри текстового пространства, что позволяет в одинаковой степени говорить об этом эффекте, как производимой текстом «иллюзии» реальности, и о ставшей *зримой*, затекстовой реальности, как его непосредственной

⁴⁹ Американский литературовед А.Нехамас предлагает рассматривать сюжет не как элемент произведения, но как элементарное, т.е. достаточное в условиях данной коммуникации, описание этого произведения. Сюжет не может существовать в отрыве от темы, которая представляет собой более детальное по сравнению с сюжетом, т.е., по сути, проблематизирующее сюжет, описание произведения. См.: *Neamas A. The Theory of Plot // Fisher J.(ed.) Essays on Aesthetics. Perspectives on the Work of M.C.Beardsley. Philadelphia: Temple University. 1983. P.180-197.*

⁵⁰ *Барт Р. Эффект реальности.// Его же. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.:Прогресс, 1994(2), С.392-400.*

причине. Однако, каким бы противоречивым не представлялся нам этот взгляд на функцию описания, он оказывается весьма продуктивным для понимания природы исторического сюжета. Последний нуждается в подтверждающей его логику предметности бытового окружения, узнавая которую, читатель строит свои ожидания относительно его грядущего развития. Но, вместе с тем, превышающая средства авторского контроля *избыточность* этой предметности в состоянии оказать сопротивление данной сюжетной логике, нарушить ее и, превратив в иллюзию, задать возможность альтернативной логике. Особенность исторического повествования и состоит в его исключительном внимании к *узнаваемой* предметной детали, одновременно подтверждающей и проблематизирующей его «предикативную структуру». Поэтому истории всегда не столько важен даже непосредственный свидетель описываемых событий (особенно, когда речь идет о таких макрособытиях, как религиозный кризис, революция или классовая борьба), сколько важен *опытный очевидец*, которым, в конечном счете, может быть только ее читатель.

Интересную разработку поставленной Бартом проблемы мы встречаем у Ф.Анкерсмита⁵¹, которому и принадлежит идея типологизации историографических практик согласно отличающему их «эффекту реальности». Смена этих практик вызвана критикой предыдущего способа задания этого эффекта, с помощью которой одновременно утверждается новое видение конституирующей историю дистанции между прошлым и настоящим и создаются новые способы ее «правильной» верификации. Для нас здесь важно не то, в чем Анкерсмит видит специфику отдельных типов историографии, а то, что он говорит в целом относительно принципов исторической критики. Поскольку, полагает он, сюжет исторических сочинений, так или иначе, отмечен печатью конкретного метафизического или идеологического проекта, замысленного ради оправдания преемственной связи прошлого и настоящего, то задача критики состоит в проблематизации самой возможности непредвзятого различения прошлого и настоящего. Историческая критика ведется из пространства знакомой читателю повседневности, она приближает и осовременивает прошлое. Поскольку нельзя представить идеологически не нагруженную, в чистом виде доконцептуальную повседневность, то неверно было бы предполагать возможной такую ситуацию, когда исчезнут всякие основания проводить границу между прошлым и настоящим. Однако здесь важно понять главную тенденцию: эта граница все время приближается к нам, и по мере приближения ее конфигурация становится все менее уловимой. По мнению Анкерсмита, возникшие во второй половине XX века жанры историографии, такие как социальная история, история повседневности, микроистория, превосходным образом подтверждают не-

⁵¹ *Ankersmit F.R. The Reality Effect in the Writing of History. Amsterdam; N.Y., 1989.*

обратимость этой тенденции. Благодаря этим «низким» жанрам прошлое все более теряет способность нести нам некое зашифрованное послание, от правильного истолкования которого зависит не вся наша последующая жизнь, то, по крайней мере, профессиональная состоятельность историков. Герои прошлого становятся нашими современниками, а само прошлое «расколдовывается», теряет глубину, приобретая свойства того типа реальности, которому Ж.Делёз дал название «поверхностного эффекта».

Исторический опыт современности – это опыт ускользания прошлого. Попастъ в него становится все труднее потому, что все ближе и доступнее становятся средства, призванные отвечать за приобщение к нему. В стремлении пробиться к собственному прошлому мы встречаемся только с различными способами его успешного замещения настоящим, причем различаются они между собой не по степени большей или меньшей эффективности этого замещения, а по самой его процедуре, по тем целям и задачам, которые ей предпосылаются. С этой точки зрения, для исследователя равный интерес могут представлять как легитимированные, т.е. признанные «профессиональными», так и маргинальные («профаные») способы обращения с прошлым. Последние обладают все же некоторым преимуществом, поскольку нередко в силу своей еще неприрученной агрессивности заставляют профессионалов переосмысливать основания собственной деятельности. В плане открытия практического измерения истории изучение конкретной социокультурной динамики этих способов обращения с прошлым представляется нам весьма перспективным.

А.И.Макаров (Волгоград)

Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма

Зарево первой мировой войны высветлило хрупкость и опасность глобалистско-прогрессистских схем исторического процесса, разрабатывавшихся в западноевропейском рационализме на протяжении последних двухсот лет. Оптимистические настроения сменились предчувствием катастрофы. В 1919 г. Герман Гессе писал:

«Уже пол-Европы, уже по меньшей мере половина Восточной Европы находится на пути к хаосу, мчится в пьяном и святом раже по краю пропасти, распевая пьяные гимны, какие пел Дмитрий Карамазов. Над этими гимнами глумится обиженный обыватель, но святой и ясновидец слушают их со слезами»¹.

Нужно ли говорить, что события второй мировой войны многократно усилили эти ощущения. Все это способствовало актуализации в европейской интеллектуальной среде идей о пагубности телеологического видения исторического процесса, которое было характерно для историзма классической немецкой философии. Философы, историки и социологи нового поколения, усмотрев в прогрессистском историзме XIX века причину самомистификации европейского *Ratio*, обвинили его в реализации утопий XX века. По их мнению, яд историцизма отравил сознание европейцев токсинами телеологизма, техницизма, либерального гуманизма, европоцентризма. «Новая» философия Ф.Ницше, М.Вебера, М.Хайдеггера, Т.Адорно поставила цель сформировать такой тип исторической рефлексии, который имел бы иммунитет от глобалистского субстанциалистского историзма Нового времени.

Историческая наука XX века, следуя в фарватере этих идей (понятых, иногда, очень своеобразно) производит методологический поворот от трансцендентализма к позитивизму, постепенно освобождаясь от любой методологии, связанной с философским знанием². На этом пути возникает проблема уточнения объема понятия «историзм», используемого разными историографическими школами. Выделяются следующие противоположные (как это кажется с первого взгляда) смыслы: историзм как норма исторического исследования и историзм как категория классической философии³. Есть и другой смысл, сформиро-

¹ Гессе Г. Письма по кругу. М., 1987. С.115.

² Здесь речь идет о представлении; понятно, что методология истории всегда связана с определенными философскими позициями (Ср.: Межуев В.М. Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1994. №4. С.74-86).

³ Возникновение термина «историзм» связано с нуждами классической немецкой философии. В результате разделения объема этого понятия, в совре-

вавшийся в рамках философии культуры: историзм как особый модус сознания, характерный для иудео-христианского культурного мировоззренческого комплекса, который включает в себя рефлексию повседневной и качественно изменчивой социальной жизни, движение которой имеет определенную целевую направленность. Именно в этом смысле понимается историзм в этой статье.

Такие понятные – в контексте борьбы с европоцентризмом – попытки ученых отказаться от смыслоисторического и телеологического подхода к истории таили, однако, немало угроз. Основной опасностью, как показывает анализ текстов современных историков, является скептицизм и цинизм. В историографической плоскости крайние формы этих мировоззренческих позиций представлены сциентизмом «социальной физики» и субъективизмом «беллетризированной истории» или, даже, солипсизмом паранаучной беллетристики⁴. Между этими крайностями – целый ряд всевозможных модификаций⁵.

В ситуации кризиса теоретического отношения к истории должны были появиться критики критиков историцизма. И действительно, в первой половине XX века заявляют о себе так называемые «интегральные традиционалисты», мыслители консервативно-фундаменталистской ориентации. Они обосновывали необходимость радикального разрыва с западноевропейской рационалистической, гуманистической традицией Нового времени и декларировали программу реставрации традиционного видения истории. При этом речь шла не о философской традиции классического историзма, и не о телеологической традиции иудео-христианского историзма. Традиционалисты объявляют историзм любого вида главной причиной всех бед современной европейской цивилизации, выстраивая следующую линию распространения во времени «этой заразы человечества»: сакрализация Истории в иудаизме и христианстве – историцизм XIX века – исторический метод всей современной историографии.

Интересно, что «правые» критики «левых» критиков историцизма, используют методы своих противников, категорически этого не признавая. П.Слотердаjk в своем манифесте постмодернизма точно назвал эту ситуацию приметой современной эпохи «цинического разума», когда «лжецы называют лжецов лжецами»⁶. Сходство методологических приемов кри-

менной научной литературе появились два термина: «историзм» (метод и норма) и «историцизм» (прогрессивистская теоретическая установка).

Книги Фоменко и дискуссия московских историков вокруг них, показывают, что на интеллектуальной сцене появился последний герой «цинического» разума – абсурд.

⁵ Сциентизм и олитературирование как современные методологические стратегии порой настолько закамуфлированы, что создается ситуация неузнавания, требующая для идентификации историко-философской призмы.

⁶ Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd.1-2. Frankfurt/Main, 1986.

тиков историзма и критиков историцизма обусловлено тем обстоятельством, что и те, и другие фундируют свои теории идеей деконструкции (по сути, деструкции) историзма как основы всего европейского культурного комплекса. Так, авангардистский девиз «Вперед к децентризму» и традиционалистский «Назад к архаизму» – две маски одного явления, которое в философской литературе получило название нигилизм⁷.

Историко-философское исследование нигилизма показывает, что антиисторицизм, при определенных обстоятельствах, переходит в антиисторизм, антимодернизм и антигуманизм⁸. Кроме того, прослеживается связь методологии антимодернизма с современной антропной версией философии культуры и истории – от неофрейдизма до постструктурализма. Это, на наш взгляд, обусловлено широким распространением в западной культурфилософии романтической идеи об объективном существовании культурных универсалий (структур), обеспечивающих самоидентифицируемость индивида и общества перед лицом разрушительной силы истории. Именно эта идея, вот уже более ста лет, заставляет значительную часть западноевропейской философии вращаться вокруг задачи подняться над историческим существованием, найти точку внеисторичности, независимости субъекта от власти объекта. И хотя эти попытки обойтись без «большого нарратива» являются лишь еще одной историко-философской/идеологической формой осознания истории, многие современные философы и историки предпочитают рассуждать о существовании неких интеллигибельных внеисторических/надисторических структур сознания. Традиционалистская версия «выхода из истории», интересна тем, что является образцовым примером последовательной, логичной и систематизированной модели обоснования антагонизма истории и культуры, или, в традиционалистской терминологии – Истории и Традиции.

Современный философский традиционализм формируется в первой четверти XX века, обретая постепенно академическую респектабельность во Франции и некоторое политическое влияние в Италии и Германии 30-х годов. Ускоренная урбанизация, индустриализация, социальные и национальные конфликты, гримасы массовой культуры породили в интеллектуальной среде континентальной Европы разно-

⁷ Пигалев А.И. Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов, 1991.

⁸ Например, в отделившейся от романтизма «философии жизни» неприятие гуманистического подхода было конкретизировано в принципах антирационализма, антитехнизма, антипрогрессизма и, наконец, — антиисторизма и антииндивидуализма. Позже, все эти принципы (в разных комбинациях) нашли своих заинтересованных сторонников в лице неомарксистов Франкфуртской школы, структуралистов, постструктуралистов, французских «новых правых». Правда, они не все прямо называют свою позицию антигуманистической, предпочитая говорить о плюрализме «жизненных миров», деконструкции или о так называемом «новом гуманизме».

образные оборонительные идеологии, которые их сторонники предлагали как панацею от ужасов современного мира. Заимствовав у романтиков отношение к традиции как к средству устранения мировой дисгармонии, традиционалисты, отметили романтическую идею плюрализме субстанциальных основ традиций и поставили задачу свести многообразие исторических традиций к некоему примордиальному единству. Этот фундаменталистский подход формировался в русле «герменевтической онтологии» и «религиозного ренессанса».

По мнению многих консервативных мыслителей того времени, современному сознанию, ввергнутому в «абсурд релятивизма, атеизма и демократизма», необходимо было вернуть твердую религиозную основу для полагания целей, смыслов, ценностей индивидуального человеческого существования и совокупной человеческой жизнедеятельности. Поиски абсолютных оснований культуры велись, конечно же, не только консерваторами, но именно они указали на тесную связь этой проблемы с темой противостояния цивилизации и культуры. Введенное энциклопедистами понятие «цивилизация» обслуживало просвещенческо-европоцентристский вариант идей прогресса, эволюции и универсализма. С кризисом просветительской модели культуры этот термин, хотя и не утратил своего значения, но оброс многочисленными негативными коннотациями. Традиционалисты акцентировали внимание на таких его аспектах как сциентизм, атеизм, рационализм.

При этом они представили оппозицию *цивилизация – культура* в виде антагонистического противоречия современной урбанистической культуры и традиционных религиозных форм. «Настало время, – пишет Рене Генон, – показать, что в религии есть нечто помимо сентиментального обожания, нечто помимо моральных предписаний или утешений для тех, чей дух ослаблен страданием; что в ней можно найти “твердую пищу”, о которой говорит апостол Павел в *Послании к евреям*»⁹. Истоки рационализма и историзма, секуляризовавших западную культуру, Генон видит в классическом и иудео-христианском вариантах гуманизма. Гуманизм – это сведение всего к «чисто человеческим пропорциям», попытка «отвернуться от Неба под предлогом покорения земли»¹⁰. Принцип гуманизма влечет за собой отрицание какого-либо духовного уровня, подмену категории «духа» понятиями «разум», «сознание», «ментальность», «психика», – что в совокупности составляет «джентльменский набор» современного теоретического мышления. Греческая, а вслед за ней возрожденческая и нововременная философия рационализировали мифологический

⁹ Генон Р. Реформа современного сознания // Он же. Символы священной науки. М., 1997. С. 33.

¹⁰ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 24.

(«символический») язык, изолировав, таким образом, разум от некоего сверхъестественного источника («чистого, трансцендентного и сверхиндивидуального интеллекта»). Другими словами, секулярные формы мысли, «убив ангелическое в человеке», безосновательно обожествили в нем «инфрачеловеческое» – рассудок, чувственность, психику, телесность. Христиане, – констатирует Генон, – к сожалению, так же не остались в стороне от этих процессов: после разгрома ордена тамплиеров в начале XIV века, в католической теологии возобладала порочная тенденция к экзотеричности учения. Это привело к описанным выше процессам «оскудения человеческого интеллекта и утраты истинно интеллектуальной эзотерической элиты».

Обвинение современных христиан в морализаторстве и сентиментализме вызвало полемику между Р.Геноном и Ж.Маритеном, Л.Доде и А.Массисом. Неотомисты отвергли идеи, лежащие в основе традиционалистских рассуждений о гуманизме, так как стала очевидной их неоязыческая природа. Они восходят к сложной форме религиозного дуализма, которая возникла в рамках диалектической традиции гностицизма. Эта традиция впитала и переработала два типа существовавших до нее дуалистических концепций гнозиса – эсхатологическую (зороастризм, манихейство) и диалектическую (платонизм). Это – так называемый «гностический дуализм». Его орфико-платоническая теория бытия, подтверждая конечное исчезновение и уничтожение зла с окончательной деструкцией материального мира, таким образом, охватывает оба дуализма – диалектический и эсхатологический. Из текстов Генона и Элиаде эта гностическая концепция переключалась в современную неоязычески ориентированную философию П.Шоню, А. де Бенуа, Ж.Бержье. Французские «новые правые» выдвинули свою программу выработки основ несовременной методологии, – программу «выращивания сверхчеловека»¹¹. Для этого они обратились к творчеству М.Элиаде, который называет свой вариант теоретического антигуманизма «новым гуманизмом». «Новый гуманизм» репрезентируется ими как неоязыческая перспектива выхода из кризиса современной культуры. Этот прорыв в новый тип рациональности, названный Элиаде «архаической онтологией», в сущности, является изящным вариантом дегуманизации культуры по типу ницшеанской деконструкции христианских основ европейской культуры.

Фундаментом «нового гуманизма» М.Элиаде, антигуманизма Р.Генона и «неоязыческого гуманизма» А. де Бенуа является программа ремифологизации («дерационализации») и деисторизации («деиудеизации») самосознания современного европейского человека. Целью

¹¹ См., например, Benoist A. de. Les idées à l'endroit. P., 1979; Benoist A. de. Comment peut-on être païen? P., 1981.

этих процессов санации сознания провозглашается создание некоего «нового архаического социального порядка». Это парадоксальное понятие сродни такому важному традиционалистскому термину как «консервативная революция». Оба они обозначают процесс регрессивного движения истории, в результате которого в европейской культуре должен быть восстановлен традиционный (восточный, религиозный) порядок, основанный на иерархическом подчинении народных масс некой интеллектуальной элите традиционалистов. Генонисты и «новые правые» предполагают применение своих программ в субкультурных сообществах. Эти сообщества должны объединить неких «ангелоподобных сверхчеловеков»¹². На поверку «свехчеловеки» оказываются кружками снобистски или озлобленно настроенных интеллектуалов.

Возникшие в XX веке психоаналитические, антропологические, структуралистские методы осмысления социально-исторической реальности расшатали прежние представления о социальном и историческом факте. Воспользовавшись этим, традиционалисты заговорили о неспособности современной европейской науки создать представление об объективности и связанности исторического процесса. Эти выводы опирались на следующие аргументы: история современных историков, утратив всякий смысл и цель, превратилась в труп, который, в конце концов, погребет под собой какой-бы то ни был смысл исторических исследований; потеряв свою смысловую компоненту, историография неизбежно превратится в игру досужего воображения, а ее проблемное поле – в набор псевдопроблемных тем или сюжетов; для гальванизации трупа истории будут привлечены эстетические средства. Попытки же сциентистов сохранить верифицируемость исторического знания с помощью количественных, естественнонаучных методов приведут к сходному результату – абсурдной физикализации истории, характеризуемой прогрессирующей атомизацией проблемного и предметного поля историографии. Говоря метафорически (а метафоризация – один из приемов традиционализма), олитературивание истории – это попытка наложить макияж на гниющий организм европейского мифа об истории, а современные модификации «социальной физики» – это попытки смазать сконструированный позитивистами ржавеющий механизм истории.

Со своей стороны, традиционалисты поставили цель обнаружить субстанцию исторического процесса. Понятно, что это нужно было как-то совместить с установкой на неприятие историзма. Решение этой

¹² Существует даже специальная «научная» дисциплина – «ангелология». – См., например, *Дугин А.* Бремя ангелов // Милый ангел: Метафизика. Традиция. Эзотеризм. Инициация. Символизм. Эсхатология. Сакральная география. Традиционные науки. М., 1996. Т. II. С. 5-8.

парадоксальной задачи они искали на пути возвращения в историческую науку трансцендентализма и принципа тождества.

«Опору на Традицию, – писал итальянский традиционалист Юлиус Эвола, – следует искать не во внешних позитивных и упорядоченных формах цивилизации, которая некогда возникла как историческая реализация основ этой Традиции, но из самой Традиционной Доктрины, взятой в ее чистом виде, превосходящем все возможные формы ее конкретного исторического проявления и предшествующим им»¹³.

Понятия «чистота» и «нечистота» имеют для гносеологии традиционализма принципиальное значение: с их помощью тематизируется проблема очищения разума, поставленная еще философией Просвещения, с той лишь разницей, что просветители ставили вопрос об очищении разума от мифов, а традиционалисты – об очищении интеллекта от логоцентрической установки, препятствующей актуализации архетипических структур сознания, по сути являющихся мифологическими, – как на это прямо указывал румынский традиционалист Мирча Элиаде¹⁴.

По мнению Р.Генона и М.Элиаде, поиск истинной традиции, способной вернуть расколотому рационализмом европейскому сознанию единство ментального и духовного, сопряжен с возрождением таких структур сознания, которые были присущи интеллекту человека в доисторический период. С проникновением в мир идеи истории (агентами которой являются «люди Запада»: греки и евреи), эти структуры постепенно затемнялись; и в настоящее время переродились в свою противоположность – не структурированные психические и ментальные реакции. Это состояние обозначается ими как «современный мир».

Программа выхода из этого состояния сопряжена с идеей «возвращения к истокам бытия» через деконструкцию современного мышления и социокультурной системы Запада. Способность к такого рода операциям не является делом индивидуального мышления, – необходимо получить некое тайное знание принципов универсальной Традиции. Делается это только через «духовное влияние», исходящее из «инициатических» центров, имеющих очень древнее происхождение. Эти центры в символическом и в прямом смысле помещаются на Востоке, тогда как противостоящие им центры «контр-инициации» находятся на Западе. Эти были достаточно распространенные в оккультных кружках Европы идеи¹⁵. Примененные философами традиционалистской ориентации методы

¹³ Эвола Ю. Оседлать тигра // Элементы. Евразийское обозрение. 1993. №3.

С.6.
¹⁴ См.: *Eliade M. Foreward // Allen D. Structure and Creativity in Religion. Hermeneutics in Mircea Eliade's Phenomenology and New Directions.* 1978. P.VII-VIII; *Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии.* М., 1996. С.23-32.

¹⁵ См.: *Гундрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию.* Спб., 1995.

архаизации и мистификации заставили традиционализм балансировать на грани между научной и паранаучной сферами мысли.

Традиционалисты, испытав влияние романтической, органической школ, фрейдизма и структурализма, постарались интегрировать их методы для сепарирования фактов истории с целью выявить систему и механизмы овнешнения историей неких самотождественных принципов Традиции. При этом они наделили историю антисакральным статусом. Другими словами, традиция сакрализуется в традиционализме за счет десакрализации истории. Генон пишет об этом как о процессе сепарации тех событий культуры человечества, которые указывают (символически) на вневременной, внеисторический характер бытия. Понятно, что процедуры выбора *событий универсальной Культуры* и объединения их в историософскую систему производят сами традиционалисты, причем их взгляды на событийный ряд истории культуры разнятся настолько, что это постоянно заставляет их перемеживаться поле так называемого «интегрального традиционализма».

Понятия «мировая (всеобщая) история» распадается в традиционализме на две самостоятельные и обособленные области смыслов: *историю* в традиционной для историзма трактовке и *историю культуры*, трактуемую как история неких примордиальных универсалий, что впрочем, вполне согласуется с попытками европейской философии выделить из содержания понятия «мировая история» самостоятельные концепты «культура» и «цивилизация». В традиционалистской концепции истории получает развитие тенденция противопоставления цивилизации и культуры, поэтому, в частности, оказывается, что провиденциальная сила истории имеет манихейски двойственный характер, разделяясь на злую и добрую силы. В генонизме эти силы не только онтологизируются, но и, в соответствии с гностическим дуалистическим подходом, им придается антропологическое измерение. Так к светлым силам в книгах Р.Генона и М.Элиаде относятся «люди традиции»: брахманы, йогины, тантристы, пифагорейцы, даосисты, герметисты, каббалисты, тамплиеры, суфии – представляющие мировую традиционалистскую элиту. Темные силы представляет «контр-элита»: протестанты, сциентисты, оккультисты, Декарт, психоаналитики, демократы, феминистки. В отдельных эпизодах Генон максимально усиливает одиозный характер деструктивных сил, называя их «святыми Сатаны», которые управляют миром из неких «центров контр-инициации».

На первый взгляд, это учение оперирует совершенно фантастическими картинками проникновения в мир, начиная с Нового времени, разрушительных сил: «...при приближении конца цикла будут проникать все опустошающие орды Гога и Магога (в индуистской традиции это демоны Кока и Викока (Koka & Vikoka), имена которых, очевидно, похожи), которые, впрочем, делают постоянные усилия, чтобы заполнить наш мир; эти "сущности", представляющие собой низшие влияния, о которых идет речь и которые сегодня

считаются ведущими "подземное" существование, описываются одновременно и как гиганты и как карлики /.../ по существу, речь здесь идет о том же самом порядке "инфрателесных" тонких влияний»¹⁶.

При детальном знакомстве с философской системой традиционализма становится ясно, что эти фантастические образы для нее не факультативны (хотя, например, М.Элиаде они всегда подаются только как повествование о мифологических образах), а также не являются издержками популяризаторства или выражением индивидуального стиля автора. Тропы, эмоциональные риторические фигуры, метафоры представляют собой необходимое звено, связывающее две формы концептуализации смыслоисторической проблематики – наукообразную, ориентируемую на ученого читателя и мистификаторскую, позиционируемую на рынке массовой культуры. Стиль метафизических и герменевтических работ традиционалистов способен увлечь самые широкие слои читателей – от интеллектуалов консервативной и авангардистской ориентации до инфантилов, падких на иллюстрации в стиле «фэнтези».

Традиционалистские тексты, в жанровом отношении, напоминают средневековую мистерию, сквозным сюжетом которой является борьба между темными и светлыми силами. Это является выражением специфического традиционалистского символического метода или «метода аналогий». С помощью него синтезируются гетерогенные научные и паранаучные теории. Этот синтез призван служить фундаментом для грандиозного и вдохновляющего идеологического текста, адресованного обеспокоенному современной культурной ситуацией читателю. Стиль текста, изоморфный предмету повествования – мифу, поражает читателя грандиозностью поставленной задачи – найти закономерности, цель и смысл исторического процесса.

Концепция антимодернизма и антигуманизма, как любая теория социально-философской доктрины, вольно или невольно создавалась в расчете на определенного адресата. Этим адресатом был и остается нигилистически ориентированный субъект. Поэтому, всплески интереса к идеям, питающим антигуманизм, совпадают с периодами смены эпох, когда активизируется так называемый «циничный разум» (П.Слотердаjk). Это происходит, когда модернизационные процессы крайне обостряют вопрос о соотношении ограниченности человеческого существа с запредельностью целей его стремлений. Теоретический антигуманизм – это нигилистическая альтернатива той современной европейской философии и теории истории, которая берет свои истоки в христианской теологии истории с присущей ей провиденциалистски-эсхатологической перспективой.

¹⁶ Гейнон Р. Царство количества и знамения времени. М., 1994. С. 179.

ЭСХАТОЛОГИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Ф.Н.Петров

Сущность и смысл учений о грядущей гибели мира

С конца XIX века и по сегодняшний день по всему миру наблюдается рост эсхатологических настроений. Появляется множество эсхатологических сект и течений, причем значительная часть их имеет ярко выраженный деструктивный характер. Растут эсхатологические настроения в традиционных конфессиях, во всяком случае – в православии и протестантизме. Распространяются различные толкования христианской эсхатологии, воскрешаются и более древние эсхатологические представления. В современных условиях сокращения влияния христианских церквей на жизнь общества многие обращаются к внерелигиозным предсказаниям о грядущей гибели человечества, Земли, Вселенной, сделанным с научной или (значительно чаще) с псевдонаучной точки зрения.

Широко известна японская секта «Аум Синрикё», предпринявшая в 1995 году газовую атаку с многочисленными жертвами в токийском метро. Секта исповедовала скорый конец света и готовилась победить в последней войне между силами Добра и Зла. В качестве первого этапа этой войны сектанты готовились уничтожить газовыми атаками население Токио. Одна из самых крупных действующих сейчас деструктивных сект – «Свидетели Иеговы». Согласно их представлениям, земная история вскоре закончится кровавым Армагеддоном, где поклонники их секты – единственные на Земле люди, достойные спасения – выступают в битве на стороне Бога и физически истребят всех неверных. Близкую идеологию исповедуют секты «Всемирная Церковь Бога», «Поместная Церковь», «Богородичный Центр», «Белое братство», «Церковь Откровения»¹. Самосожжение своих адептов практиковала секта «Орден Храма Солнца». Учение этой секты, ведущее свое происхождение от мистического ордена тамплиеров и некоторых групп розенкрейцеров, представляет собой смесь астрологии, алхимии, мистики, йоги и кабалистики. Согласно учению секты, Земля неотвратимо приближается к апокалипсису. После тяжелейших испытаний и катак-

¹ См.: Дворкин А. Введение в сектоведение. Ниж. Новгород. 1998; Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. Белгород. 1997.

лизмов, которые обрушатся на всех жителей планеты, уцелеют только избранные – последователи «Ордена». В секте проповедовалась мысль о необходимости заблаговременного переселения на Сириус, где людей ждет новая, прекрасная жизнь. Но отправиться туда можно, лишь перейдя в «иное измерение», а именно добровольно расставшись с жизнью на Земле путем саможжения. В 1994 году стали известны факты двух ритуальных самоубийств и трех ритуальных убийств в «Ордене Храма Солнца». А 5 октября 1994 года в Швейцарии были найдены тела 48 членов секты: 25 – в двух сожженных коттеджах в местечке Гранж-сюр-Сальван, 23 – в Шейри².

Глубокой эсхатологической направленностью, лишенной выраженного деструктивного настроения, обладает ряд отечественных направлений рерихианства. При создании своего учения Рерихи восприняли основные положения восточных религий: идею реинкарнации, кармы как закона судьбы, циклов рождения и гибели Вселенной. При этом восточные учения были достаточно гармонично объединены с русской культурой и даже некоторыми, весьма существенными заимствованиями из христианства. Эсхатология Рерихов основана на вере в неизбежное пришествие мессии на Землю. Иногда его называют Майтреей, иногда – Буддой. В связи с наступлением светлой эпохи Сатья-юги, которое намечается на XXI век, должен произойти Армагеддон, т.е. битва Майтреи с властителем зла. В результате владыкой Шамбалы станет Майтрея, которого Елена Рерих называет библейским Мессией, а Николай Рерих – «Владыкой светлого будущего»³.

Эсхатологизмом пронизано учение бажовцев – уральского направления рерихианства. Их религия основывается на учении Рерихов, зороастризме, славянском язычестве и произведениях Павла Бажова. Основатель бажовского направления В.В.Соболев предсказывал в конце 90-х годов третью мировую войну. В ее критический момент Люцифер вознамерится взорвать весь атомный арсенал планеты. Тогда Светлые Демиурги повернут ось вращения Земли, огромная приливная волна смочет Западную Европу и Америку, в Сибирь придет тепло и она станет местом расселения новой расы – расы Водолея. Далее, по Соболеву, состоится пришествие Христа и Страшный суд, Россия будет спасена, а ее центром станет древний уральский протогород Аркаим⁴.

В современном православном богословии также наблюдается распространение эсхатологических настроений. Свой критический разбор

² Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. Белгород, 1997. С. 185-186.

³ См.: Филатов С.Б., Лукин Р.Н. Рериховское движение в России: восстановление связи времен // Вопросы философии. 1999. №12. С.66-68.

⁴ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. Белгород. 1997. С.193-194.

догматов и религиозной практики различных современных сект и религиозных общин диакон А. Кураев, декан философско-богословского факультета Православного университета завершает словами:

«Я знаю, что ученики теософов будут казнить моих единоверцев»⁵. «Да, мы проиграем. И тогда явится обманщик мира, наподобие Сына Божия... И – как обещает Библия – этого поругания не потерпит Творец»⁶.

Ожиданием скорого конца света проникнута и значительная часть современной православной публицистики. Поэтому нам представляется актуальным обращение к эсхатологической тематике в историко-философском аспекте. Исторический подход позволит лучше понять и оценить эсхатологические учения, распространяющиеся в современном обществе, а философский анализ – выявить сущность исследуемого явления⁷.

Само слово «эсхатология» происходит от греческого *ἔσχατος* – последний, конечный и «логия» – учение и может быть дословно переведено как «учение о конце света» или о посмертной участи человека. Различают индивидуально-личную и универсально-историческую эсхатологию. Индивидуально-личная эсхатология трактует о смысле человеческой смерти и о посмертной судьбе человека. Универсально-историческая эсхатология – это учение о грядущем конце мировой истории, о гибели нынешнего мироздания и о том, что за этой гибелью последует. Термин «эсхатология» был введен христианами богословами, однако первые мифы о грядущей гибели мира возникли значительно раньше христианства, в первобытную эпоху господства мифологического сознания. Уже общеиндоевропейская мифология, существовавшая в период индоевропейского единства, содержала эсхатологические представления.

Мифология явилась первым способом человеческого понимания мира и первой системой выражения этого понимания. При этом роль и значение мифологии для человека не исчерпываются только эпохой первобытности. Миф и сейчас играет огромное значение как в общест-

⁵ Кураев А. Все ли равно, как верить? М. 1994. С.155.

⁶ Там же. С.161.

⁷ Проблема эсхатологии в историко-философском аспекте разработана как в отечественной, так и в зарубежной науке весьма фрагментарно. Специальных работ по эсхатологии существует очень немного, чаще эсхатология рассматривается в качестве элемента мифологических и религиозных учениях в более общих работах. Имеющиеся немногочисленные специальные труды как отечественных, так и зарубежных философов и историков посвящены, как правило, отдельным эсхатологическим учениям. В большинстве этих работ анализируется только христианское эсхатологическое учение. Индоевропейская эсхатология изучена в значительно меньшей степени. Исследователями она рассматривалась, как правило, с точки зрения изучения происхождения отдельных ее элементов.

венном, так и в индивидуальном сознании. Мифологическое сознание отличается от иных форм человеческого сознания по ряду признаков⁸. В последнее время разработка этих проблем является одним из наиболее актуальных направлений философской мысли. При всей разнице в подходах и оценках разных исследователей, можно выделить следующие ключевые характеристики мифа и мифологического сознания.

Согласно определению А.Ф.Лосева миф для человека мифологического сознания есть «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность»⁹. Действительно, восприятие мифа как метафоры, аллегории, призванной объяснить моральные либо космические законы, представляет собой достаточно позднее явление переосмысления мифа, которое происходит уже вне системы мифологического сознания. Для человека мифологического сознания миф обладает не меньшей, а большей степенью реальности, чем события обыденной жизни.

Далее А.Ф.Лосев обращает внимание, что «миф всегда состоит из живых личностей, судьба которых освещена эмоционально»¹⁰. Миф действительно рассматривает все происходящие в мире процессы в аспекте взаимодействия определенных личностей. Для мифологического сознания немыслима возможность существования безличностных отношений. Окружающий мир воспринимается им не как обезличенная реальность, а как совокупность субъектов и отношения с ним строятся не по принципу «Я – Оно», а по принципу «Я – Ты»¹¹. При этом миф не может быть бесстрастным повествованием – он всегда заряжен эмоциональной напряженностью, которая во многих случаях производит сильное впечатление и на человека современного сознания.

Для мифологического сознания крайне важным является требование структурной определенности мира. Мир расчленяется обыкновенно несколькими уровнями в вертикальной плоскости и четырьмя основными направлениями в горизонтальной. Как весь мир, так и каждая вещь имеют свою структуру и место вещи в мире должно быть четко определено. По словам Клода Леви-Стросса «требование порядка лежит в основании мышления, называемого нами перво-

⁸ Анализу понятий и сущности мифологии, мифологического сознания посвящены многие работы отечественных и зарубежных авторов. См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Он же. Миф – Число – Сущность. М. 1994; Стеблин-Каменский И.М. Миф. Л., 1976; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф, имя, культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллин. 1992.

⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Он же. Миф – Число – Сущность. М. 1994. С.9.

¹⁰ Там же. С.15.

¹¹ См.: Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии (опыт реконструкции мировосприятия). М. 1984. С.24; Байбуурин А.К. Проблемы изучения прагматики в архаической культуре // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург. 1993. С.4.

бытным»¹². Фундаментальным для мифа является членение мира на освоенный и неосвоенный¹³. Структура освоенного мира известна и понятна. Структура окружающего его неосвоенного либо непонятна, либо вовсе отсутствует. По А.Ф.Лосеву миф для мифологического сознания есть чудо, при этом чудо представляет собой «не нарушение законов природы, а наоборот установление и проявление подлинных, воистину нерушимых законов»¹⁴.

В современной философии все большее распространение приобретает концепция сущности мифа, кратко сформулированная у М.К.Мамардашвили: «Так что же мы можем увидеть в мифе? – Одну из первых, конечно, датируемых началом человечества.., – человекообразующую машину»¹⁵. По М.К.Мамардашвили миф имеет «конструктивную, человекообразующую сторону: нечто такое, через что в человеке становится "что-то", чего не было бы, если бы не проходило через некую машину, ... называемую нами мифом»¹⁶. Таким образом, М.К.Мамардашвили, как и многие современные философы, признает миф важным элементом общественного сознания, а не просто примитивным способом объяснения окружающих явлений, но правильно ли его понимание мифа? У Мамардашвили миф – это машина, которая творит человека. Однако ведь и человек творит миф. Человек – это не податливый материал в руках мифа, в рука культуры. Человек – это творец, создавший культуру и мифологию и постоянно создающий новые мифы. Как справедливо утверждал Э.Фромм «человек – не чистый лист бумаги, на котором культура пишет свои письма, он – существо, наделенное энергией»¹⁷.

Для мифологического сознания одним из основополагающих элементов считается негомогенность и ненейтральность пространства и времени. Пространство в мифологической модели мира одухотворено и качественно разнородно. Оно всегда заполнено и всегда вечно, вне вещей его не существует. Пространство и время образуют неразрывное единство – хронтоп¹⁸. Высшей ценностью для человека мифологического сознания обладает та точка в пространстве и времени, где и

¹² Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М. 1994. С.21.

¹³ Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. 1989. С.82.

¹⁴ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Он же. Миф – Число – Сущность. М. 1994. С.155.

¹⁵ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М. 1997. С.12.

¹⁶ Там же. С.14.

¹⁷ Фромм Э. Человек для самого себя // Он же. Психоанализ и этика. М. 1993. С.35.

¹⁸ Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. 2-е изд. Т 2. М. 1997. С.340.

когда совершился акт творения мира¹⁹.

Для мифологического сознания характерно совершенно особенное понимание не только пространства, но и времени. Современное мышление последовательно связывает прошлое, настоящее и будущее причинно-следственными отношениями. События, имевшие место в прошлом, порождают как свои следствия настоящие события, а те, в свою очередь, порождают будущие. Предвидение будущего при современном понимании времени возможно только в качестве предположения. Будущее предсказывается от настоящего, причем такое предсказание считается тем более вероятным, чем большее количество причинно-следственных связей было учтено при составлении прогноза на будущее. В мифологическом сознании соотношение между прошлым, настоящим и будущим понимается совершенно иначе. В большинстве древних обществ прошлое, настоящее и будущее связывались причинно-следственными отношениями не друг с другом, а с абсолютным прошлым – временем творения мира²⁰.

Время творения мира мыслилось в качестве наивысшей реальности, воплощения самого бытия. Это – экзистенциальное время, по отношению к которому историческое время является реальностью второго порядка. В момент творения мира с наибольшей яркостью была выражена правда о мире, определились основные мировые силы, направления их деятельности и взаимодействия, определилась судьба мира. К абсолютному прошлому не применимы наши представления о прошлом как о миновавшем, прошедшем состоянии. Прошлым абсолютное время является только с точки зрения исторического времени, поскольку оно положило отсчет истории мира. Однако экзистенциальное время продолжает существовать параллельно историческому. События, происходящие в историческом времени, постоянно предопределяются экзистенциальной реальностью.

Историческое прошлое, настоящее и будущее связаны друг с другом в этой системе не причинно-следственной, а символической связью. Контуры будущего уже предопределены, в наивысшей реальности будущее уже есть и символы его можно обнаружить в настоящем. Именно на таком восприятии мира и строится возможность делать предсказания, причем точность этих предсказаний определяется полнотой понимания символов будущего, которые можно наблюдать в настоящем.

В древности значимость, ценность событий определялась в зави-

¹⁹ *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // *Очерки истории естественно-научных знаний в древности.* М. 1982. С.15; *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. 1983. С.25.

²⁰ *См. Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая // *Труды по знаковым системам.* Вып.23. (Ученые записка Тартусского университета, вып. 855). Тарту. 1989.

симости от того, как эти события связаны с абсолютным прошлым – временем творения мира. Ценностью обладали события – символы важных элементов экзистенциальной реальности. Высшей ценностью в абсолютном прошлом обладала та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения – т.е. центр мира²¹. Поэтому Новый Год был важен как праздник в силу того, что в этот момент времени мир возвращался к своему древнейшему состоянию, распадался и творился заново. В современном сознании для оценки значимости события используется критерий степени влияния этого события на будущее. Всякое событие оценивается по его последствиям. Парадокс состоит в том, что когда это будущее становится настоящим, оно вновь оценивается исходя из предположений о будущем. Эта оценка всегда относительна, поскольку в соответствии с современными представлениями точное предсказание будущего невозможно.

Существует традиционное разделение мифологии на «высшую», трактующую о происхождении и структуре мира, и «низшую», повествующую о приключениях героев, происхождении отдельных объектов и явлений окружающего мира и т.д. В настоящее время эта классификация уже не может вполне удовлетворять интересы исследований, поскольку в действительности элементы «высшей» и «низшей» мифологии сильнейшим образом переплетаются в реальных мифах. Думается, что более верным подходом будет выделение в мифологии ряда взаимосвязанных, но в то же время достаточно четко очерченных друг от друга мифов. При этом под мифом мы понимаем не тот или иной конкретный, дошедший до современного исследователя текст, а отдельную систему мифологических образов, существующую в культуре, т.е. культурный текст или мета-текст. Этот мета-текст воплощается и выражается в конкретных мифологических текстах, в ритуальных изображениях, орнаментах, системе погребального обряда, в сакральной архитектуре и т.д.

В рамках настоящей работы нашей целью не является составление полного перечисления таких мифов, тем более, что для разных мифологий и на разных этапах их развития наборы основных мифов серьезно различаются. Кроме того, выделение этих мифов зависит от применяемых критериев. Здесь мы укажем лишь некоторые базовые мифы, имеющие чрезвычайно широкое, практически универсальное распространение. К числу этих универсальных мифов в первую очередь следует отнести космогонический миф – миф о происхождении мира, о том, в результате действия каких сил и каких субъектов мир стал таким, как его воспринимает человек мифологи-

²¹ См. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // *Очерки истории естественно-научных знаний в древности.* М. 1982. С.15.

ческого сознания. Таким образом, главный смысл космогонического мифа заключается в том, чтобы раскрыть пути, формы и способы происхождения наличного мироздания.

Другим широко распространенным мифом является эсхатологический миф – миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Как указывает А.Ф.Лосев, «в космогонических ... и эсхатологических мифах героем является сам мир или его основные стихии, первичные принципы»²². В момент конца мира тайное становится явным, раскрывается сокрытый до этого смысл мировой истории. Таким образом, главный смысл эсхатологического мифа – раскрытие смысла наличного мироздания. Это обуславливает постоянную связь космогонического и эсхатологического мифов, предмет которых по сути дела един – этот окружающий человека мир. И космогония, и эсхатология были актуальны для человека мифологического сознания потому, что говоря о давно прошедших или же еще только грядущих событиях они формировали понимание окружающего человека мира, его структуры и смысла. Таким образом, мы можем рассматривать и космогонический, и эсхатологический мифы в качестве базовых элементов космологии – учения о мире. В целом ряде случаев между космогоническим и эсхатологическим мифами прослеживаются и четкие структурные параллели²³.

Предложенное А.Ф.Лосевым понимание мифа как чуда, как утверждения истины о мире, раскрытой в аспекте личностного взаимодействия, в наибольшей степени может быть применено именно к эсхатологическому мифу. Эсхатологический миф всегда глубоко эмоционален и личностен, как в аспекте личной важности описываемых в мифе событий для каждого человека, так и в аспекте величайшей насыщенности эсхатологического мифа ярко выраженными и постоянно действующими личностями.

Проникнутая эсхатологическим настроением мифология дает совершенно особенный подход к соотношению времен. Роль мифического прошлого в предопределении событий исторического времени здесь весьма невелика. Место мифического прошлого занимает мифическое будущее – конечная драма мировой истории. Не космогония, а эсхатология есть центральная часть такой мифологии. Так, в полностью эсхатологизированной скандинавской мифологии астральные и календарные представления не играют существенной роли²⁴. Для древних

²² Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Он же. Миф – Число – Сущность. М. 1994. С.45.

²³ См.: Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. С.35.

²⁴ Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. №VII. Ученые записки Тартуского университета. Вып.365. Тарту. 1975. С.51.

скандинавов время не двигалось по круговым циклам, а стремительно рвалось к своему концу.

Традиционно принято считать, что если космогонический миф является непременным элементом всех мифологий, начиная с наиболее раннего этапа существования человека, то эсхатологические мифы – позднее явление, формирующееся в уже достаточно развитых обществах. Как пишет, например, В.Б.Яшин «эсхатологизм мышления – явление относительно позднее, возникающее в достаточно развитых обществах и совершенно не свойственное архаичным мифологиям... Только распад традиционных структур, разрушив социальный (космический) порядок, создал социально-психологические предпосылки напряженного ожидания окончательной гибели Вселенной»²⁵.

Эта точка зрения представляется нам неверной. Во-первых, фактически ни один эсхатологический миф не говорит об «окончательной гибели Вселенной». Мифологическому сознанию вообще не известна идея окончательной гибели мира. Все известные эсхатологические мифы говорят о грядущей гибели наличного мироздания и последующем возникновении нового, лучшего мира. Во-вторых, «архаичные мифологии» в их первоизданном виде до нас практически не дошли.

Почти все тексты мифов, которыми мы располагаем, могут быть разделены на две большие группы. Первая группа – это записанные в древности мифы ныне не существующих, либо уже давно «цивилизированных» народов. При этом запись мифов осуществлялась, как правило, уже в условиях кризиса первобытного общества и потери мифологическим сознанием его универсального значения в системе культуры. Вторая группа – это записанные современными этнографами мифы так называемых «первобытных» народов. Однако мы должны четко понимать, что понятие «первобытные» (от перво-бытие, изначальное, исходное бытие человечества) может применяться к этим народам лишь с изрядной долей условности. В действительности сами эти народы, как и их мифологические системы, прошли очень длительный, многотысячелетний путь развития и наивно было бы полагать, что современная мифология, например, аборигенов Австралии – это и есть искомая «первобытная» мифология.

Поэтому в действительности все наши знания о ранних мифологиях имеют реконструктивный характер и являются более или менее корректной экстраполяцией поздних мифологических представлений, в лучших случаях – подтвержденной отчасти археологическими материалами. Сами по себе археологические источники, в отрыве от письменных текстов, на современном этапе развития науки еще не могут

²⁵ Яшин В.Б. О возможных истоках некоторых обугорских представлений // Источники по истории Западной Сибири. Омск. 1987. С.105-106.

быть использованы для достаточно достоверной реконструкции древних мифологических представлений.

Существует целый ряд свидетельств в пользу того, что во всяком случае у некоторых народов эсхатологический миф оформился еще на ранних стадиях развития мифологии. В первую очередь это относится к народам индоевропейской языковой семьи. Дальнейшее развитие эсхатологических мифов происходило в рамках религиозных систем.

Эсхатологический миф стал одной из важнейших составляющих религиозной мифологии. Все мировые религии разработали свои эсхатологические учения. При этом миф о гибели мира был канонизирован, утверждён в форме единственно верных вариантов его текста и развитие эсхатологии как учения двинулось по пути истолкования и осмысления канонизированного текста мифа в рамках системы религиозных догматов. Таким образом, религия по мере своего развития уже не видоизменяет сам текст эсхатологического мифа, но создает его все новые толкования, актуализирующие миф и переводящие древние эсхатологические символы в сферу практических культовых и социальных проблем.

Уверенно датировать время появления первого эсхатологического мифа невозможно. Однако не вызывает сомнений, что впервые миф о гибели мира оформился в глубоком прошлом, задолго до Рождества Христова. Поиски первоначального эсхатологического мифа заводят нас в эпоху индоевропейского единства – то есть, как минимум, в IV тысячелетии до нашей эры.

Из всех известных нам индоевропейских мифологий развернутый миф о грядущей гибели мира представлен только в зороастризме и в скандинавской мифологии. Определенные эсхатологические представления сохранились в индуизме. Во всех остальных индоевропейских мифологиях мы находим лишь отголоски первоначального индоевропейского эсхатологического мифа. Сопоставление известных нам индоевропейских эсхатологических мифов позволяет вычленить первоначальную индоевропейскую эсхатологию. Однако автору не известно ни одной работы на эту тему. Внимание исследователей XIX–XX веков больше привлекала космогония, чем эсхатология. Только Ж.Дюмезиль в своей монографии «Верховные боги индоевропейцев» пришел к выводу о существовании древней индоевропейской эсхатологической традиции²⁶. Однако он не стал развивать этот тезис. Датский исследователь А.Олрик в своем классическом труде по скандинавской эсхатологии приводит многочисленные параллели северному

²⁶ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. Пер. с фр. М. 1986. С.137-138.

мифу о гибели мира, однако вывода о происхождении параллельных образов из индоевропейской эсхатологии он не делает²⁷.

На наш взгляд, сопоставление эсхатологических мифов разных индоевропейских народов позволяет определить основные образы общеиндоевропейского эсхатологического мифа²⁸. В мифологии эпохи индоевропейского единства содержалось представление о конечности существующего мира. При этом мир понимался как определенный, установленный порядок вещей. Этот порядок имеет начало и конец во времени. Однако конец Вселенной – абсолютное ничто – не мыслился древними индоевропейцами. Человек первобытной культуры не способен помыслить небытие – для него любое явление есть бытие в какой-либо форме.

Гибель мира представлялась в индоевропейском эсхатологическом мифе как момент максимизации всех существующих в мире противоречий. Центральный образ эсхатологического мифа – Последняя битва, в которой сойдутся основные мировые силы. В Последней битве божества, которым поклоняются люди, сражаются с демонами и хтоническими чудовищами. Люди участвуют в Последней битве на стороне обеих воюющих сил – в зависимости от того, какую судьбу они избрали себе всей своей жизнью, своими поступками и помыслами. Главный враг богов и людей, выходящий против них в Последней битве был скован благими силами в начале времен. С его освобождения от оков и начинается Последняя битва. В числе основных противников богов и людей в общеиндоевропейском эсхатологическом мифе фигурировали Волк и Змей – источающие яд чудовища, которые будут побеждены в битве.

Последняя битва завершается гибелью всего мироздания от огня и воды. Вода воплощает стихию хаоса, из которой мир возник в начале времен и в которую он вновь уходит в конце. Огненная гибель мира предстает как его очищение от зла, необходимое для грядущего возрождения в более совершенном облике. Мотив грядущего огненного очищения сохранился в той или иной форме в большинстве индоевропейских мифологических традиций. Вслед за гибелью этого мира происходит рождение нового мира, более совершенного, чем мир нынешний. В новом мире люди обретут счастливую жизнь.

Необходимо подчеркнуть, что в индоевропейском эсхатологическом мифе грядущий мир представлялся именно как новый мир с новой судьбой, а отнюдь не как повторение «Золотого века» этого мира. Представление о космических циклах, когда мир, проходя через ги-

²⁷ *Olrik A. Ragnarok: die Sagen vom Weltuntergang. Berlin. 1922.*

²⁸ *Петров Ф.Н. Индоевропейская эсхатологическая традиция на материале скандинавской и зороастрийской мифологии // Известия Челябинского научного центра УрО РАН, 2000, № 1.*

бель, вновь возвращается к своему началу, характерное для индуистской традиции, не находит параллелей в мифах других индоевропейских народов. Более того, в скандинавском и зороастрийском эсхатологических мифах специально подчеркивается, что грядущий мир – это совершенно новая реальность.

Во всех эсхатологических мифах вычленяется три основных структурных блока, последовательно расположенных друг за другом.

1. Описание глобальных искажений миропорядка, а также бедствий, которые постигнут людей в преддверии конца мира.
2. Кульминация эсхатологического мифа – описание наиболее важного события последних дней мира, в котором сводятся воедино все линии мировой истории.
3. Описание грядущего благого мира, который сменит мир нынешний.

Философия как система миропонимания сформировалась на базе мифологического сознания. Ранний – античный – этап становления философии относится ко времени кризиса мифологического сознания и архаичных социальных структур в Древней Греции. Античная философия практически не занималась вопросами эсхатологии. В греческой мифологии, на базе которой происходило становление философии, эсхатологический миф отсутствует. Представления, близкие к эсхатологическим, были у орфиков, Гераклита, позднее – у стоиков. Однако во всех этих учениях гибель мира (как правило – в огне) рассматривалась лишь как один из этапов мирового круговорота, бесконечного повторения мировых циклов. Такие представления не являются в полной мере эсхатологическими, поскольку не трактуют о преодолении ограниченности наличного мироздания и о создании нового вселенского строя.

Становление собственно философской эсхатологии происходило в системе средневековой европейской философии. Наиболее серьезно эсхатологической проблематикой в эту эпоху занимался Августин. Дальнейшее развитие философии эсхатологии происходило также главным образом в рамках религиозной философии. При этом средневековые философы после Августина, как правило, не занимались эсхатологическими проблемами и новый этап развития интереса к этим проблемам связан с русской религиозной философией XIX века.

В последнее время эсхатологическая тематика становится одним из важных направлений движения философской мысли. К эсхатологическим вопросам философы обращаются в связи с проблемами экологического кризиса²⁹, решая проблемы языковых структур³⁰ и историософские вопросы³¹ и актуализируя религиозное знание.

²⁹ Курашов В.И. Экология и эсхатология // Вопросы философии. 1995. № 3.

³⁰ Гройс Б. Да, апокалипсис, да, сейчас // Вопросы философии. 1993. №3.

³¹ Панарин А.С. Смысл истории // Вопросы философии. 1999. №9. С.15-16.

В советское время в отечественной философии единственной официально признанной точкой зрения на смысл эсхатологии была трактовка эсхатологии как сугубо социального явления, не имеющего под собой никакого онтологического основания. Так, специально занимавшийся изучением эсхатологической тематики А.А.Баранец трактует эсхатологию как «искаженное отражение социальной действительности»³² Этот подход базируется на философии диалектического материализма, в которой утверждается первичность материи перед сознанием и отрицается возможность существования сверхчеловеческих сознательных субъектов. Философия диалектического материализма исходит из теории гомогенного, нейтрального, линейного времени и отрицает возможность предвидения будущих событий, признавая только возможность построения логических моделей будущего на базе учета закономерностей и причинно-следственных связей. В рамках этой философии постановка вопроса о смысле мироздания или о смысле истории неприемлема, поскольку и мироздание, и общество рассматриваются как аксиологически нейтральные, подчиняющиеся только объективным законам. Поэтому в рамках данной философской системы эсхатологический миф рассматривается только как фантазия человеческого сознания, попытка людей, угнетенных условиями своей жизни, создать идеальный образ своего существования и выражение стремления угнетенных к разрушению невыносимого для них миропорядка и мести своим угнетателям. Именно такую логику подхода к эсхатологии задал в своих работах Фридрих Энгельс³³, и впоследствии она неоднократно реализовывалась марксистскими историками религии.

Философами религии реализуется другой подход к эсхатологии — как к учению об одном из важнейших элементов бытия, учению о необходимом и неизбежном в истории мира и истории человека этапе, без которого невозможно преодоление ключевых противоречий наличного бытия. Наиболее серьезную разработку такого подхода к эсхатологии предпринял Н.А.Бердяев. В экзистенциальной философии Бердяева всякое явление оправдывается только его человеческим смыслом. Смысл гибели мира Бердяев раскрывает через характеристику трагичности жизни личности в истории. Он пишет:

«Я принадлежу к людям, которые взбунтовались против исторического процесса, потому что он убивает личность, не замечает личности и не для личности происходит... Но есть другая сторона. Я переживаю не только трагический конфликт личности и истории, я переживаю также ис-

³² Баранец А.А. Социальные истоки и социальные функции религиозной эсхатологии. Автореферат диссертации ... канд. филос. наук. М. 1980. С.1.

³³ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е. изд. М.: Политиздат. 1962.

торию как свою личную судьбу, я беру внутрь себя весь мир, все человечество, всю культуру»³⁴.

Исторический процесс не замечает личность, он ей глубоко враждебен. Смысл исторического процесса за пределами личности, в то время как «смысл должен быть соизмерим с моей судьбой. Объективированный смысл лишен для меня всякого смысла»³⁵. В то же время всякая личность исторична и судьба человека неотделима от судьбы человечества, которая и есть история.

Этап завершения мировой истории определяет смысл существования мира. По словам Бердяева «История мира и история человечества имеет смысл лишь в том случае, если она кончится»³⁶. В истории без конца «всякое настоящее оказывается средством для будущего. Бесконечный прогресс ...означает торжество смерти»³⁷. «История, поистине, есть драма, имеющая свои акты от первого до последнего, имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарсис, свое свершение»³⁸.

Трагичность истории состоит в том, что в рамках исторического процесса нельзя провидеть возможности для исправления и искупления зла в мире. Она трагична и потому, что весь исторический опыт человечества показывает бессмысленность надежд на грядущее просветление жизни людей в рамках этого исторического процесса: «исторический пессимизм в значительной степени прав, исторический оптимизм не имеет эмпирических оснований»³⁹. Но «окончательная истина лежит по ту сторону представлений об оптимизме и пессимизме... Смысл лежит за пределами истории, ... он не имманентен ей, он ей трансцендентен»⁴⁰. При этом «идея конца тем и заманчива, тем и прекрасна, что она есть вместе с тем идея начала... и должна не угашать творческую работу, а усиливать ее»⁴¹. Для Бердяева в конце главное – не гибель этого тленного мира, а создание нового. Этот мир должен уйти чтобы человек освободился для новой жизни. И именно в предвидении этой новой жизни эсхатология становится творческой. Творчество же, по мнению Бердяева, по природе своей эсхатологично. «Во всяком моральном акте, акте любви,

³⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. М. 1991. С.305.

³⁵ Там же. С.302.

³⁶ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Он же. Царство Духа и царство Кесаря. М. 1995. С.274.

³⁷ Там же. С.74.

³⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. М. 1990. С.23.

³⁹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Он же. Царство Духа и царство Кесаря. М. 1995. С.265.

⁴⁰ Там же. С.275.

⁴¹ Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Он же. О русских классиках. М. 1993. С.247.

милосердии, жертвы наступает конец этого мира, в котором царит ненависть, жестокость, корысть. Во всяком творческом акте наступает конец этого мира, в котором царит необходимость, инерция, скованность, и возникает мир новый, мир иной»⁴².

Всякая эсхатология говорит не только о гибели наличного мироздания, но и о рождении нового, лучшего мира. Философский смысл этого явления был исследован Д.В.Пивоваровым, который трактует эсхатологию как особый способ мышления о мире и человеке в рамках оппозиции «абсолютное – иное», «первичное – производное», «подлинное – неподлинное», т.е. отнесенности смысла феноменального мира к сфере первичного ноуменального бытия, первореальности⁴³. На базе этого способа мышления о мире и человеке, согласно Д.В.Пивоварову, вырабатываются специфические основания эсхатологии: в метафизике – принцип относительной самостоятельности сверхбытия и бытия феноменального мира, не обладающего полнотой и совершенством первореальности; в антропологии – принцип несовершенства человеческой природы; в социально-историческом познании – утверждение принципа историзма.

Анализ эсхатологических мифов и истории философской эсхатологии позволяет нам оформить авторскую концепцию сущности и онтологического смысла эсхатологии, излагаемую ниже.

Главный вопрос эсхатологии – это вопрос о смысле существования мира, поскольку в конце времен сводятся воедино все линии мировой истории. Эсхатология говорит о событиях будущего и сама возможность создания эсхатологии покоится на убеждении в том, что будущее в той или иной мере предопределено. Эсхатология трактует о событиях огромного эмоционального накала, который определяется ее темой – разрушение мироздания и возникновение нового мира. Эти события рассматриваются через призму человеческого восприятия и человеческой судьбы. При этом универсально-историческая эсхатология переплетается с индивидуально-личной как разные стороны одного процесса, отраженного в макрокосме (вселенной) и микрокосме (человеке). Эсхатологические представления уже на протяжении тысячелетий является важным элементом общественного сознания. При этом эсхатология выступает в обществе как одно из проявлений эсхатологического сознания. Для эсхатологического сознания характерно напряженное ожидание приближающихся последних дней мира. Человек с эсхатологическим сознанием оценивает природные и общественные события, события своей личной жизни в свете эсхатологической перспективы. Поступки человека с эсхатологическим сознанием

⁴² Бердяев Н.А. Самопознание. М. 1991. С.309.

⁴³ Пивоваров Д.В. Эсхатология // Современный философский словарь. – М.: Одиссей, 1996. С. 591.

во многом определяются его личной и универсально-исторической эсхатологической перспективой. В основе эсхатологического сознания лежит предчувствие приближающегося конца мира. Человек выражает это предчувствие через миф либо через мифологизированное учение. Он может сам сотворить этот миф либо воспользоваться уже бытующей в обществе или в определенной социальной группе мифологией. При этом всякий взятый со стороны миф человек преломляет через себя, накладывает на этот миф свои чувства и представления и превращает миф в близкий именно ему образ.

Эсхатологическое предчувствие находит свое выражение во всем творчестве человека – в произведениях искусства, философских учениях, религиозных догматах. В основе этой внешней деятельности человека лежит сотворенный им индивидуальный эсхатологический миф. Вероятно, эсхатологическое предчувствие потенциально присуще каждому человеку. Оно непосредственным образом связано с человеческим восприятием смерти, с той повседневной борьбой, которую ведет человек с абсурдом в мироздании, в истории, в собственной жизни и служит выражением человеческого стремления к обретению смысла. Потенциально присущее человеку эсхатологическое предчувствие может проявляться в силу различных внешних и внутренних причин. Проявившись, оно становится важной составляющей эмоционального мира человека. Осознание эсхатологического предчувствия и ведет к формированию эсхатологического сознания, которое институциализируется в различных мифологических формах. На определенных этапах исторического развития человечества эсхатологическое сознание под влиянием внешних факторов широко распространяется в обществе. Это происходит, как правило, в периоды социальных кризисов, когда старая социальность изживает себя и множество людей ощущают себя существующими на грани глобального слома, перед распахнувшейся неизвестностью. В такие эпохи формируется общественное эсхатологическое сознание, выражающее эсхатологические предчувствия многих членов общества.

Неоправданно упрощает и лишает смысла исследуемое явление точка зрения на эсхатологию как на искаженное отражение социальной действительности. Социальная действительность как внешний фактор сплошь и рядом способствует раскрытию в человеке эсхатологического предчувствия. Она может в определенной степени влиять на направленность эсхатологического сознания. Но основа эсхатологического сознания коренится не в социальной действительности, а во внутреннем мире человека.

В эсхатологическом предчувствии имеются две стороны. В нем переплетаются два сущностных, экзистенциальных чувства человека – надежда и страх, надежда на полноту и осмысленность жизни и страх перед смертью, перед бессмысленностью, абсурдностью бытия.

В эсхатологическом предчувствии выражается драматизм человеческого существования.

Во всех эсхатологических мифах мы видим переплетение страха и надежды. В зависимости от господства того или иного чувства весь эсхатологический миф получает соответствующую окраску. Господство в общественном эсхатологическом сознании чувства страха ведет к появлению и широкому распространению эсхатологического мифа, наполненного картинами грядущей мировой гибели. Страх как неуверенность в собственных силах и даже в собственном бытии приводит к развитию жажды мести. Именно через месть своим врагам человек, исполненный страха, мечтает найти уверенность в своем будущем. Общественное эсхатологическое сознание с господствующим чувством страха создает эсхатологию гибели и мести, наиболее ярким выражением которой является Откровение Иоанна Богослова. Бесконтрольное развитие страха приводит к распаду человеческой личности. Противопоставить страху человек может только собственное наполненное творческое бытие. Именно в творческой силе человека находится основание надежды. Эта надежда находит выражение в конструктивном эсхатологическом сознании, которым смерть личная и смерть мировая воспринимаются как важнейшие этапы жизни, благодаря которым может быть достигнута победа над абсурдом человеческого бытия, включенным в абсурд мировой истории.

Положительный смысл эсхатологии по отношению к жизни человека и к истории человеческого общества определяется тем, что в рамках земной жизни человека, вписанной в историческое развитие мира, не могут найти своего разрешения трагедии человеческих судеб. Любые человеческие страдания имеют смысл лишь в том случае, если они приводят к просветлению и преображению человеческого бытия. Однако страдания, закрепленные навечно смертью человека как абсолютным концом человеческого бытия не имеют смысла. Жизнь человека и весь исторический процесс превращаются в таком случае в театр абсурда. Прогресс как движение по пути улучшения условий человеческой жизни ничего не меняет. Никогда счастье одного человека не может искупить страдания другого. Их может искупить только просветление того же самого человека, той же личности.

Исторический процесс нашего мира обрывает судьбы людей и делает их страдания окончательными, бессмысленными, неискупимыми. Абсурд человеческого бытия закрепляет смерть человека. Преодоление этого абсурда возможно только через смерть истории, разрушение ее законов для утверждения смысла каждой человеческой судьбы. В этом и заключается положительный смысл эсхатологии.

В.В.Петров

Эсхатология Оригена и знание ее основ на латинском Западе IV – IX веков

Учение Оригена (ок. 185-253/4) о природе человеческих души и тела, а также их посмертной участи представляет собой яркий пример того, как раннее христианское богословие пыталось усвоить и адаптировать для своих нужд наследие античной языческой философии. По ряду причин в настоящее время трудно дать целостный очерк соответствующих взглядов Оригена и при этом поручиться за адекватность интерпретации. Тому есть несколько причин. Во-первых, воззрения александрийского учителя претерпевали на протяжении его жизни значительную эволюцию, и высказывания из ранних работ не всегда согласуются с положениями более зрелых сочинений. Во-вторых, некоторые важные для нашего рассмотрения тексты ныне утрачены и мы знаем их только в пристрастном пересказе идейных противников Оригена. В-третьих, даже сохранившимся текстам (и греческим, и переведенным на латинский язык) не всегда можно доверять, поскольку известно, что они подвергались доктринальной правке и относительно степени этой редактуры среди современных исследователей нет согласия. В-четвертых, уже очень скоро собственное учение Оригена стало смешиваться его влиятельными критиками со взглядами его радикальных последователей: эти оценки принимались за истину на протяжении многих столетий и только кропотливый анализ может отделить подлинные взгляды Оригена от позднейших интерпретаций.

Задачи настоящей статьи скромны. Здесь мы рассмотрим только те теории Оригена относительно души и тела, в которых наиболее сильно ощущается воздействие античной философии, которые представляют собой христианскую модификацию соответствующих платонических или стоических доктрин. Во второй части работы мы покажем, что в раннее средневековье эти мнения Оригена были хорошо известны богословам латинского Запада. В этой связи, наряду с подлинными сочинениями Оригена для нас важны и позднейшие доксографические свидетельства, сведения, предоставляемые антиоригеновской полемикой и т.д. – ведь весь этот оригеновский корпус в раннее средневековье рассматривался как единое целое. Как следствие, частично теряет остроту проблема разделения взглядов Оригена и его последователей, проблема этапов эволюции отдельных теорий и т.д. Наша реконструкция основана на оригинальных текстах Оригена,

которые приводятся в примечаниях; в работе учитываются достижения современного «оригеноведения»¹.

телесность – следствие грехопадения

Согласно Оригену индивидуальная разумная душа (ангела, демона или человека), обитающая в высших пространствах чувственного космоса (под или над сферой неподвижных звезд), вследствие своих прегрешений соскальзывает вниз, постепенно ниспадая вплоть до земли, отягощаясь телесными приращениями и облекаясь во все более грубые тела. Изменчивость и подвижность разумных существ позволяют им пользоваться телом того или иного достоинства в соответствии со своими заслугами. Бог наперед знал о грехопадении людей и отступничестве ангелов, поэтому Он сделал телесную природу способной посредством перемены качеств изменяться в зависимости от обстоятельств². Согласно Иерониму, телесная природа у Оригена и существует-то только по причине падений духовных разумных существ, которые нуждаются в телах для существования в низших сферах³. Когда же все они снова очистятся и станут вновь полностью духовными, телесная природа разрешится в ничто⁴. Тела живых существ не только коррелируют со средой обитания, но соответствуют их душевным достоинствам и качествам⁵. Различия между ангелами, людьми и демонами несубстанциальны, все они имеют одну природу, и различаются лишь направлением воли, обращенной к добру или злу⁶. Существа могут переходить с одного иерархического уровня на другой, что сопровождается переменной тел⁷. Тела небесных светил и ангелов эфирны, а тела демонов тонки и легки, как воздух⁸; демоны роятся в воздухе⁹. Демонам, которые суть падшие ангелы, пришлось облачиться (вместо или поверх эфирного тела) в воздушное тело, а изгнанные после грехопадения из рая люди в наказание получили тела из праха земного, плотные и тяжелые¹⁰.

душа меняет тела

Бестелесные сущности в случае надобности могут пользоваться телами¹¹. Бестелесная человеческая душа иногда снимает тело, которое требовалось ей прежде, но перестало отвечать ее изменившемуся состоянию, и меняет его на следующее, а иногда она принимает еще одно вдобавок к прежнему, как лучшее покрытие, подходящее для эфирных областей неба¹² (представление о том, что душа способна менять тела традиционно высказывалось платониками, например, Порфирием¹³). Необходимо, чтобы душа, находясь в телесных местах, пользовалась телами, приспособленными к этим местам¹⁴. Когда Иисус воскрес и был вознесен на небо, его человеческая плоть изменила свои свойства и стало такой, какая надобна телу живущему в эфире и надэфирных областях¹⁵. После воскресения из мертвых тела правед-

ников станут, как у ангелов, эфирными и световидными¹⁶. Обращает на себя внимание слово «световидный» (αὐροειδής), которое является техническим философским термином, прилагавшемся платониками и стоиками к пневматическому телу души, или более узко к пневматической повозке, носителю души¹⁷. Например, Ямвлих полагал, что даже у демонов тела являются световидными и бесстрастными¹⁸.

кожаные одежды

Ранние христианские платоники, виднейшим из которых был Ориген, предпринимали попытки соединить античную философскую традицию и откровение, данное в Писании. Световидное пневматическое тело они истолковывали как первичное тонкое тело, бывшее у людей в Раю до грехопадения. По своей сущностной природе человек бестелесен, он остался бы бессмертным, если бы не впал в грех¹⁹. После падения с небесных высот, его божественная природа облеклась плотью: он накинул смертное одеяние – «кожаные одежды» (Быт 3:21)²⁰. Филон Александрийский и гностики понимали библейские «кожаные одежды» как тела²¹. В сохранившихся текстах Ориген нигде прямо не отождествляет кожаные одежды и смертные тела, понимая под первыми смертное состояние, в которое впал человек после грехопадения. Однако, последователи александрийского учителя были более радикальны и, видимо, разделяли крайнюю точку зрения. Такое толкование осуждал, в частности, в своем *Комментарии на книгу Бытия* Прокопий из Газы, христианский «софист» V-VI вв. Прокопий критикует теории неких, занимающихся аллегорической экзегезой людей, согласно которым в Быт 1:26 – *И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему* – речь идет о творении души, в Быт 2:7 – *И создал Господь Бог человека из праха земного* – говорится о творении тонкого световидного тела, а в Быт 3:21 – *И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их* – повествуется об облачении изгнанного из рая человека земной плотью:

Те, кто занимается аллегориями (οἱ ἀλληγοροῦντες), после небылиц, изложенных выше, заявляют, что бытие *по образу* означает душу, что *сотворенные из праха* имеют тонкое (λεπτομερές) тело, достойное жизни в Раю, что некоторых именуют световидными (αὐροειδής) и что, наконец, *кожаные одежды* соответствуют написанному: «Ты одел меня кожей и плотью, ты скрепил меня костями и жилами» (Иов 10:11). Они говорят, что душа переносилась (ἐλοχεῖσθαι) этим первым световидным телом, которое позже приняло кожаные одежды²².

Сам Ориген так описывает отягощающее действие грехов и добродетели на физические свойства души:

Душа, которая грешит, отучняется, ибо такова природа греха. Поэтому написано: *И отучнело сердце народа сего* (Ис 6:10). А добродетель источает и растапливает душу, и если не бояться преувеличения,

она совершенно истребляет все телесное у души, и делает ее чистой и бестелесной²³.

духовное тело

Обратное восхождение от земной жизни к небесам, то есть переход от земного тела в бестелесное состояние происходит не внезапно. От телесной одежды нельзя избавиться разом и телесная природа упраздняется постепенно²⁴. Тотчас по воскресении душа имеет облик, подобный ее грубому и земному телу. Поэтому умершие являются в виде, схожем с тем, какой они имели во плоти²⁵. Душа не остается бестелесной: при отделении от земного тела и еще прежде воскресения она получает некое тело²⁶. После смерти, но до воскресения тел душа обитает в световидном теле²⁷ (так и тела ангелов на небе эфирны и суть световидный свет²⁸). И тело Иисуса вскоре после воскресения, когда он являлся ученикам и Фома вложил перст в его ребра (Ин 20:19-28), занимало как бы середину между тем плотным телом, какое Он имел до страдания, и тем состоянием, в каком душа является по отделении от этого тела²⁹. Впоследствии плоть Иисуса изменила свои качества и сделалась такой, чтобы пребывать в эфире и надэфирных местах³⁰.

Ориген подчеркивает, что воскресают именно наши умершие животные тела, но воскресают духовными³¹. Относительно свойств духовных тел по Оригену свидетельства источников расходятся (возможно речь идет о разных стадиях эволюции духовного тела). Однажды Мефодий заметил, что, по Оригену, воскресшие тела утрачивают антропоморфность³² (в самом деле, в *О началах* говорится, что духовное тело не имеет облика (*habitus*) и очертания (*descriptio*)³³).

внутренний и внешний человек

Человек обладает двойной природой, сообразно различению сказанного в Быт 1:26 и Быт 2:7. Есть человек внутренний, созданный по образу Божию, и внешняя форма, вылепленная из праха земного³⁴. Внутреннее существо человека нетленно, тогда как внешняя форма тленна³⁵.

святые находятся на звездной тверди

Куда же попадают после воскресения праведники? Где то место, в котором они вновь обретают блаженство и легкое световидное тело, соответствующее окружающей их эфирной среде? Мир святых и чистых существ находится в надлунной области – на сфере неподвижных звезд (τῶ ἀπλανῆ), либо в эфирной или надэфирной области³⁶. Ориген не принимает того, что эфир это пятый элемент, как считал Аристотель³⁷, для него это качество (*qualitas*, ποιότης), которое обретают наиболее чистые тела, обитающие в высших областях мира³⁸. Традиционно, эфир связывали с божественной природой³⁹. Эфир это область неба, расположенная выше воздуха; там расположены наиболее чистые тела⁴⁰. Эфир означает природу живущих там душ, то чистой-

шее состояние, которого может достичь телесная природа⁴¹. Область эфира и подлунная сфера противопоставлялись как бессмертно-смертное, действующее-претерпевающее⁴². В конечном итоге всякая субстанция перейдет в наилучшее состояние и разрешится в эфир, чистейший и простейший по природе⁴³. Это случится по воскресении из мертвых, когда всякое тело станет эфирным и просияет по слову апостола *И мы изменимся* (1 Кор 15:52)⁴⁴. Когда для всех вещей настанет конец «мы все вернемся в небесный Иерусалим»⁴⁵. Приводя разные бытовавшие мнения относительно природы Бога, Ориген говорит (не разделяя их), что согласно некоторым Бог имеет телесную, но очень тонкого рода природу, подобную эфиру (*αἰθερώδης*)⁴⁶. Для Оригена Бог и Троица бестелесны⁴⁷.

очищение огнем

Ориген писал, что слова пророка Исаии *все вы, которые возжигаете огонь, идите в пламень огня вашего* (Ис 50:11) следует понимать так, что у каждого человека есть собственный огонь, которым он наказывается:

Этими словами указывается, по-видимому, то, что каждый грешник сам для себя зажигает пламя собственного огня, а не погружается в какой-то огонь, зажженный уже раньше (кем-то) другим или уже прежде существовавший. Материей и пищей для этого огня служат наши грехи, которые апостол Павел называет сеном и соломой (1 Кор 3:12)⁴⁸.

Описание состояния воспаленного сознания-совести у Оригена отличается физиологизмом:

Известно, что излишество пищи и неблагоприятное количество и качество ее производят лихорадки.... Так, я думаю, и душа собирает в себе множество злых дел и обилие грехов; в надлежащее же время все это собрание зла воспламеняется для наказания и возгорается для мук⁴⁹. Тогда самый ум или совесть божественною силою будут воспроизводить в памяти все, некоторые знаки или формы чего ум отпечатлел в себе при совершении грехов, все, что сделал гнусного и постыдного или что совершил нечестивого, и, таким образом, будет видеть перед своими глазами некоторую историю своих преступлений. Тогда сама совесть будет преследовать и бить себя своими собственными рожнами и сама сделается обвинительницей и свидетельницей. Из этих слов [Рим 2:15] понятно, что орудия мучения образуются вокруг самой субстанции души, из губительных греховных настроений⁵⁰.

Все содеянное оставляет на тонком теле души отпечатки, которые станут зримы для всех на Страшном суде⁵¹. Ориген неоднократно говорит о «вечном огне» (*πῦρ αἰώνιον*, ignis aeternus) и «негасимом огне» (*πῦρ ἄσβεστον*, ignis inextinguibilis). Индивидуальное сознание, разъеденное накопившимися греховными загрязнениями, возгорается и жжет себя, выжигая наспоившиеся нечистоты⁵². Подобный внутренний огонь гораздо мучительнее и страшнее огня накладываемого из-

вне⁵³. Однако, и внешнего очищающего огня, скорее всего, никому из людей не избежать⁵⁴. По воскресении, на своем пути к Богу, через огонь придется пройти каждому, но если для грешников Бог есть «огонь поядающий», то для праведников и святых Он есть свет⁵⁵. Мефодий передает мнение Оригена, высказанное им в раннем трактате *О воскресении*: когда все будет охвачено огнем Страшного суда, непорочные и праведники пройдут через него, как через холодную воду⁵⁶. Сам Ориген, рассуждая об огне, который *испытывает дело каждого, каково оно есть* (1 Кор 3:13), говорит, что «всем придется пойти в тот огонь, будь то Павел или Петр». Но если о последних сказано *пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя* (Ис 43:2), то грешник, подобный самому Оригену, тоже пойдет в тот огонь, но не перейдет его, как Петр и Павел⁵⁷. Среди латинских богословов подобное мнение разделял, в частности, Лактанций, считавший, что грешников будет жечь вечный огонь, а праведников Бог наделит «силой огня», а потому они не будут чувствовать жжения пламени⁵⁸. В другом месте Ориген пишет, что херувим и вращающийся пламенный меч, поставленные при входе в Эдем, чтобы преграждать путь к древу жизни (Быт 3:24), возвращают тех людей, кто на основании, которое есть Иисус Христос, нагромоздили *дерево, сено и солому* (1 Кор 3:11-15), но тех, кто не совершил деяний, которые составляли бы горючий материал, подвластный огню, херувимы провозжат до древа жизни⁵⁹. Впрочем, иногда Ориген различает два вида огня – огонь праведников и огонь грешников:

И возьмет, говорит [Аарон], кадилаицу полную горящих угольев (Лев 16:12). Не все очищаются тем огнем, что берется *от жертвенника*; Аарон очищается этим огнем и Исаяя, и те кто подобен им. Другие же, кто не таковы, среди которых число и себя, будут очищаться другим огнем, тем, боюсь, о котором написано: *Огненная река бежала перед ним* (Дан 6:10). Сей огонь – не *от жертвенника*. Огонь *от жертвенника* это Господень огонь, а сей, что вне жертвенника, – не Господень, но свой у каждого грешника, и сказано о нем: *червь их не умрет, и огонь их не угаснет* (Ис 66:24). Сей огонь будет у тех, кто зажег его, как написано выше: *идите в огонь свой и в пламя, которое вы себе зажгли* (Ис 50:11)⁶⁰.

Ориген пишет о различном воздействии огня еще раз:

И нам нет необходимости в огне, *которым испытывается дело каждого* (1 Кор 3:13). Ведь Петр им не затронут, но слышит: *И если ты пойдешь сквозь огонь, пламя тебя не сожжет* (4 Макк 18:14). Но озеро огня затрагивает грешников, как Красное море затронуло египтян, но не евреев⁶¹.

мировой пожар

Христианское учение об огне Судного дня естественным образом происходит из древних представлений о финальном воспламенении

мира, мировом пожаре. Раннехристианские богословы помнили о стоических корнях этой теории, хотя упоминания о периодическом обогневении мира имеется уже у Платона⁶². Тем не менее, раннее христианство не захотело отказаться от этой теории, что, на наш взгляд, можно объяснить тем, что повторяющееся воспламенение мира считалось научной истиной, неоспоримым фактом естественного знания, а потому перед учеными христианами стояла задача инкорпорировать эту теорию в корпус христианского знания. Физические обстоятельства Судного дня рассматривались в натурфилософской перспективе и речь о них шла в заключительных главах трактатов «о природах вещей» (ср. *О началах* Оригена, *Об исчислении времен* Беды Досточтимого, *Перифюсеон (О природах)* Иоанна Скотта). Ориген говорит, что не следует недооценивать учение о воспламенении мира, которого придерживались некоторые греки, «философствовавшие» по этому поводу. Это очистительный огонь посланный миру, а возможно и всем, нуждающимся в наказании и лечении огнем. Он жжет, но не поядает тех, у кого нет материального [тела], которое и должно быть истреблено этим огнем, но он пожирает тех, кто своими действиями, словами и мыслями строят *из дерева, сена и соломы* (1 Кор 3:12)⁶³.

Важным для последующей традиции положением Оригена является утверждение, что огнем отсекаются и уничтожаются не сами сущности, но лишь акцидентальные наслоения на них, к созданию которых Бог не имеет отношения. Это вызвано требованиями теодиции: Создатель творит благое для бытия, но не злое, имеющее быть уничтоженным. Созданное Богом неуничтожимо⁶⁴. Даже истребление дьявола нужно понимать не в том смысле, что истребится его сущность, созданная Богом, но в том смысле, что будет уничтожена его враждебная воля, происшедшая не от Бога, но от него самого⁶⁵. Как говорит Ориген, Бог как *огонь поядающий* не истребляет то, что соответствует Его образу и подобию, то есть свое собственное творение, но истребляет нагроможденные *дерево, сено и солому* (1 Кор 3:12)⁶⁶.

преисподняя

Значителен вклад Оригена и в развитие представлений о преисподней. Ориген и Климент Александрийский могут считаться основателями теории чистилища. Хотя само слово «чистилище», *purgatorium*, появляется в IX веке на Западе, отправными точками для развития этой теории послужили соответствующие параграфы комментариев Оригена⁶⁷. Рассуждения об очистительном огне отправлялись от Библии – Втор 4:24; 1 Кор 3:10-15, Лк 3:16. Очистение считалось необходимым для допуска в рай⁶⁸. Оно совершается духовным огнем⁶⁹, этот огонь есть сам Бог, «огонь поядающий»⁷⁰, который сжигает не человека, творение Божие, но человеческое зло⁷¹.

Учение о преисподней у Оригена чрезвычайно сложно и разработано. Собственно, в сравнении с небесным бытием уже наша земная жизнь может считаться преисподней. Подземный шеол – это преисподняя по сравнению с землей; а существование на небесах – это преисподняя в сравнении с наднебесным бытием⁷². То, что для одних преисподняя, для других – небеса⁷³. У самого Оригена место наказания осужденных именуется геенной – Γέεννα, Gehenna –, а место эсхатологических очищений – Αἶδης, аидом, адом. Согласно Мефодию, в своей ранней работе Ориген размещал аид в надземной области, в воздухе:

Рассуди, – говорит он [Ориген], – не подразумевал ли блаженный Иоанн в словах *отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад* (ὁ Αἶδης) *отдали мертвых, которые были в них* (Откр 20:13) части, отдаваемые стихиями для восстановления каждого? Тогда море это влажная сущность, ад – происходящий от αἰεὶδής, ибо он, как сказал Ориген, невидим⁷⁴ – это воздух (τὸν ἀέρα), а смерть – земля, поскольку в нее ложатся умершие...

Он говорит, что все состоящее и образованное из чистого воздуха и чистого огня, подобосущное ангельским сущностям, не может иметь свойства земли и воды, поскольку тогда оно было бы земным. Таким и из таких элементов, как казалось Оригену, будет восстановлено тело человека, которое он также называл духовным (πνευματικὸν) телом⁷⁵.

В латинских переводах Руфина и Амвросия и геенне, и аиду соответствует один термин – inferus или infernus. В inferus или еще глубже, в inferus inferior, «ад преисподнейший», низвергаются грешники, а праведники попадают на «лоно Авраамово» – место упокоения до Судного дня⁷⁶.

воскресение и восстановление тел

Ориген пояснял, что по воскресении тела людей вновь соберутся из элементов, на которые разложились. Это произойдет, поскольку нашим телам присущ некий логос (insita ratio), который содержит телесную субстанцию и всегда в ней сохраняется:

Он [логос] воздвигнет тела из земли, обновит и восстановит их, хотя они умерли, разрушились и распались... из земного и душевного тела восстановит тело духовное, способное обитать на небесах; а тем, кто заслужит преисподнюю, ... будет дана слава и достоинство тела в соответствии с достоинством жизни и души каждого...⁷⁷

Говоря о присущем телу нетленном логосе, Ориген ссылается на стоиков, которые утверждают, что тело после полного разложения возвращается к своей начальной природе восстанавливается в исходном состоянии, из которого разложилось⁷⁸. Позднее эту теорию разовьет Григорий Нисский в *Об устройении человека* 27, а еще позднее она будет заимствована в *Перифюсеон* Иоанном Скоттом, который перевел это сочинение Григория⁷⁹.

сочинения Оригена на латинском Западе

Вклад Оригена в развитие христианской эсхатологии огромен. Общеизвестно обоснованно подозрительное отношение к некоторым идеям Оригена со стороны ортодоксального богословия. Ориген был осужден на Шестом вселенском соборе⁸⁰, а в церемониале возведения в сан римских понтификов, как минимум с первой половины VIII в., повторяется анафема «Оригену, Дидиму и Евагрию»⁸¹. Тем не менее, хотя имя александрийского учителя непременно упоминалось всякий раз, когда речь заходила о ересь, влияние его теорий на церковных интеллектуалов никогда не прекращалось. Под сильным воздействием учения Оригена находился Амвросий Медиоланский (333-397) и, самое главное, Августин (354-430), легитимизировавший в своих сочинениях многие положения оригенизма, которые стали для католиков «августиновскими». Уже очень рано стали появляться переводы сочинений Оригена на латинский язык. Иларий из Пуатье (ок. 315-366) перевел оригеновы разъяснения на *Книгу Иова*. Руфин (ок. 345-410/11) перевел (подвергнув доктринальной правке) *О началах*, а также несколько гомилий на *Псалмы*, комментарий на *Песнь песней*, издал сокращенную версию комментария на *Послание к Римлянам* (две последние работы оказались в Виварии у Кассиодора). Иероним (ок. 340-ок. 420) перевел *О началах* (перевод утрачен), гомилии на *Песнь песней*, на пророков *Иеремию*, *Исайю*, *Иезекииля*, на *Евангелие от Луки*. Кассиодор (ок. 490-ок. 585) в своей Виварии организовал перевод оригеновских гомилий на весь *Октоих*. В VI веке гомилиями Оригена пользовались Цезарий Арльский (ок. 470-542) и Григорий Великий (ок. 540-604). Была широко известна анти-оригеновская полемика Иеронима, хотя первоначально Иероним был приверженцем оригеновского метода экзегезы (папа Пелагий II († 590) даже заметил, что Иероним настолько благожелательно относился к Оригену, что кажется почти его учеником)⁸².

В VII в. работы Оригена распространяются к северу от Альп – они имеются в Корби, Лане, Мюрбахе, Зальцбурге. Они проникают в визиготскую Испанию, где их знал Исидор Севильский (570-636). И позже, для Юлиана Толедского (ок. 642-690) Ориген – «учитель»⁸³. Для англо-сакса Алдхельма (до 650-709) Ориген – «знаменитый греческий учитель»⁸⁴. В своей всемирной хронике Беда повторяет за Кассиодором, что в 4188 г. от сотворения мира слава Оригена из Александрии распространилась почти по всему миру⁸⁵. Особенно часто его упоминают деятели каролингского возрождения, среди которых Алкуин (735-804), Седулий Скотт (fl. 848-860/74), Пасхазий Радберт (†860), Амаларий Лионский (fl. 834-838), Гинкмар Реймский (806-882), Готшалк из Орбэ (805-868), Рабан Мавр (784-856), Гаймон из Осерра († ок. 875). В VIII-IX веках работы Оригена появляются в

библиотеках Лана, Бовэ, Райхенау и др. Каталог Боббио (конец IX в.) указывает среди книг, подаренных ирландцем Дунгалом, комментарии Оригена на книгу Бытия, на *Послание к Римлянам* и первую книгу комментария на *Песнь песней*⁸⁶. Комментарии на *Послание к Римлянам* и гомилии на *Исход* многократно цитируются в числе авторитетных источников на Парижских соборах 825-го и 829-го годов. Шесть «оригеновских» гомилий (не все из них действительно вышли из под пера Оригена) были известны через посредство гомилярия Карла Великого, составленного Павлом Диаконом (ок. 720-ок. 799), – четыре из них комментировали евангелие от Иоанна. В сокращении распространялись гомилии Оригена на *Евангелие от Матфея*. Аббат Санкт-Галлена Хармут († до 895) организовал переписку *Комментария на Послание к Римлянам*. В итоге, в средние века Ориген становится «наиболее читаемым из всех древних греческих авторов»⁸⁷.

Иногда Оригена цитировали под именем Иеронима (Рабан Мавр); отрывок из второй гомилии на *Песнь песней* циркулировал под именем Амвросия, и напротив, чужие сочинения приписывались Оригену. Так случилось, в частности, с известной *Гомилией* Иоанна Эриугены⁸⁸. Часто работы Оригена излагают в сокращении, расширяют, адаптируют, заимствуют из них. Так поступали Кассиан (360-435), Иероним (ок. 342-420), Григорий Великий (ок. 540-604), Исидор Севильский, Беда, Рабан Мавр, Валафрид Страбон (809-849), Ремигий из Осерра (†908). Седулий Скотт заимствовал большие куски *Комментария на Послание к Римлянам*⁸⁹. Пасхазий Радберт в своем *Комментарии на Матфея* близко следует одноименной оригеновской работе.

И тем не менее, когда Иоанн Севильский в письме к Павлу Альвару из Кордовы (до 800-после 860) назвал Оригена «величайшим учителем», Павел осудил его⁹⁰. В целом, господствовало мнение, якобы высказанное Иеронимом: «Где хорошо – нет его лучше, где плохо – нет хуже»⁹¹.

учение Оригена в каролингской критике

В каролингском интеллектуальном мире Ориген занимал важное место⁹². В текстах, доступных Иоанну, не раз указывалось на ошибки Оригена. Так, Беда осуждал учение Оригена о тождественности природы людей и ангелов⁹³. Гаймон из Осерра критиковал тех, кто в словах апостола *всякая тварь стенает* (omnis creatura ingemescit, Рим 8:22), под «тварью», как Ориген, понимал не только животных, но солнце, звезды и ангелов⁹⁴. Оригеновскую теорию конечного спасения и праведных, и нечестивых, включая падших ангелов и дьявола, критиковали Беда⁹⁵, Рабан Мавр⁹⁶, а позже – Ремигий из Осерра⁹⁷.

В специальной главе *О граде Божием* Августин критикует Оригена за учение о том, что отступившие от Творца души в наказание за грех

получили разные тела, как темницы, соответственно степени вины каждой, и что только в этом состоит причина сотворения мира⁹⁸. Следуя Августину, Рабан Мавр критиковал, как ересь, учение о том, что по причине различных грехов души были сброшены с неба на землю, заслужив различные тела, как оковы, и из-за этого возник наш мир⁹⁹.

Особая тема – оригенизм одного из самых мощных умов раннего средневековья Иоанна Скотта (Эриугены), (fl. IX³). В его кругу интерес к Оригену был особенно велик. В списке книг личной библиотеки Вульффада, друга Иоанна Скотта, значатся шесть сочинений Оригена¹⁰⁰. Мартин Ирландский – коллега Иоанна Скотта и наставник кафедральной школы Лана – усердно изучал Оригена¹⁰¹. В библиотеке Лана Ориген был наиболее важным греческим автором. Три манускрипта – Laon 298, Laon 299 и Berlin, Phillipps 1832 – содержат оригеновы гомилии на *Песнь песней*, гомилии на пророков, на книги Левит, Чисел и Царств¹⁰². Редкая библиотека в IX веке могла похвастаться такой коллекцией. Манускрипты из Лана, особенно Laon 298 сохранили следы интенсивного чтения. В своих собственных работах Иоанн Скотт цитирует оригеновы *О началах* и *Комментарий на Послание к Римлянам*. Видимо, он знал и другие сочинения александрийского учителя. В *Перифюсеон* Эриугена наделяет Оригена хвалебными эпитетами. Тем не менее, знание учения Оригена у Иоанна Скотта было не всегда точным, в некоторых случаях он черпал сведения из вторых рук.

Неудивительно, что в сочинениях Иоанна Скотта различимо влияние Оригена. Уже Пруденций Труасский (†861 г.) – старший современник Иоанна Скотта – обратил внимание на близость некоторых положений раннего трактата Иоанна Скотта *О предопределении* положениям учения Оригена. Общее обвинение Иоанна Скотта в оригенизме делается Пруденцием уже во введении к своей работе. Далее он становится более конкретен. В частности, говоря о мнении Иоанна Скотта, что по воскресении «тела святых изменятся в эфирное качество», Пруденций замечает, что эфир не есть плоть (а Господь воскрес во плоти) и что именно Ориген, рассуждавший о воскресении, говорил о воскресении «тела», но не «плоти»¹⁰³. Это замечание Пруденция – аллюзия на антиоригеновскую полемику Иеронима¹⁰⁴. Пруденций приводит и мнение Григория Великого, писавшего, что если он воскреснет в воздушном теле, это будет уже кто-другой, ведь нет истинного воскресения без воскресения истинной плоти¹⁰⁵. Таким образом, заключает Пруденций, отцы церкви согласны в том при воскресении тела людей будут не эфирными и не воздушными, но плотскими¹⁰⁶. Примечательно, что и Рабан Мавр – один из инициаторов диспута о предопределении и косвенный заказчик упомянутого трактата Иоанна Скотта – критиковал как оригенизм мнение о том, что воскресение связано с преображением тел, а не

с преобразованием тел, а не восстановлением прежней земной плоти¹⁰⁷. Впоследствии, в трактате *Перифюсеон* Иоанн Скотт сам признает, что теория превращения грубых земных тел в более тонкие, эфирные, принадлежит Оригену¹⁰⁸.

Второй пункт, по которому Пруденций Труасский обвиняет Иоанна в оригенизме – это имеющийся в *О предопределении* тезис о том, что адские мучения грешников – это муки совести. Иоанн Скотт выдвигает это положение как мнение Августина и Григория Великого, что соответствует действительности. Но Пруденций, не упоминая имен Августина и Григория и дважды обращаясь к этому вопросу¹⁰⁹, настаивает на оригенизме этой теории, в чем, разумеется, тоже прав¹¹⁰. Он говорит об этом и в третий раз: теперь уже иронизируя, Пруденций замечает, что согласно Иоанну Скотту вечный огонь телесен, и в этом Иоанн отступает от Оригена, которому следует в прочих теориях, ведь Ориген считал, что огонь нечестивых «это сознание ими собственных преступлений»¹¹¹.

Даже краткий обзор истории переводов Оригена на латинский язык показывает, что принципы учения Оригена были достаточно хорошо известны в ранние средние века. Многие из описанных выше теорий Оригена оказали непосредственное и сильное воздействие на латинскую мысль. Особенно ощутимо это влияние в работах богословов, опиравшихся на греческие источники, тяготевших к отвлеченным, умозрительным построениям. Одни из них, как Амвросий и Иероним, восприняли аллегорическую экзегезу Оригена, заимствования других – Августина и Иоанна Эриугены – гораздо глубже и включают фундаментальные положения учения Оригена. Усвоение сочинений Оригена на Западе в раннее средневековье – свидетельство того, как христианская европейская мысль усваивала наработки античных греческих психологии и соматологии, а в более общем плане – яркий пример интеллектуальной преемственности и кросскультурных влияний.

Сокращения:

GCS – Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderts

P – Periphyseon

PL – Patrologia latina, ed. J.-P. Migne

PG – Patrologia graeca, ed. J.-P. Migne

SC – Sources chrétiennes

Использованы издания:

Origène. *Traité des Principes*, ed. Henri Crouzel et Manlio Simonetti. tt. 1-5. SC 252-253, 268-270 (Paris, 1978-80).

Origène. *Homélie sur Ézéchiel*. Ed. Marcel Borret. SC 352 (Paris, 1989).

Origène. *Homélie sur le Lévitique*. Ed. Marcel Borret, SC 286-287 (Paris, 1981).

Origène. *Homélie sur les Psaumes 36 à 38*. Ed. Emanuela Prinzivalli, Henri Crouzel, Luc Brésard, SC 411 (Paris, 1995).

Прочие тексты: Origenes. *Werke*. GCS 1-13. (Berlin, 1899-1955).

- Saint Jérôme. Lettres*, t. 7. Ed. Jérôme Labourt (Paris, 1961), *Ad Avitum* Ep. 124, pp. 95-114.
- Methodius Olympius. *Werke*. Hrsg. Gottlieb Nathanael Bonwetsch († 1925). GCS 27 (Leipzig: Hinrichs, 1917), pp. 217-424. Часть книги (I,20–II,8), цитируется по-гречески Елифанием Кипрским в *Панарионе* (ересь 64), фрагменты по-гречески сохранились также в *Библиотеке Фотия* (кодекс 234).
- Photius. *Bibliothèque*, t. 5 ("codices" 230-241), ed. René Henry, Collection des Universités de France V (Paris: Les Belles Lettres, 1967), codex 234, p. 83-107
- Epiphanius, *Panarion* (= *Adversus haereses*), ed. K. Holl, Band II, §§ 12-62 [GCS 31. Leipzig: Hinrichs, 1922], pp. 421-499.
- Iohannis Scotti seu Eriugena Periphyseon libri I-IV*, ed. Édouard Jeuneau, Corpus Christianorum Continuatio Medievalis 161-164 (Turnhout: Brepols, 1996, 1997, 1999, 2000); liber V: *Joannis Scoti ΠΕΡΙ ΦΥΣΕΩΣ ΜΕΡΙΣΜΟΥ id est De divisione naturae*, ed. J. Floss, (Paris, 1853) PL 122, 859-1022.

Цитируются переводы:

Ориген

- О началах* – Ориген. *О началах* (Самара, 1993) [перепечатка перевода, изданного в Казани в 1899].
- Против Цельса* – Ориген. *Против Цельса. Книги I-IV*, пер. Л. Писарева (Казань, 1912) [Переиздано в серии *Учители неразделенной церкви*. Учебно-информац. экуменич. центр ап. Павла–МГУ, 1996]; книга V, 1-61, пер. А. Фокина, в: *Богословский сборник* (М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, вып. II-IV (1999), VII (2001)).
- О молитве* – Ориген. *О молитве. Увещание к мученичеству*. Пер. Н. Корсунского (СПб, 1897).

Климент Александрийский

- Кто из богатых спасется. Увещание к эллинам*. Пер. Н. Корсунского (Ярославль, 1888).
- Строматы*. Пер. Н. Корсунского (Ярославль, 1892).

Мефодий Олимпийский:

- Творения св. Григория Чудотворца и св. Мефодия, епископа и мученика* (Библиотека отцов и учителей церкви), М.: Паломник, 1996 [репринт издания *Св. Мефодий, епископ и мученик. Полное собрание его творений*. Пер. под ред. проф. Евграфа Ловягина, СПб., 1877 (2-е изд. – 1905), сс. 192-256 (из Епифания), 256-271 (из Фотия)].

Григорий Нисский

- Об устройении человека* – Григорий Нисский. *Об устройении человека*. Пер. В.М. Лурье (СПб.: Аxiота, 1995).
- Что не нужно скорбеть об умерших* – *De mortuis non esse dolendum*, ed. G. Neil, *Gregorii Nysseni opera*, vol. 9.1 (Leiden: Brill, 1967: 28-68).
- О душе и воскресении* – Григорий Нисский. *О душе и воскресении, диалог с сестрой Магриной*, в кн. *Восточные отцы и учителя церкви IV века. Антология*, II (под ред. иеромонаха Илариона (Алферова)) (Долгопрудный: Изд-во МФТИ, 1999), сс. 200-256.

Иоанн Скотт (Эриугена)

- Перифьюсеон* (фрагменты). Кн. I – пер. В.В. Петрова в сб. *Философия природы в античности и в средние века*, под ред. П.П. Гайденко и В.В. Петрова (М.: Прогресс-Традиция, 2000), сс. 480-529; кн. III – пер. Н.М. Лозовской, в сб. *Средние века 57 и 58* (М., 1994, 1995), сс. 279-289; 206-222.

Порфирий

Отправные положения к умопостигаемому: фрагменты, пер. В.В. Петрова, *Историко-философский ежегодник '95* (М.: Мартис, 1996), сс. 233-247.

Ямвлих

О египетских мистериях, пер. Л.Ю. Лукомского (СПб.: ХГС, 1995).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. сборники статей: Н. Crouzel, *Les fins derniers selon Origène*. (Variorum, 1990); *Origeniana secunda*. Second colloque international des études origéniennes, ed. H. Crouzel et A. Quacquarelli (Edizioni dell'Ateneo, 1980); *Origeniana quarta*. Die Referate des 4. Internationalen Origeneskongresses (Innsbruck, 2.- 6. september 1985), hrsg. L. Lies (Innsbruck, Wien: Tyrolia, 1987); *Origeniana Quinta*. Papers of the 5th International Origen Congress. Ed. R.J. Daly (Leuven, 1992).

² Ориген, *De princip.* IV, 4, 8 (35), 315-326: mutabilis et convertibilis erat natura rationabilis, ita ut pro meritis etiam diverso corporis uteretur indumento illius vel illius qualitatis, necessario sicut diversitates praenoscebat deus futuras vel animarum vel virtutum spiritalium, ita etiam naturam corpoream faceret, quae permutatione qualitatum in omnia, quae res posceret, conditoris arbitrio mutaretur.

³ Иероним, *Ep.* 124, 10: Nec dubium est, quin post quaedam intervalla temporum, rursus materia subsistat, et corpora fiant, et mundi diversitas construatur, propter varias voluntates rationabilium creaturarum; *Ibid.* 14: nulli dubium est corpora non principaliter subsistere, sed per intervalla ob varios motu rationabilium creaturarum nunc fieri, ut qui his indigent, vestiuntur, et rursus cum illa depravatione lapsuum se ad meliora correxerint, dissolvi in nihil et haec semper successione variari.

⁴ Иероним, *Ep.* 124, 5: Si omnia, inquit, (ut ipse disputationis ordo conpellit) sine corpore vixerint, consumetur corporalis universa natura, et redigetur in nihilum, quae aliquando est facta de nihilo... Si haec non sunt contraria fidei, forsitan sine corporibus aliquando vivemus. Sin autem qui perfecte subiectus est Christo, absque corpore intelligitur; omnes autem subiciendi sunt Christo, et nos erimus sine corporibus, quando ei ad perfectum subiecti fuerimus... Si subiecti fuerint omnes deo, omnes deposituri sunt corpora, et tunc corporalium rerum universa natura solvetur in nihilum; *Ibid.* 10: omnia corpora interitura confirmet: et simus absque corporibus, quomodo prius fuimus, antequam crassis corporibus vestiremur; *Ibid.* 14: abolitionem corporum hic rursus sentire coniungitur.

⁵ Ориген, *О воскресении у Епифания*, *Panarion* 64, 12-16 (GCS II, p. 424, 4-11); рус. пер. с. 194: «Душе, пребывающей в телесных местах, необходимо иметь тело, соответствующее местопребыванию...»; ср. Ямвлих, *О египетских мистериях* 1, 8 (с. 56): «какую жизнь начала душа, прежде чем внедриться в человеческое тело, и какой готовый облик [εἶδος] сделала своим, такое и служащее ей орудием тело [ὄργανικὸν σῶμα] имеет связанным с собой» (пер. Л.Ю. Лукомского).

⁶ Иероним, *Ep.* 124, 4: angelum, sive animam, aut certe daemonem, quos unius adserit naturae, sed diversarum voluntatum; *Ibid.* 14: omnes rationabiles naturas, id est Patrem, et Filium at Spiritum Sanctum, angelos, potestates, dominationes, ceterasque virtutes, ipsum quoque hominem secundum animae dignitatem, unius esse substantiae... Ex quo concluditur, Deum et haec quodam modo unius esse substantiae.

⁷ Иероним, *Ep.* 124, 3: qui nunc homo est, possit in alio mundo daemon fieri, et qui daemon est, si neglegentius egerit, in crassiora corpora religetur, id est, homo fiat... omnes rationabiles creaturas ex omnibus posse fieri, non semel et subito, sed frequentius: nosque et angelos futuros et daemones si egerimus neglegentius,

et rursum daemones, si voluerint capere virtutes, pervenire ad angelicam dignitatem; *Ibid.* 8: homines, id est animas fieri posse daemones, et rursum daemones in angelicam redigi dignitatem; *Ibid.* 10: vel ex angelis daemones, vel ex daemonibus angelos sive homines futuros esse contestans, et e contrario ex hominibus daemones, et omnia ex omnibus...

⁸ Ориген, *De princip.* Praefatio 8, 164-167: tale corpus quale habent daemones (quod est naturaliter subtile quoddam et velut aura tenue, et propter hoc vel putatur a multis vel dicitur incorporeum). О тонких телах демонов см. Тертуллиан, *Apologia* XXII, 5. Для Оригена у ангелов тела «эфирные, блистающий свет» – *Comm. in Matth.* XVII, 30. Только Троица бестелесна *De princip.* I, 6, 4; II, 2, 2; IV, 3, 15 (27).

⁹ Ориген, *Hom. in Ez.* IV, 1, 85-86: Aer quoque animalibus plenus est.

¹⁰ Иероним, *Ep.* 124, 4: quomodo nos homines ob quaedam peccata his sumus circumdati corporibus, quae crassa sunt et pinguis, sic et caeli luminaria talia vel talia accepisse corpora, ut vel plus vel minus luceant; et daemones ob maiora delicta, aereo corpore esse vestitos; *Ibid.* 9: Creaturae rationabiles ... ad inferiora descenderent, ... ruentes ad terram, crassis corporibus indigerent, ... Unde conditor Deus fecit eis congrua humilibus locis corpora, et mundum istum visibilem fabricatus est. Ср. Климент Александрийский, *Строматы* III, 17: «Пифагореец [Филолай] говорит так: *Свидетельствуют и древние богословы и прорицатели, что в наказании за что-то душа сопряжена с телом и похоронена в нем, как в могиле*» (пер. А.В. Лебедева); Платон, *Кратил* 400С; Афинея, IV, 157С: «пифагореец Евксифей говорил, что души всех людей привязаны к телу и здешней жизни в наказании» (пер. А.В. Лебедева).

¹¹ Ориген, *De princip.* IV, 3, 15 (27), 490-496: in creaturis quasdam invisibiles secundum proprietatem suam substantias. Sed haec quamvis ipsae non sint corporeae, utuntur corporibus, licet ipsae sint corporea substantia meliores. Illa vero substantia trinitatis... neque corpus esse neque in corpore esse credenda est, sed ex toto incorporea.

¹² Ориген, *Contra Celsum* VII, 32: ἀλλ' εἰδότες ὅτι ἡ τῆ ἑαυτῆς φύσει ἀσώματος καὶ ἀόρατος ψυχὴ ἐν παντὶ σωματικῷ τόπῳ τυγχάνουσα δεέται σώματος οἰκείου τῆ φύσει τῷ τόπῳ ἐκεῖνῳ ὅπερ ὅπου μὲν φορεῖ ἀλεκδυσάμενη <τὸ> πρότερον ἀναγκαῖον μὲν περισσὸν δὲ ὡς πρὸς τὰ δεύτερα, ὅπου δὲ ἐπενδυσάμενη ᾧ πρότερον εἶχε, δεομένη κρείττονος ἐνδύματος εἰς τοὺς καθαρωτέρους καὶ αἰθερίου καὶ οὐρανίου τοίπους.

¹³ Ср. Порфирий, *Тезисы к умопостижаемому* 32: «Принятие душой такого тела следует из ее предрасположенности к нему. Ибо в соответствии с предрасположенностью она находит себе тело определенного ранга и соответствующего места. В более чистом состоянии она соприродна телу, которое близко нематериальному, эфирному телу. Спустившись от разума на уровень воображения, она соединяется с солнцеобразным телом. Душа изнеженная и жаждущая форм получает лунообразное тело. Для души падающей в тела, которые, согласно их бесформенному виду составлены из влажных испарений, следует совершенное незнание бытия, помрачение и младенчество»; Аристид Квинтиллиан, *О музыке* II, 17 [86-89]: «Душа, пока она находится в чистой области вселенной и не смешивается с телами, является естественной и незапятнанной... Когда же, из-за склонности к здешнему, она принимает некие видимости вещей из области земного, то мало-помалу забывает о прекрасных тамошних вещах и соскальзывает вниз... Желая тел, душа, как говорят, принимает и тянет за собой из всех областей [которые

пересекает] некие телесные примеси. Проходя через эфирные орбиты она причащается всему, насколько оно световидно и пригодно к согреву и естественному обволакиванию ее тела... [Постепенно] она утрачивает сферическую форму и обретает человеческие очертания... Она добавляет влажное дыхание от земных вещей и впервые это некое ее природное тело... Также и мудрый Гераклит... о блаженной душе, обитающей в эфире, говорит: *сухая душа мудрейшая*, а о той, что замутняется воздушным волнением и испарением: "...душам смерть стать влажными"; Макробий, *Комментарий* I, 11, 11-12.

¹⁴ См. выше сн. 5.

¹⁵ Ориген, *Против Цельса* III, 41-42: «что удивительного в том, если тленное качество, в какое облично было тело Иисуса, промышлением божественной воли изменилось в качество эфирное и божественное?... почему же для плоти Иисуса также не было возможным изменить свои качества и сделаться такой, какой ей надлежало быть, чтобы обитать в эфире и местах надэфирных?»

¹⁶ Ориген, *Com. in Matth.* XVII, 30, 44-59: ὡς οἱ ἐν τῷ οὐρανῷ ἄγγελοι γίνονται οἱ καταξιούμενοι τῆς ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως, ἀλλὰ καὶ κατὰ τὸ μετασχηματιζόμενα αὐτῶν τὰ σώματα "τῆς ταπεινώσεως" γίνεσθαι τοιαῦτα, ὅποια ἔστι τὰ τῶν ἀγγέλων σώματα, αἰθέρια καὶ αὐγοειδῆς φῶς.

¹⁷ Ср. Сириан, *In Aristotelis metaphysica* 86, 3; Суда, *Lexicon*, Alpha: "Αὐγοειδής"; Симпликий, *In Aristotelis physicorum* 9, 615, 34; Прокл, *In Platonis Timaeum* 3, 355, 9; *Ibid.* 2, 81, 20; Хрисипп, *Fragmenta logica et physica* IV 1 (Vol. VIII p. 218); Олимпиодор, *In Platonis Alcibiadem* 16, 7-13; Иоанн Филопон, *In Aristotelis de anima* 15, 18, 27; *Ibid. De aeternitate mundi* 245, 22-28; Гален, *De placitis Hippocratis et Platonis* 7, 7, 25, 1-26, 3; Дамаский, *In Parmenidem* 255, 17; *Ibid.* 270, 2; *Idem., In Phaedonem (versio 2)* 141, 5.

¹⁸ Ямвлих, *О египетских мистериях* V, 10, с. 172: «если демонов и окружает некое тело,... то и оно невозмутимо, бесстрашно и световидно...».

¹⁹ Ориген, *Com. in Joannem* XIII 37 [GCS 4.262.11-12]; XX 25 [GCS 4.360.18-30].

²⁰ Ориген, *Contra Celsum* IV, 40; *Hom. in Lev.* 6.2.

²¹ Филон, *Quaest in Genesim* 1, 53. Относительно гностиков см. Клемент, *Строматы* III, 14 и Иринея Лионский 1, 5, 5: «И это – человек, созданный по образу и подобию: по образу он вещественен..., а по подобию душевен... После всего он [Демиург], говорят, обложил его кожаной ризой, а под ней они [валентиниане]разумеют эту чувственную плоть».

²² Прокопий из Газы, PG 87/1, col. 221. См. M. Simonetti, "Alcune osservazioni sull'interpretazione origeniana di *Genesi* 2:7 e 3:21", *Aevum* 36 (1962), 370-381.

²³ Ориген, *Hom. in Ps* 38 (Fragmenta Graeca) Fr. 56 (SC 411, p. 450).

²⁴ Ориген, *De princip.* II, 3, 3, 111-129: Sed quoniam non ad subitum omne indumentum corporeum effugere poterant, prius in subtilioribus ac purioribus inmorari corporibus aestimandi sunt, quae ultra nec a morte vinci nec aculeo mortis compungi praevaleant, ut ita demum paulatim cessante natura materiali et absorbeat mors et exterminetur in finem... Si vero haec habere consequentiam videntur, reliquum est et status nobis aliquando incorporeus futurus esse credatur... et tunc usus corporum cesset. Si autem cessat, in nihilum redit sicut et antea non erat. О теле после воскресения согласно Оригену см. D.G. Bostock, "Quality and Corporeity in Origen", *Origeniana secunda*. Second colloque international des études origéniennes, ed. Henri Crouzel et Antonio Quacquarelli (Edizioni dell'Ateneo, 1980), 323-337.

²⁵ Мефодий, *О воскресении* у Фотия, *Bibliotheca. Codex 234, 301a, 9-15*; рус. пер. с. 268: «Если обратить внимание на язык, перст, лоно Авраамова и возлежание на нем, то можно допустить, что душа тотчас при отделении принимает облик [σχήμα], подобный [ὁμοιοειδὲς] грубому и земному телу. Посему, когда повествуется о появлении кого-нибудь из умерших, то он является в облике [σχήματι] подобном тому, какой он имел во плоти».

²⁶ *Ibid.* 301a, 19-25; рус. пер. с. 268: «Наказываемый богатч и покоющийся на лоне Авраамовом бедный, о котором повествуется, что еще до второго пришествия Спасителя и кончины века, и следовательно, прежде воскресения, один мучится в преисподней, а другой покоится на лоне Авраама, научают нас, что и теперь душа при отделении получает некоторое тело».

²⁷ Ориген, *Против Цельса* II, 60, 12-15: «Душа у умерших продолжает жить... Душа... обитает тогда в так называемом блестящем и световидном теле [αὐγοειδεῖ]».

²⁸ Ориген, *Com. in Matth.* 17, 30, 48-59: ἐγὼ δ' οἶμαι διὰ τούτων δηλοῦσθαι ὅτι οὐ μόνον κατὰ τὸ μὴ γαμεῖν καὶ τὸ μὴ γαμεῖσθαι ὡς οἱ ἐν τῷ οὐρανῷ ἄγγελοι γίνονται οἱ καταξιούμενοι τῆς ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως, ἀλλὰ καὶ κατὰ τὸ μετασχηματιζόμενα αὐτῶν τὰ σώματα «τῆς ταπεινώσεως» γίνεσθαι τοιαῦτα, ὅποια ἐστὶ τὰ τῶν ἀγγέλων σώματα, αἰθέρια καὶ αὐγοειδὲς φῶς.

²⁹ Ориген, *Против Цельса* II, 62, 7-11: «Тело Иисуса после Его воскресения занимает как бы середину между тем плотным телом, какое Он имел до страдания, и тем состоянием, в каком является душа по отделении от этого тела».

³⁰ См. выше сн. 15.

³¹ Ориген, *De princip.* II, 10, 1, 31-42: si resurgunt corpora, sine dubio ad indumentum nostri resurgent, et si necesse est nos esse in corporibus (sicut certe necesse est), non in aliis quam in nostris corporibus esse debemus... resurgunt et spiritalia resurgeunt... animalis corporis qualitas, quae in terram seminata spiritalis corporis reparet qualitatem.

³² Мефодий, *О воскресении* у Фотия, *Библиотека, codex 234, 299a, 116-129*; рус. пер. с. 263: «Каков же будет облик [σχήμα] воскресшего, если все это антропоморфное [τὸ ἀνθρωποειδὲς τοῦτο], по его мнению исчезает, как ненужное, – а ведь это приятнейший из всех обликов, какие свойственны живым существам..., в который облекались и умные тела [τὰ νοερά σώματα] ангелов, – неужели кругообразный, или многоугольный, или кубический, или пирамидальный? Весьма много различных обликов, но это невозможное. Что за прихоть, чтобы богоподобный облик, как нечто неблагообразное (ибо и он сам признает, что душа подобна [ὁμοειδῆ] телу), отвергалось, а безногое и безрукое воскресало?».

³³ Ориген, *De princip.* 2, 10, 2, 47ff.: Si vero secundum id, quod consequens est, dixerint quia omne corpus certo quo habitu deformatur, requiremus ab eis, si possum nobis spiritalis corporis habitum demonstrare atque describere; quod utique facere nullo modo poterunt.

³⁴ Ориген, *Com. in Romanos* II 13 [PG 14, 912D-3A]. Согласно Оригену, тот, кто создан «по образу Божию», это наш внутренний человек, в котором находятся наш разум и ум (*Hom. in Genesis* 1, 13), но есть и внешний, то есть земной и плотский человек (*Hom. in Genesis* 1, 11).

³⁵ *Ibid.*, VII 4 [PG 14, 1110BC]. См. Gerald Bostock, "Origen's Philosophy of Creation", *Origeniana Quinta*. Papers of the 5th International Origen Congress. Ed. Robert J. Daly (Leuven, 1992), pp. 260-261.

³⁶ Ориген, *De princip.* II, 3, 6, 299-304: de eo mundo, quam ἀπλανῆ spheram supra diximus... Sanctorum quippe est et ad liquidum purificatorum mundus ille, non etiam impiorum, sicut iste noster; *Ibid.* II, 9, 3: quaedam dicuntur esse supercaelestia, id est in habitationibus beatoribus posita et corporibus caelestioribus ac splendentioribus indita, et in his ipsis multae differentiae ostenduntur; sicut, verbi causa, etiam apostolus dixit quod alia sit gloria solis, alia gloria lunae, alia gloria stellarum, stella enim ab stella differt in gloria (I Cor 15 40-41); Иероним, *Ep.* 124, 9: Divinitus habitaculum et veram requiem apud superos aestimo intelligi, in qua creaturae rationabiles commorantes antequam ad inferiora descenderent,...antiqua beatitudine fruebantur.

³⁷ См. Ориген, *De princip.* III, 6, 6 и *Com. in Joan.* XIII, 21, 126. Ср. Ориген, *Против Цельса* IV, 57: «Аристотель и перипатетики, которые утверждают, что эфир (τὸν αἰθέρα) нематериален (ἄυλον), и состоит из пятой природы, отдельной от прочих четырех элементов, против каковой точки зрения превосходно возражали платоники и стоики».

³⁸ Ср. Платон, *Федон* 111ас.

³⁹ Варрон говорил, что эфир – это дух божий (Августин, *О граде Божием* VII, 23: aethera animum eius); Цицерон, *О природе богов* I, 36: «В другом месте Зенон говорит, что бог – это эфир»; *Idem.*, *Первая Академика* II, 126: «Зенон и почти все остальные стоики считали верховного бога эфиром, которому свойствен управяющий всем разум» (пер. А.А. Столярова); Тертуллиан, *Против Маркиона* I, 13: «Зенон объявил бога воздухом и эфиром». Подробнее см. Jean Péripin, *Théologie cosmique et théologie chrétienne* (Ambroise, *Exam.* I 1, 1-4) (Paris: Presses universitaires de France, 1964): божественность эфира (pp. 158-159); небесный элемент и субстанция души (221-238); нематериальность эфира (245-306), эфирное тело ангелов (314-319); место эфира в ряду прочих элементов (423-425).

⁴⁰ Ориген, *De princip.* II, 1, 1 [GCS V, p. 106, 18]; *Com. in Joann.* XIII, 40 (GCS IV, p. 266, 2 – 267, 1: τετράμηνός ἐστιν καὶ ὁ θερισμός ἐρχεταιῖα τοιοῦτόν ἐστιν ἑσσαράς εἰσιν σφαῖραι τῶν τεσσαρῶν στοιχείων αἱ ὑποκείμεναι τῇ αἰθερίῳ φύσει, ἐν μέσῳ μὲν καὶ κατωτάτω <η> τῆς γῆς, περὶ αὐτὴν δὲ ἡ τοῦ ὕδατος, καὶ τρίτῃ ἡ τοῦ ἀέρος, τετάρτῃ δὲ ἡ τοῦ πυρός, μεθ' ἣν ἡ τῆς σελήνης, καὶ ἐξῆς; *Hom. in Ez.* IV, 1, 107-108: aethera quae sub caelos sunt et quae super caelos; *Против Цельса* III, 42 (GCS I, p. 238, 1); VII, 32 (GCS II, p. 183, 4). Тела звезд эфирны (*De princip.* I, 7, 5).

⁴¹ Ориген, *De princip.* I, 6, 4. Ср. Ямвлих, *О египетских мистериях* V, 4, с. 166: «эфирное тело пребывает вне всякого противостояния, свободно от всякой изменчивости, совершенно чисто от возможности превратиться во что бы то ни было и вовсе не подвластно тяготениям как к центру, так и от центра...».

⁴² Ермий, *Осмыслие языческих философов* 5: «Аристотель... указывает иные начала: одно деятельное, а другое страдательное; по его мнению начало деятельное, не подлежащее действию других вещей, есть эфир, а начало страдательное имеет четыре качества: сухость, влажность, теплота и холод, и от взаимного превращения их происходит возникновение и уничтожение вещей»; *Ibid.* 6: «Ферекид [утверждает], что эфир – начало деятельное, земля страдатель-

ное»; *Ibid.* 3: «Анаксимен [говорит], что все есть воздух; если его сгустить и сжать, то образуется вода, а если разредить и расширить, то эфир и огонь».

⁴³ Ориген, *De princip.* I, 6, 4; Иероним, *Ep.* 124, 4: Corporales quoque substantias penitus dilapsuras; aut certe in fine omnium hoc esse futura corpora, quod nunc est aether et caelum, et si quod aliud corpus sincerius, et purius intellige potest; *Ibid.* 5: Triplex ergo suspicio nobis de fine suggeritur:... Aut enim sine corpore vivemus...; aut... omnis substantia redigetur in optimam qualitatem, et dissolvetur in aetherem, quod purioris simpliciorisque naturae est; aut certe sphaera illa, quam supra appellavimus ἀπλανῆ, et quidquid illius circulo continetur, dissovetur in nihilum: illa vero qua ἀντιζώνη ipsa tenetur, et cingitur, vocabitur terra bona (ср. *Федон* 109с-110b); *Ibid.* 10: omnem creaturam corpoream in spiritalia corpora et tenuia dicit esse mutandum, cunctamque substantiam in unum corpus mundissimum, et omni splendore purius convertendam... Et erit Deus omnia in omnibus, ut universa natura corporea redigatur in eam substantiam, quae omnibus melior est, in divinam scilicet, qua nulla est melior. Ср. Климент Александрийский, *Строматы* V, 14: «Не обойду молчанием и Эмпедокла; этот физик упоминает о восстановлении (ἀναλήψεως) всех вещей, полагая, что некогда произойдет [их] превращение в субстанцию огня».

⁴⁴ Ориген, *De princip.* II, 3, 7, 324-343: cum... cum [deo]... unus spiritus secundum hoc, quod spiritus sunt naturae rationabiles, fiunt, tunc ipsa quoque substantia corporalis optimis ac purissimis spiritibus sociata pro assumentium vel qualitate vel meritis in aetherium statum permutata, secundum quod apostolus dicit: *Et nos immutabitur, refulgebit.*

⁴⁵ Иероним, *Ep.* 124, 11: In fine omnium rerum, quando ad caelestem Hierusalem reversuri sumus...; Ориген, *Hom. in Jer.* 13, 2: «Иерусалим, видение мира»; Климент, *Строматы* I, 5. Cf. *Onom. sacra* I. 203.2; I.169.66.

⁴⁶ Ориген, *Com. in Joann.* 13, 21 (GCS IV, p. 244, 21): Πολλῶν πολλὰ περὶ τοῦ θεοῦ ἀποφνημαμένων καὶ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ὥστε τινὰς μὲν εἰρηκέναι καὶ αὐτὸν σωματικῆς φύσεως λεπτομεροῦς καὶ αἰθερώδους, τινὰς δὲ ἀσωμάτου καὶ ἄλλους ὑπερέκεινα οὐσίας πρεσβεία καὶ δύναμι, ἄξιον ἡμᾶς ἰδεῖν εἰ ἔχομεν ἀφορμὰς ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν πρὸς τὸ εἰπεῖν τι περὶ οὐσίας θεοῦ. Ἐνθάδε μὲν οὖν λέγεται οἰονεῖ οὐσία εἶναι αὐτοῦ τὸ πνεῦμα· «Πνεῦμα γὰρ ὁ θεός»· φησὶν· ἐν δὲ τῷ νόμῳ «πῦρ»· γέγραπται γὰρ «Ὁ θεὸς ἡμῶν πῦρ καταναλίσκον»· παρὰ δὲ τῷ Ἰωάννῃ «φῶς»· «Ὁ θεός, γὰρ φησι, φῶς ἐστὶν καὶ σκοτία ἐν αὐτῷ οὐκ ἐστὶν οὐδεμία».

⁴⁷ Ориген, *De princip.* I, 1, 6, 149-151: Non ergo corpus aliquod aut in corpore esse putandus est deus, sed intellectualis natura simplex, nihil omnino in se adunctionis admittens. *Com. in Joann.* II, 18 (12), 124; *Contra Celsum* VI, 44; II, 2, 2, 30-32: numquam sine ipsa [materiali substantia] eas [rationabiles naturas] vel vixisse vel vivere: solius namque trinitatis incorporea vita exister recte putabitur. Различение Быт 1:26 и Быт 2:7, относящихся к творению души и тела, соответственно, но без уточнения, что речь идет о тонком и эфирном предсуществующем теле, часто встречается у Оригена: Н. Crouzel, *Théologie de l'Image de Dieu chez Origène*. Théologie 34 (Paris, 1956), p. 148-153.

⁴⁸ Ориген, *De princip.* II, 10, 4, 124-133: Invenimus namque in Esaia propheta designari uniuscuiusque proprium esse ignem quo punitur; ait enim: *Ambulate in lumine ignis vestri et in flamma, quam accendistis vobismet ipsis.* Per quos sermones hoc videtur indicari, quod unusquisque peccatorum flammam sibi ipsi proprii ignis ignis accendat, et non in aliquem ignem, qui antea iam fuerit accensus ab

alio vel ante ipsum substiterit, demergatur. Cuius ignis esca atque materia sunt nostra peccata, quae ab apostolo Paulo *ligna et faenum et stipula* nominantur. См. Н. Crouzel, "L'exégèse origénienne de I Cor. 3,11-15 et la purification eschatologique", где указано 38 случаев цитирования этой строки посланий Павла Оригеном, среди которых *De princp.* I, 1, 1; *Contra Celsum* V, 15; *Hom. in Exod.* VI, 3. Огонь, зажигающий дерево, сено, солому это Бог, как "огонь поядоющий" (*Втор* 4:24): *Contra Celsum* IV, 13; *Hom. in Jer.* II, 3; XVI, 6; *Com. in Joann.* XIII, 23, 137-138. В *Hom. in Lev.* XIV, 3 говорится о различии между тяжестью грехов, представленных как *дерево, сено, солома*. Таким образом, помимо внутреннего огня грешника, состоящего в сознании своих грехов, внешний огонь, через который должны пройти все, чтобы выжечь малейшие загрязнения, приставшие к телесной оболочке, которую одела душа: *Contra Celsum* V, 15, где очистительный огонь увязан с конечным воспламенением мира по стоикам. Святые пересекут его невредимыми, но он затронет грешников: *Hom. in Ps* 36, III, 1; *Hom. in Exod.* VI, 3; IX, 7; XIV, 3; *Hom. in Luc.* XXIV; *Com. in Matth.* XV, 23; Клемент Александрийский, *Строматы* VII, 6, 34.

⁴⁹ Ср. Плутарх, *О плотоядении* 995Е: «Сухой свет – душа мудрейшая, согласно Гераклиту... Так блеск и свечение души через замутненное и пресытившееся тело, отягченное чужеродной пищей, по необходимости должны меркнуть и угасать; душа же должна заблуждаться и путаться, не имея сияния и натяжения, чтобы высветить тонкие и трудноуловимые целевые причины вещей».

⁵⁰ Ориген, *De princp.* II, 10, 4, 133-156: Et arbitror quod sicut in corpore escae abundantia et qualitas vel quantitas cibi contraria febres generat, ita anima cum multitudinem malorum operum et abundantiam in se congregaverit peccatorum, competendi tempore omnis illa malorum congregatio efferuescit ad supplicium atque inflammatur ad poenas; cum etiam mens ipsa vel conscientia per divinam virtutem omnia in memoriam recipiens, quorum in semet ipsa signa quaedam ac formas, cum peccaret, expressaret, et singulorum, quae vel foede ac turpiter gesserat vel etiam impie commiserat, historiam quandam scelerum suorum ante oculos videbit expositam: tunc et ipsa conscientia propriis stimulis agitur atque compungitur et sui ipsa efficitur accusatrix et testis... Ex quo [Rom 2:15] intellegitur quod circa ipsam animae substantiam tormenta quaedam ex ipsis peccatorum noxiis affectibus generantur.

⁵¹ Идея о том, что наши поступки создают отпечатки на душе, и что в Судный день они станут видимыми для всех, часто повторяется Оригеном: *О молитве* 28, 5 (GCS II, 378, 8): «Законопреступные же действия, напротив, пишутся в душе... и по ним мы как по некоей книге, нами написанной, будем судимы, ... когда мы явимся пред судилищем Христовым»; Ориген ссылается на Рим 2:15: *дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую*. См. также его *Com. in Rom.* II, 10; *Hom. in Jer.* XVI, 10; *Hom. in Ps* 38, II, 2. Ср. Платон, *Горгий* 524d ff.: «Все или почти все признаки, которые тело приобрело при жизни, заметны некоторое время и после смерти. То же самое, как мне кажется, происходит и с душою... Когда душа освободится от тела и обнажится, делаются заметны все природные ее свойства и все ее следы, которые оставило в душе человека каждое из его дел. И вот умершие приходят к судье и etc.»; Порфирий, *Тезисы* 32: «Когда душа покидает твердое тело, ее сопровождает дух, который она получила от небесных сфер. А поскольку из-за пристрастия к телу у нее развился некий частичный логос, согласно которому в течение жизни она имела отношение [σχεῖν] к такому-то телу, то из-

за этого пристрастия она впечатывает в дух оттиск фантазии и таким образом усваивает призраки»; Климент Александрийский, *Строматы* II, 20: «Все страсти есть отпечатки, сделанные на нашей нежной и податливой душе, и являются собой как бы клейма, изнутри выдвленные на ней духовными силами»; Плутарх, *Stoic. Rep.* 19; Платон, *Горгий* 524d.

⁵² Ориген, *Hom. I in Ps* 38, ch. 7: apostolus sicubi videbat aliquem... quodam conscientiae suae igne succensum ex recordatione delicti... ita ergo et nos satissagamus ut in meditationibus nostris accendatur ignis, qui nos primo exurat et recordatione et conscientia peccatorum, postea vero expurgatos iam vitiis illuminet et illustret; Иероним, *Ep.* 124, 7: Ignem quoque gehennae, et tormenta, quae scriptura sancta peccatoribus comminatur, non ponit in suppliciis, sed in conscientia peccatorum, quando Dei virtute et potentia omnis memoria delictorum ante oculos nostros ponitur... et quidquid feceramus in vita vel turpe, vel inpium, omnis eorum in conspectu nostro pictura describitur, ac praeteritas voluptates mens intuens, conscientiae punire ardore, et paenitudinis stimulis confoditur.

⁵³ Ориген, *Hom. in Jer.* 20, 8, 4; Климент Александрийский, *Кто тот богач, что спасется?* гл. 25.

⁵⁴ Об очищающих свойствах огня ср. Ямвлих, *О египетских мистериях* V, 12 (с. 175): «наш огонь, подражая божественному огню, в своем действии разрушает все материальное в жертвах и очищает предаваемое огню и освобождает от материальных оков, делает восприимчивым к божественной общности благодаря чистоте природы и тем же самым способом освобождает и нас от оков становления, уподобляет, делает склонными к дружбе с ними и превращает нашу материальную природу в нематериальную» (пер. Л.Ю.Лукомского).

⁵⁵ Ориген, *Hom. in Jer.* 2, 3, 14: Οὕτως ὁ θεὸς πῦρ καταναλίσκων ἔστι (cf. Heb 12:29), καὶ ὁ θεὸς φῶς ἔστι (cf. 1 Jn 1:15), πῦρ καταναλίσκων τοῖς ἀμαρτωλοῖς, φῶς τοῖς δικαίοις καὶ ἁγίοις; а также *Com. in Cant.* II, 2, 21 (SC 375, p. 312).

⁵⁶ Мефодий, *О воскресении у Фотия*, *Bibliotheca. Codex* 234, 298b, 38-40; рус. пер. с. 262: «когда все будет объято нисшедшим огнем, тела, украшенные непорочностью и праведностью, будут проведены Им через огонь, как через прохладную воду».

⁵⁷ Ориген, *Hom. in Ps* 36 III, 1, 46-52: omnes nos venire necesse est ad illum ignem. Etiamsi Paulus sit aliquis vel Petrus, veniet tamen ad illum ignem. Sed illi tales audiunt: *Etiamsi per ignem transeas, flamma non aduret te*. Si vero aliquis similis mei peccator sit, veniet quidem ad ignem illum sicut Petrus et Paulus, sed non sic transiet sicut Petrus et Paulus. Ср. *Hom. in Ps* 36 (Fragmenta Graeca) Fr. 14 (SC 411, p. 420). Ср. Ямвлих, *О египетских мистериях* III, 4 (с. 107): «многие не обжигаются, когда подносят огонь, поскольку огонь их не касается благодаря божественному вдохновению... И действия их вовсе не человеческие, ибо для одержимых богом и непроходимое становится проходным: они идут в огонь, и проходят огонь» (Л. Ю. Лукомский).

⁵⁸ Лактанций, *Divinarum institutionum* VII, 21 (PL 6, 802AB): Idem igitur divinus ignis una eademque vi atque potentia, et cremabit impios, et recreabit, et quantum e corporibus absumet, tantum reponet, ac sibi ipse aeternum pabulum subministrabit... Sed et justos cum judicaverit, etiam in igni eos examinabit. Tum quorum peccata vel pondere, vel numero praevaluerint, perstringentur igni atque amburentur: quos autem plena iustitia et maturitas virtutis incoheret, ignem illum non sentient; habent enim aliquid in se Dei, quod vim flammae repellat, ac respuat. Tanta

vis est innocentiae, ut ab ea ignis ille refugiat innocuus; qui accepit a Deo hanc potentiam, ut impios urat, justis obtemperet.

⁵⁹ Ориген, *Увещание к мученичеству* 36 (GCS I, p. 33, line 20), c. 207.

⁶⁰ Ориген, *Hom. in Lev. IX, 8, 1-13*: *Et accipiet inquit batillum plenum carbonibus. Non omnes purgabitur eo igni, qui de altari assumitur. Aaron purgatur illo igni et Esaias et si qui sunt similes illis; alii vero, qui non sunt tales, de quibus etiam me ipsum computo, alio igni purgabimur; timeo ne illo, de quo scriptum est: *Fluvius ignis currebat ante ipsum. Iste ignis non est de altari. Qui de altari est ignis, ignis est Domini; qui autem extra altare est, non est Domini, sed proprius est uniuscuiusque peccantium, de quo dicitur: Vermis eorum non morietur, et ignis eorum non exstinguetur. Iste ergo ignis ipsorum est, qui eum accenderunt, sicut et alibi scriptum est: Ambulate in igni vestro et in flamma, quam accendistis vobis.**

⁶¹ Ориген, *Hom. in Ps 36* (Fragmenta Graeca). Fr. 14 (SC 411, p. 420).

⁶² Ориген, *Contra Celsum V, 20*; Минуций Феликс, *Октавиус* 34, 2-3: caelum quoque cum omnibus quae caelo continentur... in vim ignis abiturum Stoicis constans opinio est, quod consumpto umore mundus hic omnis ignescat; et Epicureis de elementorum conflagratione et mundi ruina eadem ipsa sententia est. См. Michel Spanneut, *Le stoïcisme des pères de l'église de Clément de Rome à Clément d'Alexandrie* (Paris: Éditions du Seuil, 1957), 357-360.

⁶³ Ориген, *Contra Celsum V, 15*: Ὅρα δὴ ἐντεῦθεν ἀπ' ἀρχῆς πῶς τὴν καὶ παρ' Ἑλλήνων τισὶν οὐκ εὐκαταφρονήτως φιλοσοφῆσασιν εἰσαγομένην τοῦ κόσμου ἐκπύρωσιν μετὰ χλεύης διαβάλλων θέλει ἡμᾶς ὡσπερὶ μάγειρον ποιοῦντας τὸν θεὸν εἰσάγειν τὰ περὶ τῆς ἐκπύρωσεως οὐ συνιδῶν ὅτι, ὡσπερ Ἑλλήνων τισὶν ἔδοξε (τάχα παρὰ τοῦ ἀρχαιοτάτου ἔθνους Ἑβραίων λαβοῦσι), τὸ πῦρ καθάρσιον ἐπάγεται τῷ κόσμῳ, εἰκὸς δ' ὅτι καὶ ἐκάστῳ τῶν δεομένων τῆς διὰ τοῦ πυρὸς δίκης ἅμα καὶ ἰατρείας· καίοντος μὲν καὶ οὐ κατακαίοντος τοὺς μὴ ἔχοντας ὕλην δεομένην ἀναλοῦσθαι ὑπ' ἐκείνου τοῦ πυρὸς, καίοντος δὲ καὶ κατακαίοντος τοὺς ἐν τῇ διὰ τῶν πράξεων καὶ λόγων καὶ νοημάτων τροπικῶς λεγομένη οἰκοδομῇ "ξύλα, χόρτον ἢ καλάμην" οἰκοδομήσαντας.

⁶⁴ Ориген, *De princip. III, 6, 5, 143-148*: [Deus] fecit omnia, ut essent; et ea, quae facta sunt, ut essent, non esse non possunt... substantialem vero interitum ea, quae a deo ad hoc facta sunt, ut essent et permanent, recipere non possunt.

⁶⁵ *Ibid.*, 132-140: Destruī sane novissimus inimicus ita intellegendus est, non ut substantia eius quae a deo facta est pereat, sed ut propositum et voluntas inimica, qua non a deo sed ab ipso processit, intereat.

⁶⁶ Ориген, *Hom. in Jer. 16, 6*.

⁶⁷ См. выше *Hom. in Ps 36 III, 14, 1, 41-69*.

⁶⁸ Ориген, *Hom. in Luc. 24, 2*.

⁶⁹ Ориген, *Contra Celsum 4, 12*.

⁷⁰ Ориген, *Com. in Cant. II, 2, 20*.

⁷¹ Ориген, *Hom. in Jer. 16, 6*. О прохождении через огонь см. *Hom. in Sam. 5, 10* (SC 328, p. 207).

⁷² Иероним, *Ep. 124, 11*: Et forsitan quomodo in isto mundo qui moriuntur separatione carnis et animae, iuxta operum differentiam, diversa apud inferos obtinent loca, sic qui de caelestis Hierusalem (ut ita dicam) administratione moriuntur, ad nostri mundi inferna descendunt, ut qualitate meritorum diversa in terris possideant loca... Et quia comparavimus de isto mundo ad inferna pergentes animas his ani-

mabus, quae de superiori caelo ad nostra habitacula venientes quodammodo *mortuae sunt*,... ut quomodo quae in ista terra nostra nascuntur animae, vel de inferno rursum meliora cupientes ad superiora veniunt et humanum corpus adsumunt, vel de melioribus locis ad nos quoque descendunt; sic et ea loca quae supra sunt in firmamento, aliae animae possideant, quae de nostris sedibus ad meliora proficiant: aliae quae de caelestibus ad firmamentum usque delapsae sunt nec tantum fecere peccati, ut ad loca inferiora quae incolimus truderentur.

⁷³ *Ibid.*, 11: firmamentum, id est caelum, ad comparationem superioris caeli esse inferos, et hanc terram, quam incolimus, conlatione firmamenti inferos appellari, et rursum ad comparationem inferorum, qui sub nobis sunt, nos caelum dici: ut quod aliis inferus est, aliis caelum sit.

⁷⁴ См. Платон, *Федон* 80d: «А душа, сама безвидная и удаляющаяся в места славные, чистые и безвидные – поистине в Аид, к благому и разумному богу...».

⁷⁵ Мефодий, *О воскресении у Фотия*, *Bibliotheca. Codex 234, 298a, 41–299a, 15*; рус. пер. с. 263.

⁷⁶ Ориген, *De princip.* IV, 3, 10, (26 [23]), 255-260: Fortassis enim sicut hi, qui de hoc mundo secundum communem istam mortem recedentes *pro actibus et meritis suis dispensantur*, prout digni fuerint iudicari, alii quidem in locum, qui dicitur *inferus*, alii *in sinus Abraham* et per diversa quaeque vel loca vel mansiones; IV, 3, 10, (26 [23]), 261-265: ille inferus, ad quem hinc morientium animae deducuntur, credo... inferus inferior ab scriptura nominatur, sicut dicit in psalmis: *Et liberasti animam meam de inferno inferiori* (Ps 85:13). Cf. *Idem. Adversus Marcionem* IV, 34, 10-13; cf. III 24, 1 (CCSG I, 637-638; 541-542). Подробно см. Henri Cruzel, "The Hades and the Gehenne according to Origen", in: *Les fins derniers selon Origène. (Variorum, 1990)*, 291-331.

⁷⁷ Ориген, *De princip.* II, 10, 3, 102-107: nostra corpora velut granum cadere in terram putanda sunt; quibus *insita ratio* ea, quae substantiam continet corporalem, quamvis emortua fuerint corpora et corrupta atque dispersa, verbo tamen dei ratio illa ipsa, quae semper in substantia corporis salva est, erigat ea de terra et restituat ac reparet; *ibid.* 112-120: ex terreno et animali corpore *corpus* reparat *spiritale*, quod habitare possit in caelis; his vero, qui inferioris meriti fuerint vel abiectoris aut etiam ultimi et abstrusi, *pro uniuscuiusque vitae atque animae dignitate etiam gloria corporis et dignitas dabitur*: ita tamen ut etiam eorum, qui ad ignem aeternum vel ad supplicia destinandi sunt, per ipsam resurrectionis permutationem ita corpus incorruptum sit quod resurgit, ut ne supplicii quidem corrumpi valeat ac dissolvi.

⁷⁸ Ориген, *Contra Celsum* V, 23, 5-12: λόγος τις ἔγκειται τῷ σώματι, ἀφ' οὗ μὴ φθειρομένου "ἐγείρεται" τὸ σῶμα "ἐν ἀφθαρσίᾳ". Οἱ μέντοι ἀπὸ τῆς Στοῆς τὸ πάντη διαφθαρέν σῶμά φασιν ἐπανέρχεσθαι εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς φύσιν διὰ τὰ δεδογμένα αὐτοῖς περὶ τῶν κατὰ περίοδον ἀπαραλλάκτων, καὶ αὐτὴν ἐκείνην, ἐξ ἧς ἐλύθη, τὴν πρώτην σύστασιν πάλιν φασὶ συστήσεσθαι...

⁷⁹ Подробнее об этом см. В.В. Петров, "Учение Оригена о теле воскресения и его влияние на богословие Григория Нисского и Иоанна Эриугены", *Богословие и философия: аспекты диалога. IX Рождественские Образовательные Чтения. Сборник докладов конференции. 25 января 2001 г.* (в печати).

⁸⁰ См. *Правила Шестого Вселенского Собора (Константинопольского)*, Правило 1: «[165 отцов, собравшихся в Константинополе при Юстиниане] Оригена и Дидима, и Евагрия, возобновивших эллинические басни и прехождения, и превращения некоторых тел и душ вновь нам публично представивших, в сон-

ных мечтаниях блуждающего ума и против воскресения мертвых нечестиво и нездравомысленно восстававших, ... соборно предали проклятию и отринули». Об осуждении Оригена см. В.В. Болотов, «Учение Оригена о Святой Троице», *Соб. церковно-исторических трудов* т. 1 (Москва: Мартис, 1999), 403-412.

⁸¹ *Liber diurnus Romanorum pontificum* II, Titulus 9, Secunda professio fidei (PL 105, 49B) (формула первой половины VIII в.): In hoc Origenes, cum impiis discipulis et sequacibus, Didymo et Evagrío, et qui creatorem omnium Deum et omnem rationalem ejus creaturam gentilibus fabulis prosecuti sunt, aeternae sunt condemnationi submissi.

⁸² Пелагий II, *Epistolae et decreta* (PL 72, 737A): An non et Gregorius Nyssae urbis episcopus cum Canticum canticorum exponit, magnis Origenem laudibus praefert? An non et Hieronymus nostrae Ecclesiae presbyter, et singularis Hebraei sermonis interpres, tanto erga Origenem favore intenditur, ut pene discipulus ejus esse videatur?

⁸³ Юлиан Толедский, *Prognosticon* (PL 96, 490A): Origenes doctor.

⁸⁴ Алдхельм, *De virginitate* 59 (PL 89, 159B): Origenes inclutus Graecorum didascalus.

⁸⁵ Беда, *De ratione temporum* (PL 90, 551C): Origenes Alexandriae, imo toto orbe clarus habetur.

⁸⁶ С. ВАММЕЛ, *Insular manuscripts of Origen...*, 11.

⁸⁷ Jean Leclercq, OSB, *L'amour des lettres et le désir de Dieu* (Paris, 1957), p. 90.

⁸⁸ См. В.В. Петров, "Accessus Iohannis Scotti", в кн. *Иоанн Скотт Эриугена. Гомилия на пролог Евангелия от Иоанна* (М.: ГЛК, 1995), сс. 153-159.

⁸⁹ Седулий Скотт, *In Rom.* 16 (PL 103, 124D) = Ориген, *In Rom.* X, 31 (PG 14, 1282C); PL 103, 118C = IX, 34 (PG 14, 1234B).

⁹⁰ Иоанн Севильский, *Epistola Alvaro* (PL 121, 422A): Origenes, ille praecipuus doctor; Павел Альвар, *Epistola Joanni* (PL 121, 433B): Quod autem nobis veterem haereticum Origenem, praecipuum doctorem dicens...

⁹¹ Кассодор, *De institutione divinarum litterarum* I (PL 70, 1111C-1112A): Item in Octateucho eloquentissimae nimis homiliae sunt Origenis in codicibus tribus, quem multorum quidem Patrum sententia designat haereticum. Sanctus vero Hieronymus ejus aliqua opuscula sermone disertissimo transtulit in Latinum... De quo conclusive dictum est: Ubi bene, nemo melius; ubi male, nemo pejus.

⁹² О знании Оригена в раннем средневековье и в кругу Иоанна Скотта см.: H. DE LUBAC, *Exégèse médiévale. Les quatre sens de l'écriture* I, 1, Lyon (Aubier), 1959, 221ff.; J. CONTRENI, *The Cathedral School of Laon from 850 to 930: Its Manuscripts and Masters* (Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance-Forschung 29), München (Bei der Arceo-Gesellschaft), 1978, 115-117, 128-129; С. ВАММЕЛ, *Insular manuscripts of Origen in the Carolingian Empire* (1991), в: С. ВАММЕЛ, *Origeniana et Rufiniana*, Freiburg im Breisgau (Herder), 1996, ch. IX, 5-16; Ориген и Эриугена: А. Бриллиантов, *Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скотта Эриугены* (1898), М: Мартис, 1998), 101-103, 119-120, 322-323; Н. LIEBESCHÜTZ, *Western Christian Thought from Boethius to Anselm*, in A.H. ARMSTRONG (ed.), *The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy*, Cambridge (Cambridge University Press), 1967, 582-6; J. PÉPIN, 'Mysteria' et 'Symbola' dans le commentaire de Jean Scot sur l'évangile de Saint Jean, в: J.J. O'MEARA - L. BIELER (eds.), *The Mind of Eriugena*, Dublin (Irish University Press), 1973, 20-21; É. JEAUNEAU, *Introduction*, in Jean Scot. *Homélie sur le Prologue de Jean* (SC 151), Paris (CERF), 1969, 38-39 (reprint: JEAUNEAU, *Études érigéniennes*, 42-43);

JEAUNEAU, *La division des sexes chez Grégoire de Nysse et chez Jean Scot Érigène*, в: W. BEIERWALTES (ed.), *Eriugena. Studien zu seinen Quellen*, Heidelberg (Carl Winter), 1980, 50 (reprint. *Études érigéniennes*, 360); R.D. CROUSE, *Origen in the Philosophical Tradition of the Latin West: St. Augustine and John Scottus Eriugena*, в: R.J. DALY (ed.), *Origeniana quinta*, 565-69; D. MORAN, *Origen and Eriugena. Aspects of Christian Gnosis*, in T. FINAN – V. TWOMEY (eds.), *The Relationship between Neoplatonism and Christianity*, Kill Lane, Blackrock, Co. Dublin (Four Courts Press), 1992, 27-53.

⁹³ Беда, *In Ev. S. Marci I* (PL 92, 134D): Angelus vocatur Joannes, non naturae societate juxta haeresim Origenis, sed officii dignitate. Иероним, *Ep.* 124, 4 (PL 22, 1063): ad extremum sermone latissimo disputavit, angelum, sive animam, aut certe daemonem, quos unius adserit esse naturae, sed diversarum voluntatum, pro magnitudine neglegentiae et stultitiae iumentum posse fieri; но ср. ergo же *Contra Joannem Hierosolymitanum* 17 (PL 23, 369A): Nec Origenes umquam dixit ex Angelis animas fieri, cum ipsos Angelos nomen esse officii doceat, non naturae.

⁹⁴ Гаймон из Осеппа, *In epistolam ad Romanos VIII* (PL 117, 432A-433C): ubi dicit Apostolus quod omnis creatura ingemiscit, reprehendit beatus Augustinus acutissime Origenem, quare in hoc nomine quod est creatura, comprehenderit non solum bestias, sed etiam solem, caeteraque sidera et angelos pariter cum homine... Quod beatus Gregorius aliis uerbis, sed eodem sensu ita exponit... Здесь Гаймон цитирует Августина: *Contra Priscillianistas et Originistas VIII*, 11 (PL 42, 675-76): in unoquoque homine est omnis creatura, non universaliter sicut est coelum et terra et omnia quae in eis sunt, sed generatim quodam modo: quia et rationalis in illo est, quam vel probantur habere Angeli, vel creduntur; et, ut ita dicam, sensualis, qua et bestiae non carent... et vitalis privata sensu, qualis adverti in arboribus potest; nam et in nobis sine sensu nostro fiunt corporis incrementa, et capilli nec cum praeceduntur sentiunt, et tamen crescunt... Ita nullum est creaturae genus, quod non in homine possit agnosci: ac sic omnis creatura in eo congemiscit et dolet... non tamen ex eisdem verbis consequens est ut solem et lunam et sidera congemiscere credamus, donec in saeculi fine a corruptionis servitute liberentur (ср. Августин, *De diversis quaestionibus* 83, 67, 5 (PL 40, 68)); и Григория Великого, *Homiliae in Evangelia II*, 29 (PL 76, 1214AC) (ср. *Moralia VI*, 16 (PL 75, 740BD)). Ср. Ориген, *De princip.* I, 7, 5, 151-169; а также *Homiliae in Lev.* 5, 2 [GCS VI, p. 336, 19-24]: «Ты должен признать, что имеешь внутри себя стада скота... и даже птиц. Ты сам на деле еще один малый мир с солнцем, луной и звездами внутри себя» (эта работа Оригена имелась в библиотеке Лана).

⁹⁵ Беда, *Super parabolas Salomonis allegorica expositio I*, 2 (PL 91, 948A): contra Origenianos proprie dictum est, qui haereticis, meretricibus, cunctisque flagitiosorum turbis, et insuper ipsi diabolo atque angelis ejus, post innumera, licet expleti universalis iudicii tempora, remissionem scelerum, vitamque ac regnum promittunt in coelis; *In Matthaei Evangelium expositio IV*, 25 (PL 92, 110A): Frustra Origenes post multa annorum curricula impiis, nec non et diabolo de inferno spondet liberationem; *In Ev. Marci I*, 3 (PL 92, 164C): Origenes, ut asserat post iudicium universale, transactis licet saeculorum voluminibus innumeris, cunctos peccatores ac blasphemos veniam peccatorum esse consecuturos, atque ad regnum coeleste perducendos.

⁹⁶ Рабан Мавр, *Expositio in proverbialia Salomonis II*, 11 (PL 111, 716A): Origenes... post universale extremumque iudicium vitam credidit omnibus impiis et peccatoribus dandam; *De universo* (PL 111, 98A-B): Post resurrectionem et iudicium non credamus restitutionem futuram, qua Origenes delirat, ut daemones vel impii homines post tormenta, quasi suppliciiis expurgati, vel illi in angelicam redeant, qua creati

sunt, dignitatem; vel isti justorum societate donentur, eo quod hoc divinae conveniat pietati, ne quid ex rationalibus pereat creaturis, sed quolibet modo salventur.

⁹⁷ Ремигий из Осеппа, *Commentaria in Isaiam* II, 24 (PL 116, 833C-D): Origenes dicit: ... post multos dies, id est post mille annos finito iudicio a Domino visitandi sunt. Quam sententiam nemo sanctorum Patrum corroborat, sed omnes denegant... Quidquid aeternum est, sine termino est.

⁹⁸ Августин, *De civitate Dei* XI, 23 – *De errore, in quo Origenis doctrina inculpatur* (PL 41, 336-337): Sed animas dicunt... peccasse a Conditore recedendo; et diversis progressibus pro diversitate peccatorum, a coelis usque ad terras, et diversa corpora quasi vincula meruisse: et hunc esse mundum, eamque causam mundi fuisse faciendi, non ut conderentur bona, sed ut mala cohererentur. Hinc Origenes jure culpatur. In libris enim quos appellat περί Ἀρχῶν, id est, de Principiis, hoc sensit, hoc scripsit... Nullam aliam causam faciendi mundi intelligi voluit, nisi ut bona fierent a bono Deo...

⁹⁹ Рабан Мавр, *De clericorum institutione* II, 58 – *De haeresibus variis* (PL 107, 374D): Origeniani ab Origene auctore exorti sunt, animas quoque in mundi principio dicunt peccasse, et pro diversitate peccatorum e coelis usque ad terram diversa corpora quasi vincula meruisse, eaque de causa factum fuisse mundum.

¹⁰⁰ Перечень сочинений Оригена из библиотеки Вульффада см. в: M. CAPPUYNS, *Les Bibli Vulfadi et Jean Scot Érigène, Recherches de Théologie ancienne et médiévale* 33 (1966), 138: "Origenis. in epistulis pauli ad romanos / Item. in geni. In exodo. / in leuitico. in lucam / in ihesum filium naue".

¹⁰¹ J. CONTRENI, *The Cathedral School of Laon*, 115-117, 128-129.

¹⁰² Согласно Контрени (*The Cathedral School of Laon*, p. 182): *Hom. in Cant.* I-II (PG 13:37-53); *Hom. in Ez.* I-II (PG 13:665-87); *Hom. in Is.* I-IX (PG 13:219-54); *Hom. in Lev.* I-XIV (PG 12:405-574); *Hom. in Jer.* I-XIV (PG 13:255-76; 534-42; 454-62; 335-47; 347-58; 367-75; 358-67; 378-98; 398-403; 403-27; 438-51; 278-82; 283-94); *Hom. in Num.* I-XXVIII (PG 12:955-1012); *Hom. in Reg.* (PG 12:995-1012).

¹⁰³ Пруденций из Труа, *De praedestinatione* 19 (PL 115, 1323BD): Haec fidei Catholicae adversa prorsus pronuntio... Aether quippe non est caro... quam ipse Dominus jam resurrectione glorificatus se habere manifestat... Haec in aethereo corpore posse fieri nullus unquam orthodoxorum asseruit, nullus docuit. Tu autem in Origenis scita concedis, qui multipliciter de resurrectione disserens, resurrectionem, glorificationemque corporum multoties ingeminat, carnis vero vel omnino negat, vel subdole vocabulo corporis palliat.

¹⁰⁴ Иероним, *Contra Joannem Hierosolymitanum, ad Pammachium* 25 (PL 23, 375C): novies resurrectionem nominans corporis, ne semel quidem carnis inseruit; *Ibid.* 27, 379A: novies corpus, et ne semel quidem carnem nominas; *Ibid.* 27, 379B: omnis caro est corpus, non omne corpus est caro. Caro est proprie, quae sanguine, venis, ossibus, nervisque constringitur. Corpus quamquam et caro dicatur, interdum tamen aethereum, vel aereum nominatur, quod tactui visuique non subjacet, et plerumque visibile est atque tangibile.

¹⁰⁵ Пруденций, *De praedestinatione* 19 (PL 115, 1327A). Григорий Великий, *Moralia* XIV, 55 (PL 75, 1077BC): credo namque quia resurrecturus sum, sed volo, ut audiam qualis, sciendum quippe mihi est, utrum in quodam alio subtili, fortasse vel aereo, an in eo quo moriar corpore resurgam. Quod si in aereo corpore resurrexero, jam ego non ero, qui resurgo: nam quomodo est vera resurrectio, si vera esse non poterit caro? Aperta ergo ratio suggerit, quia si vera caro non fuerit, procul dubio resurrectio vera non erit; neque enim recte resurrectio dici potest, ubi

non resurgit quod cecidit. Cf. *De princip.* II, 10, 1, 31-42: si resurgunt corpora, sine dubio ad indumentum nostri resurgent, et si necesse est nos esse in corporibus (sicut certe necesse est), non in aliis quam in nostris corporibus esse debemus... resurgunt et spiritalia resurgunt... animalis corporis qualitas, quae in terram seminata spiritalis corporis reparat qualitatem.

¹⁰⁶ Пруденций, *De praedestinatione* 19 (PL 115, 1334D-1335A): Patrumque concordia corpora humana resurrectionis tempore neque aetherea, neque aerea futura, sed carnea, quae sempiterna immortalitate donata pro meritis suis vel gloria percipiant vel ignominiam.

¹⁰⁷ Рабан Мавр, *De universo* IV, 10 (PL 111, 97C): caro ergo nostra in ueritate resurgit, sicut in ueritate cadit: et non secundum Origenem immutatio corporum erit, id est, aliud nouum corpus pro carne.

¹⁰⁸ Иоанн Скотт, *Перифьюсеон* V (PL 122, 930B). Ориген говорит лишь о трансформации грубого тела в более тонкое, чистое и сияющее (subtilissimi et purissimi ac splendidissimi corporis) и в этом он следует апостолу Павлу.

¹⁰⁹ Пруденций, *De praedestinatione* 16 (PL 115, 1225C-D): Sed quia poenas nihil aliud quam conscientiam peccatorum iuxta Origenem, uel secundum te solum absentiam beatitudinis uis intelligi, et in sequentibus loquacius imo fallacius ea exsequeris, locis suis (Christo propitio) de singulis uideamus; *Ibid.* 10 (1132B-C): Vis quippe intelligi non aliud esse poenam punitionemque peccatoris, nisi suam propriam peruersitatem; ita ut et mortem et poenas, Dei justo iudicio peccatoribus irrogatas, penitus auferas, et eis solam propriam conscientiam poenam esse coningas: quod quia Origenes mendaciter docuit, sententiam justae damnationis exserpit; См. *Правила Шестого Вселенского Собора (Константинопольского)*, Правило 1: «[165 отцов, собравшихся в Константинополе при Юстиниане] Оригена и Дидима, и Евагрия, возобновивших эллинские басни и прехождедения, и превращения некоторых тел и душ вновь нам публично представивших, в сонных мечтаниях блуждающего ума и против воскресения мертвых нечестиво и нездравомысленно восстававших,... соборно предали проклятию и отринули» (*Каноны, или Книга Правил, святых Апостолов, святых Соборов, вселенских и поместных, и святых отцов*, СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2000, с. 59). Об осуждении Оригена см. В.В. Болотов, "Учение Оригена о Святой Троице", *Соб. церковно-историч. трудов* т. 1 (Москва: Мартис, 1999), 403-412.

¹¹⁰ О влиянии Оригена на раннего Августина см. R.J. TESKE, *Origen and St. Augustine's First Commentaries on Genesis*, in R.J. DALY (ed.), *Origeniana quinta*, 179-85.

¹¹¹ Пруденций, *De praedestinatione* (PL 115, 1338BC): Nec omittendum credidimus quod cum in caeteris Origeni paria sentire delegeris, in genere poenarum ab illo multum diversus abieris. Nam ille ignem et vermes impiorum conscientias criminum propriorum et sensit et docuit: tu ignem hoc quartum elementorum dogmatizans, excepta beatitudine qua prouentur, nullam eis poenam ullatenus vel in anima vel in corpore adhibendam, eosve asseveras. Hinc sanctus Hieronymus contra Rufinum sectatorem interpretemque Origenis scribens ita eloquitur: *Ignes autem aeternos quos intelligere solet Origenes, ... conscientiam uidelicet peccatorum, et poenitudinem interna cordis urentem...* Здесь Пруденций цитирует Иеронима: *Apologia aduersus libros Rufini* II, 7 (PL 23, 429B).

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ

В.П.Любин

«Но идея не умирает»: интерпретации истории «итальянского социализма»

История социалистического движения в Италии, или «итальянского социализма», столетней жизни и борьбы его главного политического актера – Итальянской социалистической партии (ИСП), занимает видное место в национальной и в зарубежной историографии. Изучая жизненный путь ИСП, старейшей политической силы страны, просуществовавшей ровно сто лет, с 1892 по 1992 год, исследователи соприкасаются с одним из важнейших фрагментов общенациональной истории, который служит ключом, открывающим двери к пониманию многих сложных исторических процессов. Оставляя за рамками нашего очерка достижения российской историографии итальянского рабочего и социалистического движения¹, мы сосредоточим внимание на зарубежной, главным образом итальянской историографии «итальянского социализма», рассматривая из всего огромного массива по преимуществу те работы, где исследуется политическая борьба вокруг «идеи, которая не умирает».

Работа профессора Альфредо Анджолини «Пятьдесят лет социализма в Италии» вышла в свет еще в начале XX века, в 1903 г.² В книге проанализирована история итальянского социалистического движения начиная с периода объединения страны до начала XX века. Оценки автора пристрастны, он симпатизирует социалистической идее и ее итальянским приверженцам. Считалось, что в отличие от других, индустриально развитых стран дерево социализма не сможет привиться в Италии из-за ее отсталости, окажется слабым и рахитичным, – пишет Анджолини. Дальновидные представители правящего класса поняли, что в их интересах воспротивиться распространению идей социализма с помощью двух сил – религии и патриотизма. Но

¹ «Круглый стол», на котором шла речь об исследовании в отечественной историографии проблем «итальянского социализма», состоялся в ИВИ РАН 11 декабря 1996 г. Он был посвящен столетию газеты ИСП «Аванти!». – См.: Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма. М., 1997.

² *Angiolini A. Cinquant'anni di socialismo in Italia.* Firenze, 1903. Об этой книге и ее авторе в свое время много и страстно писала Ц.И.Кин: См.: *Кин Ц.И.* Миф, реальность, литература. М., 1969; ее же. *Итальянские светотени.* М., 1975; ее же. *Италия конца XIX века: судьбы людей и теории.* М., 1975; и др.

эти силы не имели глубоких корней, тогда как традиция утопии в Италии берет начало еще во времена Томмазо Кампанеллы. Его последователями стали Ф.Буонаротти, К.Пизакане, В.Руссо, а впоследствии вклад в развитие революционных идей внесли Мадзини, Бакунин и др. В Италии активно действовал Интернационал, общество воспринимало идеи «Коммунистического манифеста» К.Маркса и Ф.Энгельса двумя путями: публично-коллективным и индивидуально-личным. Эти идеи пропагандировались в различных газетах и альманахах, например, в основанной Э.Биньями в 1868 г. газете «Плебе», с 1876 г. называвшей себя социалистической. Именно в ней начинали печататься Ф.Турати и П.Валера. В заслугу авторам «Плебе» Анджолини ставит постоянное внимание к «экономическим вопросам и делу международной организации пролетариата»³.

Анализируя эволюцию итальянского рабочего и социалистического движения накануне объединения социалистов в единую партию – ИСП, автор замечает, что в тот период признанными лидерами движения являлись А.Коста и Э.Малатеста. Затем А.Казати, Дж.Кроче, К.Ладзари и другие создали Рабочую партию, активно действовавшую в 1880-е годы. Состоявшийся в 1892 г. съезд в Генуе с участием лидеров разных течений, смягчив острые идеологические разногласия, стал важнейшей вехой эволюции рабочего движения. Именно с этой даты и начался отсчет истории социалистической партии, – констатирует Анджолини. Последующая деятельность социалистов на рубеже XIX и XX в. была связана с эволюцией идейных установок Итальянской социалистической партии от съезда к съезду, изменениями политической линии партийных лидеров. Хронологически повествование доведено до восьмого съезда ИСП, который прошел в Имоле в 1902 г. Хотя труд Анджолини носит больше описательный, чем аналитический характер, он по праву считается первой удачной попыткой дать общее представление об идейной борьбе в социалистическом движении Италии. По сути дела, с этой книги и началась историография «итальянского социализма».

Своего рода противовесом книге Анджолини стало исследование одного из основателей зарождавшейся науки политологии, профессора политэкономии в Базеле (в 1914-1926 гг.) Роберта Михельса, которого так невзлюбил В.И.Ленин⁴. Труды Михельса еще недавно

³ Позиции сформировавшейся вокруг «Плебе» группы революционеров, ее место в социалистическом движении XIX в. отражены в единственном в отечественной историографии исследовании по данному периоду: Григорьева И.В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. В итальянской историографии см.: Riosa A. Il movimento operaio italiano tra società e stato. Il caso italiano nell'epoca della II Internazionale. Milano, 1984.

⁴ Michels R. Storia critica del movimento socialista italiano. Dagli inizi fino al 1911. Firenze, 1926. Здесь книга цитируется по изданию 1979 г. с предислови-

оставались «незамеченными» в итальянской историографии (особенно марксистского направления) еще и потому, что, перебравшись в 20-е годы в Италию, автор оказался угоден фашистскому режиму. В книге «Критическая история итальянского социалистического движения от его начала до 1911 г.»⁵, вышедшей уже по окончании первой мировой войны, Михельс дал свою интерпретацию эволюции социалистической идеи в Италии. Оставаясь в отличие от Анджолини на позициях беспристрастности, Михельс начинает анализ «итальянского социализма» с деятельности Мадзини, Пизакане, Бакунина и сторонников I Интернационала. Важными этапами дальнейшей эволюции, считает он, стало создание Турати и Кулишовой теоретического органа – журнала «Критика социале», а затем основание ИСП. Михельс анализирует программатику, идеологические разногласия и борьбу между революционным и реформистским крылом партии, с временными победами то того, то другого направления и приходом представителей различных сил к руководству партией. В целом его выводы не противоречат выводам Анджолини. Как отмечал в предисловии Дж.Сабатуччи, Михельс был не историком, а социологом и специалистом в сфере политической науки (одно время он тесно сотрудничал с М.Вебером и в течение ряда лет был содиректором альманаха *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*⁶). Отсюда и тот особый угол зрения, под которым в книге рассматриваются внутренние проблемы «итальянского социализма». Особенно удачной Сабатуччи

ем Джованни Сабатуччи «Михельс и итальянский социализм». Об отзывах В.И.Ленина на работы Михельса см.: *Любин В.П.* Из библиографии В.И.Ленина по Италии (швейцарский период, 1914-1917 гг.) // Проблемы итальянской истории. М., 1972. Во время работы в библиотеке г.Цюриха, мне довелось обнаружить одну из книг Михельса, которую читал там Ленин, и показать швейцарским коллегам сделанные на ее страницах (где речь идет о построении политической партии) предположительно ленинские карандашные пометки. О взглядах Р.Михельса см.: *Левин М.И.* От революционаризма к правому радикализму (Эволюция взглядов Р.Михельса). М., 1983.

⁵ *Michels R.* Storia critica del movimento socialista italiano. Dagli inizi fino al 1911. Firenze, 1926. P.423-458.

⁶ В этом альманахе в 1906 г. вышла статья Михельса «Буржуазия и пролетариат в итальянском социалистическом движении», позднее опубликованная в редактировавшемся Турати и Кулишовой теоретическом журнале (см. *Critica sociale*. Milano, 1908, N15). К доведенному периоду относится и работа Михельса «Этический фактор в партийной политике Италии»: *Michels R.* Der ethische Faktor in der Parteipolitik Italiens // *Zeitschrift für Politik*. Berlin, 1910. S.56-91. В ней Михельс полемизирует с утверждением Анджолини (в книге «50 лет итальянского социализма»), что итальянцы, в отличие от французов, революционеры не по форме, а по существу, и утверждает, что итальянские рабочие в противовес итальянским буржуа отличаются умеренностью (хорошо владевший итальянским автор вставляет в немецкий текст слово *mittezza* - умеренность, кротость). *Op. cit.*, S.60-61.

туччи считает предложенную Михельсом интерпретацию идеологической борьбы в рядах ИСП в начале XX в. Вместе с тем он отмечает недостаточную органичность, фрагментарность анализа экономического положения страны⁷.

Итак, первые крупные работы по истории социалистической идеи в Италии появились уже в начале XX века, считающегося веком торжества социал-демократии. Однако больше всего исследований проводилось уже после второй мировой войны, когда деятельность социалистов приобрела новое качество, поскольку ИСП стала одной из главных политических сил, создававших новое государство, демократическую Италию. Наибольшие успехи итальянской историографии, на которую приходится львиная доля всех исследований по рассматриваемой тематике, падают на 1960-90-е годы. 90-летний и 100-летний юбилеи ИСП были отмечены выходом новых монографий, специальных сборников и альманахов. В итоге дискуссий часто существенно изменялись устоявшиеся ранее представления.

Тематика истории политических идей была в Италии всегда актуальной и отмеченной политической ангажированностью авторов. Многие из них были из университетской преподавательской среды, в которой на протяжении всего послевоенного периода доминировала левая политическая культура, подразделявшаяся в Италии на коммунистический и социалистический компоненты. В годы холодной войны итальянская историография была весьма политизированной. Главный водораздел проходил между коммунистической и католической субкультурами, социалистическая же оказывалась посередине, т.е. на линии огня, который велся с обеих сторон. На послевоенной политической сцене доминировали две партии – католическая ХДП и коммунистическая ИКП, тогда как социалистическая – ИСП, постоянно занимая третье по поддержке избирателей место, играла роль смягчающего буфера, примыкая то к одной, то к другой из них, чаще все же к ХДП. Балансируя между двумя полюсами, ИСП все время подвергалась риску оказаться раздавленной, потерять свое значение в политической жизни. В конце концов, это и произошло, когда утеря политической самостоятельности и целый ряд других, по большей части субъективных факторов, в их числе замешанность партийного руководства в громких коррупционных скандалах, обернулись в начале 90-х годов для ИСП полной потерей избирательно-го корпуса и уходом с политической сцены.

Ушла со сцены хранившая традиции «итальянского социализма» партия со столетним политическим стажем, но тот комплекс идей, на которые она всегда опиралась в своей повседневной деятельности, «социалистическая идея» продолжает занимать важное место в итальян-

⁷ Sabatucci G. Michels e il socialismo italiano // Michels R. Storia... P.IX-XXVII.

янском обществе и находит свое прямое отражение в историографии. Так, один из признанных специалистов в области политической истории, профессор Миланского государственного университета Джорджо Галли дал вышедшему в 1996 г. переизданию своего труда об истории ИСП полемически заостренное название «Но идея не умирает: Славная история итальянского социализма»⁸. Поясняя это название, автор солидаризируется с другим известным историком рабочего и социалистического движения Италии Алчео Риоза, вышедший в том же 1996 г. труд которого носит столь же характерный заголовок «Красный закат: Рождение и мнимая смерть социалистической утопии в Италии»⁹. Галли так же считает, что смерть социалистической идеи лишь мнимая.

Как подчеркивается в издательской аннотации, в книге Галли повествуется о разных, в том числе оставивших о себе добрую славу этапах социально-политического движения, под знаменами которого с искренней верой в его идеалы боролись миллионы итальянцев. При этом автор «не закрывает славную страницу итальянской истории, а напротив вносит вклад в ее новое открытие». Что же касается методологии исследования, то, по собственному признанию Галли, он использовал «классические методы общественных наук»¹⁰. Галли считает, что социалистам Италии принадлежит особое место в мировом социалистическом движении. Специфическое положение ИСП среди других партий социал-демократического направления он определил так:

«В течение столетия с момента основания Второго Интернационала (1889 г.) во всей Европе социалистические партии превратились в прогрессистский полюс представительной демократии, противопоставленный консервативному полюсу. Эти партии перестали быть партиями революционной трансформации, цель которых добиться равноправия на основе коллективного контроля в экономике. Они превратились в партии реформ, обладающие электоральной базой в 25-40% голосов. Это позволило им осуществлять политическое руководство и стать правящими партиями на протяжении более или менее длительных периодов на протяжении этого века»¹¹.

⁸ Galli G. *Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del socialismo italiano*. Milano, 1996. P.7-9. О высказанных в последних главах этого издания идеях автора относительно того, есть ли будущее у «итальянского социализма» и всех левых сил, мне уже приходилось писать. См.: Любин В.П. Будущее левых сил (Теоретическая дискуссия) // Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. М.: ИНИОН РАН, 1998. С.98-108; Он же. Европейские левые: Дискуссия о проблемах и перспективах // Международная экономика и международные отношения. М., 1999. №7. С.98-107.

⁹ Riosa A. *Rosso di sera. Nascita e morte apparente dell'utopia socialista in Italia*. Firenze, 1996.

¹⁰ Galli G. *Ma l'idea non muore. Storia orgogliosa del socialismo italiano*. Milano, 1996. P.11.

¹¹ Galli G. *Storia del socialismo italiano*. Roma; Bari, 1980. S.VII.

В данном контексте ИСП представляла собой исключение, так как ее поддержка избирателями была недостаточной и не позволяла ей брать на себя бразды политического управления. И все же эта партия внесла значительный вклад в развитие итальянского общества. Она возглавила широкое массовое движение, претерпевшее на протяжении века заметную эволюцию. Галли попытался найти объяснение «особого пути итальянского социализма», понять «через конкретный опыт ИСП, каково значение марксистской культуры не только в Италии, но и в Европе», исходя из данного Дюверже определения «буржуазной культурной революции», вызревшей в XVI-XVII вв. Автор обратил внимание и на символику – красную гвоздику и другие атрибуты, указав на то, что символике 1 мая, берущей свое начало еще в ритуалах древних кельтов, предшествующих христианской эре, в социалистическом движении придается особое значение.

Первые годы существования ИСП характеризовались тем, что ей удалось легитимизироваться в итальянской политической системе, подчеркивает Галли. Этот процесс шел параллельно с таким же процессом в Германии, где отмена антисоциалистических законов позволила социал-демократам действовать в условиях полной легальности. Этим параллелизмом отличались не только сходные политические ситуации, но и идеологии: принятые ИСП на учредительном съезде в Генуе установки были полностью похожи на такие же установки, провозглашенные Эрфуртским съездом германских социал-демократов. Ситуация в Италии в конце XIX века не сильно отличалась от ситуации в других странах Европы, где уже возникли партии социалистического направления. В этом отношении известный спор между Филиппо Турати и Антонио Лабриолой история разрешила в пользу первого: несмотря на заметное отставание в экономическом развитии от других развитых европейских стран, социально-политические условия для создания такой партии в Италии существовали. Лабриола был прав, пишет автор, когда он говорил, что на Генуэзском съезде преобладали «буржуазные интеллектуалы», а единственным мужчиной среди тех, кто организовывал партию, была женщина по имени Анна Кулишова. Решающая роль интеллектуалов буржуазного происхождения стала и решающей чертой рабочего движения, независимо от его марксистского направления. Десять лет спустя после создания ИСП Ленин в своей книге «Что делать?» провозгласил известный тезис о том, что рабочий класс так и останется в рамках своих профсоюзов, если интеллектуалы не внедрят в его ряды социалистическую доктрину. Теперь, в конце XX века можно было бы признать, что «социализм в его различных эволюциях является доктриной, которая в своей организации вбирает в себя в одно и то же время социальный класс и политическую элиту, сформированную частью интеллектуалами, выходцами не из рабочих, частью выходцами из рабочей среды», заключает Галли¹².

Выводы, сделанные в этой не раз переизданной книге, были дополнены в монографии Галли «Итальянские политические партии, 1943-

¹² Galli G. Ma l'idea non muore... P.14.

1991 г.: От Сопротивления до объединенной Европы»¹³, в которой нашли развитие положения, впервые высказанные им в ставшем классическим в итальянской политологии исследовании «Несовершенная двухпартийность»¹⁴. В целом Галли внес немало нового в трактовку истории ИСП и идеологической борьбы в среде левых сил по линии реформизм – революционность, показал, как идеология отражалась на практической политике и ее результатах, нередко приводивших к крутым поворотам итальянской истории.

Параллельно с первым изданием книги Галли «История итальянского социализма» в том же издательстве «Латерца» вышел труд его ученика Ивано Граната «Итальянский социализм в историографии периода после второй мировой войны». Говоря о «значительной продвинутости» историографии «итальянского социализма» к началу 80-х годов, в особенности в том, что касалось политико-идеологической эволюции ИСП, Граната все же усматривал в ней пробелы, а также подчеркивал:

«Недостаточно корректное соотношение между политикой и историографией выливалось в то, что проблемы ставились под деформирующим углом зрения и в определенных случаях поверхностно по отношению к самой сути этих проблем, что оказывало воздействие на результаты их критического осмысления, частью терявшие свою значимость»¹⁵.

По высказанному еще в 1946 г. мнению одного из лидеров ИСП Моранди, подходящее видение истории могло бы родиться лишь из исследования, которое начиналось бы с показа различных социалистических течений Рисорджименто и доходило бы до времени после первой мировой войны. Именно данный период, считал Моранди, оказался решающим для итальянского социалистического движения и был моментом его наивысшего распространения и наивысшего блеска, хотя оно и не смогло противостоять приходу фашизма к власти¹⁶. Историки учли эти указания Моранди, пишет Граната, и к началу 80-х годов итог исследований по социалистическому движению оказался в общем удовлетворительным. Но в историографии социалистического движения и социалистической мысли все же не существовало такой всеобъемлющей, основанной на солидной документации работы, как пятитом-

¹³ Galli G. I partiti politici italiani, 1943-1991. Dalla Resistenza all'Europa integrata. Milano, 1992.

¹⁴ Galli G. Il bipartitismo imperfetto. Bologna, 1966. В этой работе Галли признавал, что единственный выход из тупика, в который зашла демократия в Италии, это объединение левых сил под знаменем социалистической идеи.

¹⁵ Granata I. Il socialismo italiano nella storiografia del secondo dopoguerra. Roma; Bari, 1980. P.XII.

¹⁶ Morandi C. Per una storia del socialismo in Italia // Belfagor, Messina - Firenze, 1946. P.162-168.

ный труд Паоло Сприано об Итальянской коммунистической партии¹⁷, хотя попытки создать такую общую историю «итальянского социализма» неоднократно предпринимались¹⁸.

«История социализма в XX веке (1900-1914 гг.)» Лео Вальяни¹⁹, стала, по мнению Гранаты, первым серьезным трудом. Он был создан под влиянием книги «Либеральный социализм» Карло Росселли²⁰. Вальяни развивал основную линию Росселли, восполняя пробел в историографии, возникший из-за того, что историки ранее отказывались связывать историю марксизма с историей его ревизионистских течений. Он отдавал предпочтение реформистскому направлению в ИСП и критиковал революционные и максималистские устремления. За всем этим просматривалась политическая позиция автора, одного из активнейших деятелей Партии действия, наследницы движения «Справедливость и свобода». Именно Партия действия, согласно Вальяни, стала достойнейшим продолжателем традиции, связанной с реформистскими тенденциями в ИСП. Такая интерпретация вызвала резкие возражения со стороны итальянских коммунистов, увидевших в ней недооценку того направления в социалистическом движении, которое привело к рождению компартии. Началась продолжавшаяся долгие годы полемика между историками коммунистического направления и исследователями с иными политическими пристрастиями.

В другой работе – «Идеологическое развитие демократического социализма в Италии», Вальяни дал обобщающую характеристику истории идеологической борьбы в рядах итальянских социалистов. И здесь симпатии и предпочтения автора явно на стороне реформистского течения в партии. Вальяни анализирует позиции и других фракций ИСП, в том числе и ее революционного крыла начала XX века, к которому принадлежал Б.Муссолини – «пламенный оратор и необычайно ловкий тактик, человек с безграничным честолюбием и большими способностями», однако «без колебаний исключенный из партии», когда он выступил против её официальной линии. Создавшаяся в начале 20-х годов ситуация, когда к власти в стране пришел фашизм, была вызвана и трагическим расколом социалистического движения в Италии, отмечает автор. Анализируя взгляды лидеров социалистов того времени – Турати, К.Росселли, Ненни, Сарагата и др.

¹⁷ *Spriano P.* Storia del Partito Comunista Italiano, 5 vol. Torino, 1967-1975.

¹⁸ *Gentile P.* Cinquant'anni del socialismo in Italia. Milano, 1948; *Canarsa S.* Il socialismo e i 28 congressi nazionali del Partito socialista italiano. Roma, 1950; *Perticone G.* Storia del socialismo. Roma, 1945; *Carli Ballola R.* Storia del socialismo. Pavia, 1945.

¹⁹ *Valiani L.* Storia del socialismo nel secolo XX (1900-1945). Firenze, 1945.

²⁰ *Росселли К.* Либеральный социализм. Предисловие Б.Кракси. Рим, 1989.

– Вальяни признает, что «ревизия социалистических идей началась в период фашистской диктатуры»²¹.

Представители либерально-демократического крыла итальянской историографии в послевоенный период также не оставались в стороне от споров об истории и современном состоянии социалистического движения. Так, в интерпретации Дж.Спадолини, позитивный момент в истории итальянского социалистического движения представляло течение революционного синдикализма. Спадолини заключал, что идеологическое наступление ИКП привело к потере «итальянским социализмом» своих прежних функций и своей «революционной» роли²².

Католическая историография также предприняла попытку, оставшуюся единственной, исследовать историю социалистического движения. В кратком очерке Ф.Д'Аркаиса содержалось утверждение, что союз ИКП и ИСП блокировал продвижение ИСП в сторону демократии. Развитие процесса демократизации партии задержалось в период правления фашизма, приход которого к власти помешал итальянским социалистам довести до конца начавшийся вследствие русской революции процесс идеологической ревизии²³.

В 1958 г. была дана интерпретация истории идеологической борьбы в ИСП из рядов самих социалистов, ее автором стал лидер левого крыла партии Лелио Бассо²⁴, который высказался за примирение полярных точек зрения в продолжавшейся острой дискуссии между коммунистами и социалистами относительно вклада, который внесли в становление социалистического движения в Италии Филиппо Турати и Антонио Лабриола. Бассо утверждал, что оба этих деятеля дополняли друг друга. В период до первой мировой войны, по мнению Бассо, ИСП удавалось быть прочной партией и, несмотря на

²¹ Valiani L. Die ideologische Entwicklung des demokratischen Sozialismus in Italien // Sozialistische Weltstimmen. Berlin, Hannover, 1958. S.161-181.

²² Spadolini G. Lotta sociale in Italia. Firenze, 1948. Имеет смысл напомнить, что декан факультета политических наук Флорентийского университета профессор Джованни Спадолини возглавил впоследствии Республиканскую партию Италии, дважды был премьер-министром, затем председателем Сената (т.е. вторым по рангу после президента лицом). Свои взгляды о роли интеллектуалов в политике и по ряду других актуальных вопросов он высказал во взятом мною у него в 1990 г. интервью. См.: Спадолини Дж. ...Никогда не отделял политику от культуры // Международная экономика и международные отношения. М., 1990, № 10, а также: Tempi nuovi. Mosca, 1990. N35. Одна из его книг переведена в России: Спадолини Дж. Европейская идея в период между Просвещением и романтизмом. СПб., 1994.

²³ D'Arcasis F. Lineamenti storici del socialismo // Civitas, agosto-settembre 1957. P.52-104.

²⁴ Basso L. Il Partito Socialista Italiano. Milano, 1958.

доминирование то правых, то левых фракционных группировок сохранять внутривнутрипартийное единство.

В работе Ренато Мармироли «Горькая история итальянского социализма»²⁵ была дана социал-демократическая (социал-демократы, отколовшиеся от ИСП и создавшие в 1947 г. свою собственную партию, всегда занимали правые позиции в итальянском социалистическом движении) интерпретация истории итальянского социалистического движения. Все левые течения внутри ИСП были подвергнуты в ней суровой критике. Единственно верным для социалистов представлялся путь, избранный правым реформистом Л.Биссолати. Изгнание его из партии в июле 1912 г. и привело ее, по мнению автора, к последующей капитуляции перед фашизмом в октябре 1922 г. Книга Мармироли стала образцом полемической историографической реконструкции со стороны политика, «разочарованного эволюцией итальянского социализма»²⁶.

Вообще 60-е годы оказались весьма «урожайными», так как именно в это время увидели свет многие фундаментальные исследования по истории ИСП. Создавались эти работы в особой политической атмосфере тех лет, острых дискуссий, проходивших, прежде всего, в лагере левых сил. Они были вызваны двумя оказавшими глубокое воздействие на итальянское общественное мнение событиями: переоценкой ценностей после XX съезде КПСС, а затем – вступлением итальянских социалистов в коалиционное правительство с христианскими демократами. Именно с начала 60-х годов, когда ИСП, по выражению ее лидера П.Ненни, оказалась допущенной в «комнату с кнопками», а ИКП, несмотря на свою электоральную мощь десятилетиями оставалась вне принятия важных общенациональных политических решений, наступила новая фаза итальянской истории XX века, фаза правления «левого центра». Социалистам отводилось в ней заметное место, они фактически перешли из оппозиции в лагерь сил, управлявших страной.

В 1961 г. вышла монография историка-коммуниста Эрнесто Раджоньери «Германская социал-демократия и итальянские социалисты, 1875-1895 гг.»²⁷. На основе документов из немецких и итальянских архивов, а также из архива Института социальной истории в Амстердаме автор установил, насколько мощным было влияние германских социал-демократов (главным образом в теоретическом плане) на итальянское социалистическое движение. В 1880-е годы идеи Маркса и Энгельса

²⁵ Marmiroli R. Storia amara del socialismo italiano. Parma, 1964.

²⁶ Granata I. Op. cit. P.24.

²⁷ Ragionieri E. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani, 1875-1895. L'influenza della socialdemocrazia tedesca sulla formazione del Partito Socialista Italiano. Milano, 1961; 2a ed. Milano, 1976.

доходили до Италии отчасти через посредничество швейцарских социал-демократов. В 90-е годы, когда возникла ИСП, Турати и другие руководители партии, как и А.Лабриола (его четырнадцать ранее неизвестных историкам статей, опубликованных в германской социал-демократической прессе, Раджоньери поместил в приложении к книге) поддерживали тесные связи с лидерами СДПГ. Лабриола принял участие в дискуссии, развернувшейся вокруг ревизионистских идей Э.Бернштейна. Раджоньери заканчивает свое исследование 1895 г., годом смерти Ф.Энгельса, когда «отождествление революционной теории марксизма с организацией германской социал-демократической партии нашло не только наиболее высокое выражение, но также и свое наиболее правильное оформление, придавшее германской социал-демократии содержание пролетарского интернационализма, очищенного от всякого шовинистического осадка»²⁸.

В 60-е годы вышли и первые антологии по истории социалистического движения в Италии. В 1966 г. под редакцией историка-коммуниста, возглавлявшего созданный при ИКП Институт Грамши, Гастоне Манакорда появилась объемистая подборка документов по теме «Социализм в истории Италии. Документальная история от Рисорджименто до Республики»²⁹. Ее отличала тщательность и многосторонность охвата источников: от статей и выступлений ведущих руководителей и идеологов движения до важнейших партийных документов. Представленные документальные материалы отразили более чем вековой процесс развития социалистической идеи в Италии. Они создавали неплохую основу для создания общей истории социалистического движения в стране, начиная с революции 1848 г. Манакорда удалось добиться поставленной им при издании этой антологии цели – рассмотреть историю «итальянского социализма» в контексте как международного социалистического движения, так и национальной истории³⁰. Продолжила эту подборку составленная Луиджи Кортези антология «Итальянский социализм между реформой и революцией: Дискуссии на съездах ИСП 1892-1921 гг.»³¹. В отличие от хрестоматии под редакцией Манакорды, в которой речь шла о развитии социалистической идеи в широком плане и имелись в виду левые силы как таковые, в подборке Кортези речь идет уже непосредственно об истории созданной в 1892 г. ИСП и приводятся важнейшие документы её семнадцати съездов, от учредительного 1892 г. в Генуе до съезда в Ли-

²⁸ Ibid., 2a ed. P.37.

²⁹ Il socialismo nella storia d'Italia. Storia documentaria dal Risorgimento alla Repubblica / A cura di Gastone Manacorda. Bari, 1966.

³⁰ Op. cit. P.IX.

³¹ Cortesi L. Il socialismo italiano tra le riforme e rivoluzione. dibattiti congressuali del Psi, 1892-1921. Bari, 1969.

съезда в Ливорно 1921 г., когда из неё вышли коммунисты, примкнувшие к III Интернационалу.

Попытку создания комплексной истории ИСП дофашистского периода предпринял историк-социалист Газтано Арфэ³². Его работа, ставшая почти официальной историей партии, представляет собой, по мнению того же Гранаты, лучшую попытку обобщения истории социалистического движения и его партии. Первая трудная фаза существования партии, пишет Арфэ, совпала с довольно бурным периодом итальянской истории, и ИСП сразу же включилась в политическую борьбу конца века и последующей «джолииттианской эпохи». Одновременно социалисты оказались вовлечены в идеологические дискуссии, в которых марксизм противопоставлялся ревизионизму, реформизм – революционности. В отличие от историков коммунистического направления, Арфэ не осуждает реформизм, видя в нём необходимую реакцию на изменившиеся социальные и политические условия, и высоко оценивает деятельность Турати, пытавшегося увязать с социалистическими идеалами требования своего времени. Победа накануне первой мировой войны представителей левого направления, придерживавшихся революционных взглядов и создавших основу для образования после войны течения максимализма, расценивается в книге как отход от пути, которым следовало идти итальянским социалистам. Сами лидеры «непримиримых», и в их числе Б.Муссолини, показаны как люди, не имевшие серьезного идейного багажа: для того же Муссолини были характерны поверхностное знакомство с марксизмом через вульгаризированные, редуцированные тексты и «поверхностная философия истории, в которой на одну фантастическую гирлянду подвешены герои всех времен и народов, от Будды до Бисмарка, и в которой Маркс примиряется с Бакуниным, и оба они подают руку Сорелю и Бергсону»³³.

Арфэ показал, насколько сложный путь довелось пройти ИСП в годы первой мировой войны и послевоенные годы: «Мучительный и горький опыт красного и черного двухлетий, опыт цепи ошибок под знаком фатализма, жалких устремлений, догматизма и, наконец, бессилия, вызывал бесконечное изнурение»³⁴. Руководители ИСП не подвергли себя самокритике и не сумели повести дело к обновлению. В этой ситуации надежды подавали представители молодого поколения, в частности К.Росселли и П.Ненни, издававшие теоретический журнал «Кварто ста-то». Однако после покушения на Муссолини, которое было скорее всего провокацией самих фашистов, осенью 1926 г. последовало запрещение

³² *Arfe G. Storia del socialismo italiano, 1892-1926. Torino, 1965. 2a ed. Milano, 1977.*

³³ *Ibid. 2a ed. P.123.*

³⁴ *Ibid. P.262.*

всей свободной прессы. Первый номер «Кварто стато» вышел в марте, а последний 30 октября 1926 г Арфэ заканчивает свою книгу цитатой из К.Росселли: «Потерпев поражение, мы не чувствуем себя побежденными, мы не из тех, кто покорились. Совсем иначе. Ныне наступает наш настоящий день»³⁵.

В 1964 г. появилась книга историка-коммуниста Энцо Сантарелли «Ревизия марксизма в Италии» (второе расширенное и дополненное издание вышло в 1977 г.)³⁶, ставшая своеобразной вехой в изучении идеологических предпосылок левого движения в Италии, в том числе идеологии ИСП. В ней была дана панорама взглядов видных деятелей, оказывавших влияние на умы – от Антонио Лабриолы до Б.Кроче и других известных мыслителей, рассмотрены идеи Артуро Лабриолы, Э.Леоне, Дж.М.Серрати, показаны различные интерпретации марксизма и ленинизма в Италии, влияние известных зарубежных теоретиков социализма (особо освещались взгляды Грамши).

К 70-летию партии была проведена организованная ее теоретическим органом журналом «Мондо операйо» дискуссия, итоги которой отражены в публикации, появившейся в 1965 г.³⁷. В ней подводилась определенная черта под предшествующими исследованиями по истории ИСП. Наиболее ценными в историографическом плане стали выступления Г.Манакорда³⁸ и Л.Вальяни³⁹. Выясняя причины и обстоятельства возникновения ИСП, Манакорда обращался к проблеме взаимоотношений Антонио Лабриолы и Ф.Турати. Тем самым продолжалась полемика по этому вопросу, начавшаяся еще в 1927 г. с публикацией в журнале «Стато операйо» писем Лабриолы к Энгельсу, в которых позиция Турати и других руководителей ИСП периода ее создания подвергалась острой критике. Манакорда вслед за Раджоньери утверждал, что не следует «отделять Лабриолу-теоретика от Лабриолы-политика», и что противоречие между Лабриолой и Турати крылось не в контрасте между «философией и политикой», «идеологией и практикой», а в противопоставлении «реформистского эволюционизма» Турати «революционному марксизму» Лабриолы. Л.Кортези считал, что Лабриола сделал многое для создания партии социалистов, но нельзя

³⁵ Ibid. P.265.

³⁶ Santarelli E. La revisione del marxismo in Italia. Studi di critica storica. Milano, 1964; 2a ed. Milano, 1977. Более полно эта тема была представлена в четырехтомнике Storia del marxismo. Vol.1-4. Torino, 1978.

³⁷ Il movimento operaio e socialista. Bilancio storiografico e problemi storici. Milano, 1965.

³⁸ Manacorda G. Formazione e primo sviluppo del Partito socialista in Italia. Il problema storico e i più recenti orientamenti storiografici // Il movimento operaio e socialista..., cit. P.144-177.

³⁹ Valiani L. Il Partito Socialista Italiano dal 1900 al 1918 // Ibid. P.185-271.

согласиться с ни на чем не основанной «легендой», будто он осуществлял постоянное политическое руководство партией⁴⁰.

Л.Вальяни расценивал роль Лабриолы в том же ключе, отмечая, что тот «не создал и даже не пытался создать в социалистической партии направление, которое взяло бы на вооружение его идеи», и «революционные тенденции» в ИСП возникли «независимо от Лабриолы, много времени спустя после его кончины»⁴¹. Согласно Г.Арфе полемика, в которой Антонио Лабриола противопоставлялся Турати как теоретический предшественник единственной, верно представлявшей интересы итальянского рабочего движения партии – ИКП, имела под собой «мало научного». «Подобная интерпретация, имевшая право на существование на практике в качестве компонента партийной идеологии, оказалась живучей и, по крайней мере как постановка вопроса, оказалась присущей определенной части итальянской историографии»⁴², – замечал историк-социалист.

Интересно отметить, что подобного рода политизированная полемика велась в Италии также вокруг творческого наследия Грамши, принадлежность которого к числу основателей ИКП заставляла итальянских социалистов дистанцироваться от его теоретических изысканий. Особенно резкой была критика со стороны представителей правых политических взглядов. Так, философ Аугусто Дель Ноче в книге «Самоубийство революции» оспаривал бытовавшее тогда мнение, согласно которому, Грамши предстает в качестве «Маркса XX века и Ленина Запада»⁴³.

Главный тезис Дель Ноче: современная итальянская история, начиная со времен русской революции и прихода к власти фашизма до нынешних дней, обладает парадигматическим характером. Её можно представить в виде микрокосма, в котором *in vitro* прочитывается, что формой, в которую облечется возможный мировой закат цивилизации, является «самоубийство революции». Дель Ноче проводил аналогию между Муссолини и Лениным, которые сделали «одинаковый выбор в молодости в пользу определенного типа революционера и такого подбора идей и политических инструментов, которые тесно связаны с данным выбором»⁴⁴.

70-е годы не принесли много нового в исследовании истории «итальянского социализма». Как уже отмечалось, именно тогда ряд

⁴⁰ Cortesi L. La costituzione del Partito socialista italiano. Milano, 1962; Turati giovane: scapigliatura, positivismismo, marxismo / A cura di L.Cortesi. Milano, 1962.

⁴¹ Valiani L. La storiografia italiana nel periodo 1870-1915 // La storiografia italiana negli ultimi venti anni. Milano, 1970. Vol.2. P. 675-771.

⁴² Arfe G. La storiografia italiana del movimento socialista dal 1870 al 1914 // Rassegna storica toscana. Firenze, 1968. P.56-57. См. также: Arfe G. Storia del socialismo, 1892-1926. Milano, 1977. P.268-269.

⁴³ Del Noco A. Il suicidio della rivoluzione. Milano, 1978. P.310.

⁴⁴ Ibid. P.352.

крупных трудов 60-х годов вышел в новых, переработанных и дополненных изданиях. Появились интересные книги ведущих деятелей социалистического движения, в которых они сами давали оценку пройденного пути, достижений и ошибок. В 80-е годы, когда ИСП во главе с Кракси вновь вернулась к власти в Италии, в итальянской историографии наметилось оживление в разработке истории ИСП и идеологической борьбы в среде левых сил. Однако кроме уже рассмотренных здесь трудов Джорджо Галли, Ивано Граната и других авторов из академической среды, стали появляться скороспелые работы, носившие явный агиографический оттенок. Ярким примером такой агиографии стал изданный к 90-летию ИСП альманах «1892-1982. ИСП: девяносто лет истории»⁴⁵. Вместе с тем в альманахе была продолжена дискуссия об идеологических основах социалистического движения. Именно в 80-е годы вышла лавина книг, авторы которых доказывали правоту избранной современным им руководством реформистской линии партии и политики на изматывание главных противников слева и справа, т.е. ИКП и ХДП⁴⁶.

Таким же восхвалением деятельности тогдашнего руководства ИСП отличались и многие книги, вышедшие к столетию партии, отмечавшемуся в 1992 г. Обращает на себя внимание изданная в 1990 г. книга одного из известных руководителей партии Антонио Ландольфи «История ИСП: Сто лет социализма в Италии От Филиппо Турати до Беттино Кракси»⁴⁷. До этого автор уже давал свою интерпретацию истории ИСП в книге 1977 г. «Итальянский социализм»⁴⁸. Выступая не только как профессор, но и как действующий политик, Ландольфи прослеживает связь между теорией и практикой социалистов, заостряя внимание на основных ценностях, из которых исходила партийная политика.

Столетие ИСП было отмечено рядом научных конференций с участием историков, политиков и политологов (в одной из них, организованной флорентийским Фондом Филиппо Турати и прошедшей в феврале 1992 г. в Сиене, мне довелось участвовать). Материалы этих научных симпозиумов, проводившихся, как правило, итальян-

⁴⁵ 1892-1982. PSI: Novanta anni di storia. Almanacco socialista. Roma, 1982.

⁴⁶ Подробно об этом см.: Итальянская социалистическая партия. М.: ИНИОН, 1979; Италия в середине 80-х годов. Т.1-2. М.: ИНИОН, 1987; Любин В.П. Общественно-политические взгляды Б.Кракси. М.: ИНИОН, 1983; Он же. Итальянская социалистическая партия: Идеология и политика (1976-1984). М.: ИНИОН, 1985; Он же. ИСП в партийно-политической системе Италии. М.: ИНИОН, 1990.

⁴⁷ Landolfi A. Storia del PSI. Cento anni di socialismo in Italia. Da Filippo Turati a Bettino Craxi. Milano, 1990.

⁴⁸ Landolfi A. Il socialismo italiano: Strutture, comportamenti, valori. Cosenza, 1977.

скими институтами, целью которых является изучение истории рабочего и социалистического движения, впоследствии были изданы отдельными сборниками. Если говорить об историографии «итальянского социализма», то нельзя обойтись без упоминания подвижнической деятельности руководителей и научных сотрудников целого ряда известнейших итальянских фондов, собирающих, хранящих, обрабатывающих и издающих материалы по истории итальянского и мирового рабочего и социалистического движения. Это фонды Фельтринелли, Грамши, Бассо, Бродолини, Турати, Ненни и другие институты, без активной творческой работы которых было бы невозможно достигнуть того высокого уровня, которым отличается историография «итальянского социализма»⁴⁹.

Материалы данных фондов легли в основу самого последнего обобщающего труда по истории ИСП, издание которого было завершено выходом в свет в 1993 г. третьего и последнего его тома, написанного руководителем Фонда Турати профессором М.Дельи Инноченти⁵⁰. По замыслу его создателей, трехтомник должен был стать критическим переосмыслением опыта итальянских социалистов, тесно переплетенного с историей Италии. Трем маститым авторам, на протяжении многих десятилетий изучавшим проблемы «итальянского социализма», вполне удалось осуществить данное намерение. История итальянского социалистического движения и никогда не прекращавшаяся идейная борьба в его рядах нашли в этом труде более объемное отражение, чем в многотомнике с предисловием Дж.Сабатуччи⁵¹.

Работы по истории «итальянского социализма», выполненные за пределами Италии на высоком профессиональном уровне, часто переводились на итальянский язык. Достаточно упомянуть здесь фундаментального плана исследование американца итальянского происхождения, профессора Бостонского университета Спенсера Ди Скалы «Обновление итальянского социализма: От Ненни до Кракси»⁵². При

⁴⁹ В 80-90-е годы этими фондами были подготовлены такие издания, как, например: *Storia del partito socialista. Vol.1-3. A cura della Fondazione Brodolini. Venezia, 1979-1980; L'archivio Basso e l'organizzazione del partito (1943-1945). Annali della Fondazione Basso – Isocco Roma. Vol.VIII. Milano, 1988; Il socialismo al bivio. L'archivio di G.Faravelli, 1945-1950. Annali della Fondazione Feltrinelli, a.20, 1988-1989. Milano, 1990.*

⁵⁰ *Ciufoletti G., Degl'Innocenti M., Sabatucci G. Storia del PSI. Vol.3. Degl'Innocenti M. Dal dopoguerra ad oggi. Roma-Bari, 1993.*

⁵¹ См.: *Sabatucci G. Piano d'opera // Storia del socialismo italiano. Roma: Poligono, 1980. P.VIII-XX.*

⁵² *Di Scala S. Renewing Italian Socialism. Nenni to Craxi. Oxford, 1988. Итальянский перевод книги получил другое название: «От Ненни до Кракси. История итальянского социализма, как она видится из США». – Di Scala S. Da Nenni a Craxi: Il socialismo italiano visto dagli USA. Milano, 1991.*

этом автору удалось избежать идеологизированного подхода, столь характерного для эпохи холодной войны, отзвуки которого встречаются во многих книгах⁵³. Ди Скала становится на сторону тех историков, которые рассматривали историю итальянского социалистического движения в духе оправдания позиций его реформистских лидеров. Автор рискнул предсказать что, если события будут развиваться благоприятно для находившихся тогда у власти итальянских социалистов, то лидер ИСП Б.Кракси станет «самым выдающимся государственным деятелем-социалистом в истории современной Европы»⁵⁴. Этому предсказанию не суждено было сбыться. В 1993 г. Ди Скала организовал в Бостоне крупную международную научную конференцию «Сто лет итальянского демократического социализма, 1892-1992 гг.» с участием ведущих историков и политиков из Италии и США⁵⁵.

В 90-е годы в Италии продолжали выходить исследования, касающиеся малоизвестных страниц истории «итальянского социализма»⁵⁶. И все же достигнутые результаты вызывают недовольство современных исследователей. Появляются призывы к пересмотру истории итальянского социалистического движения. Один из таких страстных призывов прозвучал в недавно опубликованной журналом «Пассато э презенте» статье Мариуччи Сальвати. Статья носит весьма показательный заголовок: «*Переписать историю итальянского социализма*»⁵⁷.

⁵³ См., например: *Miller J.E. From elite to mass politics: Italian Socialism in the Giolittian Era, 1900-1914.* Kent, Ohio, 1990.

⁵⁴ *Di Scala S. Da Nenni a Craxi: Il socialismo italiano visto dagli USA.* Milano, 1991. P.432.

⁵⁵ Материалы симпозиума дают представление о состоянии историографии на середину 90-х годов. – *Italian Socialism: Between Politics and History / Ed. by Spencer M.Di Scala.* Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1996.

⁵⁶ См., например: *Scirocco G. „La lezione dei fatti“.* Il 1956, Nenni, il PSI e la sinistra italiana // *Storia contemporanea.* Bologna, 1996. №2. P.203-268; *De Felice A. Il Psi e l'adesione al Patto atlantico (1949) // Storia contemporanea.* Bologna, 1996. P.271-308.

⁵⁷ *Salvati M. Riscrivere la storia del socialismo italiano // Passato e presente.* Roma, 1998, A.XVI. N 44. P.141-145.

В.И.Михайленко (Екатеринбург)

Тоталитаризм: эвристический потенциал научного понятия

В недавно опубликованной статье в «Вопросах философии» высказано, казалось бы, парадоксальное суждение: «тотальная идеология против тоталитарного государства»¹. Не будем глубоко уходить в этимологию происхождения понятия «тоталитарный». Известно, что изначально, «тоталитарный» и «тотальный» имели не только общий корень, но и содержали одинаковую смысловую нагрузку.

К происхождению понятия «тоталитаризм»²

Впервые понятие «тоталитаризм» использовано в статье известного политического деятеля начала XX века Джованни Амендола. В журнале «Иль Мондо» от 12 мая 1923 г. он говорил о фашизме как «тоталитарной системе». Уже тогда Амендола предсказывал, что взятие фашистами власти «обещает абсолютное господство, полное и бесконтрольное хозяйничанье в политической и административной жизни». Следующий опыт использования этого понятия был предпринят другим антифашистом Л.Бассо в газете «Ла ривольюционе либерале» от 2 января 1925 г. «Все государственные органы, корона, парламент, магистратура, которые согласно традиционной теории воплощают в себе три власти, и вооруженные силы, которые осуществляют их волю, превращаются в инструмент одной единственной партии, которая подчиняет их одной воле, смутному тоталитаризму», – писал Л.Бассо.

22 июня 1925 г. Муссолини, обращаясь к оппозиции, впервые говорил о «тоталитарной воле фашизма». По мнению немецкого историка Й.Петерсена, это выступление стало поворотным моментом в использовании фашистами понятия «тоталитаризм» в позитивном смысле слова и началом его популяризации.

Какое-то время даже велась борьба за право использования этого слова. 18 сентября 1930 г. Папа Пий XI в полемике с фашистами утверждал, что «если и есть тоталитарный режим – действительно тоталитарный и правовой, то это режим церкви, которая исходит из того, что человек тотально принадлежит церкви».

В английском языке слово «тоталитарный» появилось, если не считать английского перевода 1926 г. книги лидера католической Народ-

¹ Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. №11.

² Подробнее см. Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Тоталитаризм в XX веке: Теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000.

ной партии Луиджи Стурцо, в 1928 г. в приложении к Оксфордскому словарю английского языка. В том же году в американском журнале «Форейн Аффферс» была опубликована статья Джованни Амендолы о тоталитарной сущности фашистской доктрины. В статье лондонской «Таймс» в ноябре 1929 г. впервые под понятие «тоталитарные» были подведены коммунистические и фашистские режимы.

Наконец, спустя пять лет в «Энциклопедии социальных наук», изданной в США, под рубрикой «государство» Дж.Сэбайн писал об общности «тоталитарной концепции государства» в Германии, Италии и Советском Союзе. Советские ученые с 1940 г. начали использовать определение «тоталитарный» применительно к фашистским режимам.

Такова вкратце хронология использования этого понятия. Следует подчеркнуть, что в течение длительного периода в западной литературе понятие «тоталитарный» использовалось как антипод либеральной демократии. В Советском Союзе под понятие «тоталитарный» подводились исключительно режимы нацистского и фашистского типа.

В «Философском энциклопедическом словаре», изданном в 1983 г., «тоталитаризм» рассматривается как одна из форм авторитарных буржуазных государств, характеризующаяся полным государственным контролем над всей жизнью общества. Тоталитарным государствам и режимам свойственны огосударствление всех легальных организаций, неограниченные полномочия властей, запрещение демократических организаций, фактическая ликвидация конституционных прав и свобод, милитаризация общественной жизни, репрессии в отношении оппозиции и инакомыслящих вообще³.

Идеальная модель тоталитарного общества отвергает само понятие «частной», то есть закрытой для общества жизни индивидуума. Тоталитарное государство обладает неограниченной властью над обществом и любой из составляющих это общество личностей. Эта власть сочетается с мощной идеологической обработкой человека и общества в целом. Все это так. Тем не менее, попытки объяснить высокий уровень консенсуса (согласия) в тоталитарных государствах насилием режима вряд ли представляются убедительными. Фридрих фон Хайек писал: «Суть в том, что наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации некоей структуры или модели»⁴.

При этом если в России и в восточных обществах демократические тенденции развития присутствовали только чисто умозрительно, то общества Европы фактически отбрасывали свои либерально-демократические традиции, которые казались архаичными в условиях

³ Философский энциклопедический словарь. М. 1983. С.690.

⁴ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С.20.

нового «века машин» и «века масс». С другой стороны, объяснить фашизм у власти и современные тоталитарные тенденции вековыми традиционалистскими устремлениями народов или «примитивностью составших масс», а развитие европейской цивилизации по пути либеральной демократии насилем либеральных политиков над народом было бы очевидным упрощением.

В любом из этих случаев в поле зрения исследователей неизбежно должен войти феномен *массовизма* (понятие, введенное в оборот Б.Р.Лопуховым), или *национализации масс* (по определению Дж.Моссе), или *коллективизма* (по Р.Скидельски).

Тоталитаризм – феномен массового общества

Многие исследователи тоталитаризма концентрируются на особенностях политического механизма режимов и не уделяют достаточного внимания изучению самих масс, психологии масс, массовой идеологии, нового политического стиля и иных проявлений поведения масс.

Сила тоталитарного режима – в его опоре на массы, в использовании тоталитаристских архетипов массового сознания, в достижении консенсуса между режимом и массами, по крайней мере, в период зрелой фазы тоталитарного режима. В изначальном смысле определение «тоталитарный» использовалось для типологизации обществ и режимов как коллективистских и массовых. Уже упомянутый Дж.Амендола был антифашистом, но не антитоталитаристом. Его взгляды находились в плоскости «коммунитарного и солидаристского» либерализма, который можно отнести к разновидности тоталитаризма. На путь антифашистской борьбы Амендола встал в связи с тем, что фашизм, по его мнению, узурпировал политическую власть⁵. Антитоталитаристами, естественно, не были левые социалисты и коммунисты.

Х.Ортега-и-Гассет был не первым интеллектуалом, обратившим внимание на «восстание масс», опасность их выхода на политическую сцену. Но, возможно, он был последним из властителей умов, кто противопоставлял массовому обществу власть интеллектуальной элиты.

Современный философ Умберто Эко даже не замахивается на такую постановку проблемы, направляя свои усилия на то, чтобы обосновать право интеллектуальной элиты «выпячивать двусмысленности и освещать полутона».

По мнению У.Эко, функция интеллигенции состоит в том, чтобы критически выявлять то, что представляется посильным приближением к представлению об истине... Интеллигент не должен дудеть музыку революции. Не из-за того, что стремится уйти от выбора (он, кстати, вполне имеет право выбирать, но как индивидуум), а потому что для действия требуется устранять полутона и двусмысленности (такова незаменимая функция командующих фигур во всех процессах), а интеллигентская функция состоит, наоборот, в том, чтобы выпя-

⁵ *Bedeschi G. Il fascismo di Amendola // Storia contemporanea. 2000. N4. P.13-14.*

чивать двусмысленности и освещать их... Интеллектуальная функция может привести человека к результатам эмоционально непереносимым, поскольку многие проблемы решаются только выводом, что они решения не имеют⁶.

Философ Мераб Мамардашвили, размышляя об истоках советского тоталитаризма поставил точный диагноз:

«...никакого сталинизма не существовало. На самом деле Сталин – это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение. Об этом, кстати, он и сам говорил, признаваясь, что партия создала его по своему образу и подобию. Миллионы “сталиных” – это социальная реальность, в которой живет масса властителей... Адекватным их сознанию оказался Сталин. Поэтому он и стал тем, кем стал»⁷. Неудивительно, что в XX веке народную харизму выражали не представители интеллектуальной элиты, а ефрейторы, в крайнем случае, полковники.

Автор исследований идейных и культурных предпосылок германского национал-социализма и тоталитаризма Дж.Моссе обращает внимание на важную посредническую функцию *нового политического стиля* в массовом обществе.

В соответствии с новым политическим стилем «диктатор и народ более не противопоставлялись друг другу». «Напротив, новый политический стиль выполнял посредническую миссию между ними, подменяя ту роль, которую парламент выполняет в либеральном государстве. Через ритуалы и праздники, мифы и символы народ привлекался к активному участию. Для миллионов людей это была истинная демократия...». Используя новый политический стиль как выражение демократии, итальянский фашизм и германский национал-социализм были в состоянии поддерживать консенсус и тем самым скрывать их провалы в социальной и экономической областях. Таким образом, массовый террор, который обычно рассматривается как неотъемлемая часть тоталитаризма, в самом начале не использовался фашистскими режимами. Чтобы быть точнее, отметим иные формы подавления индивидуальности, которые не следует относить к массовому террору. Первые годы фашизма у власти требовали от большей части населения лишь разнообразных форм конформистского поведения. То, что Дж.Талмон назвал «тоталитарной демократией», на самом деле, являлось новым политическим стилем, альтернативой парламентскому правлению, которая проявлялась в осуществлении современной политики интегрировании масс в политическую жизнь и в организации посредничества между руководством и народом»⁸.

Специфика тотальной массовизации современных обществ такова, что «китайской стены» между *тоталитарной* и *нетоталитарной* формами организации обществ практически не существует. Одним из первых на это обратил внимание Ф. фон Хайек в знаменитой работе «Дорога к рабству», опубликованной в 1944 г.⁹ Новый политический

⁶ Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб, 2000. С.17.

⁷ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С.170.

⁸ Mosse G.L. Democrazia totalitaria e nuovo stile politico // Nuova storia contemporanea. 1998. N 4. P.7.

⁹ Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. №10-12.

стиль эффективно применяется в государствах как тоталитарной, так и либеральной демократии.

В «стерильном» научном смысле понятия «демократия» тоталитарный режим соотносим с демократией как особый тип демократического устройства (*тоталитарная демократия*). Поэтому нам видится научно более корректным установление следующих антитез, например, *либеральный – тоталитарный, либеральная демократия – тоталитарная демократия, либеральный режим – тоталитарный режим*. Во всех случаях речь идет о сопоставлении *идеальных* моделей.

Тоталитарная демократия versus либеральной демократии

Концепция «тоталитаризм – антипод любой демократии» объясняется тем, что исследователи при изучении тоталитарных феноменов прибегают к одностороннему изучению источников – к трудам антитоталитаристских авторов. И оставляют «за скобками» труды оппонентов либеральной демократии – традиционалистские или тоталитаристские.

Традиционалисты противопоставляют либеральным моделям демократии свой первофундамент – «органическую демократию», основанную на принципе «братства».

«Смысл «органической демократии», – по определению Алена де Бенуа, – в том, что она в качестве основы социального устройства общества берет *народ* как особую единую качественную и органическую общность, укорененную в истории, имеющую свою собственную духовную, культурную, национальную и политическую традицию, которая ложится в основание политического самопроявления народа, служит критерием принятия судьбоносных решений и принципом коллективного волеизъявления. Органическая демократия рассматривает народ не как безжалостный механизм, но как *живой организм*, не могущий быть расчлененным на атомарные единицы (детали) без того, чтобы не наступила смерть»¹⁰.

Но для реализации этого типа демократии необходимо создание «однородного, гомогенного общества». Нарушение однородности немедленно вносит раскол в народную волю, создает помехи для ее проявления. По мнению А.Дугина, между демократией, понятой органически (в случае однородного, мононационального общества), монархией и империей не существует никакого противоречия. Конечно, если при этом во всех этих формах соблюдается самое главное условие – «соучастие» народа или народов в своей политической судьбе. Антиномию «органическому народу» составляет «разнородная масса».

Процесс раскалывания единого и органического народа, – продолжает А.Дугин, – вызван политическими действиями либералов. В противном случае сохранение и развитие «органического общества» может продолжаться бесконечно долго. Механизм поддержания или создания органического общества достаточно прост и действует, по

¹⁰ Цит. по: Дугин А. Консервативная революция. М., 1994. С.289.

словам Дугина, через «вытеснение» на периферию тех, кто имел к органическому единству народа случайное или далекое отношение.

«Если либеральная демократия настаивает на «правах человека», то органическая демократия должна настаивать на «правах гражданина», и именно эти права должны быть положены в основу юридического законодательства, регулирующего жизнь в обществе органической демократии». При этом понятие «гражданин» трактуется традиционалистами как «член «братства» сознательных и ответственных за историческую судьбу данного конкретного общества людей, которые с необходимостью должны быть укоренены в истории этого общества, связаны с ним прочными религиозными, этническими, кровными или культурными узами. Поэтому в демократиях неорганического типа ему просто нет места»¹¹. Измерением культурного, политического, идеологического, религиозного «органической демократии» является «коллективное бессознательное», выступающее как некая «общественная душа народа, в которой отпечатывается сакральная, историческая память и которая хранит в себе с древности психические архетипы Традиции в виде загадочных символов, смутных образов и характерных грез». Наконец, по мнению Дугина, если для реализации «органической демократии» на Востоке существуют все предпосылки, то на Западе, склонном к либеральной, индивидуалистической модели демократии, их еще необходимо создать¹².

Оба направления демократической мысли – тоталитарное и либеральное – утверждают высшую ценность свободы. Либеральные мыслители видят сущность свободы в спонтанности и отсутствии принуждения. Они полагают, что в отсутствие принуждения люди и общество через пробы и ошибки в конечном итоге могут достичь социальной гармонии. Использование силы для достижения цели считается злом. Конечные цели либеральной демократии не носят конкретного характера, в то время как тоталитаристы уверены, что свобода может быть реализована лишь в процессе стремления к абсолютной коллективной цели и в ее достижении прямыми действиями.

Проблема, с которой сталкивается тоталитарная демократия, может быть названа парадоксом свободы. Совместима ли свобода человека с исключительностью его существования как социального феномена, даже если эта исключительность нацелена на достижение максимума социальной справедливости и безопасности? Тоталитарная демократия отвечает положительно на этот вопрос. Провозглашаемая цель рассматривается как имманентная для разума и воли человека, являющаяся гарантией его свободы. Именно по этой причине крайние формы народного суверенитета стали наиболее важным сопутствующим элементом этой абсолютной идеи. Все конкретные проблемы и парадоксы тоталитарной демократии объясняются трудностью примирения свободы с идеей абсолютной цели. Эту трудность можно преодолеть лишь при условии, если мы будем мыслить исходя не из того, каков есть человек, а из того, каким он должен и может быть при соз-

¹¹ Там же. С.294-295.

¹² Там же. С.301.

дании соответствующих условий. При таких условиях должен исчезнуть конфликт между спонтанностью и долгом, а вместе с ним и необходимость в принуждении. На практике, подчеркивает Дж.Талмон, проблема состоит в том, исчезнет ли принуждение в силу того, что все научатся жить и действовать в гармонии, или же в силу того, что все инакомыслящие будут ликвидированы¹³.

Есть ли ограничители у этих бесконечных проявлений актов свободы? По мнению И.Егорова, *необходимость* накладывает фундаментальные ограничения на свободу. Именно здесь и происходит отбор на выживание, на воспроизводство жизни. Именно здесь свобода «соединяется» с необходимостью. *То, что выживает, получает санкцию на существование во времени.* В ходе своей истории человек постоянно стремится расширить ареал свободы, но реализованная, объективированная свобода в каждый данный момент времени становится реализованной возможностью, а тем самым и *частью необходимости*¹⁴.

Таким образом, *сама жизнь есть постоянный переход от свободы к необходимости и обратно, т.е. процесс пульсирующий и колебательный.* Действительно, чем ближе мы подходим к границе области условий, совместимых с жизнью, тем строже обнаруживают себя причинно-следственные (каузальные) связи, тем больше сужаются, постепенно сходя на нет, возможности выживания, тем вернее действует принцип «быть или не быть». *В этом крайнем пределе необходимость переходит в детерминизм, а свобода исчезает.* В частности, если свобода сопряжена, говоря в терминах теории вероятностей, с многообразием, множеством «исходов», жизнеспособность которых подтверждается соответствием области условий, задаваемых необходимостью, то, рассуждая математически, мы имеем бесконечное множество решений. Иными словами, детерминизм переходит здесь в индетерминизм, но не вообще, а в рамках условий, задаваемых историческим процессом.

В отличие от физических явлений, в общественной жизни исходной точкой становится не свобода (как творец и двигатель жизни в ее многообразии), а необходимость как ее предел. Задачей – сужение веера возможностей и сохранение только жизнеспособных вариантов, а идеалом (человеческим) – единообразие, т.е. однозначность (и предсказуемость) реакции, выбора, поведения и т.п. Таким образом, в человеческом и общественном сознании причина и следствие меняются местами, отсчет идет от обратного: не от действительной первопричины (свободы), а от ее предела – необходимости.

¹³ Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Часть 1. М.: ИНИОН, 1993. С.183.

¹⁴ Егоров И. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И.Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. 1999. С.110.

В связи с этим, продолжает И.Егоров, возникает новая категория – *регуляция и саморегуляция* как процесс взаимоприспособления, взаимодействия свободы и необходимости. Поскольку на первое место выходит проблема необходимости (выживания), то в обществе возникает и постоянно развивается огромный слой социальной регуляции и регламентации (законодательство, установки-ценности, цены и деньги и т.п.). Каждому его члену предписываются нормы поведения и определенные социальные роли. Складывается своего рода социальный каркас, действующий зачастую более жестко, нежели собственно естественные ограничители, поскольку нарушения социальной нормы чреваты порой катастрофическими последствиями. По мнению И.Егорова, регуляция есть поиск *компромисса* между свободой и необходимостью. Этот поиск носит, прежде всего, *эвристический* характер¹⁵.

Если отталкиваться от исторического опыта, то использование тоталитарных моделей должно быть табуированным. Мировой опыт не дал ни одного жизнеспособного варианта тоталитарной модели. Однако присущая только человеку игра на грани самоуничтожения провоцирует новые социальные соблазны, тем более что путь трансформации тоталитарных структур в либеральное демократическое общество оказался более сложным, чем это предполагалось на теоретическом уровне¹⁶. И все-таки общество, в котором свобода является маргинальной ценностью, а уважение к другой личности предрассудком, больше других обречено на воспроизводство тоталитарных феноменов. В качестве детонатора может выступить самый неожиданный общественный предрассудок или феномен психологии масс.

Типологизация фашистских режимов

Сопоставление различных типов тоталитарных режимов осуществлялось в трудах К.Поппера, фон Мизеса, фон Хайека, Леви-Стросса, Х.Арендта. Ведущее место в них занимала валоризация индивидуальных свобод. Главный их вывод сводился к тому, что между тоталитарными режимами не было существенной разницы, а прогрессирующая национализация в буржуазных странах, наступление на частную собственность и свободный рынок сближает их с тоталитарными режимами.

¹⁵ Там же. С.112.

¹⁶ Как пишет Урс Альтерматт, даже в демократической Западной Европе экономические успехи в странах – «тиграх» Юго-Восточной Европы вызывают постановку вопроса о том, не следует ли отказаться от гражданских прав, чтобы достигнуть более высокого уровня благосостояния? Не говоря уже о посткоммунистических обществах Восточной Европы, которые подвергаются опасности погрузиться в анархический хаос мафии и манчестерского либерализма, правового популизма и этнонационализма, где нежный авторитаризм кому-то кажется заманчивым выходом из трансформационного кризиса. – *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000. С.17.

«Ревизионистская» линия в историографии второй половины 1960-90-х годов, представленная А. Дель Ноче, Дж.Моссе, Р. Де Феличе, Б.Р.Лопуховым, Э.Нольте, З.Стернхеллом, Ф.Фюре, Д.Сеттембрини, С.Романо, внесла огромный вклад в изучение родовых предпосылок тоталитаризма, взаимоотношений власти и масс, сущности политических режимов. Один из важнейших выводов «ревизионистской» историографии может быть сведен к тому, что причины возникновения тоталитаризма связаны с ускоренной модернизацией и специфической реакцией отдельных обществ на нее, с недооценкой созидательных возможностей свободного рынка и индивидуума и, напротив, преувеличением роли планового хозяйства и коллективных форм организации жизни. В научной литературе были разведены два тоталитарных типа организации общества: *правый* (национал-социалистического типа) и *левый* (советского и китайского типов). Некоторые итальянские исследователи (в первую очередь Де Феличе) относят итальянский фашизм к левому тоталитаризму (признавая, тем самым, «правым» тоталитаризмом исключительно германский национал-социализм). В любом случае, «левый фашизм» присутствовал в мозаике итальянского фашистского движения в XX веке, а после военного поражения многие его сторонники незаметно перетекали в другую антибуржуазную и антилиберальную массовую организацию – коммунистическую партию¹⁷.

Дж.Талмон выделяет «тоталитаризм левых» и «тоталитаризм правых». Если исходной точкой первого был и остается человек, его разум и спасение, то для тоталитаризма справа таковой являются коллективная сущность, государство, нация или раса. Левый тоталитаризм остается в основном индивидуалистическим, атомистическим и рационалистическим даже тогда, когда он поднимает класс или партию до уровня абсолютных целей. Другое принципиальное различие прослеживается в разных подходах к природе человека. Левые говорят о присущей человеку доброте и способности к совершенствованию. Правые говорят о природной слабости человека, его испорченности. И те, и другие могут говорить о необходимости принуждения. При этом правые видят в применении силы устойчивый способ поддержания порядка среди бедных и непокорных, а также обучения их действовать в манере, чуждой их посредственной природе. Левые, говоря о принуждении, считают его необходимым для ускорения совершенства человечества и социальной гармонии¹⁸.

Многообразие внешних проявлений тоталитаризма не может скрыть его зависимости от коллективистских устремлений массового общества. Вспоминается полемика с Ф.Фюре во время конференции в Милане в декабре 1996 г. В ответ на утверждение автора книги «Про-

¹⁷ *Parlato G. La sinistra fascista. Storia di un progetto mancato. Bologna, 2000.*

¹⁸ Там же. С.197.

шлое одной иллюзии» о том, что коммунистическая идеология окончательно повержена, было замечено, что как форма коллективистской идеологии она еще долго не утратит своей актуальности¹⁹.

XX век смешал все классические представления о Добре и Зле, наглядно показал, что на самом деле «благими намерениями вымощена дорога в ад», подорвал веру в самые совершенные умозрительные социальные конструкции. Гуманистические идеи или идеально реализованная архитектура демократических институтов не являются самодостаточными для реализации декларированных ими целей. Непредвзятый и внимательный наблюдатель сможет найти немало общего в политической культуре, стиле жизни, формах организации власти между обществами тоталитарной и либеральной форм организации жизни.

В таком случае напрашивается вопрос: а включает ли в себе понятие «тоталитарный» какую-либо смысловую нагрузку? Если да, то, какие исторические явления оно типически обобщает?

Попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны. Главным субъектом социальной истории является человек. А основной проблемой человека – его социальность. Соотношение между индивидуальным и коллективным в человеке пронизывает все стороны проявления человеческого – мораль, психику, культуру, экономику, власть, политику и др. Коллективистские тенденции присутствуют в истории человечества столь же естественно и органично, как индивидуалистические.

Известные к XX веку политические общества не ранжированы строго в зависимости от примата личностного или коллективного, но имеют как бы полюса притяжения. На линии, связывающей индивидуальное «я», с одной стороны, и «коллективное», «массовое», с другой, «тоталитарные формы» тяготеют в сторону последнего.

Можно предположить, что понятие «тоталитаризм» характеризует *специфическую форму взаимоотношений между индивидуумом, коллективом, массовым обществом и политической властью*. В отличие от либеральных или авторитарных форм связей «индивидуум – коллектив – общество – власть», в которых отчетливо проявляется примат личностного или узко группового интереса, тоталитарные феномены имеют *массовое, коллективное* выражение. Непременным атрибутом тоталитарного организма является достижение *консенсуса* между властью и массами и *тотальная мобилизация масс*.

Научная эвристика в осмыслении тоталитарного опыта

В трудах А.Борозняка, Н.Черкасова, Ю.Галактионова обстоятельно представлен «спор немецких историков», развернувшийся в конце 80-х годов на страницах научных и общественно-политических изданий. Меньше известно о дискуссии итальянских исследователей, на-

¹⁹ Материалы конференции опубликованы в сборнике: *Democrazia, nazione e crisi delle ideologie // Annali della Fondazione Ugo spirito*. 1997. Milano, 1999.

чало которой было положено в середине 1960-х годов изданием многотомной биографии Муссолини Ренцо Де Феличе. Когда Де Феличе обратил внимание на левые корни итальянского фашизма, это вызвало бурю негодования в антифашистской литературе²⁰. Сегодня наличие разных корней, в том числе левых, в мозаике фашистского движения, не вызывает сомнений.

В современной Италии дифференциация историографии по политическим направлениям практически утратила свое значение. Реальностью культурной жизни становится исчезновение противостояния между фашизмом и антифашизмом, столь характерное практически для всего послевоенного периода. Идеологическая и политическая «ось антифашизм – фашизм» подменяла собой и другие дихотомии: прогрессивный – реакционный, левый – правый, умеренный – экстремистский. На исходе XX в. проявился очевидный кризис классической типологизации идейных течений на «левые» и «правые». В большинстве европейских стран стерлось противостояние между фашизмом и антифашизмом в культурной и общественно-политической жизни. На первый план вышла другая дихотомия: «экстремизм» и «умеренность» (синонимами последней стали «законность» и «конституционность»), не связанные априорно с «левыми», «правыми» или «третьими» идеологиями. Относительно последних представляется обоснованным замечание, высказанное Норберто Боббио. Он не считает «третью» идеологическую систему компромиссом между противостоящими полюсами, выводя ее в самостоятельное пространство. «Не Третий – между, а Третий – другой, где Первый и Второй, не только отделены один от другого, и сосуществуют в их оппозиции, но и сближаются в их взаимозависимости и односторонности»²¹.

Исследователь, неангажированный политически или идеологически, может констатировать, что одни и те же идеи входили в идейный багаж идеологий, относящих себя к левым и правым, революционным и контрреволюционным, что все они являются продуктом одной и той же цивилизации. Не говоря уже о том, что в политических действиях левый и правый экстремизм зачастую смыкаются. Отсюда в ряду умеренных или экстремистских могут оказаться одни и те же идеи и политические течения, формально отнесенные к правым или левым.

Джузеппе Парлато, ученик Де Феличе, идентифицировал в муссолиниевском движении *фашистскую левую* как самостоятельное течение и избрал ее объектом своего исследования²². Прежде всего, обратимся к взглядам Парлато на природу фашистской идеологии и движения.

²⁰ См. Михайленко В.И. Итальянский фашизм. Свердловск, 1987. С.145.

²¹ Цит. по: В.И. Михайленко. Эволюция политических институтов современной Италии. М., 1998. С.30.

²² Parlato G. La sinistra fascista. Storia di un progetto mancato Il Mulino, 2000.

«Фашизм не возник из ничего и не развивался вследствие собственных качеств, извлекая собственную идеологию из своей собственной сущности. Важные элементы идеологии, культуры и фашистского политического стиля обнаруживаются в предшествующих политических традициях, как в правых, так и в левых: в наследстве якобинского национализма, в мирских мифах и литургиях массовых движений XIX века, в неоромантизме, в иррационализме, в спиритуализме и в волюнтаризме разнообразных течений мысли – «философии жизни» и «философии действия», в разнообразных проявлениях активной жизненной позиции и антипарламентаризме антилиберальных движений новых правых и новых революционных левых, которые действовали в Италии и в Европе до первой мировой войны. В фашистской идеологии... сливались идеи и мифы предшествующих культурных и политических движений таких, как флорентийская авангардистская группа журнала «Ла Воце», футуристы, националистическое движение, революционные синдикалисты»²³. Различные культурные слои вливались в фашизм: от революционного синдикализма до футуризма, от республиканцев призыва Мадзини до социализма эпохи Рисорджименто, от радикального антиклерикализма до антибуржуазного популизма, от примата коллективного над индивидуальным до сквадризма и мистического обожествления труда и техники. На этой эклектической основе шло формирование нового правящего класса, который осуществлял разрыв с либеральным прошлым Италии. Левый фашизм не был «партией в партии, но являлся структурным течением в рамках фашизма»²⁴.

Если более-менее понятной является исходная матрица фашистской идеологии и движения, то значительно сложнее выделить их компоненты в период утверждения и развития тоталитарного государства.

Большинство левых фашистов были решительными противниками парламентаризма и либеральной системы, однако они вкладывали иной смысл в понятие «тоталитарное государство», чем муссолиниевское руководство. Для них «истинное тоталитарное государство» представляло собой разновидность «прямой, тоталитарной демократии», близкой к архитектуре советского государства²⁵.

Дж. Парлато описывает признаки фашистской левой в следующих словах: сильный и сознательный антибуржуазный дух, проявляющийся в нравах или вдохновленный идеями социально-экономической валентности. Если полемика против буржуазии была одной из характеристик зрелого фашизма, то скваднизм уже был в известной мере пропитан собственным презрением ко всему буржуазному. Это чувство вызрело в траншеях и в рамках своеобразного фронтового братства. Poleмика против капиталистической модели производства прослеживается в трудах философа Уго Спирито, противопоставлявшего буржуазной экономике профессиональную корпорацию, в синдикалистской версии преодоления капиталистической заработной платы. Фашистская левая отрицала буржуазные ценности и противопоставляла им идеи революционного преобразования итальянского общества на

²³ Ibid. P.9.

²⁴ Ibid. P.14.

²⁵ Ibid. P.17.

принципах профессиональной иерархии, в которой центральное место будет принадлежать итальянцу нового типа – человеку труда. Отказ от либеральной демократии сопровождался отстаиванием тоталитарной народной демократии в духе идей Руссо²⁶.

Начиная с середины 1930-х годов фашистская левая активизирует свое присутствие в университетской среде, усиливает политическую роль в фашистских синдикатах, занимается разработкой правовых норм социального государства и корпоративных институтов фашистского режима. Дж. Парлато разделяет мнение, впервые высказанное Де Феличе, о том, что в этой фазе на политической сцене Италии предстает «новый фашизм». Его отличие заключается в том, что синдикализм, завоевывая организационную форму левого фашизма, стремится противопоставить правящему классу новую культуру. Его основными идейными лабораториями становятся фашистские университетские группы и синдикаты. После падения фашистского режима этот «новый фашизм» сохраняет свое влияние в идеологии Итальянской Социальной республики, в опыте итальянского неофашизма после второй мировой войны, где фашистская левая пытается реализоваться вне фашизма в «третьем пути» (антикапиталистическом, антиамериканском и корпоративном) «национальной левой». В новом качестве «национальной левой», она ассоциирует себя с революцией, осуществляемой массами с целью установления тоталитарной демократии, «основанной на полном отождествлении класса и народа, слившихся в общности национальных ценностей и идеалов»²⁷. «Итальянская национальная левая» настаивала на собственной идентификации с идеалами Гарибальди, Мадзини и Пизакане.

Так Дж. Парлато выстраивает линию эволюции левой фашистской: возникнув до фашизма как левое социалистическое неинтернационалистическое течение, оно вливается в «фашистскую реку», поскольку видело в фашистском режиме возможность реализации своих радикальных демократических и прогрессистских целей. С крахом итальянского фашизма это течение не умирает, его представители реализуют свои устремления в неофашистском Итальянском социальном движении, а часть из них вступает в Итальянскую коммунистическую партию.

На исходе XX в. на страницах журнала «Нуова стория контемпоранеа» с новой силой развернулась дискуссия о типологических признаках тоталитаризма²⁸. В третьем номере за 2000 год была опубликована

²⁶ Ibid. P.17-18.

²⁷ Ibid. P.22.

²⁸ Несколько слов о самом журнале. Начиная с 1970 г. под редакцией Ренцо Де Феличе в издательстве «Мулино» выходил журнал «Стория контемпоранеа». На его страницах были опубликованы интересные статьи, мемуары, дневники деятелей XX века, но особым вниманием пользовалась проблематика истории итальянского фашизма, на страницах журнала печатались иссле-

статья известного историка и дипломата Серджо Романо, центральной темой которой являются типологические признаки тоталитарных режимов²⁹. Автор характеризует тоталитарное государство как «самую радикальную и последовательную версию этического государства».

«При тоталитарном режиме государство подавляет любые индивидуальные проявления и подчиняет их в собственных интересах, карает любое диссидентство как проявление ереси... Поэтому абсолютно тоталитарный коммунистический режим в Советском Союзе напоминал собой церковь эпохи инквизиции: сначала должен покаяться, а затем следует смертный приговор. Таким образом, тоталитарный режим карает непокорных, резко ограничивает индивидуальные свободы, разрывает самым решительным образом традиционные связи гражданского общества, разбивает вдребезги связи, которые объединяют граждан в профессиональные или гражданские корпорации, упрощают общественные связи»³⁰. Это, по Романо, черты любого тоталитарного государства.

В связи с тем, что в СССР самым беспощадным образом подавлялось право собственности, С.Романо считает советское государство более тоталитарным, чем национал-социалистический режим в Германии. Разнообразие форм собственности «создает разнонаправленные интересы и является фундаментальным компонентом современных демократий». Нацистский режим был полицейским, репрессивным, жестоким, расистским, и можно привести немало примеров насилия в отношении частной собственности, но он ее не уничтожил и, таким образом, не сломал прежнюю структуру германского гражданского общества; к тому же, несмотря на свои языческие поползновения, он не ликвидировал две христианские общины в Германии – католическую и протестантскую³¹.

С.Романо утверждает, что, несмотря на частое использование Муссолини слов «тоталитарный», характеризовавших отдельные, действительно тоталитарные, направления деятельности итальянского этического государства, в реальности фашистский режим был в компромиссе с такими крупными субъектами старого либерального госу-

дователи разных методологических направлений. После смерти Де Феличе в 1996 г. издательский дом «Мулино» прекратил финансирование журнала. Ученики Де Феличе, известные историки Франческо Перфетти и Дж.Парлато договорились с издательством «Луни эдитриче» об издании журнала «Нуова storia contemporanea», который тематически продолжает линию своего предшественника.

²⁹ Romano S. Totalitarismo, totalitarismi e regimi autoritari // Nuova storia contemporanea. 2000. N 3.

³⁰ Ibid. P.5.

³¹ В эволюции советского государства С.Романо выделяет разные этапы, полагая, что СССР периода Хрущева и Брежнева был менее тоталитарным, чем в сталинский период. В качестве доказательства он ссылается на расширение некоторых свобод, в том числе в области собственности, в эти годы. – Ibid. P.6.

дарства, как монархия, церковь, ассоциации промышленников, бюрократия, вооруженные силы и др. С. Романо обращает внимание на специфический плюрализм фашистской системы, который проявлялся в региональном вождизме. Региональные лидеры, например, Итало Бальбо в Триполи и в Ферраре, Фариначчи в Кремоне, Барбьеллини Амадеи в Пьяченце, Кроллаланца в Бари, Чiano в Ливорно, получали от Муссолини своего рода лицензию на самостоятельную политику в их «феодах». Схожая ситуация существовала на культурном фронте, где доминировали такие интеллектуалы, как Дж. Волпи в истории, Дж. Джентиле и Б. Джульяно в философии, Дж. Даинелли в географии. Безусловно, они присягали на верность фашистскому режиму. Но интеллектуальная или политическая конкуренция между ними создавала «зазоры» для инакомыслия³².

С. Романо считает необоснованным причисление типично авторитарных режимов – франкистского в Испании и салазаровского в Португалии – к ряду тоталитарных.

В заключение С. Романо останавливается на проблемах посттоталитарного развития Италии, Германии и России. По его мнению, нацизм не разрушил историческую преемственность германского общества – права собственности, юридическую основу германского государства. В связи с этим в послевоенный период происходит не прививка американской демократии, а становление германского демократического общества, имеющего старые демократические корни. Практически то же самое происходит в Италии.

В современной России, напротив, крах советской системы создал огромный законодательный и культурный вакуум, благодатное поле для авантюристов от финансов и экономики.

«Большая часть трудностей эксперимента в России связана с отсутствием норм, традиций, прецедентов в области собственности. Чтобы окончательно проститься с коммунистическим тоталитаризмом недостаточно ликвидировать правящую партию и изменить конституцию; необходимо сделать действующим право собственности и сотворить принципиально нового субъекта общества – гражданина-собственника. Многие из тех, кто критиковал Бориса Ельцина в эти годы, являются бывшими коммунистами, сделавшими ставку на реформированный коммунизм Горбачева. Я опасаясь, что мы так и не поняли того, что произошло в последние годы в России есть последний, неизбежный продукт советского тоталитаризма»³³.

Публикация Серджи Романо вызвала немедленную реакцию в виде статьи в том же журнале Раймондо Кубедду, профессора Пизанского университета³⁴. Р. Кубедду соглашается с С. Романо в том, что институты собственности и их правовое обоснование сыграли важную роль в

³² Ibid. P.7.

³³ Ibid. P.8.

³⁴ Cubeddu R. Il totalitarismo e i suoi nemici. I regimi totalitari e la demonizzazione del mercato // Nuova storia contemporanea. 2000. N 5.

становлении Западной цивилизации. Вместе с тем он обращает внимание на конкретную историческую ситуацию периода становления тоталитарных режимов, когда недооценка рыночных отношений и, напротив, демонизация свободного рынка считались нормальным явлением как в «прогрессистских», так и в «реакционных» кругах. Соответственно и «правые», и «левые» плановые системы вели наступление на индивидуальные права собственности. Пространство для частной собственности оставалось лишь в тех секторах, деятельность которых совпадала с генеральной линией политической власти³⁵.

Далее, Р.Кубедду отмечает, что наличие или отсутствие частной собственности является недостаточным критерием для дифференциации политических режимов. Даже в тех случаях, когда политические режимы формально допускали частную собственность, они имели возможность ее жесточайшего контроля с использованием всей государственной мощи (через налоги, законы, подзаконные акты, правила, нормы и т.п.). Использование механизмов государственного контроля над частной собственностью может нивелировать различие между демократическими, авторитарными и тоталитарными режимами. В современном мире существуют государства, в которых формально признано право частной собственности, но ее плоды почти полностью экспроприируются государством. Р.Кубедду обращает внимание на современную практику многих демократических государств, где государственное регулирование частной собственности признано обоснованным. Таким образом, делает вывод Кубедду, нельзя оценивать нацистский и фашистский режимы как менее тоталитарные, только потому, что они не уничтожили частную собственность. В действительности, концепция собственности, которой придерживались нацистские и фашистские режимы, не имела ничего общего с традициями классического либерализма. Р.Кубедду напоминает выводы Л. фон Мизеса, сделанные более полувека тому назад, согласно которым «модели русского и германского социализма имеют общие признаки, заключающиеся в том, что государство полностью контролирует средства производства». Но тот же Мизес обращал внимание на присущее отличие русской социалистической модели, которая является «жестко бюрократической». Характеризуя современные экономические системы, Мизес выделял две – «бюрократическую и основанную на прибыли»³⁶.

Р.Кубедду с сомнением относится к возможности использования признака «частная собственность» для типологизации тоталитарных феноменов. Возможно, считает автор, таким сущностным признаком является отношение тоталитарных режимов к тем средствам, кото-

³⁵ Ibid. P.27.

³⁶ Ibid. P.31.

рые они использовали в отношении инакомыслящих. Но даже в этом случае разница между использованием нацистами передовых технологий в виде «газовых камер» и советскими «натуральными» технологиями в виде «гулаговских морозильников» не представляется значительной³⁷.

В том же номере журнала опубликована статья профессора университета «ЛУИСС», бывшего посла в ФРГ Альберто Инделикато под заголовком «Коммунизм и национал-социализм: тоталитарная душа»³⁸. Как и Х.Арендт он утверждает, что качественное отличие тоталитарных режимов от иных заключается в господстве одной-единственной идеологии. Производным от этой установки является массовое принуждение (террор) и мобилизация масс³⁹. Согласно Инделикато, тоталитаризм основывается на триноме: идеология, полиция и экономика. Идеология, то, как правило, использует упрощенные псевдонаучные формы, доступные массам. Полиция в своих действиях руководствуется не законом, а «высшими интересами» класса, расы или партийной воли. «Духовная полиция», включающая систему образования и культуры, формирование общественного мнения поддерживают народный консенсус. В экономической области тоталитарный режим не допускает неконтролируемой активности. Все эти элементы были присущи нацистскому и советскому режимам, подчеркивает А.Инделикато. В связи с этим позволительно спросить, почему некоторые историки и политологи отказываются признать, что оба режима принадлежат к одному и тому же типу⁴⁰.

Тотальная идеология против тоталитаризма

Вернемся к теме, с которой начинали. Коллектив авторов, откликнувшись на предложение российского Президента, попытался сформулировать концепцию тотальной идеологии для новой России. Методологические подходы авторов разработки навеяны исследованиями Карла Маннгейма. Обратимся вслед за ними к одной из важнейших исходных позиций немецкого социолога, которая заключается в дифференциации идеологий на «тотальные» и «частич-

³⁷ Ibid. P.32.

³⁸ *Indelicato A. Comunismo e nazionalsocialismo: l'anima totalitaria // Nuova storia contemporanea. 2000. N 5.*

³⁹ «Весь парадокс заключается в том, что, будучи антидемократическими, тоталитарные режимы вместе с тем являются детьми демократии: они нуждаются в народном консенсусе, который достигается через принуждение». – Ibid. P.36.

⁴⁰ Ibid. P.37. «Сегодня, в начале нового века и, особенно в связи с тем, что к счастью в Европе исчезли эти одиозные режимы, за исключением ограниченного числа испытывающих ностальгию по ленинскому террору и сталинской бойне, нет причин продолжать говорить о бесполезных различиях между плохими «тоталитаризмами» и хорошими «диктатурами», только потому, что последние являются марксистскими». – Ibid. P.39.

ные». Тотальная идеология – «идеология, разделяемая всей нацией, страной, государством и/или каждым гражданином». Частичная идеология – узкопартийная идеология. Авторы разработки исходят из того, что частичные идеологии генерируют постоянную опасность выхода на государственный уровень и превращения – насильственным путем – своих частичных идеологий в тотальные. «Частичная идеология всегда создается определенной группой людей, отражая их представления о власти и программу ее действий»⁴¹.

К.Маннгейм противопоставлял частичным идеологиям (партийным, классовым, узкогрупповым) тотальную идеологию, разработанную интеллигенцией, стоящей вне групповых интересов. Именно интеллигенция, по его мнению, способна противостоять тоталитарным устремлениям массового общества. Как теоретическая модель система «тотальной идеологии против тоталитаризма» представляется возможной. Практическая же реализация этого проекта в российских условиях наводит на противоположные мысли.

Например, авторы справедливо пишут об идеологическом значении языка как основе формирования национального сознания, который «задает методологию жизни в культуре, демонстрирует стабильность во времени и пути развития, жесткие нормы и правила коммуникации, ориентированные на читателя и слушателя...»⁴². Авторы ссылаются на «Пигмалион» Б.Шоу, в котором, как известно, профессор Хиггинс превратил массового человека Элизу Дулитл в полноценную англичанку.

Но как оценить нарождающуюся российскую тотальную идеологию, в которой в качестве стандарта предлагается язык Элизы Дулитл? Иначе, как говорит власть, народ не понимает сложной музыки Глинки и сложного текста гимна. И власть права: массовая культура воспринимает окружающий мир «слоганами» публичной рекламы.

Далее авторы пишут: «государство, заявляя о поддержке национальной идеологии как приоритетной задаче, должно неминуемо сделать следующий шаг – объявить, что оно принимает национальную идеологию такой, какой она существует...»⁴³. При этом они считают, что не может быть национальной идеологии как некоего целостного кем-то разработанного и сформулированного мировоззрения: «это должна быть идеология каждого человека, ощущающего в ней потребность»⁴⁴.

В чем-то с авторами предлагаемой разработки можно согласиться, если расставить дополнительные акценты. При некоторых условиях тотальная идеология действительно может стать альтернативой тоталитаризму. Но при каких? Во-первых, если государство в подходе к

⁴¹ Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства. С.15.

⁴² Там же. С. 19.

⁴³ Там же. С.22.

⁴⁴ Там же. С. 26.

национальной идеологии будет учитывать и поддерживать исходное культурное, идеологическое и политическое многообразие и видеть свою задачу в его поддержании путем выполнения посреднической функции, пресекая лишь экстремистские проявления. В этом и заключается, на наш взгляд, национальная идея современного этапа российской государственности. Государства, понимаемого в аристотелевском смысле как «общение»⁴⁵. Во-вторых, если государство не будет стремиться выстраивать некую универсальную и объединяющую идеологию, составленную из таких же исторических суррогатов как символы сегодняшней российской власти, олицетворяющие собой знаковую систему имперского прошлого и классовой борьбы.

В противном случае понятие «тотальная» может трансформироваться в сторону своего семантического близнеца «тоталитарное». На этом примере нам хотелось бы подчеркнуть, что «китайской стены» между тотальными и тоталитарными феноменами не существует.

Подведем итоги. Современные исследователи обращали внимание на кризис концепции тоталитаризма, справедливо указывая не на ее исчерпанность, а на усложнение нашего видения исторического феномена, который доминировал в XX веке⁴⁶. В истории человечества, пожалуй, не было другого такого периода решительного вмешательства рационального человека в естественный ход событий. Но выход масс на политическую авансцену, вместо желанной ими демократии и свободы, привел к установлению персональных диктатур невиданных ранее масштабов. Оказались посрамленными оптимистические знания о природе человека и человеческого. Одни и те же идеи, преломленные через призму исторических, этнических и психологических традиций, в разных обществах давали противоположные результаты. Там, где государственное регулирование оказалось сбалансированным свободным частным рынком, общество смогло «удержаться на склоне», чтобы не «соскользнуть в рабство», о котором предупреждал фон Хайек. Тиранические режимы и процветающие общества явились продуктом одной и той же европейской цивилизации.

На наш взгляд, эвристический потенциал понятия «тоталитаризм» не исчерпан ни в научном, ни в политическом смысле.

⁴⁵ Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997. С. 35.

⁴⁶ Соловьев Э.Г. Концепция тоталитаризма в западной политологии: перманентный кризис или вечный поиск истины // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1998. № 1.

ЧИТАЯ КНИГИ...

Г.И.Зверева, Л.П.Репина

Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе»

Несмотря на постоянный интерес к творчеству выдающихся российских историков второй половины XIX века М.М.Ковалевского, И.В.Луцицкого, Н.И.Кареева, П.Г.Виноградова и наличие многочисленных исследований, им посвященных, тема «русской исторической школы» отнюдь не выглядит исчерпанной. Она имеет не только собственные «внутренние резервы», но и серьезные выходы в общую историко-историографическую и теоретико-методологическую проблематику, а тот поворот темы, который заявлен и реализован в новой книге Г.П.Мягкова¹, открывает в ней новые горизонты.

На редкость удачно выбран ракурс исследования: с учетом сегодняшних внутренних потребностей российской исторической науки и с пониманием перспективных тенденций в мировой историографии. Ведь заявленная тема интересна, как минимум, в двух отношениях: – не только для изучения традиций и специфики развития отечественной исторической науки, но и с точки зрения общих тенденций мирового историографического процесса, причем оба эти аспекта изучены в исторической литературе (как в отечественной, так и в зарубежной) недостаточно глубоко – именно на методологическом уровне.

Обширный комплекс вопросов, поставленных автором, вписывается в чрезвычайно важные для историко-научных исследований проблемы профессионализации социально-гуманитарного знания и формирования научных сообществ и школ, занимающие особое место в интерпретации явлений интеллектуальной сферы. В значительной мере именно теоретическая и конкретно-научная литература, касающаяся проблем научного творчества, норм и предписаний научного профессионального сообщества, содержания научных коммуникаций, бытования научных школ и пр., стали в середине и второй половине XX века местом острейших дискуссий западных гуманитариев. В ходе таких дискуссий обсуждались принципиальные вопросы определения познавательных стратегий, соотношения профессионального языка и выби-

¹ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт "русской исторической школы". Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.

раемого исследователем подхода и проблемного поля в условиях трансформации познавательных парадигм. Важное место в этих спорах заняли проблемы способов порождения, закрепления и передачи профессионального (дисциплинарного) знания. В этой связи многократно обсуждалась одна из наиболее сложных тем – об имманентных процессах внутри локальных академических групп (в том числе, научных школах) и их определяющем, стимулирующем воздействии на жизнь профессий, которое, в конечном счете, содействует изменению исследовательской «нормы», познавательного «канона» и способно качественно реформировать научную парадигму. Работа Г.П.Мягкова, весьма необычная по постановке проблематики и способам ее решения, в полной мере учитывает направления этого интеллектуального поиска современной социально-гуманитарной мысли.

На основе системного теоретико-методологического осмысления общих черт социально-гуманитарного познания в современном мире, автор попытался выявить свойства критической саморефлексии российских профессиональных историков, различным образом переживающих последствия «познавательных поворотов» XX века и, в особенности, то новое, «постсоветское» состояние, в котором в 90-е годы оказалось российское историческое сообщество. С разрешением этой фундаментальной задачи оказался органически сопряжен и выбор конкретного объекта историко-историографического исследования.

Поставив задачу исследовать феномен научной школы, Г.П.Мягков вполне обоснованно избрал предметом своего анализа «русскую историческую школу» и осознанно проблематизировал конвенциональные академические представления о компонентах формирования и содержании научного творчества ее представителей. Это был столь же логичный, сколь и непростой выбор. Перед автором стояли большие трудности, главная из которых, без сомнения, заключалась в недостаточной разработанности методологического инструментария и концептуального аппарата: примененный в исследовании науковедческий подход нуждался в адаптации к гуманитарной специфике. Но не менее серьезных усилий потребовало освоение огромного массива историографических источников (в том числе новых архивных материалов) и литературы. Здесь сказалось современное понимание предмета историографического исследования, при котором в центре внимания находятся не отдельные идеи или произведения того или иного автора, школы или направления, а вся совокупность теоретических и исторических взглядов, взятая как целостная развивающаяся система.

Нельзя не оценить тот последовательный историзм, который проявился и в кропотливом анализе историографических источников, и в реконструкции процесса формирования и развития социально-философского и исторического мировоззрения разных представителей

«русской исторической школы», и в сопоставлении различных вариантов видения ими исторического процесса и способов его познания, и в изучении изменений в направленности и в содержании их профессиональных интересов, и в периодизации этапов эволюции изучаемого неформального научного сообщества, и в целом – в неукоснительном соблюдении ведущего принципа «социальной истории идей», который требует рассмотрения интеллектуальных движений и институтов в систематическом и последовательном соотношении с социально-историческим контекстом и происходящими в нем сдвигами.

Сбалансированное сочетание науковедческого и исторического подходов обеспечило исследованию добротную и надежную методологическую базу. Его научная ценность раскрывается, по крайней мере, в трех исследовательских перспективах. Во-первых, речь идет о выработке эффективного метода комплексного анализа гуманитарно-научной школы в соответствующем социально-политическом и культурно-историческом контексте. Во-вторых, проведенный анализ позволяет отчетливо выявить специфику и характерные черты самой «русской исторической школы», сделать наше восприятие ее более цельным и объемным. В-третьих, предпринимается удачная попытка уточнить место «русской исторической школы» в отечественном общественном сознании второй половины XX века и ее роль в интеллектуальной истории Европы этой эпохи. Г.П.Мягков последовательно выполняет свою исследовательскую программу, разворачивая перед взором читателя все эти три перспективы, хотя и не в равной мере.

Намерение автора вписать историографические процессы в России XIX–XX вв. в широкий контекст интеллектуальной жизни западного и российского социально-гуманитарных сообществ (с присущей им спецификой) изначально усложняет обозначенную им предметную область, разнообразит методы анализа историко-историографических источников и, в конечном счете, выводит ряд принципиальных рассуждений в междисциплинарную сферу: не только на пересечение трех исторических субдисциплин – истории историографии, истории науки и социально-интеллектуальной истории, но и на стык трех социально-гуманитарных наук – истории, философии и социологии. Конечно, все отмеченные аспекты избранной автором темы не могли быть полностью реализованы в одной, пусть и достаточно объемной и обстоятельной работе, но они играют важную ориентирующую роль, и потому позволяют по достоинству оценить заложенный в ней научный потенциал. Именно эта полидисциплинарная основа исследования позволила сформулировать новую концепцию феномена школы в исторической науке, которая может иметь практическое применение и в исследованиях по истории зарубежной историографии, и в преподавании курсов историографии всеобщей истории и истории отечественной историче-

ской науки. И с этой точки зрения, важным представляется стремление автора постоянно пояснять читателю содержание используемых категорий, понятий, базовых концептов. Лейтмотивом через весь текст книги проходит оригинальная интерпретация понятий «научная школа», «научное направление», «течение» в истории историографии и др., производимая автором с учетом трактовок и оценок современной зарубежной и отечественной научной литературы.

Совершенно справедливо особое внимание уделено выяснению принципов классификации школ, направлений и течений, а также характеристике и критике концепции их иерархической соподчиненности. Специально отмечается, с одной стороны, исчерпанность чисто эмпирического подхода, с другой – перспективность «схоларной» проблематики в условиях так называемой «деидеологизации» историографических исследований, назревшей необходимости перенесения акцентов с идеологических критериев выделения направлений на парадигмальные. Убедительно доказывается целесообразность и эффективность новой трактовки понятия «школы» в единстве трех аспектов: коммуникативных характеристик, идейно-методологических ориентаций, тематики конкретно-исторических разработок. При этом автор отнюдь не упускает из виду, а, напротив, исключительно отчетливо артикулирует вовлеченность историков в общественную практику и объединяющую роль разделяемой ими политической позиции.

В книге выстраивается объемная, динамичная модель интеллектуальной самоорганизации исторического сообщества, в которой «научная школа» занимает одну из ключевых позиций. Используя открытия в области философии, социологии и психологии науки, автор заметно обогащает теоретические представления о направлениях и способах интеллектуального и организационно-институционального формотворчества исторической «научной школы», утвердившиеся в профессиональной среде российских историков. Опираясь на различия в предмете и методах познания, Г.П.Мягков указывает на такие отличительные характеристики гуманитарных школ, по сравнению со школами в естествознании, как, например, большая подвижность, меньшая «спаянность», недостаточно отчетливо выраженное лидерство и т.д.

Он показывает, что формирование и деятельность исторических «научных школ» обусловлены не столько внешними для исторического знания факторами (хотя их значимость несомненна), сколько имманентными процессами, связанными с коллективными (групповыми) представлениями об историческом знании и профессии, разделяемыми в научной культуре в то или иное историческое время и в рамках определенной научной парадигмы. При этом правомерно проводится мысль об открытости, историчности, культурной изменчивости самого явления «научная школа» применительно к профессиональной историографии

и делается заключение о необходимости выдвигания на первый план историографического исследования коммуникативных характеристик школы и ключевого понятия «конфигурации исторической школы».

Именно эти идеи положены в основу анализа феномена «русской исторической школы». Г.П.Мягков выявляет специфику и все перипетии складывания интеллектуальной и институциональной общности российских историков, работа которых, по существу, заложила основания современной исторической профессии в России. Вводя в научный оборот богатейший историко-историографический материал, автор подтверждает свою гипотезу о значимости различных способов коммуникаций в академической среде историков для формирования «школьного» сообщества. Сопоставляя разрозненные факты творческой деятельности П.Г.Виноградова, Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, И.В.Лучицкого и других историков, занимавшихся разработкой преимущественно западноевропейской истории, Г.П.Мягков создает коллективную биографию целого поколения ученых, обративших свои способности и интеллектуальные усилия на становление университетского исторического образования в России. Он обращает внимание на специфические особенности философской и теоретической рефлексии историков, составивших «русскую историческую школу», их различные подходы к изучению исторического прошлого, дискуссии, внутренние несогласия, однако при этом убедительно доказывает несводимость понятия «научная школа» к единомыслию или нивелированию индивидуальности. Интересны наблюдения автора книги о сочетании в российской историографии конца XIX – первой четверти XX в. внешне противоречивых, порой оппозиционных друг другу, черт: открытости, подвижности, восприимчивости к новому, с одной стороны, – и строгой, нередко жесткой нормативности и регулятивности, с другой.

В книге обстоятельно охарактеризованы парадигмальные характеристики «русской исторической школы». Несомненной удачей явилось последовательное сопоставление идейно-теоретических исканий и методологических ориентаций ее ведущих представителей, их размышлений о роли исторической науки, своеобразного понимания историзма и работы «в целях социологии», их взаимного сближения на почве плюрализма. Особый интерес вызывает раздел «Конфигурация конкретно-исторических исследований», в котором представлен широкий диапазон проблемно-тематических интересов каждого из представителей «русской исторической школы» (совершенно невозможный для их коллег и современников в Западной Европе, где процесс специализации зашел гораздо дальше). Автор доказывает, что именно многообразие подходов, внутреннее интеллектуальное напряжение, сочетавшееся в «русской исторической школе» с принципиальной общностью в понимании содержания и задач исторической профессии позволяет

говорить о генезисе и развитии такой школы в России.

Глава «Русская историческая школа: опыт формирования и развития» не только в высшей степени информативна, но и предельно насыщена тонкими конкретными наблюдениями и рассуждениями. Читателю предъясняется тщательно проработанный материал, касающийся коммуникативных характеристик «русской исторической школы». Особое место занимает анализ заграничных командировок и научных контактов представителей «русской исторической школы» с зарубежными учеными, а также выявление характера их интенсивного общения между собой, которое способствовало формированию определенной, самой общей, направленности их научных интересов, по выражению автора, «в одно русло». Здесь же обсуждается проблема лидерства в «русской исторической школе» и подчеркивается роль В.И.Герье («исходного лидера», выступавшего преимущественно в качестве общего наставника) в ее становлении, роль «московской среды», «школообразующие» функции учебных и научных семинаров, кружков, «дочерних школ» и т.д.

Автор ставит и решает множество более частных вопросов, которые либо ранее специально не изучались, либо, не найдя убедительного решения, остаются предметом научной полемики. Все промежуточные выводы и утверждения подробно аргументируются конкретными свидетельствами источников. Однако нельзя не отметить, что в некоторых, хотя и исключительно редких случаях имеют место довольно зыбкие допущения. Так, например, нам представляется, что тезис о «лидерстве В.И.Герье» нуждается в дополнительных доказательствах: примечательно, что сам автор посчитал нужным снабдить его целым рядом оговорок. Но именно такое решение вопроса о лидерстве оказывается очень важным для последующего объяснения – именно влиянием В.И.Герье – тематического и методического разнообразия конкретно-исторических исследований «русской исторической школы». Тезис «работает» на авторскую концепцию, а значит, его система доказательств должна быть существенно укреплена.

На наш взгляд, Г.П.Мягкову удалось раскрыть неизученные аспекты темы, уточнить ее концептуальные основы и внести свой оригинальный вклад в разработку проблематики историко-историографических исследований в целом. Особо отметим центральный для всего исследования вывод о качественных отличиях школ в исторической науке и необходимости их многоуровневого анализа. Автору сумел показать на конкретном материале, каким образом новые ментальные конструкты, создаваемые в процессе трансформации познавательной парадигмы (несмотря на критику и даже открытое неприятие), становились частью коллективного сознания историков, меняли границы нормы, закреплялись в качестве стереотипов профессионального поведения.

Большой интерес представляют те разделы книги, в которых выявляются сущностные черты профессионального исторического знания в России в процессе обретения участниками исторического сообщества новой рациональности, поисках стабильности в способах познания и формах репрезентации результатов научной работы. При этом автор органично вводит в текст элементы рассуждений из отечественной и зарубежной историографии, критически сопоставляя различные интерпретации по исследуемым вопросам.

Работе Г.П.Мягкова присущи черты, позволяющие относить ее к новому поколению историко-историографических исследований. Эта новизна обнаруживается не только в академическом стиле рассуждений. Важно отметить, что автор широко понимает свою предметную область, подразумевая в ней, наряду с ментальными и концептуальным «измерениями», наличие научно-организационных, профессионально-культурных, когнитивных и других аспектов.

Вместе с тем, напрашиваются и некоторые пожелания. В частности, анализ поколенческих характеристик исследуемого научного сообщества мог бы быть существенно обогащен, если бы автору удалось опереться на те разработанные культурно-исторические концепции поколений, которые имеют хождение в современном обществоведении.

В целях сохранить четкую логику изложения, автор убрал множество полемических рассуждений по затронутым сюжетам в примечания, а между тем среди них имеются исключительно интересные и существенно значимые, намечающие перспективные направления будущих исследований. Такие, например, как чрезвычайно плодотворные сопоставления и тонкие наблюдения автора относительно сходных процессов в западной и отечественной историографии, а также касающиеся преемственности проблем в развитии историографического процесса на разных его этапах. Думается, что следовало бы более ясно провести мысль о принципиальной близости процессов профессионализации исторического знания в России и в странах Западной и Центральной Европы². Сопоставление такого рода позволило бы уточнить степень оригинальности тех исследовательских подходов и познавательных процедур, которые применялись в конкретно-исторических исследованиях участниками «русской исторической школы».

² К сожалению, на периферии внимания автора остались некоторые важные работы современных западных авторов, посвященные проблемам становления исторической профессии и формированию научных сообществ в Европе в Новое и Новейшее время (например, серия работ под редакцией Р.Торштендаля).

Ренессансная Флоренция в непривычном аспекте: преступление и наказание Антонио Ринальдески

Речь пойдет об интересной работе американских исследователей – Уильяма Коннелла, возглавляющего кафедру итальянистики в университете Сетон Холл, и Джильса Констебла из Института высших исследований в Принстоне¹. В ее основе – незаурядная история, которая приключилась с одним из граждан Флоренции в июле 1501 г. и закончилась для него трагически. В основных чертах то, что произошло, выглядело следующим образом. Флорентийцу Антонио Ринальдески в 1501 г. было около 30 лет от роду; известно, что принадлежал он к дворянскому званию (*nobile fiorentino* – сказано о нем в источнике), но не отличался ни добрыми нравами, ни должным уважением к отцу, которого он подвергал побоям и который отказал ему в наследстве; по некоторым сведениям, Ринальдески тяжело страдал от дурной «французской болезни». Легко предположить, что такой человек, как Ринальдески водил дружбу с негодными людьми и посещал сомнительные заведения, а подобная жизнь ни к чему хорошему, понятное дело, не ведет; как бы то ни было, 11 июля 1501 г. он оказался в таверне под названием «Фиговое дерево» (*nell Osteria del fico*), где, играя в кости, спустил все – и деньги, и одежду (*Persi i danari e i Panni*).

Ослепленный гневом (*accettato dall'ira*) (Р.59. Fig.12) он уже на улице поносил непристойными словами имя Богородицы. На площади у церкви Санта Мария дельи Альбериги ему попался на глаза сухой лошадиный (или ослиный) помет; собрав и слепив его руками, он запустил им в изображение Богородицы на фреске «Благовещение», известной также под именем «Мадонна (или Санта Мария) де'Риччи», изображенной на стене часовни, которая расположена сбоку от упомянутой церкви. По-видимому, сразу сообразив тяжесть содеянного им, Ринальдески бежал из города. Не весь помет после удара о стену отстал от нее и упал на землю; часть его, по форме напоминающая засохшую розочку (*quasi pareva una rosetta secha*) (Doc. III. P.90), сохранилась на короне Богородицы. И это не осталось незамеченным, сам архиепископ удостоил своим посещением оскверненный образ, кото-

¹ *Connell W.J., Costable G. Sacrilege and Redemption in Renaissance Florence: The Case of Antonio Rinaldeschi // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. LXI. 1998. P.53-92.*

рый очень быстро начал превращаться в объект народного почитания, перед ним появились свечи и фигурки, приносимые по обету. Поимкой преступника занялась специальная служба с судебными полномочиями «Восемь стражников» (*Otto di guardia*). Какой-то случайно все видевший мальчик засвидетельствовал, что им был взрослый мужчина.

Вероятно, расспросы в таверне «Фиговое дерево» заставили следователей заподозрить в совершении святотатства Ринальдески. Были опрошены все, кто знал его, и через несколько дней – по утверждению иных, благодаря чуду – он был обнаружен в саду францисканского монастыря близ Флоренции. При задержании Ринальдески с помощью кинжала пытался покончить с собой, но неудачно. Незадачливого раненого самоубийцу отвели в тюрьму, находившуюся в Палаццо подеста (Барджелло), где над ним вечером 21 июля были произведены следствие и суд. Сознавшегося в совершении святотатства Ринальдески приговорили к повешению, его имущество подлежало конфискации. После исповеди священнику и отпущения грехов Ринальдески той же ночью был препровожден представителями «Черного братства» (*Compagnia dei Neri*) к одному из окон Палаццо Подеста и на этом окне повешен (*A VII Ore di notte è impiccato a le finestre del Potestà*) (P.75. Fig. 23). Днем 22 июля тело его сняли и похоронили, а еще раньше, утром, архиепископский викарий очистил образ от следов святотатства, сохраняя которые больше уже не было необходимости.

Осталось несколько официальных документов, излагающих дело Ринальдески, краткие записи о нем имеются во флорентийских хрониках Луки Ландуччи и Агостино Латини. Однако внимание американских исследователей привлек прежде всего другой источник – цикл из девяти картин (три ряда с тремя картинами в каждом), изображающих разные этапы рассказанной выше истории. Теперь эти картины находятся в Музее Стибберта (Флоренция); изготовлены они были вскоре после случившегося, в 1502 г., мало известным флорентийским мастером Филиппо Дольчати для часовни, над дверями которой помещался оскверненный образ. Картины, все вместе составляющие единое сюжетное целое и снабженное пояснительными надписями, лишены сколь-нибудь существенных художественных достоинств (хотя, как отмечают американские исследователи, в некоторых из них очевидна ориентация на классические образцы проторенессансного и ренессансного искусства, на произведения Дуччо ди Буонинсенья и Филиппино Липпи). Их несомненная ценность как исторического источника в том, что они дают возможность не только увидеть наглядную повесть о святотатстве и бесславной кончине Ринальдески, но и понять, как случившееся с ним было воспринято и трактовано современниками. Именно этому последнему аспекту изучаемого события, то есть взгляду на него изнутри эпохи, в которой оно состоялось, преимущественно и посвящена работа

У.Коннелла и Дж.Констебла, опубликованная в «Журнале институтов Варбурга и Курто», наиболее авторитетном международном периодическом издании по проблемам истории духовной культуры, ориентированном на исследования междисциплинарного характера, которые, анализируя произведения искусства или памятники культуры, активно используют материалы социальной, политической, религиозной истории, а также истории философской, общественной и научной мысли. Типичный пример подобного рода исследований – статья У.Коннелла и Дж.Констебла. Следует отметить также ее близость тому громко заявившему о себе в историографии последней четверти истекшего столетия направлению, которое называется микроисторией. Небольшой, частный эпизод, каковым является «дело Ринальдески», рассматривается в широком контексте проблем эпохи, отразившихся в нем. И надо сказать, что эта эпоха, именуемая в исторической науке эпохой Возрождения, увиденная сквозь обстоятельства «дела Ринальдески», предстает в непривычном свете. Ни о какой религиозной терпимости, начала которой историки по давней традиции возводят именно к этому времени, не может быть и речи: мелкое, трусливое «хулиганство» (если воспользоваться юридической терминологией нашего времени) по отношению к предмету религиозного культа наказывается смертью.

Впрочем, стоит уточнить, за что все-таки Ринальдески был повешен? Ведь, кроме поругания святыни, он, как подчеркивают американские историки, был повинен еще в таких проступках, как игра в кости и покушение на самоубийство. Игра в кости, хотя и осуждалась и запрещалась церковной моралью и правом в средние века, однако никогда не наказывалась смертью, и в целом отношение в обществе к ней было достаточно терпимым. Другое дело – самоубийство. В материалах судебного дела Ринальдески, которое вела служба «Восьми безопасности», его попытка покончить с собой, как и поругание им святыни, квалифицирована в качестве нарушения нормы канонического права, установлений и статутів Флорентийской коммуны, а также добрых нравов (*contra formam iuris canonici, statutorum, ordinamentorum Communis Florentie, et bonos mores*. См.: Doc. I. P.89). А приговор к смертной казни через повешение Ринальдески, наказание которого должно послужить уроком для других, обосновывается как необходимостью относиться с почтением к имени Богородицы, так и тем, что никому не следует как безраздельному владыке распоряжаться своими членами и собственной жизнью (*cum nemo sit dominus membrorum suorum, et vite proprie*. Ibid). Опираясь на касающиеся самоубийства материалы юридической теории и практики средневековья, исследователи пришли все же к выводу, что нет серьезных оснований полагать, будто Ринальдески был наказан из-за попытки покончить с собой, хотя, несомненно, эта попытка была использована против обвиняемого. Каким образом? В качестве

своеобразной формы признания (as a form of confession) в содеянном святотатстве, за которое, по мнению исследователей, он, собственно, и был осужден (Р.70). Однако источники не дают никаких оснований для подобного предположения; скорее, и это подтверждают формулы обвинения и приговора, попытка Ринальдески совершить самоубийство была трактована в качестве такого проступка, который усугублял тяжесть вины подсудимого в глазах трибунала.

Главная же его вина состояла, несомненно, в оскорблении действом образа Девы Марии «к его великому поношению и унижению, а также к поруганию христианской веры» (in eius [dicte figure] maximum obrobrium ac vilipendium, et in verecundiam cristiane fidei. Doc. I. P.89). Именно святотатство в качестве преступления против религии вышло на первый план обвинения. Проблема, однако, состоит в том, что, хотя римское право, Ветхий Завет и многие авторитетные средневековые богословы требовали карать святотатство смертью, тем не менее, и схоластика, и юридическая наука эпохи, специально разбирающие преступления, которые подпадали под определение святотатства, полагали, что далеко не все они достойны смерти, а гражданское право, в той же Флоренции, например, предпочитало наказывать за них денежным штрафом, изгнанием, публичным покаянием в подобающем облачении (использовался, в частности, «позорный колпак» – *mitra infamiae*), наконец, тюрьмой или галерами. Правда, если закон не предусматривал за святотатство смертную казнь, то бывали случаи, и не единичные, в конце XV–начале XVI вв., – их перечисляют У.Коннелл и Дж.Констебл – когда толпа людей или местные власти в обход официальному правосудию сами вершили суд и расправу над оскорбителями святыни, побивая их камнями или вешая. Ринальдески же был казнен в результате официального судебного преследования. Тем его «дело» и необычно.

Авторы работы предлагают искать объяснение такому суровому приговору в особенностях сложившейся к тому времени ситуации во Флоренции (Р.77). Как они показывают, незадолго перед тем состоявшаяся казнь Джироламо Савонаролы (май 1498 г.), неистового обличителя церковных нестроений и упадка нравов (среди прочего – азартных игр и святотатства) побудила часть флорентийского общества, не принадлежавшую к его сторонникам, всячески выдвигать на первый план те моменты в прошлой религиозной жизни города (в частности, церковные праздники), которые никак не были связаны с Савонаролой; вместе с тем, его многочисленные последователи, ревностно хранившие преподанные им заповеди благочестия, были, в свою очередь, особенно чувствительны к оскорблению «старых» образов, которые их духовный учитель противопоставлял роскошным и дорогостоящим новым образам и к которым относилась поврежденная Ринальдески фреска «Благовещение» («Мадона де'Риччи»); наконец, общее негодование и одних и других должен был

усилить тот факт, что поруганию была подвергнута Богородица в городе, где особенно чтили ее (в 1432 г. именно ей был заново посвящен кафедральный собор – Санта Мария дель Фьоре) (Р.78, 79).

Учитывая все эти обстоятельства, пожалуй, можно согласиться с предположением американских исследователей о том, что Ринальдески, приговоренный к повешению за преступление, в иных случаях наказываемое не так сурово, играл роль своего рода ритуального козла отпущения, смерть которого должна послужить актом общественного очищения (he may have functioned as a kind of ritual scapegoat whose execution was a communal act of cleansing. P.77), что его судьба во многом была решена широко распространенным тогда страхом (импульсы которого восходят еще к проповедям Савонаролы), как бы Флоренция за свои грехи не лишилась божественных милостей и покровительства (Р.79).

По мнению У.Коннелла и Дж.Констебла, проступок Ринальдески спровоцировал бурный всплеск благочестивых настроений. В считанные дни поруганный образ превратился в объект особого поклонения (люди, как уже указывалось, начали ставить ему свечи, приносить восковые фигурки по обету и пожертвования), источники сообщают о тут же возникшей вере в будто бы совершенные чудеса: к числу таковых, по заключению исследователей (Р.85-87), могло быть отнесено и то, что оставшийся на образе помет «чудесным образом» напоминал «засохшую розочку» (*rosetta secca*), и то, что именно Богородица помогла обнаружить (*schoperir*) преступника, и то, что покушение Ринальдески на самоубийство закончилось неудачей, ибо «так было угодно милосердной Деве, не желавшей, чтобы сия душа была потеряна из-за подобного проступка» (*chome piacque a essa miserichordiosa Vergine, che non volle però che per tanto eccesso che quella anima si perdessi*. P.90). Такой трактовке событий «дела Ринальдески» отвечают, по наблюдению американских исследователей, и цикл картин из музея Стибберта, которые отнюдь не посвящены изображению позорных деяний (*pittura infamanti*), но призваны сохранять память о некоем чудесном случае, а именно – о спасении души благодаря вмешательству небесных сил; если на первых трех картинах, изображающих проигрыш и преступление Ринальдески, им руководят демоны (маленькие фигурки которых как бы подталкивают его совершить святотатство), то уже в четвертой картине демоны изгоняются ангелами, которые на шестой картине его сопровождают на суд, а на восьмой – на казнь, в центре же последней, девятой, опять же по наблюдению исследователей, – не сцена казни, но поражения демонов от ангельских сил; надпись на ней гласит: «Мой Господь, Иисус Христос, будь милосерден к душе моей» (*SIGNIOR MIO GIESV CHRISTO ABI MISERICHORDIA DELANIMA MIA*. P.75. Fig. 23. См. также: P.55, 87). В одной из рукописей более позднего времени смысл запечатленного на картине интерпретирован следующим обра-

зом: «По заступничеству Св[ятейшей] Девы Марии, как видно, его [Ринальдески – О.К.] душу оспаривали демоны и Ангелы, Которые препроводили ее в Рай» (Р.87 N 139). История, начавшаяся надругательством над образом Девы Марии, была использована, в итоге, к ее прославлению, в судьбе ее осквернителя усматривали знаки чудесного вмешательства Небесной Заступницы, завершившегося спасением его души.

У.Коннелл и Дж.Констебл склонны считать, что быстрое развитие культа Мадонны де'Ричч целиком обязано спонтанной народной инициативе, церковные власти лишь сумели его взять под контроль и использовать к своей выгоде, ограничив доступ к образу, собирая пожертвования и соорудив для него в дальнейшем молельню. «Народное поклонение [образу – О.К.] и чудеса, обнаружившиеся в течение десяти дней от проступка Ринальдески до суда над ним, по-видимому, и предопределили вынесение ему смертного приговора. Пощадить же его означало бы поставить под сомнение как честь и власть Девы Марии, так и законность поклонения ее образу», – заключают свое исследование американские историки (Р.88).

Однако есть еще один мотив этого неожиданно сурового решения суда, отчетливо прозвучавший в сохранившихся источниках и никак не отмеченный исследователями: оказывается, сам Ринальдески осудил себя на смерть (*e da sse si giudicò la morte*), но попросил, чтобы его не выдавали народу, в большом числе собравшемуся снаружи в ожидании его» (копия документа от 21.07.1501, сделанную в 1630 г.: Doc.IV. P.91). Это сообщение подтверждает другой документ, относящийся к записям «Черного братства»: «Чтобы не быть растерзанным народом, – сказано в нем, – он попросил милости (*gratia*) быть здесь [в Палаццо Подеста – О.К.] повешенным» (Doc.II. P.90). Ринальдески, испытывавший, по-видимому, животный страх перед самочинной расправой толпы, лишь помог придать форму законного приговора тому укорененному в глубинах народного сознания чувству, которое считало святотатца повинным смерти (о наличии в народе подобного убеждения свидетельствуют самосуды в конце XV-начале XVI в. над теми, кто покушался на религиозные святыни). Несомненно, именно эта свойственная народной религиозности установка, во власти которой оказались не только судебные органы, но и сам подсудимый, готовила трагический исход его дела.

Исследователям стоило бы, по нашему убеждению, не оставлять без внимания и вопрос, что двигало Ринальдески, когда он пошел на совершение святотатства. Дурное поведение, которым он был известен, мало что объясняет, а безрассудным его поступок и вовсе считать нельзя. Как гласят материалы суда, после проигрыша, выйдя из таверны, он «принялся проклинать себя самого и имя славной Девы-матери Марии и употреблял слова, которые лучше не называть» (*et usus fuit verbis quae pro meliori tacentur*); это значит, что Ринальдески был раз-

гневан именно на Богородицу, и что, когда он, как сказано, проходя по улице «Санта Мария Альбериги» и на углу ее увидя фреску с образом Богородицы («Мадонна де'Риччи»), швырнул в него куском помета (Дос. I. P. 89), то он сорвал свое зло не на первом попавшемся под руку предмете, а на том, кого он, кроме себя, винил в проигрыше. Почему?

Похоже, что во время игры Ринальдески обращался к ее помощи и тем самым как бы делал ее своим партнером. Американские историки мимоходом упоминают о характерном для игроков в кости того времени святотатстве, когда они, взывая к Богу и проигрывая, поносили Богородицу, на которую в этом случае были перенесены качества богини случая Фортуны, известной также как Госпожа Удача (P. 74 и N 76). Однако маловероятно, чтобы Ринальдески отождествлял Богородицу с богиней удачи, в его поведении скорее всего можно обнаружить уходящую корнями в древние пласты народной религиозности веру в возможность молитвами, пожертвованиями, точным соблюдением условий культа привлечь на свою сторону в качестве защитника или помощника ту или иную небесную силу (в христианстве чаще всего – Богородица или святых), которая в этом случае как бы разделяла ответственность за судьбу человека или его предприятия. Известны примеры, когда люди в той или иной форме даже «наказывали» своих небесных покровителей, как следует, по их мнению, не исполнявших в их отношении своей «службы». В Венгерской национальной галерее есть посвященный чудесам Св.Николая диптих (Saint High Altar Janjsret, датирован 1480-ми гг.), изображающий в ряде живописных сцен, как некий человек, жилище которого было опустошено ворами, стегает розгами, словно классный учитель нашкодившего мальчишку, деревянное изваяние своего патрона – Св.Николая, – не уберечь его от грабителей, и как затем, исправившись после наказания, этот святой помог изловить и посадить преступников в колодки и подвергнуть их смертной казни².

В таких случаях можно говорить о своего рода договоре, деловых отношениях, позволяющих на партнера в лице небесного заступника возлагать часть вины в случае какой-либо неудачи. Естественно, что подобный «вульгарный» взгляд на миссию святых и других небесных сил расходился с церковным, сугубо почтительным отношением к ним, не оставлявшим места сомнению в приписываемых им способностях и не допускавшим над ними никакого надругательства и насилия. Острота противоречий двух воззрений зависела от конкретных обстоятельств. Рост церковного контроля над духовной жизнью флорентийцев после гибели Савонаролы, а равно и вызванное этим проповедником широкое движение строгого благочестия были нетерпимы ко всякому обращению

² За проверку и уточнение этих сведений выражаю благодарность моему коллеге Ю.П.Зарецкому.

с Богоматерью и святыми в характерном для народных верований духе. Поведение Ринальдески отражает присущий его времени непримиримый конфликт этих двух установок. Руководствуясь представлениями «вульгарной религиозности», он заставил Богородицу как бы разделить с ним его позор за проигрыш; в то же время, сознавая, как люди и власти, ревнующие о чести и величии Богородицы, отнесутся к святотатцу, надругавшемуся над ее образом, который стал для них святыней, он поспешно бежал, а, схваченный, сам себя осудил на смерть.

Работа У.Коннелла и Дж.Констебла интересна и полезна тем, что позволяет увидеть ренессансную Флоренцию с малоизвестной стороны. Поступок Ринальдески, современника и соотечественника Леонардо да Винчи и Никколò Макиавелли, – никоим образом не акт богоборчества, но скорее свидетельство живучести в недрах народной психологии архаических народных представлений; реакция на него среды – той самой среды, которая незадолго перед тем внимала наставлениям Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, – показывает полную чуждость ей какой бы то ни было веротерпимости и безразличия к внешним формам культа и близко напоминает гонения, какими подвергнет в последующие десятилетия контрреформационный католицизм не только религиозное инакомыслие, но и не отвечающие узкому пониманию церковного благочестия народные традиции и верования. Было бы, однако, опрометчиво ограничиться констатацией очевидного несоответствия «достижений» высокой ренессансной культуры и установок народного, «массового» сознания; ибо, являясь разными сторонами духовной жизни одной и той же эпохи, они с неизбежностью должны были взаимодействовать. Исследование американских историков дает повод задуматься о возможных путях этого взаимодействия. Во всяком случае нельзя не отметить, что в первой половине XVI в. творчество некоторых ренессансных мыслителей обнаруживает интерес и внимание к тому, что можно было бы назвать «реликтовыми» верованиями, сохранявшимися в глубинах народной памяти, а бурные события религиозной жизни показывают, что движение религиозного благочестия, какие бы проявления оно ни принимало, самым решительным образом оказывало воздействие на культуру эпохи.

М.Р.Зезина

Интеллектуальное пространство России:

Провинция и Центр

(Обзор материалов конференции)

В последние годы исследования по истории отечественной интеллигенции и культуры все больше перемещаются из столицы в регионы. Конференции по этой тематике, регулярно проводимые в Иваново, Екатеринбурге, Омске и других городах России дают возможности для общения ученых различных специальностей и публикаций результатов исследований. К сожалению, материалы этих конференций, издаваемые тиражами 200-300 экземпляров, остаются малодоступными. Вместе с тем подобные издания имеют большую научно-информационную ценность, так как оперативно отражают направления и состояние исследований по определенной тематике в различных отраслях науки.

Конференция в Омске по проблемам развития культуры в центре и провинции, организованная при поддержке Института «Открытое общество» и Российского Фонда Фундаментальных исследований, Институтом российской истории РАН, Омским государственным университетом, Сибирским филиалом Российского института культурологии Министерства культуры РФ, Архивным управлением Администрации Омской области, Информационной сетью интеллектуальной деятельности и Омским областным институтом повышения квалификации работников образования, собрала историков, философов, культурологов и архивистов из Москвы, Твери, Казани, Екатеринбурга, Челябинска, Кемерово, Новосибирска, Иркутска, Омска, Тобольска и других городов. Материалы конференции сгруппированы в два тома, в каждом из которых выделены разделы, совпадающие с названиями секций¹. В первом томе: Интеллектуальное пространство: признаки и тенденции развития, инфраструктура; Интеллектуальное пространство России и регионов: проблемы и результаты изучения. Во втором томе: Мир историка: творчество, традиции и идеалы; Сообщества в интеллектуальном пространстве России, деятельность и судьбы ученых. Третий раз-

¹ Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX век». 27-28 сентября 2000 года, г. Омск. В двух томах. Т.1. Исследования интеллектуального пространства в XX веке: теория и практика. – Омск: «Курьер», 2000, 196 с.; Т.II. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. – Омск: «Курьер», 2000, 212 с.

дел второго тома «Мир ученого XX века в документах и материальных свидетельствах эпохи» содержит каталог-путеводитель выставки с таким же названием, которая проводилась в рамках конференции.

Как отметил в своем вступительном слове на конференции С.О.Шмидт, уровень культуры и характер общественной жизни в России определяется не только в Москве и Петербурге, но, прежде всего, в провинции. В этом отношении Омская конференция внушает оптимизм.

Центральная проблема конференции – интеллектуальное пространство России: провинция и центр – является одной из междисциплинарных комплексных проблем, которые выдвигаются на первый план в современной науке. В рамках ее обсуждения были поставлены как общие теоретико-методологические вопросы, так и практические вопросы организации и функционирования интеллектуального и информационного пространства современной России. Многие выступления содержали результаты конкретно-исторических исследований по различным аспектам культуры отдельных регионов страны.

В первом разделе первого тома опубликованы работы, посвященные методологическим проблемам исторических исследований. О.Ф.Русакова (Екатеринбург) выделяет несколько крупных тематических блоков в новейшей проблематике историософии России: 1) вызовы и импульсы, определяющие специфику динамики, квантификации и телеологии российского исторического процесса, 2) своеобразие культурно-исторического, антропологического, ментального ядра российской цивилизации, 3) способы моделирования устойчивых закономерностей и структур жизнедеятельности российского общества и российской государственности, 4) хаос и порядок в российской истории, возможности синергетического подхода, 5) миссионерский потенциал России, 6) векторы и пути развития России в XXI веке: преемственность и отрицание в отношении предшествующих эпох.

А.К.Соколов (Москва) рассматривает соотношение традиционной социальной истории, основанной на изучении социальных структур и их роли в исторических процессах и «новой социальной истории», которая зиждется на принципах современной герменевтики. По мнению автора, ответом на вызов, брошенный историкам постмодернистами, станет, с одной стороны, существенное пополнение подходов и методов исторического исследования, а с другой, модификация уже используемых познавательных структур. Главное, чтобы предлагаемые подходы и методы были адекватны предмету и задачам исследования и привлекаемым источникам.

Перспективное направление развития социальной истории обозначено в тезисах доклада В.С.Тяжелыниковой (Москва). Это – история повседневности. На примере «картины мира» советского человека 20-х годов автор показывает, что новые мировоззренческие устои утверждались в

результате сложного процесса сращивания революционных новаций и большевистской идеологии с традиционной российской ментальностью.

В центре внимания участников конференции оказалась методология изучения информационного пространства и практические аспекты его функционирования. В наиболее обобщенном виде эти вопросы рассматриваются в докладе В.И.Разумова и Л.И.Рыженко (Омск). Авторы анализируют понятие «интеллектуальное пространство», соотнося его с такими терминами, как «интеллектуальная среда», «информационное пространство», «интеллектуальная деятельность», и этой связи поднимают вопросы о времени складывания единого интеллектуального пространства в России и в мире. Авторы убеждены, что формирование интеллектуального пространства является целенаправленным процессом, требующим выработки новых технологий. Такой технологией является Информационная сеть интеллектуальной деятельности (ИСИД), общественная структура омских интеллектуалов, управленцев и бизнесменов, уже на протяжении двух лет занимающаяся продвижением в жизнь общественно значимых интеллектуальных проектов.

Целенаправленные усилия по организации интеллектуального и информационного пространства особенно необходимы в условиях переходного периода, переживаемого Россией. В докладе М.Р.Зезиной (Москва) проанализированы некоторые тенденции к дезинтеграции культурного и научного сообщества, связанные как с общемировыми процессами развития культуры, так и со спецификой России.

Преодолению этих опасных тенденции могут служить исследовательские проекты и новые технологии деятельности научного сообщества, которые выдвигались в ряде докладов на конференции. Так в докладе В.Г.Рыженко (Омск) были рассмотрены различные варианты междисциплинарного анализа интеллектуального пространства провинции. Автор убедительно показал, что одна из зависимостей от выбора объекта исследования непременным условием является междисциплинарный подход, что ставит исследователей перед необходимостью смены парадигмы профессиональных сообществ и выработки модели диалогового сотрудничества. Это дает возможность преодоления опасности провинциализма в региональных научных исследованиях.

Н.В.Середа (Тверь) посвятила свой доклад проблеме создания единых информационных пространств. Создание баз данных на основе библиотечных и архивных собраний, которое активно ведется как в Твери, так и в других регионах, требует скорейшего решения правовых вопросов, в частности проведения грани между информацией и интеллектуальной собственностью, создаваемой в процессе потребления информации.

О роли архивов и библиотек в формировании единых информационных пространств в регионах говорили многие участники конференции. С.И.Загребин (Челябинск) рассказал о многообразной деятельности ар-

живной службы Южного Урала. Г.Б.Паршукова (Новосибирск) предложила проект межрегионального комплексного исследования библиотечно-информационных ресурсов. Л.И.Огородникова (Омск) поделилась опытом, накопленным Госархивом Омской области по созданию информационных архивных сайтов в Интернете. П.П.Вибе (Омск) рассказал о создании сервера «Музеи Сибири», который он рассматривает как этап интеграции региональных ресурсов в Сеть культурного наследия России.

По мнению В.М.Шкарупы (Омск), применение новейших информационных технологий вплотную подводит к задаче глобальной компьютеризации информационных потоков, включая виртуализацию книги: создание в перспективе полномасштабной виртуальной библиотеки является велением времени. Трудно разделить эти надежды автора, и хочется верить, что книжная культура, формировавшаяся на протяжении, многих веков, выдержит натиск виртуальных текстов, и книга останется важнейшим средством человеческого общения, способом сохранения и передачи информации. Очевидно, что это мнение разделяют и книговеды Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, работающие над пятитомными коллективными «Очерками истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока». Об этом фундаментальном региональном историко-книжном исследовании, первый том которого уже вышел в свет, рассказала В.Н.Волкова (Новосибирск).

Многие выступления на конференции были посвящены исследованию отдельных составляющих элементов российского интеллектуального пространства. В докладе В.Ф.Чиркова (Омск) был дан обобщенный анализ места художественной культуры в интеллектуальном пространстве Сибири в XX веке. По мнению автора, активизация художественной жизни в сибирском регионе и обилие публикаций на эту тему, появившиеся в последние годы, подводят к необходимости создания специализированного научного центра по изучению художественной культуры Сибири. Состояние и перспективы развития гуманитарной науки в омском регионе были проанализированы в докладе Н.А.Томилова (Омск). О деятельности Екатеринбургского исследовательского центра, созданного в 1994 г., «XX век в судьбах интеллигенции России» рассказали его организаторы и руководители М.Е.Главацкий и М.И.Кондрашова (Екатеринбург). А.Ю.Конев (Тобольск) подвел итоги Первого Сибирско-Уральского исторического конгресса, состоявшегося в 1997 г. в Тобольске при патронаже Отделения истории РАН.

Второй большой тематический блок конференции представлен историко-культурной проблематикой. Последние 10-15 лет история городской провинциальной культуры и интеллигенции привлекает большое внимание исследователей. Накопленный опыт, который включает в себя освоение новых пластов источников, проведение междисциплинарных конференций, публикации результатов исследований, нужда-

ется в осмыслении. Поэтому ряд участников конференции посвятили свои выступления историографическим вопросам. По мнению Д.А.Алисова (Омск), в последние годы произошел качественный скачок в изучении городской культуры. Об этом свидетельствует появление фундаментальных обобщающих работ историографического и источниковедческого плана, повышение теоретико-методологической базы исследований, создание научных коллективов, приход молодого пополнения историков. Среди основных направлений, на которых сосредоточены усилия ученых, автор выделяет историко-архитектурную проблематику, социально-культурный облик городов, а также отдельные элементы инфраструктуры городской культуры.

Ж.Е.Левина и Т.А.Сабурова (Омск) попытались выделить вклад омских исследователей в изучение сибирской культуры и культурологии города. Конечно, этот вклад весом, особенно если учитывать не только результаты научных исследований, но и большую научно-организаторскую работу, но оценить его вне общего контекста невозможно, ведь историографический процесс не замыкается в узких рамках границ города. Вряд ли стоит к этому стремиться. Важнее общее продвижение по пути научного познания, нежели выяснение вклада представителей отдельных российских городов.

Неразрывная взаимообогащающая связь региональных и центральных исследований наглядно показана в выступлениях Б.А. Осадченко (Омск), Е.А.Акелькиной (Омск), А.А.Митя (Кемерово). В первом раскрывается значение исследований по социально-экономической истории Урала XIX начала XX веков для формирования концепции К.Н.Тарновского. Это была новаторская концепция, сформулированная в начале 1960-х гг., основные положения которой выходили за рамки общих представлений о дореволюционной российской экономике, господствовавших в то время. Выступление Акелькиной посвящено провинциальным центрам достоевсковедения, в которых отрабатываются многие новые гипотезы, концепции, методологические новации, оригинальные подходы к тексту, что обеспечивает высокий уровень российского достоевсковедения, заданный исследованиями М.М.Бахтина (кстати, также работавшим в провинции). В выступлении Митя дан анализ современного этапа в изучении пенитенциарных учреждений СССР. По мнению автора, в последнее десятилетие благодаря совместным усилиям столичных и провинциальных историков был совершен колоссальный прорыв в изучении темы репрессий.

Материалы конференции дают представление о направлениях конкретно-исторических исследований по истории интеллигенции. Результаты этих исследований, на первый взгляд тематически и хронологически разноплановые, складываются в целостную, хотя и несколько

мозаичную картину – эскизный портрет российской провинциальной интеллигенции. Вот этот портрет, созданный трудами многих авторов.

Определение «провинциальный» по отношению к интеллигенту, как совершенно справедливо полагает Т.О.Санникова (Екатеринбург), является не столько географическим, сколько качественным. Особенности образа жизни и культурной среды провинции неизбежно формировали специфические черты, отличавшие провинциального интеллигента от столичного. Ориентация на столицы, и в то же время замкнутость, узость круга для интеллектуального общения, тесное взаимодействие с окружающей деревенской средой, нехватка средств для обеспечения профессиональной деятельности – все это служило своего рода проверкой на прочность провинциальной интеллигенции.

Ю.Р.Штах (Омск), исследовав духовные искания сибирской интеллигенции на рубеже XIX–XX веков, пришла к выводу, что в целом провинция играла роль хранительницы духовно-нравственных традиций, в противоположность центру – инициатору инноваций. Представители сибирской интеллигенции больше ориентировались на конкретную духовную и социально-преобразующую деятельность, нежели на поиск «вечных» истин. Лейтмотивом их деятельности была забота о благе народном, но не с позиций кардинального изменения социального строя, а через развитие здравоохранения, просвещения и др.

Эти установки, как показала в своем выступлении Г.В.Оглезнева (Иркутск), закладывались в годы учебы. Учительские семинарии Восточной Сибири играли большую роль в культурном ландшафте региона. Четырехлетние программы обучения будущих сельских учителей включали экскурсии в музеи, обсерваторию, картинные галереи, обучение игре на музыкальных инструментах и пению. Концерты и спектакли, поставленные семинаристами, были частью культурной жизни губернских городов. Автор верно подмечает, что наиболее способные выпускники стремились продолжить образование, а сельское учительство пополнялось за счет тех, кто в семинарии достиг предела своих интеллектуальных возможностей. В этом отношении в конце века ситуация не изменилась по сравнению с началом.

Культурная среда, в которой существовала интеллигенция провинции, достаточно точно охарактеризована Е.В.Мельниковой (Омск), посвятившей свое выступление анализу ценностей и идеалов сибирской провинциальной публики конца XIX–начала XX века. Автор отмечает различия во вкусах и требованиях к театру духовно активной интеллигенции, буржуазно-мещанской публики и «простого народа». Интересы и деятельность провинциальной интеллигенции всегда выходили за рамки их профессиональной работы. Н.И.Лебедева (Омск) рассказала о большой роли, которую играли ученые и священнослужители в сохранении памятников церковной культуры в Западной Сибири в начале

века. Взаимодействие местного сообщества священников, архитекторов, преподавателей, научных работников и художников-реставраторов позволило сохранить уникальное наследие Сибири. Военные, будучи одним из наиболее образованных слоев интеллигенции, Омска внесли значительный вклад в развитие театральной культуры региона. Эту тему исследовала О.В.Гефнер (Омск). В ее выступлении отмечалось, что первый любительский театр в Омске – оперный дом – появился в Омской крепости, любительские спектакли, организованные офицерами и их женами, устраивались в Омском военном собрании.

С.С.Загребин (Челябинск) проанализировал деятельность уральских земств в области народного образования и просвещения и сделал вывод, что они являлись атрибутами формирующегося гражданского общества в Российской провинции.

В выступлении А.В.Гайдамакина (Омск) показано, что дореволюционная интеллигенция продолжала оказывать влияние на социокультурный ландшафт Сибири и после прихода к власти большевиков. Так в 1920-е гг. специалисты-аграрники дореволюционной формации играли заметную роль в управлении и организации сельскохозяйственного производства, опытного дела, в системе подготовки квалифицированных кадров, в развертывании научных исследований, в культурно-просветительской работе. К.А.Кабанов (Белово Кемеровской обл.) рассказал о деятельности Общества изучения Сибири и ее производительных сил, руководство которого составляли «старые» краеведы. Конфликт с «краеведами-марксистами» привел к ликвидации общества в 1931 г. и впоследствии к репрессиям против его руководителей.

Вопрос о возможных мотивах сотрудничества «старых» специалистов с советской властью на примере научной интеллигенции поднимает в своем выступлении В.Л.Соскин (Новосибирск). Автор убедительно опровергает распространенное еще в недавнем прошлом представление, что ядром этого сотрудничества были политические факторы. По его мнению, большая часть интеллигенции шла на сотрудничество с властью, руководствуясь с одной стороны необходимостью заработка, с другой, профессиональным интересом к научному труду. Кроме того, ученым импонировал демократический потенциал революции, который в первые годы советской власти был заметен.

В 1930-е годы этот демократический потенциал полностью иссяк, а от представителей интеллигенции, которые рассматривались партией как работники идеологического фронта, стали требовать абсолютной преданности власти. В выступлении Л.Н.Крепкой (Омск) рассказывается о деятельности омского областного лекционного бюро, которое опиралось на штатных лекторов – учителей, агрономов, инженеров, научных работников, вовлеченных в пропаганду партийной политики. С.Г.Сизов (Омск) анализирует влияние идеологических кампаний вто-

рой половины 1940-х гг. на театры Западной Сибири. Автор отмечает, с одной стороны, усиление идеологического диктата на театральную интеллигенцию со стороны партии, с другой – некоторые положительные последствия партийной опеки (укрепление дисциплины и требовательности в творческих коллективах, решение некоторых материальных проблем театров). Оппозиционные настроения в интеллигентской среде исследовали В.С.Балакин (Челябинск) на примере философского кружка А.А.Зиновьева, а также А.И.Прищепа (Сургут) на материалах следственного дела студента Уральского госуниверситета Г.А.Куприна.

В.Г.Рыженко и В.Ш.Назимова (Омск) поставили вопрос о необходимости освоения огромного комплекса опубликованных источников личного происхождения, еще слабо включенных в научный оборот. На материалах автобиографических очерков и воспоминаний А.Л.Чижевского, писем и дневников В.И.Вернадского и Ю.А.Готье авторы показали высокую информативность этих источников для изучения внутреннего мира российского ученого, оказавшегося в экстремальных условиях, а также их значение для рефлексии современного научного сообщества.

Третий большой проблемный блок материалов конференции был обозначен как «Мир историка: творчество, традиции и идеалы». В центре обсуждения здесь были проблемы складывания и развития научных школ, поколений историков, научных сообществ, а также роли отдельных ученых. К.Б.Умбрашко (Новосибирск), характеризуя основные этапы развития историографии как научной дисциплины в XX веке, остановился на деятельности столичных и провинциальных центров изучения историографии, созданных в последние годы.

О направлениях работы этих центров можно судить по выступлениям их представителей на конференции. Одной из методологических проблем, поставленных на конференции, был вопрос об определении конфигурации исторических школ, научных сообществ, где отсутствовала строгая консолидация, часто не было лидера, могли сосуществовать различные течения и направления. В выступлении Г.П.Мягкова и В.Д.Жигунина (Казань) эта проблема рассматривалась на материале «русской исторической школы», которая держалась как устойчивая и авторитетная общественная сила именно своим разнообразием и открытостью новым идеям, а не однородностью и доктринерством.

Л.А.Сидорова (Москва) обращает внимание на необходимость изучения поколений ученых, ведь смена поколений сопровождается сменой владеющих обществом идей и настроений, что отражается на работе историка. В советской исторической науке автор выделяет три полностью сложившиеся поколения исследователей и дает обобщенную характеристику каждому из них.

Поскольку труд историка, к каким бы научным сообществам, школам и поколениям он ни принадлежал, остается преимущественно ин-

дивидуальным, особый интерес представляет проблема индивидуальности в научном творчестве историка, которая была поставлена М.Г.Вандалковской (Москва). Автор отметила, что среди компонентов, обуславливающих научную деятельность ученого, значительную роль играют врожденные свойства его личности. Так ученики В.О.Ключевского, А.А.Кизеветтер, Н.А.Рожков, П.Н.Милюков, унаследовав основные черты своего учителя, проявили себя как яркие творческие индивидуальности, что не противоречит их принадлежности к одной школе. На примере М.В.Нечкиной, автор показывает, что и в советскую эпоху, когда идеология и политика пропитали науку, индивидуальность ученого пробивалась в его трудах.

Как отметила Ю.В.Краснова (Челябинск), личностные качества являются определяющими и в преподавании истории. Проведенный автором анализ представлений историков и педагогов рубежа XIX и XX веков об идеальной лекции по истории свидетельствует, что за последнее столетие прогресс в преподавании истории коснулся преимущественно технического обеспечения учебного процесса, а в главном представления об идеальной лекции остались прежними.

Внимание к индивидуальности историка обусловило интерес участников конференции к проблемам межличностного общения. Этому были посвящены выступления В.П.Корзун, М.А.Мамонтовой, С.С. Дорофеевой (все – Омск) и ряда других выступавших. Как верно подчеркнула Корзун, исследование межличностных коммуникаций позволяет изучить скрытое лицо науки, воссоздать интеллектуальное пространство как сеть общения, преодолеть излишний детерминизм в науковедческом анализе. Историограф проанализировала противоречия внутри петербургской школы историков на примере взаимоотношений С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского. М.А.Мамонтова рассмотрела полемику Платонова и Д.И.Иловайского как коммуникативное событие. С.С.Дорофеева остановилась на феномене журфиксов, которые играли заметную роль в формировании молодых ученых во второй половине XIX века. «Личностный» подход получил свое развитие в выступлениях Н.Н.Алеврас и Н.В.Гришиной, И.Н.Снисарь, Я.В.Боже (Челябинск), В.А.Перевалова (Екатеринбург), А.В.Свешникова (Омск), которые анализировали творчество отдельных выдающихся историков.

Материалы, посвященные истории отдельных сообществ и деятельности некоторых представителей интеллигенции, объединены в четвертый блок проблем, обсуждавшихся на конференции. Сообщества интеллектуальной элиты конца XIX начала XX веков исследовали И.Г.Горбунова (Санкт-Петербург) – на примере русских неокантианцев, группировавшихся вокруг журнала «Вопросы философии и психологии», и С.П.Бычков (Омск) – на примере общины Мережковских. О ли-

тературных сообществах в среде эмигрантской молодежи в 1930-е годы рассказала в своем выступлении В.Ю.Волошина (Омск).

Н.А.Куперштох (Новосибирск) сосредоточила внимание на «сибирском эксперименте» академика М.А.Лаврентьева по созданию комплексного научного центра в Новосибирске. Новые подходы к изучению академического сообщества в этом центре наметил Е.Г.Водичев (Новосибирск). Он считает, что это было уникальное сообщество научной интеллигенции, вспомнившей о своих традиционных ценностях, поэтому целесообразно включить в плоскость исторического анализа социальную рефлексию интеллигенции и, соответственно, рефлексию власти относительно социальной позиции интеллигенции.

Выступления Т.В.Юрьевой (Ярославль) и Г.Ю.Мысливцевой (Омск) были посвящены работе современных провинциальных музеев Ярославля, которые стали базой для проведения занятий со школьниками по истории культуры, и Омского музея «Либеров-центр», занявшего заметное место в культурной жизни города.

В рамках конференции был организован круглый стол «Формы и технологии организации интеллектуального пространства на рубеже XX-XXI веков». В ходе обсуждения были обозначены болевые точки в современном интеллектуальном пространстве и намечены совместные проекты, направленные на его развитие. Звучала мысль о том, что одновременно с мощным развитием информационных технологий, происходит нарушение сложившихся научно-координационных связей и информационного обмена. Однако большинство ученых с оптимизмом смотрят в будущее, так как видят в кризисных явлениях перспективу обновления. В качестве одного из перспективных направлений был отмечен проект ИСИД (Информационная сеть интеллектуальной деятельности), родившийся в Омске более двух лет тому назад и развивающийся в сторону межрегиональной сети. В итоговых рекомендациях конференции говорилось о необходимости сохранения и развития традиционных коммуникационных связей и налаживания новых форм сотрудничества. В частности предложено определить тему очередной, пятой встречи, которая намечена на 2002 год, с помощью виртуального общения сложившегося научного сообщества ученых, разрабатывающих проблемы теории и истории культуры и интеллигенции России.

SUMMARIES

S.A. Ekshtut. "And everything must be in this minute..."

The historical canvas that is dealt with in the article is in the reserves of the State Tretyakov Gallery, and as a result it is hardly accessible to researchers. However it deserves special studies as well as public attention. The canvas has the mathematical formula, and its' own philosophy of history that have not yet been understood. The canvas "Catherine II at the coffin of Elizabeth" was the result of detailed study by the painter, N.N. Ge, made at the period when most graduates from the Imperial Academy of Art, including historical painters, did not attend the gymnasium course on Russian history. The author of the article traced memoirs and pictorial sources used by Ge (publications by Free Russian Typography of Herten and Ogarev in London: "Memoirs by Catherine II", "Memoirs by Princess E. R. Dashkova", a pamphlet "On the corruption of customs in Russia" by Prince M.M. Tsherbatov, and a number of the 18th century portraits). The canvas shown at the third exhibition of the Peredvizhniks which was opened 21 January 1874 in St Petersburg was not accepted favorably. Contemporaries (public as well as the journalists) could not estimate it: the tone of all publications was either hostile or condescending. The author of the article defined three groups of reasons for this failure; his study presents one of the first examples of the phenomenology of the artistic failure.

M.M. Gorelov. Danish and Norman conquests of England in the thought of medieval historians

The article analyze the problems of medieval chroniclers' attitude to such large-scale events as the Danish and Norman conquests of England in the 11th c. The author studies contemporary chronicles and the work of the 12th c. writers. The article reviews the writings by Anglo-Saxon, Norman, Anglo-Norman and continental historians, and focuses on the specific features in their composition that depended on changes in political situation and in the needs of propaganda.

G.P. Mjagkov. "Nestor of German historiography" or the "valet of history"? Russian historians' debates on L. Ranke

The article demonstrates main stages and tendencies in the development of Rankean studies in Russia from 1830s. The author analyses the attitude of prominent Russian historians – of T.N. Granovsky, M.S. Kutorga, M.N. Petrov, V.I. Gerje, P.V. Vinogradov, M.S. Korelin, V.P. Buzeskul, A.K. Givolegov etc. to the work by Ranke. Soviet historiography followed Marx's tradition of despising Ranke's work. It was dealt with as existing out of the context of progressive historical thought development. Political changes of the late 1980s – 1990s enabled historians to depart from ideological engagement in analyzing Ranke's work, and to restore pre-Revolutionary tradition in the context of contemporary intellectual debates.

The fate of Reankean ideas in Russia is an important stage in the development of Russian-German cultural and academic contacts.

A.L.Jastrebitskaja. L.P.Karsavin: a work of a historian and historiographical process

The author deals with monographs and other publications by L.P. Karsavin (1882–1952) on European medieval culture and religiosity, the theory and philosophy of history, on the nature of historical knowledge, creativity of a historian and of historiographical process. The "Introduction into history" and the "Philosophy of history" by Karsavin present an original answer to the challenge made by Neo-Kantians and by Russian followers of Diltei. Karsavin's historical studies, his ideas of socio-cultural synthesis and the concept of historical process as cultures' dialogical interaction actualized the tendencies to reviewing sociological schemes in historiography, that appeared in the late 19th – early 20th cc. In this methodological perspective Karsavin's work seemed to exist in the same professional and intellectual context as that of his contemporaries – of A. Berr, L. Febvre, M. Bloch. Karsavin's work gave one of the first examples of individual "interdisciplinary synthesis" of the new European philosophy (with its tendency to differentiate man's creation and existence) and new concept of history that tried to present history in its totality and to reveal its inner motives.

I.G.Kulakova. 'Game forms' and the system of university education in Russia in the second half of the 18-th c.

The author deals with the early period of the history of the Moscow University. The functioning of the university needs a special social, political and cultural context, that could be created gradually. The article presents an attempt to analyze some aspects of the university life in the context of game elements which existed there. Public activities with game elements – feasts, graduation ceremonies, meetings of the first "scientific" societies, public lectures etc. – are studied. By reproducing a ritual of dispute the university founders modeled the elements of university culture. All these rituals were untypical for Russia, and they played an important role in the process of adapting new cultural forms.

A.V.Antoshchenko. "Classics" or "Realists"? Appellations to European experience and Russian secondary education (the Commission of 1900)

The author analyses the materials of the discussion on the proposals to reform Russian secondary education system made by the Ministry of Education in the early 20th c. The discussion revealed sharp conflict between the advocates of gymnasium with classic/religious curriculum ("classics") and the supporters of more democratic "real Schule" with secular curriculum. Both sides applied to European experience, and used the same facts of the history of European education as arguments "pro" and "contra", but their discourses differed greatly. By deconstructing these discourses the author explains why the Ministry preferred to ignore both positions and refrained from any serious reform of the existing educational system.

M.A. Solopova. From the history of the term κούφα κρέα, or What meat is good for man according to Aristotle?

The article is devoted to biological examples in Aristotles *Nicomachean Ethics*. The author deals with the term κούφα κρέα (light meat) and analyses two fragments: EN VI, 7, 1141b18-21 & VII, 3, 1147a1-8. On her opinion, the term κούφα κρέα, *hapax* in Aristotle, derives from traditional Hippocratic ξηρά κρέα (dry meat). Besides, the author assumes that another frase "dry food is good for every man" (EN VII, 3, 1147a5-6) is also a kind of biological example and the word ξηρά must be understood here as ξηρά κρέα, "dry meat", but not as "dry food" in general (according to the translation and interpretation of H.Rackham in *Loeb Classical Library*).

M.S. Petroff. Macrobius Theodosius: Prosopographical Essay

The article gives a critical survey and analysis of premises and assumptions whereby students of Macrobius reconstruct his career and date his treatises. Conclusions, approach and methods of the recent studies are under consideration. The second quarter of the fifth century is given as the time of Macrobius' activity. 390-400 AD are considered as a plausible date for his birth. A new reconstruction of Macrobius' biography is proposed on the basis of textual analysis of the *Saturnalia*, by identification of the work's personages with historical figures and examination of prosopography material. A fabulist Avienus (not Avianus) is considered as Macrobius' contemporary. The dedication of Avianus' to Theodosius (in the preface to his *Fabulae*) is translated into Russian.

I.G. Konovalova. Toponym as a mode of mastering the space (River ar-Rus of al-Idrisi)

The notion of medieval arabic and persian authors about Eastern Europe and waterways that crossed its territory is considered to be a complex combination of various information accumulated from different sources: ancient geography; muslim cosmographical ideas; contemporary data from traders and travellers. That is why there is a principal difference between modern geographical name that strictly corresponds to certain object and medieval geographical nomenclature which may also include speculative authors' constructions reflecting first of all his own ideas of physical and ethnopolitical geography of the region. Consequently such toponyms do not correspond to any real geographical object and therefore should not be directly transferred to modern map. The discussed hydronym *River ar-Rus*, mentioned by arabic geographer al-Idrisi (XIIth century) cannot be identified with any real hydrographical object in Eastern Europe but should be viewed as the totality of waterways by means of which one may meridionally cross the East-European plain.

P.P.Shkarenkov. Quintus Aurelius Symmachus: a Roman noble of the "age of decline"

The article is dedicated to Quintus Aurelius Symmachus, a famous orator, writer and of the Late Antiquity. The author studies his public career and his writing. He focuses on Symmachus' letters, and demonstrates that

they reflected the ideal form of Roman State and an ideal type of secular culture with its traditional values. In this sense Symmachus' letters presented one of the last examples of the old Roman tradition. But the ideal reconstructed by Symmachus was inherited by Cassiodorus who followed the tradition and created an illusion of eternal Rome in a barbaric world.

A.V. Korolenkov. Sallustius: from politics to history

The article is focused on the figure of a Roman historian Sallustius. The author analyses the evolution of his career – from that of a politician to a study of history – and shows how Sallustius himself tried to explain this shift of interests. Following Plato's example Sallustius developed the idea of moral corruption reigning in political sphere. At the same time he qualified the old Roman ideal of a citizen leading an active civil life as he demonstrated moral dignity and usefulness of a historian's work for the state.

A.A. Oleynikov. The experience of Time and the subject of narration: the problem of their correlation in phenomenological and in the "new" philosophy of history

What are particular features of history as a specific reality? Are we able to experience historical events in the present, or only to tell about them in the retrospective? Is there any correlation between the time of event and the time of narrative episodes? These, and other questions put in 1960-70s by the "new philosophy of history" are dealt with in the article. The author emphasized the variant of their interpretation, which is presented in the book by Paul Ricoeur "*Time and Narration*". Its first volume was published recently in Russian, and it made the article even more actual.

A.I. Makarov. Tradition against history in the philosophy of the modern European traditionalism

The tragedy of the II World War showed the dangerous potential of 'progressive' schemes of historical process. After the War European intellectuals rejected teleological idea of historical process inherent to historicism of German classical philosophy. Traditionalist attempted to find a way to eliminate disharmony in the world, and they thought this way to be a religion viewed a foundation for values of an individual existence and the activity of the mankind as a total. The author deals with the traditionalist mythology, its stylistics and genres, and analyses reasons for its' appeal to masses.

F.N. Petrov. The essence and meaning of eschatology

The main question of eschatology is the problem of the end of the world. The sense of approaching world's end is potentially inherent in all human beings. In this feeling two existential human senses are interwoven – a hope of a rational and full life and fear of death and absurdity of being. Fear as a reflection of one's diffidence leads to an eschatology of vengeance. Only human creativity can be set off against fear. Human creative power is a base for hope, which constrict a positive eschatology, that could prevail over the absurdity of human being.

V.V.Petroff. Origen's Eschatology and the Knowledge of Its Principles in the 4th – 9th Centuries' Latin West

The article deals with Origen's theories of the rational soul and its body, especially with those influenced by ancient pagan philosophy. The brief survey of various aspects of Origen's eschatological teaching is given: the corporeity caused by the transgression, the soul's clothing by different bodies depending on its current environment, the tunics of skin, the properties of spiritual bodies, the inner and the external man, the abode of the saints in the ethereal realm on the firmament, souls' purgation and trial by fire at the Judgment Day, the physics of the world conflagration, Origen's elaboration of the concept of the Hades, the resurrection of human bodies. It is shown that the basic principles of Origen's doctrine were known in the Early Middle Ages, especially in the Carolingian period. Intellectuals in the circle of John Scottus Eriugena had access to the main works of Origen in Latin translations and some of them were influenced by his teaching.

V.P.Ljubin. "But the idea does not die..."

The History of Italian socialist and labor movement is a major component of the country's development as well as one of the most important themes in national and European and American scholarship. Its' interpretations still provoke sharp discussions. The article demonstrates main approaches to the problem and their evolution; it shows the contemporary research on the phenomenon of "Italian socialism" and analyses the work by a number of scholars and politicians from A.Angiolini, R.Michels, L.Vagliani to G.Galli, M. Degli Innocenti, S. Di Scala.

V.I.Mikhailenko. Totalitarianism: heuristic potential of a notion

The notion of totalitarianism was used for the first time more than 80 years ago, and its heuristic potential was repeatedly questioned. The article gives a brief history of the notion and its scholarly interpretations. In the author's opinion, the power of a totalitarian regime is based on its' appeal to masses, using collectivist archetypes of mass conscience, involving masses into politics and on achieving consensus between regime and masses. The author includes "totalitarian democracy" into the scope of totalitarian regimes. Juxtaposing "ideal types" of liberal and totalitarian democracies the author argues that it is spontaneous, heuristic search for compromise between freedom and necessity that imparts vitality to the former. Necessity seems to be a social framework, which prevent a society and an individual from making catastrophic decisions. On the contrary, world's experience has not produced any example of a vital totalitarian model. The article also analyses contemporary discussions on the nature of totalitarian societies and regimes.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

Л.П.Репина

Современная историческая культура
и интеллектуальная история.....5

Прошлое и его репрезентации

С.А.Экштут

«И в этой минуте должно быть все...».....11

История и память

М.М.Горелов

Датское и Нормандское завоевания Англии в восприятии
средневековых авторов XI-XII веков.....25

Из истории исторической науки

Г.П.Мягков (Казань)

«Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»?
Историки России в спорах о Л.Ранке.....40

А.Л.Ястребицкая

Лев Платонович Карсавин:
Творчество историка и историографический процесс.....80

Из истории образования в России

И.П.Кулакова

Игровые формы и университетское образование
в России второй половины XVIII века.....118

А.В.Антощенко (Петрозаводск)

«Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту
и среднее образование в России (комиссия 1900 г.).....135

Интеллектуальная культура античности и средних веков

М.А.Солопова

Из истории термина κοῦφα κρέα, или какое мясо полезнее человеку?.....155

М.С.Петрова

I. Макробий Амвросий Феодосий: просопографический очерк.....164

II. Персонажи «Сатурналий» и Макробий Феодосий.....177

III. Баснописец Авиен и Макробий Феодосий.....185

И.Г.Коновалова

Топоним как способ освоения пространства: *Русская река* ал-Идриси.....192

Интеллектуалы во власти

П.П.Шкаренков

Римский аристократ «эпохи упадка»: Квинт Аврелий Симмах.....220

А.В.Короленков

Саллюстий: от политики к истории.....242

История и философия**А.А.Олейников**Временной опыт и повествовательный сюжет
в феноменологической и в «новой» философии истории.....248**А.И.Макаров** (Волгоград)Традиция против истории в философии
современного европейского традиционализма.....275**Эсхатология в интеллектуальной истории****Ф.Н.Петров** (Екатеринбург)

Сущность и смысл учений о грядущей гибели мира.....284

В.В.Петров

Эсхатология Оригена и знание ее основ на латинском Западе IV-IX вв.....301

Из истории идей и понятий**В.П.Любин**

«Но идея не умирает»: интерпретации истории «итальянского социализма».....328

В.И.Михайленко (Екатеринбург)

Тоталитаризм: эвристический потенциал научного понятия.....345

Читая книги...**Г.И.Зверева, Л.П.Репина**Научные школы в историческом контексте:
новая книга о «русской исторической школе».....364**О.Ф.Кудрявцев**Ренессансная Флоренция в непривычном аспекте:
преступление и наказание Антонио Ринальдеки.....371**М.П.Зезина**Интеллектуальное пространство России:
Провинция и Центр (обзор материалов конференции).....379

SUMMARY.....389

CONTENTS

Instead of Preface

- L.P.Repina
Contemporary historical scholarship and intellectual history.....5

The Representation of the Past

- S.A.Ekshut
"And everything must be in this minute...".....11

History and Memory

- M.M. Gorelov
Danish and Norman conquests of England in the thought
of medieval historians.....25

History of Historical Science

- G.P.Mjagkov
"Nestor of German historiography" or the "valet of history?"
Russian historians' debates on L.Ranke.....40

- A.L.Jastrebitskaja
L.P.Karsavin: a work of a historian and historiographical process80

History of Education in Russia

- I.P.Kulakova
'Game forms' and the system of university education in Russia
in the second half of the 18th century.....118

- A.V.Antoshchenko
"Classics" or "Realists"? Appellations to European experience
and Russian secondary education (the Commission of 1900).....135

Intellectual Culture of Antiquity and the Middle Ages

- M.A.Solopova
From the history of the term κοῦφα κρέα,
or What meat is good for man according to Aristotle?.....155

- M.S.Petroff
Macrobius Theodosius: prosopographical essay.....164

- I.G.Konovalova
Toponym as a mode of mastering the space (*River ar-Rus* of al-Idrisi).....192

Intellectuals in Power

- P.P.Shkarenkov
Quintus Aurelius Symmachus: a Roman noble
of the "age of decline".....220

- A.V.Korolenkov
Sallustius: from politics to history.....242

History and Philosophy**A.A.Oleynikov**

The experience of time and the subject of narration:
the problem of their correlation in phenomenological
and in the "new" philosophy of history/.....248

A.I.Makarov

Tradition against history in the philosophy
of the modern European traditionalism275

Eschatology in the Intellectual History**F.N.Petrov**

The essence and meaning of eschatology284

V.V.Petroff

Origen's eschatology and the knowledge of its principles
in the 4th – 9th centuries Latin West301

History of Ideas and Concepts**V.P.Ljubin**

"But the idea does not die..."328

V.I.Mikhailenko

Totalitarianism: heuristic potential of a notion.....345

Reading Room...**G.I.Zvereva, L.P.Repina**

Scientific schools in historical context:
a new book on the "Russian historical school".....364

O.F.Kudryavtsev

Renaissance Florence in an unusual aspects:
Crime and punishment of Antonio Rinaldeschi.....371

M.P.Zezina

Russian intellectual space: Province and the Center
(the conference materials review).....379

SUMMARY.....389

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

Вып. 6

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11.
Лицензия ИД № 03216 от 10.11.2000 г. Гигиенический сертификат на выпуск
книжной продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г.
Подписано к печати 30.05.2001 г. Формат 60×84/16. Печ. л. 25.

Отпечатано в множительной лаборатории Кольчугинского завода
технических изделий. 601750, Владимирская обл., г. Кольчугино, ул. Добровольского, 2.

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Культурные связи России и Польши XI–XX вв. Ред. *Шавелева Н. И.*

Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста.

Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности.

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов. Ред. *Сенчакова Л. Т.*

Балуев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа».

Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII в. Вып. 1.

Цимбаева Е. Н. Русский католицизм.

Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?

Декреты Советской власти. Т. XV. Ред. *Ахапкин Ю. А. и др.*

Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII в.,

Мурашева В. В. Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.).

Кириллов В. В. Архитектура Москвы на путях европеизации.

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1.

Ред. *Гришина Р. П.*

Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. I, II.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век. Ред. *Шмидт О. С.*

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.

Тимошина Л. А. Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1.

Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929. Ред. *Кирьянов Ю. И.*

Реввоенсовет Республики. 1920–1923. Ред. *Михалева В. М. и др.*

Юртаева Е. А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.).

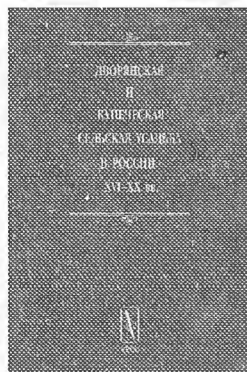
По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-44-23, тел. 135-42-46
или электронной почтой urss@urss.ru
Полный каталог изданий представлен
в Интернет-магазине: <http://urss.ru>

Издательство УРСС

Научная и учебная
литература

Представляет Вам свои лучшие книги:

Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. Исторические очерки.

Ред. *Иванова Л. В.*

В книге показана история сельской дворянской усадьбы, начиная с ее возникновения на рубеже XV–XVI вв. и до ее гибели в 1917–1918 гг. Исследована также купеческая усадьба, появившаяся после 1861 г. Выявлены судьбы усадеб в период Советской власти. Обрисована деятельность общественных и научных организаций по изучению и сохранению памятников усадебной культуры.

Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.

«Искусство в резервации» — лишь часть подготовленной В. С. Маниным к изданию и запрещенной в 1960-х годах цензурой книги о политической истории советского искусства. Данное издание ограничено темой политики советской власти в области изобразительного искусства, основными проблемами художественной жизни, формированием метода социалистического реализма, «перековкой» сознания трудящихся и т. п. в течение 1917–1941 годов. На протяжении 30-летнего «курортного» отдыха книги на полке в нее вносились некоторые дополнения. В данное издание не вошли разделы о художественных объединениях 1917–1932 годов, а также программные художественные концепции, в обилии плодившиеся в это же время.

Хорошкевич А. Л.

Русь и Крым: От союза к противостоянию.

Конец XV — начало XVI вв.

Книга посвящена истории отношений Московского княжества и княжества всея Руси с Крымским ханством в конце XV — начале XVI вв. в политической, экономической, демографической и других сферах. В конце XV в. эти отношения характеризовались совместной борьбой с общим противником — Большой Ордой, а позднее определялись противостоянием княжества всея Руси и Великого княжества Литовского. На протяжении всего изучаемого периода русские дипломаты упорно добивались ликвидации пережитков зависимости от Орды.

Впервые после работ В. Е. Сырочковского, К. В. Базилиевича и А. А. Зимина предпринята попытка обобщения мировой историографии проблемы и создания типологии международных отношений средневековой Руси.

Книга иллюстрирована миниатюрами Лицевого летописного свода XVI в. Она представляет интерес для специалистов — историков, политологов, демографов, а также для широкого круга читателей.

**Издательство
УРСС**

**(095) 135-42-46,
(095) 135-44-23,
urss@urss.ru**

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457)
- «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 203-8242)
- «Мосива» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7355)
- «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (095) 238-5083, 238-1144)
- «Дом деловой книги» (м. Пролетарская, ул. Марксистская, 9. Тел. (095) 270-5421)
- «Ад маргинем» (м. Павелецкая, 1 Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (095) 951-9360)
- «Гнозис» (м. Университет, 1 г-м. Норлус МГУ, комн. 141. Тел. (095) 939-47-13)
- «У Кентавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (095) 973-4301)
- «С.-Пб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)